

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XIV, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
2018

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XIV, часть 2

Главный редактор Е. В. Головкин

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН
2018

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.
Т. XIV. Ч. 2. I. Материалы Тринадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2016 г.) / Ред. С. А. Оскольская, А. П. Выдрин, Н. М. Заика, Д. Ф. Мищенко; II. Varia.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 811 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko. Volume XIV. Part 2. I. Proceedings of the Thirteen Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (2016) // Eds. S. A. Oskolskaya, A. P. Vydrin, N. M. Zaika, D. F. Mishchenko; II. Varia. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. — 811 p.

Редакторы раздела I: С. А. Оскольская,
А. П. Выдрин, Н. М. Заика, Д. Ф. Мищенко

Ответственный за выпуск от редколлегии Г. А. Мольков.

Материалы выпуска доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737

DOI 10.30842/alp23065737142

© Коллектив авторов, 2018

© ИЛИ РАН, 2018

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН),
д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет);
д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург);
д. филол. н. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный
университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин
(Европейский Университет в Санкт-Петербурге);
д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль
(Чикагский университет); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН);
PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН); д. филол. н. В. Б. Касевич
(Санкт-Петербургский государственный университет);
к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН);
член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой
литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая
школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН);
к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН);
член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения
РАН, Москва); член-корр. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт
русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург);
д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва);
д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков
и цивилизаций, Париж); PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата
Калифорния в Фресно); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН);
к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев,
зам. главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татовосов
(Московский государственный университет, Москва); к. филол. н.
А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. Д. А. Функ
(Московский государственный университет, Москва);
д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер,
секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен
(Хельсинкский университет)

EDITORIAL BOARD:

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasilii M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences)

I. Материалы
Тринадцатой конференции
по типологии и грамматике
для молодых исследователей
(2016 г.)

П. М. Аркадьев

ИСл РАН — РГГУ, Москва

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
АКЦИОНАЛЬНОСТИ, АСПЕКТА И ВРЕМЕНИ
В УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ КУБАНСКОГО
ДИАЛЕКТА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА**

1. Введение: время, аспект и контрфактивность¹

Настоящая работа посвящена изучению взаимодействия акциональности предиката, аспектуальной интерпретации и временной референции при выражении контрфактивного значения в протазисе условных конструкций на материале кубанского диалекта кабардино-черкесского языка, собранном в 2016 г. в ходе летней экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в ауле Блечепсин Кошехабльского района Республики Адыгея. Актуальность рассмотрения данной, на первый взгляд, весьма частной проблематики обусловлена следующим. Во-первых, несмотря на то, что описанию условных конструкций в адыгских (черкесских) языках посвящен целый ряд работ (краткий обзор см. в разделе 2), все они по большей части игнорируют указанную проблематику, тем самым оставляя без внимания целый ряд эмпирических фактов. Во-вторых, аспект и время — как по отдельности, так и во

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы». Автор благодарит носителей кубанского диалекта кабардино-черкесского языка и участников обсуждения докладов на XIII международной конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.), на международной конференции “The Semantics of Verbal Morphology in Under-described Languages” (Гетеборгский университет, 2–3 июня 2017 г.) и на XIII международном конгрессе Chronos (Невшательский университет, 4–6 июня 2018 г.), а также А. Р. Гарейшину и П. Кодаля за советы относительно литературы и А. А. Козлова, С. А. Оскольскую и анонимного рецензента за ценные комментарии к первому варианту текста. Никто из указанных лиц не несет ответственности за возможные ошибки или неверные интерпретации.

взаимодействии — весьма активно изучаются с точки зрения их роли в выражении контрфактивного условия (см., например, сборник [Храковский (ред.) 1998], недавнюю работу [Томмола 2016] и более подробно ниже), и, как я постараюсь показать, данные кабардино-черкесского языка представляют определенный интерес для типологических и теоретических исследований в этом направлении.

Как известно, во многих языках мира показатели прошедшего времени используются в условных конструкциях для выражения контрфактивности, т. е. гипотезы о положении дел, которое заведомо не может иметь места, см., например, [Steele 1975; James 1982; Dahl 1997; Iatridou 2000; Karawani 2014; Hetterle 2015: 78–79]. Так, в английском языке в протазисе контрфактивных условных конструкций с референцией к настоящему используется прошедшее время, ср. (1a), а при референции к прошлому — плюсквамперфект, ср. (1б).

АНГЛИЙСКИЙ

(1a) *If I knew the truth, I would tell you.*

‘Если бы я знал(а) правду, я бы тебе сказал(а).’

(1б) *If I had known what I know now, I wouldn't have appointed him.*

‘Если бы я (тогда) знал(а) то, что я знаю теперь, я бы не назначил(а) его.’ [Declerck, Reed 2001: 183]

Аналогичным образом, в лезгинском языке для выражения контрфактивности используется показатель прошедшего времени, присоединяющийся в протазисе к форме аориста, а в аподозисе — к форме будущего времени, ср. (2).

ЛЕЗГИНСКИЙ

(2) *Eger am naq' ata-na-j-t'a,*

если она.ABS вчера придти-AOR-PST-COND

za am vokzal.d-a

я.ERG она.ABS вокзал-INNESS

gürüşmiš iji-da-j.

встреча делать-FUT-PST

‘Если бы она приехала вчера, я бы встретил ее на вокзале.’

[Haspelmath 1993: 396]

Участие в выражении контрфактивности особенно характерно для форм плюсквамперфекта, т. е. форм, специализированных для выражения ситуаций в прошлом, тем или иным образом неактуальных для настоящего; о таких формах см. в первую очередь [Plungian, van der Auwera 2006] и [Сичинава 2013]; специально о связи плюсквамперфекта и контрфактивности см. [Dahl 1997; Плунгян 2004]. Так, в английском языке плюсквамперфект используется при выражении контрфактивности не только в прошедшем времени, как в (1б), но и в настоящем (3а) и даже будущем (3б), см. обсуждение в [Declerck, Reed 2001: 177–182; Ippolito 2003, 2013], и аналогично в лезгинском языке формы, использующиеся для выражения контрфактивности в прошедшем времени, как в примере (2) выше, могут употребляться и при референции к будущему, ср. (4).

АНГЛИЙСКИЙ

(3а) *If I **hadn't been** in the country now, I **wouldn't have been able** to attend your wedding.*

‘Не будь я сейчас в деревне, я бы не смог посетить вашу свадьбу.’
[Declerck, Reed 2001: 178]

(3б) *If you **had come** tomorrow, you **wouldn't have found** me at home.*

‘Если бы вы пришли завтра, вы не застали бы меня дома.’
[ibid.: 180]

ЛЕЗГИНСКИЙ

(4) *Eger am paka ata-na-j-t'a,*

если она.ABS завтра придти-AOR-PST-COND

za am vokzal.d-a

я.ERG она.ABS вокзал-INESS

gürüşmiš iji-da-j.

встреча делать-FUT-PST

‘Если бы она приехала завтра, я бы встретил ее на вокзале.’

[Haspelmath 1993: 395]

Эти данные свидетельствуют, среди прочего, о необходимости разграничивать параметры временной референции (прошедшее vs. настоящее vs. будущее) и эпистемичности (реальное vs. гипотетическое vs. контрфактическое условие) при анализе условных конструкций, см. в частности [Храковский 1998: 25;

Declerck, Reed 2001: 99–100], а также [Arregui 2007; Ippolito 2003, 2013] и [Patard 2014] о контрфактивности применительно к будущему².

В литературе предлагались различные объяснения использованию форм прошедшего времени и плюсквамперфекта в контрфактивных условных конструкциях, см. [Fleischman 1989; Dahl 1997; Плунгян 2004; Arregui 2005; Patard 2014]. В рамках формально-семантического направления особенно популярной оказалась идея С. Иатриду [Iatridou 2000] о том, что показатели прошедшего времени в модальных, в частности, условных контекстах являются «мнимыми» (fake, [Iatridou 2000: 235]) и вместо темпорального значения выражают квантификацию возможных миров, а именно, исключают из рассмотрения реальный мир говорящего аналогично тому, как их временное употребление исключает из рассмотрения момент речи, см. развитие этой идеи в работах [Anand, Hacquard 2010; Karawani, Zeijlstra 2013; Bjorkman, Halpert 2013; Ferreira 2014, 2016] и альтернативные подходы в работах [Arregui 2005, 2009; Ippolito 2003, 2004, 2013; Patard 2014]. Во многих из указанных работ внимание уделялось формам не только прошедшего времени, но и имперфективного аспекта, что объясняется использованием именно имперфективных форм прошедшего времени в условных (гипотетических и контрфактивных) конструкциях романских и новогреческого

² Вопреки излишне категоричным утверждениям в работах [Ziegeler 1994: 31] и [Iatridou 2000: 231] о логической невозможности контрфактивности в будущем. Действительно, несмотря на то, что с логико-философской точки зрения суждения о будущем не допускают той же степени уверенности, что и суждения о прошлом, говорящие тем не менее могут использовать для таких суждений языковые средства, указывающие в том числе на высокую степень уверенности. Так, в английском примере (36) говорящий основывает свое суждение на своих собственных планах, а также на том, что его собеседник уже пришел и, тем самым, его приход на следующий день с той же целью исключается. Ниже при обсуждении примеров с референцией к будущему я также буду использовать контексты, в которых говорящий имеет все основания считать наступление ситуации, обозначенной контрфактивным протазисом, невозможным (в том числе на чисто логических основаниях, как в случае с высказываниями типа *Если бы завтра была суббота*, произносимыми не в пятницу).

языков³, ср. нижеследующие примеры из французского языка (см. [Корди 1998]).

ФРАНЦУЗСКИЙ

(5a) ... *si tu mourais, je ne voudrais pas te survivre.* (Maurois)

‘... если бы ты умер, я бы не хотела пережить тебя.’

[Корди 1998: 292]

(5б) *Si nous avions acheté des valeurs américaines, nous aurions dû payer l'impôt sur le revenu américain...* (Maurois)

‘Если бы мы купили американские ценные бумаги, нам пришлось бы платить американский налог на прибыль...’

[там же: 290]

Особенно показателен здесь пример (5a), где форма имперфекта в протазисе не выражает ни прошедшего времени, ни имперфективного аспекта, имея референцию к единичному законченному событию в гипотетическом будущем. Следует обратить внимание на то, что используемые в аподозисе формы условного наклонения (*conditionnel*) морфологически являются формами имперфекта от основы будущего времени, и на то, что плюсквамперфект индикатива, употребляющийся в контрфактивном протазисе с референцией к прошлому в (5б), образуется с помощью имперфекта вспомогательного глагола. В дальнейшем мы увидим, что в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка контрфактивные условные конструкции состоят из тех же самых морфологических «ингредиентов», что и романские, однако демонстрируют ряд существенных отличий в интерпретации.

В настоящей работе я не следую никакому из предложенных в литературе формальных или неформальных подходов к контрфактивности и роли в морфологическом оформлении и интерпретации условных конструкций показателей времени и

³ На этом основании С. Иатриду [Iatridou 2000: 262] выдвинула обобщение об обязательности имперфективного аспекта в контрфактивных конструкциях с показателями прошедшего времени; данное обобщение, однако, не подтверждается эмпирически, см. [Halpert, Karawani 2012; Bjorkman, Halpert 2013; Аркадьев 2014] о языках, где в контрфактивных конструкциях выступают показатели перфективного прошедшего времени. Строго говоря, таким языком является и английский.

аспекта. Моя задача в первую очередь описательная и состоит в том, чтобы показать, как различные комбинации значений акциональности, аспекта и темпоральной референции выражаются в контрфактивных условных конструкциях кубанского диалекта кабардино-черкесского языка, и выявить свойственные этому языку закономерности взаимодействия видовременных форм с контрфактивностью. Особое внимание будет уделено непредельным предикатам и имперфективным контекстам, получившим недостаточное освещение в литературе по контрфактивности. При этом я в основном следую подходу «от значения к форме», в отличие от авторов большей части упомянутых выше работ, которых, как кажется, больше интересует вопрос о функциях тех или иных конкретных показателей в условных конструкциях.

Материалом исследования послужили переводы составленной автором анкеты, включающей предложения с предикатами различных акциональных типов (состояния, непредельные процессы и предельные события) в сочетании с аспектуальными граммемами перфектива и имперфектива (последний как в прогрессивном, так и в хабитуальном значении) и временной локализацией в прошлом, настоящем и будущем. Все предложения анкеты устроены таким образом, чтобы аспектуальная и темпоральная интерпретация задавалась однозначно, для чего во многих случаях потребовалось вводить в них те или иные обстоятельства. Было опрошено в общей сложности семь носителей кубанского диалекта — женщин в возрасте от 28 до 50 лет, большей частью учителей местной школы. Все предложения анкеты сначала демонстрировались информантам на русском языке с эксплицитным контекстом («сценарием», см. [Matthewson 2004]); полученные от носителей переводы на кубанский диалект затем модифицировались путем подстановки других видовременных форм, и грамматичность и интерпретация полученных предложений снова проверялась с информантами. Эта процедура позволила обнаружить как ряд семантических контрастов, подчас настолько тонких, что не все носители их четко чувствовали, так и значительную вариативность. Все примеры, приведенные ниже, были проверены как минимум с двумя информантами; цель проверить все примеры со всеми семью опрошенными носителями была невыполнима из-за временных ограничений и не ставилась.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 я остановлюсь на релевантных аспектах грамматики адыгских языков и состоянии изучения в них условных конструкций. Разделы 3 и 4 посвящены изложению результатов моего собственного исследования контрафактивности в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка, а раздел 5 подводит итоги работы.

2. Необходимые сведения об адыгских языках

Адыгские языки представляют собою ветвь западно-кавказской (абхазо-адыгской) языковой семьи и традиционно рассматриваются как включающие два языка — адыгейский и кабардино-черкесский, каждый из которых, фактически, представляет собою конгломерат диалектов разной степени близости (подробнее о диалектах кабардино-черкесского языка см., например, [Кумахов (ред.) 1969]). Исследуемый в данной работе кубанский диалект кабардино-черкесского языка вместе с ближайшим к нему бесленевским диалектом является наиболее западной разновидностью кабардино-черкесского языка, во многих отношениях отличной от литературного варианта, и распространен в ряде аулов на территории Республики Адыгея и Краснодарского края, заселенных переселенцами из более восточных областей в 1860-е годы. Общие сведения об этом диалекте см. в статье [Кумахов 1969].

Наиболее важные типологические черты адыгских языков (общие для адыгейского и кабардино-черкесского, см. в первую очередь [Кумахов, Вамлинг 2006; Kumakhov, Vamling 2009], а также [Аркадьев и др. 2009]) таковы:

а) Левоветвящийся порядок слов в предложении и в основных составляющих.

б) Слабое противопоставление основных частей речи, проявляющееся, в частности, в практически свободном присоединении как именной, так и глагольной морфологии ко всем знаменательным основам, см. об этом, например, [Lander, Testelet 2006; Аркадьев и др. 2009: 30–40].

в) Полисинтетизм, проявляющийся в первую очередь в последовательном выражении в составе глагольной словоформы всех ее актантов, включая, помимо ядерных участников, также

все непрямые объекты, в том числе вводимые многочисленными аппликативными деривациями (бенефактив, малефактив, локативные провербы и т. п.), см., например, [Smeets 1992], а также в наличии большого числа в основном продуктивных морфологических показателей, выражающих разнообразные пространственные, аспектуальные, временные, модальные и оценочные значения, см. [Аркадьев и др. 2009: 40–49; Korotkova, Lander 2010; Lander, Letuchiy 2010; Arkadiev, Letuchiy 2011; Lander, Testelets 2017]. Пример (6) иллюстрирует гипертрофированно сложную, однако допустимую глагольную словоформу кубанского диалекта⁴.

- (6) *wə-qə-s-č'er-jə-r-a-ke-wətapšə-č'ə-f-a-qəm*
 2SG.ABS-DIR-1SG.IO-LOC-3SG.IO-DAT-3PL.ERG-CAUS-вязать-
 -ELAT-HBL-PST-NEG
 'Они не могли заставить его отвязать тебя от меня.'

г) Эргативность как зависимостного, так и вершинного маркирования и отчасти синтаксиса (см. [Smeets 1992; Кумахов, Вамлинг 2006; Ландер 2012; Letuchiy 2012]).

д) Маркирование сентенциального подчинения с помощью нефинитных глагольных форм — номинализаций, релятивизаций и конвербов, см. [Сердобольская, Мотлохов 2009; Ландер 2012; Serdobolskaya 2016] об адыгейском языке, [Кумахов, Вамлинг 1998] о литературном кабардино-черкесском, [Ершова 2012; Клименченко 2014] о бесленеевском диалекте кабардино-черкесского, как уже было указано, ближайшем к кубанскому. В частности, для дальнейшего изложения релевантны темпоральная релятивизация с префиксом *š(ə)-*, ср. пример (7), и условный конверб с суффиксом *-me*, ср. пример (8).

- (7) *sə-qə-š-jə-lav^wə-m* *wənč'əbze-xe-r*
 1SG.ABS-DIR-TEMP-3SG.ERG-видеть-OBL ключ-PL-ABS
s-tər-jə-χə-ž'-a.
 1SG.IO-LOC-3SG.ERG-взять-RE-PST
 'Когда он меня увидел, он отнял у меня ключи.'
 [пример из текста]

⁴ В дальнейшем, если не указано иное, все примеры относятся к кубанскому диалекту кабардино-черкесского языка и получены методом элицитации.

- (8) *zderovje-r mə-terez-me*
 здоровье-ABS NEG-правильный-COND
p-x^we-hə-ne-qəm.
 2SG.IO-BEN-нести-FUT-NEG
 ‘Если здоровье не в порядке, не вынесешь (хадж).’
 [пример из текста]

Перед тем как обратиться к общим свойствам условных конструкций адыгских языков, для начала кратко остановимся на видовременной системе. Подобно другим адыгским идиомам (см. [Кумахов 1971: 210–225; Arkadiev 2017] и [Клягина 2018] об адыгских языках в целом и [Короткова 2009] о темиргоевском диалекте адыгейского, [Аркадьев 2014] о шапсугском диалекте адыгейского, [Сомин 2011] о бесленеевском диалекте кабардино-черкесского и [Клягина 2017] о кубанском диалекте), кубанский диалект обладает «двухуровневой» системой видовременных форм, состоящей из «первичных» временных показателей и «вторичных» форм, являющихся комбинациями первых. К «первичным» временным формам относятся презенс (маркируется так называемым префиксом динамичности у динамических глаголов и никак не маркируется у статических), пример (9), перфективный (по крайней мере у динамических глаголов) претерит с суффиксом *-a* ~ *-ве* (10), имперфект с суффиксом *-t(e)* (11), и футурум с суффиксом *-ne* (12).

- (9) *ž'əstəwne a šəpe-r de jən-əw*
 сейчас DEM место-ABS мы большой-ADV
d-ew-ve-ləpe.
 1PL.ERG-DYN-CAUS-ценный
 ‘Теперь мы очень ценим это место.’ [пример из текста]

- (10) *dade-r mašjəne-xe-r*
 дедушка-ABS машина-PL-ABS
š-a-še-m qe-k^w-a.
 LOC-3PL.ERG-продать-OBL DIR-идти-PST
 ‘Дедушка пошел туда, где продают машины.’
 [пример из текста]

- (11) *ɤʷənekʷ-jə nəbʒekʷ-jə ja-dje qe-mə-kʷ-əw*
сосед-ADD друг-ADD 3PL.IO-у DIR-NEG-идти-ADV
ja-zaqʷe psew-xe-t.
3PL.POSS-одинокий жить-PL-IPF
‘Ни соседи, ни друзья не навещали их, они жили одиноко.’
[пример из текста]
- (12) *we-rjə zegʷere-m qə-b-ne-sə-ne.*
ты-ADD однажды-OBL DIR-2SG.IO-LOC-достигнуть-FUT
‘Это и тебя коснется когда-нибудь.’ [пример из текста]

Из «вторичных» временных форм для настоящего обсуждения наиболее релевантны две, образующиеся с помощью показателя имперфекта *-t(e)*, выступающего в функции «ретроспективного сдвига» [Плунгян 1998]: плюсквамперфект, представляющий собою сочетание претерита и имперфекта⁵, пример (13), и ирреалис, где показатель имперфекта присоединяется к суффиксу футурума, пример (14). Последний пример заодно иллюстрирует прототипическую контрфактивную условную конструкцию с референцией к прошлому, где протазис оформляется плюсквамперфектом, а аподозис — ирреалисом.

- (13) *xʷəlxʷəv-əw nebgər-jə-txʷ*
мужчина-ADV человек-LNK-пять
də-qe-ne-ž'-a-te-rjə.
1PL.ABS-DIR-остаться-RE-PST-IPF-ADD
‘... и (к тому времени) нас осталось только пятеро’
[пример из текста]
- (14) *jəvʷe-m wə-qe-kʷ-a-te-me*
вовремя-OBL 2SG.ABS-DIR-идти-PST-IPF-COND
dirjekterə-m w-jə-šte-ne-t.
директор-OBL 2SG.ABS-3SG.ERG-взять-FUT-IPF
‘Если бы ты пришел вовремя, директор бы тебя принял.’

⁵ В работе [Клягина 2017] плюсквамперфектом называется другая форма, а обсуждаемая здесь именуется «ретроспективизированным претеритом». Несмотря на то, что такой термин более точен, по соображениям экономии места я буду пользоваться более привычным «плюсквамперфект».

В имеющихся исследованиях адыгских условных конструкций (см. [Кузнецова 2009: 297–309] и [Короткова 2009: 276–277] о темиргоевском диалекте адыгейского, [Орлицкая 2008] и [Аркадьев 2014: 55–61] о шапсугском диалекте адыгейского, [Клименченко 2014: 86–92] о бесленеевском диалекте кабардино-черкесского; предварительные данные об условных конструкциях в кубанском диалекте кабардино-черкесского представлены в работе [Зубова 2015: 10–15]) утверждается, что плюсквамперфект употребляется в контрфактивных протазисах с референцией к прошлому. Так, в работе [Аркадьев 2014] я, вслед за [Patridou 2000], предположил, что из двух экземпляров показателя претерита, составляющих плюсквамперфект в адыгейском языке (где, в отличие от кабардино-черкесского, функцию «ретроспективного сдвига» выполняет претерит, а не имперфект), ср. пример (15), первый имеет темпоральную интерпретацию, а второй отвечает за ирреальность, тем самым создавая композиционную контрфактивную структуру.

ШАПСУГСКИЙ ДИАЛЕКТ АДЫГЕЙСКОГО

- (15) *we txələ-m w-je-g'e-va-be-me*
 ты книга-OBL 2SG.ABS-DAT-читать-PST-PST-COND
egzamene p-tʰə-štə-k.
 экзамен 2SG.ERG-сдать-FUT-PST
 ‘Если бы ты прочел учебник, ты бы сдал экзамен.’

[Аркадьев 2014: 56]

Аналогичный анализ на первый взгляд⁶ кажется применимым и к кубанскому примеру (14), отличающемуся от адыгейского лишь выбором имперфекта, а не претерита, в качестве показателя «мнимого» прошедшего времени. Действительно, согласно данным близкого кубанскому бесленеевского диалекта, приведенным в работе [Клименченко 2014: 86–92], в реальных условных конструкциях все временные формы имеют свою обычную темпоральную

⁶ Ниже я постараюсь показать, что ситуация существенно сложнее, хотя собственно вопрос о том, как кубанская система выражения контрфактивности соотносится с идеей о показателях «мнимого времени» и «мнимого аспекта», я оставляю за рамками данной статьи.

интерпретацию⁷, ср. примеры (16) и (17), сохраняющуюся и в контрфактивных конструкциях, обе части которых маркируются показателем имперфекта, который присоединяется поверх «настоящих» временных суффиксов в протазисе, ср. примеры (18) и (19).

БЕСЛЕНЕЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
[Клименченко 2014: 88–89]

- (16) *pa:pa ɕ'we-r jə-vel-a-me aljə*
папа забор-ABS 3SG.ERG-красить-PST-COND Али
de-ʔapəq^w-a.
СОМ-помочь-PST
'Если папа (вчера) красил забор, Али ему помог.'
- (17) *aljə jə-urok-xe-r jə-ʂə-ž'ə-ne-me*
Али POSS-урок-PL-ABS 3SG.ERG-делать-RE-FUT-COND
j-ane kanfet qə-r-jə-tə-ne.
POSS-мать конфеты DIR-DAT-3SG.ERG-дать-FUT
'Если Али сделает уроки, мать даст ему конфет.'
- (18) *dəv^wəse zare wered*
вчера Зара песня
qə-ž'-jə-ʔ-a-te-me marine
DIR-LOC-3SG.ERG-сказать-PST-IPF-COND Марина
gitare-m q-je-we-ne-t
гитара-OBL DIR-DAT-бить-FUT-IPF
'Если бы Зара вчера спела песню, Марина сыграла бы на гитаре.'
- (19) *s-j-ane pš'edje qe-k^we-ne-te-me*
1SG.PR-POSS-мать завтра DIR-идти-FUT-IPF-COND
se sə-p-je-^weč'ə-ne-t.
я 1SG.ABS-LOC-DAT-встретить-FUT-IPF
'Если бы мама завтра приехала, я бы ее встретила.'

Неудивительно, что при референции контрфактивного протазиса к настоящему, как в (20), имперфект оказывается единственным временным показателем (здесь следует отметить, что

⁷ Стоит обратить внимание на то, что, в отличие от романских и германских языков, в адыгских языках нет запрета на употребление форм будущего времени в условном протазисе.

префикс динамичности как правило не используется в нефинитных формах) и маркирует ирреальность, а не время.

БЕСЛЕНЕЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
[собственные записи]

- (20) *pšaše-m* *pis'mo-xe-r* *jə-tx-xe-te-me*
девушка-OBL письмо-PL-ABS 3SG.ERG-писать-PL-IPF-COND
ž'ewap *qə-r-a-tə-ž'ə-ne-t*
ответ DIR-DAT-3PL.ERG-дать-RE-FUT-IPF
'Если бы девушка писала письма, ей бы отвечали.'

Тем не менее, почти все описания адыгских условных конструкций, в особенности кабардино-черкесских, не содержат информации о том, как контрфактивность взаимодействует с акциональностью и аспектом. Действительно, в большинстве представленных в упомянутых работах контрфактивных протазисов фигурируют законченные предельные ситуации, ср. (14), (15), (18) и (19). Между тем, коль скоро показателем ретроспективного сдвига и, соответственно, ирреальности в кабардино-черкесских диалектах служит имперфект, функция которого в качестве «первичного» временного маркера — выражать имперфективный видовой ракурс (дуратив или хабитуалис) в прошлом, как в примере (11), закономерны следующие вопросы:

1) Как выражается контрфактивность в собственно имперфективных (дуративных и хабитуальных) контекстах?

2) Как выражается контрфактивность при неопределенных предикатах?

3) Как взаимодействует временная референция протазиса с аспектом и акциональностью?

Ответу на эти вопросы и посвящена оставшаяся часть статьи. В разделе 3 я опишу основные средства выражения контрфактивности в прошлом — имперфект и плюсквамперфект, а в разделе 4 расширю полученную картину за счет более маргинальных форм и презентного и футурального временных планов⁸.

⁸ Такой способ изложения представляется мне оптимальным по двум причинам. Во-первых, именно в плане прошедшего наиболее отчетливо противопоставлены акциональные и аспектуальные значения,

3. Контрфактивность в прошлом

Исходя из описанной выше системы употребления видовременных форм при выражении контрфактивного условия с различной темпоральной референцией, гипотетически можно было бы ожидать, что сочетание контрфактивности с имперфективным видовым ракурсом в прошлом будет кодироваться формой с двумя показателями имперфекта, один из которых выражал бы свое видовременное значение, а другой — ирреальность, ср. адыгейскую форму с двумя суффиксами претерита в примере (15). Тем не менее, этого не происходит: «дублирование» показателя имперфекта в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка запрещено (и можно с немалой долей уверенности предположить, что так же обстоит дело и в других диалектах). Тем самым, логически возможны две стратегии выражения контрфактивности в сочетании с имперфективным аспектом в прошлом:

а) с помощью плюсквамперфекта, т. е. нейтрализация аспектуального противопоставления;

б) с помощью имперфекта, т. е. нейтрализация темпорального (и модального) противопоставления.

В кубанском диалекте представлена вторая стратегия, а именно, сохранение строгой оппозиции между перфективными контекстами, кодируемыми с помощью плюсквамперфекта (21а), и имперфективными, неизменно требующими имперфекта (21б).

(21а)	<i>də-ǰə-šə-kʷ-a-te-m</i>	<i>šambəj polə-r</i>
	1PL.ABS-DIR-TEMP-идти-PST-IPF-OBL	Шхамбий пол-ABS
	<i>jə-pxənç' -a-te-me</i>	<i>wəne-m</i>
	3PL.ERG-подметать-PST-IPF-COND	дом-OBL
	<i>də-š-jə-ve-he-ne-te-ǰəm</i>	
	1PL.ABS-LOC-3SG.ERG-CAUS-войти-FUT-IPF-NEG	
	‘Если бы, когда мы пришли, Шхамбий уже подмел пол, он бы нас не пустил в дом {чтобы мы не запачкали пол}.’	

взаимодействие которых с контрфактивностью интересует меня более всего. Во-вторых, включать в рассмотрение формы, употребляемые реже и менее систематически, как кажется, разумно после описания «ядра» системы.

- (21б) *də-ǰə-šə-k^w-a-te-m* *šhambəj* *polə-r*
 1PL.ABS-DIR-TEMP-идти-PST-IPF-OBL Шхамбий пол-ABS
jə-pχenč'-te-me *wəne-m*
 3PL.ERG-подметать-IPF-COND дом-OBL
də-š-jə-ve-he-ne-te-ǰəm
 1PL.ABS-LOC-3SG.ERG-CAUS-войти-FUT-IPF-NEG
 ‘Если бы, когда мы пришли, Шхамбий подметал пол, он бы нас не пустил в дом {чтобы мы ему не мешали}.’

Данная оппозиция четче всего проявляется с предельными глаголами, однако двое из опрошенных носителей демонстрируют аналогичное противопоставление и с непредельными динамическими предикатами, ср. (22a) vs. (22б):

- (22a) *də-šə-k^we-ž'-a-m* *d-j-ane*
 1PL.ABS-TEMP-идти-RE-PST-OBL 1PL.PR-POSS-мать
lež-a-te-me *də-dje*
 работать-PST-IPF-COND 1PL-у
ǰə-še-č'ə-fə-ne-te-ǰəm
 DIR-LOC-выйти-HBL-FUT-IPF-NEG
 ‘Если бы к тому времени, как мы вернулись домой, мама уже поработала, она бы не смогла выйти к нам {потому что устала бы}.’

- (22б) *də-šə-k^we-ž'-a-m* *d-j-ane*
 1PL.ABS-TEMP-идти-RE-PST-OBL 1PL.PR-POSS-мать
laže-te-me *də-dje*
 работать-IPF-COND 1PL-у
ǰə-še-č'ə-fə-ne-te-ǰəm
 DIR-LOC-выйти-HBL-FUT-IPF-NEG
 ‘Если бы, когда мы вернулись домой, мама работала, она бы не смогла к нам выйти {потому что была бы занята}.’

Другие же носители, которым были предъявлены примеры типа (21), в обоих случаях признают лишь имперфективную интерпретацию.

Следует отметить, что строгая аспектуальная оппозиция между плюсквамперфектом (перфектив) и имперфектом (имперфектив), наблюдаемая в контрфактивных протазисах, повторяет

аналогичную оппозицию этих форм и в других типах употреблений, см. [Клягина 2017].

Кроме того, условный протазис с формой имперфекта сам по себе не выражает однозначно ни временной референции, ни эпистемического статуса, ср. примеры (23) с реальным условием, (24) с контрфактивностью в настоящем и (25) в будущем времени.

- (23) *jə-pe-ç'e turcije-m*
 POSS-раньше-INS Турция-OBL
wə-k^we-te-me, tərkwə-bze
 2SG.ABS-идти-IPF-COND турок-язык
ʃə-z-we-mə-we-çəx^w-a-r *lew?*
 REL.RSN-RFL.IO-2SG.ERG-NEG-CAUS-знать-PST-ABS что
 'Если ты раньше ездила в Турцию, почему не выучила турецкий язык?'
- (24) *ʒ'əpstəw weš'x q'je-mə-š'x-te-me*
 сейчас дождь DIR-DAT-NEG-дождить-IPF-COND
qe-t-k^wehə-ne-t.
 DIR-1PL.ERG-обходить-FUT-IPF
 'Если бы сейчас не шел дождь, мы бы пошли гулять.'
- (25) *pšedje thamex^we-max^we-te-me de*
 завтра воскресенье-день-IPF-COND мы
də-lež'e-ne-te-qəm.
 1PL.ABS-работать-FUT-IPF-NEG
 'Если бы завтра был выходной, мы бы не работали.'

Подобная темпорально-модальная «лабильность» кубанского имперфекта во многом сходна с аналогичной полифункциональностью контрфактивных употреблений имперфекта в итальянском языке, описанных в работе [Ippolito 2004], с тем принципиальным отличием, однако, что кубанский имперфект, в отличие от итальянского, сам по себе не может употребляться с перфективным видовым ракурсом ни в прошедшем, ни в будущем времени.

При стативных предикатах аспектуальное противопоставление, наблюдающееся при предельных и отчасти непредельных динамических глаголах, нейтрализуется: в таких случаях носители допускают как имперфект, так и плюсквамперфект без видимого различия в значении, ср. (26).

- (26) *dəv^wase s-jə-q^weš'ə-r wəne-m*
 вчера 1SG.PR-POSS-брат-ABS дом-OBL
ʃe-s-te-me / ʃe-s-a-te-me
 LOC-сидеть-IPF-COND LOC-сидеть-PST-IPF-COND
qə-p-x^wə-tje-we-ne-t.
 DIR-2SG.IO-BEN-LOC-бить-FUT-IPF
 'Если бы мой брат вчера был дома, он бы тебе позвонил.'

Более того, данная нейтрализация отмечается и с неопредельными динамическими предикатами, особенно в хабитуальных контекстах, ср. (27), где плюсквамперфект допускают даже те носители, которые интерпретируют данную форму перфективно в примерах типа (22а).

- (27) *nevabe neχə-bere wə-ž'ej-a-te-me /*
 прошлый.год более-часто 2SG.ABS-спать-PST-IPF-COND
wə-ž'ej-te-me neχ-maʃere
 2SG.ABS-спать-IPF-COND более-редко
w-je-zeš'ə-ne-t.
 2SG.ABS-DAT-устать-FUT-IPF
 'Если бы ты в прошлом году больше спала, ты бы меньше уставала.'

В хабитуальных контекстах плюсквамперфект запрещен лишь с предельными глаголами, ср. контраст в примере (28):

- (28a) *nevabe wə-qə-č'erə-mə-x^w-te-me*
 прошлый.год 2SG.ABS-DIR-LOC-NEG-падать-IPF-COND
ʃkolə-m wə-qə-ʃ-a-x^wə-ne-te-qəm.
 школа-OBL 2SG.ABS-DIR-LOC-3PL.ERG-гнать-FUT-IPF-NEG
 'Если бы ты в прошлом году не опаздывал (регулярно / * опоздал один раз), тебя бы не выгнали из школы.'
- (28б) *nevabe wə-qə-č'erə-mə-x^w-a-te-me*
 прошлый.год 2SG.ABS-DIR-LOC-NEG-падать-PST-IPF-COND
ʃkolə-m wə-qə-ʃ-a-x^wə-ne-te-qəm.
 школа-OBL 2SG.ABS-DIR-LOC-3PL.ERG-гнать-FUT-IPF-NEG
 'Если бы ты в прошлом году не опоздал (один раз / * опаздывал регулярно), тебя бы не выгнали из школы.'

Выявленные закономерности выражения аспекта в кубанских контрфактивных протазисах с референцией к прошлому суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Выражение контрфактивности в прошлом в кубанском кабардинском

	имперфектив		перфектив
	дуратив	хабитуалис	
предельные	IPF		PST-IPF
процессы	IPF	IPF / PST-IPF	PST-IPF
состояния	IPF / PST-IPF		

4. Плюсquamперфект и претерит в контрфактивных протазисах

Сравнительно простая картина, описанная в предыдущем разделе, тем не менее, оказывается в значительной степени идеализированной. Последовательный опрос носителей языка по принципу «от значения к форме» показал, что во многих случаях при переводе русских стимулов с контрфактивностью на кубанский диалект используется не плюсquamперфект, а простой претерит, причем без видимой разницы в значении (ср. аналогичную вариативность в шапсугском диалекте адыгейского языка, [Аркадьев 2014: 56–57]), ср. пример (29) и пример (14) выше.

- (29) *jəv^we-m* *wə-ǰe-k^w-a-me* *dirjekterə-m*
 вовремя-OBL 2SG.ABS-DIR-идти-PST-COND директор-OBL
w-jə-šte-ne-t.
 2SG.ABS-3SG.ERG-взять-FUT-IPF
 ‘Если бы ты пришел вовремя, директор бы тебя принял.’

Претерит может выступать таким образом не только с предельными, но и со стативными (30) и непредельными динамическими предикатами в хабитуальных контекстах (31), где, как было показано выше, плюсquamперфект конкурирует с имперфектом, ср. примеры (26) и (27) выше.

- (30) *dəv^wase* *s-jə-ǰ^weš’ə-r* *wəne-m*
 вчера 1SG.PR-POSS-брат-ABS дом-OBL

- ṣe-s-a-me* *qə-p-x^wə-tje-we-ne-t.*
 LOC-сидеть-PST-COND DIR-2SG.IO-BEN-LOC-бить-FUT-IPF
 ‘Если бы брат вчера был дома, он бы тебе позвонил.’
- (31) *neḡabe* *neḡə-bere* *wə-ž’ej-a-me*
 прошлый.год более-часто 2SG.ABS-спать-PST-COND
neḡ-maṣere *w-je-zeš’ə-ne-t.*
 более-редко 2SG.ABS-DAT-устать-FUT-IPF
 ‘Если бы ты в прошлом году больше спала, ты бы меньше уставала.’

О том, что претерит является факультативным вариантом именно плюсквамперфекта, а не имперфекта, свидетельствует его строго перфективная интерпретация с предельными глаголами и недопустимость в явно имперфективных контекстах, ср. пример (32), для которого перфективная интерпретация, возникающая при употреблении претерита или плюсквамперфекта, прагматически аномальна.

- (32) *#səhatə-r* *t^wə-m* *swande sup*
 час-ABS два-OBL Суанда суп
jə-ke-v-a-me *jə-peš’ə-m*
 3SG.ERG-CAUS-кипеть-PST-COND POSS-комната-OBL
tjeljevizerə-r *xe-ke-ne-ke-ne-te-qəm.*
 телевизор-ABS LOC-CAUS-зажечься-RES-FUT-IPF-NEG
 {Суанда включает телевизор, только когда находится в своей комнате} [#] ‘Если бы в два часа Суанда (уже) сварила (* все еще варила) суп, в ее комнате не был бы включен телевизор.’

Употребления претерита в контрфактивных контекстах менее частотны, чем плюсквамперфекта, однако явно свидетельствуют об определенной избыточности последнего. Следует отметить, что так же, как и имперфект, претерит не маркирует протазис как однозначно контрфактивный, ср. пример (33) с реальным условием. Фактически, единственным несомненным показателем если не контрфактивности, то ирреальности, является комбинация футурума с имперфектом в аподозисе.

- (33) *ruslan* *qe-ḡ^w-a-me* *sebranije-r*
 Руслан DIR-идти-PST-COND собрание-ABS

je-d-ke-že-n.

DAT-2PL.ERG-CAUS-начаться-POT

‘Если Руслан пришел, давайте начнем собрание.’

С другой стороны, собранный мною материал дает возможность наблюдать распространение плюсквамперфекта (и, более ограниченно, претерита) в контрфактивные контексты с непрошедшим временем, ср. примеры (34)–(36). Стоит отметить, что в примерах (34) и (35) плюсквамперфект употреблен по отношению к дуративным ситуациям в настоящем и будущем.

- (34) *ž’astawne s-jə-q^weš’ə-r wəne-m*
сейчас 1SG.PR-POSS-брат-ABS дом-OBL
še-s-a-te-me jə-peš’ə-m
LOC-сидеть-**PST-IPF-COND** POSS-комната-OBL
šhen^wəbž’e-r ɽ^wə-x-a-we šətə-ne-t
окно-ABS LOC-открыть-RES-ADV AUX-FUT-IPF
‘Если бы брат сейчас был дома, в его комнате было бы открыто окно.’

- (35) *pš’edje vaxadnoj-a-te-me*
завтра выходной-**PST-IPF-COND**
də-leže-ne-te-qəm.
1PL.ABS-работать-FUT-IPF-NEG
‘Если бы завтра был выходной, мы бы не работали.’

- (36) *tha.wjəwepsew newbe aχš’e-r*
спасибо сегодня деньги-ABS
qə-zero-z-e-p-t-a-m-č’e awe
DIR-REL.FCT-1SG.IO-DAT-2SG.ERG-дать-PST-OBL-INS но
pšedje-jə qə-z-e-p-t-a-te-me
завтра-ADD DIR-1SG.IO-DAT-2SG.ERG-дать-**PST-IPF-COND**
dek^we-ne-t
хорошо-FUT-IPF
‘Спасибо, что отдал мне деньги сегодня, но если бы ты отдал мне их завтра, тоже было бы хорошо.’

Тем самым, можно говорить о том, что плюсквамперфект является специализированным показателем собственно контрфактивности в условных конструкциях, причем вне зависимости от

темпоральной референции, ср. упомянутое выше аналогичное развитие Past Perfect в английском языке.

С учетом материала, рассмотренного в данном разделе, употребление видовременных показателей в контрфактивных протазисах кубанского диалекта представлено в таблице 2 (таблица содержит две лакуны в будущем времени — это контексты, для которых нет достаточно надежных данных).

Таблица 2. Выражение контрфактивности в кубанском кабардинском (2-й вариант)

время	акциональность	имперфектив		перфектив
		дуратив	хабитуалис	
прошедшее	предельные	IPF		PST(-IPF)
	процессы	IPF	IPF / PST(-IPF)	PST(-IPF)
	состояния	IPF / PST(-IPF)		
настоящее		IPF / PST(-IPF)		—
будущее	предельные	?		PST-IPF / FUT-IPF
	непредельные	IPF / PST(-IPF) / FUT-IPF		?

5. Заключение

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что выражение контрфактивности в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка (и, скорее всего, *mutatis mutandis*, и в других диалектах) связано с нетривиальным взаимодействием акциональности, аспекта и времени. Суффикс имперфекта *-t(e)* служит выражению собственно контрфактивности лишь в контекстах непрошедшего времени и — в составе сложной формы плюсквамперфекта — перфективного прошедшего и хабитуалиса в прошедшем (с непредельными предикатами). В большинстве же имперфективных контекстов имперфект не выражает сам по себе ни ирреальности, ни временной референции. При этом употребление показателя имперфекта в качестве «вторичного модификатора» [Сичинава 2013: 204, 281] или ретроспективного сдвига, вызывающего контрфактивную интерпретацию протазиса, оказывается необязательным даже в контекстах перфективного прошедшего, поскольку вместо плюсквамперфекта может выступать простой претерит, который, подобно имперфекту, в условных конструкциях не связан с однозначной темпоральной и модальной интерпретацией.

В целом временная референция представляется наименее значимым параметром для кубанских ирреальных условных конструкций: все рассмотренные показатели (за исключением футурума) совместимы с любым временным планом. По отношению к плюсквамперфекту это указывает на его превращение в специализированный показатель контрфактивности. Напротив, на выбор видо-временных форм в контрфактивных протазисах накладываются важные ограничения аспектуальность (перфектив *vs.* имперфектив и в рамках последнего дуратив *vs.* хабитуалис) и акциональность.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COM — комитатив; COND — кондиционал; DAT — дативный преверб; DEM — указательное местоимение; DIR — директивный преверб; DYN — динамичность; ELAT — элатив; ERG — личный показатель ряда эргатива; FCT — фактивность; FUT — будущее время; HBL — хабилитив; INESS — инэссив; INS — инструменталис; IO — не прямой объект; IPF — имперфект; LNK — соединительный показатель; LOC — локативный преверб; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PR — посессор; PST — прошедшее время; RE — рефактив; REL — релятивизация; RES — результатив; RFL — рефлексив; RSN — причина; SG — единственное число; TEMP — темпоральный субординатор.

Литература

- Аркадьев 2014 — П. М. Аркадьев. Система форм плюсквамперфекта в шпсугском диалекте адыгейского языка // Вопросы языкознания 4, 2014. С. 46–65. [P. M. Arkad'ev. Sistema form pliuskvamperfekta v shapsugskom dialekte adygeiskogo iazyka [System of pluperfect forms in the Shapsug dialect of Adyghe] // Voprosy iazykoznanii 4, 2014. P. 46–65].
- Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120. [P. M. Arkad'ev, Yu. A. Lander, A. B. Letuchii, N. R. Sumbatova, Ia. G. Testeleets. Vvedenie. Osnovnyye svedeniia ob adygeiskom iazyke [Introduction. Basic information on Adyghe] // Ia. G. Testeleets (ed.). Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo iazyka. Moscow: RGGU, 2009. P. 17–120].

- Ершова 2012 — К. А. Ершова. Конструкции с сентенциальными актантами в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Дипломная работа, РГГУ, М., 2012. [K. A. Ershova. Konstruktsii s sententsial'nyimi aktantami v besleneevskom dialekte kabardino-cherkesskogo iazyka [Sentential complement constructions in the Besleneev dialect of Kabardian]. BA thesis, RGGU, Moscow, 2012].
- Зубова 2015 — А. П. Зубова. Модальность в кубанском диалекте кабардинского языка. Экспедиционный отчет. РГГУ, М., 2015. [A. P. Zubova. Modal'nost' v kubanskom dialekte kabardinskogo iazyka [Modality in the Kuban dialect of Kabardian]. Fieldwork report. RGGU, Moscow, 2015].
- Клименченко 2014 — Л. В. Клименченко. Обстоятельственные выражения в уляпском говоре бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка. Дипломная работа, РГГУ, М., 2014. [L. V. Klimenchenko. Obstoiatel'stvennye vyrazheniia v uliapskom govore besleneevskogo dialekta kabardino-cherkesskogo iazyka [Adverbial expressions in the Ulyap idiom of the Beslenev dialect of Kabardian]. BA thesis, RGGU, Moscow, 2014].
- Клягина 2017 — Е. С. Клягина. Зона «сверхпрошлого» в кубанском диалекте кабардино-черкесского языка // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 120–131. [E. S. Kliagina. Zona «sverkhproshlogo» v kubanskom dialekte kabardino-cherkesskogo iazyka [Discontinuous past in the Kuban dialect of Kabardian] // E. A. Liutikova, A. V. Tsimmerling (eds.). Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2017». Moscow: GIRIa im. A.S.Pushkina, 2017. P. 120–131].
- Клягина 2018 — Е. С. Клягина. Система прошедших времен в абхазо-адыгских языках. Дипломная работа, РГГУ, М., 2018. [E. S. Kliagina. Sistema proshedshikh vremen v abkhazo-adygskikh iazykakh [The system of past tenses in the West Caucasian languages]. BA thesis, RGGU, Moscow, 2018].
- Корди 1998 — Е. Е. Корди. Условные конструкции во французском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 275–296. [E. E. Kordi. Uslovnyye konstruktsii vo frantsuzskom iazyke [Conditional constructions in French] // V. S. Khrakovskii (ed.). Tipologiiia uslovnykh konstruktsii. St. Petersburg.: Nauka, 1998. P. 275–296].
- Короткова 2009 — Н. А. Короткова. Прошлое и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 262–286. [N. A. Korotkova. Proshloe i «sverkhproshloe» v adygeiskom iazyke [Past and “superpast” in Adyghe] // Ia. G. Testelets (ed.). Aspekty poli-

- sintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo iazyka. Moscow: RGGU, 2009. P. 262–286].
- Кузнецова 2009 — Ю. Л. Кузнецова. Наклонение в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 287–328. [Yu. L. Kuznetsova. Naklonenie v adygeiskom iazyke [Mood in Adyghe] // Ia. G. Testelets (ed.). Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo iazyka. Moscow: RGGU, 2009. P. 287–328].
- Кумахов 1969 — М. А. Кумахов. Кубанский диалект // М. А. Кумахов (ред.). Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Кабардино-балкарский НИИ при совете министров КБАССР, 1969. С. 190–248. [M. A. Kumakhov. Kubanskii dialekt [The Kuban dialect] // M. A. Kumakhov (ed.). Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii. Nal'chik: Kabardino-balkarskii NII pri sovete ministrov KBASSR, 1969. P. 190–248].
- Кумахов 1971 — М. А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. [M. A. Kumakhov. Slovoizmenenie adygsikikh iazykov [Inflection in Circassian languages]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Кумахов (ред.) 1969 — М. А. Кумахов (ред.). Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Кабардино-балкарский НИИ при совете министров КБАССР, 1969. [M. A. Kumakhov (ed.). Ocherki kabardino-cherkesskoi dialektologii [Sketches of Kabardian dialects]. Nal'chik: Kabardino-balkarskii NII pri sovete ministrov KBASSR, 1969].
- Кумахов, Вамлинг 1998 — М. А. Кумахов, К. Вамлинг. Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Lund: Department of Linguistics, Lund University; М.: Институт языкознания РАН, 1998. [M. A. Kumakhov, K. Vamling. Dopolnitel'nye konstruksii v kabardinskom iazyke [Complementation constructions in Kabardian]. Lund: Department of Linguistics, Lund University; М.: Institut iazykoznaniiia RAN, 1998].
- Кумахов, Вамлинг 2006 — М. А. Кумахов, К. Вамлинг. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006. [M. A. Kumakhov, K. Vamling. Ergativnost' v cherkesskikh iazykakh [Ergativity in Circassian languages]. Malmö: IMER, 2006].
- Ландер 2012 — Ю. А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Диссертация ... кандидата филологических наук, РГГУ, М., 2012. [Yu. A. Lander. Reliativizatsiia v polisinteticheskom iazyke: adygeiskie otnositel'nye konstruksii v tipologicheskoi perspective [Relativization in a polysynthetic language: Adyghe relative constructions in typological perspective]. Ph. D. thesis, RGGU, Moscow, 2012].
- Орлицкая 2008 — А. Ю. Орлицкая. Ирреальные наклонения адыгейского языка // Д. П. Бак (ред.). Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. III.

- М.: РГГУ, 2008. С. 330–346. [A. Iu. Orlitskaia. Irreal'nye nakloneniia adygeiskogo iazyka [Irrealis moods in Adyghe] // D. P. Bak (ed.). Polevye issledovaniia studentov RGGU. Ètnologiya. Fol'kloristika. Lingvistika. Religiovedenie. Vyp. III. Moscow: RGGU, 2008. P. 330–346].
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик (ред.). Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль. СПб.: «Европейский дом», 1998. С. 106–115. [V. A. Plungian. Pluskvamperfekt i pokazateli «retrospektivnogo sdviga» [Pluperfect and markers of “retrospective shift”] // V. F. Vydrin, A. A. Kibrik (eds.). Iazyk. Afrika. Ful'be: sbornik statei v chest' A. I. Koval'. St. Petersburg: «Evropeiskii dom», 1998. P. 106–115].
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273–291. [V. A. Plungian. O kontrfakticheskikh upotrebleniakh pluskvamperfekta [On the counterfactual uses of the pluperfect] // Iu. A. Lander, V. A. Plungian, A. Iu. Urmanchieva (eds.). Issledovaniia po teorii grammatiki 3: Irrealis i irreal'nost'. Moscow: Gnozis, 2004. P. 273–291].
- Сердобольская, Мотлохов 2009 — Н. В. Сердобольская, А. В. Мотлохов. Семантика конструкций с сентенциальными актантами в адыгейском языке // Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 498–558. [N. V. Serdobol'skaia, A. V. Motlokhov. Semantika konstruksii s sententsial'nymi aktantami v adygeiskom iazyke [Semantics of sentential complement constructions in Adyghe] // Ia. G. Testelets (ed.). Aspekty polisintetizma: Oчерki po grammatike adygeiskogo iazyka. Moscow: RGGU, 2009. P. 498–558].
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс, 2013. [D. V. Sichinava. Tipologiya pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt [Typology of the pluperfect. The Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013].
- Сомин 2011 — А. А. Сомин. Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 3, 2011. С. 438–443. [A. A. Somin. Sistema proshedshikh vremen v besleneevskom dialekte kabardino-cherkesskogo iazyka [System of past tenses in the Besleney dialect of Kabardian] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN VII, 3, 2011. P. 438–443].
- Томмола 2016 — Х. Томмола. Наклонение, время и вид при контрфактивности на типологическом фоне // С. Ю. Дмитренко, А. Ю. Урманчиева, М. А. Холодилова, В. С. Храковский (ред.). Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие. Материалы

докладов (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 116–120. [H. Tommola. *Naklonenie, vremia i vid pri kontrfaktichnosti na tipologicheskom fone* [Mood, tense and aspect in counterfactual contexts in typological perspective] // S. Iu. Dmitrenko, A. Iu. Urmachieva, M. A. Kholodilova, V. S. Khrakovskii (eds.). *Grammaticheskie kategorii v iazykakh mira: ierarkhiia i vzaimodeistvie. Materialy dokladov* (Sankt-Peterburg, 22–24 sentiabria 2016 g.). St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016. P. 116–120].

Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // В. С. Храковский (ред.). *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96. [V. S. Khrakovskii. *Teoreticheskii analiz uslovykh konstruksii* (semantika, ischislenie, tipologiia) [Theoretical analysis of conditional constructions (semantics, inventory, typology)] // V. S. Khrakovskii (ed.). *Tipologiia uslovykh konstruksii*. St. Petersburg: Nauka, 1998. P. 7–96].

Храковский (ред.) 1998 — В. С. Храковский (ред.). *Типология условных конструкций*. СПб.: Наука, 1998. [V. S. Khrakovskii (ed.). *Tipologiia uslovykh konstruksii* [Typology of conditional constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1998].

Anand, Hacquard 2010 — P. Anand, V. Hacquard. The role of the imperfect in Romance counterfactuals // M. Prinzhorn, V. Schmitt, S. Zobel (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung 14*. Vienna, 2010. P. 37–50. <https://www.univie.ac.at/sub14/proc/anand-hacquard.pdf>

Arkadiev 2017 — P. M. Arkadiev. When perfective and imperfective mean the same: Pluperfect and “retrospective shift” in Circassian languages // G. Authier, H. Gérardin, M. Magomedov, T. Maisak (eds.). *Historical Linguistics of the Caucasus. Book of abstracts*. Paris, 12–14 April 2017. Makhachkala: G. Tsadasa Institute for Language, Literature and Art of the Daghestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 18–23.

Arkadiev, Letuchiy 2011 — P. M. Arkadiev, A. B. Letuchiy. Prefixes and suffixes in the Adyghe polysynthetic wordform: Types of interaction // V. S. Tomelleri, M. Topadze, A. Lukianowicz (eds.). *Languages and Cultures in the Caucasus*. München, Berlin: Otto Sagner, 2011. P. 495–514.

Arregui 2005 — A. Arregui. *On the Accessibility of Possible Worlds: The Role of Tense and Aspect*. PhD Dissertation, University of Massachusetts at Amherst, 2005.

Arregui 2007 — A. Arregui. When aspect matters: The case of *would*-conditionals // *Natural Language Semantics* 15, 2007. P. 221–264.

Arregui 2009 — A. Arregui. On similarity in counterfactuals // *Linguistics and Philosophy* 32, 2009. P. 245–278.

- Bjorkman, Halpert 2013 — B. Bjorkman, C. Halpert. In search of (im)perfection: the illusion of counterfactual aspect // S. Keine, Sh. Sloggett (eds.). NELS 42: Proceedings of the 42nd Annual Meeting of the North East Linguistic Society. Amherst, MA: GLSA, 2013.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: A new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 97–114.
- Declerck, Reed 2001 — R. Declerck, S. Reed. Conditionals. A Comprehensive Empirical Analysis. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Ferreira 2014 — M. Ferreira. Displaced aspect in counterfactuals: Towards a more unified theory of imperfectivity // L. Crnić, U. Sauerland (eds.). The Art and Craft of Semantics: A Festschrift for Irene Heim, Vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 147–164.
- Ferreira 2016 — M. Ferreira. The semantic ingredients of imperfectivity in progressives, habituais and counterfactuals // Natural Language Semantics 24, 2016. P. 353–397.
- Fleischman 1989 — S. Fleischman. Temporal distance: A basic linguistic metaphor // Studies in Language 13(1), 1989. P. 1–50.
- Halpert, Karawani 2012 — Cl. Halpert, H. Karawani. Aspect in counterfactuals from A(rabic) to Z(ulu) // J. Choi et al. (eds.). Proceedings of the 29th West Coast Conference on Formal Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla, 2012. P. 99–107.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A Grammar of Lezgian. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- Hetterle 2015 — K. Hetterle. Adverbial Clauses in Cross-Linguistic Perspective. Berlin — Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
- Iatridou 2000 — S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // Linguistic Inquiry 31(2), 2000. P. 231–270.
- Ippolito 2003 — M. Ippolito. Presuppositions and implicatures in counterfactuals // Natural Language Semantics 11, 2003. P. 145–186.
- Ippolito 2004 — M. Ippolito. Imperfect modality // J. Lecarme, J. Guéron (eds.). The Syntax of Time. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 359–387.
- Ippolito 2013 — M. Ippolito. Subjunctive Conditionals. A Linguistic Analysis. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- James 1982 — D. James. Past tense and the hypothetical. A cross-linguistic study // Studies in Language 6(3), 1982. P. 375–403.
- Karawani 2014 — H. Karawani. The Real, the Fake, and the Fake Fake in Counterfactual Conditionals, Crosslinguistically. Utrecht: LOT Publications, 2014.
- Karawani, Zeijlstra 2013 — H. Karawani, H. Zeijlstra. The semantic contribution of the past tense morpheme *kaan* in Palestinian counterfactuals // Journal of Portuguese Linguistics 12(1), 2013. P. 105–119.

- Korotkova, Lander 2010 — N. A. Korotkova, Y. A. Lander. Deriving suffix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe // *Morphology* 20, 2010. P. 299–319.
- Kumakhov, Vamling 2009 — M. A. Kumakhov, K. Vamling. *Circassian Clause Structure*. Malmö: Malmö University, 2009.
- Lander, Letuchiy 2010 — Y. A. Lander, A. B. Letuchiy. Kinds of recursion in Adyghe morphology // H. van der Hulst (ed.). *Recursion and Human Language*. Berlin — New York: Mouton De Gruyter, 2010. P. 263–284.
- Lander, Testelelets 2006 — Y. A. Lander, Y. G. Testelelets. Nouniness and specificity: Circassian and Wakashan. Paper presented at the conference *Universals and Particulars in Parts-of-Speech Systems*, Amsterdam, 2006.
- Lander, Testelelets 2017 — Y. A. Lander, Y. G. Testelelets. Adyghe // M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 948–970.
- Letuchiy 2012 — A. B. Letuchiy. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations // G. Authier, K. Haude (eds.). *Ergativity, Valency and Voice*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2012. P. 323–354.
- Matthewson 2004 — L. Matthewson. On the methodology of semantic fieldwork // *International Journal of American Linguistics* 70(4), 2004. P. 369–415.
- Patard 2014 — A. Patard. When tense and aspect convey modality. Reflections on the modal uses of past tenses in Romance and Germanic languages // *Journal of Pragmatics* 71, 2014. P. 69–97.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59(4), 2006. P. 317–349.
- Serdobolskaya 2016 — N. Serdobolskaya. Semantics of complementation in Adyghe // P. Kehayov, K. Boye (eds.). *Semantic Functions of Complementizers in European languages*. Berlin — Boston: de Gruyter Mouton, 2016. P. 691–744.
- Smeets 1992 — R. Smeets. On valencies, actants and actant coding in Circassian // B. G. Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1992. P. 98–144.
- Steele 1975 — S. Steele. Past and irrealis: Just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics* 41(3), 1975. P. 200–217.
- Ziegeler 1994 — D. Ziegeler. Conditionals and counterfactuality in Singaporean English // *Journal of Intercultural Studies* 15(1), 1994. P. 29–49.

Д. А. Бикина

НИУ ВШЭ, Москва

ДВОЙНОЕ МАРКИРОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Неопределенными местоимениями называют единицы, замещающие именные группы с неопределенной референцией. Формально неопределенные местоимения, как правило, состоят из двух частей: **основы со значением онтологической категории и маркера неопределенности** [Haspelmath 1997: 22]. Так, в русском языке основа представлена вопросительным местоимением, а маркерами неопределенности будут *кое-*, *-либо*, *-то*, *-нибудь*, *бы то ни было* и так далее; в английском языке в качестве основы будут выступать существительные *thing* ‘вещь’, *body* ‘тело’, а в качестве маркеров неопределенности — местоимения *some* и *any*; в немецком языке в качестве основ неопределенных местоимений наряду с вопросительными местоимениями (*irgendwer* ‘кто-то, кто-нибудь’) возникают числительное ‘один’ (*irgendeiner* ‘который-нибудь’), а также возможны не членимые на синхронном уровне формы (*jemand* ‘кто-то’). Местоимения, образованные от разных основ при помощи одного и того же маркера неопределенности, объединяются в **серии** неопределенных местоимений. Так, в русском языке можно выделить *то*-серию, *нибудь*-серию, *кое*-серию и другие; в английском — *some*-серию и *any*-серию и так далее.

В некоторых языках возможно одновременное присоединение двух различных маркеров неопределенности к одной и той же основе со значением онтологической категории. Такие дважды маркированные серии могут сосуществовать наряду с двумя соответ-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Данные были собраны в ходе совместных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова и НИУ ВШЭ в Горномарийский район республики Марий Эл (с. Микряково) в июне-августе 2016 г., а также в январе-феврале 2017 г.

ствующими сериями с каждым из двух маркеров неопределенности: например, в лезгинском языке есть серия неопределенных местоимений, образуемая с помощью препозитивного показателя *sa*, серия неопределенных местоимений, образуемая с помощью постпозитивного показателя *ятIани*, а также дважды маркированная серия вида *sa ОСНОВА ятIани* [Haspelmath 1993: 194–197].

Настоящая статья посвящена дважды маркированным формам неопределенных местоимений в горномарийском языке. Горномарийский язык входит в финно-угорскую группу уральской семьи и распространен на юго-западе республики Марий Эл. Согласно наиболее оптимистичным оценкам, горномарийским языком владеет около 30 тысяч человек [Salminen 2015]; количество носителей, представленное в данных Всероссийской переписи населения 2010 г., меньше почти на треть (23 062 человека).

Мы рассмотрим семантику дважды маркированных форм, образованных при помощи следующих маркеров неопределенности (способных комбинироваться друг с другом): *ta-*, *gән'ät* и *ән'ät*.

Настоящая статья имеет следующую структуру. В разделе 2 дается краткий обзор системы неопределенных местоимений горномарийского языка, а также рассматривается семантика серий неопределенных местоимений с показателями *ta-*, *gән'ät* и *ән'ät*. Раздел 3 посвящен особенностям формообразования и семантики дважды маркированных неопределенных местоимений в горномарийском языке с упомянутыми выше маркерами неопределенности. В заключительном разделе будут представлены некоторые обобщения.

2. Система неопределенных местоимений горномарийского языка

2.1. Набор маркеров неопределенности в горномарийском языке

В горномарийском языке неопределенные местоимения образуются на основе вопросительных местоимений. Образование неопределенных местоимений происходит при помощи следующих маркеров неопределенности:

— *ta-* (заимствован из чувашского языка (тюркская семья, огурская группа), где, в свою очередь, развился из сочинительного союза *ta* [Bereczki 2002: 162–163, Seifart 2015: 516–517])

- (1) *ta-maxan' ärvözä tән'-әм кәчäl-ән*
 INDEF-какой мальчик ты-ACC искать-PRF
 'Какой-то мальчик тебя искал'.

— *iktä* (числительное со значением 'один')²

- (2) *iktä maxan' tägär-әм çi*
 один какой рубашка-ACC надеть[IMP]
 'Надень какую-нибудь рубашку'.

— *xot'* (заимствован из русского языка [Bereczki 2002: 163])

- (3) *mән' xot' maxan' sarapan-әм jarat-e-m*
 я хоть какой платье-ACC любить-NPST-1SG
 'Я люблю любые платья'.

— постпозитивный маркер *gән'-ät* (если-ADD), состоящий из условного союза *gән'* (который предположительно является тюркским заимствованием [Левитская 1976: 122]) и аддитивной частицы *ät* [Галкин 1964: 182]:

- (4) *maxan' gән'-ät podarka-m äštä*
 какой если-ADD подарок-ACC делать[IMP]
 'Сделай какой-нибудь подарок'.

— постпозитивный маркер *ән'ät* (частица со значением 'возможно, может быть'; является заимствованием диалектной русской частицы *анно* 'возможно', впоследствии модифицированной горномарийской аддитивной частицей *-ät*) [Bereczki 2002: 77]:

- (5) *mән' maxan' ән'ät kavštavičä xädär-vlä-m*
 я какой возможно огород вещь-PL-ACC
päčked-en kerd-e-m
 резать-CVB мочь-NPST-1SG
 'Я могу порезать какие-нибудь овощи'.

— постпозитивный маркер *šon* (конверб глагола *šoas* 'хотеть')

- (6) *tištä maxan' šo-n sarapan-әм vәžal-a-t*

² Несмотря на то, что в горномарийском также представлена «краткая» форма числительного 'один' (*ik*), «полная» форма *iktä* не является комбинацией *ik* и заимствованного показателя *ta-*; *iktä* восходит к домарийскому **ekte* [Галкин 1964: 99].

тут какой хотеть-CVB платье-ACC продавать-NPST-3PL
 ‘Здесь продают какие угодно платья’.

Набор маркеров неопределенных местоимений в горномарийском языке представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Маркеры неопределенности в горномарийском языке

Маркер	Позиция	Источник
<i>ta</i>	Перед местоименной основой	заимств. из чувашского
<i>iktä</i>		числительное ‘один’
<i>xot'</i>		заимств. из русского
<i>gän'ät</i>	После местоименной основы	<i>gän'</i> ‘если’ + аддитивная частица <i>-at</i>
<i>än'ät</i>		заимств. из диалектного русского <i>анно</i> ‘возможно’ + аддитивная частица <i>-at</i>
<i>šon</i>		конверб от глагола <i>šoaš</i> ‘хотеть’

В некоторых языках в функциях неопределенных местоимений могут выступать основы, не сопровождаемые никаким специальным маркером неопределенности (например, такое употребление местоимений возможно в русском языке — ср. *Если кто зайдет, дай мне знать*). В таком случае принято говорить о немаркированной серии неопределенных местоимений [Bhat 2000]. В горномарийском языке немаркированной серии неопределенных местоимений нет.

Помимо единожды маркированных серий неопределенных местоимений, в горномарийском языке присутствуют серии с двумя показателями неопределенности. При этом возможны следующие дважды маркированные серии:

- *ta + gän'ät'*
- *ta + än'ät*
- *iktä + gän'ät*
- *??iktä + än'ät*

Показатель *iktä* может выступать не только как маркер неопределенности, но и в функции неопределенного артикля, а также в качестве основы со значением онтологической категории ‘человек’ и как частица с аппроксимативным значением. В настоящей статье мы ограничимся анализом семантики двух серий неоп-

ределенных местоимений — серии с показателями *ta-...-gän'ät* и серии с показателями *ta-...-än'ät*.

Мы предполагаем, что семантика дважды маркированных серий композиционально складывается из семантики соответствующих серий с одним маркером неопределенности. Прежде чем перейти к анализу неопределенных местоимений с двумя показателями, рассмотрим семантику трех серий неопределенных местоимений с соответствующими показателями, которые могут комбинироваться: *ta*-местоимения, *gän'ät*-местоимения и *än'ät*-местоимения.

2.2. Семантика некоторых серий неопределенных местоимений горномарийского языка

При описании семантики серий неопределенных местоимений мы будем пользоваться семантической картой, предложенной М. Хаспельматом [Haspelmath 1997: 64]. М. Хаспельмат выделил девять семантико-синтаксических контекстов (функций), в которых могут употребляться неопределенные местоимения. Эти девять функций таковы:

— SPECIFIC KNOWN (референтность, известность говорящему):

Кое-кто пришел, угадай, кто.

— SPECIFIC UNKNOWN (референтность, неизвестность говорящему):

Кто-то звонит в дверь.

— IRREALIS NON-SPECIFIC (нереферентность в ирреальных контекстах):

Спой что-нибудь.

Я хочу что-нибудь спеть.

Петя всегда что-нибудь бормочет.

— QUESTION (нереферентность в общем вопросе):

Кто-нибудь приходил или нет?

— CONDITIONAL (нереферентность в протазисе условия):

Если кто-нибудь придет, позвони мне.

— COMPARATIVE (нереферентность в позиции стандарта сравнения):

Скорость света быстрее, чем что бы то ни было.

— INDIRECT NEGATION (непрямое отрицание):

Я не думаю, что что-либо ему помешает.

— DIRECT NEGATION (прямое отрицание):

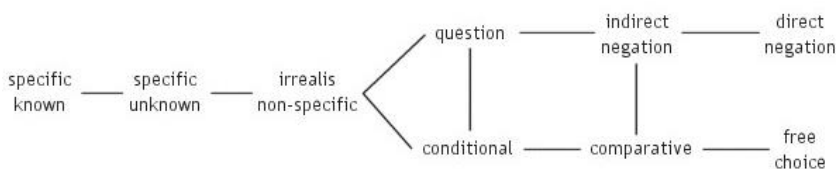
Ничего не получилось.

— FREE CHOICE (свободный выбор):

Выбери какое угодно платье.

Эти функции лежат в узлах семантической карты неопределенных местоимений (Рисунок 1).

Рисунок 1. Семантическая карта неопределенных местоимений
[Haspelmath 1997: 64]

Говоря о дистрибуции серии неопределенных местоимений, мы будем иметь в виду подмножество функций (семантико-синтаксических контекстов), перечисленных выше, в которых способны выступать местоимения данной серии. В некоторых случаях мы будем обращаться к более подробной классификации контекстов, составляющих семантическую карту М. Хаспельмата. В частности, в некоторых случаях будут релевантны различия между разными типами ирреальных контекстов (контекст будущего времени vs. модальные контексты; различные виды модальности). Также в некоторых языках при разных типах отрицания могут использоваться разные серии местоимений. Мы рассмотрим противопоставление между синтаксически автономным отрицанием (отрицание находится в главной клаузе, лицензируемое им местоимение — в зависимой) и внутрисловным отрицанием (отрицание заключено в семантике единицы, которая должна лицензировать местоимение). Наконец, для описания семантики некоторых серий нам понадобится дополнительный различительный параметр для функции IRREALIS NON-SPECIFIC — способность выступать в

контексте выбора из ограниченного множества (*Придумай какую-нибудь игру vs. Вспомни какую-нибудь из твоих любимых игр*).

Методика исследования неопределенных местоимений, предложенная М. Хаспельматом, представляется удобной для первоначального описания горномарийской системы, в которой серий неопределенных местоимений много, а семантические различия между ними крайне тонки. Добавив дополнительный параметр выбора из множества, мы сможем относительно точно описать семантику серий неопределенных местоимений в горномарийском языке. Более экономный анализ остается возможной задачей для будущих исследований.

2.2.1. *Местоимения с показателем ta-*. Показатель *ta-* был заимствован из чувашского языка [Майтинская 1964: 84], где он также способен выступать в качестве маркера неопределенности [Андреев 1957: 139–140]. В чувашском языке источником этого маркера неопределенности, в свою очередь, является аддитивная фокусная частица *ta*. Чувашские неопределенные местоимения с показателем *ta* выражают неизвестность для говорящего, выступая как в референтных, так и в нереферентных контекстах [Guryev 2011].

В горномарийском языке неопределенные местоимения с показателем *ta-* способны выступать исключительно в референтных контекстах:

- (7) *pet'a imeštä kängäž-äm ta-gäškä*
 Петя в.прошлом.году лето-ACC INDEF-куда
germani-škä kašt-än
 Германия-ILL ходить-PRF[3SG]
 'Петя в прошлом году ездил куда-то в Германию'.

- (8) *mikräk gäc ördä-škä tән' kăškä*
 Микряково из сторона-ILL ты куда
*gән'-üt / *ta-gäškä kašt-än-at ?*
 если-ADD INDEF-куда ходить-PRF-2SG
 'Ты куда-нибудь уезжал из Микряково?'

При этом значение «неизвестности для говорящего» не является обязательным: местоимения с показателем *ta-* могут употребляться также тогда, когда референт известен говорящему:

- (9) *mән' tälät ta-ma-m näl-ән-әм*
 я ты.DAT INDEF-что-ACC взять-PRF-1SG
 ‘Я тебе кое-что купила’.

Таким образом, на семантической карте неопределенных местоимений серия с показателем *ta-* покрывает две функции: SPECIFIC KNOWN и SPECIFIC UNKNOWN. В иных функциях местоимения с показателем *ta-* выступать не могут.

2.2.2. *Местоимения с показателем gән'ät.* Показатель *gән'ät* состоит из условного союза *gән'* и аддитивной частицы *ät* и может выступать в том числе в качестве уступительного союза:

- (10) *tән' tol-a-t gән',*
 ты прийти-NPST-2SG если
mән' susu li-ä-m
 я веселый стать-NPST-1SG
 ‘Если ты придешь, я обрадуюсь’.
- (11) *tән' tol-a-t gән'-ät, mән' susu*
 ты прийти-NPST-2SG если-ADD я веселый
a-m li
 NEG.NPST-1SG стать
 ‘Даже если ты придешь, я не обрадуюсь’.

Показатель *gән'* является заимствованием тюркской частицы *kәna* ‘только’ (предположительно, из татарского языка через чувашский) [Левитская 1976: 122]. В некоторых горномарийских говорах *gән'* выступает в качестве частицы с выделительно-ограничительным значением:

- (12) *tән' гән' cilä kerδ-ä-t*
 ты если все мочь-NPST-2SG
 ‘Ты-то все можешь.’ [Саваткова 2002: 269]

В идиоме, на данные которого опирается настоящее исследование, подобных функций у показателя *gән'* не выявлено.

Неопределенные местоимения с показателем *gән'ät* употребляются в контекстах снятой утвердительности (неверидиктальных контекстах, в которых пропозиция не имеет истинностной оценки, — см. [Падучева 1985: 94]). Это различные модальные контексты, общий вопрос, протагизис условия:

- (13) *kol'a šol'a-žê-lan ma-m gän'-üt*
 Коля младший.брат-POSS.3SG-DAT что-ACC если-ADD
äštä-ne-žä
 делать-DES-POSS.3SG
 'Коля хочет смастерить что-нибудь для брата'.
- (14) *kânam gän'-üt tol-êñ kerd-e-š*
 когда если-ADD прийти-CVB мочь-NPST-3SG
 'Он может когда-нибудь вернуться'.
- (15) *kü gän'-üt tol-êñ äli uke ?*
 кто если-ADD прийти-PRF[3SG] или нет
 'Кто-нибудь пришел или нет?'
- (16) *kü gän'-üt tol-e-š gän', jëngärtä*
 кто если-ADD прийти-NPST-3SG если звонить[IMP]
 'Если кто-нибудь придет, позвони'.

Местоимения, маркированные показателем *gän'üt*, также способны выступать в контексте непрямого отрицания. При этом их употребление возможно только в случае синтаксически автономного отрицания (17), но не в случае внутрисловного отрицания (18).

- (17) *män' a-m äñ'än'ä, što maša*
 я NEG.NPST-1SG думать что Маша
ma-m gän'-üt r'isuj-en pu-a
 что-ACC если-ADD рисовать-CVB давать-NPST.3[SG]
 'Я не думаю, что Маша что-либо нарисует'.
- (18) *pens'ion'er-vlä-m cilä / *maxan' gän'-üt*
 пенсионер-PL-ACC весь какой если-ADD
lgota gäc karangd-en-ët
 льгота из отодвинуть-PRF-3PL
 'Пенсионеров лишили каких-либо льгот'.

В контексте прямого отрицания (19) и в контексте свободного выбора (20) местоимения с показателем *gän'üt* не могут употребляться:

- (19) *ni-gü-ät / *kü gän'-üt ak*
 NEG.PRON-кто-ADD кто если-ADD NEG

tol-ep
 прийти-NEG.CVB
 ‘Никто не пришел’.

- (20) *xot' maxan' / *maxan' gän'-ät*
 хоть какой какой если-ADD
tet'a=ok orda-lan-a-t
 ребенок=EMPH каприз-VBZ-NPST.3-PL
 ‘Любые дети капризничают’.

2.2.3. Местоимения с показателем *än'ät*. Частица *än'ät* возводится к сочетанию русской диалектной частицы *ано* ‘все-таки, но’ с аддитивной частицей *ät* [Bereczki 2002: 77]. В горномарийском языке она имеет модальное значение возможности:

- (21) *vesirgodäm än'üt tol-än kerd-ä-m*
 послезавтра возможно прийти-CVB мочь-NPST-1SG
 ‘Послезавтра, может быть, смогу прийти’.
 [AZL_LI_20160628_students]

Кроме того, она способна выступать в качестве разделительного союза:

- (22) *tä-gü tol-än, än'üt maša,*
 INDEF-кто прийти-PRF[3SG] возможно Маша
än'üt marina
 возможно Марина
 ‘Кто-то пришел, то ли Маша, то ли Марина’.

Наконец, при помощи этого показателя может образовываться серия неопределенных местоимений. При этом дистрибуция неопределенных местоимений сложно поддается описанию при помощи семантической карты, предложенной М. Хаспельматом; вероятно, во многом это обусловлено меньшей степенью морфологизации этой серии. В частности, некоторые носители допускают препозицию данного маркера неопределенности по отношению к местоименной основе — в том числе в дважды маркированных формах (*än'üt ta-ma* (возможно INDEF-что) и т. п.). Корреляция между сложностью "укладывания" серии неопределенных местоимений на семантическую карту и степенью ее морфологизации отмечалась также для некоторых русских амальгам — конст-

рукций на основе эллипсиса косвенного вопроса (*Бог знает кто, неизвестно зачем* и т. п.) [Тестелец, Былинина 2005]. В целом, чем менее устоявшейся является та или иная серия неопределенных местоимений, тем в меньшей степени она соответствует устоявшимся моделям полисемии неопределенных местоимений, употребляясь в более разнообразном наборе контекстов.

В общем случае неопределенные местоимения с показателем *än'üt*, подобно местоимениям с показателем *gän'üt*, возникают в ряде контекстов со снятой утвердительностью, но в случае *än'üt*-местоимений также релевантен ряд дополнительных ограничений.

Прежде всего, семантика данной серии неопределенных местоимений тесно связана с исходной семантикой модальности возможности, которой обладает частица *än'üt*: при других типах модальности употребление местоимений с показателем *än'üt* затруднено. В частности, *än'üt*-местоимения не допустимы при предикатах долженствования (23) и при глаголе в форме желательного наклонения (24):

(23) *tä ma-m gän'-üt / *ma-m än'üt*
 вы что-ACC если-ADD что-ACC возможно
tumaj-en lâk-šäšlâk
 думать-CVB выводить-PTCP.DEV
 ‘Вы должны что-нибудь придумать’.

(24) *kol'a ma-m gän'-üt / *ma-m än'üt*
 Коля что-ACC если-ADD что-ACC возможно
šol'a-žê-lan pu-ne-žë
 младший.брат-POSS.3SG-DAT дать-DES-POSS.3SG
 ‘Коля хочет подарить что-нибудь брату’.

Кроме того, не все типы модальности возможности могут выражаться при помощи неопределенных местоимений с показателем *än'üt*. В частности, с их помощью возможно выразить эпистемическую модальность (25), но не внешнюю (26) или деонтическую (27):

(25) *prazn'ik-äštë maša ma-m gän'üt / ^{OK}ma-m*
 праздник-IN Маша что-ACC если-ACC что-ACC

- än'üt* *mâr-en* *pu-a*
 возможно петь-CVB дать-NPST[3SG]
 'На празднике Маша может что-нибудь спеть'.
- (26) *t'et'a* *ma-m* *gän'-üt* / ^{??}*ma-m* *än'üt*
 ребенок что-ACC если-ADD что-ACC возможно
kenvact-ân *kerd-e-š*
 ронять-CVB мочь-NPST-3SG
 'Ребенок может что-нибудь уронить'.
- (27) *tä* *män'* *dok-em* *kânam* *gän'-üt* / **kânam*
 вы я у-POSS.1SG когда если-ADD когда
än'üt *irok* *tol-ân* *kerd-â-dä*
 возможно утром прийти-CVB мочь-NPST-2PL
 'Вы можете прийти ко мне когда-нибудь утром'.

Невозможны местоимения с показателем *än'üt* и в контексте императива (28) или хабитуалиса (29):

- (28) *ma-m* *gän'-üt* / **ma-m* *än'üt* *ârgâ*
 что-ACC если-ADD что-ACC возможно шить[IMP]
 'Сшей что-нибудь'.
- (29) *ajo* *godâm* *kânam-âžâ* *mä* *maxan'*
 праздник при когда-POSS.3SG мы какой
gän'-üt / **maxan'* *än'üt* *mârâ-vlä-m*
 если-ADD какой возможно песня-PL-ACC
mâr-e-nä
 петь-NPST-1PL
 'Обычно на празднике мы поем какие-нибудь песни'.

Таким образом, среди контекстов, относящихся к функции IRREALIS NON-SPECIFIC на карте М. Хаспельмата, серию неопределенных местоимений с показателем *än'üt* допускают только контекст эпистемической модальности (см. выше пример 25) и контекст будущего времени (30):

- (30) *män'* *šač-mâ* *keč-eš* *kü-m* *än'üt*
 я родиться-NMZ день-LAT кто-ACC возможно
sâgäräl-ä-m
 звать-NPST-1SG
 'Я на день рождения кого-нибудь позову'.

В других типах нереферентных контекстов местоимения с показателем *än'ät* употребляются более свободно. В частности, они возможны в контексте общего вопроса (31), протазиса условия (32):

(31) *kü än'ät tol-ân äli uke ?*
кто возможно прийти-PRF[3SG] или нет
'Кто-нибудь приходил или нет?'

(32) *ma-m än'ät ti lem-eš pištä-mä-kä,*
что-ACC возможно этот суп-LAT класть-NMZ-ILL
totlâ-rak li-eš
вкусный-CMPR статья-NPST.3SG
'Если что-нибудь добавить в этот суп, станет вкуснее'.

При непрямом отрицании неопределенные местоимения с показателем *än'ät*, в отличие от местоимений с показателем *gän'ät*, употребляться не могут:

(33) *altal-â-t marja-n maxan' gän'-ät /*
обманывать-NPST-3PL М.-GEN какой если-ADD
**maxan' än'ät peledäš-ân*
какой возможно цветок-GEN
šändä-mä-žä gišän
ставить-NMZ-POSS.3SG про
'Неправду говорят, будто Марья выращивает какие-то цветы'.

При прямом отрицании употребление местоимения с показателем *än'ät* также невозможно:

(34) *ni-gü-ät / *kü än'ät*
NEG.PRON-кто-ADD кто возможно
ak tol-ep
NEG прийти-NEG.CVB
'Никто не пришел'.

Еще одно ограничение на употребление местоимений с показателем *än'ät* связано с их неспособностью выступать в контексте выбора из ограниченного множества — ср. следующие примеры:

(35) *män' ma-m än'ät näl-ä-m*
я что-ACC возможно взять-NPST-1SG
'Я что-нибудь куплю'.

- (36) *tädä äške jarat-âmê mârê-žê logäc*
 тот REFL любить-NMZ песня-POSS.3SG из
*maxan'-âm gän'ät / *maxan'-âm än'ät*
 какой-ACC если-ADD какой-ACC возможно
mâr-alt-en pu-a
 петь-DETR-CVB дать-NPST[3SG]
 ‘Он поет какую-нибудь из своих любимых песен’.

Это ограничение релевантно для всех типов контекстов, в которых возможно употребление *än'ät*-местоимений.

Перечисленными выше контекстами возможности употребления местоимений с показателем *än'ät* исчерпываются: во всех остальных функциях (непрямое и прямое отрицание, стандарт сравнения, свободный выбор) эта серия местоимений не допустима — как при наличии семантики выбора из множества, так и без нее.

3. Неопределенные местоимения с двумя показателями неопределенности

3.1. Неопределенные местоимения с показателями *ta-* и *gän'ät*

Местоимения с двумя показателями *ta-* и *gän'ät* способны выступать в референтных контекстах со значением неизвестности для говорящего. Это отличает их в том числе от местоимений с одним показателем *gän'ät*, употребление которых в референтных контекстах невозможно:

- (37) *tä-gü / tä-gü gän'-ät / *kü gän'-ät*
 INDEF-кто INDEF-кто если-ADD кто если-ADD
okn'a-škê stuč-a
 окно-ILL стучать-NPST[3SG]
 ‘Кто-то стучит в окно’.

В зоне нереферентных значений местоимения с двумя показателями *ta-* и *gän'ät* покрывают меньшую область, чем местоимения с одним показателем *gän'ät*. Как и *gän'ät*-местоимения, дважды маркированные формы на *ta-...-gän'ät* могут выступать в различных ирреальных контекстах, контексте общего вопроса, протазиса условия — но лишь в том случае, когда возможно проинтерпретировать контекст как содержащий семантику выбора из множества. Рассмотрим следующую пару примеров:

- (38a) *madâš-vlä-et* *logâc ma-m gän'-üt*
 игрушка-PL-POSS.2SG из что-ACC если-ADD
kandâ
 принести[IMP]
- (38б) ^{OK} *madâš-vlä-et* *logâc ta-ma-m*
 игрушка-PL-POSS.2SG из INDEF-что-ACC
gän'-üt *kandâ*
 если-ADD принести[IMP]
- (38в) * *madâš-vlä-et* *logâc ta-ma-m*
 игрушка-PL-POSS.2SG из INDEF-что-ACC
kandâ
 принести[IMP]
 ‘Принеси что-нибудь из твоих игрушек’.
- (39a) *ma-m* *gän'-üt* *ârgâ*
 что-ACC если-ADD сшить[IMP]
- (39б) **ta-ma-m* *gän'-üt* *ârgâ*
 INDEF-что-ACC если-ADD сшить[IMP]
- (39в) **ta-ma-m* *ârgâ*
 INDEF-что-ACC сшить[IMP]
 ‘Сшей что-нибудь’.

В примере (38), где эксплицитно упоминается ограниченное множество игрушек, из которых возможен выбор конкретной игрушки, возможно употребление неопределенного местоимения с показателями *ta-* и *gän'üt*. В то же время в примере (39), который также относится к контексту императива, употребление дважды маркированного местоимения запрещается, поскольку контекст глагола созидания не позволяет «домыслить» существование ограниченного множества альтернатив.

Следует заметить, что, оперируя термином **выбор из множества**, мы имеем в виду не только контексты с эксплицитно выраженным ограниченным множеством, но также ряд контекстов, где пресуппозиция существования такого множества выводится из общего знания о мире говорящего и адресата. Иными словами, ограниченное множество альтернатив должно быть каким-либо образом активировано в дискурсе. Таким образом, термин **выбор**

из множества мы (вслед за многочисленными работами на эту тему — начиная с [Pesetsky 1987]) понимаем как **дискурсивную выделенность** (D(discourse)-linking).

Также заметим, что лишь в части нереферентных контекстов дискурсивно выделенные контексты противопоставлены не выделенным дискурсивно. В частности, подобное противопоставление ярко выражено в императиве (как в приведенных выше примерах); чуть менее однозначно, однако все же довольно последовательно такая же закономерность прослеживается для контекстов общего вопроса и протазиса условия.

Что касается остальных контекстов, относящихся к зоне ирреалиса (футуральные контексты, различные виды модальности, нереферентность в хабитуалисе), то в этом случае наличие семантики выбора из множества на допустимость дважды маркированных форм не влияет: местоимения, маркированные одновременно двумя показателями *ta-* и *gән'üt*, возможны как при наличии семантики выбора из множества, так и при отсутствии подобной пресуппозиции — см. примеры (40)–(42), не подразумевающие выбора из множества:

- МОДАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
- (40) *mälän-em* *ta-gәnam* *gән'-üt*
 я.DAT-POSS.1SG INDEF-когда если-ADD
übiräj-äš *kel-eš*
 убирать-INF быть.нужным-NPST.3SG
 ‘Мне надо когда-нибудь убраться’.
- ФУТУРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
- (41) *äv-em* *ta-ma-m* *gән'-üt*
 мать-1SG.POSS INDEF-что-ACC если-ADD
kand-a
 принести-NPST[3SG]
 ‘Моя мама что-нибудь привезет’.
- ХАБИТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
- (42) *ti* *olmanga-štâ* *xot'* *kәnam-at* *tü-gü*
 этот лавка-IN хоть когда-ADD INDEF-кто
gән'-üt *sәnz-ä*
 если-ADD сидеть-NPST[3SG]
 ‘На этой лавочке всегда кто-нибудь сидит’.

Таким образом, неопределенные местоимения с показателями *ta-* и *gön'ät*, возможны в следующих типах контекстов:

- референтные контексты со значением неизвестности говорящему;
- модальные контексты, контекст будущего времени, контекст хабитуалиса;
- контекст императива, протазиса условия, общего вопроса — при наличии семантики выбора из множества.

3.2. Неопределенные местоимения с показателями *ta-* и *än'ät*

Как было упомянуто в разделе 2.2.3, неопределенные местоимения, маркированные одним показателем *än'ät*, не могут выступать в контексте выбора из ограниченного множества. Однако формы, одновременно маркированные показателями *ta-* и *än'ät*, возможны в таких контекстах:

- (43) *ti lem-eš ta-ma-m än'ät / ma-m*
 этот суп-LAT INDEF-что-ACC возможно что-ACC
än'ät pištä-mä-kä,
 возможно класть-NMZ-ILL
totlâ-rak li-eš
 вкусный-CMPR статья-NPST.3SG
 'Если в этот суп что-нибудь добавить, станет вкуснее'.

- (44) *ti šudâ-vlä logâc ti lem-eš ta-ma-m*
 этот трава-PL из этот суп-LAT INDEF-что-ACC
*än'ät / *ma-m än'ät*
 возможно что-ACC возможно
pištä-mä-kä, totlâ-rak li-eš
 класть-NMZ-ILL вкусный-CMPR статья-NPST.3SG
 'Если в суп положить что-нибудь из этих трав, станет вкуснее'.

Наличие семантики выбора из множества оказывается более важным, чем ограничение на тип контекста. Так, ни местоимения с показателем *än'ät*, ни местоимения с показателем *ta-*, ни соответствующие дважды маркированные формы невозможны в контексте императива:

- (45a) *ma-m* *gän'-üt* *kačk*
 что-ACC если-ADD съестъ[IMP]
- (45б) * *ma-m* *än'üt* *kačk*
 что-ACC возможно съестъ[IMP]
- (45в) * *ta-ma-m* *kačk*
 INDEF-что-ACC съестъ[IMP]
- (45г) * *ta-ma-m* *än'üt* *kačk*
 INDEF-что-ACC возможно съестъ[IMP]
 {ЛК: Ты очень устал и выглядишь бледным. Когда при-
 дешь домой,} ‘съешь что-нибудь’.

Но при наличии семантики выбора из множества дважды маркированные формы с *ta-* и *än'üt* возможны и в императивных контекстах:

- (46a) *ti* *müän-vlä* *logêc* *ma-m* *gän'-üt* *kačk*
 этот сладкий-PL из что-ACC если-ADD съестъ[IMP]
- (46б) * *ti* *müän-vlä* *logêc* *ma-m* *än'üt* *kačk*
 этот сладкий-PL из что-ACC возможно съестъ[IMP]
- (46в) * *ti* *müän-vlä* *logêc* *ta-ma-m* *kačk*
 этот сладкий-PL из INDEF-что-ACC съестъ[IMP]
- (46г) ^{OK} *ti* *müän-vlä* *logêc* *ta-ma-m*
 этот сладкий-PL из INDEF-что-ACC
än'üt *kačk*
 возможно съестъ[IMP]
 ‘Съешь что-нибудь из этих сладостей’.

Аналогичная закономерность прослеживается и для хабитуальных контекстов — ср. пример (29), где невозможно употребление местоимения на *än'üt*, и пример (47), в котором возможно употребление дважды маркированной формы:

- (47a) *ajo* *godâm* *kânam-âžâ* *mä* *ti* *mârê-vlä*
 праздник при когда-POSS.3SG мы этот песня-PL
logêc *ta-maxan'-žë-m* *än'üt* *mâr-e-nä*
 из INDEF-какой-POSS.3SG-ACC возможно петь-NPST-1PL

(47б) * *maxan'-žă-m* *än'üt* *mâr-e-nä*
 какой-POSS.3SG-ACC возможно петь-NPST-1PL

(47в) * *ta-maxan'-žă-m* *mâr-e-nä*
 INDEF-какой-POSS.3SG-ACC петь-NPST-1PL
 ‘Обычно на празднике мы поем какие-нибудь из этих песен’.

При этом при отсутствии семантики выбора из множества употребление дважды маркированной формы с показателями *ta-* и *än'üt* невозможно:

(48) * *ajo* *godâm* *kânam-âžâ* *mä* *ta-maxan'*
 праздник при когда-POSS.3SG мы INDEF-какой
än'üt *mârê-vlä-m* *mâr-e-nä*
 возможно песня-PL-ACC петь-NPST-1PL
 Ожидаемое значение: ‘Обычно на празднике мы поем какие-нибудь песни’.

Однако в контекстах неэпистемической модальности употребление подобных дважды маркированных форм, равно как и единожды маркированных местоимений с маркерами *ta-* или *än'üt*, остается недопустимым.

Таким образом, неопределенные местоимения с показателями *ta-* и *än'üt* могут возникать в следующих типах контекстов:

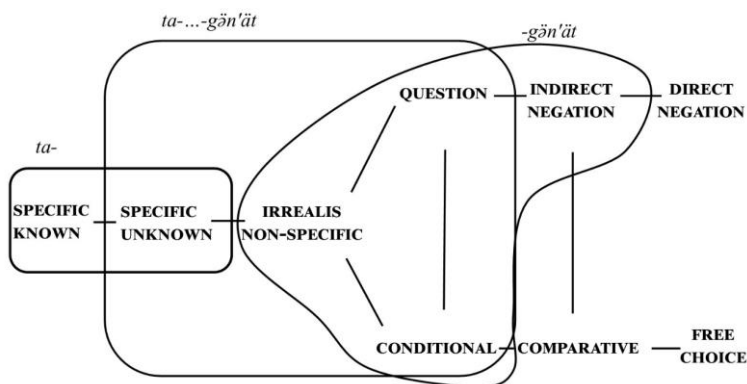
- контекст эпистемической модальности, протазиса условия, общего вопроса — при наличии семантики выбора из множества;
- контекст императива и хабитуалиса — при наличии семантики выбора из множества.

3.3. Выводы

Суммируем описанные выше свойства серий неопределенных местоимений, маркированных двумя маркерами неопределенности.

Рассмотрим взаиморасположение зон, покрываемых *ta-*серией, *gän'üt-*серией, и *ta-gän'üt-*серией на семантической карте, предложенной М. Хаспельматом (Рисунок 2).

Рисунок 2. Дистрибуция *ta*-местоимений, *gän'ät*-местоимений и *ta-gän'ät*-местоимений на семантической карте

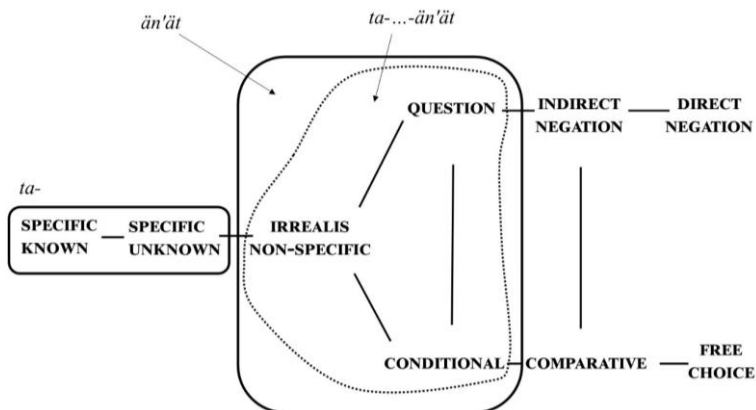

Как видно из Рисунка 2, области, покрываемые на семантической карте *ta*-серией и *gän'ät*-серией, не пересекаются. Местоимения, сочетающие эти два маркера, во-первых, покрывают контекст референтности и неизвестности для говорящего (допустимый для *ta*-местоимений и невозможный для *gän'ät*-местоимений). Во-вторых, для них, в отличие от *gän'ät*-местоимений, невозможен контекст непрямого отрицания. В-третьих, часть контекстов в середине карты допускает употребление местоимений с показателями *ta*- и *gän'ät* лишь при наличии семантики выбора из множества (а именно, императив, протазис условия, хабитуалис).

Таким образом, для *ta-gän'ät*-местоимений можно отметить сдвиг в сторону большей референтности по отношению к *gän'ät*-местоимениям: происходит «шаг» на один контекст в сторону большей референтности (добавляется контекст **SPECIFIC UNKNOWN**); становится недопустимым наиболее нереперентный контекст (**INDIRECT NEGATION**); часть контекстов в середине карты возможна лишь при наличии семантики выбора из множества, которая часто трактуется как референтность [Енç 1991; von Heusinger, Kornfilt 2005].

Теперь рассмотрим аналогичную схему для *ta*-местоимений, *än'ät*-местоимений и местоимений, присоединяющих оба этих маркера неопределенности (Рисунок 3).

Рисунок 3. Дистрибуция *ta*-местоимений, *än'ät*-местоимений и *ta-än'ät*-местоимений на семантической карте

Несмотря на то, что *än'ät*-местоимения и *ta-än'ät*-местоимения покрывают одну и ту же зону на семантической карте, фактически дистрибуция этих двух серий различается. Во-первых, часть контекстов, невозможных для *än'ät*-серии (императив, хаби-туалис), становится допустимой при двойном маркировании, если пресуппонируется наличие ограниченного множества альтернатив. Во-вторых, остальные контексты, допускающие *än'ät*-местоимения, допускают дважды маркированные формы лишь при наличии семантики выбора из множества; в то же время местоимения с единственным показателем *än'ät*, напротив, со значением выбора из множества не совместимы. Таким образом, семантика местоимений, маркированных одновременно показателями *ta*- и *än'ät*, тесно связана с семантикой выбора из множества: без наличия такой пресуппозиции употребление подобных форм невозможно.

4. Заключение

Итак, сравнение свойств дважды маркированных местоименных форм со свойствами форм с одним маркером неопределенности показало, что при помощи двойного маркирования происходит сдвиг семантики единожды маркированных одним из постпозитивных показателей (*gän'ät* или *än'ät*) местоимений в сторону большей референтности. В случае двойного маркирования показателями *ta*- и *gän'ät* этот сдвиг более значителен, чем в

случае двойного маркирования показателями *ta-* и *än'ät*, — по-видимому, в связи с меньшей степенью морфологизации *än'ät*-местоимений в горномарийском языке.

При этом мы обнаружили, что, помимо дистрибуции серий неопределенных местоимений по функциям, выделенным М. Хаспельматом, играет роль наличие/отсутствие семантики выбора из множества. Поскольку дискурсивная выделенность (D-linking), как правило, ассоциируется с референтностью, можно предположить, что нереферентные (по М. Хаспельмату) контексты, обладающие семантикой выбора из множества, являются своеобразным «промежуточным» типом контекстов между «каноническими» референтностью и нереферентностью.

Отдельной проблемой, заслуживающей внимания, является вопрос об организации подтипов ирреальных контекстов внутри функции IRREALIS NON-SPECIFIC. Эта функция является наиболее неоднородной на семантической карте М. Хаспельмата, включая в себя различные модальные контексты, контекст императива, футуральные и хабитуальные контексты. При этом для многих языков отмечалось, что разные типы ирреальных контекстов допускают разные серии неопределенных местоимений (см., например, [Aloni, Port 2014] о различном поведении немецких *irgend*-местоимений в зависимости от типа модальности; [Portner 2004] о недопустимости английского местоимения *a certain* в контексте императива при возможности его использования в части модальных контекстов). В случае горномарийского языка можно с уверенностью говорить об особом поведении неопределенных местоимений в контексте императива: во-первых, императивная зона «выпадает» из множества контекстов IRREALIS NON-SPECIFIC, допускающих некоторые из серий неопределенных местоимений, в частности, серии на *än'ät*; во-вторых, различная допустимость местоименных серий в контекстах с семантикой выбора из множества и без нее наиболее ярко наблюдается в императиве. Выявленные закономерности требуют дальнейших исследований.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CMPR — компаратив; CVB — конверб; DAT — датив; DES — дездератив; DETR — детранзитив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP —

императив; IN — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NEG.PRON — отрицательный местоименный показатель; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRF — перфект; PTCP.DEV — дебитивное причастие; REFL — рефлексивное местоимение; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

- Андреев 1957 — Н. А. Андреев. Местоимения // И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике чувашского языка. Часть I. Морфология. Чебоксары: Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, 1957. С. 124–150. [N. A. Andreev. Mestoimeniia [Pronouns] // I. P. Pavlov (otv. red.). Materialy po grammatike chuvashskogo iazyka. Chast' I. Morfologiia. Cheboksary: Chuvashskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR, 1957. P. 124–150].
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. [I. S. Galkin. Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Morfologiia. [Historical grammar of Mari. Morphology]. Chast' I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964].
- Левитская 1976 — Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. [L. S. Levitskaia. Istoricheskaia morfologiia chuvashskogo iazyka [Historical morphology of Chuvash]. M.: Nauka, 1976].
- Майтинская 1964 — К. Е. Майтинская. Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. [K. E. Maitinskaia. Mestoimeniia v mordovskikh i mariiskikh iazykakh [Pronouns in the Mordvinic and Mari languages]. M.: Nauka, 1964].
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [The expression and its coreference to the reality]. M.: Nauka, 1985].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica, T. V. 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [Hill Mari]. Bibliotheca Ceremissica, Vol. V. 2002].
- Тестелец, Былинина 2005 — Я. Г. Тестелец, Е. Г. Былинина. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. Доклад на семинаре «Теоретическая семантика», Москва, 15 апреля 2005 г.

- [Ia. G. Testelets, E. G. Bylinina. O nekotorykh konstruktssiakh so znacheniem neopredelennykh mestoimenii v russkom iazyke: amal'gamy i kvazireliativy [On some constructions with the meaning of indefinite pronouns in Russian: amalgams and quasirelatives]. Doklad na seminare "Teoreticheskaia semantika", Moskva, 15 apreliia 2005 g.]
- Aloni, Port 2014 — M. Aloni, A. Port. Modal inferences in marked indefinites: the case of German *irgend*-indefinites // A. Aguilar-Guevara, B. Le Bruyn, J. Zwarts (eds.). *Weak Referentiality*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 17–44.
- Bereczki 2002 — G. Bereczki. A cseremisiz nyelv történeti alakтана. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2002.
- Bhat 2000 — D. N. S. Bhat. The indefinite-interrogative puzzle // *Linguistic Typology* 4(3), 2000. P. 365–400.
- Enç 1991 — M. Enç. The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry* 22, 1991. P. 1–25.
- Guryev 2011 — A. Guryev. Indefinite pronouns in Chuvash. Manuscript. 2011.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. *The grammar of Lezgian*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1993.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — K. von Heusinger, J. Kornfilt. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic languages* 9, 2005. P. 3–44.
- Pesetsky 1987 — D. Pesetsky. Wh-in-situ: Movement and unselective binding // E. Reuland, A. ter Meulen (eds.). *The Representation of (In)definiteness*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 98–129.
- Portner 2004 — P. Portner. What can we learn about information structure from imperatives? The absence of specific indefinites. (Talk presented at Workshop on Informational Structure and Grammar, Tübingen, February 1–2, 2004).
- Salminen 2015 — T. Salminen. Uralic (Finno-Ugrian) languages. 2015. [<http://www.helsinki.fi/~tasalmin/fu.html>]
- Seifart 2015 — Fr. Seifart. Direct and indirect affix borrowing // *Language* 91(3), 2015. P. 511–532.

А. Д. Бочкова

МГУ, Москва

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В данной статье рассматривается числовое маркирование существительных в горномарийском языке. Объектом исследования является число существительного в именной группе (далее ИГ), за исключением количественных конструкций и конструкций с кванторами, поскольку ИГ такого типа накладывают синтаксические ограничения на использование грамем числа (см. [Сидорова 2016] также на материале горномарийского языка)².

Уральские языки демонстрируют следующие особенности числового маркирования. По данным исследования лугового марийского [Шматова, Черниговская 2012], а также горномарийского [Саваткова 2002: 89–93] и общих исследований различных марийских идиомов [Тужаров 1987: 12–34; Alhoniemi 1993: 68–71], как в горном, так и в луговом марийском существует две грамемы числа — единственное и множественное, причем в обоих идиомах единственное число в некоторых случаях может использоваться для обозначения множественного референта. В [Тужаров 1987: 13–22] упоминаются некоторые классы лексики (фрукты, ягоды, грибы и проч.; парные предметы), допускающие показатель SG при множественном референте. Влияние иерархии одушевленности (ИО) и референциального статуса на числовое маркирование обсуждается в [Шматова, Черниговская 2012]. Во-первых, как указывается в работе, чем выше существительное находится в ИО, тем выше вероятность употребления PL. Во-вторых, конкретно-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

² Синтаксическое согласование с предикатом по числу в горномарийском является обязательным и не рассматривается специально в этой статье.

референтный статус предполагает также более высокую вероятность употребления маркированной по числу формы.

В теоретических и типологических работах также отмечается, что в языках мира числовое маркирование может иметь разную степень обязательности [Corbett 2004: 54–88]. Во многих работах выделяются факторы, влияющие на обязательность множественного числа, например, положение в ИО [Haspelmath 2013; Corbett 2004: 54–66], принадлежность к определенному семантическому классу [Ляшевская 2004: 11–13], однако в совокупности эти факторы в перечисленных исследованиях не рассматриваются.

В этой работе будут подробно рассмотрены различные факторы, влияющие на числовое маркирование существительных в горномарийском языке. Данные для исследования были собраны в 2016 г. в экспедиции МГУ в село Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл путем элицитации, а также с помощью эксперимента с предъявлением визуальных стимулов.

Раздел 2 посвящен влиянию референциального статуса и одушевленности на выбор граммы числа. В разделе 3 анализируются результаты эксперимента, смоделированного с целью исследования влияния семантических параметров на числовое маркирование. Раздел 4 суммирует результаты исследования.

2. Референциальный статус, одушевленность и числовое маркирование

Для проверки предположений о влиянии референциального статуса и одушевленности на числовое маркирование были составлены примеры на русском языке для перевода. Для каждой лексемы определенной категории по иерархии одушевленности были подобраны примеры с различным референциальным статусом. Результаты представлены в Таблице 1.

Таблица 2. Влияние референциального статуса и одушевленности на числовое маркирование³

Референциальный статус		Одушевленность			
		Человек	Животные	Неодушевленные	
				Прочее	Растительная пища ⁴
Предикативная ИГ⁵		PL/*SG	PL/*SG	PL/*SG	PL/^{OK}SG
Конкр.-реф. ИГ	Определенная	PL/*SG	PL/*SG	PL/*SG	SG/^{OK}PL
	Неопределенная	PL/*SG	PL/*SG	PL/*SG	(PL/[?]SG)
Нерефер. ИГ	Экзистенциальная	PL/*SG	PL/^{OK}SG	PL/^{OK}SG	SG/^{OK}PL
	Генерическая ⁶	PL/^{OK}SG	PL/^{OK}SG	PL/^{OK}SG	SG/^{OK}PL

Как видно из таблицы, наиболее «сильным» фактором, определяющим маркирование PL множественного референта, является конкретно-референтный и предикативный статусы ИГ.

Для конкретно-референтного статуса маркирование PL обязательно независимо от позиции существительного в иерархии одушевленности (ср. (1) и (3)), а также от того, является ИГ определенной или неопределенной (ср. (1) и (2), (3) и (4)).

³ В ячейках таблицы зафиксировано, какие граммы употребляли информанты при исследуемых лексемах: до косой черты — грамма, употребляемая всегда или чаще всего при переводе с русского стимула, после черты — либо определенная информантами как допустимая при уточнении с горномарийским стимулом и/или реже употребляемая в первой реакции (помечена ОК), либо определенная при уточнении у информантов как недопустимая (помечена *).

⁴ Рассмотрение этого семантического класса мотивировано причинами, которые будут изложены в разделе 3.

⁵ Выделение трех основных групп и их подгрупп (за исключением нереферентных ИГ) основано на классификации по [Падучева 1985].

⁶ Выделение генерической (generic) ИГ основано на [Givón 2001].

- Одушевленный, определенная ИГ.
- (1а) *ti ädär-vlä jalaxaj-vlä.*
этот **девочка**-PL ленивый-PL
- (1б) *#ti ädär jalaxaj⁷.*
этот **девочка** ленивый
'Эти девочки ленивые'.
- Одушевленный, неопределенная ИГ.
- (2а) *män'-äm ta-maxan' ädär-vlä*
я-ACC INDEF-какой **девочка**-PL
ert-en ke-vä.
проходить-CONV идти-AOR.3PL
- (2б) *#män'-äm ta-maxan' ädär*
я-ACC INDEF-какой **девочка**
ert-en ke-š.
проходить-CONV идти-AOR
'Какие-то девочки прошли мимо меня'.
- Неодушевленный, определенная ИГ.
- (3а) *ti tärelkä-vlä ire äl-ät.*
этот **тарелка**-PL чистый быть-NPST.3PL
- (3б) *#ti tärelkä ire äl-eš.*
этот **тарелка** чистый быть-NPST.3SG
'Эти тарелки чистые'.
- Неодушевленный, неопределенная ИГ.
- (4а) *stöl vël-nä ta-maxan'*
стол на-IN2 INDEF-какой
tärelkä-vlä ki-ät.
тарелка-PL лежать-NPST.3PL
- (4б) *#stöl vël-nä ta-maxan' tärelkä ki-ä.*
стол на-IN2 INDEF-какой **тарелка** лежать-NPST.3SG
'На столе лежат какие-то тарелки'.

⁷ В примерах (1б, 2б, 3б, 4б) референт интерпретируется как единичный.

Исключение составляют лишь существительные из семантического класса «растительная пища»⁸, для которых форма SG является более предпочтительной:

- (5a) *stöl vəl-nə pongê ki-ä.*
 стол на-IN2 **гриб** лежать-NPST.3SG
- (5б) ^{OK}*stöl vəl-nə pongê-vlä ki-ät.*
 стол на-IN2 **гриб**-PL лежать-NPST.3PL
 ‘На столе лежат грибы.’

Более подробно числовое маркирование существительных этого класса будет рассмотрено далее (см. раздел 3).

Для предикативных ИГ маркирование PL также является обязательным; исключения составляют лексемы класса «растительная пища» (ср. (6), (7) и (12)):

- (6a) *ti xädär-vlä tärelkä-štä*
 этот предмет-PL тарелка-IN
kal'avongê-vlä.
гриб-PL
- (6б) ^{OK}*ti xädär-vlä tärelkä-štä kal'avongê.*
 этот предмет-PL тарелка-IN гриб
 ‘Эти предметы на тарелке — грибы’.
- (7a) *män'-än jarat-âmê xädär-vlä*
 я-GEN любить-PTCP.PASS предмет-PL
cêlan-âštê tärelkä-vlä.
 кухня-IN **тарелка**-PL
- (7б) **män'-än jarat-âmê xädär-vlä*
 я-GEN любить-PTCP.PASS предмет-PL
cêlan-âštê tärelkä.
 кухня-IN **тарелка**
 ‘Мои любимые предметы на кухне — тарелки’.

Для нереферентных ИГ маркирование множественным числом в большинстве случаев факультативно. Единственный жесткий

⁸ В этот класс по своему языковому поведению входят и некоторые смежные сущности, не являющиеся растениями с точки зрения научной картины мира, в частности грибы.

запрет отмечен для нереферентной экзистенциальной ИГ, где лексемы, реферирующие к людям, сохраняют обязательное маркирование PL (см. (8)), для остальных классов лексики допустима форма SG при множественном референте (см. (9)).

(8а) *kušt-âšâ-vlä-n* *kružok-âš*
 плясать-PTCP.ACT-PL-GEN кружок-ILL
ädär-vlä *kel-ât.*
 девочка-PL требоваться-NPST.3PL

(8б) [#]*kušt-âšâ-vlä-n* *kružok-âš*
 плясать-PTCP.ACT-PL-GEN кружок-ILL
ädär *kel-eš⁹.*
 девочка требоваться-NPST.3SG
 ‘Кружку танцев требуются девочки’.

(9а) *mä-län-nä* *iktä-maxan’*
 мы-DAT-POSS.1PL INDEF-какой
tärelkä-vlä *kel-ât.*
 тарелка-PL требоваться-NPST.3PL

(9б) ^{OK}*mä-län-nä* *iktä-maxan’*
 мы-DAT-POSS.2PL какой-то
tärelkä *kel-eš.*
 тарелка требоваться-NPST.3SG
 ‘Нам нужны хоть какие-нибудь тарелки’.

Для генерических ИГ маркирование PL становится полностью факультативным, независимо от позиции в ИО (ср. (8)–(9)):

(10а) *ädär-vlä* *zdorova-štâ-m*
 девочка-PL здоровье-POSS.3PL-ACC
peregä-šäšlâk *âl-ât.*
 беречь-FUT.PTCP быть-NPST.3PL

(10б) ^{OK}*ädär* *zdorova-m* *peregä-šäšlâk* *âl-eš.*
 девочка здоровье-ACC беречь-FUT.PTCP быть-NPST.3SG
 ‘Девочки должны беречь свое здоровье.’

(11а) *tärelkä-vlä* *kačkâš-âm* *opt-aš* *âl-ât.*
 тарелка-PL еда-ACC класть-INF быть-NPST.3PL

⁹ Референт интерпретируется как единичный.

- (116) *OK tärelkă kačkâš-âtm opt-aš âl-eš.*
тарелка еда-ACC класть-INF быть-NPST.3SG
 ‘В тарелки кладут еду (букв. Тарелки существуют для того, чтобы класть еду)’.

3. Семантические параметры¹⁰

Для исследования числового маркирования существительных разных семантических классов был проведен эксперимент с визуальными стимулами. Стимулы предъявлялись вне контекста, что выравнивало их по фактору референциального статуса и любым другим возможным факторам, связанным с поведением ИГ в дискурсе. Респондентам (24 человека) было предложено 54 стимула, подобранных с учетом принадлежности к определенному классу с точки зрения:

- иерархии одушевленности (люди, животные, неодушевленные объекты);
- упрощенной классификации предметной лексики по [Ляшевская 2004] (отдельные (простые) объекты (*столы, люди*), пары (*руки, сапоги*), вещества и материалы (*песок*), совокупности (*посуда*), гомогенные совокупности (*деньги*), наборы (*спички*));
- размера объекта (маленький (*мухи*), средний (*гуси*), большой (*коровы*)).

Кроме того, для прототипически парных объектов было выбрано три разных типа визуальных стимулов:

- 2 объекта с парной интерпретацией (*сапоги из одной пары*)

¹⁰ Для некоторых классов существительных, рассматриваемых в этом разделе, употребление формы PL ведет к изменениям в семантике (появлению значения сортовой множественности, а также рекатегоризации у веществ/гомогенных совокупностей, см. [Corbett 2004: 83–87]):

- i. *mân' ik pšona nâl-ân-âm.*
 я один пшено брать-PRET-1SG
 ‘Я взял одно зернышко пшена’.

Такие явления в данной статье не обсуждаются подробно.

— 2 объекта с непарной интерпретацией (*сапоги из разных пар*)

— Несколько пар (*несколько пар сапог*)

Помимо использования этих параметров, были подобраны различные стимулы, связанные с классом лексики «еда». В [Ляшевская 2004] этому классу уделено особое внимание, поскольку такие лексемы могут проявлять нестандартное числовое поведение. Для горномарийского языка, как уже было отмечено выше при обсуждении элицитированных данных, релевантна принадлежность к классу растительной пищи. Лексемы этого класса тяготеют к маркированию множественного референта формой SG (см. пример (5), повторенный в (12)).

(12a) = (5a) *stöl* *vəl-nə* *pongê* *ki-ä.*
стол на-IN2 **гриб** лежать-NPST.3SG

(12б) = (5б) ^{OK}*stöl* *vəl-nə* *pongê-vlä* *ki-ät.*
стол на-IN2 **гриб**-PL лежать-NPST.3PL
'На столе лежат грибы'.

В эксперименте фиксировалась частотность маркирования показателем PL при предъявлении стимула.

Эксперимент показал, что на маркирование числом влияет несколько факторов:

— принадлежность к определенному классу предметной лексики, а также к классу лексики «растительная пища»

— размер объекта

В таблице 2 представлены классы лексики с высокой частотностью маркирования PL независимо от размера объекта и положения класса на иерархии одушевленности.

Таблица 2. Лексемы, не попадающие под влияние перечисленных факторов

Класс по ИО	Размер	Лексема	Количество реакций с PL (из 24)
люди	Большой	взрослые	24
	Маленький	дети	23
животные	Большой	волки	24
	Маленький	мухи	17
неодушевленные	Большой	столы	24
	Маленький	ложки	19

Влияние принадлежности к определенному классу предметной лексики выражается в том, что принадлежность к классам «пары», «наборы», «гомогенные совокупности», «совокупности» и «вещества и материалы» существенно снижает частотность маркирования PL относительно лексем из таблицы 2 (см. таблицу 3)¹¹.

Таблица 3. Классификация предметной лексики и числовое маркирование (данные эксперимента)

Класс предметной лексики	Лексема	Количество реакций с PL (из 24)
Пары	Сапоги (парные, 2 шт.)	2
	Сапоги (непарные, 2 шт.)	14
Наборы	Спички	12
Совокупности	Посуда	8
Гомогенные совокупности	Деньги	12
	Опилки	9
Вещества и материалы	Песок	0

При этом потенциально парные объекты, не составляющие пару в конкретном примере, демонстрируют бóльшую вероятность маркирования PL по сравнению с ситуацией, где предполагается парная интерпретация (ср. парные и непарные сапоги в таблице 3,

¹¹ Ср: 'ложки' (19 реакций, таблица 2) и 'сапоги' (2 реакции, таблица 3).

а также элицитированные примеры (13) и (14) — в последнем случае по отношению к непарным сапогам употребить единственное число, по оценкам некоторых носителей, невозможно).

- (13a) *amasa saga kem*¹²
 дверь рядом сапог
šǎnz-ä — čī.
 сидеть-NPST.3SG надевать.IMP
- (13б) ^{OK} *amasa saga kem-vlä*
 дверь рядом сапог-PL
šǎnz-ät čī.
 сидеть-NPST.3PL надевать.IMP
 ‘Рядом с дверью стоят сапоги — надень’.
- (14a) *amasa saga kem-vlä*¹³ —
 дверь рядом сапог-PL
šǎnz-ät ik-tǎ-žǎ ädǎrǎmǎš-ǎn,
 сидеть-NPST.3PL один-FULL-POSS.3SG женщина-GEN
ves-ǎ-žǎ püergǎ-n.
 другой-FULL-POSS.3SG мужчина-GEN
- (14б) [?] *amasa saga kem šǎnz-ä —*
 дверь рядом сапог сидеть-NPST.3SG
ik-tǎ-žǎ ädǎrǎmǎš-ǎn,
 один-FULL-POSS.3SG женщина-GEN
ves-ǎ-žǎ püergǎ-n.
 другой-FULL-POSS.3SG мужчина-GEN
 ‘Рядом с дверью стоят сапоги — один женский, другой мужской’.

Такого рода «цельность» важна не только для пар, но и для наборов: чем более цельным представляется в ситуации набор, тем меньше вероятность маркирования PL (ср. также (15), (16)). В примере (15) спички не составляют набора в силу физической разделенности, поэтому их «цельность» как набора снижена, и маркирование PL более вероятно; в (16) более вероятна интерпре-

¹² 1 из 5 информантов употребили форму SG при первой реакции.

¹³ 0 из 5 информантов употребили форму SG при первой реакции, 1 определил ее как недопустимую.

тация ‘коробок со спичками’, соответственно выше цельность и вероятность употребления формы SG.

- (15) *spičkä-vlä-m* / *ok spičkä-m*¹⁴ *stöl* *vä-kä*
спичка-PL-ACC **спичка**-ACC стол на-ILL2
šälät-en *šu-mê*.
 рассыпать-CONV бросать-PTCP.PASS
 ‘Спички рассыпаны по столу’.

- (16a) *kamin-ê̄m* *äläž-tä-ne-m* — *kê-štê̄*
 камин-ACC гореть-CAUS-OPT-1SG Q-IN
*spičkä*¹⁵ *ki-ä?*
спичка лежать- NPST.3SG

- (16б) *kamin-ê̄m* *äläž-tä-ne-m* — *kê-štê̄*
 камин-ACC гореть-CAUS-OPT-1SG Q-IN
spičkä-vlä *ki-ät?*
спичка-PL лежать-NPST.3PL
 ‘Хочу разжечь камин — где спички?’

Как было неоднократно упомянуто ранее, тот факт, что лексема обозначает растительную пищу, оказывает значительное влияние на числовое маркирование¹⁶. Кроме того, в [Wierzbicka 1988] выделяются также факторы внутри этого класса, которые могут определять маркирование числом:

- фактор размера (чаще всего имеет место такая ситуация: чем меньше объект, тем меньше вероятность маркирования PL)
- фактор функционального использования, предполагающий два варианта: ситуация «держа в руке, поедать целиком» (чаще PL), «поедание в резаном и обработанном виде» (реже PL)

¹⁴ 0 из 5 информантов употребили форму SG при первой реакции.

¹⁵ 2 из 5 информантов употребили форму SG при первой реакции.

¹⁶ По-видимому, именно растительная пища имеет такие особенности. К примеру, на такой стимул, как яйца (относящийся уже к животной пище), было получено 19 реакций с PL, что выше, чем для любого объекта, относящегося к растительной пище (аналогичный пример — конфеты (20 реакций)).

По результатам эксперимента эти закономерности подтвердились и для горномарийского языка.

Из таблицы 4 видно, что частотность маркирования у лексем класса «растительная пища» значительно снижена (количество форм PL — от 3 до 14 (из 24))¹⁷. Можно заметить, что размер влияет на маркирование ('горох' — 3 реакции, 'тыквы' — 14). Однако явная разница в значениях и несоответствие заявленной тенденции наблюдается у двух лексем, классифицированных как предметы среднего размера — 'картофель' (3 реакции) и 'яблоки' (17 реакций). Такой разрыв может быть объяснен посредством фактора функционального использования (см. таблицу 5): ситуация 'держа в руке, поедать целиком' ('яблоки' — прототипическая ситуация употребления — есть целое сырое яблоко, надкусывая его) — чаще PL; 'поедание в резаном и обработанном виде' ('картофель' — чаще нарезается / превращается в пюре и термически обрабатывается) — реже PL.

Таблица 4. Растительная пища и числовое маркирование (фактор размера)

Лексема	Размер	Количество реакций с PL (из 24)
горох	маленький	3
земляника		6
картофель	средний	3
сливы		8
огурцы		12
яблоки		17
тыквы	большой	14

В таблице 5 приведена попытка классификации с учетом фактора функционального использования для всех лексем, ранее классифицированных только по размеру.

¹⁷ Ср: лексема 'взрослые' (24 реакции, таблица 2) и 'тыквы' (14 реакций, таблица 4), 'ложки' (19 реакций, таблица 2) и 'горох' (3 реакции, таблица 4).

Таблица 5 Растительная пища и числовое маркирование
(фактор функционального использования): общая картина

Лексема	Размер	Функциональное использование	Количество реакций с PL (из 24)
горох	маленький	‘держа в руке, поедать целиком’	3
земляника	маленький		6
огурцы	средний		12
яблоки	средний		17
картофель	средний	‘поедать в резаном и обработанном виде’	3
сливы	средний		8
тыквы	большой		14

Можно заметить разницу и для таких лексем, относящихся к плодам среднего размера, как сливы (8 реакций; часто используются для изготовления варенья) и огурцы (12 реакций; хоть и могут быть нарезанными, но при этом чаще употребляются сырыми). Количество реакций для лексемы ‘тыква’ практически такое же, как у лексем со значениями для средних объектов. Это можно объяснить тем, что употребление тыквы без предварительной обработки нетипично. Аналогично для средних слив — количество реакций приближается к маленькой землянике, что также может объясняться употреблением слив в обработанном виде (например, в виде варенья). Таким образом, меньший размер способствует меньшей частотности маркирования PL (а бóльший — бóльшей частотности соответственно); тем же образом влияет на частотность фактор функционального использования (чем более типично для продукта употребляться в обработанном виде, тем ниже частотность маркирования PL; если же продукт чаще употребляется в сыром или необработанном виде — частотность выше).

Таким образом, особое числовое поведение проявляют лишь неодушевленные объекты определенных семантических классов (пары, наборы, совокупности, вещества, растительная пища). Названия людей и животных, а также неодушевленные объекты, не относящиеся к перечисленным выше классам, стабильно маркируются PL при множественном референте.

4. Выводы

4.1. Обобщение горномарийских данных

Просуммировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что горномарийский язык во многих случаях использует форму SG для обозначения множественного референта. Для объяснения выбора одной из граммем мы можем выделить три фактора, влияющих на числовое маркирование существительных.

Первый фактор — референциальный статус: конкретно-референтные и предикативные ИГ в большинстве случаев требуют PL.

Второй фактор — семантические параметры, отличные от иерархии одушевленности: принадлежность к определенным классам существенно снижает вероятность маркирования PL. Для пар и наборов действует такая закономерность: чем выше «цельность» набора, тем ниже эта вероятность. У растительной пищи маркирование регулируется такими факторами, как размер и функциональное использование. Принадлежность к этому классу является наиболее «сильным» фактором, определяющим маркирование формой SG.

Третий фактор, действующий только для экзистенциальных ИГ, — иерархия одушевленности: обозначения людей требуют маркирования множественным числом, а остальные лексемы, находящиеся ниже в иерархии, проявляют факультативность в маркировании.

4.2. Горномарийский и другие уральские языки

Другими исследователями на материале уральских языков отмечалась схожая склонность к употреблению формы SG для обозначения множественного референта; для объяснения этого явления также апеллировали к различным факторам.

В [Кузнецова 1998] отмечалось, что для уральского числа типично в некоторых контекстах обозначать множественный референт формой SG, которая выражает «общее значение» (это явление называлось семантическим множественным). Также в работе было упомянуто маркирование парных предметов преимущественно формой SG.

В [Шматова 2010] для пермских языков выделялись факторы ИО и информационной структуры, которые оказывают влияние на числовое маркирование. Отмечалось, что более высокое поло-

жение в ИО предполагает бóльшую вероятность употребления формы PL, а активированность (доступность) референта в сознании говорящего и нахождение его в фокусе внимания говорящего также повышает эту вероятность.

В [Шматова, Черниговская 2012] на материале лугового марийского был сделан вывод о том, что обозначение множественного референта формой SG — нередкое для этого языка явление.

Горномарийский язык демонстрирует некоторое сходство с другими уральскими языками в аспекте числа, однако не все перечисленные выше факторы, релевантные для других уральских языков, системно влияют на числовое маркирование в горномарийском. Так, ИО значима только для экзистенциальных ИГ. Фактор же семантического класса для уральских языков ранее подробно не исследовался.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; CAUS — каузатив; CONV — конверб; DAT — датив; FULL — полная форма; FUT.PTCP — причастие будущего времени; GEN — генитив; ILL — иллатив; ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив; IMP — императив; IN — инессив; IN2 — второй (непродуктивный) инессив; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; OPT — оптатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRET — претерит; PTCP — причастие (PTCP.ACT — активный залог; PTCP.PASS — пассивный залог); Q — вопросительное слово; SG — единственное число.

Литература

- Кузнецова 1998 — А. И. Кузнецова. Типология категории числа в уральских языках // Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань: Татарское республиканское издательство «Хэтер», 1998. С. 340–347. [A. I. Kuznetsova. Tipologiiia kategorii chisla v ural'skikh iazykakh [Typology of number in the Uralic languages]. Trudy Mezhdunarodnogo seminar Dialog'98 po komp'iuternoii lingvistike i ee prilozheniiam. Vol. 1. Kazan': Tatarskoe respublikanskoe izdatel'stvo "Kheter", 1998. P. 340–347].
- Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М: Языки славянских культур, 2004. [O. N. Liashevskaiia. Semantika

- russkogo chisla [Semantics of the Russian number]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2004].
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. [E. V. Paducheva. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Utterance and its referential features]. M.: Nauka, 1985].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica Tomus V]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari] [Bibliotheca Ceremissica Tomus V]. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002].
- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях (хендаут). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 2016. [M. A. Sidorova. Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nogo v gornomariiskikh kolichestvennykh konstruktssiiakh (handout) [Number marking of a noun in the Hill Mari numeral constructions]. Trinadsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei, Sankt-Peterburg, 2016].
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. [G. M. Tuzharov. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom iazyke [Grammatical nominal categories in Mari]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987].
- Шматова 2010 — М. С. Шматова. Особенности употребления показателя множественного числа существительных в пермских языках. Диплом. работа, МГУ, Москва, 2010. [M. S. Shmatova. Osobennosti upotrebleniia pokazatel'ia mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh v permskikh iazykakh [Properties of a plural number marker of nouns in the Permic languages]. Diplom. rabota, MGU, Moskva, 2010].
- Шматова, Черниговская 2012 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 221–249. [M. S. Shmatova, E. A. Chernigovskaia. Kategoriiia chisla sushchestvitel'nogo v mariiskom i permskikh iazykakh [Nominal number in the Mari and Permic languages]. A. I. Kuznetsova (ed.). Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012. P. 221–249].

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Corbett 2004 — Greville G. Corbett. *Number*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press (first published 2000), 2004.
- Givón 2001 — T. Givón. *Syntax: An Introduction (Vol. 1)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001.
- Haspelmath 2013 — M. Haspelmath. Occurrence of Nominal Plurality // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at <http://wals.info/chapter/34>, Accessed on 2016-09-08.).
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The semantics of grammar*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988.

А. И. Виняр, Е. А. Герасименко

НИУ ВШЭ, Москва

НЕСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ИНКОРПОРАЦИЮ В ЧУКОТСКОМ¹

1. Введение

Данная статья посвящена ранее практически не описанным типам инкорпорации в чукотском языке, а именно: инкорпорации глагольной основы (причастия) в имя, инкорпорации глагола в глагол и инкорпорации пространственных аргументов глаголов перемещения (Цели и Источника). В статье показано, что ограничения на образование этих типов инкорпоративных комплексов наиболее естественно выводятся из семантики их компонентов, а не из синтаксических отношений между этими компонентами.

Статья устроена следующим образом. В Разделе 2 представлена краткая информация о чукотском языке и механизме инкорпорации в нем, в Разделе 3 описана инкорпорация глагольной основы в именную основу. В Разделе 4 дана необходимая информация о глаголах перемещения и их аргументах в чукотском. Раздел 5 посвящен описанию инкорпорации пространственных аргументов глаголов перемещения. В Разделе 6 освещаются отдельные типы инкорпорации глагола в глагол в чукотском и проводится их сравнение с инкорпорацией пространственных участников в глагол. Раздел 7 посвящен обобщению и выводам.

2. Чукотский язык и инкорпорация

2.1. Необходимые сведения о чукотском языке

На чукотском языке, принадлежащем чукотско-камчатской языковой семье, говорят около 5100 человек [ВПН 2010].

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Из основных фактов грамматики чукотского языка, необходимых для обсуждения материала настоящей статьи, стоит привести следующие. В части видовременных форм оба аргумента обязательно индексируются на глаголе (1), выражение же аргументов полными именными группами не обязательно (подробнее о принципах, определяющих выражение центральных аргументов глагола, см. [Dunn 1999: 341–355]). Падежное маркирование в чукотском подчиняется эргативной стратегии: если центральные аргументы выражены, то агентивный участник переходного глагола маркируется инструментальным падежом, а пациентивный участник переходного (так же как и единственный участник непереходного глагола) маркируется номинативом² (1)–(2)³.

- (1) *ətłəy-e ekk-in walə-∅*
отец-INS сын-POSS нож-NOM.SG
∅-pəne-ni-n
2/3.S/A-точить-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Отец поточил нож сына’.

² Вслед за работой [Muravyova et al. 2001: 310–311] мы называем падежи в чукотском инструменталисом и номинативом, а не эргативом и абсолютивом. Хотя выбор ярлыка для падежа во многом зависит от описательной традиции, в случае чукотского предпочтительнее называть падеж А-участника инструменталисом. Внутренний (морфо)синтаксис именных групп, маркированных инструментальным падежом, не зависит от того, обозначают ли они Агенса или Инструмент (см. [Dunn 1999: 159–160]), и совпадает с внутренним (морфо)синтаксисом именных групп в других косвенных падежах, отличаясь от поведения именных групп в номинативе.

³ Все примеры без указания источника получены авторами и их коллегами от носителей чукотского языка в ходе полевой работы в с. Амгуэма (Иультинский район, Чукотский АО) в 2016–2017 гг. в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ. Мы благодарны нашим учителям чукотского языка и другим жителям Чукотского полуострова, с которыми нам посчастливилось встретиться. Также мы благодарны нашим коллегам-товарищам по экспедиции, участникам XIII Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей и в особенности анонимным редакторам и рецензентам настоящей статьи за все комментарии, замечания и пожелания. Любые ошибки, неточности и неверные интерпретации, которые могут встретиться в тексте настоящей статьи, остаются, безусловно, исключительно на совести авторов.

- (2) *yətə-ka-jpə qora-t Ø-yəntek-wʔe-t*
 я-OBL-ABL олень-NOM.PL 2/3.S/A-убегать-ТН-PL
 ‘От меня убежали олени’.

Кроме номинатива и инструменталиса, в чукотском языке существует и набор косвенных падежей, выражающих в том числе и значения пространственной ориентации (подробнее см. [Dunn 1999: 115–117, 273–286]). Внутри фонологического слова в чукотском языке действуют правила гармонии гласных и чередования согласных (подробнее о фонологии и морфонологии чукотского языка см. [Muravyova et al. 2001: 293–308]).

2.2. Инкорпорация в чукотском языке

Важной типологической характеристикой чукотского языка является способность переходного глагола инкорпорировать прямой объект (3)–(4), а непереходного глагола — подлежащее (5)⁴. При инкорпорации зависимый компонент (инкорпорированная основа) теряет всю словоизменительную морфологию и включается в инкорпорирующую словоформу, непосредственно примыкая слева к инкорпорирующей основе (вершинному компоненту).

- (3) *ətʔəy-e Ø-waʔa-mna-ne-n ekək-Ø*
 отец-INS 2/3S/A-нож-точить-3SG.A.3.O-3SG.O сын-NOM.SG
 ‘Отец поточил нож сына’.

- (4a) *epeqeʔ-ne ritqə~rit*
 бабушка-AN.OBL каша~RDP.NOM.SG
Ø-r-ejmew-ni-n ɲaakka-ytə
 2/3S/A-TR-приближаться-3SG.A.3.O-3SG.O дочь-ALL

- (4б) *epeqeʔ-Ø Ø-retqə-n-ejmek-wʔe*
 бабушка-NOM.SG 2/3S/A-каша-TR-приближаться-ТН-2/3SG.S
ɲaakka-ytə
 дочь-ALL
 ‘Бабушка подала кашу дочке’.

⁴ Инкорпорированное подлежащее, как правило, является пассивным участником [Недялков 1977; 1982], однако см. работу [Polinsky 1990], где представлен альтернативный анализ.

- (5) *yəm tə-qaə-yəntak-wʔa*
 я 1SG.S/A-олень-убегать-ТН
 ‘От меня убежали олени’ / ‘Мои олени убежали’.

С точки зрения типологии инкорпорации, чукотский можно отнести к языкам III типа ([Mithun 1984; Rosen 1989; Spencer 1995; Baker et al. 2005]). Согласно определению [Mithun 1984], третий тип инкорпорации предполагает выражение с помощью инкорпорированного имени уже известных, не новых и не обладающих дискурсивной важностью участников ситуации ([Mithun 1984: 859]). В чукотском языке продуктивно и регулярно в глагол инкорпорируется пациенс или тема, переставая индексироваться как аргумент этого глагола и «освобождая» аргументную позицию для другой именной группы (ср. (1)–(2) и (3)–(5) соответственно). Инкорпорация в чукотском, как показано в работах [Polinskaja, Nedjalkov 1987; Kozinsky et al. 1988], может быть использована для манипуляции информационной структурой — инкорпорированный аргумент, как правило, не является ни темой, ни ремой высказывания. Схожие свойства наблюдаются и в амгуэмском говоре чукотского языка. Проиллюстрировать это может следующий пример из текста, описывающего зимнюю кочевку. В примере (6) в дискурс впервые вводятся нарты, на которые мужчины грузят сложенные яранги. В следующей клаузе именной корень *orwə*, обозначающий нарты, которые более не являются ни новым, ни центральным участником дискурса, инкорпорированы в основу глагола ‘равнять’ (7).

- (6) *n-ine-t-iŋeŋ-ŋə-muri* *orwə-t*
 ST-INV-MAKE-ноша-MAKE-NP.1PL нарта-NOM.PL
 ‘...Загружаем нарты...’.

- (7) *əŋqorə qɫawəl-te*
 потом мужчина-NOM.PL
n-orwə-n-peyt-aw-qena-t=ʔəm
 ST-нарта-CS-прямой-TR-ST.3SG-PL=EMPH
 ‘Потом мужчины строят загон из нарт (букв. «Равняют нарты»)’.

Наиболее важными работами по инкорпорации подлежащего непереходного глагола и прямого объекта переходного глагола в

чукотском являются [Скорик 1948b; Недялков 1977, 1982; Polinskaja, Nedjalkov 1987; Polinsky 1990; Spencer 1995; Муравьева 2004].

В чукотском языке существуют и гораздо менее характерные для языков мира (а также менее изученные) типы инкорпоративных комплексов. Как отмечено в работах [Скорик 1948b; Muravyova et al. 2001; Муравьева 2004], в чукотском языке в глагол могут инкорпорироваться не только аргументы (3)–(5), но и адъюнкты. В частности, в непереходный глагол может инкорпорироваться участник с ролью Цели (8) [Скорик 1948b: 72–73]⁵.

- (8) *Ø-ʔatʔa-lqat-ʔʔ-e* *waɫwə-jʃə-n*
2/3S/A-озеро-пойти-ТН-2/3SG.S ворон-AUG-NOM.SG
‘К озеру пошел ворон’.

Такие примеры цитируются в описаниях [Скорик 1948b, 1977; Muravyova et al. 2001], однако какой-либо информации о регулярности образования таких конструкций не дается. Подробно не комментируется инкорпорация Цели и в работе [Spencer 1995], дающей формальный анализ инкорпорации в чукотском. Мы рассмотрим подобные комплексы и опишем ограничения на их образование в Разделе 5 настоящей работы.

В чукотском языке существуют и инкорпоративные комплексы, в которых соединены основы двух глаголов [Скорик 1948b; Dunn 1999; Виняр 2016]. В этой работе мы сопоставим один из типов инкорпорации глагола в глагол с инкорпорацией имени в глагол (Раздел 6).

Другой особенностью чукотского языка является способность существительных инкорпорировать зависимые имена (9), прилагательные (10) и основы глаголов (11).

- (9a) *Ø-rə-təmnew-ni-n*
2/3.S/A-TR-теряться-3SG.A.3.O-3SG.O
saj-koka-ken *kaʔəɣajpə-n*
чай-кастрюля-REL крышка-NOM.SG

⁵ Следует отметить, что по крайней мере с точки зрения обязательности участник с ролью Цели не является аргументом глагола (*ʔ*)*qat* ‘пойти’ в чукотском. Высказывание *qat-ʔʔ-i* ‘пойти-ТН-2/3SG.S (Он ушел)’ вполне может служить ответом на вопрос *Emi Alʔoša?* ‘Где Алеша?’.

- (9б) *∅-rə-tətnew-ni-n*
 2/3.S/A-TR-теряться-3SG.A.3.O-3SG.O
saj-koka-kaγəγajpə-n
 чай-кастрюля-крышка-NOM.SG
 ‘Он потерял крышку чайника («чайной кастрюли»)’.
- (10a) *n-ewəłqə-qin* *wałə*
 ST-тупой-ST.3SG нож.NOM.SG
∅-pəne-ni-n
 2/3.S/A-точить-3SG.A.3.O-3SG.O
- (10б) *awəłqə-wałə* *∅-pəne-ni-n*
 тупой-нож.NOM.SG 2/3.S/A-точить-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Он поточил тупой нож’.
- (11a) *tawta-w-łə-n* *ʔəttʔə-qej-∅*
 лаять-ATR-NOM.SG собака-DIM-NOM.SG
∅-rə-qametwa-w-ne-n
 2/3.S/A-TR-есть-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
- (11б) *tawta-w-ʔəttʔə-qaj-∅*
 лаять-собака-DIM-NOM.SG
∅-rə-qametwa-w-ne-n
 2/3.S/A-TR-есть-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Он покормил лающую собаку’.

Как показано в грамматиках [Dunn 1999; Muravyova et al. 2001], инкорпорация в существительное является необязательной в номинативных именных группах, но обязательна во всех остальных падежах. Таким образом, именная группа всех падежей кроме номинатива всегда представляет из себя одну словоформу. Именно поэтому в данной работе мы рассмотрим только номинативные именные комплексы. Исследование инкорпорации всех типов именных зависимых выходит за рамки данной работы: в этой статье мы рассмотрим только инкорпорацию глагольной основы в именную основу. Эта конструкция без инкорпорации соответствует конструкции «причастие — имя в номинативе» (ср. (11a) и (11б)).

2.3. Теоретические подходы к инкорпорации

До сих пор абсолютное большинство работ по инкорпорации было посвящено «классической инкорпорации», т. е. продуктивному включению имени — внутреннего аргумента глагола (прямой объект переходного глагола и подлежащее неаккузативного глагола) в глагол. Это касается как «лексикалистских» подходов, рассматривающих инкорпорацию как лексическую операцию (см. [Rosen 1989; Spencer 1995]), так и деривационно-синтаксических, анализирующих инкорпорацию как перемещение вершины (*head movement*) в синтаксисе ([Baker 1988, 1996; Baker et al. 2005]). При этом по крайней мере некоторые языки (см. [Merlan 1976; Evans 2003]) помимо такой «классической» инкорпорации допускают и инкорпорацию имен, обозначающих участников, не являющихся Темами/Пациенсами. Некоторые недавние формально-синтаксические подходы к инкорпорации ([Muro 2009; Barrie 2015]) обсуждают возможность инкорпорации косвенных объектов, упоминая наличие таких конструкций в языках с инкорпорацией, однако не комментируют ограничения на образование таких конструкций. В результате складывается ситуация, при которой инкорпорация косвенного объекта оказывается вне теоретических дискуссий об именной инкорпорации в целом. С одной стороны, инкорпорация косвенного объекта наблюдается в языках с продуктивной и регулярной инкорпорацией, что говорит о схожести инкорпорации косвенного объекта с «классической» инкорпорацией. С другой стороны, до сих пор малоизвестны ограничения на инкорпорацию косвенного объекта даже в отдельных языках. Это приводит к тому, что некоторые исследователи инкорпорации в принципе не рассматривают инкорпорацию косвенного объекта (и другие «неклассические» случаи инкорпорации), см. рассуждения в [Baker 1996; Baker 2009] о том, что все случаи инкорпорации косвенного объекта являются разновидностью основосложения (*compounding*), то есть исключительно лексического и непоследовательного процесса.

Такой «игнорирующий» подход к «неклассической» инкорпорации критиковался исследователями языков, в которых «неклассическая» инкорпорация встречается наравне с «классической» (см. [Spencer 1995] для чукотского языка и [Evans 2003] для языка пининь кун-уок). На наш взгляд, вопрос о принадлежности или

непринадлежности двух явлений к одному более общему является скорее вопросом классификации, а не лингвистического исследования (см. [Croft 2001: 29–45]). Куда более важным является детальное рассмотрение поведения и ограничений на образование конструкций в языках мира. Именно поэтому одна из целей нашей работы — показать на материале чукотского языка, что образование комплексов, отличающихся по структуре от «классической инкорпорации», не является непредсказуемым и нерегулярным, хотя и отличается от «классической инкорпорации» в некоторых аспектах. Как мы покажем далее, при инкорпорации глагола в имя, глагола в глагол и пространственного участника в глагол задействованы определенные регулярные правила, что говорит против решения задавать такие комплексы списком в словаре и в пользу дальнейшего изучения подобных конструкций в чукотском и других языках.

3. Инкорпорация основы зависимого глагола в именную вершину

В этом разделе мы рассмотрим особенности категории причастия и инкорпорации причастия в чукотском. В Разделе 3.2 показано, что конструкции с инкорпорированным причастием возможны только при определенной аспектуальной семантике («постоянного признака предмета» или «необратимого воздействия на предмет»). Цель Раздела 3.3 — показать, что на образование инкорпоративных комплексов с зависимым компонентом-причастием в чукотском влияют прежде всего никак не выраженные морфосинтаксически характеристики ситуации, обозначенной глаголом.

3.1. Причастие в чукотском

Причастие в чукотском образуется от глагольной основы с помощью двух показателей: *-lʔ* и *-jo*. Вопросы, связанные с образованием и функционированием причастий (в частности — вопрос релятивизации в чукотском), описаны в [Polinsky 1994] и [Dunn 1999: 138–143]. Для целей данной статьи важно лишь то, что причастные формы с положительной полярностью, релятиви-

зующие S⁶-участника⁷ (далее — «активные»), образуются с помощью суффикса *-lʔ* (12).

- (12) *ənən* *Ø-lʔu-ni-n*
он.INS 2/3.S/A-видеть-3SG.A.3.O-3SG.O
peqentatə-lʔə-n *ɲinqeɟ-Ø*
упасть-ATR-NOM.SG мальчик-NOM.SG
‘Он увидел падающего/упавшего мальчика’.

Причастия, релятивизирующие Р-участника переходного глагола (далее — «пассивные»), маркируются суффиксом *-jo* (13).

- (13) *Ø-lʔu-ni-ne-t*
2/3.S/A-видеть-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
tajkə-jo-t *jara-t*
делать-PTCP.PASS-NOM.PL дом-NOM.PL
‘Он увидел построенные/строящиеся дома’.

Нужно отметить, что причастные формы, как активные, так и пассивные, в чукотском не различают результативных и нерезультативных значений⁸, ср. примеры (12), где употребляется активное причастие, и (13), в котором используется пассивное причастие.

Аналитической конструкции как с активным (12), так и с пассивным причастием (13) может соответствовать комплекс, в котором в имя инкорпорирован глагол (14б). Таким образом, общий для чукотских инкорпоративных комплексов порядок Зависимое-Вершина сохраняется (см. глагольные комплексы в

⁶ Здесь и далее под S-участником понимается единственный участник (выраженный в чукотском номинативом) синтаксически непереходного глагола, под А-участником — активный участник (выраженный инструменталисом) синтаксически переходного глагола, под Р-участником — пациентивный участник переходного глагола (выраженный в чукотском номинативом). В случае с непереходными глаголами, обозначения S_A и S_P соответствуют агентивным и пациентивным единственным участникам соответственно.

⁷ Здесь и далее роль участника (S, А, Р), которого релятивизует причастие, определяется по отношению к клаузе, обозначенной причастием, а не по отношению к клаузе, в которой находится именная группа с причастием.

⁸ Это семантическое свойство *lʔ*-причастия было впервые отмечено в работе [Скорик 1948а].

(3)–(5), где правую позицию занимает глагол). В дальнейшем мы будем называть конструкции типа (14б)–(15) «инкорпорацией глагола в имя».

(14a) *tipʔejje-tʔə-n* *ɲewasqet-∅*
 петь-ATR-NOM.SG девушка-NOM.SG
 ‘Поющая (в данный момент) девушка / Девушка, которая постоянно поет’.

(14б) *tipʔejje-ɲewasqet-∅*
 петь-девушка-NOM.SG
 ‘Девушка, которая постоянно поет / Певица’.

(15) *emte-wala-jɲə-n*
 нести.на.себе-нож-AUG-NOM.SG
 ‘Большой поясной нож’ («нож, который носят на поясе»).

В следующем разделе мы рассмотрим семантические типы глагольно-именных комплексов и определим ограничения на их образование.

3.2. Возможные именные комплексы с инкорпорированным глаголом

Так как причастия в чукотском не дифференцированы по аспекту, то и ситуации-процессы, и ситуации-результаты могут быть выражены в чукотском морфосинтаксически одинаковыми аналитическими конструкциями с причастием. Однако далеко не все типы ситуаций могут быть выражены комплексом с глаголом, инкорпорированным в имя. Конструкции с инкорпорированным глаголом выражают более ограниченный набор значений и могут быть поделены на два типа: комплексы, где инкорпорированный глагол обозначает постоянную характеристику участника, обозначенного именем-вершиной (14)–(16), и комплексы, в которых глагол обозначает завершённое действие, повлекшее существенное (часто — необратимое) изменение участника (17)–(19).

(16) *∅-ʔejɲew-ni-n* *kətuɲntə-ɲenqaj-∅*
 2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O бегать-мальчик-NOM.SG
 ‘Он позвал постоянно бегающего мальчика (того, который все время бежит, бегуна)’.

- (17) *tə-piri-yʔe-n* *pətkəntə-qepət-∅*
 1SG.S/A-братъ-ТН-3SG.O лопаться-мяч-NOM.SG
 ‘Я взял лопнувший мяч’.
- (18) *∅-resqik-wʔi* *tajkə-jara-k*
 2/3.S/A-входить-3SG.S строить-дом-LOC
 ‘Он вошел в построенный дом’.
- (19a) *tə-piri-yʔe-n* *simetə-tʔə-n*
 1SG.S/A-братъ-ТН-3SG.O ломаться-ATR-NOM.SG
kojʔə-n
 чашка-NOM.SG
- (19б) *tə-piri-yʔe-n* *semat-kojʔə-n*
 1SG.S/A-братъ-ТН-3SG.O ломаться-чашка-NOM.SG
 ‘Я взял разбитую чашку’.

Различие между двумя типами комплексов возникает из разницы акциональных классов инкорпорированных глаголов. Предельные предикаты, аргумент которых в результате действия получает существенные изменения, образуют комплексы со значением «необратимого изменения» (17)–(19), инкорпорируясь в имя, выражающее измененного участника. В то же время глаголы, обозначающие преимущественно непредельные ситуации, или потенциально предельные ситуации, в которых имя — вершина комплекса не подвергается изменениям, образуют комплексы со значением «постоянной характеристики» (14)–(16). Следует отметить, что значение комплекса не зависит от типа релятивизуемого участника, так как существуют примеры инкорпорации со значением «постоянной характеристики» причастий, релятивизирующих как Р-участника (15), так и А-участника (20). Отметим, что комплексы со значением «существенного изменения» образуются только при инкорпорации причастий, релятивизирующих S_P- (19) или Р-участников (18). Это объясняется тем, что А или S_A участники как правило не претерпевают изменений в ходе протекания ситуации, обозначенной причастием.

- (20a) *ənən* *∅-ʔejjew-ni-n* *ɲinqej-∅*
 он.INS 2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O мальчик-NOM.SG

kupre-swi-lʔə-n

сеть-резать-ATR-NOM.SG

‘Он позвал мальчика, режущего сеть’.

(20б) *ənan* \emptyset -*ʔejjɛw-ni-n*

он.INS 2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O

kupre-swi-ŋinqej-∅

сеть-резать-мальчик-NOM.SG

‘Он позвал мальчика, постоянно портящего сети’.

При этом не все глагольные основы могут быть инкорпорированы в имя. Судя по всему, инкорпоративным комплексом не могут быть выражены те ситуации, в результате которых релятивизованный участник не изменяется необратимо (перестает или начинает (18) существовать, ломается, меняет форму (17), (19)) и которые не могут пониматься как постоянная характеристика. В примере (21) мальчик не меняется в результате падения необратимо, в отличие от примера (17), где в результате «лопанья» мяч приходит в негодность.

(21а) *ənan* \emptyset -*lʔu-ni-n*

он.INS 2/3.S/A-видеть-3SG.A.3.O-3SG.O

peqetat-lʔə-n

ŋinqej-∅

падать-ATR-NOM.SG

мальчик-NOM.SG

(21б) **ənan* \emptyset -*lʔu-ni-n*

он.INS 2/3.S/A-видеть-3SG.A.3.O-3SG.O

peqetat-ŋenqaj-∅

падать-мальчик-NOM.SG

Ожидаемое значение: ‘Он увидел упавшего мальчика’⁹.

Следует отметить, что инкорпорированная глагольная основа не может обладать актуально-длительной интерпретацией (22)–(23).

(22) *ənan* \emptyset -*ʔejjɛw-ni-n*

он.INS 2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O

⁹ Следует отметить, что интерпретация ‘Он увидел мальчика, который постоянно падает’ не делает эту конструкцию допустимой.

tɪpʁejɲe-tʁə-ɲewəsqet-∅

петь-ATR-девушка-NOM.SG

а. ‘Он позвал поющую (любящую петь) девушку’.

б. # ‘Он позвал поющую (сейчас, в данный момент) девушку’.

(23а) *∅-ʁejɲew-ni-n*

katyántə-tʁə-n

2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O бегать-ATR-NOM.SG

ɲiŋqej-∅

мальчик-NOM.SG

‘Он позвал бегущего мальчика’.

(23б) *∅-ʁejɲew-ni-n*

katyántə-ɲenqaj-∅

2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O бегать-мальчик-NOM.SG

‘Он позвал постоянно бегающего мальчика (бегуна)’.

‘Он позвал бегущего мальчика’.

Ограничения на значение инкорпоративной конструкции проявляются и в невозможности инкорпорировать в имя основы глаголов перемещения типа ‘приходить’, ‘уходить’. Обозначаемые такими глаголами ситуации, с одной стороны, не оказывают необратимого воздействия на перемещающегося участника, а с другой стороны, не могут быть интерпретированы как его постоянная характеристика (24).

(24а) *∅-ʁejɲew-ni-n*

ekwetə-tʁə-n

2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O уйти-ATR-NOM.SG

ətʁəxə-n

отец-NOM.SG

(24б) **∅-ʁejɲew-ni-n*

ekwet-ətʁəxə-n

2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O уйти-отец-NOM.SG

Ожидаемое значение: ‘Он позвал ушедшего/постоянно уходящего отца’.

С другой стороны, глагол *ekwet-* ‘уйти’ может быть инкорпорирован в своем переносном значении, образуя комплексы со значением ‘ушедший навсегда, умерший X’ (25). В этом случае можно считать, что инкорпорированный глагол обозначает ситуацию, необратимо изменяющую релятивизованного участника.

- (25) *ekwet-atłayə-n*
уйти-отец-NOM.SG
'умерший отец'

Таким образом, глагольно-именные комплексы в чукотском образуются в том случае, когда инкорпорированный глагол обозначает либо постоянную характеристику участника, либо ситуацию, существенно (или необратимо) изменяющую участника. Из этих принципов следуют и описанные выше ограничения на инкорпорацию. Кроме того, оба принципа в некотором смысле объединены общим компонентом. Оба типа инкорпорации глагола в имя выражают «постоянный признак»: либо приобретение этого постоянного признака (инкорпорация со значением «необратимого изменения»), либо обладание этим постоянным признаком (инкорпорация со значением «постоянной характеристики»). Семантика инкорпорированных в имя глаголов, таким образом, близка семантике предикатов индивидуального уровня (*individual-level predicates*, см. [Kratzer 1995]) в других языках.

В следующем разделе мы обсудим, почему подобные ограничения на инкорпорацию глагола в имя с трудом поддаются описанию с точки зрения анализа инкорпорации как синтаксической трансформации.

3.3. Инкорпорация в имя: возможность синтаксического описания

Для представления чукотских глагольно-именных комплексов как результата трансформации аналитической конструкции необходимо, чтобы каждому инкорпоративному комплексу соответствовал некоторый аналитический аналог. Если ограничения на образования комплексов являются синтаксическими, то способность или неспособность аналитической конструкции преобразовываться в инкорпоративную должна зависеть от синтаксических свойств конструкции.

Нельзя сказать, что инкорпорация глагола в имя носит нерегулярный характер — если причастие обозначает постоянную характеристику или ситуацию, повлекшую необратимое изменение релятивизируемого имени, то, согласно нашим данным, инкорпорация причастия в имя является вполне регулярным процессом. Однако разница между конструкцией с причастием, у которой

существует инкорпоративный синоним, и конструкции с причастием, семантика которой не может быть выражена с помощью инкорпоративного комплекса, лежит только в области семантики (ср. примеры (26а) и (26б)).

(26а) \emptyset -*ʔejjɛw-ni-ne-t* *tipʔejjɛ-tʔə-t*
2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL петь-ATR-NOM.PL
ɲewəsqet-ti

девушка-NOM.PL

‘Он позвал поющих девушек’.

‘Он позвал постоянно поющих девушек (певиц)’.

(26б) \emptyset -*ʔejjɛw-ni-ne-t* *tipʔejjɛ-ɲewəsqet-ti*
2/3.S/A-звать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL петь-девушка-NOM.PL

‘Он позвал поющих девушек’.

‘Он позвал постоянно поющих девушек (певиц)’.

Таким образом, для инкорпорации причастия в чукотском наиболее естественным является описание без обращения к аналитическому аналогу инкорпоративной конструкции. Инкорпорированный в имя глагол может выражать значение постоянного признака или необратимого изменения участника, обозначенного релятивизованным именем, независимо от того, как синтаксически устроена аналитическая конструкция с именем, выражающая то же значение. С другой стороны, инкорпорированный в имя глагол никогда не выражает некоторых значений (таких как семантика актуальной длительности).

4. Чукотские глаголы перемещения

4.1. Выражение направления (Path) и способа (Manner) перемещения в чукотском

В этом разделе мы кратко опишем необходимую информацию о глаголах перемещения в чукотском. Здесь представлены только основные сведения, необходимые нам в дальнейшем изложении.

Направление и траектория перемещения (Path) лексикализуется в основе глагола¹⁰, в то время как характер или способ

¹⁰ Это означает, что разные комбинации этих значений выражаются разными глагольными основами.

перемещения (Manner) [Talmy 2000] в большинстве случаев выражается конвербом, оформленным показателем инструменталиса¹¹ (27).

- (27) *ɲinqej-∅ jara-ɣtə ∅-ekwet-ɣʔ-i*
 мальчик-NOM.SG дом-ALL 2/3.S/A-уйти-TH-2/3.SG.S
kəɣəntat-a kaletkora-jpə
 бежать-INS школа-ABL
 ‘Мальчик побежал из школы домой’.

Глагол, выражающий способ перемещения, может быть инкорпорирован в глагол, обозначающий перемещение (28).

- (28a) *ɣatɣa-t ∅-ekwetə-rkət riŋ-e*
 птица-NOM.PL 2/3.S/A-уйти-IPFV.PL лететь-INS

- (28б) *ɣatɣa-t ∅-riŋ-ekwetə-rkət*
 птица-NOM.PL 2/3.S/A-лететь-уйти-IPFV.PL
 ‘Птицы улетают / собираются улететь’.

При этом сами глаголы, кодирующие способ перемещения (летать, бегать), скорее не способны самостоятельно выражать направленное перемещение (ср. (27) и (29)), а при самостоятельном употреблении в наиболее перфективной форме¹² выражают начало движения (30) или протекание процесса движения в прошлом¹³ (29).

- (29) *ʔɲinqej-∅ jara-ɣtə ∅-kəɣəntat-ɣʔ-e*
 мальчик-NOM.SG дом-ALL 2/3.S/A-бежать-TH-2/3.SG
kaletkora-jpə
 школа-ABL
 ‘Мальчик бежал из школы домой’.

- (30) *ɲinqej-∅ ∅-kəɣəntat-ɣʔe*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-бежать-2/3.SG
 ‘Мальчик побежал’.

¹¹ Остается вопросом, является ли подобный нефинитный глагол вершиной зависимой клаузы (как другие чукотские конвербы [Dunn 1999: 244]).

¹² В чукотском языке наиболее перфективная форма является немаркированной.

¹³ Возможно, что процессуальные интерпретации таких глаголов в форме аориста возникают как импликации (побежал → бежит).

Существует несколько основных наименее специфицированных (с точки зрения способа перемещения или типа перемещающегося участника) глаголов перемещения (в (28) один из них сочетается с субъектом-животным, в (32) — с человеком): *pkir*- ‘прибыть’ (31), *ekwet*- ‘уйти’ (32), (*t*)*qət*- ‘пойти’¹⁴ (35), *yała*- ‘пройти, обогнать’ (34) и *pełqəntet*- ‘вернуться’ (33). Как видно из примеров ниже, способ перемещения, обозначенного этими глаголами, может быть выражен с помощью инкорпорации в них основ глаголов с соответствующим значением.

- (31) *yałya-t* \emptyset -*riŋe-pkir-yəe-t*
птица-NOM.PL 2/3.S/A-взлететь-прибыть-ТН-PL
weem-sormə-k
река-SIDE-LOC
‘Птицы прилетели на берег речки’.
- (32) *tə-ra-raswəŋ-akwat-yəa*
1SG.S/A-FUT-бежать.в.гонке-уйти-ТН
‘Я побегу в соревнованиях’.
- (33) *ətłəyə-n*
отец-NOM.PL
 \emptyset -*r?ite-pełqəntet-y?i*
2/3.S/A-скакать.в.гонке.на.оленях-вернуться-2/3SG.S
‘Отец прискакал обратно на олене’.
- (34) *ŋinqeј-e* *raswəŋ-yała-ni-ne-t*
мальчик-INS бежать-обогнать-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
ŋeekkeqeј-ti
девочка-NOM.PL
‘Мальчик бегом обогнал девочек’.

¹⁴ Основа глагола *tqət*- ‘пойти’ встречается в двух разных формах — срединной и начальной (без первого согласного). Разница в значении между *tqət*- ‘пойти’ и *ekwet*- ‘уйти’ кажется достаточно слабо выраженной. В большинстве контекстов носители считают эти глаголы взаимозаменяемыми, некоторые предпочитают использовать только один из этих глаголов.

- (35) *t-kətʏəntə-tqət-ʏʔa*
 1SG.S/A-бежать-пойти-ТН
 ‘Я побежал’.

Факультативные пространственные участники с ролью Цели при этих глаголах оформляются аллативом, а участники с ролью Источника — аблативом (27) (кроме глагола *ʏʔa-* ‘обогнать’, являющегося А-лабилным и не рассматриваемого далее). Тем не менее, глаголы различаются тем, в какой из двух точек (Цель или Источник) находится участник в перфективной ситуации. Часть глаголов обозначает достижение Цели (то есть завершение перемещения), а часть — покидание Источника (то есть начало перемещения). В двух следующих разделах мы поделим представленные основные глаголы перемещения на эти две группы. Это разделение не обязательно говорит о том, что для глаголов первой группы Цель является аргументом, а Источник — адъюнктом (и наоборот), а скорее демонстрирует разницу семантики глаголов этих двух групп.

4.2. Глаголы, выражающие достижение Цели

Основным глаголом, ориентированным на «достижение конечного пункта траектории (Цели)», является глагол *pkir-* ‘прибыть’, который в форме аориста не имеет процессуальной интерпретации, а означает только достижение Цели (36).

- (36) *ətʔəʏ-n* \emptyset -*pkir-ʏʔ-i* *waam-etə*
 отец-NOM.SG 2/3.S/A-прибыть-ТН-2/3.SG.S река-ALL
vezdehod-a
 вездеход-INS
 ‘Отец приехал к реке на вездеходе’.

Другим таким глаголом является *petqəntet-* ‘вернуться’ (37)¹⁵:

- (37) *t-petqəntet-ʏʔa-k* *jara-k* *tə-qametwa-rkən*
 1SG.S/A-вернуться-ТН-1SG.S дом-LOC 1SG.S/A-есть-IPFV
 ‘Вернулся (домой), сажу дома и ем’.

¹⁵ Некоторые носители употребляют этот глагол чаще в значении ‘развернуться’.

4.3. Глаголы покидания Источника и начала движения к Цели

Другие глаголы в наиболее перфективной форме обозначают начало движения к Цели (38)–(39).

- (38) *ətłəʊ-n* *ŋətʷəl-epə* \emptyset -*ekwet-ʏʔ-i*
отец-NOM.SG стадо-ABL 2/3.S/A-уйти-TH-2/3.SG.S
rataj-etə
поселок-ALL
‘Отец ушел со стада в поселок’.

- (39) *miʏsir-etə* \emptyset -*qət-ʏʔ-i*
работа-ALL 2/3.S/A-пойти-TH-2/3.SG.S
‘Он пошел на работу’.

В отличие от остальных вышеперечисленных глаголов, у глагола (*t*)*qət-* в имперфективной форме возможна актуально-длительная интерпретация (40).

- (40) *welətkora-ʏtə* *tə-tqətə-rkən!*
магазин-ALL 1SG.S/A-пойти-IPFV
{ — Куда ты идешь? } ‘ — Я иду в магазин!’

Данное разделение на глаголы «достижения Цели» и глаголы «покидания Источника» оказывается важным с точки зрения ограничений на инкорпорацию, несмотря на то, что не накладывается на глаголы и их пространственных участников никаких собственных морфосинтаксических ограничений (клаузы с глаголами обоих типов могут содержать как Цель (выраженную именной группой, оформленной аллативом), так и Источник (выраженный именной группой, оформленной аблативом)).

5. Инкорпорация пространственных участников в чукотском

5.1. Инкорпорация участника с ролью Источника перемещения

Некоторые из рассмотренных нами выше глаголов (*pkiŋ-* ‘прибыть’, *peŋqəntet-* ‘вернуться’¹⁶) допускают инкорпорацию

¹⁶ Не все носители допускают инкорпорацию какого-либо пространственного участника в этот глагол. Возможно, это связано с тем, что для ряда информантов глагол *peŋqəntet-* значит ‘развернуться’, а не ‘вернуться’.

участника с ролью Источника перемещения, оформленного аблативом в аналитической конструкции (41)–(42).

(41a) *ɲinqeɟ-∅* *∅-jara-pker-γʔ-e*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-дом-прибыть-ТН-2/3.SG.S
kaletkora-γtə
 школа-ALL

(41б) *ɲinqeɟ-∅* *∅-pkir-γʔ-i*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-прибыть-ТН-2/3.SG.S
jara-jpə *kaletkora-γtə*
 дом-ABL школа-ALL
 ‘Мальчик пришел из дома в школу’.

(42a) *∅-ramaj-paɫqəntat-γʔ-e*
 2/3.S/A-поселок-вернуться-ТН-2/3.SG.S

(42б) *∅-peɫqəntet-γʔ-iramaj-γəpə*
 2/3.S/A-вернуться-ТН-2/3.SG.S поселок-ABL
 ‘Он вернулся из поселка’.

Глаголы, инкорпорирующие Источник, не способны инкорпорировать Цель перемещения (43), независимо от того, выражен или нет при этом Источник отдельной словоформой (43б)–(44).

(43a) **ɲinqeɟ-∅* *∅-jara-pker-γʔ-e*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-дом-прибыть-ТН-2/3SG.S
kaletkora-jpə
 школа-ABL
 Ожидаемое значение: ‘Мальчик пришел из школы домой’.

(43б) *ɲinqeɟ-∅* *∅-jara-pker-γʔ-e*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-дом-прибыть-ТН-2/3SG.S
 # ‘Мальчик пришел домой’.
 ‘Мальчик пришел (сюда) из дома’.

(44) *∅-ramaj-paɫqəntat-γʔ-e*
 2/3.S/A-поселок-вернуться-ТН-2/3SG.S
 # ‘Он вернулся в поселок’.
 ‘Он вернулся из поселка’.

Можно было бы предположить, что глаголы «достижения Цели» инкорпорируют именно Источник, а не Цель перемещения,

так как Источник перемещения для этих глаголов гораздо меньше претендует на аргументный статус, чем Цель. Забегая вперед, стоит отметить, что синтаксически при этих глаголах и Цель, и Источник ничем не различаются (как и при глаголах «покидания Источника») — как и другие именные группы в чукотском (см. [Dunn 1999]), они могут быть и переставлены, и опущены.

5.2. Инкорпорация участника с ролью Цели перемещения

Глагол *ekwet-* ‘уйти’¹⁷ и лексический суффикс *-yt* ‘GO.TO’¹⁸, обозначающие «покидание Источника и движение к Цели», инкорпорируют Цель перемещения (45)–(46).

(45a) *ɲinqeɟ-∅* *∅-kaɬetkor-akwat-ɣʔ-e* *jara-ɟpə*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-школа-уйти-ТН-2/3SG.S дом-ABL

(45b) *ɲinqeɟ-∅* *∅-ekwet-ɣʔ-i* *jara-ɟpə*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-уйти-ТН-2/3SG.S дом-ABL
kaɬetkora-ɣtə
 школа-ALL
 ‘Мальчик ушел из дома в школу’.

(46) *∅-kopra-ɣtə-ɣʔe*
 2/3.S/A-сеть-GO.TO-2/3.SG.S
 ‘Он пошел к сетям’.

Как и в случае с глаголами с инкорпорацией Источника перемещения, приведенный выше глагол способен инкорпорировать участника только с определенной ролью. Глагол *ekwet-* ‘уйти’ не может инкорпорировать Источник перемещения (ср. (45) и (47)).

¹⁷ Глагол *ɬqət-* ‘пойти’, рассмотренный в Разделе 4.3, согласно большинству информантов, не способен инкорпорировать ни Цель, ни Источник. Возможно, это связано с тем, что он синонимичен лексическому суффиксу *-yt* ‘GO.TO’. По крайней мере, сконструированные инкорпоративные комплексы с вершиной *ɬqət-* многими информантами заменяются на аналогичные с этим суффиксом.

¹⁸ Эту морфему следует считать скорее суффиксом, так как, несмотря на лексическое значение ‘пойти куда-то’, самостоятельно она не употребляется. Здесь и далее комплексы с *-yt* ‘GO.TO’ мы будем называть инкорпоративными, а не деривационными, поскольку они развились в процессе грамматикализации инкорпоративных комплексов инкорпоративных комплексов.

- (47) **jinkej-Ø* *Ø-katetkor-akwat-γʔe* *jara-γtə*
 мальчик-NOM.SG 2/3.S/A-школа-уйти-2/3SG.S дом-ALL
 ‘Мальчик ушел из школы домой’.

Стоит отметить, что инкорпорированный элемент в таких комплексах мало ограничен лексически. Инкорпорированной, как и при других типах инкорпорации, может быть как исконно чукотская лексика, так и заимствованные слова (48).

- (48) *Ø-kino-akwat-γʔe*¹⁹
 2/3.S/A-кино-уйти-2/3SG.S
 ‘Он пошел в кино’.

5.3. Инкорпорация других участников в глаголы перемещения

Существуют также инкорпоративные комплексы с вершинной — глаголом перемещения, в которых инкорпорированный элемент является Фигурой (перемещающимся участником) (49). Такая конструкция родственна инкорпорации единственного не-агентивного участника в глагол (см. пример (5) в Разделе 2.2), однако отличается от нее большей активностью инкорпорированного участника.

- (49) *t-re-remkətʔə-pkir-γʔe*
 1SG.S/A-FUT-гость-прибывать-ТН
em-re-miysiren-η-e
 REST-DES-работать-DES-INS
 ‘Ко мне придут гости, чтобы поработать’.

Такие комплексы с глаголами перемещения являются лексикализованными, и большинством носителей допускается только инкорпорация существительного *remkətʔ* ‘тот, кто ходит в гости, гость’. При этом более свободно инкорпорировывают Фигуру глаголы способа перемещения (см. Раздел 4.1). Как правило, такие инкорпоративные комплексы описывают интенсивное и неконтролируемое движение множественных участников (50).

¹⁹ Следует отметить, что в данном примере не соблюдаются правила гармонии гласных чукотского языка, что может быть свидетельством неполной интеграции заимствованного существительного.

(50a) *ajwe nətnətə-k ʎa-ʎaʎa-reŋa-ʎen*
вчера поселок-LOC PF-птица-лететь-PF.3SG
'Вчера в поселке летало много птиц'.

(50б) *ajwe ʎa-qora-rʔeta-ʎen*
вчера PF-олень-скакать-PF.3SG
'Вчера олени сильно много носились'.

Следует отметить, что глаголы *rʔite-* 'скакать', *riŋe-* '(вз)лететь' и другие подобные им глаголы «характера перемещения» не могут инкорпорировать ни Источник, ни Цель перемещения.

Кроме того, инкорпорация участников с ролью Цели или Источника невозможна в глаголы неконтролируемого перемещения, единственный актанта которых является Пациентом. В этом случае инкорпоративный комплекс всегда будет «трактовать» инкорпорированное имя как Пациента ситуации (51).

(51a) *ənrənasʉ-n ʎa-peqetat-ʎen nota-sq-etə*
старик-NOM.SG PF-упасть-PF.3SG земля-SURF-ALL
orw-epə
нарта-ABL
'Старик упал с нарты на землю'.

(51б) *ənrənasʉ-n ʎ-orwə-peqetat-ʎen*
старик-NOM.SG PF-нарта-упасть-PF.3SG
'У старика просела (сломалась) нарта'.

Это, в свою очередь, может отражать некоторую иерархию ролей, доступных для инкорпорации (на вершине которой находится Пациент) [Spencer 1995]. Однако, как мы убедились, включить роли Источника и Цели в эту иерархию затруднительно. В данном случае возможность инкорпорировать зависит не столько от самих ролей, сколько от семантики глаголов. Более того, возможность инкорпорировать не зависит от того, насколько инкорпорлируемая роль претендует на статус аргумента глагола. Если глаголы «достижения Цели» инкорпорировать Источником, то для глаголов, семантически близких к 'пойти', ожидаемой была бы также инкорпорация Источника, однако такие глаголы инкорпорировать Цель. Каждый глагол допускает инкорпорацию только одной из этих ролей в обратной зависимости от ориентации глагола на «достижение Цели» или «покидание Источника».

В следующем разделе мы рассмотрим инкорпорацию глагола в глагол в чукотском, ограничения на которую во многом близки к ограничениям на инкорпорацию имен с ролью Цели или Источника.

6. Инкорпорация глагола в глагол

В чукотском выделяется два основных типа глагольно-глагольных комплексов²⁰. Как и в других конструкциях инкорпорации в чукотском, вершина инкорпоративного комплекса находится справа, а зависимое — слева. Первый тип — инкорпорация глагола образа действия, обозначаемого инкорпорирующим глаголом, см. (31)–(35), (53). Второй тип — инкорпорация непереходных глаголов в глаголы перемещения со значением ‘отправиться заниматься X’ (52) и ‘прийти, позанимавшись X’. Таким образом, при первом типе инкорпорации инкорпорированный глагол передает только характер ситуации, обозначенной инкорпорирующим глаголом, а при втором типе — отдельную ситуацию, связанную с ситуацией, обозначенной инкорпорирующим глаголом.

(52) *tə-re-rʔil-ekwet-γʔe* *eryatə-k*
 1SG.S/A-FUT-скакать.в.оленьей.гонке-уйти-ТН завтра-ЛОС
 ‘Завтра я уеду на гонки на оленях’.

(53) *tə-ra-raswəŋ-akwat-γʔa*
 1SG.S/A-FUT-бежать.в.гонке-уйти-ТН
 ‘Я побегу в гонке’.

В этой статье мы рассмотрим только второй тип инкорпорации глагола в глагол, так как, кроме описанных выше лексических ограничений, существуют дополнительные семантические ограничения на этот тип инкорпорации. Эти ограничения связаны с рассмотренным выше разделением глаголов перемещения на глаголы «достижения Цели» и глаголы «покидания Источника» (см. Раздел 4).

²⁰ Обоснование трактовки таких конструкций как инкорпорации, а не как сериализации, а также более подробный анализ этих и других типов инкорпорации глагола в глагол в чукотском см. в [Виняр 2016].

6.1. Глагольный статус инкорпорированных элементов

Так как глагольно-глагольные комплексы во многом по семантике напоминают инкорпорацию имен с ролью Цели и Источника, следует убедиться, что инкорпорированные основы действительно являются глаголами. В чукотском языке достаточно много основ, способных без дополнительных дериваций получать именное или глагольное оформление и выполнять роль как предиката, так и аргумента [Молл, Инэнликэй 1957]. Тем не менее, существует способ определить, действительно ли основы, встречающиеся как зависимый компонент глагольно-глагольных комплексов, являются глагольными.

В глагольно-глагольных комплексах в зависимой позиции встречаются прежде всего корни *qaa-nta-* ‘олень-GO.DO, пасти оленей’, *r?ite-* ‘скакать в оленьей гонке’, *riu-* ‘дежурить ночью (в стаде)’, *jop-* ‘осматривать территорию на олене’. Все эти глаголы сочетаются с глагольным показателем движения с целью (motion-sum-purpose) *-sqiw* ‘отправляться делать что-то’, однако не сочетаются с именным лексическим суффиксом схожей семантики *-nta* ‘GO.DO, пойти заниматься X’, вербализующим именную основу. Ср. (54а) ниже, где суффикс *-sqiw* ‘отправляться делать что-то’ присоединяется к глагольной основе, пример (54б), где суффикс присоединяется к основе *riu-* ‘дежурить ночью (в стаде)’, способной инкорпорироваться в глагол (56), и пример (54в), где суффикс не присоединяется к именной основе.

(54а) *ətłəy-e ɲetwət-∅*
отец-INS стадо-NOM.SG
∅-aytatə-sqew-ne-n
2/3.S/A-гнать-MCP-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Отец пошел гнать стадо’.

(54б) *∅-riu-sqik-w?-i*
2/3.S/A-дежурить.ночь.в.стаде-MCP-TH-2/3.SG.S
‘Он пошел дежурить ночью’.

(54в) **∅-kopra-sqek-w?-e*
2/3.S/A-сеть-MCP-TH-2/3.SG.S
‘Он пошел за сетями’. / ‘Пошел к сетям’.

Суффикс *-nta* 'GO.DO' присоединяется к именным основам (55a), но не присоединяется ни к одному из рассматриваемых корней (55б) и не присоединяется к глагольным основам (55в).

(55a) \emptyset -*kopra-nta-γʔe*

2/3.S/A-сеть-GO.DO-2/3.SG.S

'Он пошел за сетями'.

(55б) * \emptyset -*riu-sqik-wʔe*

2/3.S/A-дежурить.ночь.в.стаде-GO.DO-2/3.SG.S

'Он пошел дежурить ночью'.

(55в) **ətłəγ-e* *ɲetwət-∅*

отец-INS стадо-NOM.SG

\emptyset -*aytatə-nta-nen*

2/3.S/A-гнать-GO.DO-3SG.A.3.O-3SG.O

'Отец пошел гнать стадо'.

Теперь, когда можно с уверенностью говорить о глагольно-глагольном статусе рассматриваемых комплексов, рассмотрим ограничения на их образование.

6.2. Инкорпорация глагола в глаголы «покидания Источника»

Как и в случае с инкорпорацией именных участников, глаголы «покидания Источника» допускают единственно возможный тип отношений между вершинной и зависимой основами: целевой («уйти делать что-то») (56), но не временной («уйти, сделал что-то») (57). Аналитическим аналогом для комплекса служит конструкция с зависимой конвербной клаузой цели, в которой конверб маркируется сочетанием морфем рестриктива, дезидератива и инструменталиса, иногда рассматриваемыми вместе как циркумфикс (56б).

(56a) *tə-nju-lqət-γʔe*

*kətγənt-a*²¹

1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-TH бежать-INS

²¹ Необходимо сделать комментарий по поводу формы глагольного корня *rəju/nju* 'дежурить ночью'. Как и у некоторых других корней чукотских глаголов, у этого корня используется одна форма в позиции начала слова (*rəju*, как в (57б)) и другая форма в том случае, если корню в слове предшествует какая-либо морфема (*n(ə)ju*, как в (56)).

- (56б) *tə-lqət-γʔe* *kətγənt-a*
 1SG.S/A-пойти-ТН бежать-INS
em-re-ŋju-ŋ-e
 REST-DES-дежурить.ночью-DES-INS
 ‘Я побежал дежурить ночью в стаде’.
- (57а) *tə-ŋju-lqət-γʔe* *kətγənt-a*
 1SG.S/A-дежурить.ночью-пойти-ТН бежать-INS
 # ‘Я побежал, подежурив’.
- (57б) *tə-lqət-γʔe* *kətγənt-a* *rəju-k*
 1SG.S/A-пойти-ТН бежать-INS дежурить.ночью-LOC
 ‘Я побежал, подежурив’.

6.3. Инкорпорация глагола в глаголы «достижения Цели»

При инкорпорации глаголов в глаголы «достижения Цели» у инкорпорированного элемента возникает только семантика предшествования (58), а целевая семантика оказывается невозможной (59). Аналитическим аналогом такого инкорпоративного комплекса является конструкция с конвербной клаузой, где конвербный показатель (аналогичный локативу) обозначает предшествование.

- (58а) *ajwe* *qaa-nta-pker-γʔ-e*
 вчера олень-GO.DO-приходить-ТН-2/3SG.S
- (58б) *ajwe* *∅-pkir-γʔ-i* *qaa-nta-k*
 вчера 2/3.S/A-приходить-ТН-2/3SG.S олень-GO.DO-LOC
 ‘Он вчера приехал, выпаса оленей’.
- (59а) **ajwe* *qaa-nta-pker-γʔ-e*
 вчера олень-GO.DO-приходить-ТН-2/3SG.S
 # ‘Он вчера приехал пасти оленей’.
- (59б) *ajwe* *∅-pkir-γʔ-i*
 вчера 2/3.S/A-приходить-ТН-2/3SG.S
am-ra-qaa-nta-ŋ-a
 REST-DES-олень-GO.DO-DES-INS
 ‘Он вчера приехал пасти оленей’.

6.4. Инкорпорация в глаголы перемещения: обобщение

Если сравнить инкорпорацию пространственных участников в глагол (Раздел 5) и глагола в глагол (Раздел 6), то можно отме-

тить некоторые общие ограничения на инкорпорацию. Глаголы «достижения Цели» инкорпорируют локативного участника с ролью Источника и глаголы, обозначающие предшествующее действие, а глаголы «покидания Источника» инкорпорируют участника с ролью Цели и глаголы, обозначающие действие, являющееся целью перемещения. Примечательно, что оба типа глаголов допускают инкорпорацию как одного из локативных участников, так и основы зависимого конверба. «Предпочтения» глаголов при инкорпорации гораздо лучше описываются в семантических (сходство пространственной цели и действия-цели), чем в морфосинтаксических терминах (сложно говорить о сходстве конвербной конструкции с именными зависимыми в аллативе или аблативе). Более того, кроме семантического типа глаголов перемещения (который морфосинтаксически никак не выражен), мы не видим никаких свойств, которые бы допускали инкорпорацию имен или глаголов с ролью Цели (или Источника) в одних случаях и не допускали бы ее в других.

Возможным объяснением такого параллелизма ограничений на инкорпорацию в синтаксически разных конструкциях является развитие инкорпорации глаголов в глаголы перемещения из уже закрепившейся в языке инкорпорации (в те же самые глаголы) имен, обозначающих пространственных участников, однако поиск доказательств этой гипотезы является нетривиальной задачей.

Логичным было бы предположить, что более древняя конструкция к настоящему времени могла бы частично грамматикализироваться или служить источником для образования лексических аффиксов. В чукотском существуют суффиксы, возникшие из вершин как именно-глагольных, так и глагольно-глагольных комплексов. С одной стороны, в чукотском существуют два лексических суффикса, связанных с перемещением и присоединяющихся к именным основам: *-yt* 'пойти к X' (также присоединяется и к глагольным основам), *-nta* 'пойти и заняться X' (55). С другой стороны, существует и глагольный суффикс «движения с целью» *-sqiw* 'пойти делать X' (54).

Функционально мотивировать такое распределение ограничений на инкорпорацию имен и глаголов в глаголы перемещения достаточно сложно. Остается не до конца ясным, что делает глаголы типа 'уйти' инкорпорирующими Цель, а глаголы типа

‘прийти’ — инкорпорирующими Источник. Возможно, что дальнейшее изучение свойств рассмотренных глаголов и, в целом, кодирования ситуации перемещения в чукотском сможет предоставить адекватное объяснение. Тем не менее, стоит отметить, что подобные ограничения не сводятся к некоторым общим линейным иерархиям, таким как иерархия пациентивности, предложенная для чукотской инкорпорации в работе [Spencer 1995].

7. Выводы

При анализе инкорпорации глагола в имя (Раздел 3), пространственного участника в глагол (Раздел 5) и глагола в глагол (Раздел 6) установлено, что ограничения на эти типы инкорпорации связаны прежде всего с семантическими свойствами конструкций. Кроме того, схожие ограничения накладываются на образование инкорпоративных комплексов из разных аналитических конструкций (Разделы 5, 6), а схожие морфосинтаксически конструкции демонстрируют разное поведение с точки зрения инкорпорации (Разделы 3, 5).

Все рассмотренные типы инкорпоративных комплексов не являются «канонической» инкорпорацией объекта глагола в глагол. Инкорпорация глагола-причастия в имя (Раздел 3) и инкорпорация глагола в глагол (Раздел 6) задействует другие части речи (или те же части речи, но занимающие другие иерархические позиции в комплексе), а инкорпорация пространственных участников в глагол (Раздел 5) затрагивает участника с другим семантическим отношением к предикату (Источник или Цель, а не Пациент или Тема). Тем не менее, все эти типы инкорпорации могут быть описаны с помощью некоторых правил, и инкорпоративные комплексы не являются нерегулярными элементами, требующими закрепления в лексиконе. Образование таких комплексов — процесс со своими правилами и ограничениями, которые не являются непоследовательными или бессистемными, как часто утверждается об инкорпорации участников, не занимающих позицию внутреннего аргумента глагола (см. в частности обсуждение в [Baker 1996]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — показатели лица участников ситуации; А — активный участник переходной конструкции; ABL — аблатив; ALL — аллатив; AN — одушевленный участник; ATR — показатель активного причастия / атрибутивизации; AUG — аугментатив; CS — показатель, встречающийся преимущественно в глаголах изменения состояния; DES — дезидератив; DIM — диминутив; EMPH — эмфатическая клитика; FUT — будущее время; GO.DO — лексический аффикс со значением 'пойти и начать делать что-то'; GO.TO — лексический аффикс со значением 'пойти куда-то'; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NOM — номинатив; O — прямой объект; MAKE — вербализующий циркумфикс со значением 'делать'; MCP — motion-cum-purpose (движение с целью); OBL — косвенный падеж; PF — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PTCP.PASS — показатель, пассивного причастия; RDP — редупликация; REL — относительный показатель; REST — рестриктив; S — единственный актант непереходного глагола; S_A — агентивный актант непереходной конструкции; S_P — пациентивный актант непереходной конструкции; SG — единственное число; SIDE — суффикс со значением 'край предмета'; SIM — показатель одновременности; SURF — показатель локализации «на поверхности»; TH — тематический показатель на глаголе; TR — транзитивизирующий показатель.

Литература

- Виняр 2016 — А. И. Виняр. Чукотские глагольно-глагольные компаунды: к противопоставлению инкорпорации и сериализации глагольных основ // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: Московский педагогический государственный университет, 2016. С. 66–88. [A. I. Viniar. Chukotskie glagol'no-glagol'nye kompaundy: k protivopostavleniiu inkorporatsii i serializatsii glagol'nykh osnov [Chukchi verb-verbal compounds: towards contrast between incorporation and serialization of verbal stems] // Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2016». Вып. 3. М.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2016. P. 66–88].
- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. п. 5. Владение языками населением Российской Федерации (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf). [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010. Vol. 4. Natsional'nyi sostav i

- vladenie iazykami, grazhdanstvo. p. 5. Vladenie iazykami naseleniem Rossiiskoi Federatsii. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf).
- Молл, Инэнликэй 1957 — Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй. Чукотско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1957. [Т. А. Moll, P. I. Inenlikei. Chukotsko-russkii slovar' [Chukchi-Russian dictionary]. L.: Uchpedgiz, 1957].
- Муравьева 2004 — И. А. Муравьева. Типология инкорпорации. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, РГГУ, М., 2004. [I. A. Murav'eva. Tipologiiia inkorporatsii [Typology of incorporation]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk, RGGU, M., 2004].
- Недялков 1977 — В. П. Недялков. Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего) // В. С. Храковский (ред.). Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977. С. 108–138. [V. P. Nedialkov. Possessivnost' i inkorporatsiia v chukotskom iazyke (inkorporatsiia podlehashchego) [Possessivity and incorporation in Chukchi (incorporation of subject)] // V. S. Khrakovskii (ed.). Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury iazyka. L.: Nauka, 1977. P. 108–138].
- Недялков 1982 — В. П. Недялков. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим // С. Д. Кацнельсон и др. (ред.). Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л.: Наука, 1982. С. 135–153. [V. P. Nedialkov. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlehashchim [Chukchi verbs with an incorporated subject] // S. D. Katsnel'son et al. (ed.). Kategoriia sub"ekta i ob"ekta v iazykakh razlichnykh tipov. L.: Nauka, 1982. P. 135–153].
- Скорик 1948а — П. Я. Скорик. О причастиях в чукотском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VII. Вып. 4. С. 317–327. [P. Ia. Skorik. O prichastiiakh v chukotskom iazyke [On Chukchi participles] // Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka. Vol. VII, Vyp. 4. P. 317–327].
- Скорик 1948б — П. Я. Скорик. Очерк по синтаксису чукотского языка: инкорпорация. Л.: Учпедгиз, 1948. [P. Ia. Skorik. Oчерk po sintaksisu chukotskogo iazyka: inkorporatsiia [Sketch in Chukchi syntax: incorporation]. L.: Uchpedgiz, 1948].
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Часть вторая. Глагол, наречие, служебные слова. Л.: Наука, 1977. [P. Ia. Skorik. Grammatika chukotskogo iazyka. Chast' vtoraia. Glagol, narechie, sluzhebnye slova [Chukchi grammar. Part 2. Verb, adverb, function words]. L.: Nauka, 1977].
- Baker 1988 — М. С. Baker. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

- Baker 1996 — M. C. Baker. *The Polysynthesis Parameter*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Baker 2009 — M. C. Baker. Is head movement still needed for noun incorporation? // *Lingua* 119, 2009. P. 148–165.
- Baker et al. 2005 — M. C. Baker, R. Aranovich, L. A. Golluscio. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications // *Language* 81, 2005. P. 138–176.
- Barrie 2015 — M. Barrie. Two kinds of structural noun incorporation // *Studia Linguistica* 69(3), 2015. P. 237–271.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. Dissertation, ANU, Canberra, 1999.
- Evans 2003 — N. Evans. *Bininj Gun-wok: a pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune*. Canberra: ANU, 2003. Vol. 1–2.
- Kozinsky et al. 1988 — I. S. Kozinsky, V. P. Nedjalkov, M. S. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 651–706.
- Kratzer 1995 — A. Kratzer. Stage-Level and Individual-Level Predicates // G. Carlson, F. Pelletier (eds.). *The Generic Book*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. P. 125–175.
- Merlan 1976 — F. Merlan. Noun incorporation and discourse reference in modern Nahuatl // *International Journal of American Linguistics* 42, 1976. P. 177–191.
- Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation // *Language* 60, 1984. P. 847–894.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Part 1, Part 2. M., 2001. (Manuscript).
- Muro 2009 — A. Muro. *Noun incorporation: A new theoretical perspective*. Ph. D. Dissertation, Università degli Studi di Padova, Padua, 2009.
- Polinskaja, Nedjalkov 1987 — M. S. Polinskaja, V. P. Nedjalkov. Contrasting the absolutive in Chukchee // *Lingua* 71, 1987. P. 239–269.
- Polinsky 1990 — M. Polinsky. Subject incorporation: Evidence from Chukchee // K. Dziwirek, P. Farrell, E. Mejias-Bikandi (eds.). *Grammatical relations: A cross-theoretical perspective*. Stanford: Stanford Linguistics Association, CSLI, 1990. P. 349–364.
- Polinsky 1994 — M. Polinsky. Relativization in Chukchee // H. Aronson (ed.). *Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1994. P. 241–262.
- Rosen 1989 — S. T. Rosen. Two Types of Noun Incorporation: A Lexical Analysis // *Language* 65, 1989. P. 294–317.

Spencer 1995 — A. Spencer. Incorporation in Chukchi // *Language* 71, 1995.
P. 439–489.

Talmy 2000 — L. Talmy. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. II: Typology
and Process in Concept Structuring.* Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко

НИУ ВШЭ — МГУ, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАЦИИ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ¹

1. Введение

В данной статье представлен краткий обзор семантики и дистрибуции трех глагольных показателей амгуэмского говора чукотского языка, так или иначе связанных с глагольной множественностью. Чукотская глагольная множественность уже становилась предметом отдельного исследования [Nedjalkov et al. 1997], однако в нем авторы идут от значений, составляющих семантическую зону множественности, и анализируют, каким образом они могут быть выражены в чукотском языке, при этом оставляя за скобками значения рассматриваемых показателей, не относящиеся к зоне множественности. В данной же статье будет предпринята попытка описать семантику трех наиболее часто упоминаемых в [Nedjalkov et al. 1997] показателей во всех возможных контекстах, а также предложить сценарий семантических переходов для каждого из этих показателей. Существенно также, что в данной статье используется материал, полученный в ходе полевой работы с носителями ранее не описанного амгуэмского говора чукотского языка, который, по всей видимости, в некоторых аспектах грамматики значительно отличается от уже описанных вариантов чукотского².

Статья состоит из шести разделов. В разделе 2 приводятся основные грамматические характеристики чукотского языка, кратко описана структура чукотской глагольной словоформы и видовременная система чукотского языка. Раздел 3 посвящен анализу

¹ Исследование поддержано грантом РФФ №16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства», который выполняется в МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Примеры, приведенные в статье без дополнительных указаний на источник, получены авторами статьи в ходе совместной экспедиции Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в село Амгуэма Чукотского АО летом 2016 года.

суффикса вербализатора-дистрибутива *-rʔu*, в разделе 4 описывается показатель антипассива, итератива и инверсива *-tku*, в разделе 5 — показатель множественности и интенсивности *-lʔet*. В разделе 6 содержатся заключительные замечания о системе глагольных дериваций в амгуэмском говоре чукотского языка в целом.

2. Чукотский язык: общие сведения и видовременная система

Чукотский — один из языков чукотско-камчатской семьи, число говорящих на нем по данным переписи 2010 года — 5095 человек. Среди грамматических описаний чукотского языка стоит выделить [Скорик 1961, 1977] и [Dunn 1999], среди описаний видовременной системы — [Недялков и др. 1984; Nedjalkov 1994; Волков и др. 2012].

В чукотском языке действуют правила сингармонизма³. Стратегия падежного кодирования глагольных актантов эргативна; глагольное согласование устроено по сложной расщепленной модели; характерна регулярная глагольная и именная инкорпорация.

Структура глагольной словоформы в чукотском языке в некотором приближении такова: конечные порядки обычно заняты согласовательными показателями; префиксальные слоты занимают многочисленные интенсификаторы, показатели актантных дериваций (каузатив, антипассив) и показатель дезидератива; справа от корня расположены тематические показатели и маркеры аспектуальных дериваций. Все три показателя, рассматриваемые в статье, являются суффиксами и занимают соответствующие слоты.

В парадигме чукотского глагола представлены четыре видовременные формы: две «личные» — аорист⁴ и презенс-прогрессив — и две «адъективные» — перфект и хабитуалис. «Личные» формы характеризуются полиперсональным согласованием; при этом согласование с агенсом переходного глагола (А) обычно

³ Отдельные показатели в статье приводятся в т. н. «слабом» варианте (гласные «слабого» варианта примерно соответствуют гласным верхнего подъема).

⁴ Аорист в чукотском языке не имеет формального маркера; выделение нулевого показателя аориста также по структурным соображениям не представляется возможным. Таким образом, в словоформах, стоящих в аористе, при глоссировании видовременная форма не нотируется.

выражается префиксально, а с пациенсом переходного глагола (P) — суффиксально; показатели, выражающие согласование с единственным актантом непереходного глагола (S), занимают обе позиции. «Адъективные» формы моноперсональны, в них используется другой набор согласовательных показателей, имеющий параллели в именной морфологии.

Презенс-прогрессив и хабитуалис могут выражать и прогрессивную, и хабитуальную семантику; при этом словоформа с показателем презенса-прогрессива может относиться только к временному плану настоящего, а словоформа с показателем хабитуалиса — и к настоящему, и к прошлому. В амгуэмском чукотском нет запретов для сочетания каких-либо глаголов с любой из четырех видовременных форм. Проверая, влияют ли рассматриваемые в статье показатели на аспектуальные и акциональные свойства словоформы, мы будем обращаться к интерпретации глаголов с данными показателями в форме аориста (перфективного прошедшего). Для дальнейшего изложения существенно, что в амгуэмском говоре чукотского языка, по-видимому, чрезвычайно мало глаголов, допускающих в аористе только событийную интерпретацию, — для абсолютного большинства глаголов возможна также процессная интерпретация. Событийная интерпретация обычно является дефолтной, однако процессная становится возможной при более четком определении контекста, например, с помощью обстоятельства длительности (ср. русский перевод (2), который, как кажется, не является вполне грамматичным, по крайней мере с процессной, а не хабитуальной интерпретацией; в чукотском же такое прочтение примера вполне грамматично):

- (1) *qepət-∅* *pətəkəntet-yʔ-i*
 мяч-NOM.SG взрываться-TH-2/3SG.S
 'Мяч лопнул.'
- (2) *qepət-∅* *ʔotsoj* *pətəkəntet-yʔ-i*
 мяч-NOM.SG долго взрываться-TH-2/3SG.S
 'Мяч долго лопался.'

Таким образом, определяющим компонентом семантики аориста является не событийность, а временная ограниченность, помещение внутри окна наблюдения. Аорист не допускает импер-

фективную интерпретацию; так, в таксисных контекстах аорист не может обозначать фоновую ситуацию:

- (3) *ətłəʁə-n* *jet-ʁʔ-i* *nənene-t*
отец-NOM.SG прибывать-ТН-2/3SG.S ребенок-PL
jəlqet-ʁʔe-t
спать-ТН-PL
‘Когда отец пришел, дети заснули / уже поспали.’
* ‘Когда отец пришел, дети спали / засыпали.’

3. *-rʔu*: вербализатор — дистрибутив

Суффикс *-rʔu* трактуется в [Скорик 1977] и [Dunn 1999] как два омонимичных показателя: во-первых, вербализатор, использующийся при образовании от основ существительных безличных глаголов, описывающих состояние окружающей среды (в терминологии М. Данна — «метеорологический инхоатив»), во-вторых, глагольный словообразовательный показатель множественности какого-либо участника ситуации (дистрибутив). При этом в [Скорик 1977: 186–187] говорится, что *-rʔu* указывает на множественность субъектов при непереходных глаголах и объектов — при переходных; в [Dunn 1999: 264] же сообщается, что *-rʔu* не сочетается с переходными глаголами; в амгуэмском говоре чукотского языка сочетание с переходными глаголами также запрещено, а объектный дистрибутив выражается отдельным показателем *-jw*, не рассматриваемым в данной статье.

В амгуэмском чукотском засвидетельствованы обе вышеозначенные функции *-rʔu* (см. (4)–(6)). Дистрибутивная интерпретация возможна лишь при множественном числе S (ср. (6а) и (6б)), S при этом на семантическом уровне связывается квантором всеобщности. На акциональность *-rʔu* не влияет — в (6) возможна и инхоативная, и лимитативная интерпретация; те же интерпретации были бы у данного предиката и без показателя *-rʔu*.

- Вербализатор
- (4) *tuur* *mren-rʔu-ʁʔ-i* *jara-səko*
вдруг комар-DISTR-ТН-2/3SG.S яранга-INNESS
‘Вдруг много комаров стало в яранге.’

- Вербализатор
 (5) *rəttə-rʔu-γʔ-i*
 морошка-DISTR-TH-2/3SG.S
 ‘Пошла морошка.’
- Субъектный дистрибутив:
 (6а) *jəlqet-rʔu-γʔe-t*
 спать-DISTR-TH-PL
 ‘Все заснули.’ / ‘Все поспали [какое-то время].’
- (6б) **jəlqet-rʔu-γʔ-i*
 спать-DISTR-TH-2/3SG.S
 Ожидаемое значение: ‘Он заснул.’ / ‘Он поспал.’

Представляется, что это распределение значений может быть описано не как случай омонимии, а как грамматическая полисемия. Попытка предложить такое описание содержится в [Мальцева 2013]: автор замечает, что в текстах встречаются единичные примеры, где *-rʔu* модифицирует глагольные основы при S единственного числа, и выделяет в них семантику неконтролируемости. Именно неконтролируемость, по мнению А. А. Мальцевой, является инвариантом семантики *-rʔu*: ситуации с множеством участников и природные явления также признаются А. А. Мальцевой неконтролируемыми⁵.

В амгуэмском говоре чукотского языка *-rʔu* также может сочетаться с глаголами при единственном числе S, однако кажется, что не все такие употребления сводятся к понижению контроля. Так, в (7) *-rʔu* привносит семантику интенсивности / неожиданности для окружающих / быстроты / множественности квантов ситуации:

- (7) *ya-tenmawə-jyəm* *wetyawə-ŋŋo-k* *ənkʔam*
 PF-готовиться-NP.1SG говорить-INCH-INF и

⁵ Примечательно, что в типологической литературе описываются случаи, когда инхоативная семантика тесно связана с понижением агентивности и контролируемости; в частности, такой случай описывается в [Козлов и др. 2016] для мокшанского языка.

ya-wetyaw-rʔo-juət

PF-говорить-DISTR-NP.SG

‘Я собирался заговорить и (неожиданно для других / резко / многословно) заговорил.’

Оттенки семантики *-rʔu* особенно хорошо проявляются при сравнении этого показателя с нейтральным показателем инхотива *-ŋŋo*. Так, (8) не отличается от (9) по контролируемости; кажется, что различие между этими интерпретациями определяется тем, что в (9) представлена ситуация, хорошо разложимая на кванты (дрожь при ознобе можно представить как итерацию вздрагиваний):

(8) *tə-qewja-ŋŋo-ɣʔa-k*

1SG.S/A-мерзнуть-INCH-TH-1SG.S

‘Я замёрз.’

(9) *tə-qiwje-rʔu-ɣʔe-k*

1SG.S/A-мерзнуть-DISTR-TH-1SG.S

‘У меня озноб.’

То же можно наблюдать и с примерами (10) и (11); однако форма, представленная в (11), в отличие от формы глагола из (9), не лексикализована и может допускать различные интерпретации, связанные с интенсивностью / скоростью / степенью проявления ситуации:

(10) *tə-terʔajja-ŋŋo-ɣʔa-k*

1SG.S/A-петь-INCH-TH-1SG.S

‘Я начал петь.’

(11) *tə-tipʔejje-rʔu-ɣʔe-k*

1SG.S/A-петь-DISTR-TH-1SG.S

‘Я резко начал петь, интенсивно и со страстью.’ /

‘Я распелся.’

В амгуэмском говоре далеко не все глаголы сочетаются с показателем *-rʔu* при единственном числе S, список таких глаголов для каждого информанта индивидуален и зачастую зависит от того, насколько информант склонен к рефлексии над языком. Так, некоторые сочетания допускаются лишь в контексте языковой

игры; показательно, что и в них *-rʔu* передает семантику множественности квантов ситуации, неожиданности, интенсивности:

(12) ^{??}*t-wakʔo-rʔo-ʔa-k*

1SG.S/A-садиться-DISTR-TH-1SG.S

‘Я засадился много раз туда-сюда’; языковая игра

Представляется, что именно множественность участников либо квантов ситуации является инвариантом семантики *-rʔu*. Так, «метеорологический инхоатив» описывает картину окружающего мира, в которой сочетается множество своеобразных «участников» (хлопья снега, ягоды морошки и прочие объекты окружающей действительности); значение интенсивности также с легкостью выводится из множественности⁶.

При этом при сочетании *-rʔu* с показателем имперфектива инхоативная семантика не появляется, таким образом, номинация «метеорологический инхоатив» является ошибочной — при сочетании с именными основами данный показатель является «метеорологическим вербализатором», не связанным с начинательностью:

⁶ При данном анализе *-rʔu* оказывается функционально близок таким показателям, как, например, русский циркумфикс *раз- -ся*, который встречается в схожих контекстах («метеорологический инхоатив» — *распогодиться*, интенсивность — *раскричаться*, надлежащая степень проявления ситуации — *распеться*, дистрибутив — *разбежаться*). Все русские глаголы, маркированные *раз- -ся*, непереходны; интересно, что и чукотское *-rʔu* ведет себя сходным образом — глаголы, оформленные им, также непереходны. Однако не до конца ясно, почему семантика множественности/интенсивности накладывает такие ограничения на переходность. Представляется, что данные ограничения связаны с тем, что и *-rʔu* (с единственным числом S), и *раз- -ся* в сочетании с перфективом задают интерпретацию «вхождение в состояние»; при этом участник, находящийся в данном состоянии, кореферентен субъекту предшествующей ситуации (см. подробнее про *раз- -ся* в [Зевахина 2007]). Акциональный класс «состояние» подразумевает понижение контроля, агентивности и переходности клаузы (см., например, [Норрег, Thompson 1980]), что объясняет и ограничения на сочетаемость, и некоторые семантические переходы, приведенные выше.

- (13) *rəttə-rʔu-rkən*
 морошка-DISTR-IPFV
 ‘Вокруг много морошки.’

То же можно наблюдать в (14), где словоформа *ilirʔuplətʔukuk*, оформленная показателем *-rʔu* и показателем комплетива, означает ‘после дождя’, а не ‘после начала дождя’.

- (14) *ili-rʔu-plətʔu-k* *nutesqə-n* *ʔotsoj*
 дождь-DISTR-COMPL-INF земля-NOM.SG долго
nə-kəryet-qin
 STAT-сохнуть-STAT.3SG
 ‘После дождя земля долго сохнет.’

4. *-tku*: антипассив, итератив, инверсив

Суффикс *-tku* обычно рассматривается в литературе как два омонимичных показателя: итератив и антипассив (см., например, [Dunn 1999: 216]). При этом считается, что антипассивное *-tku* составляет единую парадигму с префиксом *ine-*, распределение между ними признается обусловленным лексически (см. [Kozinsky et al. 1988: 659]). В связи с этим в работах по чукотскому языку *-tku* зачастую практически не уделяется внимания; приводятся в основном примеры с *ine-*.

Представляется, что *-tku* и *ine-* на самом деле являются не супплетивными алломорфами, а разными по семантике деривациями: если *ine-* просто понижает коммуникативный ранг Р (15), то *-tku* дополнительно выражает различные значения из зоны множественности. В частности, *-tku* может имплицировать связанность Р квантором всеобщности, в таком случае Р обычно не выражается.

- (15а) *ʔaačək=a* *kimitʔ=ən* *ne=nlʔetet=ən*
 юноша=ERG груз=ABS 3PL=нести=3SG/AOR

- (15б) *ʔaačək=ət* *ine=nlʔetet=yʔe=t* *kimitʔ=e*
 юноша=ABS AP=нести=3PL/AOR груз=INSTR
 ‘Юноши унесли груз.’ [Kozinsky et al. 1988: 652]⁷

⁷ Запись предложения, глоссирование и перевод взяты из источника без изменений; английский текст переведен.

Тот факт, что при антипассиве с *ine-* Р выражается гораздо чаще, чем при *-tku*, отмечался еще в [Скорик 1977: 117] и [Kozinsky et al. 1988: 665], однако авторы этих работ не делают из него никаких выводов. Полевые данные амгуэмского говора не в полной мере проливают свет на эту проблему — продуктивный антипассив с *ine-* в нем отсутствует. Актантное преобразование с *-tku* в амгуэмском говоре встречается; в некоторых контекстах при нем действительно Р не может быть выражен, см. (16), где нельзя выразить объект ни в каком падеже:

- (16) *ʔəttʔə-n* *nə-juu-tku-qin*
 собака-NOM.SG STAT-кусать-ITER-STAT.3SG
 ‘Собака кусается.’

В примерах с невыраженным обобщенным Р у *-tku* естественным образом дополнительно к антипассивной появляется итеративная семантика. Более интересно, что подобные семантические преобразования происходят и когда Р выражается в косвенном падеже; в таких случаях у *-tku* может возникать также мультипликативная интерпретация. Так, (17а) с переходным глаголом *pənrək* ‘атаковать’ отличается от (18б) с тем же глаголом с показателем *-tku* и объектом в дативе тем, что в отсутствие *-tku* предполагается, что атака происходила одномоментно, в один бросок, а с *-tku* — что она происходила в несколько действий. При этом падежная рамка с дативом возможна только при наличии *-tku* (см. (17б)), но само *-tku* не всегда вызывает мену падежного оформления (см. (18а)). Таким образом, в (18б) *-tku* имеет антипассивно-мультипликативную семантику, а в (18а) — только мультипликативную.

- (17а) *ətłəɣ-e* *pənrə-ne-n* *yənnik-∅*
 отец-INS атаковать-3SG.A.3.O-3SG.O зверь-NOM.SG

- (17б) ^{???}*ətłəɣə-n* *pənrə-ɣʔ-e* *yənnək-etə*
 отец-NOM.SG атаковать-TH-2/3SG.S зверь-DAT
 ‘Отец атаковал зверя [один раз]’

- (18а) *ətłəɣ-e* *pənrə-tko-ne-n* *yənnik-∅*
 отец-INS атаковать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O зверь-NOM.SG

- (18б) *ətłəyə-n* *penrə-tko-yʔ-e* *yənnək-etə*
отец-NOM.SG атаковать-ITER-TH-2/3SG.S зверь-DAT
‘Отец атаковал зверя [несколько раз]’

Данное поведение *-tku* демонстрирует с достаточно небольшой группой глаголов. С остальными глаголами возможны либо все комбинации из (17) и (18) (в таком случае *-tku* можно считать показателем итератива/мультипликатива, а падежное преобразование объяснять, например, наличием нулевого аппликativa), либо только примеры с какой-то одной падежной рамкой (и тогда, опять же, *-tku* не несет антипассивной семантики). Получается, что компонент множественности присутствует в семантике *-tku* всегда, а антипассивное значение возникает только с некоторыми глаголами, список которых, как кажется, задан словарно и ничем не мотивирован. Совмещение семантики для таких глаголов можно было бы объяснить тем, что глагольная множественность способствует понижению общей переходности клаузы и возникновению антипассива.

При этом кажется, что среди всех значений из зоны множественности для *-tku* наиболее частотным является мультипликативное. Так, в (19) словоформа *nineswitkuqin* обозначает мультипликативный процесс, в отличие от формы глагола в (20), где суффикса *-tku* нет:

- (19) *ətłəy-e* *n-ine-swi-tku-qin*
отец-INS STAT-INV-отрезать-ITER-STAT.3SG
tekisyə-n *n-jəłqet-iyəm*
мясо-NOM.SG STAT-спать-STAT.1SG
‘Пока мой отец резал мясо, я спал.’

- (20) *ətłəy-e* *swi-ni-n* *tekisyə-n*
отец-INS отрезать-3SG.A.3.O-3SG.O мясо-NOM.SG
‘Отец отрезал мясо.’

В мультипликативных употреблениях *-tku* может способствовать возникновению семантики неполноты: либо ситуация затрагивает не весь объект, а лишь его части (21), либо ситуация длится меньше обычного и с ненадлежащей интенсивностью (22), (23). Появление такой семантики может быть связано с тем, что вообще-то сочетание мультипликатива с процессами не очень ожидаемо, они при этом становятся менее гомогенными и как бы

делятся на кванты, и *-tku* выражает повторение этих квантов. Постоянно прерываемая ситуация не может привести к полноценному результату — отсюда и появляется семантика неполноты.

- (21) *pʔa-γʔ-e* — *pʔa-tko-γʔ-e*
 сохнуть-ТН-2/3SG.S — сохнуть-ITER-ТН-2/3SG.S
 ‘высох’ — ‘высох частями, подсох немного’
- (22) *wala-mna-γʔ-e* — *wala-mna-tko-γʔ-e*
 нож-точить-ТН-2/3SG.S — нож-точить-ITER-ТН-2/3SG.S
 ‘поточил нож’ — ‘немного наточил нож’
- (23) *jəlqet-γʔ-i* — *jəlqetə-tku-γʔ-i*
 спать-ТН-2/3SG.S — спать-ITER-ТН-2/3SG.S
 ‘заснул / спал’ — ‘спал, все время просыпаясь’

Примечательно, что глаголы с *-tku* нередко представляют собой пример лексикализации, при этом если в некоторых случаях речь идет о некомпозиционных сочетаниях (см. (24)), то для большого количества физиологических мультипликативных процессов типа ‘моргать’, ‘икать’ коррелята без *-tku* на синхронном уровне не существует, мультипликативная семантика у *-tku* при этом стирается (см. (25) при невозможности глагола **imsəqə-γʔ-t*):

- (24) *keli-k* — *keli-tku-k*
 писать-INF — писать-ITER-INF
 ‘писать’ — ‘учиться’
- (25) *ʔorawetʔa-n* *imsəqə.tku-γʔ-i*
 человек-NOM.SG икать-ТН-2/3SG
 ‘Человек икнул.’

Еще одним важным этапом диахронического развития *-tku* является его закрепление в инверсивной парадигме. Инверсив — одно из наиболее детально описанных явлений морфосинтаксиса чукотско-камчатских языков (см., к примеру, [Comrie 1980; Кибрик 1997; Володин 2000; Vobaljik, in print]), но при этом исследователи до сих пор не определились даже с тем, следует ли выделять в чукотском языке отдельную инверсивную парадигму, а работы, посвященные данной области, зачастую оставляют больше вопросов, нежели дают ответов.

В рамках данной статьи нет возможности подробно описать диахроническое развитие и синхронную семантику и дистрибуцию инверсивных показателей в чукотском языке, возможно привести лишь краткое описание системы согласования. Согласовательные показатели индикатива для непереходного глагола показаны в Таблице 1, для переходного — в Таблице 2.

Таблица 1. Согласовательные показатели аориста для непереходного глагола

	SG	PL
1	<i>t...-(yʔe)-k</i>	<i>mət...-(mək)</i>
2	<i>∅...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-tək</i>
3	<i>∅...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-(yʔe)-t</i>

Таблица 2: Согласовательные показатели аориста для переходного глагола

O A	1SG	1PL	2SG	2PL	3SG	3PL
1SG	—	—	<i>t...-yət</i>	<i>t...-tək</i>	<i>t...-(yʔe)-n</i>	<i>t...-ne-t</i>
1PL	—	—	<i>mət...-yət</i>	<i>mət...-tək</i>	<i>mət...-(yʔe)-n</i>	<i>mət...-ne-t</i>
2SG	<i>∅-ine...-(yʔ)-i</i>	<i>∅...-tku-yʔ-i</i>	—	—	<i>∅...-(yʔe)-n</i>	<i>∅...-ne-t</i>
2PL	<i>∅-ine...-tək</i>	<i>∅...-tku-tək</i>	—	—	<i>∅...-tkə</i>	<i>∅...-tkə</i>
3SG	<i>∅-ine...-(yʔ)-i</i>	<i>ne...-mək</i>	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-tək</i>	<i>∅...-ni-n</i>	<i>∅...-ni-ne-t</i>
3PL	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-mək</i>	<i>ne...-yət</i>	<i>ne...-tək</i>	<i>ne...-(yʔe)-n</i>	<i>ne...-ne-t</i>

Инверсивными в Таблице 2 считаются префиксы *ine-* и *ne-* и суффикс *-tku*, они появляются в тех клетках парадигмы, где на

дейктической иерархии⁸ либо слишком высоко находится Р, либо слишком низко — А (см. подробнее [Кибрик 1997]). В пользу решения объединять эти показатели в отдельную категорию говорит тот факт, что зоны, обозначенные в Таблице 2 оттенками серого цвета, выделяются в чукотском языке и в парадигмах, где порядок согласовательных морфем определяется по отличным от представленных в Таблице 2 правилам — в адъективных парадигмах перфекта и хабитуалиса и в неиндикативных парадигмах.

Неоднородность средств выражения инверсива связана с тем, что диахронически инверсивные показатели произошли из показателей разных категорий. Так, *ne-*, возможно, когнатен ительменскому пассиву, в чукотском он обозначает слишком низкого А (см. подробнее [Bobaljik, in print]). *ine-* и *-tku* возводятся к антипассиву и маркируют слишком высокого Р. Существенно, что падежное маркирование ядерных аргументов никак не зависит от того, присутствуют ли в глагольной словоформе показатели инверсива, а также то, что формы с инверсивными показателями являются для серой зоны Таблицы 2 дефолтными. Т. е. в данном случае *ne-*, *ine-* и *-tku* не являются актантами преобразованиями, они жестко закреплены в определенных клетках согласовательной таблицы.

Если развитие пассивного показателя в маркер низкого А представляется оправданным, то эволюция антипассива в показатель высокого Р требует отдельных пояснений. Дело в том, что эти два значения основаны на общей посылке — на слишком высоком Р, и если антипассив понижает коммуникативный ранг Р, лишая его статуса прямого объекта, то инверсив лишает Р первого лица статуса прямого объекта, чтобы подчеркнуть его высокое положение на дейктической иерархии — первое лицо не должно быть пациенсом. Таким образом, понижение синтаксической роли требуется лишь для того, чтобы лишить первое лицо пациентивных свойств — быть адресатом или бенефактивом ему уже не так зазорно.

При инверсиве понижение Р формально выражается только глагольным согласованием — клетки в Таблице 2, маркированные *ine-* и *-tku*, демонстрируют непереходное согласование с А.

⁸ 1SG > 1PL > 2SG > 2PL > 3SG > 3PL.

Отсутствие преобразований в падежном маркировании может быть объяснено тем, что при понижении Р до косвенного падежа номинатив отошел бы А, что автоматически подняло бы его коммуникативный ранг.

Тот факт, что преобразования происходят только в глаголе, примечателен еще и потому, что чукотская система формально сближается с классическими инверсивными системами языков Северной Америки (см. подробнее, например, [Zúñiga 2006]). Сближение происходит за счет того, что в чукотском в парадигме непереходного глагола показатели согласования с S располагаются и в префиксе, и в суффиксе, тогда как в переходной парадигме в общем случае префикс показывает согласование с А, а суффикс — с Р. Получается, что *ine-* и *-tku*, делая согласование формально непереходным, переключают согласование суффиксального слота с Р на А в эргативе, иными словами, происходит та же мена порядков согласовательных показателей, которая наблюдается, например, в алгонкинских языках, см. (26)–(27) из равнинного кри:

(26) *ni-wāpam-ā-w*
1-see-DIR-3
'I see him/her' (direct)

(27) *ni-wāpam-ikw-w*
1-see-INV-3
's/he sees me' (inverse) [Zúñiga 2006: 2]

Примечательно, что инверсивные *ine-* и *-tku* различаются между собой только тем, в каком столбце Таблицы 2 они расположены: *ine-* оформляет словоформы при Р первого лица единственного числа, *-tku* — при первом лице множественного числа. Таким образом, соотношение между *ine-* и *-tku*, которое можно наблюдать между антипассивными употреблениями этих показателей, сохраняется и в инверсиве: *-tku* функционально схож с *ine-*, однако, в отличие от него, предполагает множественность Р⁹.

⁹ Интересно, что в одном из чукотско-камчатских языков, алюторском, находится и другой пример закрепления показателя множественности в согласовательной парадигме — речь о плюрализаторе *-la*, который формально отличает множественное число S, А или Р участника от двойственного (см. подробнее [Кибрик 1997]).

5. *-lʔet*: множественность и интенсивность

Показатель *-lʔet* трактуется в [Dunn 1999: 260] как показатель аспектуальной деривации — дуратива; при этом автор не указывает, каким образом это значение сочетается с семантикой словоизменяемых аспектуальных показателей. Схожим образом описывают семантику показателя и авторы [Недялков и др. 1984]: они сообщают, что данный показатель в определенных контекстах может использоваться как имперфективатор; в статье приводится один такой случай — пунктивные глаголы, не имеющие в аористе лимитативной интерпретации, не могут сочетаться с обстоятельствами длительности типа *ʔotsoj* ‘долго’, однако утверждается, что такое сочетание становится возможным при модификации глагола показателем *-lʔet*. В амгуэмском говоре при этом надежно не засвидетельствованы глаголы, которые не могут иметь лимитативной интерпретации в аористе, таким образом обстоятельства длительности употребляются практически со всеми глаголами в аористе и без каких-либо деривационных показателей, см. (28)–(30) с глаголом *təqək* ‘выливать’, обозначенным в [Недялков и др. 1984] как пунктивный:

(28) *ajməkək-ajpə miməl-∅ tʔə-ni-n*
 ведро-ABL вода-NOM.SG выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она вылила воду из ведра.’

(29) *ajməkək-ajpə miməl-∅ ʔotsoj*
 ведро-ABL вода-NOM.SG долго
tʔə-ni-n
 выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она долго вылила воду из ведра.’

(30) *ajməkək-ajpə miməl-∅ qonpə*
 ведро-ABL вода-NOM.SG всегда
tʔə-ni-n
 выливать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Она вылила воду из ведра целую вечность.’

Другой пример использования *-lʔet* как аспектуального показателя можно обнаружить в родственном чукотскому и близком ему по грамматике алуторском языке: событийные предикаты, в норме не сочетающиеся с фазовыми глаголами, допускают такие

сочетания после модификации суффиксом *-lʔet*. Таким образом, *-lʔet* меняет акциональный класс глагола с события на процесс, в результате чего сочетание с фазовым глаголом становится возможным:

- АЛЮТОРСКИЙ
 (31) *pəkir-ləʔatə-k* *ŋəvu-la-t*
 прибыть-DUR-INF начать-PLUR-3PL
 ‘...стали приближаться’ [Кибрик и др. 2000: 44]

В схожих контекстах в амгуэмском говоре чукотского языка суффикс *-lʔet* обязательным не является; с суффиксом инхоатива *-ŋŋo*, функционально идентичным аллоторскому фазовому глаголу, могут сочетаться глаголы всех акциональных классов (см. (32)); при этом иногда инхоативная семантика изменяется на проспективную. Существенно, что наличие или отсутствие суффикса *-lʔet*, в отличие от наличия или отсутствия аналогичного аллоторского суффикса, никак не влияет на возможность глаголов сочетаться с фазовым показателем.

- (32) *tə-pkirə-ŋŋo-γʔa-k* *taŋərə-k*
 1SG.S/A-прибыть-INCH-TH-1SG.S посёлок-LOC
 ‘Я начал приближаться к поселку.’

Таким образом, аспектуальная трактовка *-lʔet* в амгуэмском говоре не подтверждается. Представляется, что основная его функция — маркирование повышенной интенсивности, высокой скорости, внешне- и внутрисобытийной множественности, а также множественности участников; в большинстве контекстов эти компоненты значения неотделимы друг от друга:

- повышенная скорость и интенсивность
 (33) *kanʔo-lʔə-n* *ŋəlet-lʔet-γʔ-i*
 шикша-SING-NOM.SG загореться-PLAC-TH-2/3SG.S
 ‘Веточка шикши вспыхнула.’

- внешнесобытийная множественность, интенсивность
 (34) *iletə-lʔet-γʔ-i* *weem*
 идти.о.дожде-PLAC-TH-2/3SG.S река

əmat-ɣʔ-i

вздуться-ТН-2/3SG.S

‘Шли дожди, река вздулась.’

внешнесобытийная множественность, интенсивность

(35) *qonpə qametwa-ɬʔat-ɣʔ-e*

всегда есть-PLAC-ТН-2/3SG.S

‘Всё время ест.’

Такая размытость семантики *-ɬʔet* может быть связана с тем, что один из наиболее вероятных источников его происхождения — сочетание показателя атрибутива *-ɬʔ* и вербализатора *-et*; атрибутив при этом сам обладает достаточно широкой семантикой. Разделению показателя *-ɬʔet* на два показателя на синхронном уровне противоречит тот факт, что при присоединении атрибутива к переходному глаголу его прямой объект обязан инкорпорироваться — а деривация *-ɬʔet* возможна от переходных глаголов и без инкорпорации прямого объекта.

6. Заключение

Рассмотренные в статье аффиксы объединены тем, что в их семантику входит компонент множественности — внутрисобытийной, внешнесобытийной, множественности участников. При этом множественность, даже не являясь центральным значением этих показателей, может определять развитие их полисемии. Так, суффикс *-rʔo* в некоторых контекстах выражает множественность S — и тот же компонент множественности проявляется в его употреблении в функции «метеорологического вербализатора»; значения суффикса *-tku* — антипассив, итератив, инверсив для 1PL.O — также объединены через множественность. В рамках данной статьи не удастся полноценно ответить на вопрос о том, действительно ли в этих случаях наблюдается полисемия на синхронном уровне, однако диахроническая связь этих значений очевидна.

Семантическая зона множественности при этом не составляет в чукотском языке какую-то отдельную грамматическую категорию с собственным набором граммем — значения множественности обычно лишь сопутствуют показателям, относящимся к другим семантическим зонам. Такая последовательная экспансия множественности на территорию аспектуальных и

актантных дериваций среди прочего может быть объяснена тем, что противопоставление по числу у имен в чукотском сильно редуцировано — число различается лишь в номинативе, при инкорпорации оно не сохраняется, глагол не может согласовываться с инкорпорированным участником и единственным способом более или менее эксплицитно задать его число остаются показатели глагольной множественности. Так, в (36) множественное число инкорпорированного участника восстанавливается благодаря наличию суффикса глагольной множественности *-lʔet*:

- (36) *ətri ɲinqeɟ-jetə-lʔet-ɣʔe-t*
они ребенок-прибывать-PLAC-TN-PL
'Они родили много детей' (букв. 'Они дето-пришли много')
[Nedjalkov et al. 1997: 320]

Важным фактом является то, что появление значений множественности у рассмотренных в статье показателей — лишь первый шаг к их парадигматической дестабилизации. Так, *-tku* может идиоматизироваться или закрепляться в согласовании; *-rʔu* и *-lʔet* в большом количестве контекстов выражают значения интенсивности, высокой скорости, неожиданности. Если принять во внимание отсутствие в амгуэмском говоре чукотского языка антипассива *ine-* и ограниченное употребление результата *-twa*, представленных в других диалектах чукотского, окажется, что абсолютное большинство глагольных показателей являются либо согласовательными, либо интенсифицирующими с широкой семантикой, а число актантных и аспектуальных дериваций гораздо меньше, чем обычно описывается в литературе по чукотскому языку. Такая картина является свидетельством упрощения глагольной морфологии, вполне возможно, вызванного влиянием русского языка.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; A — агент при переходном глаголе; ABL — аблатив; AOR — аорист; COMPL — комплетив; DAT — датив; DIR — директивное согласование; DISTR — дистрибутив; DUR — дуратив; INCH — инхоатив; INESS — инэссив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; ITER — итератив; LOC — локатив; LOW.A — агент, находящийся низко на дейк-

тической иерархии; NOM — номинатив; NP — неличная форма; O — прямой объект; P — пациенс при переходном глаголе; PF — перфект; PL — множественное число; PLAC — глагольная множественность; PLUR — плюрализатор; S — аргумент непереходного глагола; SG — единственное число; SING — сингулятив; STAT — стативизатор; TH — тематический показатель.

Литература

- Волков и др. 2012 — О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII*, 2, 2012. С. 396–457. [O. S. Volkov, M. A. Daniel', M. Iu. Pupylnina, D. A. Ryzhova. K kharakteristike aspektual'noi sistemy chukotsko-kamchatskikh iazykov [On characteristics of aspect in Chukotko-Kamchatkan languages] // *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh isledovaniy RAN VIII*, 2, 2012. P. 396–457].
- Володин 2000 — А. П. Володин. О “блуждающей морфеме” INE/ENA в чукотско-корякских языках (опыт диахронической интерпретации) // *Вопросы языкознания* 6, 2000. С. 110–129. [A. P. Volodin. O “bluzhdaiushchei morfeme” INE/ENA v chukotsko-koriakskikh iazykakh (opyt diakhronicheskoi interpretatsii) [On “a wandering morpheme” INE/ENA in Chukotka-Koryak languages (a diachronic interpretation)] // *Voprosy iazykoznanii* 6, 2000. P. 110–129].
- Зевахина 2007 — Н. А. Зевахина. Циркумфиксы как показатели актантажной деривации // Ф. И. Дудчук, Н. В. Ивлиева, А. В. Подобряев (ред.). Структуры и интерпретации: Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. Москва: изд-во Московского Университета, 2007. С. 64–85. [N. A. Zevakhina. Tsirkumfiksy kak pokazateli aktantnoi derivatsii [Circumfixes as a valency changing marker] // F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobriaev (eds.). *Struktury i interpretatsii: Raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike*. Moskva: izd-vo Moskovskogo Universiteta, 2007. P. 64–85].
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // *Вопросы языкознания* 4, 1997. С. 25–53. [A. E. Kibrik. Ierarkhii, roli, markirovannost' i «anomal'naia» upakovka grammaticheskoi semantiki [Hierarchies, roles, marking and “abnormal” package of grammatical semantics] // *Voprosy iazykoznanii* 4, 1997. P. 25–53].

- Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алыторцев. М: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. [А. Е. Kibrik, S. V. Kodzasov, I. A. Murav'eva. Iazyk i fol'klor aliyutorsev [Language and folklore of the Alyutors]. М: IMLI RAN, «Nasledie», 2000].
- Козлов и др. 2016 — А. А. Козлов, Н. А. Муравьев, С. О. Никифорова. Семантика и морфосинтаксис одной мокшанской аспектуальной деривации // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII*, 1, 2016. С. 534–548. [А. А. Kozlov, N. A. Murav'ev, S. O. Nikiforova. Semantika i morfosintaksis odnoi mokshanskoi aspektual'noi derivatsii [Semantics and morphosyntax of a Moksha aspectual derivation] // *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN XII*, 1, 2016. P. 534–548].
- Мальцева 2013 — А. А. Мальцева. Способы выражения начала действия в чукотско-корякских языках // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, 2013. Т. 12. 2. С. 142–153. [А. А. Mal'tseva. Sposoby vyrazheniia nachala deistviia v chukotsko-koriakskikh iazykakh [Ways of expression the beginning of an action in Chukotka-Koryak languages] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii, filologii*, 2013. Vol. 12. 2. P. 142–153].
- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // А. В. Бондарко (ред.). *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л.: ЛО изд-ва «Наука», 1984. С. 200–259. [V. P. Nedialkov, P. I. Inenlikei, I. V. Nedialkov, V. G. Rakhtilin. Znachenie i upotreblenie chukotskikh vido-vremennykh form [Meaning and use of Chukotkan tense-aspect forms] // A. V. Bondarko (ed.). *Teoriia grammaticheskogo znachenii i aspektologicheskie issledovaniia*. L.: LO izd-va «Nauka», 1984. P. 200–259].
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М. — Л.: АН СССР, 1961. [P. Ia. Skorik. *Grammatika chukotskogo iazyka*. Ch. 1: Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi [Grammar of Chuckhi. Part 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. М. — L.: AN SSSR, 1961].
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2: Глагол, наречие, служебные слова. Л.: АН СССР, 1977. [P. Ia. Skorik. *Grammatika chukotskogo iazyka*. Ch. 2: Glagol, narechie, sluzhebnye slova [Grammar of Chukchi. Part 2: Verb, adverb, function words]. L.: AN SSSR, 1977].
- Bobaljik, in print — J. Bobaljik. The Chukotkan “inverse” from an Itelmen perspective. In print.

- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal // *Folia Linguistica Historica*, vol. 14, issue *Historica I/1*, 1980. P. 61–74.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University, Canberra, 1999.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 1980. P. 251–299.
- Kozinsky et al. 1988 — I. Kozinsky, V. Nedjalkov, M. Polinskaja. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // M. Shibatani (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam: Benjamins, 1988. P. 651–706.
- Nedjalkov 1994 — V. Nedjalkov. Tense-aspect-mood forms in Chukchi // *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)* 47, 4, 1994. P. 278–354.
- Nedjalkov et al. 1997 — V. P. Nedjalkov, I. A. Muravyova, V. G. Raxtilin. Plurality of situations in Chukchee // V. S. Xrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1997. P. 310–328.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and Alignment. Inverse systems in indigenous languages of the Americas. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006.

А. Р. Гарейшина

Независимый исследователь, Москва

КОРРЕЛЯТИВЫ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ — ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЛИ ТОПИК?¹

1. Введение

Коррелятивы — это класс полипредикативных конструкций, широко представленный в языках мира (подробнее см. [Bhatt 2003: 491; Izvorski 1996] и др.). На протяжении развития синтаксических теорий и инструментов анализа синтаксических явлений в языках мира понимание данного термина менялось, и если Э. Кинэн относил к коррелятивам все полипредикативные относительные структуры без синтаксической зависимости от именной вершины ([Keenan 1985: 164–165]), то современное определение коррелятивов обязано своим существованием работе [Srivastav 1991], где впервые сформулирована характерная особенность соотносительных конструкций — зависимая клауза предшествует главной с обязательным наличием хотя бы одной пары коиндексированных соотносительных местоимений: относительного для зависимой предикации и указательного для главной. Помимо сугубо прагматического способа соотносить два местоимения в такой коррелятивной паре, существуют еще два способа обозначить их статус — формально-семантический, когда должно выполняться так называемое условие совпадения по категории (англ. “categorical matching requirement”), и синтаксический, когда действует условие совпадения по падежу (англ. “case matching requirement”). При «формально-семантическом» условии совпадения одинаковыми являются категории (например, именная группа, предложная/послеложная группа и др.) и, следовательно, их семантические типы; при условии совпадения по падежу местоимения — члены коррелятивной

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

пары имеют одинаковые синтаксические роли в своих клаузах². С. Кейбл в работе [Cable 2009] убедительно демонстрирует, что последние описанные два способа не являются ни необходимыми, ни достаточными по крайней мере для части коррелятивов, однако коиндексация присутствует всегда, причем множество референтов относительной группы в зависимой клаузе и множество референтов соответствующей указательной группы в главной клаузе — это одно и то же множество.

² Примерами конфигураций с совпадением по категории и совпадением по падежу могут служить соответственно примеры (i) и (ii) ((3) и (4) в работе [Izvorski 1996]). В первом примере зависимая клауза с относительной группой, представленной предложной составляющей, не может занимать в главной клаузе позицию, не требующую «предложной» «оболочки»:

- i. * [FR *With whom I talked*] *arrived last*.
 с кем я говорил приехал последним
 Ожидаемое значение: ‘С кем я говорил, ~~я~~ приехал последним’.

Во втором примере зависимая клауза с относительной группой в генитиве не может занимать в главной клаузе позицию, требующую номинатива (субъектную позицию):

- ii. * [FR *Wen Gott schwach geschaffen hat*],
 кого Бог слабым создан имеет
muss klug sein.
 должен умный быть
 Ожидаемое значение: ‘Кого Бог создал слабым, ~~я~~ должен быть умным’.

Рассматривая безвершинные относительные предложения, Р. Изворски приходит к выводу, что данные ограничения не связаны с параметром опущения *pro* (англ. “*pro-drop*”), а действуют для тех зависимых клауз, которые занимают аргументную позицию внутри главной клаузы либо связаны с этой позицией по цепи передвижений (англ. “*movement chain*”). Соответственно, отсутствие данной связи между клаузами можно считать аргументом в пользу того, что зависимая клауза занимает A’-позицию относительной главной клаузы (а именно, позицию адьюнкта не ниже уровня TP). В случае коррелятивной конструкции связь между местоименными группами — членами соотносительной пары — имеет анафорический характер.

Коррелятивы традиционно считаются неканонической стратегией релятивизации и тем самым отграничиваются от сложно-подчиненных предложений с относительной клаузой, находящейся в составе именной группы — антецедента ([Nikolaeva 2005: 502]). Стоит отметить, что понятия канонической и неканонической стратегии совершенно не равносильны понятиям основной и побочной стратегии — так, коррелятивизация может быть и основной стратегией образования относительных предложений, как, например, в дравидийских языках. Соответственно, коррелятивы входят во множество относительных придаточных клауз, и в совокупности данные синтаксические структуры являются нелокальными стратегиями релятивизации, противопоставляясь локальной стратегии — образованию причастных оборотов.

Существуют как простые, так и множественные коррелятивы. Единственное поверхностное различие между ними состоит в количестве соотносительных пар: в простом коррелятиве есть лишь одна коррелятивная пара местоимений, в случае же множественного коррелятива представлено две или более коррелятивные пары местоимений, и эти пары референциально независимы друг от друга (см. о редких отклонениях от этой закономерности работу [McCawley 2003]). Схематически коррелятивы можно представить следующим образом (см. [Bhatt 2003: 486]):

(1а) простые коррелятивы:

[_{CorCP} ... Rel-XP_i ...]_i [_{CP/TP} ... Dem-XP_i ...]

(1б) множественные коррелятивы:

[_{CorCP} ... Rel-XP_i ... Rel-YP_j ...]_{i,j} [_{CP/TP} ... Dem-XP_i ... Dem-YP_j ...]

где CorCP — зависимая (коррелятивная) клауза, CP/TP — главная клауза уровня TP либо CP, Rel-XP — относительная составляющая внутри зависимой клаузы, Dem-XP — указательная составляющая внутри главной клаузы, i, j — индексы.

В горномарийском языке представлены как простые, так и множественные коррелятивы:

(2а) [_{CorCP} *kü_i kăčäl-eš*]_i, [_{CP/TP} *tädä_i mo-eš*].
 кто искать-NPST.3SG тот найти-NPST.3SG
 ‘Кто ищет, тот находит.’

- (2б) [_{CorCP} *kü_i ma-m_j kăčäl-eš*]_{i,j}, [_{CP/TP} *tädä_i tädä-m_j*
кто что-ACC искать-NPST.3SG тот тот-ACC
mo-eš].
найти-NPST.3SG
'Кто что ищет, тот то и находит.'

Представляется разумным ограничиться в данной работе простыми коррелятивами, где наличествует лишь одна коррелятивная пара местоимений. Мы рассмотрим эти конструкции на материале полученных методом элицитации данных горномарийского языка (< финно-волжская группа < финно-угорская ветвь < уральская семья) и обсудим инвентарь коррелятивов, их общие свойства и некоторые структурные особенности.

2. Общая характеристика коррелятивов в горномарийском языке и их инвентарь

В силу отсутствия последовательного описания коррелятивов в горномарийском языке наша первоочередная задача заключалась в установлении типов коррелятивов, возможных для данного языка³. Мы руководствовались списком соотносительных пар из работы [Mitrenina 2010: 136–137] и приводим его ниже уже в модифицированном виде для демонстрации инвентаря горномарийских коррелятивов:

³ По замечанию анонимного рецензента, так как коррелятивы являются нестандартным типом относительных предложений, разумно было бы кратко описать релятивизацию в горномарийском языке. С точки зрения автора, обзор системы релятивизации для горномарийского языка представляет собой отдельную задачу в силу малой изученности синтаксиса последнего и тем самым выходит за рамки данной статьи. Отметим, однако, что общая характеристика относительных предложений дана в работе [Кожемякина, Гарейшина 2018], где показывается, что горномарийский язык располагает как финитной, так и нефинитной стратегиями релятивизации, причем обе стратегии равно употребительны; в случае финитной стратегии зависимая клауза вводится с помощью вопросительно-относительных местоимений (см. об их свойствах работы [Саваткова 2002: 162–165; Alhoniemi 1993: 85–87], а также обзор релятивизации в луговом марийском в [Fleischer, Schötschel 2005]).

Таблица 1. Список соотносительных пар (по [Mitrenina 2010: 136–137])

Относительная составляющая (Rel-XP)	Определяемая составляющая (Dem-XP)
<i>kü</i> ‘кто’	<i>tädä</i> ‘тот/он’ ⁴
<i>kün</i> ‘чей’	<i>tädän</i> ‘того’
<i>ma</i> ‘что’	<i>tädä</i> ‘тот/он’
<i>mahan</i> ‘какой’	<i>tehen</i> ‘такой’
<i>mahan</i> ‘каков’	<i>tehen</i> ‘таков’
<i>käštä</i> ‘где’	<i>täštä</i> ‘там’
<i>käškä</i> ‘куда’	<i>täškä</i> ‘туда’
<i>käšec(än)</i> ‘откуда’	<i>täšec(än)</i> ‘оттуда’
<i>käškeve(k)</i> ‘докуда’	<i>täškeve(k)</i> ‘дотуда’
<i>käce</i> ‘как’	<i>tenge</i> ‘так’
<i>känam</i> ‘когда’	<i>tänäm</i> ‘тогда’
<i>man’ar(ä)</i> ‘сколько’	<i>tänär(ä)</i> ‘столько’
<i>man’areš</i> ‘насколько’	<i>tänäreš</i> ‘настолько’
- ‘чем (+ сравнительная степень прилагательного / наречия)’	- ‘тем (+ сравнительная степень прилагательного / наречия)’

Несмотря на то, что в исходной таблице О. В. Митрениной для местоимений и местоименных прилагательных (разумеется, в полной форме) в качестве начальной «опорной» формы подразумевался в основном именительный падеж, в нашей таблице в силу особенностей горномарийского языка наблюдается иное положение вещей. Так, в соотносительной паре *kün* ‘чей’ — *tädän* ‘того’ оба местоимения находятся в форме генитива, в паре *man’areš* ‘насколько’ — *tänäreš* ‘настолько’ оба местоимения находятся в форме латива (именно этот падеж делает возможной интерпретацию данных местоимений как адвербиалов изменения количества объектов либо степени признака); кроме того, даже на синхронном уровне можно видеть, что пары *kä-štä* ‘где’ — *tä-štä* ‘там’ и *kä-škä* ‘куда’ — *tä-škä* ‘туда’ демонстрируют пары местоимений соответственно в инэссиве и иллативе⁵; формы при наличии

⁴ Перевод ‘он’ указан, так как указательное местоимение грамматикализовалось и в личное местоимение третьего лица. Далее два перевода указываются с учетом контекста (проверенного носителем).

⁵ Подробнее об относительных и указательных местоимениях и их строении см. работы [Саваткова 2002; Чхаидзе 1941; Alhoniemi 1993; Fleischer, Schötschel 2005].

гласных, помеченных в таблице в скобках, являются полными, причем и полная форма, и «усеченная» являются одинаково грамматичными и свободно варьируют в зависимости от диалекта.

Приведем примеры на коррелятивы для каждой пары из указанных в таблице:

(3а) «кто — тот»:

kü a.k *robotajê*, **tädä** a.k *kač*.
кто NEG.NPST.3 работать **тот** NEG.NPST.3 есть
 ‘Кто не работает, тот не ест.’

(3б) «чей — того»:

kü-n *pi* *vas'ê-m* *pêrâl*
кто-GEN собака Вася-ACC покусать.CVB
näl-en, **tädä-n** *kot'i* *vara* *vas'ê-m*
 взять-PST2.3SG **тот-GEN** кошка потом Вася-ACC
âdâr-en *pätär-en*.
 поцарапать-CVB закончить-PST2.3SG
 ‘Чья собака укусила Васю, того кошка его потом исцарапала.’

(3в) «что — то»:

ma-m *už-am*, **tädä** *gišan*
что-ACC вижу-NPST.1SG **то** о
rop-en.
 говорить-NPST.1SG
 ‘Что вижу, о том и говорю’.

(3г) «какой — такой»:

mahan' / **kädä** *madâš-ê* *už-eš*,
какой **который** игрушка-ACC увидеть-NPST.3SG
tehen' *madâš-ê* *käč-ä*.
такой игрушка-ACC просить-NPST.3SG
 ‘Какую игрушку увидит, такую и просит’.

(3д) «каков — таков»:

kätözä **mahan'**, *kätö-žä* **tehen'**.
 пастух **какой**, стадо-POSS.3SG **такой**
 ‘Каков пастух, таково и стадо’.

- (3е) «где — там»:
tән' kăštă l'i-ät, *mән'-ă tăštă l'i-äm.*
 ты где статья-NPST.2SG я-EMPH там статья-NPST.1SG
 'Где ты будешь, там буду и я'.
- (3ж) «куда — туда»:
kăškă každăj kečă-n kečă šanz-eš,
 куда каждый день-GEN солнце сесть-NPST.3SG
tăškă mән' ke-ne-m šo-aš.
 туда я уехать-DESID.1SG дойти-INF
 'Куда каждый день садится солнце, туда я хочу уехать'.
- (3з) «откуда — оттуда»:
kăšec(-ән) iktă tol-ән, *tăšec(-ән)*
 откуда(-FULL) 1 идти-PST2.3SG оттуда(-FULL)
molâ-ž-at tol-ән-ât.
 другой-POSS.3SG-ADD статья-PST2-3PL
 'Откуда пришел один, оттуда пришли и другие.'
- (3и) «докуда — дотуда»:
kăškeve(k) rokolma-m šänd-en
 докуда картофель-ACC посадить-CVB
šo-kt-et, tăškeve(k) (tән'-ән)
 дойти-CAUS-NPST.2SG дотуда ты-GEN
müländ-et l'i-eš.
 земля-POSS.2SG статья-NPST.3SG
 'Докуда картошку посадишь, дотуда и будет твоя земля'.
- (3к) «как — так»:
kăce kerd-äm, *tenge-ok sir-äm.*
 как смочь-NPST.1SG так-EMPH написать-NPST.1SG
 'Как смогу, так и напишу'.
- (3л) «когда — тогда»:
kănam tädă iktă-mahan' läktă-šă
 когда он INDEF-какой извлечь-PTCP.АКТ
mo-eš, tănäm mă-län-em
 найти-NPST.3SG тогда я-DAT-POSS.1SG

- sir-mäš-äm* *sir-ä.*
 писать-VN-ACC писать-NPST.3SG
 ‘Когда он найдет какой-нибудь выход, тогда он напишет мне письмо’.
- (3м) «сколько — столько»:
man’ar-â *âl-ân,* *tänür-ok*
сколько-FULL быть-PST2.3SG **столько-EMPH**
kod-ân.
 остаться-PST2.3SG
 ‘Сколько было, столько осталось’.
- (3н) «насколько — настолько»:
[?]*man’ar-eš* *anzâc* *jažo* *âl-ân,*
сколько-LAT сначала хороший быть-PST2.3SG
tänür-eš *vara* *hudaj-em-ân.*
столько-LAT потом плохой-VBZ-PST2.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Насколько сначала было хорошо, настолько стало потом плохо’.
- (3о) «чем — тем»:
[#]*man’ar-eš* *šukâ,* *tänür-eš* *jažo.*
сколько-LAT много **столько-LAT** хороший
 Ожидаемое значение: ‘Чем больше, тем лучше’.
 (Действительное значение: ‘Насколько много, настолько хорошо’.)
- (3о’) «чем — тем»:
^{*}*šukâ-rak,* *jažo-rak.*
 много-СМРР хороший-СМРР
 Ожидаемое значение: ‘Чем больше, тем лучше’.

Практически все коррелятивные пары, указанные О. В. Митрениной на материале русского языка начиная с 18 в., оказываются возможны и в исследуемом языке, за исключением коррелятивной пары для компаративных коррелятивов («чем — тем», как в русском примере «Чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю животных»). Стоит также указать, что пара «насколько — настолько» в (3н) помечена знаком вопроса, так как в ответах носителей наблюдается вариативность; так, например, половине опрошенных носителей проще понять пример вида «на сколько

больше заработал, на столько больше и потратил», а пример (3н), где коррелятивная пара употребляется в переносном значении, воспринимается как трудный. Если учесть, что «прямое» употребление коррелятива означает сравнение изменений по количественной шкале, а «переносное» обращается не к количественной, а к качественной шкале (ср. *насколько... хорошо — настолько... плохо*), то данный пример превосходит примеры (3о-о'), демонстрирующие отсутствие компаративных коррелятивов, как с парой «чем — тем», так и при наличии прилагательного в сравнительной степени. Неграмматичность примеров (3о-о') была подтверждена всеми опрошенными носителями, что вместе с неоднозначностью примера (3н) свидетельствует о недоступности коррелятивов данного семантического типа в горномарийском языке. Любопытно заметить, что наши данные расходятся с данными древних языков (латинского, санскрита, древнеанглийского, древнерусского, хеттского) и с данными современных языков «среднеевропейского стандарта» (например, современных английского, голландского, немецкого): для всех этих языков ни разу не было эксплицитно подтверждено отсутствие компаративных коррелятивов, кроме того, было неоднократно отмечено, что языки «среднеевропейского стандарта», утратив коррелятивизацию как продуктивную стратегию, из всего разнообразия конструкций сохранили лишь компаративные коррелятивы (см. работы [de Vries 2002; den Dikken 2005, 2009], а также грамматические описания, указанные в [Bhatt 2003]).

Кратко опишем общие свойства горномарийских коррелятивов на основе примеров в (3). Итак, коррелятивы действительно содержат пары местоимений (однако *tädä*, означающее как указательное ('тот'), так и личное ('он') местоимение, может опускаться в коррелятивной конструкции по крайней мере в номинативе); зависимая клауза предшествует главной; также были засвидетельствованы коррелятивы вида «какой — такой», где *mahan'* «какой» заменено *kädä* «который», маркирующим финитные относительные клаузы, что согласуется с данными венгерского языка (см. [Lipták 2012]). Заметим, что несмотря на преобладание стратегии *wh-in-situ* в вопросительных контекстах, оба члена пары местоимений отчетливо тяготеют к левой периферии в «своих» клаузах, повторяя линейное расположение друг

друга (ср., например, (3е) и (3ж)). Наконец, тип «каков — таков» единственный из всех коррелятивов предполагает расположение местоимений строго на концах клауз, в соответствии с базовым порядком SOV, так как местоимения этой коррелятивной пары являются проформами глагольной группы.

Как уже было сказано выше, компаративные коррелятивы отсутствуют в горномарийском языке. В то время как примеры (3о-о') в ожидаемом значении не употребляются, носители, чтобы выразить такой смысл, как в русском предложении, используют несколько стратегий «замещения» коррелятивной пары «чем — тем». Приведем их в порядке, соответствующем частотности:

- а) замена на пару «насколько — настолько» (с изменением интерпретации сравнения шкал по качеству на сравнение двух шкал по количеству);
- б) бессоюзная связь типа «встанешь раньше — больше успеешь сделать»;
- в) замена на пару «сколько — столько»;
- г) замена на «насколько» второй части, первая часть заменяется на антецедент условной клаузы, т. е. предложение типа «чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю собак» трансформируется в предложение с буквальным переводом «если я больше узнаю людей, настолько сильно я люблю собак».

Примеры, соответствующие данным стратегиям, даны в (4):

- (4а) = (3о) *#man'ar-eš šukâ, tănär-eš jažo.*
 сколько-LAT много **столько-LAT** хороший
 Ожидаемое значение: 'Чем больше, тем лучше.'
 (Действительное значение: 'Насколько много, настолько хорошо.')
- (4б) *irä kân'äl-eš, tädä šukâ-m*
 рано встать-NPST.3SG столько много-ACC
äšt-en šokt-a.
 сделать-CVB успеть-NPST.3SG
 'Чем раньше он встает, тем больше он делает.'
- (4в) *man'ar irä tädä kân'äl-eš, tănär*
сколько рано он встать-NPST.3SG **столько**

šukâ-m äšt-ä.

много-ACC сделать-NPST.3SG

‘Чем раньше он встает, тем больше он делает.’

(4г) *tä donâ.da šukâ pop-a gän’*,

вы с.POSS.2PL много говорить-NPST.3SG **если**

tänär-eš sāmāräk-em-eš.

столько-LAT молодой-VBZ-NPST.3SG

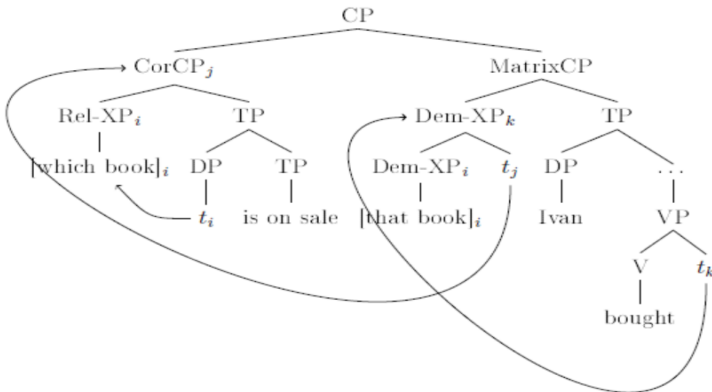
‘Чем больше он общается с вами, тем моложе себя чувствует.’

Итак, примеры (4а) и (4в) показывают, что идея компаратива — сравнение некоторого признака/свойства — переосмысливается как идея сравнения количества, для чего в коррелятивных парах используются количественные проформы. Таким образом, примеры вида (4а), формально отличающиеся от (4в) лишь наличием падежного маркирования на местоимениях, недопустимы в значении компаративного коррелятива со значением сравнения качества и с коррелятивной парой «чем — тем» («Чем больше, тем лучше»). Примеры (4б) и (4г) отображают понятие компаративного коррелятива в конструкции, близкие к условным предложениям, такие, как бессоюзные предложения вида *He придешь — придешь на передачу* и предложения с условными союзами. Интересно в этой связи, что одной из стратегий замены является именно замена зависимой (т. е. собственно коррелятивной) клаузы на протасис условной клаузы, как в (4г). Если принять во внимание факт, что типологически коррелятивы проявляют свойства, с одной стороны, относительных предложений, а с другой стороны, так называемых «зависших» топиков (“hanging topics”) и условных предложений, соответственно распадаясь на коррелятивы, как в хинди (см. [Bhatt 2003]), и коррелятивы, как в венгерском (см. [Lipták 2009, 2012]), то описанные средства «спасения» компаративной коррелятивной конструкции в горномарийском языке получают естественное обоснование. Можно также утверждать, что сделанные наблюдения являются косвенным аргументом в пользу большей близости структуры горномарийских коррелятивов к структуре адьюнкта клаузального уровня, т. е. топиков и условных предложений. Мы рассмотрим некоторые из релевантных типологических свойств горномарийских коррелятивов в следующем разделе.

3. Структурные особенности коррелятивов

Обобщая литературу, посвященную рассматриваемым конструкциям и их реализациям в отдельных языках и группах языков, можно заметить, что коррелятивы проявляют свойства либо относительных предложений, либо «зависших» топиков и условных предложений. Соответственно, одной из важнейших задач для нас, наряду с установлением инвентаря коррелятивов, был ответ на вопрос, к какому типу — «относительному» или «топикальному» — относятся горномарийские коррелятивы. Очевидно, что в первом случае должно происходить выдвигание коррелятивной клаузы из именной группы, находящейся *in situ* либо также передвинувшейся на левый край главной клаузы, а синтаксические структуры для простых и множественных коррелятивов оказываются разными (см. [Bhatt 2003] и Рис. 1аb ниже, взятый из [Gareyshina 2013]); во втором случае коррелятивная клауза уже порождается как адъюнкт к главной клаузе, передвижение из позиции внутри именной группы, подобное тому, что было в «относительном» типе коррелятивов, отсутствует, следовательно, синтаксис простых и множественных коррелятивов одинаков, за исключением разного количества коррелятивных пар (см. [Lipták 2009, 2012] и Рис. 2 ниже ([Gareyshina 2013])).

Рисунок 1а. Синтаксическая структура⁶ для простого коррелятива в языках типа хинди

⁶ MatrixCP в рисунках следует понимать как MainCP (точнее, как CP/TP, согласно сокращениям, принятым в статье), так как имеется в виду главная клауза, а отнюдь не матричная.

Рисунок 16. Синтаксическая структура множественного коррелятива в языках типа хинди

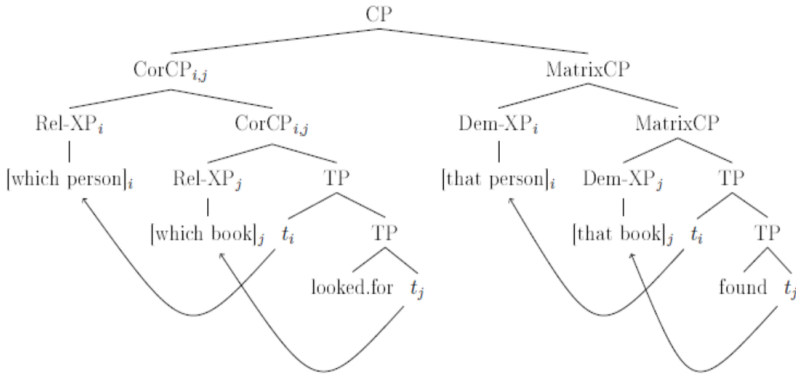
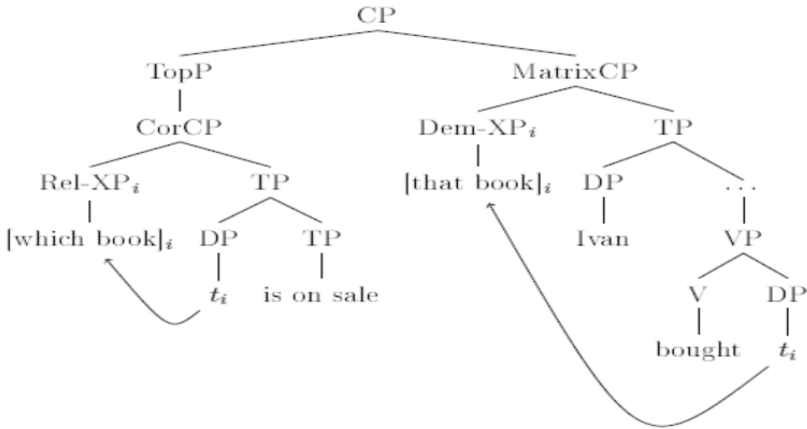

Рисунок 2. Синтаксическая структура простого коррелятива в языках типа венгерского

Множественные коррелятивы анализируются так же, в общем совпадая со схемой Рисунка 16⁷.

⁷ Мы считаем, что множественные коррелятивы следует относить к топикальному типу, а не к относительному, исходя из того, какие семантические типы (и контексты появления) предсказываются для коррелятивной конструкции при выбранном анализе. В случае анализа множественных коррелятивов как относительных предложений с множественной релятивизацией для простых и множественных коррелятивов предсказываются разные семантические типы и, следовательно, разные контексты

На Рисунке 1а схематически изображен «относительный» анализ, при котором коррелятивная клауза является исходно зависимым именной группы Dem-XP и перемещается на левую периферию клаузы лишь после передвижения туда всей именной группы (в том случае, если в рассматриваемом языке нахождение именной группы в таких конструкциях в позиции *in situ* не допускается). Рисунок 1б показывает структуру множественных коррелятивов при анализе коррелятивной клаузы как изначально находившейся в позиции зависимого — относительного предложения — в именной группе: при наличии двух и более мишеней релятивизации внутри единственной зависимой коррелятивной клаузы ожидалось бы, что вершины групп, соответствующих мишеням, образуют единую составляющую, подвергающуюся операции релятивизации (например, могут быть сочинены); однако субъект и объект образуют одну составляющую исключительно в составе главной клаузы, следовательно, структура, как на Рисунке 1а, для множественных коррелятивов исключается (см. подробнее обсуждение этой проблемы, а также предсказываемых различий в структуре простых и множественных коррелятивов в [Bhatt 2003: 491–499, 516–521]). Рисунок 2 демонстрирует «типичальный» анализ, при котором зависимая коррелятивная клауза является адьюнктом клаузальной составляющей не ниже уровня TP. Нетрудно заметить, что если анализировать коррелятивную клаузу как относительную, то она должна на каком-то этапе деривации

появления. Но в действительности в языках мира это не так (см. работы [Bhatt 2003; de Vries 2002]). Любые типы коррелятивов имеют две интерпретации: референт коррелятивной конструкции (введенный с помощью пары соотносительных групп в зависимой и главной клаузах) либо 1) уникален, либо 2) представляет собой множество объектов, каждый из которых удовлетворяет сказанному в коррелятиве. Предположение, что простые и множественные коррелятивы анализируются различно, имеет два нежелательных для теории следствия: 1) соображения изоморфизма синтаксиса и семантики и соображения экономичности (любое синтаксическое различие семантически мотивировано) нарушаются; 2) в языках мира до сих пор не было найдено аналогичного явления, для которого наилучший анализ подразумевал бы обязательное расхождение в синтаксической и семантической структурах, однако найдены свидетельства обратного — в пользу изоморфизма синтаксиса и семантики.

предложения образовывать составляющую с именной группой — антедецентом вида [_{NP} [NP] [RelCl]] (где NP — именная группа — антедецент, RelCl — относительное предложение); если же анализировать коррелятивную клаузу как топик, то она должна образовывать составляющую с «модифицируемой» главной клаузой, но не с какой-либо именной составляющей внутри данной клаузы (подробнее о структуре проекции топика и его месте внутри предложения см. [Rizzi 1997]).

На основании данных теоретических соображений наш вопрос можно переформулировать следующим образом — являются ли зависимая клауза и указательная группа главной клаузы составляющей? В случае положительного ответа мы бы ожидали релятивизацию, в случае отрицательного — топик⁸. Чтобы определить, образует ли коррелятивная клауза составляющую с указательной группой главной клаузы, мы использовали следующие тесты: 1) вопросно-ответный тест (см. [Radford 1981: 72, 92]); 2) помещение составляющей в предикацию (см. [Allerton 1979: 113]); 3) тест на сочинение составляющих (см. [Bhatt 2003: 504–506]); 4) эффекты реконструкции (см. [Bhatt 2003: 514–515]). Вопросно-ответный тест предполагает, что если на вопрос можно дать краткий ответ — «фрагмент» предложения (вместо ответа в виде целой клаузы), то такой ответ является составляющей. Помещение составляющей в предикацию фактически представляет собой помещение исследуемого языкового материала в аргументную позицию внутри предложения; если результирующее предложение является грамматичным, то помещенный внутрь фрагмент является составляющей. Тест на сочинение составляющих основан на наблюдении, что можно сочинить составляющие, причем одного типа. Эффекты реконструкции основаны на принципах связывания A, B и C; применительно к рассматриваемой в данной работе конструкции это означает, что если зависимая коррелятивная клауза и указательная группа образуют составляющую на некотором этапе деривации всей структуры, то личное местоимение 3-го лица внутри зависимой клаузы может быть кореферентно другой

⁸ Подробнее обсуждение двух анализов для коррелятивной конструкции, а также аргументацию для них, можно посмотреть в работах [Cable 2009; Bhatt 2003; Lipták 2012; Mitrenina 2010] на материале тибетского языка, хинди, венгерского и русского языков соответственно.

именной группе внутри главной клаузы, если именная группа главной клаузы имеет структурный приоритет над предполагаемой составляющей, состоящей из коррелятивной клаузы и ее вершины — указательной группы (так, ниже в примере (8) антецедент предполагаемой составляющей находится в позиции субъекта главной клаузы, а сама искомая составляющая — в позиции прямого объекта главной клаузы).

Посмотрим на данные вопросно-ответного теста. Приведем вопрос и возможные ответы на него:

- (5) Q: *kü zvon'-en?*
кто звонить-PST2.3SG
'Кто звонил?'
- A1: [Dem-XP [RelCP]]:
^{OK}*tädä, kü gišän tengecä jad-ân-at.*
тот кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
- A2: [RelCP]:
^{OK}*kü gišän tengecä jad-ân-at.*
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
- A3: [CorCP [Dem-XP]]:
?kü gišän tengecä jad-ân-at, tädä.
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG тот
- A4: [[CorCP] [MatrixCP]]:
^{OK}*kü gišän tengecä jad-ân-at,*
кто о вчера спрашивать-PST2-2SG
täd-ok zvon'-en.
тот-EMPH звонить-PST2.3SG
Ожидаемое значение: '(Звонил) тот, о ком ты спрашивал вчера.'

Легко видеть, что ответить на вопрос с помощью варианта А3 вида «О ком ты вчера спрашивал, тот» менее возможно, чем способами А1, А2 или А4, соответственно, мы не можем сделать здесь вывод о том, что CorCP и Dem-XP образуют составляющую. Однако вариант А3 может служить ответом на вопрос, если сделать перед местоимением паузу — тогда получится пример вида *kü gišän tengecä jad-ân-at — tädä*, крайне напоминающий

предложения со связкой; именно в этом смысле некоторые носители разрешают это предложение.

Так как вопросно-ответный тест не дает однозначно интерпретируемых данных, мы воспользовались еще одним тестом — а именно, попытались поместить предполагаемую составляющую [CorCP [Dem-XP]] в другую предикацию, чтобы она целиком служила членом предложения (субъектом, прямым объектом, непрямым объектом и т. д.):

(6а) [?] *män'*, *kâdâ* *ädär-län* (*tän'*) *vedärä-m*
 я который девушка-DAT ты ведро-ACC
pu-en-ät, (*tä* *ädär-än*) *ävä-žä-m*
 дать-PST2-2SG тот девушка-GEN мать-POSS.3SG-ACC
üz-ân-am.
 видеть-PST2-1SG

(6б) **män'* *üz-ân-am*, *kâdâ* *ädär-län*
 я видеть-PST2-1SG который девушка-DAT
vedärä-m pu-en-ät, *tä* *ädär-än*
 ведро-ACC дать-PST2-2SG тот девушка-GEN
ävä-žä-m.
 мать-POSS.3SG-ACC

Ожидаемое значение: 'Я видела [_{DP} [_{CorCP} какой девушке ты дала ведро; _{DP} той девушки мать]].'

(6в) **män'* *üz-ân-am*, *kâdâ* *ädär-län*
 я видеть-PST2-1SG который девушка-DAT
vedärä-m pu-en-ät, *tädä-n* *ävä-žä-m*.
 ведро-ACC дать-PST2-2SG тот-GEN мать-POSS.3SG-ACC

Ожидаемое значение: 'Я видела [_{DP} [_{CorCP} какой девушке ты дала ведро; _{DP} той {девушки} мать]].'

Итак, можно обратить внимание на пример (6а), который допускают не все носители, а оставшиеся произносят с особой «выделительной» интонацией, делая паузу между коррелятивной клаузой и указательным местоимением. Предположим, что искомая составляющая является тяжелой, значит, она должна быть склонна сдвигаться вправо, подвергаясь так называемому сдвигу тяжелой ИГ (heavy NP shift, см. подробнее [Ross 1967]). Тем самым, и именная группа, и ее предполагаемое относительное зависимое

должны допускать расположение на правом краю клаузы, то есть за глаголом при порядке слов SOV. Этого, тем не менее, не происходит, как показывают примеры (6бв)⁹. Значит, такие примеры, равно как и не-нейтральная интонация в (6а), обусловлены на самом деле скрэмблингом¹⁰ местоимения *tән* ' из главной клаузы (подобное в русском языке абсолютно невозможно, ср. предложение * *Я, какой девушке ты одолжила ведро, ту девушку видела*). Таким образом, данные второго теста неоднозначны в силу действующих в горномарийском языке правил скрэмблинга, отличных от ограничений, выполняющихся в русском языке.

Данные теста на сочинение составляющих также отрицательные:

(7а) ^{OK}[CorCP] & [CorCP]:

^{OK}*kü lekci-m lād-eš dä kü čaj-âm*
кто лекция-ACC читать-NPST.3SG и кто чай-ACC
jämdälüt-eš, nänä-m väslimäš-äškä ik cäš anzâc
готовить-NPST.3SG те-ACC встреча-ILL 1 час до
pâr-t-at.
 входить-CAUS-NPST.3PL

(7б) *[CorCP [Dem-XP]] & [CorCP [Dem-XP]]:

**kü lekci-m lād-eš, tädä-m, dä*
кто лекция-ACC читать-NPST.3SG тот-ACC и
kü čaj-âm jämdälüt-eš, tädä-m
кто чай-ACC готовить-NPST.3SG тот-ACC
vaslimäš-äškä ik cäš anzâc pâr-t-at.
 встреча-ILL 1 час до входить-CAUS-NPST.3PL

⁹ Примеры вида (6бв) являются грамматичными, в частности, в хинди (Р. Бхатт, л. с.; также см. [Srivastav 1991; Bhatt 2003]) и в осетинском (см. [Belyaev, Naug 2014]). (6б) показывает действие ограничения при именной группе с указательным местоимением *tä*, употребляющимся только в атрибутивной позиции, (6в) — при именной группе с указательным местоимением *tädä*, служащим проформой для именной группы *tä ädär* 'та девушка' (подробнее см. [Саваткова 2002: 156–157, 159–162; Alhoniemi 1993: 78–80, 82–83]).

¹⁰ В данной работе под скрэмблингом понимается любое наблюдаемое прагматически мотивированное передвижение некой составляющей, см. подробнее работу [Corver, van Riemsdijk 1994].

(7в) *[CorCP [Dem-XP]] & [CorCP [Dem-XP]]:

**kü lekci-m lād-eš, nānā-m, dā kü*
кто лекция-ACC читать-NPST.3SG те-ACC и кто
čaj-ām jümdälält-eš, nānā-m vaslimāš-āškā
чай-ACC готовить-NPST.3SG те-ACC встреча-ILL
ik cāš anzāc pār-t-at.

1 час до входить-CAUS-NPST.3PL

Ожидаемое значение: ‘Тех, кто читает лекцию и кто готовит чай, пустят за час до начала мероприятия.’

Как известно, сочиняются составляющие одного типа. В нашем случае можно сочинить зависимые клаузы (CorCP) и получить пример (7а), но нельзя сочинить сочетания «зависимая клауза — указательная группа» (CorCP+Dem-XP) — примеры (7бв) однозначно неграмматичны. Таким образом, и по результатам этого теста мы не видим доказательств существования единой составляющей [CorCP [Dem-XP]].

Тест на связывание переменной / эффекты реконструкции также дает отрицательный результат:

(8) *ma-m tādä_i uš-eš, tādä-m [každāj*
что-ACC он видеть-NPST.3SG он-ACC каждый
orod-āš ke-šāj^{*_iOK_k} tör-eš šotl-a.
дурак-ILL уйти-PTCP.ACT правда-LAT считать-NPST.3SG
 ‘Что он_i видит, то [каждый безумец]^{*_iOK_k} принимает за правду.’

Если бы именная группа ‘каждый безумец’ в главной клаузе была кореферентна местоимению ‘он’ в зависимой клаузе, то это означало бы, что раньше вся зависимая клауза была зависимым указательного местоимения *tādäm*, которое, в свою очередь, реконструировалось вместе с зависимой клаузой в свою исходную позицию прямого дополнения, т. е. ниже подлежащего ‘каждый безумец’. Таким образом, именная группа ‘каждый безумец’ тогда могла бы иметь над местоимением ‘он’ структурный приоритет, а следовательно, ‘он’ мог тогда получить от данной именной группы референциальный индекс. То, что этого не происходит, свидетельствует о том, что CorCP никогда не была частью Dem-XP, а значит, возможна только интерпретация, где ‘он’ и ‘каждый безумец’ — это разные люди.

Итак, все четыре теста показали, что зависимая клауза и указательная группа не образуют составляющую, и мы можем сделать заключение, что коррелятивы в горномарийском языке ведут себя скорее как конструкции с топиком, чем как относительные предложения.

4. Заключение

Рассматривая коррелятивы в горномарийском языке, мы ставили перед собой следующие вопросы:

- Какие типы коррелятивов представлены в языке?
- Каковы общие структурные особенности коррелятивов в горномарийском языке?
- Являются коррелятивы по своим синтаксическим свойствам релятивизацией или «зависшим» топиком (hanging topic)?

Представляется, что нам удалось установить основной репертуар данных конструкций, а также сделать наблюдения над их структурными свойствами, позволяющие прийти к выводу о том, что коррелятивы и топики в горномарийском языке ведут себя схожим образом. Как следствие, наши данные являются вкладом в типологический обзор коррелятивов в уральских языках, а в перспективе — в описание синтаксиса языков уральской семьи и типологию коррелятивов в языках мира. В числе задач для будущих исследований можно назвать сопоставительный анализ коррелятивов с другими полипредикативными структурами (например, безвершинными относительными придаточными и условными предложениями) в горномарийском языке.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; CMPR — сравнительная степень; CVB — конверб; DAT — датив; DESID — дезидератив; EMPH — эмфатическая частица; FULL — полная основа; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST2 — прошедшее второе; PTCP.ACT — активное причастие; SG — единственное число; VBZ — вербализатор; VN — отглагольное имя.

Литература

- Кожемякина, Гарейшина 2018 — А. Д. Кожемякина, А. Р. Гарейшина. Относительные предложения в горномарийском языке. Экспедиционный отчет. Рукопись. М.: МГУ, 2018. [A. D. Kozhemyakina, A. R. Gareyshina. Otnositel'nyye predlozheniya v gornomarijskom jazyke. Ekspeditsionnyy otchet. [Relative clauses in Hill Mari. Fieldwork report]. М.: MSU, 2018].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola*, 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari]. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola*, 2002].
- Чхайдзе 1941 — М. П. Чхайдзе. Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М.: Учпедгиз, 1941. [M. P. Chkhaidze. Sintaksis lugovo-vostochnogo mariiskogo iazyka [Syntax of Meadow-Eastern Mari]. М.: Учпедгиз, 1941].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Buske, 1993.
- Allerton 1979 — D. Allerton. *Essentials of grammatical theory: A consensus view of syntax and morphology*. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.
- Belyaev, Haug 2014 — O. Belyaev, D. Haug. Pronominal Coreference in Ossetic Correlatives and the Syntax-Semantics Interface // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of LFG14. CSLI Publications*, 2014. P. 89–109.
- Bhatt 2003 — R. Bhatt. Locality in Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 3, 2003. P. 485–541.
- Cable 2009 — S. Cable. The Syntax of the Tibetan Correlative // A. Lipták (ed.). *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 195–222.
- Corver, van Riemsdijk 1994 — N. Corver, H. van Riemsdijk. Introduction: Approaches to and Properties of Scrambling // N. Corver, H. van Riemsdijk (eds.). *Studies on Scrambling: Movement and Non-movement approaches to Free Word-Order Phenomena [Studies in Generative Grammar 41]*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 1–16.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. PhD thesis, University of Amsterdam, Amsterdam, 2002.
- den Dikken 2005 — M. den Dikken. Comparative correlatives comparatively // *Linguistic Inquiry* 36, 4, 2005. P. 497–532.
- den Dikken 2009 — M. den Dikken. Comparative correlatives and successive cyclicity // A. Lipták (ed.). *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 263–305.
- Fleischer, Schötschel 2005 — J. Fleischer, M. Schötschel. Relativpronomen im Marischen // C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer (eds.). *Lihkkun*

- lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlass des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. [Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 65]. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. P. 71–86.
- Gareyshina 2013 — A. Gareyshina. Correlations between correlatives in Russian. Ms. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2013.
- Izvorski 1996 — R. Izvorski. (Non-)matching effects in free relatives and pro-drop // M. Przewdziecki, L. Whaley (eds.). Proceedings of ESCOL'95. Ithaca: Cornell University, 1996. P. 89–102.
- Izvorski 1997 — R. Izvorski. The Syntax and Semantics of Correlative Proforms // K. Kusumoto (ed.). Proceedings of NELS 26. Amherst, MA: GLSA, 1997. P. 133–147.
- Keenan 1985 — E. L. Keenan. Relative Clauses // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description, Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 141–170.
- Lipták (ed.) 2009 — A. K. Lipták. Correlatives Cross-Linguistically. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Lipták 2012 — A. K. Lipták. Correlative topicalization // Acta Linguistica Hungarica 59, 3, 2012. P. 245–302.
- McCawley 2003 — J. D. McCawley. Remarks on Adsentential, Adnominal, and Extraposed Relative Clauses in Hindi // V. Dayal, A. Mahajan (eds.). Clause Structure in South Asian Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Mitrenina 2010 — O. Mitrenina. Correlatives: Evidence from Russian // G. Zybatow et al. (eds.). Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of FDSL 7.5. Frankfurt am Main: Peter Lang Publishing House, 2010. P. 135–151.
- Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Relative Clauses // K. Brown (ed.). Encyclopedia of Language and Linguistics (2nd ed.). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 501–508.
- Radford 1981 — A. Radford. Transformational syntax: A student's guide to Chomsky's Extended Standard Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The Fine Structure of the Left Periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of Grammar. Kluwer International Handbooks of Linguistics. Dordrecht: Springer, 1997.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Ph.D. thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967.
- Srivastav 1991 — V. Srivastav. The syntax and semantics of correlatives // Natural Language and Linguistic Theory 9, 4, 1991. P. 637–686.

Ф. В. Голосов, А. А. Козлов

НИУ ВШЭ, НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва

НАБЛЮДАТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Эта статья посвящена семантике двух прошедших времен в горномарийском языке. Далее мы будем называть две интересующие нас формы Аористом и Перфектом. Выбор именно этих названий будет обоснован дополнительно; в традиционной черемистике² они называются иногда первым и вторым прошедшим временами [Пенгитов 1961], а иногда прошедшим очевидным и прошедшим неочевидным соответственно [Саваткова 2002].

На горномарийском языке говорят около двадцати трех тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском районе республики Марий Эл, на ее юго-западе, на границе с Нижегородской областью и Чувашией. Вместе с близкородственным луговомарийским (преобладающим в остальных тринадцати районах Марий Эл) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций 2016–2017 гг. отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Школы лингвистики НИУ ВШЭ в село Микряково Горномарийского района респ. Марий Эл и представляют, таким образом, крайнезападные (т. н. емангашские)

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 16-18-02081, выполняемым в МГУ имени М. В. Ломоносова. Авторы следуют фонетической транскрипции горномарийской экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова; она отличается от более устоявшейся черемистической транскрипции, принятой, например, Алхо Алхониemi [Alhoniemi 1993], главным образом тем, что редуцированный гласный заднего ряда (*ы* горномарийской орфографии) обозначается знаком /э/ вместо /э/.

² Под черемистикой мы понимаем раздел языкознания, посвященный изучению марийских языков.

говору горномарийского. Мы опираемся как на материал, полученный в результате элицитации, так и на небольшой экспедиционный корпус текстов, на момент исследования включающий 3 ч. 25 мин. звучащей речи.

Цель нашей статьи состоит в следующем. Мы намерены опровергнуть сделанные ранее в черемистике утверждения о том, что два горномарийских прошедших времени противопоставлены по эвиденциальности (Аорист маркирует прямую, а Перфект — косвенную засвидетельствованность) или временной дистанции (Аорист осуществляет референцию к событиям ближайшего прошлого, а Перфект описывает ситуации, более отдаленные во времени). Мы утверждаем, что на выбор между двумя прошедшими временами влияют главным образом особенности структуры дискурса — а именно тот ее компонент, который в Теории репрезентации дискурса [Kamp, Reyle 1993] называется *perspective point*, а в отечественной семантической традиции — прежде всего в работах Е. В. Падучевой [2010] — Наблюдатель.

Статья устроена следующим образом. После вводного раздела 1 в разделе 2 мы кратко опишем видо-временную систему горномарийского языка, а в разделе 3 изложим существующие в черемистике на настоящий момент представления о семантике и функционировании интересующих нас видо-временных форм, а также об их истории. Далее в разделах 4 и 5 мы последовательно рассмотрим две выдвинутые нашими предшественниками гипотезы, одна из которых связывает семантическую основу противопоставления Аориста и Перфекта с эвиденциальностью, а другая — с временной дистанцией, — и отвергнем обе. Далее в разделе 6 мы предложим собственный анализ значения этих прошедших времен: в подразделе 6.1 мы введем понятие Наблюдателя, а в 6.2 покажем, что выбор между Аористом и Перфектом может описываться с помощью этого понятия. В заключение в разделе 7 мы подытожим и обобщим изложенное в предыдущих разделах — и объясним, почему мы выбрали именно такие ярлыки для этих прошедших времен.

2. Глагольное словоизменение в горномарийском языке

Verborum Tscheremissorum 1:ma pers. sing. aut in *am*, *äm* aut in *em* exit. Hujus rei ratione habita in duas dispecuntur conjugationes: 1:mo

quae truncum in a, ä exeuntem habent, 2:do quorum truncus in e terminatur³ [Castren 1845: 35].

Со времен М. А. Кастрена в горномарийском языке выделяют два глагольных спряжения. Спряжение, к которому относится глагол, определяет выбор флексий в трех основных словоизменятельных парадигмах: Непрошедшего времени, Аориста и Перфекта. Распределение глаголов по спряжениям задается словарно и не зависит от вида основы, а сами флексии I и II спряжений, по-видимому, на синхронном уровне не могут быть возведены к одной и той же «глубинно-фонологической» форме. Следуя черемистической традиции, продемонстрируем разницу между спряжениями на примере парадигм в Непрошедшем времени двух глаголов с омонимичными корнями: *pâr-eš* ‘кусать’ (I спр.) и *pâr-a* ‘входить’ (II спр.):

Таблица 1. Спряжение глаголов *pâr-eš* ‘кусать’ и *pâr-a* ‘входить’ в Непрошедшем времени

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> ‘кусать’			<i>pâr-a</i> ‘входить’		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-am</i>	<i>pâr-äna</i>	1	<i>pâr-em</i>	<i>pâr-enä</i>
2	<i>pâr-at</i>	<i>pâr-äda</i>	2	<i>pâr-et</i>	<i>pâr-edä</i>
3	<i>pâr-eš</i>	<i>pâr-ät</i>	3	<i>pâr-a</i>	<i>pâr-at</i>

Формы Непрошедшего времени могут осуществлять референцию как к плану настоящего, так и к плану будущего:

- (1) *vas'a amal-a*
 В. спать-NPST.3[SG]
 1. ‘Вася спит’.
 2. ‘Вася уснет’.

Синтетических прошедших времен два: Аорист и Перфект. Разница в их семантике составляет предмет настоящей статьи;

³ «Окончания марийских глаголов 1 лица единственного числа представлены либо как *am*, *ät*, либо как *em*. После установления в этом вопросе последовательности глаголы распределяются по двум спряжениям: первому, к которому относятся основы с исходом *a*, *ä*, и второму, основы в котором оканчиваются на *e*».

пока лишь повторим, что в большом количестве контекстов они взаимозаменяемы.

— Аорист («первое прошедшее время»):

- (2) *vas'a amal-âš*
 В. спать-AOR[3SG]
 'Вася спал.'

— Перфект («второе прошедшее время»):

- (3) *vas'a amal-en*
 В. спать-PRF[3SG]
 'Вася спал.'

В Аористе у глаголов второго спряжения почти во всех формах (кроме 3PL) выделяется показатель $-(ə)š-$, тогда как в первом спряжении единый показатель, как и в Непрошедшем времени, отсутствует.

Таблица 2. Спряжение глаголов *pâr-eš* 'кусать' и *pâr-a* 'входить' в Аористе

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> 'кусать'			<i>pâr-a</i> 'входить'		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-â-m</i>	<i>pâr-na</i>	1	<i>pâr-âš-âm</i>	<i>pâr-âš-na</i>
2	<i>pâr-â-c</i>	<i>pâr-da</i>	2	<i>pâr-âš-âc</i>	<i>pâr-âš-da</i>
3	<i>pâr-â</i>	<i>pâr-evä</i>	3	<i>pâr-âš</i>	<i>pâr-evä</i>

Правда, в парадигме единственного числа мы склонны считать показателем Аориста для первого спряжения редуцированный гласный /â/ из-за особенностей его морфонологического поведения. Если во всех остальных суффиксах, начинающихся с /â/, этот гласный не палатализирует предшествующий согласный, то перед суффиксами Аориста в единственном числе первого спряжения конечные /l/ и /n/ основы переходят соответственно в /l'/ и /n'/: *tol-eš* [прийти-NPST.3SG] — *tol'-â* [прийти-AOR.3SG], *man-eš* [сказать-NPST.3SG] — *man'-â* [сказать-AOR.3SG]. Поэтому /â/, обладающий такими специальными морфонологическими характеристиками, считается отдельной морфемой — показателем Аориста.

Показатель Перфекта выделяется в обоих спряжениях; для первого спряжения он выглядит как *-en*, для второго как *-en*.

Таблица 3. Спряжение глаголов *pâr-eš* ‘кусать’ и *pâr-a* ‘входить’ в Перфекте

I спряжение			II спряжение		
<i>pâr-eš</i> ‘кусать’			<i>pâr-a</i> ‘входить’		
	SG	PL		SG	PL
1	<i>pâr-ân-am</i>	<i>pâr-ân-na</i>	1	<i>pâr-en-âm</i>	<i>pâr-en-nâ</i>
2	<i>pâr-ân-at</i>	<i>pâr-ân-da</i>	2	<i>pâr-en-ât</i>	<i>pâr-en-dâ</i>
3	<i>pâr-ân</i>	<i>pâr-ân-ât</i>	3	<i>pâr-en</i>	<i>pâr-en-ît</i>

Семантическое противопоставление Аориста и Перфекта является той загадкой, которую мы будем решать на всем протяжении этой статьи. Здесь отметим, что и Аорист, и Перфект оказываются нейтральны как в отношении видового ракурса (допуская и перфективную, и имперфективную интерпретации), так и в отношении акционального класса глагола (позволяя глаголу реализовать все акциональные интерпретации, допустимые его акциональным классом).

Для того, чтобы проверить наличие акциональных различий между этими двумя временами, в ходе экспедиций 2016–2017 гг. согласно методике, предложенной С. Г. Татевосовым [Татевосов 2015], была собрана база данных по акциональной семантике марийской глагольной лексики, включающая 135 лексем⁴. В результате этого исследования можно с высокой степенью уверенности предположить, что наборы акциональных интерпретаций и видовых ракурсов, доступные формам Аориста и Перфекта, совпадают: замена одного синтетического прошедшего времени на другое не влияет ни на акциональную, ни на аспектуальную семантику клаузы.

В примере (4) глагол *madeš* ‘играть’⁵ относится к слабому предельному акциональному классу, то есть <ES P, P> в нотации С. Г. Татевосова. Формы Непрошедшего времени (при референции к плану настоящего) могут обозначать только процесс ‘иг-

⁴ Мы благодарны всем участникам глагольного куста Горномарийской экспедиции 2016–2017, принимавшим участие в составлении базы — и особенно Д. О. Жорник, взявшей на себя ответственность за ее разработку и координацию.

⁵ Так как по форме инфинитива глагола невозможно определить его спряжение, в настоящей статье глаголы приводятся в форме третьего лица единственного числа Непрошедшего времени.

рает’ — что и означает символ Р после запятой. До запятой перечисляются акциональные значения Аориста: эта форма глагола *madeš* может обозначать и вхождение в состояние (‘сыграл’) и процесс (‘играл’). Перфект имеет все те же и только те интерпретации, что и Аорист:

— предельную:

- (4a) *nänä preferans-la lu minut-âštâ*
 те преферанс-COMP 10 минута-IN
mad-evä / mad-ân-ât
 играть-AOR.3PL играть-PRF-3PL
 ‘Они за десять минут сыграли в преферанс.’

— неопредельную (при перфективном ⁶видовом ракурсе):

- (4б) *nänä preferans-la kok cäš mad-evä /*
 те преферанс-COMP 2 час играть-AOR.3PL
mad-ân-ât
 играть-PRF-3PL
 ‘Они два часа играли в преферанс.’

— неопредельную (при имперфективном видовом ракурсе)

- (4в) *eče=ät kâdež-äš pârâ-mâ-k-em,*
 опять-ADD комната-LAT войти-NMZ-ILL-POSS.1SG
nänä preferans-la mad-ân-ât / mad-evä
 те преферанс-COMP играть-PRF-3PL играть-AOR.3PL
 ‘Когда я опять вошел в комнату, они еще играли в преферанс.’

Другой глагол, *jêla* ‘гореть’, не имеет предельной интерпретации ни в одном из синтетических прошедших времен. Для того, чтобы получить предельную интерпретацию ‘сгорел’, нужно употребить этот глагол в составе одной из комплетивных сериальных конструкций — например, с глаголом *pätä* ‘кончатся, истощаться’:

⁶ Наше понимание перфектива соответствует принятому в работах [Comrie 1976: 4, 16] и [Bybee, Dahl 1989: 55]: перфективная интерпретация — это такая интерпретация, в которой описываемая ситуация представляется как ограниченная во времени.

(5a) *sarta kok cäs jâl-en / jâl-âš*
 свеча 2 час гореть-PRF[3SG] гореть-AOR[3SG]
 ‘Свеча два часа горела’

(5б) *sarta kok cäs-äštä *jâl-en / *jâl-âš /*
 свеча 2 час-IN гореть-PRF[3SG] гореть-AOR[3SG]
ok jâl-en pät-en
 гореть-CVB кончатся-PRF[3SG]
 ‘Свеча за два часа сгорела.’

Для нас в этом случае важно, что предельной интерпретации нет ни у Аориста, ни у Перфекта — в этом отношении они ведут себя одинаково.

Впрочем, одно аспектуальное (или околоаспектуальное) различие у марийских синтетических прошедших времен есть. Оно заключается в том, что Аорист может обозначать только эпизодические ситуации, а Перфект может употребляться еще и в хабитуальных контекстах:

(6) *mä pervi šim totoca-š pâr-en-nä /*
 мы раньше черный баня-LAT заходить-PRF-1PL
**pârâš-na*
 заходить-AOR.1PL
 ‘Раньше мы ходили в баню по-черному.’

(7) *so=ok kânam čäčä tol-ân*
 всегда=EMPH когда дядя приехать-PRF[3SG]
âl-ân, papa-m kagâl'-âm
 быть-PRF[3SG] бабушка-POSS.1SG пирог-ACC
*küest-ân / *küest-ä*
 печь-PRF[3SG] печь-AOR.[3SG]
 ‘Всегда, когда приезжал дядя, бабушка пекла пирог.’

Кроме этого, Аорист невозможен в общефактических контекстах:

(8) *tân' iktagânam=gân'at preferans-la*
 ты когда.нибудь=если преферанс-COMP
*mad-ân-ât / *mad-âc?*
 играть-PRF-2SG играть-AOR.2SG
 ‘Ты когда-нибудь в преферанс играл?’

- (9) *män' ti knig-äm läd-än-am / # läd-äš-äm*
 я этот книга-ACC читать-PRF-1SG читать-AOR-1SG
 ‘{Читал ли ты когда-нибудь эту книгу? —} Я эту книгу читал.’

При этом ни хабитуальная, ни общефактическая референция явно не является главной или прототипической функцией Перфекта — чаще всего эта форма используется в эпизодических перфективных контекстах:

- (10) *metodičeskäj material-äm=at kăčäl-äš*
 методический материал-ACC=ADD искать-INF
värešt-en, män' institut-äšk-em
 приходиться-PRF[3SG] я институт-LAT-POSS.1SG
ke-n-äm metodkabinet-äštä mälän-äm
 пойти-PRF-1SG методический.кабинет-IN я-DAT-POSS.1SG
palš-en-ät
 помочь-PRF-3PL
 ‘Пришлось искать методические материалы: я пошла в свой институт, мне помогли в методкабинете...’

Поэтому есть основания полагать, что семантическая оппозиция Аориста и Перфекта не сводится к тому, что Перфект просто имеет более широкий круг употреблений — в тех контекстах, где возможны обе видо-временных формы, их, по всей вероятности, должно что-то отличать.

Следует заметить, что чаще, чем Перфект, референцию к хабитуальным цепочкам событий в прошедшем осуществляют другие формы. Система временных форм в горномарийском не ограничивается тремя синтетическими временами; на общефинноугорском фоне она гедонистически богата — так, в горномарийском насчитывают до шести прошедших времен [Alhoniemi 1993: 104–110]. Кроме Аориста и Перфекта, есть еще четыре видо-временных формы, которые получаются с помощью добавления к Непрошедшему времени и Перфекту ретроспективизирующих показателей *äl'ä* и *älän*, морфологически являющихся формами Аориста и Перфекта соответственно от глагола *äleš* ‘быть’. (К формам Аориста эти показатели не присоединяются.)

- (11a) *vas'a amal-a* *ǎl'-ǎ*
 В. спать-NPST.3[SG] быть-AOR[3SG]
 'Вася спал.'
- (11б) *vas'a amal-a* *ǎl'-ǎn*
 В. спать-NPST.3[SG] быть-PRF[3SG]
 'Вася спал.'
- (11в) *vas'a amal-en* *ǎl'-ǎ*
 В. спать-PRF[3SG] быть-AOR[3SG]
 'Вася спал.'
- (11г) *vas'a amal-en* *ǎl'-ǎn*
 В. спать-PRF[3SG] быть-PRF[3SG]
 'Вася спал.'

Формы Непрошедшего в сочетании с показателями ретроспективного сдвига имеют дистрибуцию, в общем типичную для форм имперфектива в прошедшем (=имперфекта). Формы Перфекта с теми же частицами имеют диапазон употреблений, типологически характерный для плюсквамперфектов (предшествование в прошедшем, «прекращенное прошлое» и др., см. [Сичинава 2013]). Оба ретроспективизатора никогда не согласуются с подлежащим, сохраняя форму третьего лица единственного числа; смысловой глагол при этом всегда согласуется. Сложная проблема описания семантики перифрастических форм прошедшего времени в горномарийском (как и луговомарийском) еще не решена до конца (хотя см. [Воронов, Мордашова 2016]); для того, чтобы это сделать, по-видимому, необходимо сначала выполнить задачу настоящей статьи — разобраться в семантическом противопоставлении Аориста и Перфекта. Скажем лишь, что как «плюсквамперфектные», так и «имперфектные» перифрастические формы могут осуществлять референцию к хабитуальным ситуациям в прошлом, ср. примеры (12) и (13), следующие друг за другом в поучительном рассказе о пользе чтения, соответственно:

- (12) *vot tǎdǎ-n don kǎktǎ-n mǎ so naperegonki*
 вот тот-GEN с 2-GEN мы всегда наперегонки

<i>läd-än-na</i>	<i>äl'-ä</i>		
читать-PRF-1PL	быть-AOR.3SG		
‘{В классе был один мальчик, Вася.} Вот с ним мы всегда вдвоем читали наперегонки.’			
(13) <i>bibliat'ekar'</i>	<i>mäm-nä-m</i>	<i>so</i>	<i>jäl-län</i>
библиотекарь	мы.OBL-POSS.1PL-ACC	всегда	другие-DAT
<i>xval-en</i>	<i>rop-a</i>	<i>äl'-ä</i>	
хвалить-PRF[3SG]	говорить-NPST.3SG	быть-AOR.3SG	
‘Библиотекарь нас всегда хвалила.’			

Итак, Аорист и Перфект отличаются друг от друга как минимум сферой употребления: Аорист, в отличие от Перфекта, употребляется только при референции к эпизодическим ситуациям, а Перфект, кроме этого, может употребляться еще в хабитуальных и экспериенциальных контекстах. Однако это не основная функция Перфекта — в ней с ним конкурируют еще «имперфектные» и «плюсquamперфектные» перифрастические формы, в то время как Перфект часто употребляется как простое перфективное прошедшее. Семантическая оппозиция между двумя синтетическими формами прошедшего времени в эпизодических контекстах, таким образом, остается неясной.

3. Аорист и Перфект в литературе по черемистике

В этом разделе мы представим краткий обзор предложенных ранее теорий и гипотез о значении марийских прошедших времен. Приступая к такому обзору, нужно сделать оговорку: большинство исследователей марийской грамматики не разделяли луговой и горный марийский языки и чаще всего делали утверждения о марийском вообще. При этом их реальным материалом, как правило, выступали диалекты лугового марийского языка, в котором сфера употребления синтетических прошедших времен может отличаться от горномарийского.

Авторы первых марийских грамматик — Г. фон дер Габеленц, Ф. И. Видеман, М. А. Кастрен — полагали, что в марийском языке есть только два времени: презенс и претерит. Ф. И. Видеман считал, что формы 3PL типа *tolevä* <прийти.AOR.3PL> и *tolänät* (прийти.PRF.3PL) — это свободные варианты (других форм он не упоминает). Полные парадигмы трех типов претерита встреча-

ются у И. Буденца [Budenz 1865]: он выделял претерит 1-й (= Аорист 1 спряжения), претерит 2-й (= Аорист 2 спряжения) и претерит 3-й (= Перфект). В современном виде противопоставление двух прошедших времен впервые встречается в грамматике протоиерея Федора Васильева [Васильев 1887]: Васильев называет Аорист недавно-прошедшим временем, а Перфект — прошедшим несовершенным.

Валериан Михайлович Васильев в «Записках о грамматике народа мари» [Васильев 1918] первым предлагает для различения двух времен такой семантический параметр, как «очевидность».

Недавно прошедшее время выражает действие или состояние очевидное, достоверно известное говорящему и поэтому его правильное было бы назвать прошедшим очевидным (<...>). Прошедшее неопределенное выражает действие или состояние неочевидное, забытое или даже совсем неосознанное виновником их, а следовательно, такое, которое известно говорящему со слов других, по рассказу их [Васильев 1918: 26].

Вероятно, имеется в виду противопоставление по эвиденциальности. Вслед за В. М. Васильевым «очевидность» или эвиденциальность признавали основным различием марийских прошедших времен многие черемисты, включая А. А. Саваткову — автора единственного специализированного грамматического описания горномарийского языка, завершеного в 1980 г. и опубликованного много лет спустя в 2002 г. [Саваткова 2002].

Однако некоторые исследователи, хотя и используют термин *очевидность*, осознают, что оппозиция между Аористом и Перфектом не сводится к эвиденциальности — в том виде, в каком она фиксируется, например, в пермских языках. Так, Эва Кангасмаа-Минн [Kangasmaa-Minn 1988], присваивая двум временам названия *witnessed past* («прошедшее засвидетельствованное») и *non-witnessed past* («прошедшее незасвидетельствованное»), отмечает: «Во многих контекстах оппозиция нейтрализуется, т. е. формы становятся взаимозаменяемыми» [Kangasmaa-Minn 1988: 229]. Другие авторы, как кажется, вкладывают в термин *очевидность* или его иноязычные аналоги более сложное содержание. Алхо Алхониemi, автор самого современного описания марийского языка, замечает, что

I претерит — это время непосредственного наблюдения события или действия. Оно встречается прежде всего в контекстах прямого изображения (*direkte Schilderung*) (...). II претерит является скорее временем непрямого изображения (*indirekte Schilderung*), логического умозаключения и опосредованного наблюдения (*mittelbare Beobachtung*) [Alhoniemi 1993: 115, перевод наш].

Алхониemi говорит о *прямом или непрямом отображении*: при всей туманности этого выражения кажется, что оно подразумевает не столько источник информации, сколько способ ее подачи.

Похожее решение, по сути, принял уже Н. Т. Пенгитов [1961], который считал оба времени полисемичными: прошедшее I-е (Аорист), согласно его словам, выражает, во-первых, действие, «очевидцем или участником которых является сам говорящий», а во-вторых, «такое действие, которое происходило недавно, в непосредственной близости к моменту речи». При этом он делает еще одну важную оговорку: «Прошедшее I-е употребляется для большей ясности, живости передаваемого» [Пенгитов 1961: 184], — иллюстрируя этот тезис цитатой из романа «Эренгер» М. Шкетана (в романе, написанном в 1933, действие происходит во время Гражданской войны и коллективизации, причем повествование ведется не от первого лица). Прошедшее 2-е, согласно Пенгитову, имеет еще более широкий спектр значений: 1) результативное значение, 2) значение «неочевидности» действия; 3) значение давнего прошлого; 4) «длительное» значение (соответствующее русскому несовершенному виду). Как мы увидим, анализ Н. Х. Пенгитова содержательно более всего похож на тот, который собираемся предложить мы — хотя мы и будем формулировать его совсем в других терминах.

Полисемию обоих прошедших времен постулирует и пионер горномарийского языкознания Л. П. Васикова в диссертации, посвященной прошедшим временам в марийских языках [Васикова 1955]. «Говоря о семантике употребления, — пишет Л. П. Васикова, — I-е прошедшее и II-е прошедшее времена имеют значения перфекта и имперфекта, очевидности и неочевидности, давности и недавности действия, а также видовые различия» [Васикова 1955: 12]. Кроме этого, она делает важную оговорку:

Нередки случаи, когда в рассказах о действиях и событиях, хорошо известных рассказчику, употребляется II-е прошедшее

время. В таких случаях автор подчеркивает (или характеризует) действие не со стороны очевидности или неочевидности, а просто указывает, что действие такое совершалось [Васикова 1955: 9].

Самый подробный анализ в терминах полисемии представляет акад. Б. А. Серебренников в книге «Категории вида и времени в волжских и пермских языках» [Серебренников 1960]. При этом Б. А. Серебренников считает полисемичным только одно из времен — Перфект. Аорист, по Б. А. Серебренникову, есть просто прошедшее время, «имеющее тенденцию к видовой специализации»: «в огромном большинстве случаев оно обозначает действие законченное, недлительное» [Серебренников 1960: 158]. При этом Б. А. Серебренников отмечает, что иногда Аорист все же может обозначать «длительное» действие, например тогда, когда его видовое значение «нейтрализуется» показателями глагольной множественности *-kal-*, *-ššt-*, *-ed-* (согласно нашим полевым данным, дериваты с этими суффиксами имеют только не-предельные акциональные значения); именно поэтому он говорит о том, что первое прошедшее время только «начало приобретать» видовое значение.

Перфект, по мнению Б. А. Серебренникова, может иметь одно из трех значений: 1) «имперфектное» («длительного действия»), 2) «перфектное» («прошедшее результативное») и 3) «модальное значение неочевидности действия», возникшее «на базе перфектного значения». В последнем, третьем значении Перфект не имеет видовой специализации и может обозначать как «длительные», так и «законченные» действия. При этом основная масса примеров, цитируемых Б. А. Серебренниковым для иллюстрации имперфектного значения, являются хабитуальными — как мы видели, Перфект действительно отличается от Аориста тем, что имеет не только эпизодические, но и хабитуальные употребления. Результативность или перфектность в прошедшем Б. А. Серебренников понимает, с точки зрения современного грамматической типологии (см. хотя бы определение В. А. Плуногьяна [Плуногьян 2011: 289–290]), экстравагантно — эти понятия иллюстрируют, например, предложения из нарративных последовательностей, переводящиеся как «Залегли и ждали, а потом *вышли*» или «Сидела я вместе с сыном в тюрьме при немцах, в Керчи. *Освободили* меня партизаны».

Заметим, что примеров недопустимости Перфекта в контекстах отсутствия результата в настоящем Б. А. Серебренников не дает (разумеется, в его работе вообще отсутствует отрицательный материал). Кажется, что первые два значения, то есть референция к непредельным и предельным ситуациям в прошлом, исчерпывают логический круг возможностей: получается, что Перфект может употребляться вообще при любой референции к плану прошедшего — а в этом случае незачем постулировать полисемию. Точно так же, по-видимому, нет смысла выделять третье «неочевидное» значение — если в силу первых двух Перфект может осуществлять референцию и к «очевидным» ситуациям.

Кроме этого, Б. А. Серебренников делает два важных замечания относительно «стилистических» функций марийских претеритов по сравнению с похожими формами в пермских языках.

Во-первых, он отмечает разницу в употребительности между марийским Перфектом и пермскими «вторыми прошедшими» временами, которые действительно выражают эвиденциальность:

В газетных сообщениях, учебниках и т. д. в таких языках, как коми, удмуртский, татарский и другие перфект обычно заменяется первым прошедшим временем. В марийском, так же как в чувашском языке, в газетных сообщениях употребляется второе прошедшее время [Серебренников 1960: 168].

Во-вторых, обсуждая случаи употребления Аориста в контекстах незасвидетельствованного прошедшего (в которых, согласно изложенной выше теории, ожидался бы Перфект), Б. А. Серебренников замечает:

Это происходит обычно в тех случаях, когда говорящий стремится придать своему высказыванию оттенок экспрессии, драматизации [Серебренников 1960: 169].

Оба этих замечания понадобятся нам в дальнейшем.

Итак, интуиции большинства исследователей-черемистов в общем совпадают. Типы контекстов, в которых они ожидают увидеть марийские претериты, следующие: для Аориста это перфективное прошедшее с прямой засвидетельствованностью; для Перфекта — прошедшее время с непрямой засвидетельствованностью, результативное прошедшее, хабитуальное или имперфективное прошедшее. Вместе с тем для каждого из этих значений

(подразумевающих определенные ограничения на употребление) по отдельности находятся контрпримеры; а полисемию «имперфекта и перфекта» постулировать, как мы видели выше, не очень осмысленно. Ни понятие «очевидности» само по себе, ни более сложные модели полисемии, которые ранее предлагались в черемистической литературе, не могут предсказать выбор между Аористом и Перфектом.

4. Горномарийские данные

4.1. Эвиденциальность

В этом разделе мы собираемся опровергнуть гипотезу о том, что основой семантического противопоставления Аориста и Перфекта в горномарийском языке является эвиденциальность.

Как отмечал и Б. А. Серебренников (правда, на материале лугового марийского), употребимость Перфекта не ограничивается контекстами косвенной засвидетельствованности.

Во-первых, как уже говорилось выше, для описаний хабитуальных ситуаций в прошлом возможен только Перфект, но не Аорист. Он употребляется и в тех случаях, когда участие в этих ситуациях принимал сам говорящий:

- (14) *sāmāräk-än god-äm mǎn' kärš-äm*
молодой-GEN время-ACC я гусли-ACC
*šakt-en-äm / *šakt-äš-äm*
играть-PRF-1SG играть-AOR-1SG
'В молодости я играла на гусях.'

Пример (15) взят из текста, представляющего собой обсуждение трубопровода: говорящий вспоминает о том, что в детстве он и его друзья на нем играли. При этом носители горномарийского языка запрещают заменять в этом примере Перфект на Аорист:

- (15) *ves ponimani älan, ves stat'a-n*
другой понимание быть-PRF[3SG] другой способ-GEN
*mad-än-na / *mad-äš-na*
играть-PRF-1PL играть-AOR-1PL
'{Сейчас дети там не бегают, их типа ругают. А раньше по-другому было.} Другое понимание было, мы по-другому играли.'

С другой стороны, в контекстах прямой засвидетельствованности при эпизодической референции допустим не только ожидаемый Аорист, но и Перфект:

- (16) *sen'a trük mән' vekä vädä-m šäv-en*
 Сеня вдруг я к вода-ACC брызгать-CVB
pu-en / OK pu-š
 дать-PRF[3SG] дать-AOR.3SG
 'Сеня вдруг брызнул на меня водой'.

- (17) *mән' uš-ән-am, što vas'a*
 я видеть-PRF-1SG что В.
ke-n / OK ke-š
 уйти-PRF[3SG] уйти-AOR.3SG
 'Я видел, что Вася ушел'

Пример (18) взят из рассказа говорящего (пожилой учительницы) о своем прошлом; он начинается эпизод, повествующий о крутом повороте в жизни героини — ее взяли в школу преподавать марийский язык и литературу:

- (18) *den'znaniј lәм-eš etär-mä linejka-škä*
 день.знаний имя-LAT повести-NMZ линейка-ILL
tol-ән-am täštäken
 прийти-PRF-1SG туда
 '{Ну, значит,} пришла я на линейку в честь Дня знаний...'

Можно было бы предположить, что прошедшие времена находятся в привативной оппозиции, в которой Аорист был бы маркированной формой, употребляющейся только в контекстах прямой засвидетельствованности. Однако и эта гипотеза оказывается не соответствующей данным горномарийского языка: дело в том, что Аорист может употребляться как в случае прямого, так и в случае непрямого доступа к информации:

- (19a) *mән'-ән sәнžä-em anžal-mä čäškä*
 я-GEN глаз-POSS.1SG видеть-NMZ чашка
pädärg-äš
 разбиться-AOR[3SG]
 'Чашка разбилась на моих глазах.'

(22a) *ät'ä šärg-äš kâdal'-ê*
отец лес-ILL ехать-AOR[3SG]
'Отец уехал в лес (только что).'

(22б) *ät'ä šärg-äš kâdal-ân*
отец лес-ILL ехать-PRF[3SG]
'Отец уехал в лес (может быть, давно).'

В некоторых контекстах, которые предполагают, что событие состоялось только что, Перфект оценивается как неуместный:

(23) *mä pätär-äš-nä, postarä-da /*
мы закончить-AOR-1PL собирать-IMP.PL
?pätär-än-nä
закончить-PRF-1PL
{Говорящий вместе с первой партией моющихся пошел в баню, помылся, вышел и сразу же говорит:} 'Мы закончили, собирайтесь.'

Кроме того, в горномарийском аналоге выражения *Я пошел*, которое является, по-видимому, калькой с русского, может использоваться только Аорист.

(24) *jara, män' amal-aš ke-š-äm / *ke-n-äm*
ладно я спать-INF идти-AOR-1SG идти-PRF-1SG
'Ладно, я пошел спать'.

Заметим, что в русском примере *Я пошел* прошедшее время описывает событие, которое начинается в момент произнесения этого предложения или вскоре после того, то есть, иными словами, между моментом речи и описываемым событием нет временной дистанции. Эта особенность русского *Я пошел* наследуется и в горномарийской конструкции.

Наконец — и это, с нашей точки зрения, самое важное, — при элицитации отдельных предложений Аорист оказывается недопустим при референции к условно «отдаленному прошлому». Вопрос о том, в каких в точности случаях это бывает так, еще подлежит исследованию; пока ясно, что отдаленность — это относительное понятие, одна и та же точка во времени ('вчера') может быть «отдаленной» для события 'гореть' и «не отдаленной» для события смерти (25)–(26). По-видимому, для каждой

пропозиции существует точка во времени, при локализации перед которой она воспринимается как произошедшая в отдаленном прошлом. При модификации клаузы соответствующими обстоятельствами времени Аорист становится неграмматичным:

(25a) *papi lu i pervi*
 бабушка 10 год давно
kol-en / #kol-äš
 умереть-PRF[3SG] умереть-AOR[3SG]
 ‘{А когда умерла бабушка? — } Бабушка умерла десять лет назад.’

(25б) *papi tängecä kol-en / ^{OK}kol-äš*
 бабушка вчера умереть-PRF[3SG] умереть-AOR[3SG]
 ‘Бабушка умерла вчера.’

(26a) *täl-äm olt-en-et / ^{OK}olt-evä vekät*
 огонь-ACC топить-PRF-3PL топить-AOR.3PL наверно
 ‘{Я чувствую запах гари.} Похоже, жгли костер.’

(26б) *jäd-äm tištä täl-äm*
 ночь-ACC здесь огонь-ACC
*olt-en-et / *olt-evä vekät*
 топить-PRF-3PL топить-AOR.3PL наверное
 ‘Я почувствовал запах гари. Похоже, тут ночью жгли костер.’

(27) *tänäm pervi=ok*
 тогда давно=EMPH
 **äl-äš / äl-än iljä muromec.*
 жить-AOR[3SG] жить-PRF[3SG] И. М.
 ‘Давным-давно жил Илья Муромец’.

Обстоятельство времени, однако, необязательно: точно так же Перфект оказывается единственной опцией в предложениях, в которых отнесенность события к плану «отдаленного» прошлого восстанавливается из контекста или общих знаний говорящего и слушающего. Известно, например, что здание церковноприходской школы в Микрякове построил купец Леонтий Лукьянов в 1881 году; в предложении, которое об этом сообщает, Аорист также невозможен:

- (28) *toštâ skol-âm leontij grigorevič lukjanov*
 старый школа-ACC Л. Г. Л.
stroj-en / # stroj-ăš
 строить-PRF[3SG] строить-AOR[3SG]
 ‘{А кто построил старую школу? — } Старую школу построил Леонтий Григорьевич Лукьянов.’

Можно сделать предварительное обобщение: при элицитации отдельных предложений Аорист, в отличие от Перфекта, возможен только при референции к «недавнему» прошлому. Заметим, что Перфект, в свою очередь, не ограничен «отдаленным» прошлым: он сочетается с обстоятельствами времени типа ‘недавно’, ‘только что’ и т. п.

- (29) *an'a šukerdä agâl=vele stakan-eš čäj-âm*
 А. давно NEG=только стакан-LAT чай-ACC
opt-ân, tädä eče šokš=ok.
 лить-PRF.3SG тот еще горячий=EMPH
 ‘Аня только что налила чая в стакан, он еще теплый’.

Почему тогда Перфект был неуместен или недопустим в (23) и (24)? Мы считаем, что предпочтительность Аориста в примерах типа (23) имеет не семантические, а прагматические причины. В (23) временная локализация ситуации не выражается лексически и не задана контекстом или общими знаниями участников коммуникации; поэтому если результатом выбора между Аористом (обозначающим «недавнее» прошлое) и Перфектом (немаркированным по временной дистанции) оказывается Перфект, то идея отдаленности может возникнуть как импликатура. То, что Перфект недопустим в (24), объясняется тем, что как и его русский аналог, горномарийское *я пошел* — это фразеологизованная конструкция, в ней не может употребляться не только никакая другая видо-временная форма, но ни один другой глагол, кроме глагола *keä* ‘идти’. Показательно то, что в этой конструкции закрепляется именно Аорист, а не Перфект.

Итак, в этом разделе мы привели данные, которые могут быть аргументами в пользу следующей точки зрения: горномарийские Аорист и Перфект образуют привативную оппозицию по временной дистанции. Можно предположить, что Аорист обозначает «hot news past» (что, кстати, немного диссонирует с наз-

ванием, которое мы для него выбрали — со времен Дж. МакКоли [McCawley 1981] функция сообщения «свежих новостей» ассоциируется скорее с перфектом), а Перфект может употребляться при референции к любой ситуации, имевшей место в прошлом. Такое заключение может быть сделано на основании данных, полученных нами в ходе элицитации.

Тем интереснее, что употребления Аориста, встречающиеся в естественно порожденных текстах, полностью опровергают эту гипотезу.

5. Нарративный Аорист

Один из имеющихся в экспедиционном корпусе текстов начинается так:

- (30) *tăžəm ändäkš šüdä vəc lu kəm-šə i-n*
тысяча девять сто пять десять три-ORD год-GEN
p'atij klas-əštə təmen'-mā-n god-əm mā
пятый класс-IN учиться-NMZ-GEN время-ACC мы
ikänä pohod-əš ke-n-nä
однажды поход-LAT идти-PRF-1SG
'В 1953 году, когда я училась в пятом классе, мы однажды
пошли в поход.'

Текст представляет собой воспоминания пожилой учительницы о походе, в который она ходила, когда училась в 5 классе. Как следует из первого предложения, все события, о которых говорится в тексте, происходили в 1953 году — то есть в «отдаленном прошлом»; как можно ожидать, большая часть рассказа выдержана в Перфекте. Группа заночевала у лесника; руководитель лег спать в домике лесника, а ученики легли на сеновале в сарае. Ночью они увидели свет, испугались и решили разбудить взрослых. Для этого нужно было спуститься с сеновала в темноте; рассказчица спускалась первая и попала прямо на рога к корове. После этого они долго стучались в дверь, им наконец открыли, лесник взял ружье, обошел сарай, но никого не нашел — скорее всего, это был просто свет фар проехавшей мимо машины.

У текста есть два кульминационных момента: во-первых, когда рассказчица описывает, как она спускалась в темноте с сеновала, и во-вторых, когда детей пускают в дом, а лесник идет

с ружьем осматривать окрестности. В обоих из них Перфект неожиданно сменяется Аористом:

(31) *vot mән' pätäri=ok val-äš-äm*
 вот я сначала-EMPH спуститься-AOR-1SG
päckämäš saraj-äškä i srazu škal vuj-äškä,
 темный сарай-ILL и сразу корова голова-ILL
srazu škal šur-äškä čuč-än-am
 сразу корова рог-ILL оказаться-PRF-1SG
 'Вот я первая спустилась_{AOR} в темный сарай и сразу оказа-
 залась_{PRF} у коровы на голове, то есть на рогах.'

(32a) *nәнә mäm-nä-m pört-äš pärt-evä*
 они мы.OBL-POSS.1PL-ACC дом-ILL пустить-AOR.3SG
 'Они нас пустили_{AOR} в дом.'

(32б) *pörteš=ok amal-aš kod-än-na*
 дом=EMPH спать-INF остаться-PRF-1PL
 'В доме мы и остались_{PRF} ночевать.'

(32в) *lesnik äške-žä pičäl-'äm näl'-ä*
 лесник сам-POSS.3SG пицаль-ACC взять-AOR.3SG
dä mäm-nä-n rukovoditel'-nä don kokt-än
 и мы-GEN руководитель-POSS.1PL с два-GEN
järväš särn-evä
 вокруг обойти-AOR.3SG
 'Лесник сам взял_{AOR} ружье, и они вместе с нашим руко-
 водителем вдвоем кругом обошли_{AOR}.'

Мы видим, что, несмотря на то что события похода проис-
 ходят в 1953 году, они могут описываться с помощью Аориста.
 Перед нами еще один тип употребления Аориста — нарративный.

Рассмотрим другой короткий текст, также представляющий
 собой историю из жизни. Для краткости мы даем только перевод
 и отмечаем подстрочным индексом при русских глаголах то, в
 какой форме они используются в оригинале:

'(а) С тысяча девятьсот семьдесят пятого года по тысяча
 девятьсот семьдесят девятый год я училась_{PRF} в Оршанском пед-
 училище. (б) На третьем курсе студенческим отрядом мы по-
 ехали_{PRF} в Астраханскую область собирать арбузы. (с) Сначала в

саду собирали_{AOR} абрикосы и яблоки. (d) А потом через один месяц поехали_{AOR} на бахчу. (e) Нас там разделили_{AOR} на три группы. (f) В нашей группе нас было_{PRF} десять. (g) Мы жили_{PRF} в степи. (h) Погода была_{PRF} жаркая. (i) Работали_{PRF} утром и вечером. (j) А по вечерам под шатром, взяв баян, песни пели_{PRF}. (k) Время весело провели_{PRF}.⁷

Этот маленький текст имеет следующие четыре части:

- вводное предложение (a);
- нарративная часть, состоящая из предикаций, описывающих следующие друг за другом события (b–e);
- описательная часть, состоящая из стативных предикаций (f–j);
- заключительное предложение (k).

В первой, третьей и четвертой частях все предикации оформлены Перфектом. Нарративная часть начинается с Перфекта, за которым потом следуют три формы Аориста.

Эти два случая приведены только для примера; в экспедиционном корпусе текстов в нарративах, начинающихся формами Перфекта, встречаются разного размера пассажи, оформленные Аористом. Аорист появляется в основной линии нарратива при передаче сменяющих друг друга перфективных ситуаций. При этом, как мы видели в рассказах про поход и про Астрахань, ограничение на временную дистанцию снимается — Аорист может реферировать к ситуациям, которые имели место и в 1977, и в 1953 году. Можно предположить, что нарративный дискурс снимает то ограничение на близость ситуации к моменту речи, которое мы видели выше.

Мы проверяли эту гипотезу двумя способами.

Во-первых, мы попытались элицитировать нарративы. Мы просили информанта переводить на горномарийский короткие и явно связанные по смыслу предложения одно за другим, предупредив заранее, что они составляют одну и ту же историю. Ясно, что такая методика не вполне надежна — носитель может «потерять» в памяти предыдущий контекст и начать воспринимать предложения как изолированные. Как бы то ни было, выбранный метод позволил подтвердить нашу гипотезу — при элицитации

целых историй глагольные формы в Аористе могут осуществлять референцию к событиям отдаленного прошлого.

В примере (33) мы видим такой сконструированный отрывок нарративного дискурса. В первой нарративной клаузе Аорист, как правило, невозможен, в ней нужен Перфект. В остальных клаузах можно использовать как Аорист, так и Перфект:

(33a) *ikänä barin keles-en / #keles-äš*
 однажды барин сказать-PRF[3SG] сказать-AOR.3SG
što t'ot'a-m saltakâ-š ke-šäšlâk
 что бабушка-POSS.1SG солдат-ILL идти-PTCP.DEB

(33б) *män'-än kogo papa tol-ân / tol'-ə*
 я-GEN большой бабка идти-PRF[3SG] идти-AOR.3SG
tädä-n do-kâ dä keles-en / keles-äš
 тот-GEN к-ILL и сказать-PRF[3SG] сказать-AOR.3SG
što värä-šä-žä män' ške=ok saltak-äš
 что место-ILL-POSS.3SG я сам=EMPH солдат-ILL
ke-em.
 идти-NPST.3SG

(33в) *barin kogon ör-ân / ör'-ə*
 барин очень удивиться-PRF[3SG] удивиться-AOR.3SG
 ‘{Мой дед с детства хромал на одну ногу.} Однажды барин сказал_{PRF/*AOR}, что мой дед должен пойти в солдаты. Моя прабабка пошла_{AOR/PRF} к нему и сказала_{AOR/PRF}, что она вместо него сама в солдаты пойдет. Барин очень удивился_{AOR/PRF}.’

Точно так же, задав нарративный контекст, с помощью форм Аориста можно говорить о Петре I, Иване IV, марийском национальном герое Акпарсе и т. д.:

(34) *a tädä otkazâvaj-alt-ân / otkazâvaj-alt-äš*
 а он отказать-DETR-PRF[3SG] отказать-DETR-AOR.3SG
 ‘{Однажды к царю Петру пришли шведские послы и предложили мир,} а он отказался.’

Во-вторых, в дополнение к уже имевшемуся текстовому материалу был собран небольшой подкорпус нарративных

текстов с использованием визуальных стимулов⁷. Мы показали семерым носителям горномарийского языка известный фильм «Pear film» [Chafe (ed.) 1980] и пятерым — мультфильм «Жихарка» (цикл «Гора самоцветов», студия «Пилот», 2006); после просмотра фильма мы просили носителей пересказать то, что они увидели. Мы рассчитывали получить как можно более прототипические нарративы, которые при этом являлись бы достаточно длинными.

Из семи носителей, смотревших фильм о грушах, у одного основной нарративной стратегией являлся Перфект, другой начал рассказывать в Перфекте, а затем примерно в середине пересказа перешел на Непрошедшее (стратегия *praesens historicum*); еще трое с самого начала пользовались Непрошедшим. Для двоих носителей основной нарративной стратегией был Аорист.

Для примера рассмотрим один из этих двух текстов. Абсолютное количество словоформ в разных временах в нем таково:

- 13 форм Перфекта;
- 16 форм Аориста;
- 7 форм Непрошедшего (*praesens historicum*);
- (1 форма Дезидератива — отдельного наклонения, не сочетающегося с индикативными формами).

Перфект используется в интродуктивной части ('Было_{PRF} тихое утро') и двух первых предложениях нарратива ('Один мужчина пошел_{PRF} в сад и начал собирать яблоки. Поставил_{PRF} лестницу и начал_{PRF} собирать яблоки в фартук'). На следующем предложении ('Когда фартук наполнился, он спустился_{AOR} с лестницы') говорящий переходит на Аорист. После этого все события основной линии оформляются Аористом, а Перфект маркирует отступления от основной линии (в основном нравоучительные пояснения типа 'Наверное, этот мальчик жадный был_{PRF}, только два яблока дал_{PRF}'). Непрошедшее время в функции «исторического презенса» в основном оформляет фоновые ситуации ('...огляделся_{AOR} вокруг. Понятно, что хозяин его не видит_{NPST}'), а также, например, всю

⁷ Авторы благодарны участникам зимней горномарийской экспедиции 2017 года, помогавшим при записи и разборе пересказов «Истории о грушах» и «Жихарки».

небольшую побочную сюжетную линию про мужчину, ведущего козу (возможно, она вся воспринимается как фон относительно другой, основной линии).

Пересказы мультфильма о Жихарке дали совершенно другую картину. Один из информантов начал пересказ в Перфекте и перешел на *praesens historicum* примерно после трети рассказанного текста; остальные четверо с самого начала использовали *praesens historicum*. Следует отметить, что это верно и для остальных сказок, которые имеются в экспедиционном корпусе: везде, кроме интродуктивных пассажей, в них используется Непрошедшее время.

Вообще *praesens historicum* в горномарийском используется гораздо шире, чем в современном русском литературном языке — с ним сочетаются, например, семьфактивные и делимитативные ситуации. Сравним, например, следующий пассаж из пересказа «Жихарки» и его русский перевод:

- (35) *tädä okn'a do-kâ toleš i*
 этот окно к-ILL идти-NPST.3SG и
stuč-alal-eš / (OK stuč-a)
 стучаться-АТТ-NPST.3SG стучаться-NPST.3SG
 ‘Она к окну подходит и стучится.’

Глагол *stuča* ‘стучать’ входит в акциональный класс <ES MP, MP>, то есть может обозначать и квант стука, и мультипликативный процесс, состоящий из нескольких таких квантов. Аттенуативный суффикс *-alal-* в данном случае получает делимитативное значение ‘постучит (несколько раз)’; эта глагольная форма может иметь только перфективный видовой ракурс и, как следствие, не сочетается с референцией к плану настоящего — формы Непрошедшего времени от глагола *stučalaleš* имеют, как правило, только футуральную интерпретацию. Однако, в отличие от русского (*подходит и *постучит / подходит и #постукивает*), этот глагол и подобные ему горномарийские аттенуативные дериваты могут употребляться в нарративе, оформленном историческим настоящим. Как известно, исторический презенс является основной нарративной стратегией в тюркских языках Поволжья (см. [Татевосов и др., в печати] и литературу там); такое широкое употребление этой стратегии может быть ареальным феноменом.

По-другому употребляется *praesens historicum* в двух пересказах «Истории о грушах», где основной нарративной стратегией был выбран Аорист. В этих случаях он гораздо точнее соответствует историческому настоящему современного русского языка, оформляя в основном фоновые ситуации:

(36a) *dä olma-m korzinâ-š / korzin-âškâ*
и яблоко-ACC корзина-ILL корзина-ILL
opt-âš

положить-AOR[3SG]

‘И он яблоки в корзину переложил’

(36б) *i pakâla olma-m pog-aš tângâl'-ä*
и дальше яблоко-ACC собирать-INF начать-AOR.3SG

‘И дальше яблоки стал собирать’

(36в) *ti veremä-n mändärnä agâl ves*
это время-GEN далеко NEG.3[SG] другой
püergä kesä-m progulka-š nänge-ä
мужчина коза-ACC прогулка-ILL вести-NPST.3[SG]

‘А в это время недалеко другой мужчина козу на прогулку ведет.’

Таким образом, наши данные показывают, что в горномарийском языке есть три видо-временных формы, которые могут свободно оформлять события основной линии нарратива: Аорист, Перфект и историческое Непрошедшее. Хотя к настоящему времени, к сожалению, наш корпус плохо сбалансирован в жанровом отношении, можно сделать предварительный вывод о том, что эти три стратегии имеют некоторое жанровое распределение. Последовательное употребление исторического Непрошедшего, как мы уже сказали, тяготеет к сказкам. Нарратив, состоящий из одних только форм Перфекта, используется в самых разнообразных контекстах; это единственный вариант, например, в тех случаях, когда излагаемая история разворачивается на протяжении долгого времени — нескольких месяцев или даже лет, а составляющие его события не укладываются в один «раунд наблюдения» (об этом понятии см. [Апресян 2017: 86]). Хорошим примером такого рода нарративов может быть, например, биография говорящего или история восстановления сельской церкви.

В такие нарративы естественно встраиваются перфективные хаби-туальные предикаты ('некоторое время поработала заведующей садика', 'три года ходила в школу пешком, {а потом провели автобус}' и т. п.) — как мы помним, Перфект, в отличие от Аориста (и исторического Непрошедшего), может иметь хаби-туальную интерпретацию. Наконец, Аорист чаще всего появляется в личных нарративах, которые описывают события, происходившие в пределах нескольких часов — и при этом все они укладываются в один раунд наблюдения.

По-видимому, параллелью (хотя, возможно, и не очень точной) противопоставления Аориста и Перфекта в нарративных контекстах можно считать две русские нарративные стратегии: последовательное оформление всех клауз прошедшим временем (=Перфект) и прошедшее время, заменяющееся настоящим в имперфективных контекстах.

(37а) *Лисица спряталась за пенек и сидела там.*

(37б) *Лисица спряталась за пенек и ^{ok}сидит там.*

(38а) *Иван Грозный уехал в Александровскую слободу и управлял Россией оттуда.*

(38б) *Иван Грозный уехал в Александровскую слободу и # управ-ляет Россией оттуда.*

Таким образом, в нарративах у Аориста действительно исчезает ограничение по временной дистанции, которое мы видели при элицитации отдельных предложений. (На самом деле некоторые носители при элицитации с марийского стимула могут «достроить» нарратив и проинтерпретировать Аорист как его часть; поэтому для того, чтобы запреты на Аорист при референции к давнему прошлому в предыдущем разделе были категориче-скими, мы «вставляли» их в заведомо ненарративный контекст — например, делали их ответами на вопрос). Что же этот факт дает нам для понимания того, как противопоставлены марийские про-шедшие времена?

6. Анализ

Скажем сразу, что по причинам, изложенным подробно в разделе 3, мы не видим оснований постулировать для Перфекта какую-либо полисемию. Перфект — это не что иное как обычный претерит, то есть форма, семантический вклад которой состоит в помещении времени ассерции до времени речи. Именно поэтому он может употребляться в любых контекстах, предполагающих референцию к плану прошедшего — и эпизодических, и общефактических, и хабитуальных. В тех немногих контекстах, как например, в (23), в которых Перфект оказывается неуместен, дело не в семантике, а в прагматике: если в нулевом контексте употребляется Перфект, а не Аорист, то слушающий делает вывод о том, что это неслучайно — у высказывания возникает импликатура отдаленности во времени. Как бы то ни было, Перфект прекрасно сочетается с обстоятельствами недавнего времени ('только что', 'сейчас' и др.; (29)); это означает, что в его семантике ограничений на временную дистанцию нет.

Семантика Аориста устроена более сложно. С типологической точки зрения горномарийский Аорист, несомненно, можно считать **полифункциональной** граммемой [Grossman, Polis 2012]. Оформление нарративных клауз — отдельная, типологически независимая функция (о специализированных нарративных претеритах см. [Dahl 1985: 112–114; Fleischman 1990]). То же самое верно и для функции «недавнего прошедшего», “hot-news” past — во многих языках это одно из употреблений граммемы перфекта, который чаще всего как раз не может употребляться в нарративных контекстах (обычно ему противопоставлена другая, нарративная форма прошедшего времени). Встречаются и специализированные формы недавнего прошедшего — в основном в языках, глагольные системы которых включают дробные противопоставлениями по временной дистанции. Итак, нарративное прошедшее и недавнее прошедшее — самостоятельные, легко определяемые **сравнительные концепты** [Haspelmath 2010; Evans 2010]; таким образом, с чисто типологической точки зрения можно рассматривать Аорист как имеющий две не связанные между собой функции.

Однако в современной литературе, посвященной сравнительным концептам, подчеркивается, что типологическое описание такого рода не должно заменять другого, выполненного в терминах

описательных категорий [ibid.]. В этом разделе мы собираемся предложить для горномарийского Аориста единое значение, которое объясняло бы его употребление в обоих рассмотренных выше типах контекстов.

6.1. Наблюдатель

Впервые анализировать временную семантику с помощью трехчленной системы, в которую входят время высказывания, время ситуации и еще одна временная точка, предложил Ганс Рейхенбах [Reichenbach 1947]. Эту точку он называл *Referenzzeit*, временем референции (в русском языке закрепился термин «точка отсчета»). Это понятие было необходимо главным образом для анализа семантики английских сложных времен — например, плюсквамперфекта: ситуация, которую выражает форма плюсквамперфекта, предшествует какому-то другому моменту в прошлом, не совпадающему, естественно, с временем высказывания; этим другим моментом и является точка отсчета. В дальнейшем понятие *reference time* стали использовать еще и для анализа вида. В. Клейн [Klein 1994: 24] предлагает вместо этого понятия другое — *topic time* (в русской практике используются термины *время ассерции*, *окно наблюдения* и др.), то есть временной интервал, о котором говорящий делает утверждение. Именно *topic time* разным образом соотносится со временем ситуации (вкладывается в него, содержит его или пересекается с ним) и обеспечивает семантические противопоставления из области «видового ракурса» (viewpoint aspect).

Однако Х. Камп и У. Райле [Kamp, Reyle 1993] убедительно доказывают, что на самом деле для того, чтобы анализировать время и вид, нужна четырехчленная система. Точка отсчета Рейхенбаха и время ассерции Клейна — это не одно и то же. Например, трехчленная система не справляется с анализом «развернутых флэшбэков» типа (39):

(39) *Fred arrived at 10. He **had got up** at 5; he **had taken** a long shower and **had left** the house at 6:30.*

‘Фред приехал в 10 утра. Проснулся он в 5, долго принимал душ и вышел из дома в полседьмого’.

Три ситуации, оформленные плюсквамперфектом, составляют мини-нарратив; для того, чтобы события осмыслились как

последовательно идущие друг за другом, нужно, чтобы временной интервал, находящийся «сразу после» одной из них, интерпретировался как время ассерции следующей за ней ситуации — так же, как это бывает устроено в обычном, неплюсквамперфектном нарративе. Предшествование чему в таком случае маркирует плюсквамперфект? Какой компонент в семантике этих форм анафорически отсылает к первому предложению? Ясно, что это не может быть ни время ассерции, ни время речи. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, Х. Камп и У. Райле и предлагают сохранить отдельное существование точки отсчета, называя ее *perspective time*. Таким образом, система получается четырехчленной.

В этой статье мы будем использовать неформальную версию этой системы, предложенную Е. В. Падучевой, в которой этот «четвертый компонент» называется **Наблюдателем**. Вообще Наблюдатель — это «антропоцентрический компонент» в семантике; впервые его существование постулировал Ю. Д. Апресян на материале предложений типа *На дороге показался всадник* [1986] (здесь Наблюдатель — «генерический» Экспериенцер, субъект зрительного восприятия). Кроме этого, именно положением Наблюдателя Е. В. Падучева объясняет разницу между отрицательными экзистенциальными предложениями с номинативом и генитивом субъекта типа *Вася не был в Москве* vs. *Васи не было в Москве* (можно показать, что в последнем случае в Москве находится Наблюдатель) [Падучева 1992]. В «Семантических исследованиях» [Падучева 2010] Е. В. Падучева применяет понятие Наблюдателя уже для анализа видо-временной семантики.

Следуя Э. Бенвенисту, разделявшему *plan de discours* и *plan de récit*, Е. В. Падучева выделяет два режима интерпретации дискурса: **диалогический** и **нарративный**. Первый представляет собой каноническую речевую ситуацию: говорящий и слушающий обмениваются репликами разной длины, совершая самые разные речевые акты. Во втором конкретный слушающий «здесь и сейчас», как правило, необязателен; для интерпретации высказываний, составляющих нарративный дискурс, обычно бывают важны место и время не порождения высказывания, а те, в которых локализованы события, составляющие нарратив. Адресаты нарратива как бы «переносятся» в прошлое, воспринимают события так, как будто они протекают перед их собственными глазами.

Е. В. Падучева моделирует это противопоставление с помощью понятия Наблюдателя следующим образом. При референции к прошлому в диалогическом режиме интерпретации дискурса мы имеем дело с **ретроспективным** Наблюдателем — его положение совпадает со временем высказывания; он «смотрит» назад на события прошлого. В нарративном же режиме Наблюдатель **синхронный**: он находится в той же точке временной оси, что и события, о которых идет речь, и движется по оси времени одновременно с ними. Кроме предложений основной линии нарратива, которые по определению характеризуются перфективным видовым ракурсом, синхронный Наблюдатель предполагается в клаузах с актуально-длительным несовершенным видом. В случае общефактического несовершенного вида (*Я пробовал падкагьль*) Наблюдатель, наоборот, всегда ретроспективный: говорящий высказывается о факте, имевшем место в прошлом, вместе с Наблюдателем оглядываясь на него назад из ситуации речевого акта. Именно поэтому общефактический НСВ невозможен в нарративе. Интерпретация граммы прошедшего времени, считает Е. В. Падучева, зависит от режима интерпретации дискурса: в диалогическом режиме оно означает то, что ситуация предшествует позиции Наблюдателя, а в нарративном — совпадает с последней. Настоящее время означает совпадение с позицией Наблюдателя; в диалогическом режиме это дает обычные употребления настоящего времени, а в прошедшем — *praesens historicum*.

Приняв эти допущения, можно охарактеризовать семантику горномарийских прошедших времен.

6.2. Наблюдатель в горномарийском

Горномарийский Перфект — это general preterite, претерит «общего назначения». Значит, он ровно так же чувствителен к позиции Наблюдателя, как это пишет о русском претерите Е. В. Падучева. Можно сформулировать это по-другому: Перфект наоборот, максимально независим от интерпретации дискурса и позиции Наблюдателя. Можно считать, что Перфект недоспецифицирован относительно позиции Наблюдателя и просто маркирует то, что время ассерции предшествует времени высказывания (как, собственно, обычно и анализируют семантику прошедшего времени, см. [Klein 1994: 3–4]).

Аорист — это тоже прошедшее время, то есть время ассерции в клаузах, содержащих эту форму, предшествует времени высказывания. Кроме этого, Аорист дополнительно требует выполнения условия (40):

(40) Время ассерции является **смежным** с точкой положения Наблюдателя.

Понятие **смежности** поясняется в (41):

(41) Интервал t является смежным с интервалом t' , если t' расположен **непосредственно до** или **непосредственно после** t .

Вслед за Д. Даути [Dowty 1986] мы оставим размытыми понятия *непосредственно до* и *непосредственно после*. Изначально они были нужны, чтобы описать взаимоотношения следующих друг за другом событий в нарративе: если время одного события составляет точку отсчета (*reference time*) для другого, то точка последующего события должна находиться “just after” («непосредственно после») предыдущего. Д. Даути пишет, что позиция точки отсчета

определяется только тем, как слушающий понимает сущность описываемых в нарративе событий, общую степень подробности, с которой они описываются, и энциклопедические знания о том, как разные ситуации обычно бывают хронологически связаны. <...> Точки отсчета следуют друг за другом «непосредственно» в том смысле, что каждое последующее предложение описывает следующее по порядку событие, которое важно с точки зрения цели рассказа настолько, что заслуживает того, чтобы говорящий рассказал об этом слушающему [Dowty 1986: 47].

Откуда в семантике высказывания возникает точка отсчета, определяющая временную локализацию события, которое оно обозначает? Начиная с классической работы Б. Парти [Partee 1973], на этот вопрос чаще всего отвечают так. Точка отсчета задается анафорически — таким же образом, каким устанавливается, например, референция местоимений типа *он* или *она*: функция оценки переменных ищет в предшествующем контексте самый «активированный» объект и приписывает его в качестве референта местоимению. Только в случае точки отсчета на референта существуют строгие ограничения: функция оценки ищет **самый**

активированный временной интервал. Естественно, в случае нарратива самый активированный временной интервал — тот, который занимало предыдущее событие. Итак, примем пока, что точка отсчета в нарративе совпадает с временем предшествующего события, а время ассерции для следующего события находится **непосредственно после**.

Мы предлагаем считать, что то, как интерпретируется Аорист, зависит от режима интерпретации дискурса. Он может быть, согласно допущениям, принятым выше, нарративным или диалогическим.

В нарративном режиме позиция Наблюдателя (она же точка отсчета) движется одновременно с событиями дискурса — в терминах Е. В. Падучевой, Наблюдатель является синхронным. Тогда при Аористе время ассерции является смежным с позицией Наблюдателя так, как это обычно происходит в нарративе — оно располагается **непосредственно после** позиции Наблюдателя. В диалогическом режиме позиция Наблюдателя совпадает с моментом речи. Аорист — это прошедшее время, а значит, время ассерции должно располагаться **до момента речи** (см. обсуждение в разделе 5). Выходит, что оно должно быть локализовано **непосредственно до** него. Таким образом, мы получаем обсуждающуюся в разделе 4.2 интерпретацию «недавнего прошлого».

(42a)=(25a) *papi* *lu* *i* *pervi*
бабушка десять год давно
kol-en / # *kol-âš*
умереть-PRF[3SG] умереть-AOR[3SG]
‘{А когда умерла бабушка? — } Бабушка умерла
десять лет назад.’

(42б)=(25б) *papi* *tängeçä* *kol-en* /
бабушка вчера умереть-PRF[3SG]
^{OK} *kol-âš*
умереть-AOR[3SG]
‘Бабушка умерла вчера.’

В сущности, Аорист функционирует очень похоже на русское настоящее время — так, как его описывает Е. В. Падучева, — с той только разницей, что последнее обозначает не смежность, а совпадение. Для обеих форм свободная референция к прошедшему

возможна только в нарративном дискурсе; в диалогическом они в разных смыслах «привязаны» к моменту речи. Неудивительно поэтому то, что с Аористом в традиционных описаниях ассоциируются драматизм и эффект присутствия; то, что он появляется в кульминационных моментах повествования — это та же самая «наглядность», которую обычно приписывают историческому презенту.

7. Заключение

Итак, Перфект — это прошедшее время без дополнительных семантических осложнений, а Аорист — это прошедшее время с дополнительным условием смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя. Это условие и определяет два главных типа употреблений, которые имеет Аорист: при нарративном режиме интерпретации дискурса он употребляется без ограничений, при диалогическом — маркирует события, происшедшие *недавно*. Эти два типа употреблений не являются, однако, разными значениями: оба они выводятся из условия смежности, сформулированного выше в (41).

Почему большое количество исследователей марийского языка постулировали для Перфекта полисемию, выделяя «перфектно-результативное», «имперфектное», «неочевидное» значения? Мы не можем быть вполне уверены в нашем объяснении, так как их выводы чаще всего базировались на материале лугового марийского. Однако если данные, которыми располагали наши предшественники, были похожи на наши, можно предположить следующее. Держа в голове противопоставление Перфекта и Аориста, черемисты обращали внимание в первую очередь на те контексты, которые для Аориста были нехарактерны. Прототипический контекст для появления Аориста — это основная линия личного нарратива, то есть события перфективные (но не перфектные) и прямо засвидетельствованные. Контексты прямой засвидетельствованности «притягивают» Аорист, потому что ситуации, описываемые этой формой, представляются наиболее «ярко», «наглядно» — именно эту нарративную стратегию естественно выбрать для событий, которые Наблюдатель, часто совпадающий с говорящим, видел своими глазами. Однако это всего лишь прагматическое предпочтение, а не грамматическое требование.

В свою очередь «перфектные», «имперфектные» и «эвиденциальные» употребления являются более типичными для Перфекта.

Мы должны ответить на последний вопрос. Почему же в таком случае мы выбрали именно такие ярлыки для наших форм — Перфект и Аорист?

По-видимому, имеющееся на данный момент в горномарийском языке противопоставление является поздней стадией «перфектного цикла» [Маслов 1983]. Как известно, один из самых частотных путей семантического развития в области видо-временной семантики — превращение результата в перфект и далее в просто прошедшее время. На последнем этапе бывший перфект часто вытесняет архаические формы, служившие до этого для референции к плану прошедшего. Можно предположить, что горномарийская система прошедших времен — промежуточный результат такого вытеснения.

Специалисты в области исторической черемистики (в т. ч. И. С. Галкин [1964], Б. А. Серебренников [1960], Г. Берецки [Bereczki 2002]) сходятся в том, что марийский Аорист — это наследник сразу двух прафинноугорских прошедших времен. Как предполагают авторы, появляющийся в I спряжении показатель *-ə-*, смягчающий предшествующие зубные сонорные, восходит к прафинно-угорскому **-i-*, когнатами которого являются прошедшие времена в прибалтийско-финских и пермских языках. В свою очередь, *-š-* во II спряжении является когнатом мордовских и обско-угорских *s*-овых прошедших времен (прафинноугорское **s* регулярно соответствует марийскому *š*). Происхождение Перфекта еще более прозрачно — это результат грамматикализации формы с идентичными показателями (*-ən* для I спряжения, *-en* для II), сейчас функционирующей как конверб общего назначения, образующий, кроме всего прочего, «сложные глаголы» (44):

- (43) *i ti lem-ž-əm tarelka-vlä-š opt-ən*
 и этот суп-3SG-ACC тарелка-PL-ILL класть-CVB
kud-äšt=ok mäm-nä-n stöl völnä
 летняя.кухня-IN=EMPH мы-POSS.1PL-GEN стол наверху
sâkâr-əm lâkt-äna <...>
 хлеб-ACC достать-NPST.1PL
 ‘И этот суп в тарелки разлив, в той же самой кухне мы хлеб на стол достаем...’

- (44) *mān' turi-m* *šukâ* *veremâ kapaj-en*
я картошка-ACC много время копать-CVB
šānz-en-ām
сидеть-PRF-1SG
'Я долго копал картошку'.

Естественно считать, что на более раннем этапе развития языка форма на *-n* функционировала как результивное причастие, из которого развились, с одной стороны, конверб, а с другой (возможно, в составе конструкции вместе со связкой) финитная парадигма Перфекта. Как указывает И. С. Галкин, в некоторых идиоматических выражениях форма на *-n* сохраняет причастное употребление (правда, он, а вслед за ним и Б. А. Серебренников, и Г. Березки приводят только одну идиому — *šūžen i* <голодать-CVB год> 'голодный год').

Таким образом, две оставшиеся функции Аориста, которые мы видим на современном этапе развития горномарийского языка, есть результат его «вытеснения» новым прошедшим временем — Перфектом. (Как известно, похожую судьбу имели синтетические прошедшие времена типа французского *Passé Simple* в романских языках — часто они употребляются исключительно в нарративном дискурсе, тогда как в диалогическом уже безраздельно властвуют аналитические перфектные формы, см. [Fleischman 1990]; правда, значений недавнего прошлого у романских претеритов как будто не зафиксировано.) Поэтому мы и присваиваем двум горномарийским прошедшим временам ярлыки, которыми обычно называют участников «перфектного цикла» — Аорист и Перфект.

В заключение мы хотели бы отметить, что, если мы и находимся на правильном пути, видя семантическую специфику Аориста в требовании смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя, наш анализ все равно не объясняет всю сумму эмпирических данных, которую мы представили в этой статье. Для описания семантики Аориста мы принимали те допущения о позиции Наблюдателя, которые делает Е. В. Падучева [2010], однако, как кажется, некоторые из них следует пересмотреть. В горномарийском есть как минимум три нарративных стратегии: перфектная, аористная и презентная (в русском, как мы отмечали в разделе 6.2, им в какой-то степени соответствуют нарративы, оформленные исключительно в прошедшем, с чередованием прошед-

шого и настоящего и исключительно в настоящем). Эти стратегии явно различаются по степени «драматизма», или «наглядности», представления событий. Согласно теории Е. В. Падучевой, однако, независимо от стратегии Наблюдатель находится внутри нарратива, сопутствуя сменяющим друг друга событиям. Как выразить это трудно осязаемое различие в четырехчленной системе анализа видо-временной семантики — и можно ли это сделать? На этот вопрос только предстоит найти ответ.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; COMP — компаратив; CVB — конверб (деепричастие); DAT — датив; DEB — дебитив; DETR — детранзитивизатор; EMPH — эмфатическая частица; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; LAT — латив; NEG — отрицание; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее (настояще-будущее) время; OBL — косвенная основа; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PRF — перфект; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика 28, 1986. С. 5–33. [Yu. D. Apresian. Deixis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and naïve model of the world] // Semiotika i informatika 28, 1986. P. 5–33].
- Апресян и др. (ред.) 2017 — Ю. Д. Апресян и др. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Litres, 2017. [Yu. D. Apresian i dr. (ed.). Iazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia [Language worldview and systematic lexicography]. M.: Litres, 2017].
- Васикова 1955 — Л. П. Васикова. Прошедшее время глагола в марийском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тартуский университет, Тарту, 1955. [L. P. Vasikova. Proshedshee vremia glagola v mariiskom iazyke [Verbal past tense in Mari]. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Tartuskii universitet, Tartu, 1955].
- Васильев 1918 — В. М. Васильев. Записки по грамматике народа мари. Казань, 1918. [V. M. Vasil'ev. Zapiski po grammatike naroda mari [Sketches on the grammar of the Mari people]. Kazan', 1918].

- Васильев 1887 — Ф. Васильев. Пособие по изучению марийского языка. Казань, 1887. [F. Vasil'ev. Posobie po izucheniiu mariiskogo iazyka [Manual of the Mari language]. Kazan', 1887].
- Воронов, Мордашова 2016 — М. К. Воронов, Д. Мордашова. Горномарийские глагольные конструкции с *âl'â / âlân* в зоне «сверх-прошлого» и за ее пределами. Доклад на XIII конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 2016. [M. K. Voronov, D. Mordashova. Gornomariiskie glagol'nye konstruksii s *âl'â / âlân* v zone «sverkhproshlogo» i za ee predelami [The Hill Mari verbal constructions with *âl'â / âlân* in remote past area and beyond]. Doklad na XIII konferentsii po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei, Sankt-Peterburg, 2016].
- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. [I. S. Galkin. Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Morfologiia [Historical Mari grammar. Morphology]. Part I. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1964].
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недеяков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54. [Yu. S. Maslov. Rezul'tativ, perfekt i glagol'nyi vid [Resultative, perfect and verbal aspect] // V. P. Nedialkov (ed.). Tipologiiia rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt). L.: Nauka, 1983. P. 41–54].
- Пенгитов (ред.) 1961 — Н. Т. Пенгитов (ред.). Современный марийский язык. Часть 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [N. T. Pengitov (ed.). Sovremennyi mariiskii iazyk. Chast' 2: Morfologiia [Modern Mari. Part 2: Morphology]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961].
- Падучева 1992 — Е. В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // Russian Linguistics 16, 1992. С. 53–63. [E. V. Paducheva. O semanticheskom podkhode k sintaksisu i genitivnom sub'ekte glagola *byt'* [On semantic approach to syntax and on a genitive subject of the verb *byt'*] // Russian Linguistics 16, 1992. P. 53–63].
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. [E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of a narrative]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010].

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola*, 2002. Монография А. А. Саватковой в обработке М. Н. Кузнецовой. [А. А. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari]. *Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola*, 2002. Monografiai A. A. Savatkovoi v obrabotke M. N. Kuznetsovoi].
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта: Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2013. [D. V. Sichinava. Tipologija pluskvamperfekta: Slavianskii pluskvamperpekt [Typology of pluperfect: Slavic pluperfect]. М.: AST-PRESS kniga, 2013].
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. [B. A. Serebrennikov. Kategorija vremeni i vida v finno-ugorskikh iazykakh permskoi i volzhskoi grupp [Tense and aspect in the Permian and Volga groups of the Finno-Ugric languages]. М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960].
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике: глагол и структура события. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2015. [S. G. Tatevosov. Aktsional'nost' v leksike i grammatike: glagol i struktura sobytia [Actionality in vocabulary and grammar: a verb and an event structure]. Vol. 1. М.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015].
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2017. [S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaia, D. Sh. Suleimanov (eds.). Elementy tatarskogo iazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialect [Elements of Tatar from typological perspective. The Mishar dialect]. М.: Buki Vedi, 2017].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari) mit Texten und Glossar*. Hamburg: Buske, 1993.
- Bereczki 2002 — G. Bereczki. *A cseremisiz nyelv történeti alaktana [Studies in Linguistics of the Volga Region]*. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2002.
- Budenz 1865 — J. Budenz. *Cseremis tanulmányok*. Ny K 4, 1865.
- Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. *The creation of tense and aspect systems in the languages of the world*. Amsterdam: John Benjamins, 1989.
- Castren 1845 — M. A. Castren. *Elementa grammatices Tscheremissae*. Kuopio: University of Helsinki, 1845.
- Chafe 1980 — W. Chafe. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, New Jersey: Ablex, 1980.

- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge university press, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dowty 1986 — D. Dowty. The effects of aspectual class on the temporal structure of discourse: semantics or pragmatics? // *Linguistics and Philosophy* 9, 1986. P. 37–61.
- Evans 2010 — N. Evans. Semantic Typology // J. J. Sung (ed.). *The Oxford Handbook of Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 504–533.
- Fleischman 1990 — S. Fleischman. Tense and narrativity: from medieval performance to modern fiction. Austin: University of Texas Press, 1990.
- Grossman, Polis 2012 — E. Grossman, S. Polis. Navigating polyfunctionality in the lexicon. Semantic maps and Ancient Egyptian lexical semantics // E. Grossman, S. Polis, J. Winand (eds.). *Lexical Semantics in Ancient Egyptian*. Hamburg: Kai Widmaier Verlag, 2012. P. 175–225.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language* 86(3), 2010. P. 663–687.
- Kamp, Reyle 1993 — H. Kamp, U. Reyle. *From Discourse to Logic: Introduction to Modeltheoretic Semantics of Natural Language, Formal Logic and Discourse Representation Theory* (part 1). Berlin: Springer Science & Business Media, 1993.
- Kangasmaa-Minn 1988 — E. Kangasmaa-Minn. Mari // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*. London: Routledge, 1988. P. 219–248.
- McCawley 1981 — J. D. McCawley. Notes on the English perfect // *Australian Journal of Linguistics* 1, 1981. P. 81–90.
- Partee 1973 — B. Partee. Some Structural Analogies Between Tenses and Pronouns in English // *Journal of Philosophy* 70, 1973. P. 601–609.
- Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic*. New York: The Macmillan Company, 1947.

Т. И. Давидюк

МГУ, Москва

ЛАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В горномарийском языке выделяют 11 падежей, в том числе 3 локативных: инессив (местный), иллатив (направительный) и латив (обстоятельственный), см. [Саваткова 2002: 93]. В таблице ниже представлены показатели этих падежей²:

Таблица 1. Локативные падежи горномарийского языка и их показатели

падеж	показатели
инессив	-(ə)štā/-(ə)štä
иллатив	-(ə)škā/-(ə)škä, -(ə)š̄ ³
латив	-eš̄

Инессив маркирует местонахождение, а иллатив — конечную точку какого-либо направленного движения⁴. Наиболее инте-

¹ Работа поддержана грантом РФФИ №16-06-00536. Материал был собран в ходе лингвистических экспедиций в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл в 2016–2017 гг. При сборе материала мы преимущественно опирались на метод элицитации. Информация о предыдущем этапе данного исследования доступна в [Давидюк, Козлов 2016].

² Также существуют старые локативные падежные показатели, которые могут быть выделены в составе некоторых послелогов: *-nā/-nā* (инессив), *-kā/-kä* (иллатив), *-(r)an/-(r)än* (латив), *-(ə)c* (элатив). В данной работе эти показатели не рассматриваются.

³ Семантических различий между полной и краткой формами иллатива обнаружено не было. Диахронически в составе полной формы, помимо древнего лативного показателя на *-š̄*, выделяется еще и показатель *-k-*, также имевший направительное значение (подробнее см. [Зорина 2002: 99–106]).

⁴ Цель движения (семантическая роль Цели, к примеру, выражена предложной группой *за водой* в предложении *Маша пошла за водой* к

ресным и сложно устроенным падежом в этой системе оказывается латив, который может кодировать и ту, и другую ситуацию и тем самым конкурировать с иллативом и инессивом. Одна из задач исследования заключается в том, чтобы описать условия употребления латива в этих значениях.

Кроме того, латив, в отличие от остальных горномарийских локативных падежей, обладает широкой сетью полисемии в непространственных значениях. Ниже мы попытаемся предложить модель развития непространственных значений латива из его пространственных значений. Эта задача особенно важна, так как в традиционных описаниях падежных значений предпочтение отдается списочному перечислению значений (см. [Alhoniemi 1993; Саваткова 2002]) и, следовательно, вопрос связи значений в пространственной и непространственной сфере подробно не рассматривается. Между тем, подобные исследования вписываются в контекст общих типологических работ, посвященных падежным системам и пространственным падежам в частности [Ганенков 2002; Malchukov, Narrog 2008; Luraghi 2014].

В близкородственном луговом марийском языке система пространственных падежей устроена похожим образом (см., например, [Пенгитов 1961]). Наиболее подробное на данный момент описание функций латива в луговом марийском языке содержится в [Alhoniemi 1993]. Однако ни в грамматиках лугового марийского, ни в грамматиках горномарийского не приводится четкого описания функций латива и эксплицитных формулировок его семантических отличий от иллатива и инессива (см. подробнее [Саваткова 2002: 104; Пенгитов 1961: 68–69; Галкин 1964: 49–50]).

На особое положение латива в системе пространственных падежей староторъяльского говора лугового марийского языка обратили внимание О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанский (см. [Бирюк, Рожанский 2002]). Как отмечается в указанной статье, латив в этом говоре является практически вымирающим локативным падежом. По нашим данным, в горномарийском языке (по крайней мере, в говоре с. Кузнецово) латив гораздо более употребителен.

реке) маркируется дативом, который не входит в систему пространственных падежей горномарийского языка. Таким образом, значения Цели и Конечной точки в горномарийском языке получают разное маркирование, хотя эти две семантические роли довольно схожи.

Подробнее результаты исследования О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанского обсуждаются в разделе 2.3.

Итак, в данной статье мы рассмотрим систему употреблений горномарийского латива. В разделе 2 будут обсуждаться пространственные значения латива. Раздел 3 посвящен его непространственным значениям. Итоги исследования и схема развития значений латива представлены в разделе 4.

2. Пространственные значения

2.1. Латив и глаголы с валентностью на конечную точку

Инессив и иллатив четко разграничиваются по своим значениям: иллатив обозначает направление движения к конечной точке (1), инессив — местонахождение участников ситуации (2):

- (1) *mән' xala-š / *xala-štâ tol-ән-am*
я город-ILL город-IN приезжать-PFV-1SG
'Я приехал в город.'
- (2) *mән' xala-štâ / *xala-š / *xala-škâ әl-en-әм*
я город-IN город-ILL город-ILL жить-PFV-1SG
'Я жил в городе.'

Латив может маркировать как ситуацию местонахождения, так и ситуацию движения к конечной точке⁵, но с некоторыми ограничениями. Так, в примерах (1) и (2) использование латива невозможно. Случаи употребления латива для обозначения конечной точки и местонахождения представлены в примерах (3) и (4) соответственно. Важно отметить, что во всех контекстах, где латив возможен, он может быть заменен без изменения значения на конструкцию с иллативом или инессивом в зависимости от выражаемого значения (конечная точка или локализация).

- (3) *vas'a sündäk-әškә / sündäk-eš šәl-ән*
Вася сундук-ILL сундук-LAT прятаться-PFV.3SG
'Вася спрятался в сундук.'
- (4) *mән'-ән ergә-m lapka-štâ / lapka-eš*
я-GEN сын-POSS.1SG магазин-IN магазин-LAT

⁵ Тем самым, ярлык *латив* является условным.

kod-ān

остаться-PFV.3SG

‘Мой сын остался в магазине.’

Исторически значение конечной точки является для латива первичным (что и отразилось на выборе ярлыка для его обозначения): как отмечается в [Ylikoski 2011: 261–265; Alhoniemi 1967; Галкин 1964: 51–52], *-š*- и *-e-*, из сочетания которых образовался современный показатель латива, предположительно являются древними показателями, имевшими направительное значение.

Перейдем к семантическим ограничениям, накладываемым на употребление конструкций с лативом. Прежде всего стоит сказать, что латив не употребляется с глаголами движения, например, им не может оформляться конечная точка при глаголе *tolaš* ‘приезжать’ из примера (1)⁶. Выбор лативного маркирования конечной точки связан с особой семантикой предиката. Формы латива допустимы только при тех глаголах направительного движения, семантика которых наряду с перемещением к конечной точке предполагает длительное либо фиксированное нахождение перемещаемого участника в конечной точке после окончания движения — это, например, глаголы *šārāš* ‘стелить’, *optaš* ‘наливать’, *pādalaš* ‘вбить, вбивать’, *pizāš* ‘прилипнуть’ и др. В отсутствие достаточно эксплицитных описаний горномарийской лексики можно сравнить толкования двух пар русских глаголов, марийские эквиваленты которых способны или не способны присоединять локативное зависимое в лативе, из Активного словаря русского языка [Апресян (отв. ред.) 2014]. Так, в толковании глаголов *вбить* и *вешать* (их горномарийские эквиваленты *pādalaš* ‘вбить, вбивать’ и *sākāš* ‘вешать’, как было сказано выше, могут присоединять зависимое в лативе) присутствует идея дальнейшего местонахождения объекта в некоторой локализации (эссивный компонент):

вбить: «Человек A1 ⟨...⟩ сделал так, что A2 вошел полностью или частично внутрь объекта A3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 2: 25]

⁶ О маркировании лативом семантической роли средства передвижения при глаголах движения см. раздел 3.

вешать: «Человек А1 прикрепляет объект А2 ⟨...⟩ к вертикальной поверхности А3 так, что объект А2 висит на поверхности А3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 2: 94]

С другой стороны, в толковании, например, глаголов *бежать* и *бросать* (чьи горномарийские эквиваленты *kârgâžšaš* ‘бежать’ и *šuaš* ‘бросать’ не сочетаются с лативом) содержится только идея движения к конечной точке, а эссивный компонент отсутствует:

бежать: «Существо А1 перемещается бегом в место А2...» [Апресян (отв. ред.) 2014, 1: 181]

бросать: «Человек А1, держа в руке или в руках объект А2, размахивается и выпускает его из рук, направляя А2 так, чтобы он летел в А3, на А3 или по направлению к А3» [Апресян (отв. ред.) 2014, 1: 360–361]

Данные о сочетаемости латива с некоторыми конкретными глаголами горномарийского языка приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Сочетаемость глаголов с лативом и иллативом

глагол	значение	способность присоединять показатель	
		LAT	ILL
<i>optaš</i>	‘наливать’		
<i>pizäš</i>	‘прилипать’		
<i>pâdalaš</i>	‘вбивать’	+	+
<i>säkäš</i>	‘вешать’		
<i>šäläš</i>	‘прятать(ся)’		
<i>kenvazaš</i>	‘падать’		
<i>pâraš</i>	‘заходить’		
<i>tolaš</i>	‘ехать’	–	+
<i>târgeštäš</i>	‘прыгать’		
<i>čongeštäš</i>	‘лететь’		

Таким образом, латив обозначает результирующее местонахождение перемещающегося или перемещаемого объекта. Этим он отличается от иллатива, который обозначает направление движения к конечной точке и не дает никакой информации о дальнейшем состоянии объекта. Ситуации типа ‘Камень упал в яму’, в которых такая информация присутствует, однако лативная конструкция в горномарийском языке оказывается невозможной, объясняются, как нам кажется, тем, что в ситуации, обозначаемой глаголом *падать*, не заложено обязательного компонента длительного местонахождения. Таким образом, даже если этот компонент оказывается задан особенностями ситуации, данный глагол не способен присоединять зависимое в лативе.

2.2. Латив и глаголы с валентностью на местонахождение

Семантика длительного местонахождения проявляется и в конструкциях с глаголами местонахождения, с которыми возможно маркирование локативного участника лативом. Для обозначения результирующего местонахождения объекта латив может использоваться, в частности, при глаголах *kodaš* ‘оставаться’ и *peregäš* ‘хранить’, а также при глаголах создания графического объекта, в которых также прослеживается семантика дальнейшего длительного местонахождения:

- (5) *tädä sad-eš kod-eš*
 он сад-LAT оставаться-NPST.3SG
 ‘Он останется в саду.’
- (6) *män' sakâr-äm bank-eš pereg-em*
 я сахар-ACC банка-LAT хранить-NPST.1SG
 ‘Я храню сахар в банке.’
- (7) *rvezä tetrad'-eš krüg-äm âdâr-en*
 мальчик тетрадь-LAT круг-ACC царапать-PFV.3SG
 ‘Мальчик начертил в тетради круг.’
- (8) *žurnalist tidä-m bloknот-eš sir-en*
 журналист это-ACC блокнот-LAT писать-PFV.3SG
 ‘Журналист записал это в блокнот.’

Другой тип глаголов, сочетающихся с лативом, — это глаголы, обозначающие переход в новое состояние или процесс

этого перехода, см. примеры (9)–(11). В примерах (12)–(13), напротив, предикат не выражает значения изменения состояния, и маркирование локативного участника лативом невозможно.

- (9) *püerge krovat'-eš kol-en*
 мужчина кровать-LAT умирать-PFV.3SG
 ‘Мужчина умер в кровати.’
- (10) *ädäräš divan-eš amal-en ken*
 девочка диван-LAT спать-CONV идти.PFV.3SG
 ‘Девочка заснула на диване.’
- (11) *pušängä sadvič-eš kušk-eš*
 дерево сад-LAT расти-NPST.3SG
 ‘Дерево растет в саду.’
- (12) *ärvezä krovat'-äštâ / *krovat'-eš amal-a*
 мальчик кровать-IN кровать-LAT спать-NPST.3SG
 ‘Мальчик спит на кровати.’
- (13) *mä-m-nä-n pič-äštâ-nä / *pič-eš-nä*
 мы-OBL-POSS.1PL-GEN сад-IN-POSS.1PL сад-LAT-POSS.1PL
ädâr ä-l-ä
 крот жить-NPST.3SG
 ‘У нас в саду живет крот.’

При переходных глаголах, как было показано в [Давидюк, Козлов 2016], форма латива во многих случаях может обозначать локализацию пациентивного участника, но не Агенса, ср. примеры (14)–(15) с переходным глаголом *žaraš* ‘жарить’ (хотя конструкция с лативом во втором предложении некоторыми информантами также признается грамматически правильной):

- (14) *män' paj-äm sälmä-eš / sälmä-štâ*
 я мясо-ACC сковорода-LAT сковорода-IN
žar-em
 жарить-NPST.1SG
 ‘Я жарю мясо на сковороде.’
- (15) *män' paj-äm kuxn'a-štâ / ??kuxn'a-eš*
 я мясо-ACC кухня-IN кухня-LAT

žar-em

жарить-NPST.1SG

‘Я жарю мясо на кухне.’

2.3. Промежуточный итог: особенности употребления латива в пространственной сфере

Как было показано выше, латив может маркировать ситуации, связанные как с местонахождением, так и с конечной точкой. При этом диахронические исследования связывают показатель марийского латива с древними направлятельными показателями.

Для глаголов направленного движения, которые могут присоединять зависимое в лативе (это глаголы типа ‘налить [в стакан]’, ‘спрятаться [в шкаф]’), оказывается важной идея дальнейшего длительного нахождения участника в том месте, где он оказался после окончания движения. При этом указанный семантический компонент должен изначально присутствовать в значении предиката: так, при описании ситуации ‘Камень упал в яму’, предполагающей дальнейшее нахождение камня в конечной точке движения, использование формы латива невозможно в силу того, что глаголы ‘падать’ или ‘упасть’ вне контекста ситуации не подразумевают длительного нахождения перемещаемого объекта в конечной точке движения.

В семантике глаголов, способных присоединять маркированное лативом зависимое со значением местонахождения, также прослеживается идея длительного местонахождения. Однако большинство таких глаголов оказывается глаголами перехода в новое состояние или процесса этого перехода (‘родиться [в Москве]’, ‘умереть [в больнице]’) и глаголами постепенного изменения состояния (‘расти [в лесу]’, ‘воспитываться [в детском саду]’, ‘мыться [в бане]’). Для переходных глаголов этот компонент значения скорее касается объекта, а не субъекта: в предложениях, описывающих ситуации ‘Я жарю мясо на сковороде’ и ‘Я жарю мясо на кухне’, маркирование лативом предпочтительно в первом случае, но не во втором.

Сравнивая наши горномарийские материалы с данными староторьяльского говора лугового марийского языка (см. [Бирюк, Рожанский 2002]), можно заключить, что формы латива в этих двух идиомах имеют схожие функции, но между ними существуют и некоторые различия. Так, О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанский

постулируют двойственную природу латива, складывающуюся, с одной стороны, из значения достижения субъектом некоторого места и дальнейшего его нахождения там, и, с другой стороны, из значения трансформации объекта в окончательном месте пребывания. В соответствии с этими значениями исследователи выделяют группы глагольных лексем, способных присоединять зависимое в лативе: глаголы со значением перемещения и последующего нахождения в достигнутом месте ('спрятать [во дворе]', 'заблудиться [в деревне]'), глаголы с трансформативным компонентом ('родить [в поле]', 'уснуть [на кровати]', 'заболеть [в городе]'), — а также особо выделяют глагол *kodaš* 'оставлять, оставаться'. Авторы отмечают, что перечисленные глагольные лексемы могут демонстрировать разную степень сочетаемости с лативом, то есть носители языка, признавая конструкции с лативом грамматически приемлемыми, для некоторых из этих глаголов все же предпочитают оформлять участника с пространственной ролью инессивом или иллативом. В исследованном нами кузнецовском говоре горномарийского языка различных степеней сочетаемости с лативом для изученных нами глаголов пока обнаружить не удалось. Не удалось также обнаружить зависимости употребления горномарийского латива от некоторых факторов, выделенных исследователями староторъяльского говора (в частности, от лица субъекта предложения и времени глагола). Также горномарийский латив является, несомненно, более употребительным падежом, нежели староторъяльский латив, который, как указано О. Л. Бирюк и Ф. И. Рожанским, многие носители признают устаревшим.

3. Непространственные значения

Перейдем теперь к непространственным значениям латива. У него были обнаружены значения причины, средства перемещения, результата, инструмента, точки приложения, профессии/занятия, приписываемого статуса, цены и меры (некоторые из этих значений указаны также в [Саваткова 2002: 104–106]). Ниже мы рассмотрим подробно большинство из этих значений, попытавшись мотивировать семантически их появление у горномарийского латива.

3.1. Латив и значения профессии/занятия, приписываемого статуса, меры, результата

Латив может обозначать получаемую профессию субъекта, а также приписываемый ему статус (16)–(17). Как нам кажется, эти значения мотивируются направительными употреблениями латива. Уточним, что это именно значение приобретаемого статуса или профессии, так как в случаях типа ‘вырасти красавицей’, ‘стать калекой’ в горномарийском используются конструкции с номинативом, а для ситуаций типа ‘работать поваром’ — с инессивом.

(16) *män' povar-eš tâmen'-äm*
я повар-LAT учиться-NPST.1SG
‘Я учусь на повара.’

(17) *män'-äm deputat-eš ajâr-en-ät*
я-ACC депутат-LAT выбирать-PFV-3PL
‘Меня избрали депутатом.’

Латив может обозначать и результат при глаголах разделения на части, что также мотивировано его направительной семантикой:

(18) *män' paj-âm laštâk-vlä-eš ro-en*
я мясо-ACC кусок-PL-LAT рубить-CONV
šänd-äš-äm
ставить-AOR-1SG
‘Я разрубил мясо на куски.’

Латив также может выражать значение меры при сравнительных конструкциях (19). Маркирование лативом меры также возможно в предложениях, неэксплицитно подразумевающих сравнение, как в примере (20), где сравнение происходит с предыдущим состоянием веса сестры. Значение меры, как нам кажется, прежде всего связано с идеей некоторого изменения и перехода в новое состояние, которая влияет на маркирование лативом локативного участника (см. примеры (9)–(11)).

(19) *ti kornâ tã kornâ gãc vãc uštâš-eš*
этот дорога тот дорога EL пять километр-LAT
kužâ-rak
длинный-CMPR
‘Эта дорога длиннее той дороги на пять километров.’

- (20) *mān'-ān ākā-m vāc kilo-eš*
 я-GEN сестра-POSS.1SG пять килограмм-LAT
tōrlān-en
 поправиться-PFV.3SG
 'Моя сестра поправилась на пять килограмм.'

3.2. Латив и временные обстоятельства

Горномарийские пространственные падежи могут маркировать временные обстоятельства, ср. употребление инессива в (21) с семантикой интервала и иллатива в (22) с семантикой точки во времени, на которую переносится какое-либо событие.

- (21) *poezd vāc cāš-āštā tol-eš*
 поезд пять час-IN ехать-NPST.3SG
 'Поезд прибывает через пять часов.'
- (22) *tī pāšā-m dekabr'-škā vašt-aš*
 этот работа-ACC декабрь-ILL переносить-INF
kel-eš
 быть.нужным-NPST.3SG
 'Эту работу надо перенести на декабрь.'

Латив также может маркировать временные обстоятельства. Прежде всего он используется для оформления конечной точки во времени, к наступлению которой действие должно совершиться или достигнуть предела (23). Эта конечная точка может быть задана и каким-нибудь событием (24).

- (23) *maša vāc cāš-eš tol-eš*
 Маша пять час-LAT приходиться-NPST.3SG
 'Маша приедет к пяти часам.'
- (24) *tā tol-maš-eš-dā cilā*
 вы приходиться-NMLZ-LAT-POSS.2PL все
jāmdā li-eš
 готовить быть-NPST.3SG
 'Все будет готово к вашему приезду.'

Данные употребления, с одной стороны, связаны с исходным направительным значением латива, а с другой стороны, с идеей изменения состояния: к наступлению какого-либо времени

или события ожидается появление результата, меняющего текущее положение дел.

Кроме конечной точки, латив также маркирует срок в контекстах типа ‘приехать на N минут/часов/дней/месяцев...’, но не в контекстах типа ‘сделать работу за N минут/часов/дней/месяцев...’ или ‘жить в городе N дней/недель/месяцев...’:

- (25) *vas'a to-nâ-žâ* *kok cāš gāc vāc cāš*
 Вася дома-IN2-POSS.3SG два час из пять час
jakte li-eš.
 до быть-NPST.3SG
tādā kām cāš-eš vele tol-ān
 он три час-LAT только приходить-PFV.3SG
 ‘Вася будет дома с двух до пяти. Он приехал всего на три часа.’

Значение срока в этих контекстах предполагает компонент длительного местонахождения, который мы выделили для некоторых глаголов, способных вводить обстоятельство в лативе, см. Таблицу 2 и примеры (3)–(4).

Примеры (23) и (25) демонстрируют, что в горномарийском языке одинаково кодируются обстоятельства времени в ситуациях ‘приехать к N часам’ и ‘приехать на N часов’. Сосуществование этих значений у латива можно объяснить двойственной природой его локативных употреблений: в первом случае мы имеем дело с идеями движения к конечной точке и изменения состояния, а во втором — с идеей длительного местонахождения.

3.3. Латив и значения инструмента и средства перемещения

Еще одно значение, которое может выражать латив, — это значение инструмента. Стандартный способ выражения инструмента в горномарийском языке — это конструкция с послелогом *dono* (26). Однако в случае, когда значение инструмента совмещается со значением места, возникает возможность маркирования лативом (27). В (27) станок — это не просто инструмент, с помощью которого происходит обработка, но и место, где объект (Пациенс) претерпевает изменение (см. раздел 2.3).

- (26) *āt'ā-m* *pušängä-m* *tavar*
 отец-POSS.1SG дерево-ACC топор

- dono ro-a*
с рубить-NPST.3SG
'Мой отец рубит дерево топором.'
- (27) *päšäzä stanok-eš / stanok dono*
рабочий станок-LAT станок с
detal'-âm äšt-ä
деталь-ACC делать-NPST.3SG
'Рабочий обрабатывает деталь на станке.'

В семантической зоне инструментов в отдельную подгруппу выделяются средства передвижения, которые нередко в языках мира получают то же маркирование, что и инструменты (см., к примеру, [Narrog 2008] и [Lehmann, Shin 2005]). В горномарийском языке для средств передвижения также возможны стратегии маркирования лативом и послелогом. Однако при этом конструкции с лативом и послелогом не синонимичны, как в случае более чистого инструментального значения (см. пример (27)): стратегия с послелогом выбирается тогда, когда субъект самостоятельно использует транспорт, а стратегия с лативом — в случае пассивного перемещения участника ситуации. Так, в (28) в силу агентивности субъекта перемещения латив невозможен, а в (29), напротив, предпочтителен для описания пассивного перемещения.

- (28) *män' rul'-âm kâč-em. män'*
я руль-ACC держать-NPST.1SG я
motocikl dono / ??motocikl-eš kâdal-am
мотоцикл с мотоцикл-LAT ехать-NPST.1SG
'Я держу руль. Я еду на мотоцикле.'
- (29) *män' šänz-em lül'k-äštä.*
я сидеть-NPST.1SG люлька-IN
män' motocikl-eš / ??motocikl dono kâdal-am
я мотоцикл-LAT мотоцикл с ехать-NPST.1SG
'Я сажу в люльку. Я еду на мотоцикле.'

Средства передвижения, предполагающие агентивного участника и не допускающие пассивного, маркироваться при помощи латива не могут:

- (30) *mән' еċċ dono / *еċ-еš kašt-am*
 я лыжи с лыжи-LAT ходить-NPST.1SG
 ‘Я еду на лыжах.’

Как показывают приведенные примеры, выбор стратегии для маркирования средства передвижения — при помощи латива или конструкции с послелогом *dono* — определяется наличием/отсутствием компонента агентивного передвижения субъекта. Попутно можно также отметить, что для средств передвижения, но только «контейнерного» типа, возможна и стратегия маркирования инессивом, ср. пример (31) с примером (32), где инессив невозможен, так как самокат не является контейнером:

- (31) *mән' rul'-ĕm kĕċ-em. mән' mašinā dono /*
 я руль-ACC держать-NPST.1SG я машина с
mašinā-štĕ / ??mašinā-eš kĕdal-am
 машина-IN машина-LAT ехать-NPST.1SG
 ‘Я держу руль. Я еду на машине.’

- (32) *mән' kĕdal-am samokat dono / *samokat-ĕštĕ*
 я ехать-NPST.1SG самокат с самокат-IN
 ‘Я еду на самокате.’

3.4. Латив и значение причины

В горномарийском языке латив может маркировать причину, но такое маркирование возможно не во всех случаях: латив оформляет участника со значением непосредственной причины событий, ср. пары примеров (33)–(34) и (35)–(36):

- (33) *ĕrlĕxĕn-eš tĕdĕ-n licĕ-eš-ĕžĕ*
 корь-LAT он-GEN лицо-LAT-POSS.3SG
lim lĕkt-ĕn
 струп появиться-PFV.3SG
 ‘Из-за кори на его лице появились болячки.’

- (34) *ĕrlĕxĕn verc / *ĕrlĕxĕn-eš tĕdĕ škol-ĕškĕ*
 корь из-за корь-LAT он школа-ILL
ak kaštĕ
 NEG.NPST.3SG ходить
 ‘Из-за кори он не ходит в школу.’

- (35) *lem-eš mǎn'-ǎn mǎškǎr-em kašt-a*
 суп-LAT я-GEN живот-POSS.1SG болеть-NPST.3SG
 'Из-за супа у меня болит живот.'
- (36) *lem gišǎn / *lem-eš / lem-ǎm šoltǎ-maš-eš*
 суп из-за суп-LAT суп-ACC варить-NMLZ-LAT
mǎn' poezd-ǎš varaš kod-em /
 я поезд-ILL второй оставаться-NPST.1SG
kod-ǎn-am.
 оставаться-PFV-1SG
mǎn' šukǎ tǎdǎ-m ǎšt-en-ǎm
 я долго он-ACC делать-PFV-1SG
 'Из-за супа/варки супа я опаздываю/опоздала на поезд.
 Я его долго готовила.'

В (33) развитие ситуации напрямую вызвано причиной, которая кодируется лативом (в данном случае заболеванием), в то время как в (34) ситуация отсутствия перемещения не является прямым последствием заболевания, а имеет промежуточных каузаторов (как минимум это сам субъект ситуации, принявший решение не осуществлять перемещение, или, например, врач, запретивший посещать школу). Сходное различие наблюдается и в паре (35)–(36). Заметим, что если в пример (36) добавить номинализацию *šoltǎmaš* 'варка', которая является прямой причиной опоздания на поезд, то ее маркирование лативом будет возможно.

В целом, маркирование причины падежом с исходно направительной семантикой типологически необычно. Как отмечается в работе [Luraghi 2014: 130], причина чаще всего маркируется тем же средством, что и источник движения, а латив в горномайрискком языке источник движения не обозначает (данное значение маркируется элативным послелогом *gǎc*). Ряд случаев маркирования причины средством, которое также оформляет конечную точку, обсуждается в работе [Ганенков 2002], посвященной развитию значений пространственных показателей в непространственной сфере. Наличие причинного значения у показателей директива в указанном исследовании предлагается объяснять тем, что он нередко маркирует цель движения, а отождествление цели и причины в языках мира наблюдается довольно часто. Однако в горномайрискком языке латив не используется для обозначения цели

движения. В следующем разделе рассматривается датив в луговом марийском языке, который маркирует цель движения и употребляется во многих контекстах, для которых в горномарийском языке используется маркирование лативом.

3.5. Непространственные значения в луговом марийском

Во многих рассматривавшихся в разделах 3.1–3.4 контекстах, в которых в горномарийском языке используется латив, в луговом марийском употребляется датив [Пенгитов 1961: 65–66]. Это верно для временных значений (37)–(38), значений приписываемого статуса (39) и причины (40)⁷:

- (37) *Сүрем-лан сўан-ым ышит-ена*
Сюрем-DAT свадьба-ACC делать-NPST.1PL
'К празднику Сюрем справим свадьбу.' [Пенгитов 1961: 66]
- (38) *Ик арня-лан ола-шке ка-ем*
один неделя-DAT город-ILL идти-NPST.1SG
'Еду в город на одну неделю.' [Пенгитов 1961: 66]
- (39) *Ме тый-ым комсомольский агитатор-лан*
мы ты-ACC комсомольский агитатор-DAT
шогалт-ена
поставить-NPST.1PL
'Мы тебя назначаем (букв. ставим) комсомольским агитатором.' [Пенгитов 1961: 65]
- (40) *пакча сад-ыште шокшы-лан кайык-влак-ат*
сад сад-IN жара-DAT птица-PL-ADD
шыплан-ен-ыт
замолчать-PFV-3PL
'Из-за жары даже птицы умолкли в саду.'
[Пенгитов 1961: 65]

Во многих уральских языках показатель, маркирующий семантическую роль реципиента или адресата, — к которым относится и датив в луговом марийском, — имеет и пространственные значения, в основном директивные (например, по данным работы [Строева 2008], дательно-направительный падеж в нгана-

⁷ Запись дается в соответствии с источником, глоссы мои.

санском и ненецком языках, датив в хантыйском языке и шокшинском диалекте эрзянского языка). В современных марийских языках дательный падеж маркирует цель движения (см. примеры (41) и (42) из лугового марийского языка и горномарийского языка соответственно) и не имеет никаких других значений в пространственной сфере. Как показано в диахронических исследованиях (см., например, [Kittilä, Ylikoski 2011] и [Зорина 2002: 78–82]), маркер дательного падежа в марийских языках связан с древним *l*-овым суффиксом, имевшим направительное значение.

- (41) *Шешке, ведра-м нал-ын, памаш деке*
 сноха ведро-ACC брать-CONV родник к
vūd-lan oшкыл колт-ыш
 вода-DAT идти слать-AOR.3SG
 ‘Сноха, взяв ведра, пошла за водой к роднику.’

[Пенгитов 1961: 65]

- (42) *ävi väd-län ke-ä*
 мать.KIN вода-DAT идти-NPST.3SG
 ‘Мама идет за водой.’

Таким образом, датив в луговом марийском языке покрывает те случаи, которые в горномарийском языке маркируются лативом. Как нам кажется, это может быть косвенным подтверждением того, что происхождение маркера датива связано с древними пространственными суффиксами.

4. Заключение

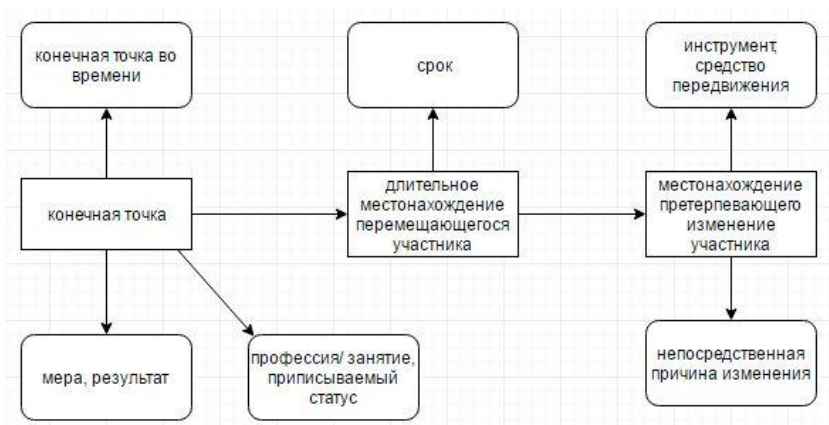
В настоящей статье было рассмотрено функционирование латива в горномарийском языке (говор с. Кузнецово и окрестностей). Латив способен маркировать как конечную точку какого-либо направленного движения, так и местонахождение участников ситуации, причем исторически первичной является первое из этих значений. Ставилась задача выявить условия употребления латива в горномарийском языке, а также исследовать его значения в непространственной сфере.

Как показало исследование, форма латива всегда может быть заменена другой падежной формой: инессивом в случае обозначения местонахождения и иллативом при обозначении

конечной точки. Маркирование лативом конечной точки связано с идеей длительного нахождения объекта в достигнутом месте после окончания движения. К глаголам с подобной семантикой относятся, в частности, *sākāš* ‘повесить [на стену]’, *optaš* ‘наливать [в стакан]’, *pādalaš* ‘вбивать [в стену]’, *šälāš* ‘прятаться [в шкаф]’. В случае маркирования лативом местонахождения мы предлагаем различать ситуации, в которых используется переходный глагол, и ситуации, в которых используется непереходный глагол. Способность многих глаголов сочетаться с обстоятельством места в лативе связана, вероятнее всего, с семантикой изменения состояния, выражаемой этими глаголами, ср. глаголы *kuškaš* ‘расти [в саду]’, *amalen keāš* ‘заснуть [на диване]’, *šačaš* ‘родиться [в Москве]’. В конструкциях с переходными глаголами локативное зависимое, отсылающее к местонахождению Пациенса, а не Агенса, скорее предпочитает маркирование лативом (см. примеры (14)–(15) в разделе 2.2).

Кроме этого, мы рассмотрели полисемию горномарийского латива в непространственной сфере и постарались связать его непространственные значения с пространственными. Можно предложить следующую схему, обобщающую путь развития рассмотренных нами непространственных значений латива из его пространственных значений:

Рисунок 1. Схема развития значений латива в горномарийском языке

Появление у направительного падежа способности маркировать местонахождение хорошо известно в лингвистике: это так называемая *end-point metonymy*, которая может быть проиллюстрирована известной парой английских конструкций *to fly over the hill vs. to live over the hill* [Brugman, Lakoff 1988].

Из непространственных значений горномайриского латива с типологической точки зрения интерес представляет наличие значения причины у исходно направительного падежа. Можно предположить, что оно является результатом не непосредственного перехода от направительной семантики, а результатом семантической эволюции: у латива появилась возможность маркировать местонахождение участника, претерпевающего какое-либо изменение, и в дальнейшем причину этих изменений.

Сокращения

ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — 1-ое прошедшее время; CMPR — компаратив; CONV — конверб; DAT — датив; DETR — непереходность; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — послеложный инессив; INF — инфинитив; KIN — термин родства; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непространственное время; NMLZ — номинализация; OBL — обликвус; PFV — 2-ое прошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1–2: А–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Yu. D. Apresian (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka* [Active Russian dictionary]. Vols. 1–2: A–G. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014].
- Бирюк, Рожанский 2002 — О. Л. Бирюк, Ф. И. Рожанский. Третий лишний (обстоятельный падеж в марийском языке) // В. А. Плуноян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Москва: ООО «Русские словари», 2002. С. 107–126. [O. L. Biriuk, F. I. Rozhanskii. *Tretii lishnii (obstoiatel'stvennyi padezh v mariiskom iazyke)* [Third is a crowd (a circumstantial case in Mari)] // V. A. Plungian (ed.). *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 2. Grammatikalizatsiia prost-ranstvennykh znachenii v iazykakh mira*. Moskva: ООО «Russkie slovari», 2002. P. 107–126].

- Галкин 1964 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1964. [I. S. Galkin. Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Morfologiia. [Historical grammar of Mari. Morphology]. Part I. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964].
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа, МГУ, М., 2002. [D. S. Ganenkov. Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateli [Polysemy models of spatial markers]. Diplomnaia rabota, MGU, M., 2002].
- Давидюк, Козлов 2016 — Т. И. Давидюк, Л. С. Козлов. Латив в горномарийском языке (тезисы, устный доклад, материалы к докладу) // Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2016. (http://www.youngconfspb.com/application/files/2014/8035/6578/Davidyuk_Kozlov.pdf) [T. I. Davidiuk, L. S. Kozlov. Lativ v gornomariiskom iazyke (tezisy, ustnyi doklad, materialy k dokladu) [Lative in Hill Mari (abstract, oral presentation, materials for the talk)]. In: Trinadtsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei. Sankt-Peterburg, 2016. (http://www.youngconfspb.com/application/files/2014/8035/6578/Davidyuk_Kozlov.pdf)]
- Зорина 2002 — О. В. Зорина. История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Диссертация к. ф. н., СПбГУ, СПб., 2002. [O. V. Zorina. Istorii i sovremennoe sostoianie padezhnoi sistemy gornomariiskogo iazyka [Historical and modern case system of Hill Mari]. Dissertatsiia k. f. n., SPbGU, SPb., 2002].
- Пенгитов 1961 — Н. Т. Пенгитов. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. [N. T. Pengitov. Sovremennyi mariiskii iazyk. Morfologiia [Modern Mari. Morphology]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. [A. A. Savatkova. Gornoe narechie mariiskogo iazyka [The Hill dialect of Mari] [Bibliotheca Ceremissica 5]. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002].
- Строева 2008 — М. Н. Строева. Семантика локативных падежей в уральских языках. Дипломная работа, МГУ, М., 2008. [M. N. Stroeve. Semantika lokativnykh padezhei v ural'skikh iazykakh [Semantics of locative cases in Uralic languages]. Diplomnaia rabota, MGU, M., 2008].
- Alhoniemi 1967 — A. Alhoniemi. Über die Function des Wohin-Kasus im Tscheremissischen. [Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia (n. 142)]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967.

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar* (aus dem Finn. übers. von Hans-Hermann Bartens). Hamburg: Buske, 1993.
- Brugman, Lakoff 1988 — C. Brugman, G. Lakoff. *Cognitive topology and lexical networks* // G. Cottrell et al. (eds.). *Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence*. San Mateo (CA): M. Kaufman, 1988.
- Kittilä, Ylikoski 2011 — S. Kittilä, J. Ylikoski. *Remarks on the coding of Goal, Recipient and Vicinal Goal in the European Uralic* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles [Typological Studies in Language, v. 99]*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 29–64.
- Lehmann, Shin 2005 — C. Lehmann, Y.-M. Shin. *The Functional Domain of Concomitance. A Typological Study of Instrumental and Comitative Relations* // C. Lehmann (ed.). *Typological studies in participation [Studia Typologica 7]*. Berlin: Akademie Verlag, 2005. P. 9–104.
- Luraghi 2014 — S. Luraghi. *Plotting diachronic semantic maps. The role of metaphor* // S. Luraghi, H. Narrog (eds.). *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2014.
- Malchukov, Narrog 2008 — A. Malchukov, H. Narrog. *Case polysemy* // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Narrog 2008 — H. Narrog. *Varieties of Instrumental* // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford handbook of case*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Ylikoski 2011 — J. Ylikoski. *A survey of the origins of directional case suffixes in European Uralic* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, Animacy and Semantic Roles [Typological Studies in Language 99]*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 235–280.

Е. В. Деликанова

МГУ, Москва

О ДВУХ ЧАСТИЦАХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В бурятском языке (< монгольские < алтайские), в том числе в его баргузинском диалекте, на материале которого основывается настоящая статья, широко распространены разного рода частицы, используемые для выражения большого спектра значений, в частности для выражения модальности. Это характерно и для других монгольских языков. Примеры (1) и (2) показывают, что появление модального значения связано с частицами *xa(xaf)* и *bfu*:

- (1a) *tumэн машина чинить-PRТ1*
 Тумэн машина чинить-PRТ1
 ‘Тумэн починил машину.’
- (1б) *tumэн машина чинить-PRТ1 ха / хaf² PRТCL PRТCL*
 Тумэн машина чинить-PRТ1 PRТCL PRТCL
 ‘Тумэн, наверное, починил машину.’
- (2a) *ринчин экзамен сдавать-PRТ1*
 Ринчин экзамен сдавать-PRТ1
 ‘Ринчин сдал экзамен.’
- (2б) *ринчин экзамен сдавать-PRТ1 bfu: PRТCL*
 Ринчин экзамен сдавать-PRТ1 PRТCL
 ‘Ринчин, наверное, сдал экзамен.’

¹ Данные собраны в ходе летней лингвистической экспедиции кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в улус Барагхан Курумканского района республики Бурятия. Автор глубоко признателен всем носителям, с которыми ему довелось работать. Исследование поддержано РНФ (проект № 16-18-02081 «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства»).

² В отношении слитного или раздельного написания частиц мы следуем сложившейся для бурятского языка традиции.

Обе эти частицы упоминаются в грамматических описаниях, словарях и других работах, посвященных бурятскому языку (см., например, [Рорре 1960; Санжеев и др. (ред.) 1962; Черемисов 1973; Дамбуева 2001; Будаева 2003; Skribnik 2003]), однако в качестве модальной в них рассматривается только одна — *ха*. См. (3) из [Санжеев и др. (ред.) 1962: 318], (4) из [Черемисов 1973: 522] и (5) из [Рорре 1960: 84]³:

(3) *mordo-xo bolo-xo-mnai xa*
 уезжать-POT становится-POT-1PLn PTCL
 ‘Кажется, пора нам уезжать⁴.’

(4) *minø:dər jaba-xa-gni-m⁵ xa*
 сегодня идти-POT-NEG-1SG PTCL
 ‘Сегодня, должно быть, я не поеду.’

(5) *tədə jər-ə: xa*
 те приходит-PRT1 PTCL
 ‘Они, наверное, придут.’

В некоторых работах (в частности, в [Санжеев и др. (ред.) 1962; Дамбуева 2001; Будаева 2003]) эта частица отнесена к классу подтвердительных (утвердительных), служащих «для передачи подтверждения правильности высказанной мысли» [Санжеев и др. (ред.) 1962: 318]; данное значение частицы в этой грамматике иллюстрируется следующим примером:

(6) *ugi:təi ɯbgə hamgan xojor hu:-ba xa*
 бедный старик старуха два жить-PRT2 PTCL
 ‘Жили-были старик со старухой.’

В вышеперечисленных работах по бурятскому языку эта частица упоминается только в форме *ха*, однако в баргузинском диалекте она встречается также в виде *хаf*. Поскольку большинство

³ В примерах (3)–(5) глоссы наши.

⁴ Здесь и далее в не наших примерах сохраняется авторский перевод, кроме случаев, когда указано иное.

⁵ В примере (4) лично-числовой маркер предшествует частице *ха*, однако носители баргузинского диалекта последовательно отрицают возможность такого расположения согласовательного показателя и частицы. Подробнее о позиции частиц в глагольной словоформе см. раздел 2.1.

бурятских частиц в требующих этого контекстах присоединяет лично-числовые показатели (в частности показатель 2 л. ед. ч., который может иметь вид *-ʃ*), логично было бы считать *xaʃ* формой 2 л. ед. ч. частицы *xa*. Она действительно может употребляться в этом значении (подробнее см. раздел 2.1 настоящей статьи), однако рассматривать ее только в этом качестве невозможно, поскольку, как мы уже видели в (1), *xaʃ* может встречаться и в 3 л. Мы будем считать *xa* и *xaʃ* вариантами одной и той же частицы, так как в контексте 3 л. они всегда являются взаимозаменяемыми.

Согласно [Черемисов 1973; Janhunen 2003; Панов 2016], частица *xa* восходит к причастию будущего времени **a-ki* от протомонгольского вспомогательного глагола **a-* ‘быть’, соответствующего в бурятском языке форме *(a)xa*, когда-то употреблявшейся в качестве связки, а теперь грамматикализовавшейся в модальную частицу. Отметим, что к протомонгольскому показателю **-kU*⁶ также восходит бурятский показатель причастия будущего времени *-xa*, который в зависимости от гласных корня может принимать форму *-xa* (совпадающую с формой рассматриваемой частицы), *-xo* или *-xə*. Мы вернемся к этому факту в разделе 2.

Другая частица — *ʃu:*, как нам кажется, происходит от показателя частного вопроса *-b(ə)* и частицы *ʃu:* (отметим, что частица *ʃu:* в баргузинском диалекте не сохранилась, однако она есть в других бурятских диалектах и в литературном языке, поэтому ее упоминания встречаются в словарях и грамматических описаниях), см. пример (7) из наших материалов, иллюстрирующий употребление показателя частного вопроса, и (8) из [Черемисов 1973: 734], иллюстрирующий употребление частицы:

(7) *xən badm-i:-jə xar-a:-b?*
кто Бадма-СНТ2-АСС видеть-РРТ1-Q1
‘Кто видел Бадму?’

(8) *gaza: uga: xnitən ʃu:!*
снаружи.(дома) очень холод РТCL
‘А на дворе-то ведь холодно!’

⁶ Заглавной буквой здесь и далее обозначается гармонирующий гласный.

Частица *bfi:* в грамматиках и словарях описывается только как «подтвердительная (утвердительная)». См. (9) из [Санжеев и др. (ред.) 1962: 318] и (10) из [Черемисов 1973: 128]:

(9) *təɣə-fni* *əndə* *bai-na* *bfi:*
 тот-2SGn здесь быть-PRS PTCL
 ‘Он же здесь находится.’

(10) *minə:* *ʒəl* *ubxən* *jəxə:* *bai-xa* *bfi:*
 текущий год сено много быть-POТ PTCL
 ‘Сена ведь много будет в этом году.’

Носители баргузинского диалекта используют эту частицу либо как маркер того, что говорящий ожидает от слушающего подтверждение пропозиции (значение 1 в (11) и (12)), либо для выражения модальности (значение 2 в (11) и (12)). Выбор слушающим одной из двух этих интерпретаций, судя по всему, делается на основе интонационного контура: для первого значения интонация на частице будет восходящей, а для второго — нисходящей:

(11) *təɣə-fni* *əndə* *bai-na* *bfi:*
 тот-2SGn здесь быть-PRS PTCL
 1) ‘Он же здесь находится, правда?’
 2) ‘Он, наверное, здесь находится.’

(12) *minə:* *ʒəl* *ubxən* *jəxə:* *bai-xa* *bfi:*
 текущий год сено много быть-POТ PTCL
 1) ‘Сена ведь много будет в этом году, правда?’
 2) ‘Сена, наверное, много будет в этом году.’

В значении 2 из (11) и (12) частица *bfi:* имеет семантику, схожую с той, которую мы наблюдаем у частицы *xa* в (3)–(5). Сами носители также отмечают, что их значения очень близки. Цель нашей работы — найти различия между частицами *xa* и *bfi:* и предложить им возможные объяснения.

Сразу оговорим, что мы будем рассматривать только один вид модальности — эпистемическую возможность. Под эпистемической мы понимаем такой тип модальности, которая базируется на предположениях говорящего о мире. Мы будем считать, что некоторое выражение обладает эпистемически вероятным значением, если в соответствии со знаниями говорящего об устройстве

настоящего мира оно может быть истинным. Таким образом, за рамками нашего исследования остаются другие типы модальности (эпистемическая необходимость, деонтическая модальность, условная модальность и др.).

В разделе 1 настоящей статьи мы сформулировали стоящую перед нами проблему. В разделе 2 мы рассмотрим сходства и различия в поведении двух анализируемых модальных частиц, в разделе 3 представим объяснение для найденных в разделе 2 сходств и различий, а в разделе 4 подведем итог решения сформулированной проблемы.

2. Морфосинтаксические и семантические свойства

2.1. Сходства

Частицы *xa(xaf)* и *bfu*: относятся к числу заключительных частиц (см. [Панов 2016]), то есть занимают позицию в конце клаузы, за сказуемым. В случае, если сказуемое выражено глагольной формой, эти частицы занимают строго определенную позицию в рамках глагольной словоформы. Рассмотрим, какую именно.

В глагольной словоформе сразу за корнем следуют видо-временные показатели. Обе рассматриваемые частицы размещаются после них. Сравним грамматичные предложения с порядком $\sqrt{\quad}$ — показатель вида — частица ((13а), (14а)) и $\sqrt{\quad}$ — временной показатель — частица (примеры (15а), (16а)) с неграмматичными предложениями (13б)–(16б) с обратным порядком следования видо-временных показателей и частиц:

(13а) *marina xatar-dag xa / xaf*
Марина танцевать-НАВ PTCL PTCL

(13б) **marina xatar-xa-dag*
Марина танцевать-Р0Т⁷-НАВ
{а=б} ‘Кажется, Марина часто танцует.’

(14а) *aldar xurumxan-da bai-dag bfu:*
Алдар курумкан-ДАТ быть-НАВ PTCL

⁷ Как уже было отмечено, частица *xa* совпадает с одной из форм показателя причастия будущего времени. При таком порядке показателей *xatar-xa* воспринимается носителями как форма <танцевать-Р0Т>, присоединить к которой показатель хабиитуалиса оказывается невозможно.

- (14б) **aldar xurumхан-da bai bfu:-dag*
 Алдар курумкан-DAT быть PTCL-НАВ
 {а=б} ‘Кажется, Алдар живет в Курумкане.’
- (15а) *tumэн гэр ab-a: xa / xaf*
 Тумэн дом купить-РТ1 PTCL PTCL
- (15б) **tumэн гэр ab xa-gaa / xaf-aa*
 Тумэн дом купить PTCL-РТ1 PTCL-РТ1
 {а=б} ‘Тумэн, наверное, купил дом.’
- (16а) *rintfin туян-i:-jэ zur-a: bfu:*
 Ринчин Туяна-CNT2-ACC рисовать-РТ1 PTCL
- (16б) **rintfin туян-i:-jэ zur bfu:-ga:*
 Ринчин Туяна-CNT2-ACC рисовать PTCL-РТ1
 {а=б} ‘Ринчин, наверное, нарисовал Туяну.’

В тех случаях, когда сказуемое выражено аналитической глагольной словоформой, частицы будут располагаться после вспомогательного глагола. Это иллюстрируется примерами (17) и (18):

- (17а) *marina xatar-dag bai-ga: xa / xaf*
 Марина танцевать-НАВ быть-РТ1 PTCL PTCL
- (17б) **marina xatar-dag xa / xaf bai-ga:*
 Марина танцевать-НАВ PTCL PTCL быть-РТ1
 {а=б} ‘Кажется, Марина (раньше) часто танцевала.’
- (18а) *sajana baragхан-da jэrэ-dэg bai-ga: bfu:*
 Саяна Барагхан-DAT приезжать-НАВ быть-РТ1 PTCL
- (18б) **sajana baragхан-da jэrэ-dэg bfu: bai-ga:*
 Саяна Барагхан-DAT приезжать-НАВ PTCL быть-РТ1
 {а=б} ‘Кажется, Саяна часто приезжала в Барагхан.’

Если в словоформе представлен показатель отрицания, то он следует за видовременным маркером и предшествует частице ((19а) и (20а)). Обратный порядок расположения показателя отрицания и частицы при этом будет невозможен ((19б) и (20б)):

- (19а) *tumэн гэр ab-a:-gui xa / xaf*
 Тумэн дом купить-РТ1-NEG PTCL PTCL

- (19б) **tumɨn gər ab-a: xa-gni / xaf-gni*
 Тумэн дом купить-РРТ1 РТCL-NEG РТCL-NEG
 {a=б} ‘Тумэн, наверное, не купил дом.’
- (20а) *rintfin tujan-i:-jə zur-a:-gni bfu:*
 Ринчин Туяна-CNT2-ACC рисовать-РРТ1-NEG РТCL
- (20б) **rintfin tujan-i:-jə zur-a: bfu:-gni*
 Ринчин Туяна-CNT2-ACC рисовать-РРТ1 РТCL-NEG
 {a=б} ‘Ринчин, наверное, не нарисовал Туяну.’

Лично-числовые показатели, однако, ведут себя не так, как видовременные показатели и отрицание: они присоединяются справа от рассматриваемых частиц ((21а) и (22а)) и не могут им предшествовать ((21б) и (22б)):

- (21а) *fi zadatafə bod-o:-gni bfu:-f*
 ты задача решить-РРТ1-NEG РТCL-2SG
- (21б) **fi zadatafə bod-o:-gni-f bfu:*
 ты задача решить-РРТ1-NEG-2SG РТCL
 {a=б} ‘Ты, наверное, не решил задачу.’
- (22а) *fi zadatafə bod-o:-gni xa-f / *xaf-af*
 ты задача решить-РРТ1-NEG РТCL-2SG РТCL-2SG
- (22б) **fi zadatafə bod-o:-gni -f xa / xaf*
 ты задача решить-РРТ1-NEG-2SG РТCL РТCL
 {a=б} ‘Ты, наверное, не решил задачу.’

Как мы уже отмечали в разделе 1, форма *xaf* в контексте 2 л. интерпретируется носителями как *xa*-2SG. Предложение (22а) показывает, что присоединить поверх еще один показатель 2 л. ед. ч. оказывается невозможно⁸.

⁸ Показатель второго лица множественного числа тоже может присоединяться только к форме *xa* и не может — к форме *xaf*:

- i. *ta ofo-xo xa-t*
 вы ходить-РOT РТCL-2PL
- ii. **ta ofo-xo xaf-at*
 вы ходить-РOT РТCL-2PL
 {a=б} ‘Вы, наверное, уже уходите.’

Таким образом, в этом случае может употребляться только частица *ха*, однако мы не считаем это различие достаточным для того, чтобы постулировать наличие в языке двух частиц, одна из которых не может быть совместима с показателем 2 л.

Рассмотрев порядок следования основных глагольных показателей и рассматриваемых частиц, мы пришли к выводу о том, что глагольная словоформа в общем виде может быть представлена следующим образом:

(23) √ — видовременной показатель — отрицание — частица — лично-числовой показатель

В отношении позиции внутри глагольной словоформы частицы *ха(хаf)* и *bfu*: ведут себя абсолютно одинаково.

В бурятском, как и в других монгольских языках, существует гармония гласных. Согласно [Svantesson et al. 2005], параметрами для нее служат признаки огубленности и [RTR] (retracted tongue root, отодвинутость корня языка)⁹.

Учитывая тот факт, что некоторые бурятские глагольные показатели гармонируют, а рассматриваемые частицы, как мы видели, встраиваются в глагольную словоформу, возникает вопрос, участвуют ли они в распространении признаков при гармонии.

⁹ Все бурятские гласные делятся на две группы в зависимости от значения этого признака:

[-RTR]	[+RTR]
<i>i</i>	—
<i>и</i>	<i>и</i>
<i>ө</i>	<i>о</i>
<i>э</i>	<i>а</i>
<i>ни</i>	<i>и</i>
—	<i>о</i>
<i>э</i>	<i>а</i>

Гласные с разным значением этого признака не могут встречаться в одном слове (за исключением гласного *i* и его долгого варианта *i:*, являющихся нейтральными). Кроме того, *о*, *ө* могут встречаться в первом слоге, только если им предшествует такой же гласный или нейтральный *i*; открытый гласный, следующий за закрытым огубленным (*и*, *и*), должен быть неогубленным (*а* или *э*, соответственно).

Если частица *xa(xaf)* гармонирует, то ее гармонические варианты будут выглядеть как *xə(xəf)*, *xo(xof)*, *xə(xəf)* в зависимости от значения параметров RTR и огубленности гласных корня. Примеры (24)–(27) ниже демонстрируют четыре возможные комбинации этих признаков в корне глагола. Глаголы в этих предложениях стоят в форме причастия будущего времени, показатель которого, как мы уже отмечали в разделе 1, гармонирует:

(24) *badma sajan-i:-jə ʊglo:dər xara-xa xa / xaf*
 Бадма Саяна-CNT2-ACC завтра видеть-POT PTCL PTCL
 ‘Бадма, наверное, завтра увидит Саяну.’
 [+RTR, -огубленность]

(25a) *rintfin səsəg-tə bəhəlig bələglə-xə xa / xaf*
 Ринчин Сэсэг-DAT кольцо подарить-POT PTCL PTCL

(25б) **rintfin səsəg-tə bəhəlig bələglə-xə xə / xəf*
 Ринчин Сэсэг-DAT кольцо подарить-POT PTCL PTCL
 {a=б} ‘Ринчин, наверное, подарит Сэсэг кольцо.’
 [-RTR, -огубленность]

(26a) *bajar dugar-ta ajag-a: ʊgə-xə xa / xaf*
 Баир Дугар-DAT чашка-REFL дать-POT PTCL PTCL

(26б) **bajar dugar-ta ajag-a: ʊgə-xə xə / xəf*
 Баир Дугар-DAT чашка-REFL дать-POT PTCL PTCL
 {a=б} ‘Баир, наверное, даст Дугару свою чашку.’
 [-RTR, +огубленность]

(27a) *basagan oi ʊglə:dər ofo-xo xa / xaf*
 Девочка лес завтра ходить-POT PTCL PTCL

(27б) **basagan oi ʊglə:dər ofo-xo xo / xof*
 Девочка лес завтра ходить-POT PTCL PTCL
 {a=б} ‘Девочка, наверное, завтра пойдет в лес.’
 [+RTR, +огубленность]

Как видно из неграмматичности примеров (25б)–(27б), эта частица не гармонирует. Как нам кажется, это связано с ее происхождением от *(a)xa* — формы причастия будущего времени глагола ‘быть’ ([Черемисов 1973]), основа которого имела гармонию [+RTR, -огубленность].

От другой рассматриваемой частицы, если она участвует в гармонии гласных, мы ожидаем форму *bʃu:* для основ со значением параметра RTR [+RTR] и форму *bʃu:* для основ со значением [-RTR]:

(28) *badma sajan-i:-jə uɣlɵ:dəɾ xara-xa bʃu:*
 Бадма Саяна-CNT2-ACC завтра видеть-POT PTCL
 ‘Бадма, наверное, завтра увидит Саяну.’
 [+RTR, -огубленность]

(29a) *rintʃin səsəg-tə bəhəlig bələglə-xə bʃu:*
 Ринчин Сэсэг-DAT кольцо подарить-POT PTCL

(29б) **rintʃin səsəg-tə bəhəlig bələglə-xə bʃu:*
 Ринчин Сэсэг-DAT кольцо подарить-POT PTCL
 {a=б} ‘Ринчин, наверное, подарит Сэсэг кольцо.’
 [-RTR, -огубленность]

(30a) *bajar dugar-ta ajag-a: uɣɵ-xɵ bʃu:*
 Баир Дугар-DAT чашка-REFL дать-POT PTCL

(30б) **bajar dugar-ta ajag-a: uɣɵ-xɵ bʃu:*
 Баир Дугар-DAT чашка-REFL дать-POT PTCL
 {a=б} ‘Баир, наверное, даст Дугару свою чашку.’
 [-RTR, +огубленность]

(31) *basagan oi uɣlɵ:dəɾ ofo-xo bʃu:*
 Девочка лес завтра ходить-POT PTCL
 ‘Девочка, наверное, завтра пойдет в лес.’
 [+RTR, +огубленность]

Неграмматичность примеров (29б)–(30б) показывает, что частица *bʃu:* также не гармонирует.

Мы полагаем, что рассматриваемые частицы не являются полноправными глагольными показателями. Несмотря на то, что они могут встраиваться в глагольную словоформу, они могут употребляться и, например, с именным сказуемым, в котором опущен глагол-связка:

(32) *sajana səbərхэн ха / хаʃ*
 Саяна красивый PTCL PTCL
 ‘Саяна, наверное, красивая.’

- (33) *bajar hogtu bfu:*
 Баир пьяный PTCL
 ‘Баир, наверное, пьян.’

Мы полагаем, что недостаточная морфологизация этих частиц является причиной того, что они не участвуют в распространении признаков при гармонии гласных.

Как отмечается в [Панов 2016: 111], «комбинации частиц также широко распространены в бурятском языке; сочетаться друг с другом могут до четырех частиц». Рассмотрим, могут ли интересующие нас частицы комбинироваться с наиболее частотными частицами бурятского языка и друг с другом.

Частицы *xa(xaf)* и *bfu:* не могут сочетаться друг с другом вне зависимости от их взаиморасположения:

- (34а) **tɨmɨn sajan-i:-jə* *har-a:* *bfu:* *xa / xaf*
 Тумэн Саяна-CNT2-ACC видеть-PRT1 PTCL PTCL PTCL

- (34б) **tɨmɨn sajan-i:-jə* *har-a:* *xa / xaf bfu:*
 Тумэн Саяна-CNT2-ACC видеть-PRT1 PTCL PTCL PTCL
 {a=б} ‘Тумэн, может быть, видел Саяну.’

Примеры (35) и (36) показывают, что они также не могут сочетаться с частицей *gu*, используемой для образования общего вопроса:

- (35а) **aldar tɨrɨ ʒɨl-də* *gɨr* *bar-ja:*
 Алдар тот год-DAT дом строить-PRT1
gu *xa / xaf?*
 Q2 PTCL PTCL

- (35б) **aldar tɨrɨ ʒɨl-də* *gɨr* *bar-ja:*
 Алдар тот год-DAT дом строить-PRT1
*xa / xaf gu?*¹⁰
 PTCL PTCL Q2
 {a=б} ‘Алдар, наверное, в прошлом году построил дом?’

¹⁰ Мы должны отметить, что в корпусе бурятского языка (http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru), содержащем художественные, публицистические и научные тексты на литературном бурятском языке, встречается несколько десятков примеров с сочетанием частиц *xa gu* (в таком порядке), однако для носителей баргузинского диалекта, судя по всему, эти примеры не будут грамматичными.

- (36a) **zalsan ab-i:-jə-mni zur-a: g# bfu:?*
 Жалсан отец-CNT2-ACC-1SG рисовать-PRT1 Q PTCL
- (36б) **zalsan ab-i:-jə-mni zur-a: bfu: g#?*
 Жалсан отец-CNT2-ACC-1SG рисовать-PRT1 PTCL Q
 {a=б} ‘Наверное, Жалсан нарисовал моего отца?’

Еще один вопросительный показатель бурятского языка — *bəzə*. С помощью него образуется вопрос, требующий в качестве ответа подтверждение пропозиции:

- (37) *aldar xurumxan-da bai-dag bəzə?*
 Алдар Курумкан-DAT быть-NAV PTCL
 ‘Алдар точно живет в Курумкане?’

Примеры (38) и (39) показывают, что рассматриваемые частицы не могут сочетаться с этим показателем:

- (38a) **dugar mafina jabu:l-na bəzə xa / xaf?*
 Дугар машина водить-PRS PTCL PTCL PTCL
- (38б) **dugar mafina jabu:l-na xa / xaf bəzə?*
 Дугар машина водить-PRS PTCL PTCL PTCL
 {a=б} ‘Дугар, наверное, водит машину, правда?’
- (39a) **aba-mni mafina zah-a: bəzə bfu:?*
 отец-1SG машина чинить-PRT1 PTCL PTCL
- (39б) **aba-mni mafina zah-a: bfu: bəzə?*
 отец-1SG машина чинить-PRT1 PTCL PTCL
 {a=б} ‘Мой отец, наверное, починил машину, правда?’

Есть, однако, одна частица, с которой могут сочетаться и *xa / xaf*, и *bfu:* — частица *da:*. В. А. Панов [Панов 2016: 106] рассматривает ее как адрессив — частицу, которая «характерна прежде всего для диалогической речи и предполагает наличие собеседника, требует (факультативно) от него реакции, словесной или эмоциональной». Там же отмечается, что ее функцией является, с одной стороны, привлечение внимания собеседника и, с другой стороны, смягчение высказывания и подчеркивание взаимного уважения (см. (40) из [Панов 2016: 106], запись языкового примера (включая орфографию и отсутствие поморфемного членения) и глоссы источника сохранены, нумерация примера наша):

- (40) *Орогты даа, хуугты даа,*
 Входить-IMP.2PL ДАА сесть-IMP.2PL ДАА
сай уугты даа
 чай пить-IMP.2PL ДАА¹¹
 ‘Заходите, пожалуйста, садитесь, пейте чай!’

Частица *da*: в сочетании с модальными частицами, как отмечают носители, дает повышение степени уверенности говорящего в истинности пропозиции по сравнению с высказываниями без этой частицы (см. (41) и (42)):

- (41a) *bajar dasan bar-ja: xa / xaf*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL PTCL
 ‘Дацан, наверное, построил Баир.’
- (41б) *bajar dasan bar-ja: xa / xaf da:*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL PTCL PTCL
- (41в) **bajar dasan bar-ja: da: xa / xaf*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL PTCL PTCL
 {б=в} ‘Дацан, скорее всего, построил Баир.’
- (42a) *bajar dasan bar-ja: bfu:*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL
 ‘Дацан, кажется, построил Баир.’
- (42б) *bajar dasan bar-ja: bfu: da:*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL PTCL
- (42в) **bajar dasan bar-ja: da: bfu:*
 Баир дацан строить-PRT1 PTCL PTCL
 {б=в} ‘Дацан, скорее всего, построил Баир.’

Неграмматичность примеров (41в) и (42в) по сравнению с (41б) и (42б) иллюстрирует тот факт, что частица *da*: обязательно занимает позицию после модальных частиц.

Итак, мы проверили возможность сочетания интересующих нас частиц с большей частью других наиболее частотных частиц бурятского языка (сочетание с другими производными частицами

¹¹ В глоссах источника с разрешения автора исправлены опечатки (<входить-IMP.2PL> вместо <входить-IMP.2SG>, <пить-IMP.2PL> вместо <пить-IMP.2SG>).

мы рассмотрим в следующей части). Частицы *xa(xaf)* и *bfu*: не сочетаются друг с другом, с показателем общего вопроса и с показателем вопроса-утверждения, однако могут сочетаться с частицей *da*:, которая в этом случае подчеркивает бóльшую степень уверенности говорящего в истинности пропозиции. На этом сходства в поведении рассматриваемых частиц заканчиваются. Обратимся теперь к различиям.

2.2. Различия

Частицы *xa(xaf)* и *bfu*: по-разному ведут себя с точки зрения сочетаемости с двумя другими частицами — *b(ə)* и *jum. bə* (в некоторых случаях сокращается до *b*) — показатель частного вопроса. Это единственная вопросительная частица, с которой в баргузинском диалекте может сочетаться *xa* (см. (43)). Порядок показателей фиксирован (см. неграмматичный пример (43б)):

- (43а) *xən-i:-jə* *aldar* *xurumxan-da*
 кто-CNT2-ACC Алдар Курумкан-DAT
xar-a: *xa-b*
 видеть-PRT1 PTCL-Q1
 1) ‘Кого Алдар, возможно, видел в Курумкане?’
 2) *‘Возможно, есть вопрос, кого Алдар видел в Курумкане.’

- (43б) **xən-i:-jə* *aldar* *xurumxan-da*
 кто-CNT2-ACC Алдар Курумкан-DAT
xar-a:-b *xa*
 видеть-PRT1-Q1 PTCL
 1) ‘Кого Алдар, возможно, видел в Курумкане?’
 2) ‘Возможно, есть вопрос, кого Алдар видел в Курумкане.’

Пример (43) демонстрирует, что частица *xa* имеет сферу действия внутри сферы действия показателя вопроса, что соответствует ее позиции в этом предложении. Таким образом, мы видим, что частица *xa* допустима в частном вопросе и не допустима в общем.

Частица *bfu*:, однако, не может сочетаться и с этим вопросительным показателем вне зависимости от их взаиморасположения (см. (44)):

- (44а) **xən-i:-jə* *aldar* *xurumxan-da*
 кто-CNT2-ACC Алдар Курумкан-DAT

	<i>хар-а:</i>	<i>bfu:-b</i>	
	видеть-PRT1	PTCL-Q1	
(44б)	* <i>хэн-и:-jə</i>	<i>aldar</i>	<i>xurumxan-da</i>
	кто-CNT2-ACC	Алдар	Курумкан-DAT
	<i>хар-а:-b</i>	<i>bfu:</i>	
	видеть-PRT1-Q1	PTCL	
	{a=б}	‘Кого Алдар, может быть, видел в Курумкане?’	

Аналогичные свойства рассматриваемые частицы демонстрируют относительно сочетаемости с так называемой подтвердительной (утвердительной) частицей *jum*, главная функция которой, как отмечается в [Панов 2016: 108], — это «подчеркивание истинности высказывания». Согласно суждениям носителей, эффект от появления этой частицы похож на тот, какой возникает в случае присоединения частицы *da*. Предложения типа (45) воспринимаются как указание на бóльшую степень уверенности говорящего в истинности пропозиции по сравнению с теми предложениями, где присутствует только частица *ха*. С частицей *jum* может комбинироваться только *ха(xaf)*, причем их порядок относительно друг друга варьирует по носителям (ср. (45а) и (45б)). При этом изменение порядка расположения частиц не приводит к видимым последствиям для интерпретации:

(45а)	[?] <i>zalsan</i>	<i>zargalma-jə</i>	<i>zur-a:</i>
	Жалсан	Жаргалма-ACC	рисовать-PRT1
	<i>jum</i>	<i>ха / xaf</i>	
	PTCL	PTCL	PTCL
(45б)	[?] <i>zalsan</i>	<i>zargalma-jə</i>	<i>zur-a:</i>
	Жалсан	Жаргалма-ACC	рисовать-PRT1
	<i>ха / xaf</i>	<i>jum</i>	
	PTCL	PTCL	PTCL
	{a=б}	‘Жалсан, скорее всего, нарисовал Жаргалму.’	

Частица *bfu*: в присутствии *jum* не допускается:

(46а)	* <i>aldar</i>	<i>xurumxan-da</i>	<i>bai-dag</i>	<i>bfu: jum</i>
	Алдар	Курумкан-DAT	быть-НАВ	PTCL PTCL

- (46б) *aldar xurumxan-da bai-dag jum bfu:
 Алдар Курумкан-ДАТ быть-НАВ PTCL PTCL
 {a=б} ‘Алдар, скорее всего, живет в Курумкане.’

До сих пор мы рассматривали дистрибутивные свойства частиц *xa* и *bfu*:. Перейдем к семантическим. Первое семантическое ограничение проявляется в сочетаемости с 1 л. ед. ч.¹²:

- (47) *bi falgalta: tufag-a: xa-b /*
 я экзамен сдавать-PRT1 PTCL-1SG
 *xaf-ab / *xaf-bi
 PTCL-1SG PTCL-1SG
 # 1) {Я посетил все пары, выполнил все домашние задания и потратил много времени на подготовку к экзамену.}
 ‘Я, наверное, сдал экзамен.’
 2) {Я так отпраздновал свой день рождения, что весь вчерашний день выпал у меня из памяти. Сегодня я нашел себя в списках сдавших вчера экзамен.} ‘Я, наверное, сдал экзамен.’

Как видно из примера (47), частица *xa* может использоваться в контексте 1 л. ед. ч только в том случае, когда говорящий описывает событие, в котором он каким-то образом участвовал, но не мог осознавать происходящее, так как находился в измененном состоянии сознания (например, был пьян). Иными словами, при сочетании этой частицы с 1 л. ед. ч., по крайней мере в прошедшем времени, наблюдается эффект утраты эпистемического контроля (см. [Майсак, Татевосов 2000]). Сочетание с будущим временем не проверялось в силу прагматической неестественности возможных примеров такого рода.

В бурятском языке существует такое явление, как *индексикальный сдвиг*, когда «некоторые дейктические выражения (в частности личные местоимения) в дополнительных придаточных интерпретируются не относительно контекста всего речевого акта, а относительно координат, заданных матричной клаузой» [А. В. Подобрывев, л. с.]. Соответственно, в зависимых финитных предложениях референтом местоимения 1 л. оказывается не говорящий, а подлежащее матричной клаузы. На него переориентируется и эффект утраты эпистемического контроля.

¹² Сочетание с 1 л. мн. ч. не проверялось.

- (48) *доржо_i хэл-э: би_{i/*j} стул үстэр*
 Доржо сказать-PRT1 я стул вчера
эмдэл-бэ ха-б гэгзэ
 ломать-PRT2 PTCL-1SG COMP
 {Доржо накануне отмечал свой день рождения и выпил столько, что не помнит даже, чем закончился праздник и как он вообще добрался до дома. Проснувшись утром, он замечает, что стул, который обычно стоит около его кровати, сломан. Он не может вспомнить, как он его сломал, но подозревает, что это был именно он. Он рассказывает об этом своему другу Дугару, а Дугар пересказывает историю своей жене и говорит такую фразу:} ‘Доржо_i сказал, я_i, дескать, вчера, кажется, стул сломал.’

В (48) мы наблюдаем тот же эффект, что и в (47), однако в этом случае вместе со сдвигом интерпретации личного местоимения происходит сдвиг интерпретации носителя эпистемической информации.

Частица *bju:* в сочетании с 1 л. ед. ч., согласно суждениям носителей, не воспринимается как семантически аномальная, однако эффект потери эпистемического контроля (видимо, значительно более слабый) представлен и здесь. Ср. (47) с (49) и (48) с (50):

- (49) *би нарана-и:-jэ хар-а: бju:-б*
 я Нарана-CNT2-ACC видеть-PRT1 PTCL-1SG
 ‘Я, наверное, видел Нарану’ {но не могу вспомнить, как она выглядит}.

Более того, субъектом эпистемической оценки (тем, кому «кажется») при употреблении *bju:* в изъяснительных придаточных предложениях может быть не только подлежащее главной клаузы, но и говорящий:

- (50) *саяна_i хэл-э: би_{i/*j} фалгалта-ja:*
 Саяна говорить-PRT1 я проверка-ACC.REFL
зүб-ө:r бэf-э: бju:-б гэгзэ
 правильный-INSTR писать-PRT1 PTCL-1SG COMP
 {Саяна рассказала мне, что она подготовила шпаргалки по всем темам и успешно с них списала. Поэтому она уверена, что все написала правильно и получит хорошую оценку. Но

я знаю, что она очень невнимательна и может списать с десятью ошибками, поэтому я скептически отношусь к ее уверенности:} ‘Саяна_i сказала, что она_i (*говорящий), кажется, правильно написала контрольную.’

В разделе 2.1 мы также уже видели, что частицы *xa(xaf)* и *bfi*: могут встречаться в контексте отрицания, однако их интерпретации различаются. В общем случае при одинаковом взаиморасположении показателей модальности и отрицания модальный оператор может интерпретироваться и как находящийся под отрицанием, и как находящийся над ним, то есть иметь и узкую сферу действия, и широкую (об этом см. в частности [Portner 2009]), поэтому подобные предложения теоретически могут иметь два прочтения:

a. $\neg\Diamond$ (модальный оператор возможности ниже отрицания):
Невероятно, что...

b. $\Diamond\neg$ (модальный оператор возможности выше отрицания):
Вероятно, не...

Рассматриваемые частицы, однако, ведут себя в этом отношении по-разному: одна из них — *xa(xaf)* — имеет под отрицанием только широкую сферу действия (см. (51)), и только *bfi*: — обе (см. (52)):

(51) *tumэн mafina zah-a:-gui xa / xaf*
Тумэн машина чинить-PRT1-NEG PTCL PTCL

1) {В машине Тумэна отвалились все детали, которые только могли отвалиться. Ее можно только сдать в металлолом. Тумэн предпринял попытку ее починить. Я точно не знаю, удалось ли ему это, но зная, в каком она была состоянии, думаю, что нет.} ‘Невероятно, чтобы Тумэн починил машину.’

2) {Машина Тумэна сломалась, он ее весь вчерашний день чинил, но сегодня уехал в город автобусом.} Тумэн, вероятно, не починил машину.

- (52) *rintʃin* *ʃalgalta:* *tʃʃag-a:-gɳi* *bʃi:*
 Ринчин экзамен сдавать-PRT1-NEG PTCL
- 1) {Ринчин весь семестр прогуливал пары, не выполнял домашние задания, не готовился к экзамену и вдобавок нахамил преподавателю. Экзамен уже прошел, результаты неизвестны, но у него нет шансов сдать экзамен.} ‘Невероятно, чтобы Ринчин сдал экзамен.’
- 2) {Ринчин пришел с экзамена очень расстроенный и заперся в комнате.} ‘Ринчин, вероятно, не сдал экзамен.’

Наконец, обратимся к последнему различию. Чтобы предложение с частицей *xa* было приемлемым, необходимо, чтобы утверждение опиралось на воспринимаемую говорящим информацию, доступную в данной ситуации. Если же утверждение строится только на основе общих знаний и логических выводах, не подтверждаясь какими-либо наблюдаемыми фактами, использовать частицу *xa* невозможно. Ср. значения 1 и 2 предложения (53):

- (53) *hulgaiʃa-d* *u:dʒn-ʒi-* *su:rga* *handa:-ba*
 вор-PL дверь-CNT1 замок ломать-PRT2
xa / xaʃ
 PTCL PTCL
- # 1) {Доржо живет в городе. К нему приезжает его брат Жаргал и начинает жаловаться, что его (Жаргала) сарай кто-то ограбил, вынес все новые хорошие инструменты. Доржо начинает рассуждать, что чисто теоретически воры могли сломать замок. Он не знает, действительно ли это так, не видел сломанного замка, даже сарая этого вообще не видел.} ‘Воры, наверное, сломали замок.’
- 2) {Действие происходит в темноте, кто-то один ломает замок, а другой от него прячется рядом и по звуку определяет, что замок, кажется, сломали.} ‘Воры, наверное, сломали замок.’

В отличие от частицы *xa(xaʃ)*, частица *bʃi:* не имеет такого ограничения и допускает употребление в обоих типах контекстов, см. (54):

(54) *tumэн mafina zaha-ba bfu:*
Тумэн машина чинить-*PRT2* *PTCL*

1) {Во вторник у Тумэна сломалась машина. Утром в среду Жалсан уезжает в город, и машина все еще сломана. Возвращаясь домой вечером воскресенья, Жалсан думает о том, что уж за столько времени Тумэн, который разбирается в машинах лучше всех в селе и чинит их не первый год, должен был починить машину, хотя, конечно, всякое могло случиться.} ‘Тумэн, наверное, починил машину.’

2) {Машина Тумэна накануне сломалась. Бадма слышал, как Тумэн копался в машине, и машина урчала. Наутро у Бадмы спрашивают, починил ли Тумэн машину.} ‘Тумэн, наверное, починил машину.’

3. Анализ

Мы уже отмечали, что большинство исследователей бурятского языка относят частицу *ха* к числу модальных, однако наблюдения из раздела 2.2 могут послужить основой для альтернативного анализа.

Данные, представленные в разделе 2, позволяют предположить, что частица *ха* маркирует граммему категории эвиденциальности, указывает на источник информации (см. в частности [Anderson 1986; Willett 1988; Aikhenvald (ed.) 2004; Plungian 2001]). Т. Виллет разделяет эвиденциальные значения на три группы: прямая засвидетельствованность (*direct evidence*, ‘высказывание основано на информации, полученной непосредственным восприятием описываемой ситуации’), пересказывательность (*reported evidence*, ‘высказывание основано на информации, полученной из вербального сообщения внешнего источника’) и инферентивность (*inferential evidence*, ‘высказывание основано на информации, полученной путем логического вывода’). Инферентивность в свою очередь делится на экспериенциальную (говорящий делает вывод, опираясь на наблюдаемые последствия ситуации) и не-экспериенциальную (говорящий основывается на общих знаниях и рассуждениях).

Примеры (53) и (55) являются примерами экспериенциальной инферентивности: в первом случае говорящий делает логический вывод о том, что замок сломан, опираясь на сопут-

ствующие признаки разворачивающейся под дверью ситуации (характерный шум и т. п.), а во втором он основывается на том, что видит уезжающего на своей машине Баира:

- (55) *tumɛn mafina zah-a: xa / xaf*
 Тумэн машина чинить-PRТ1 PTCL PTCL
 {Машина Баира вчера сломалась, однако, вернувшись с работы, я вижу уезжающего на машине Баира. Единственным мастером в деревне является Тумэн.} ‘Тумэн, наверное, починил машину.’

Частица *xa* также может использоваться для выражения пересказывательности. В (56) источником информации говорящего является рассказ третьего лица:

- (56) *sajana falgalta-ja: zub-ɵ.r*
 Саяна проверка-ACC.REFL правильный-INSTR
bəf-ə: *xa / xaf*
 писать-PRТ1 PTCL PTCL
 {Саяна хвастается мне, что она воспользовалась на контрольной шпаргалкой и большую часть списала, поэтому почти уверена, что у нее нет ошибок. Пересказывая эту историю, я говорю.} ‘Наверное, Саяна правильно написала контрольную.’

Таким образом, частица *xa(xaf)* может использоваться для выражения двух типов эвиденциальных значений — инферентивности и пересказывательности, которые мы вслед за [Aikhenvald (ed.) 2004] будем называть косвенной засвидетельствованностью.

Гипотеза о том, что эта частица представляет собой показатель эвиденциальности, подтверждается и другими свойствами, обсуждавшимися в разделе 2. Семантическое ограничение на сочетаемость с 1 л. возникает из-за того, что предложения типа (47) сообщают, что о ситуации, в которой говорящий участвовал в качестве агенса, он узнает опосредованно, и это вряд ли было бы возможно, если бы он находился в здравом уме и твердой памяти.

Ограничение на сферу действия отрицания также типично для показателей эвиденциальности. Нам неизвестны работы, в которых сообщалось бы о таком языке, в котором информацию, вводимую эвиденциальным показателем, можно отрицать (‘Невер-

но, что говорящий утверждает пропозицию р на основании источника информации Г'). В предложениях с отрицанием оператор эвиденциальности всегда имеет широкую сферу действия (см. в частности [Faller 2002; Portner 2009]), что мы и наблюдали в (51).

Наконец, оператор вопроса, наоборот, типологически стабильно интерпретируется над эвиденциальностью, как и в (43).

С частицей *bʃu:*, однако, все не так просто. Во-первых, мы уже видели в предложении (54), что она может употребляться как в значении эпистемической возможности, так и в эвиденциальном значении. В примерах (55) и (56) она может заменять частицу *xa(xaʃ)*, при этом для каждого предложения появится дополнительный возможный контекст (см. значения 2 в (57) и (58)):

- (57) *tymɛn maʃina zah-a: bʃu:*
Тумэн машина чинить-PRТ1 ПТCL

1) (Машина Баира вчера сломалась, однако, вернувшись с работы, я вижу уезжающего на машине Баира. Единственным мастером в деревне является Тумэн) 'Тумэн, наверное, починил машину.'

2) (Во вторник у Тумэна сломалась машина. Утром в среду Жалсан уезжает в город, и машина все еще сломана. Возвращаясь домой вечером воскресенья, Жалсан думает о том, что уж за столько времени Тумэн, который разбирается в машинах лучше всех в селе и чинит их не первый год, должен был починить машину, хотя, конечно, всякое могло случиться.) 'Тумэн, наверное, починил машину.'

- (58) *sajana ʃalgalta-ja: zɯb-ɵ:r*
Саяна проверка-ACC правильный-INSTR
bʃf-ə: bʃu:
писать-PRТ1 ПТCL

1) (Саяна хвастается мне, что она воспользовалась на контрольной шпаргалкой и ббольшую часть списала, поэтому почти уверена, что у нее нет ошибок. Пересказывая эту историю, я говорю.) 'Наверное, Саяна правильно написала контрольную.'

2) (Саяна — круглая отличница и почти никогда не допускает ошибок в контрольных.) 'Наверное, Саяна правильно написала контрольную.'

Модальность и эвиденциальность в теоретической и типологической литературе зачастую рассматриваются либо как пересекающиеся категории, либо как входящие одна в другую (см., например, обзор в диссертации [Faller 2002]). В частности, и показатели эпистемической возможности, и показатели инферентивной эвиденциальности, подобные *ха*, подают пропозицию как опирающуюся на производимый говорящим логический выбор. Минимальные различия связаны с тем, что в одном случае он преимущественно опирается на общие знания о мироустройстве, а в другом обязательно задействованы наблюдаемые последствия описываемой ситуации.

Можно предположить, таким образом, что частица *bfi*: является показателем эпистемической возможности, а экспериенциальные (инферентивные) контексты типа значения 1 в (57) и (58) представляют собой зону естественного пересечения ее дистрибуции с дистрибуцией *ха*. Это подтверждается наблюдаемыми в разделе 2 свойствами, а способность *bfi*: употребляться в контекстах типа значения 1 предложений (57) и (58) вызвана как раз близостью этих грамматических категорий. Однако если в (56) для говорящего важнее то, что источником информации являются слова третьего лица, то в значении 1 из (58) говорящий основывается на своих знаниях о мире (человек, удачно воспользовавшийся шпаргалкой, должен был все написать верно).

В пользу такой гипотезы говорит и то, что, как уже отмечалось в разделе 2, в языках мира модальные операторы в контексте отрицания могут иметь две сферы действия, что мы и наблюдали в (52).

Кроме того, показатели эпистемической вероятности, в отличие от маркеров эвиденциальности, не имеют столь жестких семантических ограничений на сочетаемость с 1 л. (ср., например, для русского языка: *Я, наверное, был знаком с Васей, так как наши родители дружили, но сейчас не могу вспомнить; Как и все, я, наверное, смотрел «Иронию судьбы», ведь ее крутят по телевизору каждый год, так что вряд ли я ее не смотрел, хотя сейчас и не могу точно вспомнить*). Именно это мы видим в (49) и (50).

Невозможность употребляться в различных типах вопросов, однако, не является универсальным свойством модальных операторов (снова ср., например, для русского языка: *Кого Вася, возможно, видел в Москве?*). Мы предполагаем, что неграмма-

тичность (36), (39) и (44) может быть вызвана тем, что частица *bʃu:*, как мы видели в разделе 1, сама может использоваться для образования выражений, похожих на вопрос, и невозможность сочетаться с вопросительными частицами не является следствием того, что она модальный оператор. Однако тогда остается открытым вопрос, почему в баргузинском диалекте частица *xa(xaʃ)* не может сочетаться по крайней мере с показателем общего вопроса. На это у нас пока нет удовлетворительного ответа.

Для объяснения прочих дистрибутивных свойств рассматриваемых частиц — сочетаемости/несочетаемости с частицами *ʃut* и *da:* — нам необходимо сначала понять семантику самих этих частиц, для чего у нас пока, к сожалению, недостаточно материала. Поэтому на данном этапе исследования мы можем только описать возможные комбинации.

Что касается несочетаемости частиц *xa* и *bʃu:* друг с другом, то в языках мира не существует абсолютного запрета на комбинацию каких-то показателей модальности с какими-то показателями эвиденциальности (см, например, [Faller 2002]), однако в языках мира часто имеются существенные ограничения на то, что с чем может комбинироваться.

Обратимся к материалу русского языка. В нем есть вводное предложение (я) *вижу*, дистрибуция которого очень похожа на дистрибуцию показателей экспериенциального логического вывода в других языках: оно может использоваться, если говорящий основывается на наблюдаемых последствиях какой-либо ситуации (например: *говорящий возвращается домой, видит на вешалке пальто Маши и говорит вышедшей навстречу жене: «Я вижу, Маша уже дома»*), причем последствия могут восприниматься не только визуально (например: *говорящий возвращается домой, чувствует запах борща и говорит пришедшему с ним другу: «Я вижу, Маша борщ сварила»*), однако если говорящий наблюдал весь процесс, то использовать это вводное предложение по меньшей мере неестественно (например: *говорящий наблюдал весь процесс варки борща своей женой и говорит пришедшему в гости другу: «*Я вижу, Маша борщ сварила»*). Это вводное предложение далеко не всегда может сочетаться с модальными наречиями (ср., например: *говорящий возвращается домой, чувствует запах борща и говорит пришедшему с ним другу: ???Я вижу,*

*Маша, наверное, борщ сварила / *Я вижу, возможно, Маша борщ сварила / *Возможно, я вижу, Маша борщ сварила*). Как кажется, бурятский язык демонстрирует ограничения в точности такого же рода.

4. Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели сходства и различия в поведении и семантике двух частиц — *xa(xaf)* и *bfi:*. На первый взгляд, они имеют одинаковое значение эпистемической возможности, однако более подробный анализ показывает, что частицу *xa(xaf)* более уместно анализировать как показатель эвиденциальности и что она может использоваться для выражения двух типов эвиденциальных значений — экспериенциальной инферентивности и пересказывательности.

Частицу *bfi:* и в самом деле следует описывать как показатель эпистемической возможности. Ее способность употребляться в контекстах, близких к эвиденциальным, связана с близостью этих грамматических категорий, однако даже в этом случае говорящий базируется на общих знаниях о мире.

Наша гипотеза подтверждается свойствами, которые демонстрируют эти частицы: *xa(xaf)* имеет семантическое ограничение на сочетаемость с 1 л. ед. ч., обладает широкой сферой действия в сочетании с отрицанием и интерпретируется как находящаяся под оператором вопроса; *bfi:*, в свою очередь, не имеет ограничений на сочетаемость с 1 л. и может иметь обе сферы действия в контексте отрицания.

Завершая эту статью, заметим, что анализ этих частиц как показателей разных грамматических категорий ставит новые вопросы. Например, где именно в структуре глагольной группы они находятся и как располагаются относительно друг друга? Операторами какого уровня (и одинакового ли) они являются — пропорционального или иллокутивного? Мы надеемся дать ответ на эти и другие вопросы в нашем дальнейшем исследовании материала баргузинского диалекта.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; ACC — аккузатив; CNT1 — первый коннектив; CNT2 — второй коннектив; COMP — комплементаризер; DAT — датив; HAB — хабитуалис; n — посессор; IMP — императив; INSTR — инст-

рументалис; NEG — глагольное отрицание; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT1 — первое прошедшее время; PRT2 — второе прошедшее время; PTCL — частица; Q1 — частный вопрос; Q2 — общий вопрос; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Будаева 2003 — Г. Д. Будаева. Служебные части речи в бурятском языке: частицы. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2003. [G. D. Budaeva. Sluzhebnyye chasti rechi v buriatskom iazyke: chastitsy [Auxiliary part of speech in Buryat: particles]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003].
- Дамбуева 2001 — П. П. Дамбуева. Категория модальности в современном бурятском языке: автореф. дисс.... докт. фил. наук. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, 2001. [P. P. Dambueva. Kategoriiia modal'nosti v sovremennom buriatskom iazyke [Modality in the modern Buryat language]. Avtoref. diss.... dokt. fil. nauk. In-t mongolovedeniia, buddologii i tibetologii SO RAN, Ulan-Ude, 2001].
- Майсак, Татевосов 2000 — Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания 5, 2000. С. 68–80. [T. A. Maisak, S. G. Tatevosov. Prostranstvo govoriashchego v kategoriiakh grammatiki, ili Chego nel'zia skazat' o sebe samom [Space of a speaker in grammatical categories, or What is impossible to say about oneself] // Voprosy iazykoznanii 5, 2000. P. 68–80].
- Панов 2016 — В. А. Панов. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // Урало-алатайские исследования 23(4), 2016. С. 101–128. [V. A. Panov. Buriatskie zakliuchitel'nye chastitsy v areal'no-tipologicheskoi perspektive [Buryat final particles from the typological perspective]. Uralo-alataiskie issledovaniia 23(4), 2016. P. 101–128].
- Санжеев и др. (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М: Изд-во Восточной лит-ры, 1962. [G. D. Sanzheev, T. A. Bertagaev, Ts. B. Tsydendambaev (eds.). Grammatika buriatskogo iazyka: Fonetika i morfologiia [Buryat grammar: Phonetics and morphology]. M: Izd-vo Vostochnoi lit-ry, 1962].
- Черемисов 1973 — К. М. Черемисов. Бурятско-русский словарь. М: Изд-во Советская энциклопедия, 1973. [K. M. Cheremisov. Buriatsko-russkii

- slovar' [Buryat-Russian dictionary]. M: Izd-vo Sovetskaia entsiklopediia, 1973].
- Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald (ed.). *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Anderson 1986 — L. B. Anderson. *Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries* // W. Chafe, J. Nichols (eds.). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 273–312.
- Faller 2002 — M. T. Faller. *Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua*. Doctoral dissertation, Stanford university, Stanford, 2002.
- Janhunen 2003 — J. Janhunen. *Proto-Mongolic* // J. Janhunen (ed.). *The Mongolic languages*. London — New York: Routledge, 2003. P. 1–29.
- Plungian 2001 — V. A. Plungian. *The place of evidentiality within the universal grammatical space* // *Journal of pragmatics* 33(3), 2001. P. 349–357.
- Poppe 1960 — N. N. Poppe. *Buriat Grammar*. [Indiana University Publications Uralic and Altaic Series Vol. 2]. Bloomington: Mouton & Co, 1960.
- Portner 2009 — P. Portner. *Modality* (Vol. 1). Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Skribnik 2003 — E. Skribnik. *Buryat* // J. Janhunen (ed.) *The Mongolic languages*. London — New York: Routledge, 2003. P. 102–128.
- Svantesson et al. 2005 — J.-O. Svantesson, A. Tsedina, A. Mukhanova Karlsson, V. Franzén. *The phonology of Mongolian*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Willett 1988 — T. Willett. *A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality* // *Studies in Language. International Journal sponsored by the Foundation "Foundations of Language"* 12(1), 1988. P. 51–97.

И. А. Зибер

НИУ ВШЭ, Москва

ВАРИАТИВНОСТЬ И ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: О СЛУЧАЯХ АССИМИЛЯТИВНОЙ ЛАБИАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ

1. Введение

В настоящей статье¹ рассматриваются некоторые случаи дистактного² уподобления гласных соседних слогов: рус. с[y]л^{учий} (ср. *засыпáть*); бес. удм. g[ʌ°]roz ‘будет пахать’ (ср. g[ʌ]riz ‘пахал’); монг. *nixxu* > *noxxu* ‘мять, месить, мешать’ и т. п.

В задачи исследования входил поиск ответов на следующие вопросы:

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100». Автор статьи бесконечно признательна С. В. Князеву — за руководство работой с русским материалом, Р. И. Идрисову — за помощь в автоматической обработке результатов экспериментов, Г. А. Морозу — за статистические тесты и графики типа «боксплот», А. В. Архипову — за советы и рекомендации. Автор благодарит редакторов сборника и рецензента статьи, а также Д. И. Игнатенко и Я. О. Волкову, без которых статья никогда не появилась бы на свет.

² Термин встречается в русскоязычной лингвистической литературе в двух вариантах: *дистактный* и *дистантный*. Первый вариант *дистактный*, подобно антонимичному термину *контактный*, образован от супина латинского глагола *tangēre* ‘касаться, трогать’. Второй вариант, *дистантный*, образован от причастия настоящего времени латинского глагола *distāre* ‘находиться на расстоянии’. Первый вариант является традиционным (см., напр., [Реформатский 2008]), однако в современной литературе широко распространен и второй вариант, более прозрачный по форме для русскоязычного читателя (см., напр., [Князев, Пожарицкая 2011]). В настоящей работе используется более традиционный термин *дистактный*.

- 1) Как реализуется фонетико-акустическая вариативность гласных под влиянием лабиализации в соседнем слоге в русском языке?
- 2) Является ли подобная вариативность уникальной для русского языка или имеет место и в языках с другими схемами редукции?
- 3) Какие механизмы стоят за явлением, каковы его причины? Как интерпретируются аналогичные явления в других языках?
- 4) Какие типологические данные имеются о фонологизации явления, о переходе синхронной вариативности в диахроническое изменение? Какие перспективы в связи с этим может иметь явление в русском языке?

Первый раздел статьи — введение. Во втором разделе речь идет о том, что известно о подобных изменениях в русском языке и как это описано в литературе. В третьем разделе представлены результаты акустического исследования, проведенного автором на русском материале. Для сравнения в четвертом разделе приведены экспериментальные данные бесермянского удмуртского. В пятом разделе статьи обсуждаются типологически сходные явления в родственных и неродственных языках и их возможные интерпретации. В шестом разделе представлены некоторые выводы, позволяющие соотнести собранные данные с представлениями о строении русского фонетического слова.

2. Ассимилятивная лабиализация гласных: русский язык

Случаи дистактного уподобления гласных по лабиализации (межслогового ассимилятивного выравнивания, ассимилятивной лабиализации, межслоговой ассимиляции) отмечаются в русском языке с середины XX века [Панов 1988: 50–51]. Некоторые исследователи считают, что закономерностью это явление не стало, оставшись на уровне оговорок [там же]. Другие описывают ассимилятивную лабиализацию гласных в ряду других особенностей литературной речи. Так, Р. И. Аванесов (в оценках нормы, как правило, строгий и требовательный) сопровождает описание нормативного произношения гласных в сочетаниях *ou*, *au* в первом и

втором предударных слогах следующим комментарием: в этих сочетаниях «произносится редуцированный гласный [ъ] на месте *o* или *a*: *н[ъу]гáд, н[ъу]тeк* и др.», причем «редуцированный гласный [ъ] перед [у] звучит несколько лабиализованно, т. е. сам приближается к [у]» [Аванесов 2009: 75].

Такое уподобление имеет место не только при контактном расположении гласных, но и в случаях, когда они разделены согласными. Применительно к кратким редуцированным гласным такая дистактная ассимилятивная лабиализация давно уже стала нормой. Говоря о произношении гласных на месте сочетаний *ao*, *oo* в русском литературном произношении, Р. И. Аванесов называет недопустимым стяженное произношение с редуцированным [ъ] слов *вообразíл, воображéние, сообразíл, соображéние*. В то же время он отмечает, что «в словах *соорудíл, сооружéние, воодушевíл, воодушевлéние, вооруженный* и др. широко развито стяженное произношение сочетания *oo*, и притом не только с [л], но в беглой речи также и с редуцированным гласным [ъ]» [Аванесов 2009: 74]. Исследователь не объясняет, почему именно в этих словах редуцированный звук и широко употребляется, и даже признается нормой, но можно предположить, что более закрытое качество гласного связано с ассимилирующим воздействием гласного [у] в первом и втором предударном слогах этих слов.

Р. Ф. Пауфошима в работе 1980 года отмечает:

широко распространено уподобление слабых редуцированных гласных... гласным соседних слогов, как правило, последующих... Иными словами, в современном русском литературном произношении можно отметить проявление регрессивной (по преимуществу) межслоговой ассимиляции [Пауфошима 1980: 62].

Исследовательница выделяет [у]-ассимиляцию наряду с [а]-ассимиляцией и [ы]-ассимиляцией и приводит полученные на основании слухового анализа многочисленные примеры в разных позициях относительно ударения: *н[у]пуля́рных, ф[у]культéт, М[ъу]шукá; н[ъу] д[у]кумéнтам, н[ъу] су́ществу, к[ъу]ммуника́ция; н[ъу]пуля́риза́ция, к[ъу]ммуника́тивную, н[ъу]тура́льный, фанта́з[ъу]ю, в ту стóр[у]ну* и др. Утверждается, что «ассимилирующее воздействие гласных соседних слогов на безударные гласные сильнее, чем воздействие соседних согласных»: «[у] делабиализуется даже в окружении согласных-лабиализаторов», тогда как даже между

зубными регулярно лабиализуется гласный в слове з[ъ^ʷ]рубéжный [Пауфошима 1980: 64].

Что же касается ассимилятивной лабиализации гласного в первом предударном слоге, то до сих пор отмечались лишь немногочисленные случаи подобных изменений, как прогрессивных, так и регрессивных. Это в целом ожидаемо — гласным первого предударного слога в русском языке свойственно сохранять качество, а вне сильной фразовой позиции — и длительность, присутствующие им под ударением [Князев 1998], поэтому разнообразные коартикуляционные эффекты затрагивают их в гораздо меньшей степени, чем редуцированные гласные.

В качестве примера прогрессивной дистактной ассимиляции гласных по огубленности в предударном слоге А. А. Реформатский приводит просторечное произношение слова *хулига́н* как [хул'у́га́н] [Реформатский 2008: 205]. В [Пауфошима 1980: 63] приводятся аналогичные примеры: *публ[ʷу]цисты*, *муз[у]кάνты*. Исследовательница комментирует их следующим образом:

Подобные случаи довольно редки, что находится в соответствии с общей склонностью русской речи к регрессивной ассимиляции. Возможно, что объяснение подобным отклонениям от более общей закономерности следует искать в психолингвистической сфере — намерении говорящего подчеркнуть начало слова, усилить его, — тогда оставшаяся... часть слова “подстраивается” под первый гласный [Пауфошима 1980: 63].

Психолингвистическая трактовка явления не кажется бесспорной, но мысли «о наличии единой артикуляторной программы, охватывающей всю предударную часть слова», а то и его конец тоже, высказываются неоднократно [Пауфошима 1980: 64]. Такое представление, пусть и с некоторыми оговорками, сближает русский вокализм с системами тех языков, где присутствует так называемая гармония гласных — механизм, поддерживающий единство слова единообразием реализации того или иного признака. В отношении прогрессивной [у]-ассимиляции в русском языке отмечается, что гласными, чаще всего подверженными ассимилирующему воздействию, обычно оказываются гласные верхнего подъема [и] и [ы] [Пауфошима 1980: 63]. Интересно отметить, что и в отношении сингармонических систем, в частности, турецкой, отмечается, что гласные верхнего подъема в

заднеязычным в русском языке свойственно, в отличие от остальных согласных, самим коартикулировать гласным, а не вызывать их коартикуляцию [Кодзасов, Кривнова 2001: 170–173], было решено для минимизации влияния на гласный и достижения достаточной длительности стационарного участка выбрать именно заднеязычный согласный в качестве левого и правого консонантного контекста.

Тридцати носителям литературного произношения, шестнадцать мужчинам и четырнадцать женщинам, предъявлялись по одному слова и сочетания экспериментального корпуса в произвольном порядке. Участникам эксперимента предлагалось посмотреть на слайд и трижды повторить отображенный на нем стимул. Из трех получившихся произнесений каждого диктора для исследования произвольным образом выбиралось одно. При этом исключались из рассмотрения а) случаи нарушения языковой нормы под влиянием орфографии и гиперкоррекции, например, оканье и отсутствие оглушения шумных в соответствующих контекстах, б) утрированные произнесения (скандирование), в) слова и сочетания с полностью оглушенным гласным первого предупредительного слога.

Материал записывался в помещениях с минимальным уровнем реверберации на портативный цифровой рекордер Zoom H2n с использованием встроенных микрофонов в формате .WAV (частота дискретизации 48 kHz, 16 разрядов), сегментировался вручную на основании соответствующей осциллограммы и спектрограммы, анализировался с помощью компьютерной программы Praat [Boersma, Weenink 2018]. Автоматически измерялась длительность каждого выделенного сегмента; на центральном участке каждого гласного проводилось измерение частот F1 и F2. Верхний предел поиска пятой форманты для женщин был принят 5500 Гц, для мужчин — 5000 Гц.

У сильно лабиализованного гласного заднего ряда [y] длина ротового резонатора является максимальной, что приводит к наименьшему значению его F2. Увеличение общей длины резонатора при уменьшении выходного отверстия гласного, или лабиализация, приводит к понижению всех формант, особенно второй, на которой вообще более заметны коартикуляционные эффекты [Кодзасов, Кривнова 2001: 128–130]. Это дает возможность оценить наличие и степень приобретенной лабиализации гласного на основании частот его основных формант. Понижение

двух первых (особенно второй) формант предударного гласного мы интерпретируем как эффект лабиализации.

Первая пара слов, призванная ответить на вопрос о самом наличии влияния, — *какáя/какúю*. Средние значения для F1 и F2 (Гц) в словах *какáя* и *какúю*, а также их «изменение» в позиции перед [ú] в сравнении с позицией перед [á] отражены в Таблице 1.

Таблица 1. Средние значения F1 и F2 предударного гласного: *какáя*, *какúю*

		<i>какáя</i>	<i>какúю</i>	<i>какúю</i> по сравнению с <i>какáя</i> ³
Мужчины	F1	538	517	меньше на 4% (21 Гц)
	F2	1406	1228	меньше на 13% (178 Гц)
Женщины	F1	591	592	примерно равны (больше на 1 Гц)
	F2	1557	1341	меньше на 14% (216 Гц)

В среднем первая форманта гласного [а] перед [ú] на 2% ниже, чем перед [á], а вторая форманта — на 13,5%. На графиках ниже (Рис. 1 и Рис. 2) каждая отметка соответствует одному произнесению какого-либо диктора. Значения (в герцах) первой форманты расположены на оси y, второй — на оси x, так что акустический каркас, внутри которого размещаются произнесения, примерно соответствует традиционному артикуляционному треугольнику (трапецоиду) гласных.

Рисунок 1. Значения F1 и F2 предударного гласного [а] в словах *какáя*, *какúю*. Дикторы — мужчины

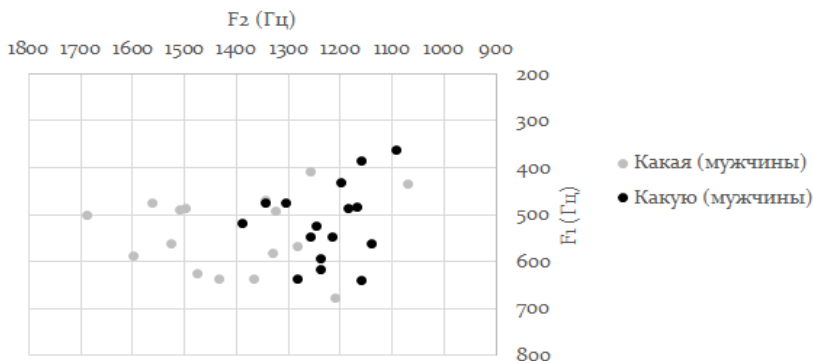
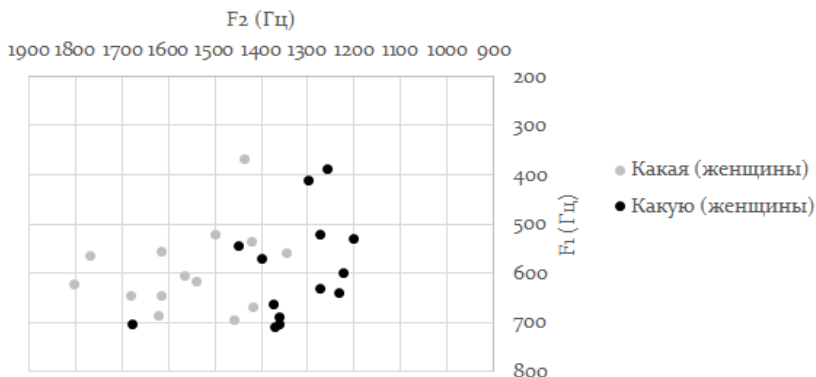

Рисунок 2. Значения F1 и F2 предударного гласного [a] в словах *кака́я*, *каку́ю*. Дикторы — женщины

На графиках видно, что облако значений формант, соответствующее [a] перед [ý], сдвинуто вправо и немного вверх, в сторону лабиализованных гласных среднего и заднего ряда.

Другой график («боксплот») более наглядно показывает распределение значений. Рисунок 3 отражает значения первой форманты гласного [a] перед [á] и перед [ý], Рисунок 4 — второй форманты. Центральные 50% значений, расположенные внутри прямоугольников, у первой форманты находятся примерно на одном уровне, а у второй, напротив, почти не пересекаются.

Рисунок 3. Значения F1 предударного гласного [a] в словах *кака́я*, *каку́ю*

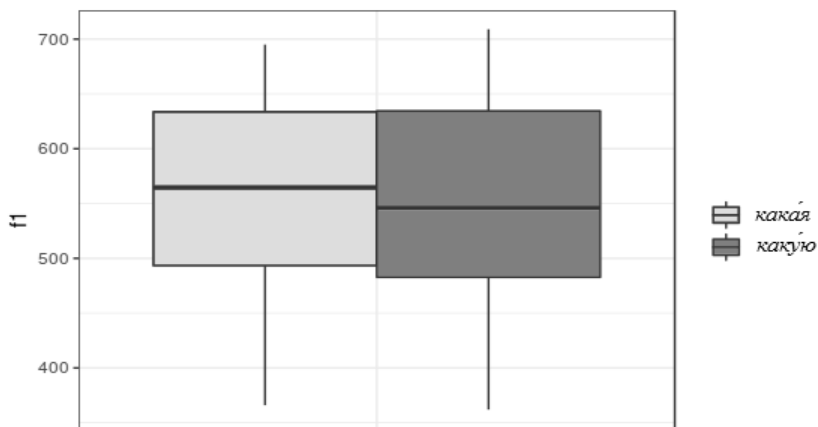

Рисунок 4. Значения F2 предударного гласного [a] в словах *какая́*, *какую́*

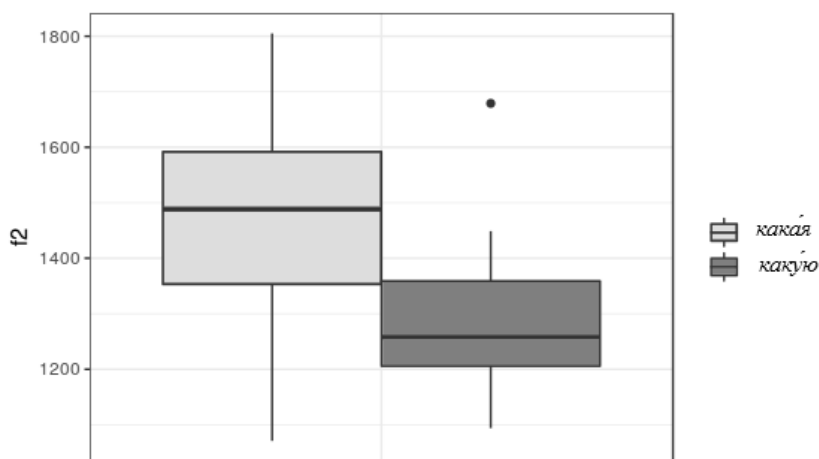
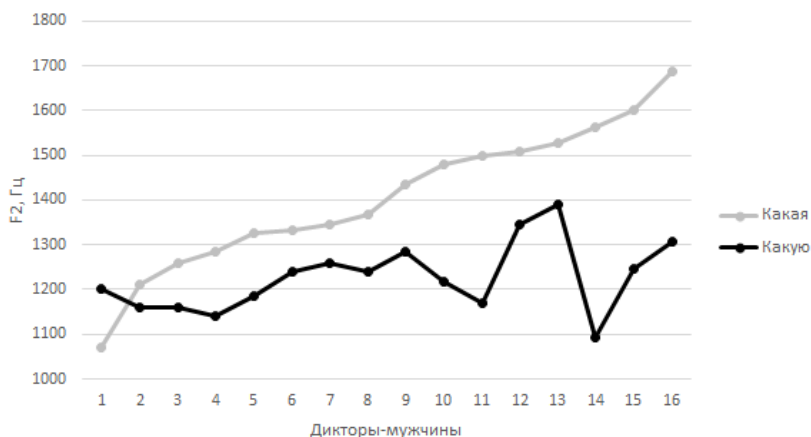

Рисунок 5. Значения F2 предударного гласного [a] в словах *какая́*, *какую́* для каждого из шестнадцати дикторов-мужчин

На Рисунке 5 показаны значения второй форманты для двух сравниваемых гласных попарно — можно видеть, что значения перед [á] почти у всех дикторов выше, чем перед [ý]. Тесты⁴

⁴ Статистические тесты, результаты которых приводятся в статье, проводились с использованием языка программирования R [R Core Team 2018] Г. А. Морозом.

(t-критерий для двух зависимых выборок) также показывают, что различие для второй форманты статистически значимо ($t = 8,3577851$, $df = 29$, $p\text{-value} = 3,267388e-09$). Для первой форманты различие незначимо — но ее значения вообще свойственно варьироваться в довольно узких пределах.

Считается, что степень лабиализации «дает лишь сравнительно незначительные изменения характера гласного» и «различие между соответствующими гласными малоощутимо на слух» [Зиндер 1979: 197]. Это тем более должно быть справедливо для русского языка, в котором гласный [о] является дифтонгоидом и после твердых согласных фактически произносится как [ʏо] [Князев, Пожарицкая 2011: 52], таким образом сближаясь в начале звучания с [у]. Тем не менее, разница в подъеме гласных [о] и [у] может влиять на вероятность и силу коартикуляционного воздействия этих гласных в позиции под ударением на предупредные гласные, поэтому в экспериментальный корпус была включена пара *какáя/какóе*. Средние значения формант представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Средние значения F1 и F2 предупредного гласного: *какáя, какóе*

		<i>какáя</i>	<i>какóе</i>	<i>какóе по сравнению с какáя</i>
Мужчины	F1	538	541	больше на 1% (3 Гц)
	F2	1406	1294	меньше на 8% (112 Гц)
Женщины	F1	591	604	больше на 2% (13 Гц)
	F2	1557	1396	меньше на 10% (161 Гц)

На графиках (Рисунок 6, Рисунок 7, Рисунок 8) видно различие, аналогичное тому, что наблюдалось выше с парой *какáя/какóю*, но выраженное несколько слабее. Значения F2 гласных в слоге перед лабиализованным в среднем на 9% ниже, чем перед нелабиализованным: значения перед [ó] охватывают почти вдвое меньший промежуток частот, чем перед [á], и если нижняя граница значений у этих двух групп гласных близка, верхняя граница для гласных перед [ó] расположена ниже. У 26 из 30 дикторов F2 перед [ó] ниже, чем перед [á]. Тесты (t-критерий для двух зависимых выборок) также показывают, что различие между значениями

второй форманты, в отличие от первой, статистически значимо ($t = 5,8852265$, $df = 29$, $p\text{-value} = 2,183264e-06$).

Рисунок 6. Значения F1 и F2 для предударного гласного [a] в словах *какая*, *какое*. Дикторы — мужчины

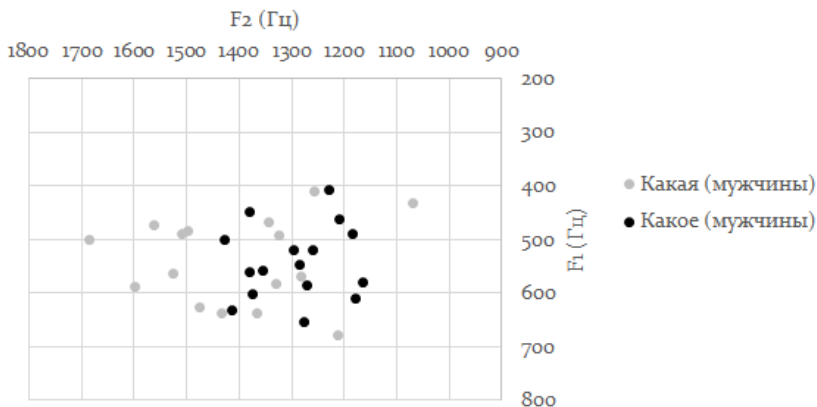

Рисунок 7. Значения F2 для предударного гласного [a] в словах *какая*, *какое*

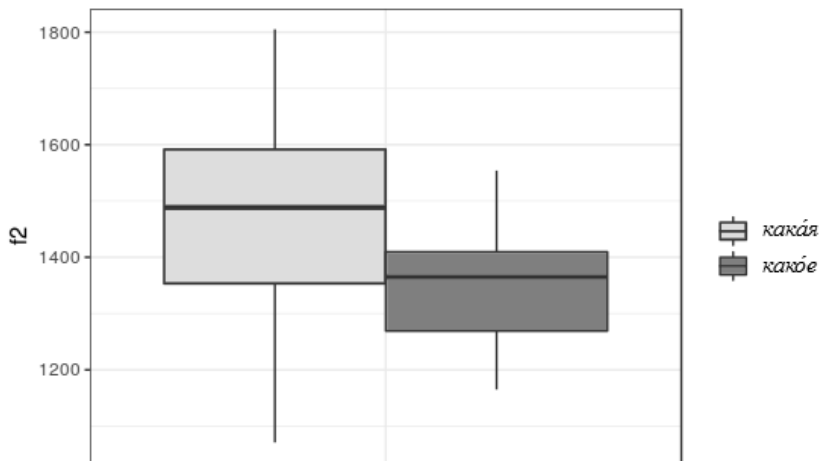
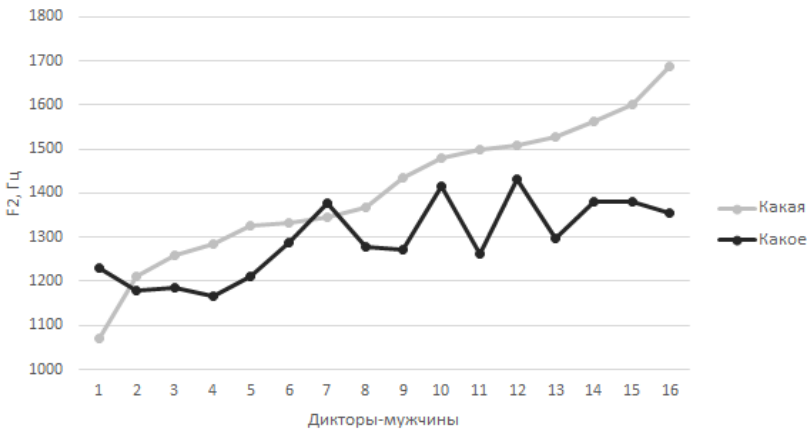

Рисунок 8. Значения F2 предударного гласного [а] в словах *какая*, *какое* для каждого из шестнадцати дикторов-мужчин

Результаты эксперимента позволяют сделать вывод о том, что коартикуляция предударного гласного лабиализованному ударному тем сильнее, чем более лабиализован этот гласный. Однако в русском языке лабиализованные гласные отличаются друг от друга не только по степени лабиализации, но и по признакам подъема и ряда. По этой причине в случае различий в степени артикуляционного влияния на предударный гласный затруднительно с уверенностью говорить о том, что именно является причиной этих различий — собственно лабиализация или что-либо другое.

Так или иначе, поскольку слова озвучивались дикторами изолированно и в спокойном темпе, можно говорить о том, что лабиализация ударного гласного оказывает дистактное влияние на качество предударного гласного не только на уровне оговорок и не только при определенном типе произношения, как считалось ранее. Более того, это касается не только гласных малой длительности — узких, но и гласных нижнего подъема.

Сравнение предударных гласных той же степени редукции, но относящихся к другому грамматическому слову, показало меньшую степень влияния ударного гласного на предударный. Значения обеих формант предударного гласного в сочетании *как устрицы* в среднем всего на 3,5% меньше, чем в сочетании *как Аня*. Тесты показывают, что для F2 это различие у 14 дикторов

статистически значимо ($t = 4,9342$; $df = 13$; $p\text{-value} = 0,000273$), у 13 из 14 дикторов перед лабиализованным гласным вторая форманта ниже.

В ходе эксперимента, предполагавшего озвучивание изолированных слов и сочетаний с печатного стимула, особенная трудность для дикторов заключалась в том, чтобы естественно и слитно произнести сочетания из нескольких слов. Наибольшие затруднения это вызвало в случае с сочетаниями *как Аня* и *как устрицы* — больше половины дикторов (17 из 30, то есть 57%) по крайней мере один раз произнесли сочетание *как Аня* с гортанной смычкой перед ударным гласным, а сочетание *как устрицы* — две трети дикторов (20 из 30, или 67%). В русском языке гортанная смычка [ʔ] встречается чаще всего в начале слова перед ударным гласным, если предшествующее слово заканчивается гласным, особенно если тем же, с которого начинается второе слово (*у нас была [ʔ] Аня*). В условиях изолированного произнесения, когда диктор невольно сосредоточивает все внимание на одном-двух словах и находится под сильным влиянием их графического облика, гортанная смычка может появляться и после согласного, как в сочетаниях *как Аня* и *как устрицы*. Гортанная смычка образует с предшествующим согласным [к] кластер, не позволяющий считать предударный слог открытым. По этой причине сочетания *как Аня* и *как устрицы*, произнесенные без гортанной смычки (с предударным открытым слогом) только 14 дикторами, рассматривались выше отдельно.

Исследовались также гласные в сочетаниях с другой слоговой структурой. Результаты измерений гласного в сочетаниях *как Гáля / как гусеницы* позволяют делать выводы о том, что в закрытом слоге гласный подвергается большему влиянию, чем в открытом. Если в паре *как Аня / как устрицы* вторая форманта понижалась в среднем на 3,5%, в паре *как Гáля / как гусеницы* — на 7% (понижение F2 у 30 дикторов статистически значимо; $t = 4,6358$; $df = 29$; $p\text{-value} = 6,973e-05$). Следующий вопрос заключается в том, что произойдет в случае дальнейшего увеличения длительности смычки — дальнейшее усиление влияния или, напротив, нивелирование его.

Гортанная смычка имеет большую длительность, чем ротовая, поэтому позиция перед [кʔ] в описанных выше произнесениях

как *Аня* и как *устрицы* может быть полезной для понимания того, какую роль играет длительность смычки в возможном влиянии ударного гласного на предупредный — усиливает влияние или блокирует его. Измерения дали следующие результаты. Средние значения второй форманты в позиции перед [кʔý] на 6% ниже, чем перед [кʔá]. Понижалась также и первая форманта — в среднем на 8%, что может означать большую закрытость такого гласного. Тем не менее, статистические тесты показывают, что для 13 дикторов (для них зафиксированы с гортанной смычкой и сочетание как *Аня*, и сочетание как *устрицы*) различия по обеим формантам статистически не значимы (для F1 $t = 1,3179$; $df = 12$; $p\text{-value} = 0,2121$; для F2 $t = 1,2759$; $df = 12$; $p\text{-value} = 0,2261$). Такие случаи еще предстоит изучить более подробно.

Результаты эксперимента на расширенном корпусе слов и сочетаний (см. Приложение) позволяют делать и другие выводы об относительном влиянии различных факторов на силу ассимилятивного воздействия. Так, в позиции после твердых зубных гласный изменяется сильнее, чем после твердых губных и шипящих, а в позиции после мягких шипящих и зубных — сильнее, чем после мягких губных. Присутствие во втором предупредном слоге лабиализованного гласного значительно способствует ассимилятивной лабиализации предупредного гласного. Позиция между одинаковыми согласными, по-видимому, сама по себе не является фактором, способствующим или препятствующим ассимилятивному воздействию; место и способ образования согласных более значимы. Эти и другие параметры, которые мы не имеем возможности подробно рассмотреть в рамках настоящей статьи, заслуживают отдельного изучения и статистической оценки.

4. Экспериментальные данные: бесермянский диалект удмуртского языка

Аналогичный эксперимент был проведен с использованием полевых экспедиционных записей на материале бесермянского диалекта удмуртского языка (пермская группа финно-угорской ветви языков).

Бесермяне живут на небольшой территории среди удмуртских, татарских и русских поселений на северо-западе Удмуртской республики [Тепляшина 1970: 5]; бесермянский диалект выде-

ляют наряду с северным и южным наречиями в особое третье наречие удмуртского языка [Кельмаков 1998: 43]. Все бесермяне владеют литературным удмуртским и русским языками; их собственный идиом письменности не имеет. Бесермянскому вокализму свойственна высокая вариативность, частично обусловленная удмуртско-бесермянским билингвизмом носителей, частично — собственными свойствами бесермянских фонем и позиций. В диалекте имеет высокую частотность нелабиализованный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема [ʌ], и было выдвинуто предположение, что этот гласный, как и русский предударный [a], будет иметь различное качество в зависимости от того, какой гласный присутствует в следующем ударном слоге.

Материал записывался в помещениях с минимальным (в полевых условиях) уровнем реверберации на портативный цифровой рекордер Zoom H2n с использованием встроенных микрофонов в формате .WAV (частота дискретизации 48 kHz, 16 разрядов), сегментировался вручную на основании соответствующей осциллограммы и спектрограммы, анализировался с помощью компьютерной программы Praat. Автоматически измерялась частота F1 и F2 на центральном участке каждого гласного; верхний предел поиска пятой форманты для женщин — 5500 Гц, для мужчин — 5000 Гц.

В экспериментальный корпус вошли четыре пары двусложных глагольных форм, различающихся между собой ударным гласным второго слога. Формы претерита содержат под ударением [i], формы футурума — [o]; в инициали первого слога губные, зубные и заднеязычные твердые согласные: *gariz*, *garoz* ('пахать'); *tabiz*, *taboz* ('подниматься'); *bariz*, *baroz* ('кончаться'); *pakiz*, *pakoz* ('подпирать'). Гласный [o] в бесермянском более закрытый, чем русский [o]. Участвовали шесть дикторов, трое мужчин и три женщины. Вторая форманта предударного гласного в указанных формах понижалась в среднем на 11,5%. Тесты показали статистическую значимость понижения второй форманты в положении после заднеязычного ($t = 4,8225303$; $df = 5$; $p\text{-value} = 4,787780e-03$), переднеязычного ($t = 3,3249634$; $df = 5$; $p\text{-value} = 2,089410e-02$) и звонкого губного ($t = 3,3030887$; $df = 5$; $p\text{-value} = 2,140258e-02$). Различия в частотах второй форманты в положении после [p] перед [k] не достигло порога значимости ($t = 0,9669581$; $df = 5$;

p-value = 3,779754e-01), хотя у пяти дикторов из шести значения F2 перед [o] ниже, чем перед [i].

Рисунок 9. Значения F1 и F2 для предударного гласного [ʌ] в словах *gariz* ('пахал, -а, -о'), *bariz* ('кончался, -ась, -ось'), *tabiz* ('поднимался, -ась, -ось'), *pakiz* ('подпирал, -а, -о') и *garoz* ('будет пахать'), *baroz* ('будет кончатся'), *taboz* ('будет подниматься'), *pakoz* ('будет подпирать')

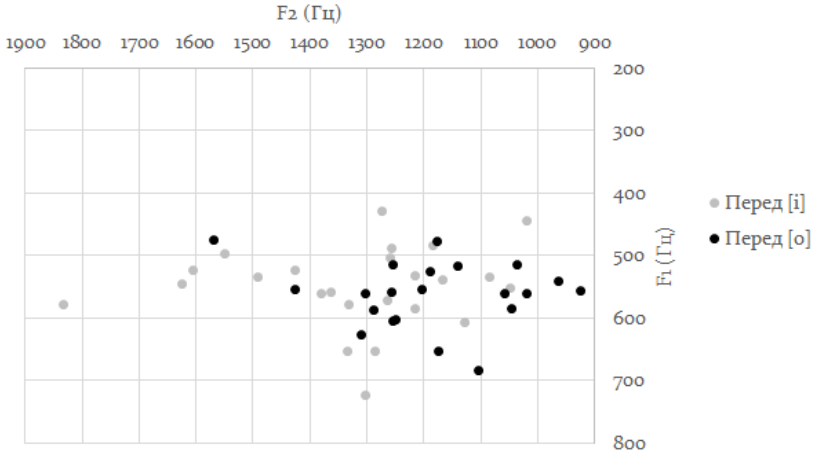

Рисунок 10. Значения F2 для предударного гласного [ʌ] в словах *gariz*, *bariz*, *tabiz*, *pakiz* и *garoz*, *baroz*, *taboz*, *pakoz*

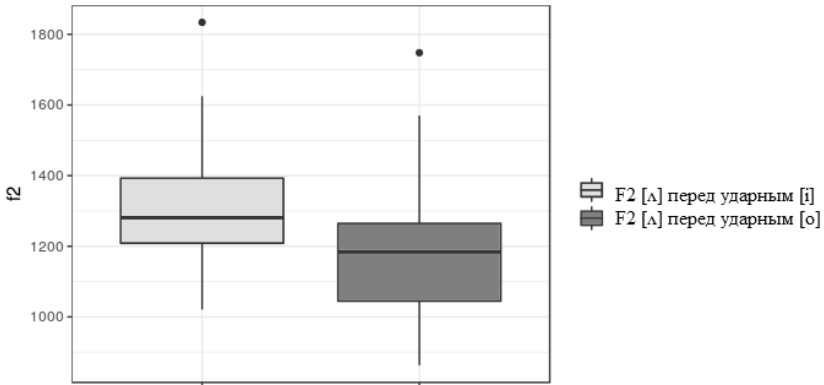
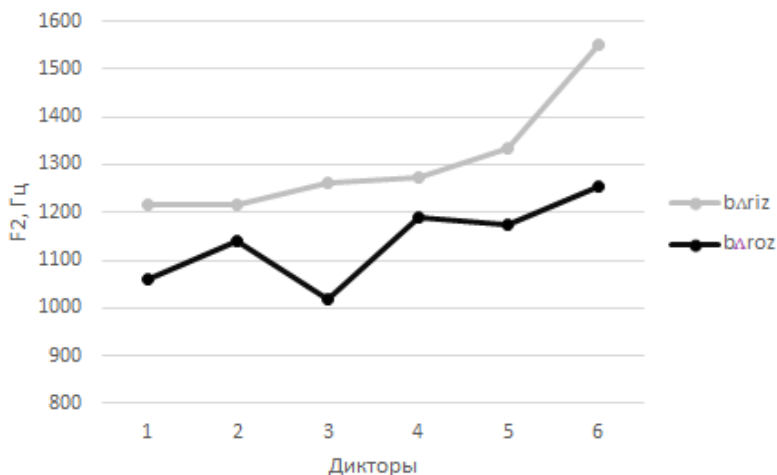

Рисунок 11. Значения F2 предударного гласного [л] в словах *bariz* и *baroz* для каждого из дикторов

5. Типологические параллели

Как показывают эксперименты на материале русского и бесермянского удмуртского, в этих языках имеет место некоторое уподобление предударного гласного ударному, обусловленное позицией. Насколько это перцептивно значимо, еще предстоит выяснить. Самые интересные вопросы заключаются как раз в том, как будет восприниматься такой частично лабиализованный звук изолированно или в измененном контексте, между согласными разного места и способа образования, в разных позициях относительно ударения, насколько должна быть ниже вторая форманта, чтобы звук начал восприниматься как лабиализованный — или же изменения одной второй форманты без участия третьей форманты или какого-либо другого параметра недостаточно. Так или иначе, в данном случае мы имеем дело с синхронной вариативностью, которая артикуляционно обусловлена⁵. В то же время,

⁵ Хотя и предполагается изменение звука на всей его протяженности и даже определенная степень осознанности такого изменения, в настоящей статье явление трактуется исключительно как фонетический процесс. Статус аналогичного явления во втором и третьем предударных слогах в русском языке был назван спорным в [Князев 2006: 74–75]:

как известно, практически для любой сколько-нибудь заметной синхронной вариативности возможно найти в том же или в другом языке соответствие среди чередований или изменений по ту сторону фонологизации. Это верно и для межслоговой ассимиляции гласных.

Если гласный звук дистактно воздействует на последующие гласные слова, так или иначе обуславливая их распределение, это гармония гласных; если влияние регрессивное, оно обыкновенно называется умлаутом. Упомянув фонетические системы с гармонией гласных, необходимо отметить одно важное их сходство с тем, что мы наблюдаем в русском языке. Результаты эксперимента, приведенные ранее, говорят о том, что при идентичном сегментном составе взаимовлияние гласных соседних слогов внутри грамматического слова гораздо сильнее, чем в случае, когда эти слоги относятся к разным грамматическим словам, даже если эти два грамматических слова фонетически объединены. Так устроена ассимиляция (в том числе и ассимилятивная лабиализация) гласных, например, в тюркских языках, в которых вокалическая гармония играет организующую роль, обеспечивая единство грамматического слова единообразной реализацией признака в корне и аффиксах [Lewis 2001: 54; Закиев и др. 1995: 76].

К нашему случаю имеет больше отношения регрессивная ассимиляция гласных, при которой влияние направлено от конца слова к его началу. Самым известным примером изменений такого рода является умлаут, имевший место в истории отдельных германских языков и диалектных групп и сохранившийся в морфологии современных германских языков. Чаще всего под умлаутом, или перегласовкой, понимается «ассимилятивное воздействие гласного суффикса на гласный корня» [Клейнер 2010: 134]. В зависимости от воздействующего гласного и распространяемого им признака выделяются так называемые палатальный, веллярный, лабиальный и лабиовеллярный умлауты [Ершова 1997: 62]. Так выглядит, к примеру, палатальный умлаут в современном немец-

уподобление редуцированного гласного последующему лабиализованному то ли является фонетическим изменением (процессом), то ли фонологическим чередованием (меной), то есть результатом действия правил. В [Князев 2001: 108] тот же автор склонен считать его скорее фонетическим изменением, результатом действия моторной программы.

ком и древневерхненемецком языках: *Mann* ‘мужчина’ — *Männer* ‘мужчины’, *Hof* ‘двор’ — *Höfe* ‘дворы’ (немецкий); *gast* ‘гость’ — *gesti* ‘гости’, *lamb* ‘ягненок’ — *lembir* ‘ягнята’ (древневерхненемецкий [Филичева 2003]). Лабиальный умлаут, ассимилятивная лабиализация корневого гласного под влиянием [u] или [w] следующего слога, распространен в скандинавских диалектах, а в западноскандинавских языках это изменение имело место дважды [Ершова 1997: 65]. В основном лабиализации подвергается [a]: *land* ‘страна’ — *lǫnd* (<*landu) ‘страны’; *kalla* ‘звать’ — *kǫllum* ‘мы зовем’, *a:r* ‘год’ — *ǫ:rum* ‘годам’, где *ǫ* обозначает открытый [ɔ] (древнеисландский язык, [там же]). В приведенных примерах из германских языков ударным является первый слог двусложной словоформы, а вызывает изменение второй безударный слог. Тем не менее, можно увидеть сходства между германским умлаутом и русской ассимилятивной лабиализацией в первом предударном слоге: в обоих случаях явление затрагивает два слога, один из которых ударный; в обоих случаях ассимиляция имеет регрессивный характер — гласный предшествующего слога уподобляется гласному последующего.

Тюркским языкам, как известно, свойственна прогрессивная ассимиляция гласных (вокалическая гармония). Исключение представляет уйгурский язык, в котором широко распространена регрессивная ассимиляция, затрагивающая в первую очередь ряд, но также и лабиализацию: *at* ‘лошадь’ — *eti* ‘его лошадь’, *oqi* ‘читать’ — *oqudum* ‘я читал’ [Садвакасов 1996]. Зафиксированы и случаи диахронического изменения, при котором чередование отсутствует в современном уйгурском языке, но выявляется при анализе соответствий в близкородственных языках: *beliq* ‘рыба’ (в других тюркских языках в первом слоге [a], а не [e]) [Наджиб 1960].

В германистике широко обсуждался вопрос о том, какой механизм обуславливает изменение гласного. Обобщим имеющиеся гипотезы применительно к признаку лабиализации. В соответствии с первой гипотезой, появившаяся под влиянием последующего гласного лабиализация согласного вызывает лабиализацию предшествующего гласного. Вторая гипотеза включает промежуточный этап — появление перед коартикуляционно лабиализованным согласным вставного лабиализованного гласного призвука, который затем ассимилирует предшествующий гласный. Ю. А. Клейнер

комментирует эти гипотезы следующим образом: они обе «направлены на то, чтобы... приблизить элемент, вызывающий умлаут, к элементу, на который он воздействует, то есть избавиться от проблем, возникающих в связи с (регрессивной) дистантной ассимиляцией» [Клейнер 2010: 138]. По мнению Ю. А. Клейнера, чем бы ни определялось это изменение, частичный переход фонетических свойств с одного слога на другой «предполагает наличие канала, по которому должен осуществиться этот переход», и регрессивная ассимиляция может иметь место «только в том случае, если взаимодействующие сегменты и соответственно слоги, которым они принадлежали, составляют единый комплекс». А в таком случае уже несущественно, появляется ли гласный призвук перед согласным, подвергается ли предварительно изменению согласный-посредник, потому что этот согласный также является частью этого комплекса [Клейнер 2010: 138–139].

Такое понимание, как кажется, подтверждают случаи, когда в тех языках, которым в целом свойственно какое-то одно направление ассимиляции, воздействие гласных соседних слогов может быть иногда направлено одновременно в обе стороны. Так, в халха-монгольском языке, которому свойственна последовательная гармония гласных⁶, то есть прогрессивная ассимиляция гласных, имели место также и регрессивные изменения гласного [i], который «очень часто» уподоблялся полностью или частично различным гласным последующего слога (так называемые «переломы»). Приведем примеры уподобления лабиализованному гласному: *n[i]xoxu > n[u]xoxu* ‘мять, месить, мешать’; *k[i]mʊson > x[u]mʊs* ‘когти, ногти’; *s[i]kur > /u]xxur* ‘зонт’ [Владимирцов 1929: 177–179]. Турецкое *öbür* ‘другой’ возводят к сочетанию *o* ‘он, тот’ и *bir* ‘один, кто-то’ — таким образом, двусторонняя ассимиляция произошла в пределах одного слова, первая часть которого уподобилась второй по ряду, а вторая первой — по лабиализации.

⁶ Традиционно халха-монгольская гармония гласных описывается как гармония по ряду [Владимирцов 1929; Яхонтова 1997], но современные инструментальные исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время имеет место гармония по признаку, который принято называть «продвинутым корнем языка» (“advanced tongue root”, ATR) [Svantesson et al. 2005: 7–8].

По приведенным выше примерам видно, что в некоторых случаях принципиальным оказывается не направление ассимиляции, а единство реализации признака в слове целиком. Подобное находим в ительменском языке (чукотско-камчатская семья либо изолят), в котором так называемая «корреляция лабиализации» выделяет отдельные морфемы, под воздействием которых вся словоформа произносится как лабиализованная (в транскрипции лабиализованная словоформа помечается знаком «^o» перед словом). Лабиализующими могут быть и корневые морфемы, и аффиксальные, признак может распространяться как от начала слова к концу его, так и в противоположном направлении: ^o*aʔasx* ‘гнездо’ + *ank* (локатив) > ^o*aʔasxank* ‘в гнезде’; *watʃ* ‘камень’ + ^o*pkʷul* (сингулятив) > ^o*wapʃkʷul* ‘отдельный камешек’ [Володин 1997]. Примечательно, что лабиализующая морфема может не содержать лабиализованного гласного, так же и лабиализованные гласные могут быть в нелабиализующих морфемах, а фонологически и фонетически лабиализованные и нелабиализованные гласные, подвергаясь действию обсуждаемого механизма, полностью меняют свое качество, как это происходит при сингармонизме, а продолжают различаться. Упомянутое явление в ительменском языке исследовано очень плохо, и не до конца ясно, имеет в данном случае место лабиализация, фарингализация или какой-либо другой признак. Тем не менее, описанное явление свидетельствует о том, что даже в системе, где лабиализация на сегментном уровне фонологична, она может иметь несколько большую, чем у других артикуляционных жестов, степень инертности и потому становиться характеристикой не одного, а нескольких сегментов.

И действительно, особенные свойства таких «инертных» признаков уже отмечались в исследованиях о механизмах фонетических изменений. Так, Джон Охала, говоря о гиперкоррекции восприятия, указывает на то, что ее порождают не любые признаки, а только те, которые оставляют следы на соседних сегментах: назализация, лабиализация, ретрофлексность, фарингализация, глоттализация. Эти признаки Охала называет «долгими», в противоположность «коротким» признакам, которым соответствуют акустические ключи только на одном сегменте, например, физическая звонкость [Ohala 1993: 254–255]. «Долгие» признаки

менее выделенные (“salient”), и когда они «сталкиваются» с короткими, перекрываясь по времени, имеет место эффект маскировки [Ohala 1993: 254–255]. В таком разделении акустических ключей/признаков Охала следует за [Stevens 1980], где впервые различительные признаки были разделены на «жесткие» и «менее жесткие» по схожему принципу.

6. Выводы

Выше были приведены примеры того, как два слога могут функционировать как единый комплекс в разных языках. Но и в русском языке ударный и первый предударный слоги по ряду параметров являются единым комплексом, получившим название «просодического ядра» [Kodzasov 1999]. В литературном языке ударный и предударный слоги отличаются от всех остальных количественно и качественно; тесная взаимосвязь обнаруживает себя и в диалектах. Так, при неполном оканье <o> и <a> различаются только в ударном и предударном слогах [Пожарицкая 2005: 47], а при диссимилятивном аканье качество предударного гласного зависит от качества ударного [Галинская 2009: 143].

На первый взгляд может показаться, что данные о значительных изменениях гласного в первом предударном слоге противоречат тому, что известно о свойствах просодического ядра русского слова, и, если предударные гласные ведут себя подобно редуцированным и последовательно теряют различительные свойства в ряде позиций, все наше понимание устройства русского фонетического слова нужно пересмотреть. В действительности же, если тот или иной признак имеет тенденцию распространяться на оба ядерных слога, это является лишь очередным подтверждением тесной связи между ними. По-видимому, лабиализация ударного гласного как раз и является таким признаком, и его влияние осуществляется независимо от общих правил взаимодействия сегментов в речи, как бы накладываясь на них.

С другой стороны, применительно к русскому языку неоднократно высказывались соображения о тенденции к «упрощению системы гласных, ведущему к повышению перцептивной нагрузки согласных» [Пауфошима 1980: 66] (также [Панов 1988: 50]). Тогда как часть гласных является относительно устойчивой, «создает вокалический стержень слова», «остальные... играют роль

«наполнителей» со стертой фонологической релевантностью» [Пауфошима 1980: 66], которые (в том числе первый предупредный слог) «не столько различают звуковые оболочки слов, сколько заполняют «пустоты» между согласными, оформляя собой слова по установившимся в русском языке звуковым моделям» [Аванесов 1956: 112–113]⁷. Возможно, явление, о котором идет речь в настоящей статье, является еще одним шагом на этом пути.

Литература

- Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1956. [R. I. Avanesov. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Phonetics of the modern Russian language]. М.: Vysshiaia shkola, 1956].
- Аванесов 2009 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Изд. 7-е. М.: URSS, 2009. [R. I. Avanesov. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian standard pronunciation]. Изд. 7-е. М.: URSS, 2009].
- Владимирцов 1929 — Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и хакасского наречия. Л.: Ленинградский Восточный институт имени А. С. Енукидзе, 1929. [B. Ia. Vladimirtsov. *Sravnitel'naia grammatika mongol'skogo pis'mennogo iazyka i khakasskogo narechiia* [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khakas dialect]. L.: Leningradskii Vostochnyi institut imeni A. S. Enukidze, 1929].
- Володин 1997 — А. П. Володин. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 60–71. [A. P. Volodin. *Itel'menskii iazyk* [The Itelmen language] // *Iazyki mira. Paleoaziatskie iazyki*. М.: Indrik, 1997. P. 60–71].
- Галинская 2009 — Е. А. Галинская. Историческая фонетика русского языка. М.: Издательство Московского университета, 2009. [E. A. Galinskaia. *Istoricheskaiia fonetika russkogo iazyka* [Historical phonetics of the Russian language]. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009].
- Ершова 1997 — И. А. Ершова. Введение в германскую филологию. Выпуск 1. Фонетика древнегерманских языков. М.: Диалог-МГУ, 1997. [I. A. Ershova. *Vvedenie v germanskuiu filologiiu. Vypusk 1. Fonetika drevnegermanskih iazykov* [Introduction to the Germanic

⁷ Таким образом, явление ассимилятивной лабиализации гласных первого предупредного слога, как и делабиализацию предупредного [y] и [ʔy], «можно поставить в один ряд с такими фонетическими фактами, как полная (до нуля) редукция безударных гласных или метатеза безударных гласных и сонантов» [Пауфошима 1980: 66].

- philology. Vol. 1. Phonetics of the Old-Germanic languages]. M.: Dialog-MGU, 1997].
- Закиев и др. 1995 — М. З. Закиев и др. Татарская грамматика в трех томах. Том 1 — Происхождение языка. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Основные понятия грамматики. Морфемика. Морфонология. Словообразование. Казань: Академия наук Татарстана; Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1995. [M. Z. Zakiev i dr. Tatarskaia grammatika v trekh tomakh [Tatar grammar in 3 volumes]. Tom 1 — Proiskhozhdenie iazyka. Fonetika. Fonologiiia. Prosodika. Grafika i orfografiia. Orfoepiia. Osnovnye poniatiiia grammatiki. Morfemika. Morfonologiiia. Slovoobrazovanie. Kazan': Akademiia nauk Tatarstana; Institut iazyka, literatury i istorii im. G. Ibragimova, 1995].
- Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [L. R. Zinder. Obshchaia fonetika [General phonetics]. M.: Vysshiaia shkola, 1979].
- Златоустова и др. 1997 — Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской. Общая и прикладная фонетика. М.: Издательство Московского университета, 1997. [L. V. Zlatoustova, R. K. Potapova, V. V. Potapov, V. N. Trunin-Donskoi. Obshchaia i prikladnaia fonetika [General and applied phonetics]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1997].
- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1998. [V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii [A brief course of the Udmurt dialectology]. Vvedenie. Fonetika. Morfologiia. Dialektnye teksty. Bibliografiia. Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1998].
- Клейнер 2010 — Ю. А. Клейнер. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. [Yu. A. Kleiner. Ocherki po obshchei i germanskoi prosodike [Issues in general and Germanic prosody]. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2010].
- Князев 1998 — С. В. Князев. Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. С. 56–58. [S. V. Kniazev. Foneticheskaia realizatsiia udareniiia v razlichnykh frazovykh pozitsiiax v sovremennom ruskom iazyke [Phonetic realization of the stress in various phrase positions in the modern Russian language] // Fonetika segodnia:

- aktual'nye problemy i universitetskoe преподаvanie. M.: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 1998. P. 56–58].
- Князев 2001 — С. В. Князев. Еще раз о соотношении фонетики и фонологии // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 5. 2001. С. 101–112. [S. V. Kniazev. Eshche raz o sootnoshenii fonetiki i fonologii [Once more about relation between phonetics and phonology] // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. № 5. 2001. P. 101–112].
- Князев 2006 — С. В. Князев. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М.: МАКС-пресс, 2006. [S. V. Kniazev. Struktura foneticheskogo slova v russkom iazyke: sinkhroniia i diakhroniia [Structure of the phonetic word in Russian: synchrony and diachrony]. M.: MAKS-press, 2006].
- Князев, Пожарицкая 2005 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М.: Академический проект, 2005. [S. V. Kniazev, S. K. Pozharitskaia. Sovremennyi russkii iazyk [The modern Russian language]. Fonetika, grafika, orfografiia, orfoepiia. M.: Akademicheskii proekt, 2005].
- Князев, Пожарицкая 2011 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М.: Академпроект, 2011. [S. V. Kniazev, S. K. Pozharitskaia. Sovremennyi russkii iazyk [The modern Russian language]. Fonetika, grafika, orfografiia, orfoepiia. M.: Akademproekt, 2011].
- Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. [S. V. Kodzasov, O. F. Krivnova. Obshchaia fonetika [General phonetics]. M.: RGGU, 2001].
- Кондратьев 1976 — В. Г. Кондратьев. Вводный фонетический курс турецкого языка. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, 1976. [V. G. Kondrat'ev. Vvodnyi foneticheskii kurs turetskogo iazyka [Introductory phonetic course of the Turkish language]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova, 1976].
- Кузнецов, Отт 1989 — В. Б. Кузнецов, В. А. Отт. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн: Валгус, 1989. [V. B. Kuznetsov, V. A. Ott. Avtomaticheskii sintez rechi. Algoritmy preobrazovaniia «bukva-zvuk» i upravlenie dlitel'nost'iu rechevykh segmentov [Automatic speech synthesis. Algorithms of the transformation “letter-sound” and control of the length of speech segments]. Tallinn: Valgus, 1989].
- Наджип 1960 — Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М.: Издательство восточной литературы, 1960. [E. N. Nadzhip. Sovremennyi

- uigurskii iazyk [The modern Uyghur language]. М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960].
- Панов 1967 — М. В. Панов. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. [M. V. Panov. Russkaia fonetika [Russian phonetics]. М.: Prosveshchenie, 1967].
- Панов 1988 — М. В. Панов. О причинах фонетических изменений // Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин (ред.). Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 41–55. [M. V. Panov. O prichinakh foneticheskikh izmenenii [On the reasons of the phonetic changes] // Yu. D. Desheriev, L. P. Krysin (eds.). Vliianie sotsial'nykh faktorov na funktsionirovanie i razvitie iazyka. М.: Nauka, 1988. P. 41–55].
- Пауфошима 1980 — Р. Ф. Пауфошима. Активные процессы в современном русском литературном языке: ассимилятивные изменения безударных гласных // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка 39(1), 1980. С. 61–68. [R. F. Paufoshima. Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom literaturnom iazyke: assimiliativnyye izmeneniia bezudarnykh glasnykh [Active processes in the modern Russian standard language: assimilative changes of unstressed vowels] // Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka 39(1), 1980. P. 61–68].
- Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М.: Академический проект, 2005. [S. K. Pozharitskaia. Russkaia dialektologiiia [Russian dialectology]. М.: Akademicheskii proekt, 2005].
- Реформатский 2008 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Под ред. В. А. Виноградова. Издание 5-е, исправленное. М.: Аспект-Пресс, 2008. [A. A. Reformatskii. Vvedenie v iazykovedenie [Introduction to linguistics]. Pod red. V. A. Vinogradova. Izdanie 5-e, ispravlennoe. М.: Aspekt-Press, 2008].
- Садвакасов 1996 — Г. С. Садвакасов. Уйгурский язык // Э. Р. Тенишев (ред.). Языки мира. Тюркские языки. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 437–449. [G. S. Sadvakasov. Uigurskii iazyk [The Uyghur language] // E. R. Tenishev (ed.). Iazyki mira. Tiurkskie iazyki. М.: Institut iazykoznaniiia RAN, 1996. P. 437–449].
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. [T. I. Tepliashina. Iazyk besermian [The language of the Besermians]. М.: Nauka, 1970].
- Филичева 2003 — Н. И. Филичева. История немецкого языка. М.: Академия, 2003. [N. I. Filicheva. Istoriiia nemetskogo iazyka [History of the German language]. М.: Akademiia, 2003].
- Яхонтова 1997 — Н. С. Яхонтова. Монгольские языки // В. М. Алпатов (ред.). Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-манчжурские

- языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 10–17. [N. S. Iakhontova. Mongol'skie iazyki [Mongolic languages] // V. M. Alpatov (ed.). Iazyki mira: Mongol'skie iazyki. Tunguso-manchzhurskie iazyki. Iaponskii iazyk. Koreiskii iazyk. M.: Izdatel'stvo «Indrik», 1997. P. 10–17].
- Boersma, Weenink 2018 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program], 2018. Версия 6.0.37, доступна по адресу: <http://www.praat.org/>.
- Kodzasov 1999 — S. V. Kodzasov. Russian // H. van der Hulst (ed.). Word Prosodic Systems in the Languages of Europe. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1999. P. 852–876.
- Lewis 2001 — G. Lewis. Turkish Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Ohala 1993 — J. J. Ohala. The phonetics of sound change // C. Jones (ed.). Historical linguistics: Problems and perspectives. London — New York: Longman, 1993. P. 237–278
- R Core Team 2018 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. Электронный ресурс. Доступно по адресу: <https://www.R-project.org/>. 2018.
- Stevens 1980 — K. N. Stevens. Discussion // Proceedings, Ninth International Congress of Phonetic Sciences, Vol. 3. Copenhagen: Institute of Phonetics, University of Copenhagen, 1980. P. 185–186.
- Svantesson et al. 2005 — J.-O. Svantesson, A. Tsendina, A. Karlsson, V. Franzén. The Phonology of Mongolian. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Приложение
Экспериментальные стимулы

Русский язык (литературный)

перед нелабиализованным	перед лабиализованным
основной корпус	
<i>какая</i>	<i>какое</i>
<i>какая</i>	<i>какую</i>
<i>как Аня (смеется)</i>	<i>как устрицы (выглядят)</i>
<i>как Галя (смеется)</i>	<i>как гусеница (ползет)</i>
расширенный корпус	
<i>пекарня</i>	<i>пеку (пирог)</i>
<i>цикады</i>	<i>цикута</i>
<i>чека</i>	<i>чекушка</i>
<i>тягач</i>	<i>тягучий</i>
<i>в стогах (сена)</i>	<i>в стогу (сена)</i>
<i>зажигание</i>	<i>жигуль</i>
<i>утекать</i>	<i>утеку</i>
<i>тетеря</i>	<i>тетерка</i>
<i>по Кате (ползет паук)</i>	<i>покуда</i>
<i>пиастр</i>	<i>пион</i>
<i>Каур</i>	<i>каурка</i>
<i>как Ира (смеется)</i>	<i>как устрицы (выглядят)</i>
<i>дай-ка Кате (подзатыльник)</i>	<i>дай-ка кошке (молока)</i>
<i>дай-ка Кате (подзатыльник)</i>	<i>дай-ка курице (зерна)</i>

Удмуртский язык (бесермянский диалект)

инфинитив (не предъявлялся)	перевод	претерит	футурум
<i>gagla</i>	пахать	<i>gariz</i>	<i>groz</i>
<i>tabla</i>	подниматься	<i>tabiz</i>	<i>taboz</i>
<i>bagla</i>	кончиться	<i>bariz</i>	<i>baroz</i>
<i>pakla</i>	подпирать	<i>pakiz</i>	<i>pakoz</i>

Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, М. А. Сидорова

*ИРЯ им. В. В. Виноградова — ТГУ, Москва — Томск,
МГУ — ИЯз РАН, Москва, МГУ — ИЯз РАН, Москва*

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ПОЛЕ ЗАКРЫВАНИЯ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ‘ОТКРЫТЬ’ И ‘ЗАКРЫТЬ’)¹

1. Введение

Данная статья посвящена пилотному типологическому исследованию семантики глаголов, описывающих ситуации закрывания (ср. рус. *закрыть, запереть, заткнуть, заслонить, накрыть*) и открывания (ср. рус. *открыть, отпереть, распахнуть*). Первая из этих зон включает глаголы, описывающие прекращение доступа к статичному объекту путем создания преграды, вторая — глаголы, описывающие создание доступа к статичному объекту путем устранения преграды². В первую очередь мы обсудим глаголы закрывания, а затем сопоставим с выявленными закономерностями то, как устроена зона глаголов открывания. Следует сразу же оговорить, что семантическая зона закрывания может, в зависимости от морфологических свойств конкретного языка, включать много производных единиц, описывающих закрывание как результат действия, обозначаемого исходным (или другим однокоренным) глаголом. Так, для русского языка в [Кузнецова,

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Оговорим, что в данном случае имеется в виду общая схема ситуации и взаимодействия ее участников, которая для различных глаголов и в различных ситуациях может усложняться теми или иными прагматическими приращениями (например, идеей создания комфорта в ситуации ‘накрыть одеялом’, отдыха / сна / какого-л. зрительного дискомфорта в ситуации ‘закрыть глаза’ и т. п.). Подробнее о такого рода схемах см., например, [Fillmore 1976] и основанный на таком подходе ресурс FrameNet, [Langacker 2013: 32–35] и мн. др.

Ефремова 1986: 483–490] приводятся глаголы *забить*, *завалить*, *заварить*, *завесить*, *заклеить*, *заколотить*, *залепить*, *заложить*, *застелить*, *заштукатурить* и некоторые другие, семантика которых может быть описана по регулярной схеме и зависит во многом от семантики исходной единицы (или других элементов словообразовательного гнезда, часто также приставочных). Например, в МАС глагол *завесить* истолкован как ‘закрыть, повесив что-л.’, а глагол *забить* — как ‘закрыть наглухо (отверстие, ход и т. п.), прибив доски, щиты и т. п.’. Поэтому в настоящем исследовании мы приняли решение ограничить объем материала и не рассматривать подобного рода композиционные деривационные модели, сосредоточившись на глаголах с базовой семантикой закрывания и открывания³. Кроме того, в настоящей статье не обсуждаются метафорические расширения рассматриваемых глаголов (ср. *закрыть конференцию*, *открыть Америку*).

Наша работа следует фреймовому подходу к лексической типологии. Его суть состоит в выделении типологически релевантных классов ситуаций (в терминологии подхода — фреймов) на основе анализа сочетаемости лексических единиц. Так, например, для лексем со значением ‘острый’ (см. детальный анализ в [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012]) выделяется три ключевых класса ситуаций — (1) артефакты с функциональным острым лезвием (в тех случаях, когда целевая лексема сочетается с существительными ‘нож’, ‘топор’, ‘бритва’, ‘пила’ и пр.), (2) артефакты с функциональным острым кончиком (лексема ‘острый’ сочетается здесь с существительными ‘игла’, ‘гвоздь’, ‘копье’ и пр.), (3) объекты заостренной формы (не колющие и не режущие — ‘нос’, ‘подбородок’, ‘колпак’, ‘верхушка дерева’ и т. п.). За каждым из этих классов ситуаций, как видно из приведенного примера, может стоять группа лексических единиц, с которыми сочетаются единицы рассматриваемого поля и которые имеют некоторый общий семантический признак. Существенно, кроме того, что выделение фреймов производится на типологических эмпирических

³ С другой стороны, например, русский глагол *заткнуть* было бы некорректно истолковать как ‘закрыть X, ткнув в X Y-ом’, поскольку эта лексема не предполагает указанного в данном толковании ограничения на способ действия. Поэтому глагол *заткнуть* включен в рассмотрение в нашей работе.

основаниях: хотя бы в одном языке выборки два фрейма должны противопоставляться лексически (допустим, для приведенного выше примера должен быть — и такие примеры обнаруживаются в ходе типологического исследования — хотя бы один язык, в котором есть особая лексема для артефактов с функциональным острым лезвием, или для артефактов с функциональным острым кончиком, или для объектов заостренной формы). Более подробную информацию об описанном подходе можно найти в [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Рахилина, Резникова 2013; Rakhilina, Reznikova 2016].

Текущая выборка включает шесть языков: русский, польский, шведский, горномарийский (говор с. Кузнецово), коми (ижемский диалект, говоры Шурышкарского района ЯНАО), хантыйский (шурышкарский диалект, а также переходный между казымским и шурышкарским диалектами тегинский говор)⁴. На данном этапе в набор исследуемых языков был включен русский язык как родной для авторов проекта, два других индоевропейских языка (в т. ч. близкородственный русскому польский), а также три языка другой семьи — уральской — по которым в нашем распоряжении имелись подробные полевые данные, в случае типологического исследования лексики более надежные, чем данные из вторичных источников. Несомненно, в будущем такая выборка требует расширения, однако на первом шаге проекта она позволяет выявить базовые закономерности, которые целесообразно заложить в типологическую анкету⁵. Основным методом сбора данных послужила работа с носителями языка по анкетам, нацеленным на выявление сочетаемости лексем⁶. Учитывались также материалы доступных словарей и данные общедоступных онлайн-корпусов для тех языков, для которых они существуют (НКРЯ для русского языка, НКЯР для польского, Когр и Кагр для шведского⁷).

⁴ Данные горномарийского языка детально обсуждаются в [Кашкин 2017a], данные хантыйского языка — в [Кашкин 2017b].

⁵ Более подробно об особенностях и проблемах формирования выборок в лексической типологии см. [Рахилина, Прокофьева 2004; Кашкин 2013: 281–298; Рахилина, Резникова 2013: 8–9].

⁶ Примеры, не сопровождаемые эксплицитным указанием источника, получены от информантов.

⁷ Ссылки на все корпуса, по которым доступна в т. ч. информация об их наполнении, можно найти в Библиографии.

Для каждого из языков выборки, не являющихся родными для авторов, было опрошено от 3 до 15 носителей. Для польского и шведского языков, по которым доступна репрезентативная корпусная статистика и детальные словари, число информантов было меньшим. Для трех уральских языков народов РФ опрашивалось большее количество информантов, поскольку по этим языкам доступно существенно меньше лексикографических данных и не имеется корпусов адекватного для нас объема. Уровень образования и возраст информантов были различными, за исключением ижемского диалекта коми языка и хантыйского языка, при работе с которыми опрашивались преимущественно пожилые носители в силу интенсивной утраты этих идиом молодым и средним поколениями. Для русского языка полное анкетирование не проводилось, но в тех случаях, которые были неочевидны авторам из собственной языковой компетенции, словарей и Национального корпуса русского языка, проводились онлайн-опросы других носителей языка (в них участвовало более 50 респондентов).

Типологических исследований рассматриваемых глаголов ранее не проводилось, имеются лишь отдельные сведения о глаголах с семантикой открывания в [Bowerman, Choi 2001; Bowerman 2005]. Разработка этих семантических зон, однако, важна для теоретического развития лексической типологии. Большинство предыдущих типологических исследований лексики затрагивали ситуации с малым количеством базовых участников. Это касается всех исследований признаковой лексики (ср. [Koptjevskaja-Tamm (ed.) 2015] о температурных выражениях или [Кашкин 2013] об обозначениях фактуры поверхностей): типология таких зон в большинстве случаев сводится к исчислению семантического варьирования определяемого имени (например, разных типов поверхностей, характеризующихся прилагательными типа 'гладкий' и 'ровный'). То же верно и для некоторых исследований глагольных полей, где рассматривается варьирование 1–2 аргументов, ср. субъект и ориентир для глаголов вращения [Круглякова 2010], субъект и место для глаголов позиции [Кожемякина и др. 2014], источник звука для глаголов звука [Резникова и др. (ред.) 2015]. Многие глагольные поля, напротив, имеют достаточно разветвленную аргументную структуру, пока, однако, не исследованную типологами подробно (ср., например, достаточно упрощенную типологию гла-

голов разделения объекта в [Majid et al. 2007]). Что касается рассматриваемых нами глаголов, то инвентарь их аргументов оказывается очень богатым: помимо субъекта ('Мама закрыла дверь', 'Дерево заслоняет дом') и объекта ('закрыть дверь'), это закрываемое пространство ('закрыть комнату'), инструмент ('закрыть дверь на замок'), а также тип доступа к закрываемому пространству и тип участника, осуществляющего доступ (ср. 'закрыть комнату от посторонних' — перемещение и 'заслонять вход от взглядов прохожих' — зрительное восприятие). Кроме того, аргументы могут находиться в разных отношениях, ср. контактное и дистантное расположение закрываемого пространства и инструмента ('плакать и] закрыть лицо руками' vs. 'закрыть лицо руками [от летящего мячика]'). Наконец, в разных типах ситуаций набор аргументов глагола может быть разным, ср. инструментального участника в примерах типа 'закрыть дверь на замок' и его онтологическую невозможность в примерах типа 'зажмурить глаза'. Тем самым, глаголы закрывания и открывания представляют эмпирический материал для понимания того, как взаимодействуют в семантике отдельной лексемы и в типологической перспективе характеристики многих участников ситуации. Изучение именно этих глаголов может стать отправной точкой для совершенствования подходов к типологическому анализу других семантических зон с разветвленной структурой участников.

Далее мы перейдем к обсуждению нашего материала. Поскольку количество рассмотренных нами языков пока что не очень велико, полученные обобщения не имеют статуса предсказаний об ограничениях на межъязыковое варьирование (к чему в конечном счете должна стремиться любая типология), но имеют статус указания на те параметры варьирования, которые, как видно из уже имеющихся эмпирических данных, должны проверяться при дальнейших типологических исследованиях глаголов закрывания и открывания.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 приводится классификация фреймов закрывания. В разделе 3 обсуждается семантическая зона открывания с фокусом на отличиях в ее устройстве от зоны закрывания. Раздел 4 содержит основные итоги.

2. Семантическая зона закрывания

2.1. Преграда в строении

Важным фреймом для глаголов закрывания в обследованных языках является фрейм **создания преграды в строении** (например, закрывания двери или окна). Помимо тривиальных случаев употребления в нем доминантных глаголов⁸ (ср. хотя бы русское *закрывать*), в разных языках фиксируются глаголы, связанные только с этим фреймом, но одновременно накладывающие на тип ситуации более специфичные ограничения. Во-первых, многие глаголы предполагают наличие в ситуации данного типа **Инструмента — запирающего устройства**, ср., например, русский глагол *запереть*, истолкованный в МАС как ‘закрыть на ключ, на замок и т. п.; замкнуть’⁹, или глагол *томнооны* в ижемском коми (последний произведен от существительного *томан* ‘замок’). В хантыйском языке закрывание двери может быть описано глаголом *tūxər̄ti* либо глаголом *pentti*: первый из этих глаголов применим только к ситуациям, в которых используется запирающее устройство, тогда как второй, напротив, невозможен в таких ситуациях (1) и используется, например, в том случае, если человек зашел в комнату и закрыл за собой дверь, не заперев ее на замок.

- ХАНТЫЙСКИЙ
- (1) *ta əw-em kāt toman-na lǎp*
 я дверь-POSS1SG два замок-LOC ЗАКРЫТИЕ
*tūxər-l-em / *lǎp*
 закрыть-NPST-1SG.S:SG.O ЗАКРЫТИЕ
pen-l-em
 закрыть-NPST-1SG.S:SG.O
 ‘Я закрываю дверь на два замка’¹⁰.

⁸ Под доминантными здесь и далее вслед за [Круглякова 2010; Рахилина, Резникова 2013] понимаются лексемы, описывающие все или большинство фреймов рассматриваемой зоны.

⁹ Данный глагол, а также некоторые его аналоги в других языках, может иметь в качестве прямого объекта и само наименование запирающего устройства, ср. *запереть замок*.

¹⁰ В хантыйском языке развита богатая система превербов, среди которых есть и преверб *lǎp*, истолкованный в [Соловар 2014: 139] как «префикс со значением замкнутости действия». Он используется как в

Еще одна возможность типологического варьирования фреймов преграды в строении состоит в том, что глаголы могут различаться не аргументной структурой, а параметром, который можно было бы обозначить как «плотность закрывания», или степень доступности закрываемого пространства для перемещения в него. Так, оба центральных горномарийских глагола закрывания — *čüčäš* и *pitäräš* — совместимы с эксплицитным указанием Инструмента (2) — ср. с хантыйским примером (1), где глагол *pentti* в принципе не имеет в аргументной структуре инструментального участника.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (2) *män' amasa-m kok sravač don pitär-en-üm /*
 я дверь-ACC два замок с закрыть-PRET-1SG
čüč-än-üm
 закрыть-PRET-1SG
 'Я закрыл дверь на два замка'.

По отношению к примеру (2) носители горномарийского языка затруднились однозначно сформулировать различие глаголов *čüčäš* и *pitäräš*. Вместе с тем это различие хорошо видно при их употреблении в нужном контексте, ср. примеры (3) и (4). Пример (3) описывает закрывание (например, с помощью какой-л. подпорки), результатом которого становится невозможность доступа перемещающегося участника в закрываемое пространство, и в этом случае уместен в первую очередь глагол *pitäräš*. Прототипом для глагола *čüčäš* являются, в свою очередь, ситуации типа (4), где возможна отмена результата закрывания перемещающимся

сочетании с глаголами способа, ср. *läp jontti* 'зашить' (*jontti* — 'шить'), *läp norätti* 'закрыть, придавить' (*norätti* — 'давить') [там же], так и с глаголами, имеющими базовую семантику закрывания, см. (1). Четких лексико-семантических или аспектуальных различий между теми случаями, когда глагол закрывания используется с провербом и без него, нами не выявлено. Кроме того, в этой точке есть идиолектные различия: одни информанты более свободно допускают употребление глагола закрывания без проверба, тогда как другие признают такие контексты неприемлемыми либо менее приемлемыми. В статье мы приводим первые реакции информантов на стимулы анкеты и симметричные им в плане наличия/отсутствия проверба необходимые примеры «под звездочкой».

участником. Это различие не равносильно различию в аргументной структуре в хантыйском примере (1), поскольку ситуация в (4) совершенно не исключает наличия запирающего устройства (например, щеколды на воротах, которую можно, однако, открыть снаружи). Оппозиция по плотности закрывания между глаголами *čüčäš* и *pitäräš*, проиллюстрированная в (3) и (4), сохраняется и в других их употреблениях, о которых пойдет речь в разделах 2.2, 2.6.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (3) *män' kapka-m pitär-äš-äm, äräkä*
 я ворота-ACC закрыть-AOR-1SG алкоголь
jü-šä-vlä pâr-en änzä-štä kerd-ep
 пить-PTCP.ACT-PL войти-CVB NEG.JUSS-3PL мочь-3PL
 'Я закрыла ворота, чтобы пьяные не могли зайти'.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (4) *kapka-m čüč-äm gän', äräkä*
 ворота-ACC закрыть-AOR.1SG если алкоголь
jü-šä pâr-en kerd-eš
 пить-PTCP.ACT войти-CVB мочь-NPST.3SG
 'Если я просто прикрою ворота, пьяный сможет зайти'.

Отдельного исследования требует вопрос о наборе интерпретаций доминантных глаголов закрывания в сочетании с названиями частей строений. Например, в русском языке контекст *дом с заколоченными окнами* предполагает наличие преграды определенного типа на окнах дома. Этот тип преграды не может, однако, обозначаться доминантным глаголом. Так, выражение *дом с закрытыми окнами* неприменимо к ситуации, когда окна дома заколотили досками. Примеров использования доминантного глагола по отношению к заколоченным окнам (и другим частям строения с подобной преградой) нами пока не выявлено, но для типологической анкеты проверка таких потенциальных зон конкуренции, несомненно, релевантна.

Фрейм создания преграды в строении регулярно развивает **метонимические конструкции**, когда объектом становится не название преграды, а название закрываемого пространства (ср. рус. *закрыть дом*) либо обозначение референта, находящегося в закрываемом пространстве (ср. *закрыть мальчика в доме*). На семантический класс такого референта могут налагаться ограничения.

Так, в горномарийском языке он должен быть одушевленным, ср. (5), где глаголы закрывания могут употребляться, и пример (6), в котором при неодушевленном объекте использование глагола закрывания невозможно. Последний пример многие носители сопровождают прямыми комментариями типа «мешок никуда сам не уйдет, поэтому так сказать нельзя».

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (5) *mән' pi-m komnat-eš pitär-en-äm /*
 я собака-ACC комната-LAT закрыть-PRET-1SG
čüč-ән-äm
 закрыть-PRET-1SG
 'Я закрыл собаку в комнате'.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (6) *mән' mešäk-әм komnat-eš kod-en-äm /*
 я мешок-ACC комната-LAT оставить-PRET-1SG
**pitär-en-äm / *čüč-ән-äm*
 закрыть-PRET-1SG закрыть-PRET-1SG
 'Я оставил мешок в комнате'.

Наличие ограничений, подобных проиллюстрированным в (5) и (6), является, по-видимому, предметом межъязыкового варьирования. Так, для русских глаголов закрывания неодушевленный объект в примерах такого типа не запрещен, см. как примеры (7)–(8), приводимые в МАС и, очевидно, признаваемые тем самым литературной нормой, так и современные примеры (9)–(10), найденные в поисковой системе Google. Более частотным в таких случаях оказывается, тем не менее, одушевленный объект, находящийся в закрываемом пространстве, ср. в релевантной выдаче НКРЯ на запрос «*запереть* + существительное + *в*» 89 контекстов (75%) с одушевленным объектом и 29 контекстов (25 %) с неодушевленным объектом.

РУССКИЙ

- (7) *Николай Артемьевич запер фермуар в бюро.*
 [Тургенев, Накануне]

РУССКИЙ

- (8) *После обеда Олечка унесла альбом к себе в комнату и заперла его в стол.*
 [Чехов, Альбом]

- РУССКИЙ
(9) *Наконец подошел троллейбус, и, приехав домой, я сразу **запер** деньги в ящик письменного стола...* [Google]

- РУССКИЙ
(10) *Но, тем не менее, муж страшно психанул, **закрыл** телевизор в кладовке под замок с шифром и стал его вынимать только для просмотра футбола.* [Google]

На основе примеров, подобных (5)–(10), в некоторых языках развиваются дальнейшие семантические сдвиги глаголов закрывания, связанные с ограничением свободного перемещения одушевленного объекта. Так, польский глагол *zamknąć* ‘закрывать’ может использоваться в значении ‘арестовать кого-л.’ (11). Похожий сдвиг наблюдается и в употреблении русского глагола *закрыть*, подобных представленному в (12).

- ПОЛЬСКИЙ
(11) *Niedługo późn-iej na miejsc-u*
вскоре поздно-СМРР на место-ЛОС.СГ
pojawi-t-a się policja
появиться-ПСТ-3СГ.Ф DETR полиция
i zamknę-t-a przestępc-ów.
и закрыть-ПСТ-3СГ.Ф преступник-АСС.ПЛ
‘Немногим позже на место прибыла полиция и арестовала преступников’. [NKJP]

- РУССКИЙ
(12) *Екатеринбургского покемонофила **закрыли** в СИЗО.* [Google]

2.2. Барьер для передвижения

Следующий фрейм в семантическом поле закрывания — создание **барьера для передвижения** (одушевленного субъекта, транспортного средства, какой-либо субстанции). В русском языке в таких контекстах, наряду с доминантным глаголом *закрыть*, используется глагол *перекрыть*, см. приводимое в МАС толкование ‘сделать где-л., в чем-л. преграду; закрыть для движения, продвижения (дорогу, путь и т. д.); остановить течение, движение чего-л. при помощи какой-л. преграды’ и примеры *перекрыть*

трубы, перекрыть русло реки, перекрыть дороги, перекрыть воду, перекрыть газ.

В горномарийском языке в этой зоне сохраняется противопоставление по «плотности» закрывания, уже обсуждавшееся выше в связи с преградами в строении (см. раздел 2.1). Глагол *pitäräš*, описывающий более значительную «плотность», используется в примерах типа (13), обозначающих существенный барьер для передвижения, связанный в данном случае с нарушением нормального функционирования механизма. Глагол *čüčäš*, в свою очередь, характеризует легко устранимый барьер (14), в данном случае находящийся в рамках нормального функционирования механизма.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (13) *sant'exn'ik tol-ân kran-âm pitär-en /*
 сантехник прийти-PRET кран-ACC закрыть-PRET
ʔčüč-ân
 закрыть-PRET
 ‘Сантехник пришел и перекрыл кран’.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (14) *čüč / ʔpitärä kran-âm takeš väd*
 закрыть.IMP закрыть.IMP кран-ACC зря вода
änžä jogä
 NEG.JUSS течь
 ‘Закрой кран, чтобы вода зря не лилась’.

2.3. Блокировка восприятия функциональной части и изменение формы

Еще один фрейм зоны закрывания — **блокировка визуального восприятия функциональной части** предмета (т. е. той части предмета, которая в первую очередь обеспечивает его функционирование по назначению). По нашим данным, особым образом в таких случаях может описываться поверхность книги или газеты, на которой расположен основной предназначенный к прочтению текст (и которая в силу этого является функциональной частью книги или газеты). С другой стороны, блокировка восприятия функциональной части одновременно предполагает иной по сравнению, например, с закрытием двери тип воздействия на объект — а именно, складывание одной части объекта с

другой, при котором либо обе части движутся друг на друга, либо одна часть получает упор, а вторая движется на нее.

В шведском языке в ситуации закрывания книги невозможно использование доминантного глагола *stänga*, покрывающего абсолютное большинство ситуаций закрывания. Вместо этого, как показано в (15), используется фразовый глагол *slå upp*, буквально означающий ‘ударить вверх’ и описывающий также складывание стула, палатки и т. п. предметов. Интересно, вместе с тем, что доминантный шведский глагол открывания *öppna* по отношению к книге применяется (16). Подробнее о сопоставлении глаголов закрывания и открывания в целом см. раздел 3.

- ШВЕДСКИЙ
 (15) *Han slog upp / ??stäng-de bok-en.*
 он ударить.PST вверх закрыть-PST книга-DEF.COM
 ‘Он закрыл книгу’.

- ШВЕДСКИЙ
 (16) *Han öppna-de bok-en.*
 он открыть-PST книга-DEF.COM
 ‘Он открыл книгу’.

В хантыйском языке закрывание книги и других подобных объектов описывается, как правило, сочетанием *lär ponti*, состоящим из преверба с семантикой закрывания (см. о нем в разделе 2.1) и глагола со значением ‘класть’ (17). Это же сочетание, аналогично приведенному выше шведскому примеру, описывает изменение формы складных предметов, как перочинный нож или складной стул, ср. (18).

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (17) *ewi-je luŋət-ti nepək-ət*
 девочка-DIM читать-IPFV.PART бумага-POSS.3SG
lär pon-əs
 ЗАКРЫТИЕ класть-PST
 ‘Девочка закрыла книгу (букв.: бумагу для чтения)’.

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (18) *keše-n lăr pon-i*
 нож-POSS.2SG ЗАКРЫТИЕ класть-IMP
 ‘Сложи свой нож’.

В целом ситуация воздействия на складные предметы находится на стыке семантических областей создания преграды и изменения формы, ср. допустимость в русском языке для описания одной и той же ситуации как сочетания *закрывать зонт* (с глаголом, указывающим на создание преграды), так и сочетания *сложить зонт* (с глаголом изменения формы). Сам набор объектов, допускающих такую вариативность, может быть, однако, разным в разных языках, ср. хантыйский язык, где закрывание книги описывается глаголом изменения формы, и русский язык, где в этой ситуации используются глаголы закрывания (*закрывать*, *захлопнуть*). Русская и другие подобные системы показывают, что фрейм блокировки восприятия функциональной части нельзя полностью сводить к особому типу воздействия складыванием — поскольку неясно, как при таком решении можно было бы объяснить запрет глагола **сложить* по отношению к книге. В то же время в исследованных нами языках пока не нашлось и таких случаев, когда закрывание книги или газеты описывалось бы особым глаголом, который был бы не применим ни к закрыванию двери, ни к изменению формы складных объектов. По всей видимости, вопрос о том, какой из параметров первичен в контекстах типа закрывания книги или газеты, требует дальнейшего уточнения на более широком материале. Не исключено, кроме того, что данный класс контекстов не является полностью однородным (этот вопрос тоже требует дальнейшего исследования). Так, например, в русском по отношению к газете естественен в контексте физического закрывания глагол *сложить*, а не глагол *закрывать*. Ситуация закрывания тетради, хотя и закреплена обычно за доминантным глаголом (см. 34 примера в НКРЯ на сочетание глагола *закрывать* и следующего непосредственно за ним существительного *тетрадь*), в 7 корпусных примерах описывается глаголом *сложить* (5 из них, однако, относятся к художественной литературе XIX в., еще 2 — к художественной литературе середины XX в., из чего можно сделать вывод, что в современном русском языке такая сочетаемость не распространена).

2.4. Закрывание глаз

В качестве отдельного типа субъекта при рассматриваемых глаголах проверялись «**самозакрывающиеся**» **части тела** (на примере глаз и рта, наименования других частей тела не проверялись).

Оказывается, однако, что особой языковой категоризации в языках выборки обычно подвергается только закрывание глаз, тогда как закрывание рта описывается доминантным глаголом. В качестве подтверждения этого посмотрим на шведские примеры (19)–(20):

- ШВЕДСКИЙ
(19) *Jag sluta-de / ??stäng-de ögön-en*
я закончить-PST закрыть-PST глаз.DEF.NEUT-PL
och somna-de snart.
и заснуть-PST скоро
'Я закрыл глаза и вскоре заснул'.

- ШВЕДСКИЙ
(20) *Patient-en stäng-de / *sluta-de*
пациент-DEF.COM закрыть-PST закончить-PST
munn-en.
рот-DEF.COM
'Пациент закрыл рот'.

В случае закрывания глаз (19) используется глагол *sluta*. Эта лексема означает 'закончить' и не употребляется ни в какой другой ситуации закрывания (а в рассматриваемой ситуации, как можно видеть, она претерпевает семантический сдвиг). Закривание рта (20) описываться лексемой *sluta* не может, в этом контексте используется доминантный глагол *stänga* 'закрывать'.

В некоторых языках для закрывания глаз существуют особые глаголы, ср. *тишөкедны* 'закрывать глаза' в ижемском коми или *kâmaš* 'закрывать глаза' в горномарийском¹¹. Употребление таких особых глаголов возможно в ситуации «естественного» закрывания глаз веками и несовместимо с наличием инструментального участника, ср. примеры (21)–(22) из ижемского коми¹².

¹¹ В русском языке то же ограничение на тип объекта имеет глагол *зажмурить*, однако дополнительно он предполагает приложение некоторых усилий и высокую плотность закрывания глаз.

¹² Во всех доступных примерах при глаголе *тишөкедны* выражен прямой объект. Примеров с опущенным прямым объектом в нашем материале не встретилось.

- КОМИ
 (21) *Ныл-ыс* *син-сэ* *тшйöкед-іс* /
 девочка-POSS.3SG глаз-ACC.POSS.3 закрыть.глаза-PST.3
сунт-іс *и миме* *унмос-ис.*
 закрыть-PST.3 и сразу заснуть-PST.3
 ‘Девочка закрыла глаза и сразу уснула’.

- КОМИ
 (22) *Ныл-ыс* *син-сэ* *сунт-іс* /
 девочка-POSS.3SG глаз-ACC.POSS.3 закрыть-PST.3
 **тшйöкед-іс* *ки-на-с*
 закрыть.глаза-PST.3 рука-INS-POSS.3SG
 ‘Девочка закрыла глаза руками’.

В некоторых языках ситуация закрывания глаз претерпевает рекатегоризацию, т. е. связывается с лексическими единицами и конструкциями, исходно имеющими другую семантику. Так, в польском языке, закрывание глаз может (наряду с категоризацией с помощью более общего глагола *zamknąć* ‘закрывать’) рассматриваться не как **закрывание**, а как **накрывание** веками, занимающими в аргументной структуре позицию инструмента: см. пример (23), где используется глагол *nakryć*, употребление которого в целом близко русскому *накрыть*. Заметим, что в исходном фрейме самостоятельного закрывания глаз участник с ролью инструмента отсутствует в принципе.

- ПОЛЬСКИЙ
 (23) *Profesor* *milczał* *długo*,
 профессор.SG молчать-PST[3SG.M] долго
nakrywszy *ocz-y* *powiek-ami*
 накрыть-CVB.ANT глаз-PL веко-INS.PL
 ‘Профессор долго молчал, закрыв глаза (букв.: накрыв глаза веками)’.

Еще один интересный случай рекатегоризации представлен в хантыйской системе. Носители языка в целом допускают использование в этом фрейме доминантных глаголов *tūxərti* ‘закрывать, запира́ть’ и *pentti* ‘закрывать’, но часто с противоположными оценками предпочтительного варианта и приемлемости другого варианта. А некоторые информанты указывают на неестествен-

ность употребления данных глаголов по отношению к глазам, предлагая иные способы описания ситуации, ср. использование в (24) глагола *mānti* ‘идти’. Наличие преверба *lāp* сближает рассматриваемую единицу с другими глаголами закрывания, но любопытно, что сам лексический глагол относится исходно к другой семантической зоне (а именно, к зоне перемещения).

- ХАНТЫЙСКИЙ
(24) *ew-leŋki* *it* *ot-əs,* *sem-t-ət*
девочка-DIM вниз лечь-PST глаз-PL-POSS.3SG
lāp *mān-s-ət*
ЗАКРЫТИЕ идти-PST-3PL
‘Девочка легла, ее глаза закрылись (букв.: преверб + ушли)’.

2.5. Накрывание. Закрывание контейнеров

Следующий фрейм в рассматриваемой семантической зоне — **накрывание**, под которым мы понимаем размещение преграды в непосредственном контакте с закрываемым пространством. Здесь могут быть противопоставлены ситуации **частичного и полного накрывания**. Например, глагол *müdäš* ‘закрывать, заслонять’ в горномарийском языке используется, если доступ к объекту прекращен полностью (например, когда заплакавшая девочка закрыла лицо обеими руками, когда посаженную картошку полностью присыпали землей или, уже в зоне преграды для визуального восприятия, о которой см. раздел 2.6, когда тучи закрывают солнце). В свою очередь для глагола *levedäš* ‘накрывать’ более характерны такие ситуации, когда доступ к части объекта возможен (или по крайней мере легко обеспечивается) — например, когда выпадающий осенью снег покрывает землю или когда стог сена прикрыли пленкой. Наглядная минимальная пара представлена и в (25)–(26), где оба рассматриваемых глагола описывают помещение какого-либо предмета на человека или на части его тела. В ситуации (25), где покрывается только часть человека, используется глагол *levedäš*, а его замена на *müdäš* в (25) комментируется носителями следующим образом: «Если так накрыть, то ребенок бы не смог дышать и умер». В свою очередь в (26), где речь идет о полном прекращении визуального доступа к некоторой части тела (в данном случае, к волосам), предпочтительно использовать глагол *müdäš*.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
 (25) *ävä t'et'ä-žä-m od'ejal don leved-ән /*
 мать ребенок-POSS.3SG-ACC одеяло с накрыть-PRET
***müd-en**
 накрыть-PRET
 'Мать накрыла ребенка одеялом'.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
 (26) *savâc-šâ üp-әм мүд-әшә-läk /*
 платок-POSS.3SG волосы-ACC накрывать-OPT-PTCL
?leved-šäš-läk
 накрывать-OPT-PTCL
 'Платок должен полностью закрывать волосы [женщины]'.

Для фрейма накрывания может возникать противопоставление и по **типу преграды**. Важной оказывается такая ее характеристика, как **гибкость** (*одеяло, платок, скатерть*) или **негибкость** (*блюдец, крышка*). Данное противопоставление мы наблюдаем, например, в хантыйском, где существует глагол *laŋkti* 'накрыть', используемый преимущественно при гибкой преграде, и, с другой стороны, глагол *tüxarti* 'закрыть', предпочтительный при негибкой преграде, ср.:

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (27) *aŋki sox-ән һawrem-әт laŋk-s-әlle*
 мать кожа-LOC ребенок-POSS.3SG накрыть-PST-3SG.SO
 'Мать накрыла ребенка одеялом'.

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (28) *xul-en karti an-ән läp*
 рыба-POSS.2SG железо миска-LOC ЗАКРЫТИЕ
tüxr-i / ?läp laŋk-i i nox
 закрыть-IMP ЗАКРЫТИЕ накрыть-IMP и вверх
u-j-i
 брат-ST-IMP
 'Накрой рыбу блюдцем и унеси'.

В польском языке фрейм накрывания представлен двумя глаголами — *nakryć* и *zakryć*¹³, при этом оба могут сочетаться с названиями как гибких, так и негибких типов преграды:

- ПОЛЬСКИЙ
- (29) *Uformowa-n-e* *buleczk-i* *zakry-j* /
сформировать-PTCP.PASS-PL булочка-PL закрыть-IMP
OK nakry-j *ręcznik-iem* *kuchenn-ym*.
накрыть-IMP полотенце-INS.SG кухонный-INS.SG.M
'Слепленные булочки накройте кухонным полотенцем'.
[Google]

- ПОЛЬСКИЙ
- (30) *Blach-ę* *nakry-ć* *talerz-em* *lub*
противень-ACC.SG накрыть-INF тарелка-INS.SG или
foli-q *aluminiumow-q* (*aby* *biszkopt*
фольга-INS.SG алюминиевый-INS.SG.F чтобы бисквит.SG
nie wysycha-ł) *i wstawi-ć do*
NEG высохнуть-PST[3SG.M] и вставить-INF до
lodówk-i *do* *stężeni-a*.
холодильник-GEN.SG до уплотнение-GEN.SG
'Противень накрыть тарелкой или алюминиевой фольгой
(чтобы бисквит не высохал) и поставить в холодильник,
чтобы он стал прочнее'.
[Google]

- ПОЛЬСКИЙ
- (31) *Kiedy drugi naleśnik jest*
когда второй блинчик.SG быть.NPST.3SG
gotow-y, *odnieś* *talerz* *lub*
готовый-NOM.SG.M отнести.IMP тарелка.SG или
foli-ę, *posyp* *cukr-em* *i*
фольга-ACC.SG посыпать.IMP сахар-INS.SG и

¹³ По корпусным данным, *zakryć* скорее, чем *nakryć*, предполагает полное покрытие поверхности, что является еще одним примером выделенного выше параметра. Заметим также, что в русском языке доминантным в семантическом поле закрывания является глагол *закрывать*, в польском языке большую часть значений может покрывать другой глагол, *zamknąć*, т. е. можно говорить о более узкой семантике *zakryć* по сравнению с русским когнатом.

szybko **zakry-j** *talerz-em* *lub*
 быстро закрыть-IMP тарелка-INS.SG или
foli-q.

фольга-INS.SG

‘Когда следующий блин будет готов, принесите обратно тарелку или фольгу, посыпьте сахаром и быстро накройте блюдом или фольгой’. [Google]

В некоторых языках накрывание может лексически объединяться с ситуацией **закрывания контейнеров**. Например, в русском языке это происходит с глаголом *накрыть* (ср. **накрыть** ребенка одеялом и **накрыть** кастрюлю крышкой). Однако это не единственный возможный глагол в ситуации создания преграды для доступа к содержимому контейнера, ср. *заккрыть* (в том же контексте — **заккрыть** кастрюлю крышкой). Согласно результатам поиска в Google, в последнем примере глаголы *накрыть* и *заккрыть* примерно одинаково частотны (данные на 20.11.2016). Несколько иначе дело обстоит с когнатами этих глаголов в польском, где частотность употребления упомянутых выше глаголов *nakryć* и *zakryć* (32) в аналогичном контексте (также на основании данных из Google) образует пропорцию 10:1 соответственно.

ПОЛЬСКИЙ

(32) *Garnek* **nakry-ć** / [?]*zakry-ć* *pokrywka-q,*
 кастрюля накрыть-INF закрыть-INF крышка-INS.SG
gotowa-ć *na* *mał-ym* *ogni-u.*

готовить-INF на маленький-LOC.SG.M огонь-LOC.SG

‘Кастрюлю накрыть крышкой и готовить на медленном огне’.

[Google]

В ижемском коми закрывание контейнера также может описываться, во-первых, тем же глаголом, что и накрывание объекта гибким предметом (*веччыны*), а, во-вторых, доминантным в поле закрывания глаголом *сиптыны*:

КОМИ

(33) *Me* *тай* *чугун-сэ* *быльыд-эн*
 я PTCL горшок-ACC.POSS3 блюдец-INS

вечч-и / *сипт-і*
 накрыть-PST.1SG закрыть-PST.1SG
 ‘Я накрыла горшок блюдцем’.

Помимо этого, глагол *веччины* накладывает ограничения на топологический класс инструмента, будучи совместимым только с наименованиями покрывающих поверхностей. Если же в фокусе внимания оказывается закрывание на замок, то глагол *веччины* будет невозможен:

КОМИ
 (34) *Ме сипт-і* / *вечч-и*
 я закрыть-PST.1SG накрыть-PST.1SG
миска-сэ *пöдан-на-с,* *мед*
 кастрюля-ACC.POSS3 крышка-INS-POSS.3SG чтобы
ва-ыс *пу-з-яс*
 вода-POSS.3SG кипеть-INCH-FUT.3SG
 ‘Я накрыла кастрюлю крышкой, чтобы вода закипела’.

КОМИ
 (35) *Ме вечч-и* *сундук-сэ*
 я накрыть-PST.1SG сундук-ACC.POSS3
крышка-на-с / **замок был-э*
 крышка-INS-POSS3 замок верх-ILL
 ‘Я закрыла сундук крышкой / *на замок’.

2.6. Отверстия

Для еще одного фрейма в изучаемом семантическом поле — **затыкания отверстий** — часто существует особый глагол, как, например, *затыкать* в русском языке или *тупкыны* в ижемском коми, см. (36). Интересно, что в этой зоне в коми языке наблюдается диалектное варьирование. В литературном языке и в других диалектах у *тупкыны* гораздо более широкая сочетаемость, ср. указание на это в [КСК II: 585], а также приводимые в [Лыткин (ред.) 1961: 696] примеры из литературного языка: *тупкыны книга* ‘закрыть книгу’, *столöвöй тупкыны* ‘закрыть столовую’, *тупкыны чужöм* ‘закрыть лицо (руками)’ и др. В ижемском коми, однако, происходит сужение семантики этой лексемы исключительно до фрейма затыкания отверстий.

- КОМИ
 (36) *Me ružь-сэ* *тупк-и*
 я дырка-ACC.POSS.3 заткнуть-PST.1SG
нитш-на-с
 мох-INS-POSS.3SG
 ‘Я заткнул дырку мхом’.

В горномарийском языке для описания аналогичной ситуации используется глагол *pitäräš* (37), объединяющий, таким образом, данный фрейм и фрейм плотного закрывания, см. раздел 2.1. Глагол *čüčäš*, не предполагающий плотного закрывания, к затыканию отверстий, как видно из (37), не применяется.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
 (37) *äraž-äm vatka dono pitär-äš-äm* / **čüč-äm*
 дырка-ACC ватка с закрыть-AOR-1SG закрыть-AOR.1SG
 ‘Дырку ваткой я закрыла’.

2.7. Преграда для визуального восприятия или воздействия

Следующий фрейм семантического поля закрывания — создание преграды, **ограничивающей визуальное восприятие** объекта или **предотвращающей внешнее воздействие** на объект. В польском языке он представлен сравнительно большим количеством глаголов: в центре находятся *zakryć*, *osłonić*, *zastłonić*. Параметром, обуславливающим противопоставления внутри этого фрейма, может быть **взаимное расположение** объекта, к которому ограничивается доступ, и преграды (например, этот параметр очень важен как минимум для глагола *zakryć*). Кроме того, эти глаголы противопоставлены по тому, какие из участников фрейма чаще всего выражаются при них, согласно полученным из корпуса количественным данным (и, соответственно, тем, какой из слотов фрейма закрывания фокусирует глагол в первую очередь). Как уже было сказано выше, глагол *zakryć* семантически не тождественен русскому *закрыть*. В польском языке этот глагол описывает в первую очередь закрывание с контактной преградой. Обычно он используется в ситуации создания преграды для визуального восприятия (‘сделать что-либо невидимым’, см. (38)) или же по отношению к преграде от воздействия (39). При данном глаголе чаще всего выражается инструментальный участник (собственно и являющийся преградой): в 100 случайных

примерах из НКJP он выражен в 47 случаях, тогда как потенциальный источник воздействия (от кого / чего закрыть) выражен только в 3 примерах.

- ПОЛЬСКИЙ
- (38) *Ręka-ami zakrył* *wąs-y*
 рука-INS.PL закрыть-PST[3SG.M] ус-PL
wyobraż-ając *sob-ie* *jak*
 представлять-CVB.SIM REFL-DAT как
móg-ł-by *wygląda-ć* *bez nich.*
 мочь-PST[3SG.M]-COND выглядеть-INF без они.GEN
 ‘Он закрыл руками усы, представляя, как мог бы выглядеть без них’.

[НКJP]

- ПОЛЬСКИЙ
- (39) *A pani Asa gra-jąc* *na traw-ie*
 а пани А. играть-CVB.SIM на трава-LOC.SG
stara-ł-a *się* *sob-ą* *zakry-ć*
 стараться-PST-3SG.F DETR REFL-INS закрыть-INF
skrzypc-e — *nadmiar* *słońc-a* *i*
 скрипка-ACC.SG избыток.SG солнце-GEN.SG и
wilgoć *jednako* *szkodz-ą* *tem-u*
 сырость.SG одинаково вредить-PRS.3PL этот-DAT.SG.M
instrument-owi.

инструмент-DAT.SG

‘А пани Аса, играя на траве, старалась закрыть собою скрипку — избыток солнца и сырость одинаково вредят этому инструменту’.

[НКJP]

Еще один глагол из этой зоны в польском языке, *zasłonić*, имеет значение ‘загородить, сделать что-либо невидимым, поместив что-то, как правило, рядом с объектом (а не обязательно в непосредственном контакте с объектом)’:

- ПОЛЬСКИЙ
- (40) *Wsta-ł,* *zasłoni-ł* *okn-a* *i*
 встать-PST[3SG.M] заслонить-PST[3SG.M] окно-PL и
włączy-ł *jeszcze* *jedn-ą*
 включить-PST[3SG.M] еще один-ACC.SG.F

lampk-ę.

лампочка-ACC.SG

‘Он встал, завесил окна и включил еще одну лампочку’.

[NKJP]

ПОЛЬСКИЙ

- (41) *Gdy dojecha-l-i-śmy do plac-u*
 когда доехать-PST-MPERS-1PL до площадь-LOC.SG
Rewolucj-i, podnios-l-e-m się, by
 революция-GEN.SG поднять-PST-M-1SG DETR чтобы
zasłoni-ć przed nią widok gilotyn-y.
 заслонить-INF перед она.INS вид гильотина-GEN.SG
 ‘Когда мы доехали до площади Революции, я поднялся,
 чтобы заслонить от нее вид гильотины’.

[NKJP]

Следующий глагол, *osłonić*, (см. (42)–(44)) означает ‘поместить что-либо, как правило, на объект, чтобы сделать его невидимым / избежать негативного воздействия’. При данном глаголе часто выражается потенциальный источник воздействия (а именно, 28 раз на 100 случайных примеров из NKJP, ср. с 3 такими примерами для *zakryć*; с другой стороны, инструмент при *osłonić* выражен в 21 примере из 100 случайных — примерно в 2 раза реже, чем у *zakryć*). Идея взаимного расположения объектов, судя по всему, не так важна для этого глагола — но по-настоящему важна оказывается идея защиты от внешнего воздействия. Возможно, благодаря этому у глагола *osłonić* происходит семантический сдвиг, а именно, развивается значение ‘защитить кого-либо или что-либо от возможного вреда’, реализуемое, как в (44), не только в ситуации закрывания, но и в абстрактных контекстах.

ПОЛЬСКИЙ

- (42) *Osłoni-l głow-ę ręk-ami*
 заслонить-PST[3SG.M] голова-ACC.SG рука-INS.PL
jak hełm-em.
 как шлем-INS.SG
 ‘Он закрыл голову руками, как будто бы шлемом’.

[Google]

ПОЛЬСКИЙ

- (43) <...> *osłoni produkt-y przed*
 заслонить-FUT.3SG продукт-PL перед

3. Семантическая зона открывания

В данном разделе мы несколько более обзорно рассмотрим ситуации открывания, сконцентрировавшись прежде всего на их семантических отличиях от ситуаций закрывания¹⁵. Во многих случаях противопоставления между указанными антонимичными зонами симметричны. Например, в русском языке словосочетания *запереть дверь* и *закрывать дверь* указывают на создание преграды для перемещения соответственно с обязательным наличием запирающего устройства и с неспецифицированным значением данного параметра, а словосочетания *открыть дверь* и *отпереть дверь* — на симметричные способы устранения этой преграды. Однако в большинстве случаев мы наблюдаем асимметрию фреймов открывания и закрывания, возникающую по различным причинам.

Во-первых, те или иные ситуации открывания или закрывания могут не иметь прагматически естественной обратной ситуации. Например, не совсем ясно, как могли бы быть выражены в русском языке действия, противоположные описанным в предложениях *Дерево заслоняет дом от солнца* (и в других подобных контекстах с дистантной преградой) или *Я заткнул дырку мхом* (и в других контекстах создания преграды внутри отверстия). С другой стороны, ситуация вскрытия каких-либо новообразований на теле живого существа (ср. в русском языке *вскрыть нарыв*, *абсцесс*, *гнойник* и пр.) в принципе не имеет никакого антонима в зоне закрывания.

Во-вторых, зоны закрывания и открывания в одном и том же языке могут подчиняться разному набору противопоставлений. В обследованном нами материале регулярно наблюдается ситуация, когда многие оппозиции, релевантные для зоны закрывания, стираются в зоне открывания. Проиллюстрируем это на материале горномарийского языка. Как было показано выше, в этом языке более «плотное» закрывание (глагол *pitäräš*) лексически противопоставлено менее «плотному» (глагол *čüčäš*). В некоторых случаях это приводит к семантическим различиям при одних и тех же аргументах, ср. пары примеров (3)–(4) о закрывании частей строения и (13)–(14) о закрывании крана. В других случаях

¹⁵ Более подробные сведения о русских глаголах открывания и о типологическом фоне доступны в [Кашкин и др. 2018].

указанная семантическая дифференциация создает сочетаемостные различия: так, закрывание книги описывается глаголом *čüčäš*, но не глаголом *pitäräš*. Кроме того, в горномарийском языке существует глагол *kâmaš*, означающий ‘закрывать глаза’ и не применимый к каким бы то ни было иным фреймам. Однако в зоне открывания всем этим контекстам соответствует один и тот же глагол *pačäš*. Например, в (47) он может описывать открывание двери или ворот вне зависимости от того, каким образом они были закрыты и использовалось ли при этом какое-либо запирающее устройство. В (48) и (49) глагол *pačäš* применен соответственно к книге и глазам, не создавая лексического противопоставления в зоне открывания ни между самими этими объектами, ни между каким-либо из них и частями строений. Этот же глагол применяется, в частности, к зонтику, крану, кастрюле, чемодану. Тем самым, зона открывания в горномарийском языке имеет отчетливый доминантный глагол и оказывается устроена беднее, чем зона закрывания.

- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (47) *amasa-m (kapka-m) pač*
 дверь-ACC ворота-ACC открыть-IMP
 ‘Дверь (ворота) открой’.
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (48) *t’et’ä-vlä, kn’igä-m pač-d=ok*
 ребенок-PL книга-ACC открыть-IMP.PL=PTCL
 ‘Дети, откройте книги’.
- ГОРНОМАРИЙСКИЙ
- (49) *män’ sänzä-em-äm pač-äm,*
 я глаз-POSS.1SG-ACC открыть-AOR.1SG
anzäl-n-em pi-m už-äm
 перед-IN2-POSS.1SG собака-ACC видеть-AOR.1SG
 ‘Я открыла глаза и увидела перед собой собаку’.

Заметим, вместе с тем, что в зоне открывания в конкретном языке могут возникать и оппозиции, которые отсутствуют в этом же языке в зоне закрывания (но чисто логически могли бы там существовать). Так, в хантыйском языке есть глагол *xültämtti* ‘приоткрыть’ (от сущ. *xül* ‘щель’), обозначающий малый угол (и, тем

самым, малую степень) открытия, ср. (50)–(51)¹⁶, однако нет глагола (типа русского *прикрыть*), обозначающего неполную степень закрывания.

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (50) *kāšaŋ imi uŋl-əl tūr- tūr*
 больной женщина рот-POSS.3SG только только
*pelki xūltəmt-əl-ti*¹⁷
 ОТКРЫТИЕ приоткрыть-NPST-3SG.SO
 ‘Больная женщина рот чуть-чуть приоткрывает’.

- ХАНТЫЙСКИЙ
 (51) *ewi-je sem-l-əl*
 девочка-DIM глаз-PL-POSS.3SG
puš-m-əl-ən /
 открыть-PFV.PART-POSS.3SG-LOC
**xūltəmt-m-əl-ən l’oxiti-ti*
 открыть-PFV.PART-POSS.3SG-LOC умываться-IPFV.PART
nawr-əs
 прыгать-PST
 ‘Девочка открыла глаза и побежала умываться’.

В-третьих, ситуация, противоположная какой-л. ситуации из зоны закрывания, может выражаться единицей вовсе из другого семантического поля. Так, в разделе 2.2 упоминалось противопоставление русских примеров типа *закрывать кран*, описывающих естественное функционирование механизма, и *перекрывать кран* (с дальнейшими метонимическими сдвигами, ср. *перекрывать воду*), предполагающих приостановку функционирования. При этом словосочетание *открыть кран* в явном большинстве его вхождений в НКРЯ предполагает исходно нормальное функционирование механизма, ср. (52), а наиболее естественными способами описать возобновление ранее нарушенного функционирования являются метонимические контексты *включить воду / дать воду / пустить*

¹⁶ Пример (51) некоторые информанты прокомментировали таким образом, что глагол *xūltəmtti* мог бы относиться в нем только к полуспящей девочке, которая в таком состоянии не могла бы никуда побежать.

¹⁷ Преверб *pelki* является в хантыйском языке антонимом преверба *lār* (см. раздел 2.1), употребляясь в различных ситуациях открывания.

воду с глаголами из других семантических зон (последний контекст совместим, по данным НКРЯ, и с ситуацией естественного функционирования).

РУССКИЙ

- (52) *Потом тетя Дина подошла к кухонной раковине, **открыла** кран и стала мыть лицо холодной водой и сморкаться.*

[Ю. В. Трифонов. Исчезновение (1981)]

Что касается контекста *открыть воду*, то НКРЯ фиксирует всего 15 его вхождений в ситуации естественного функционирования (см., например, (53)). Что интересно, все они отмечены в текстах после 1990 г., что позволяет предположить для них не вполне устоявшийся нормативный характер. Словосочетание *закрыть воду* при этом фиксируется в НКРЯ всего 10 раз (в основном в том же временном отрезке и в ситуации естественного функционирования), см. (54). Явным антонимом к контексту *перекрыть воду* контекст *открыть воду* является всего в одном примере из НКРЯ (55), уже, наоборот, довольно старом.

РУССКИЙ

- (53) *Афанасий подошел к раковине, **открыл** воду, налил себе полную чашку, выпил ее, налил еще, выпил, налил еще одну и выпил.*

[Егор Радов. Змеесос (2003)]

РУССКИЙ

- (54) — *Надя швырнула посуду, **закрыла** воду, села за стол и неумело закурила.*

[Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]

РУССКИЙ

- (55) — *Так ведь дело возникло по жалобе гузарцев в том, что дархцы переняли им арык на левом берегу Зеравшана, отчего у них пропал посев, а когда гузарцы попытались **открыть** воду силой — напали на них и одного убили.*

[С. Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)]

Видно, таким образом, что глаголы закрывания и открывания демонстрируют существенную сочетаемостную и семантическую асимметрию, представляя еще один пример для исследований асимметрии антонимов, см., например, [Апресян 1974; Croft, Cruse 2004].

Типологическое исследование этой асимметрии, намеченное в настоящей статье, могло бы стать важной задачей при дальнейшем расширении выборки.

4. Некоторые итоги

Итак, в результате исследования был выявлен набор семантических противопоставлений в зонах закрывания и открывания, а также первая версия инвентаря фреймов. Дальнейшее расширение выборки, вполне вероятно, позволит обнаружить новые оппозиции и фреймы, однако уже полученные результаты создают базу для самого проведения такого исследования и разработки типологической анкеты.

Выявленные нами семантические противопоставления затрагивают тип объекта, наличие и тип инструмента, тип потенциального доступа к объекту. Можно выделить следующие фреймы закрывания, которые должны быть учтены в типологической анкете:

- создание преграды в строении (с дополнительными противопоставлениями по наличию/отсутствию инструмента, а также по «плотности» закрывания);
- создание преграды для перемещения (преграда не является частью строения);
- создание преграды для зрительного восприятия функциональной части объекта;
- закрывание глаз;
- накрывание (размещение преграды в непосредственном контакте с закрываемым пространством) — с дополнительным противопоставлением по гибкости преграды;
- закрывание контейнеров;
- затыкание отверстий;
- создание преграды для визуального восприятия или воздействия — с дополнительным противопоставлением по дистанции между объектом и преградой.

Глаголы открывания проверяются по тому же набору контекстов, но их устройство в конкретном языке может существенно отличаться от устройства зоны закрывания.

Отметим также, что рассматриваемые глаголы во многих случаях вступают в конкуренцию с глаголами исходно других семантических зон (ср., допустим, частично пересекающееся использование русских лексем *закрывать* и *сложить*). Дальнейшая типологическая систематизация таких случаев важна для теоретических подходов к тому, как связаны между собой различные семантические поля и какими факторами в целом регулируется процесс лексикализации той или иной ситуации, см. обзор и постановку некоторых проблем в [Langacker 2013: 27–54].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ACT — активный залог; ANT — предшествование; CMPR — сравнительная степень; COM — общий род; COND — кондиционал; CVB — конверб; DAT — датив; DEF — определенный артикль; DETR — детранзитивизатор; DIM — диминутив; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN2 — второй («старый», непродуктивный) инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; M — мужской род; MPERS — лично-мужская форма; NEG — отрицание; NEUT — нейтральный род; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; O — объект; OPT — оптатив; PART — причастие; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRON — прохибитив; PRS — настоящее время; PRET — претерит; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; S — субъект; SG — единственное число; SIM — одновременность; SO — субъектно-объектное спряжение; ST — наращение основы; SUP — превосходная степень.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Yu. D. Apresian. *Leksicheskaia semantika: sinonimicheskie sredstva iazyka* [Lexical semantics: synonymous language means]. Moscow: Nauka, 1974].
- Кашкин 2013 — Е. В. Кашкин. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. ... к. ф. н., МГУ,

- М., 2013. [E. V. Kashkin. Iazykovaia kategorizatsiia faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniia kachestvennykh priznakov v ural'skikh iazykakh) [Language categorization of the surface textures (typological study of the nomination of quality attributes in the Uralic languages)]. Dissertatsiia, MGU, Moscow, 2013].
- Кашкин 2017а — Е. В. Кашкин. Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 115–119. [E. V. Kashkin. Semantika glagolov zakryvaniia v vostochnykh govorakh gornomariiskogo iazyka [Semantics of the closure verbs in Eastern Hill Mari dialects] // Aktual'nye problem dialektologii iazykov narodov Rossii. Ufa: IIAL UNTS RAN, 2017. P. 115-119].
- Кашкин 2017б — Е. В. Кашкин. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований 4 (18), 2017. С. 16–28. [E. V. Kashkin. Glagoly s semantikoï zakryvaniia i otkryvaniia v zapadnykh govorakh khantyiskogo iazyka [Verbs with the meaning of closing and opening in Western Khanty dialects] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniï 4 (18), 2017. P. 16–28].
- Кашкин и др. 2018 — Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, М. А. Сидорова, О. И. Виноградова. Навстречу открытиям: русские глаголы открывания в типологической перспективе // Д. А. Рыжова, Н. Р. Добрушина, А. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Выренкова, М. В. Кюсева, Б. В. Орехов, Т. И. Резникова (ред.). ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М.: Лабиринт, 2018. С. 349–387. [E. V. Kashkin, D. O. Zhornik, M. A. Sidorova, O. I. Vinogradova. Navstrechu otkrytiiam: russkie glagoly otkryvaniia v tipologicheskoi perspective [Towards discoveries: Russian verbs of opening in typological perspective] // D. A. Ryzhova, N. R. Dobrushina, A. A. Bonch-Osmolovskaia, A. S. Vyrenkova, M. V. Kiuseva, B. V. Orekhov, T. I. Reznikova (red.). EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k iubileiu E. V. Rakhilinoi. Moscow: Labirint, 2018. P. 349–387].
- Кожемякина и др. 2014 — А. Д. Кожемякина, М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // О. В. Кузнецова (отв. ред.). XI конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2014. С. 83–85. [A. D. Kozhemiakina, M. V. Kiuseva, D. A. Ryzhova. 'Sidet', 'stoiat', 'lezhat': tipologiia lokativnoi

- predikatsii [‘To sit’, ‘to stand’, ‘to lie’: typology of locative predication] // О. В. Kuznetsova (red.). XI konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014. P. 83–85].
- Круглякова 2010 — В. А. Круглякова. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... к. ф. н., РГГУ, М., 2010. [V. A. Krugliakova. Semantika glagolov vrashcheniia v tipologicheskoi perspektive [Semantics of rotation verbs in typological perspective]. Dissertaciia, RGGU, Moscow, 2010].
- КСК — Коми сернисикас кывчукӧр (Словарь диалектов коми языка). В 2-х тт. Сыктывкар: Издательство «Кола», 2012, 2014. [Komi sernisikas kuvchukör [Dictionary of Komi dialects]. Syktyvkar: “Kola”, 2012, 2014].
- Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. [A. I. Kuznetsova, T. F. Efremova. Slovar' morfem russkogo iazyka [Dictionary of Russian morphemes]. Moscow: Russkii iazyk, 1986].
- Кюсева 2012 — М. В. Кюсева. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’. Дипломная работа, МГУ, М., 2012. [M. V. Kiuseva. Leksicheskaia tipologiia semanticheskikh sdvigoov nazvanii kachestvennykh priznakov ‘ostryi’ i ‘tupoj’ [Lexical typology of semantic shifts in nomination of quality attributes ‘sharp’ and ‘blunt’]. Diplom, MGU, Moscow, 2012].
- Кюсева, Рыжова 2010 — М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова. Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 3, 2010. С. 90–93. [M. V. Kiuseva, D. A. Ryzhova. Priznakovaia leksika: prilagatel'nye ‘ostryi’ i ‘tupoj’ v tipologicheskoi perspektive [Atributive vocabulary: attributes ‘sharp’ and ‘blunt’ in typological perspective] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniï RAN VI, 3, 2010. P. 90–93].
- Лыткин (ред.) 1961 — В. И. Лыткин (ред.). Коми-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. [V. I. Lytkin (ed.). Komi-russkii slovar' [Komi-Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranukh i natsional'nykh slovarei, 1961].
- Майсак, Рахилина (ред.). 2007 — Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. [T. A. Maisak, E. V. Rakhilina (eds.). Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiia [Verbs of motion in water: lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007].

- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Малый академический словарь русского языка в 4-х тт. М.: Русский язык, 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [A. P. Evgen'eva (ed.). *Malyi akademicheskii slovar' russkogo iazyka v 4-kh tt.* [Small academic dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Moscow: Russkii iazyk, 1999].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка — <http://ruscorpora.ru> [Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]].
- Рахилина, Прокофьева 2004 — Е. В. Рахилина, И. А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания 1, 2004. С. 60–78. [E. V. Rakhilina, I. A. Prokof'eva. *Rodstvennyye iazyki kak ob'ekt leksicheskoi tipologii: russkie i pol'skie glagoly vrashcheniia* [Relative languages as an object of the lexical typology: Russian and Polish rotation verbs] // *Voprosy iazykoznaniiia* 1, 2004. P. 60–78].
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания 2, 2013. С. 3–31. [E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova. *Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii* [Frame approach to lexical typology] // *Voprosy iazykoznaniiia* 2, 2013. P. 3–31].
- Резникова и др. (ред.) 2015 — Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова (ред.). Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: ЯСК, 2015. [T. I. Reznikova, A. S. Vyrenkova, B. V. Orekhov, D. A. Ryzhova (eds.). *Glagoly zvukov zhivotnykh: tipologiia metaphor* [Verbs of animal sounds: typology of metaphors]. Moscow: IASK, 2015].
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. [B. A. Serebrennikov. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh iazykakh permskoi i volzhskoi grupp* [Tense and aspect in the Permian and Volga Finno-Ugric languages]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960].
- Соловар 2014 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014. [V. N. Solovar. *Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Tiumen': ООО "Format", 2014].
- Bowerman 2005 — M. Bowerman. Why can't you “open” a nut or “break” a cooked noodle? Learning covert object categories in action word meanings // L. Gershkoff-Stowe, D. Rakison (eds.). *Building object categories in developmental time*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 209–243.
- Bowerman, Choi 2001 — M. Bowerman, S. Choi. Shaping meanings for language: Universal and language-specific in the acquisition of

- semantic categories // M. Bowerman, S. Levinson (eds.). Language acquisition and conceptual development. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 475–511.
- Croft, Cruse 2004 — W. Croft, D. Cruse. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Fillmore 1976 — Ch. Fillmore. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. Vol. 280. NY: New York Academy of Sciences, 1976. P. 20–32.
- FrameNet — <https://framenet.icsi.berkeley.edu>
- Karp — Корпус шведского языка, доступный на сайте <https://spraakbanken.gu.se/karp> [Sweden corpus available at <https://spraakbanken.gu.se/karp>].
- Koptjevskaja-Tamm 2015 — M. Koptjevskaja-Tamm (ed.). The Linguistics of Temperature. Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 2015.
- Korp — Корпус шведского языка, доступный на сайте <https://spraakbanken.gu.se/korp> [Sweden corpus available at <https://spraakbanken.gu.se/korp>].
- Langacker 2013 — R. Langacker. Essentials of Cognitive Grammar. Oxford, NY: Oxford University Press, 2013.
- Majid et al. 2007 — A. Majid, M. Bowerman, M. van Staden, J. Boster. The semantic categories of cutting and breaking events: a crosslinguistic perspective // Cognitive linguistics 18–2, 2007. P. 133–152.
- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego — <http://nkjp.pl/> [National Polish corpus].
- Rakhilina, Reznikova 2016 — E. Rakhilina, T. Reznikova. A frame-based methodology for lexical typology // P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The Lexical Typology of Semantic Shifts. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2016. P. 95–130.

М. А. Нагорная

МГУ, Москва

СОСТАВНОЙ РЕФЛЕКСИВ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В статье рассматриваются свойства бурятского составного рефлексива. Бурятский язык относится к монгольской группе алтайской языковой семьи и имеет несколько диалектов. Данные, приведенные в статье, относятся к баргузинскому диалекту и были получены методом элицитации в ходе экспедиции Отделения Теоретической и Прикладной Лингвистики филологического факультета МГУ в улус Барагхан (Баргузинский район, респ. Бурятия) в 2015–2017 гг.

В разделе 2 приведена вводная информация, касающаяся типологии рефлексива и инвентаря анафорических средств в бурятском языке. Раздел 3 посвящен простому рефлексиву и последовательно описывает морфосинтаксис и анафорические свойства соответствующих бурятских местоимений в простой и составной предикации. Следующий раздел посвящен непосредственно составному рефлексиву. Сначала подробно описывается образование составных форм, а затем их анафорические свойства. В разделе 5 проводится параллель между формами составного рефлексива и реципрока, описываются их общие черты и наиболее существенные различия. Далее приводятся возможные пути анализа структуры составного рефлексива. Наконец, выводы представлены в разделе 7.

2. Бурятский рефлексив в типологической перспективе

2.1. К типологии рефлексива

Прототипическим рефлексивным контекстом считается простая предикация с двумя участниками, один из которых имеет агентивную роль, а другой — пациентивную, и оба имеют один и

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

тот же референт (см., например, [Faltz 1977]). Та из составляющих, которая выражается полной именной группой (ИГ), как правило, обладает свойствами подлежащего, а другая, выраженная с помощью рефлексива, в зависимости от языка, может занимать позиции от прямого дополнения при двухместном глаголе до сир-константа или составляющей актанта того же предиката, и вплоть до позиции ИГ, входящей в финитную зависимую предикацию. В работе [Тестелец, Толдова 1998] представлена универсальная иерархия позиций рефлексива:

Схема 1. Универсальная иерархия позиций рефлексива
[Тестелец, Толдова 1998]

$D_{\text{пр}} (2\text{местн}) < D_{\text{пр}} (\text{битранз}) < \text{Коаргумент} < \text{НеактантИГ} < \text{ИГ}_{\text{нефин}} < \text{ИГ}_{\text{фин}}$

1. прямое дополнение при двухместном глаголе ($D_{\text{пр}} (2\text{местн})$);
2. прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) глаголе ($D_{\text{пр}} (\text{битранз})$);
3. коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим) (Коаргумент);
4. неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим (т. е. сир-констант или составляющая актанта) (НеактантИГ);
5. ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию ($\text{ИГ}_{\text{нефин}}$);
6. ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию ($\text{ИГ}_{\text{фин}}$).

В иерархии представлены все возможные позиции рефлексива, начиная с наиболее локальных (прямое дополнение при двухместном глаголе) и заканчивая позициями, характерными для дистантных рефлексивов (ИГ, входящие в финитную зависимую предикацию).

В своей работе авторы иерархии с ее помощью иллюстрируют ряд типологических свойств рефлексивов и показывают, какие системы маркирования анафорических отношений зафиксированы в языках мира. Наиболее важным эмпирическим обобщением является то, что набор позиций для любого рефлексива может быть представлен как непрерывный отрезок на этой

иерархии. Так, например, если рефлексив появляется в позиции прямого дополнения двухместного предиката и в позиции коаргумента, то он может быть употреблен и в позиции прямого дополнения битранзитивного глагола.

Еще одно важное наблюдение авторов иерархии заключается в том, что составные формы рефлексива (как, например, *сам себя, самого себя* в русском языке) в каждом конкретном языке являются более локальными, то есть занимают крайние левые позиции в иерархии. Распределение простого рефлексива (как *себя* в русском) может быть ограничено оставшимися позициями, а может пересекаться с распределением составного, причем не исключена возможность полного покрытия шкалы ([Гестелец, Голдова 1998]). Как будет показано далее на примере бурятского языка, набор позиций, занимаемых простым и составным рефлексивом, может также полностью совпадать.

2.2. Образование составного рефлексива в языках мира

Формы составного рефлексива, как правило, образуются на базе простого, причем на данный момент зафиксированы только две продуктивные модели: редупликация и добавление интенсификатора. Как отмечено в работе [Лютикова 2002], первая стратегия наблюдается именно в тех языках, где интенсификаторы совпадают с простыми рефлексивами, то есть формально составной рефлексив в обоих случаях может быть представлен в виде сочетания интенсификатора и простого рефлексива. В той же работе приводится объяснение этого факта, опирающееся на наличие в семантике составного рефлексива указания на неожиданность, недефолтность ситуации.

Для наглядности рассмотрим соответствующие единицы в русском языке. Простое рефлексивное местоимение *себя*, которое, в соответствии с грамматикой русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой [1980], является единственным представителем класса возвратных местоимений, всегда функционирует как самостоятельная ИГ и имеет роль в предложении. Например, в следующем предложении местоимение получает роль реципиента или бенефактива:

(1) *Вася построил себе дом.*

Интенсификатор *сам*, который по [Шведова 1980] относится к классу местоименных прилагательных, напротив, всегда

интенсифицирует некоторую ИГ. Так, в предложении (2) он модифицирует подлежащее.

(2) *Вася сам построил дом.*

На примере русского языка также можно заметить, что составной рефлексив представляет собой комбинацию рефлексивного местоимения и интенсификатора. Причем в русском языке для такой комбинации существует два варианта: *Вася построил дом сам себе* или *Вася построил дом самому себе*. В первом предложении *сам* интенсифицирует подлежащее, а во втором — местоимение *себе*, находящееся в позиции дативного аргумента.

В бурятском языке единицы, несущие интенсифицирующую функцию, и единицы, выступающие в роли рефлексивных именных групп, образуются от одних и тех же корней, но, как правило, присоединяют различные показатели. В некоторых случаях, однако, показатели могут совпадать (см. ниже пример с местоимением *бэеэ* в форме инструменталиса, которое может употребляться и как рефлексив при определенных глаголах (3), и как интенсификатор (4)).

(3) *Дугар бэ-ээр-ээ омогорхо-но*
Дугар тело-INSTR-REFL гордиться-PRS
'Дугар гордится **собой**.'

(4) *Дугар бэ-ээр-ээ гэр бар-яа*
Дугар тело-INSTR-REFL дом строить-PRТ1
'Дугар **сам** построил дом.'

Таким образом, рефлексивы и интенсификаторы в этом языке формально могут выглядеть одинаково, но мы, вслед за [Frajzyngier, Walker 2000], будем различать их по дистрибуции: интенсификаторы специфицируют определенные именные группы, а рефлексивы функционируют как самостоятельные ИГ, занимая аргументные позиции.

Так, если мы вернемся к примерам (1) и (2), в первом из них местоимение *себе* однозначно относится к рефлексивам: оно функционирует как самостоятельная ИГ, занимая позицию дативного аргумента, и имеет роль реципиента или бенефактива. Во втором предложении, напротив, *сам* не обладает свойствами ИГ, не получает роли от предиката, лишь интенсифицируя субъект.

Далее будет показано, что бурятский составной рефлексив образуется именно как сочетание рефлексива и интенсификатора, в отличие от бурятского реципрока, образованного в результате редупликации.

3. Бурятские простые рефлексивные местоимения

3.1. Морфосинтаксис

В бурятском языке для выражения кореферентности могут быть использованы два простых рефлексивных местоимения: *өөрөө* и *бэээ*. В ранних грамматиках бурятского языка [Поппе 1938; Порре 1960] и [Санжеев 1962] упоминается первое из них («возвратно-указательное местоимение» в [Санжеев 1962]), но оно описывается только с морфологической точки зрения и рассматривается исключительно в интенсифицирующей функции, как в примере (5).

- (5) *Дугар өөр-өө гэр бар-яа.*
 Дугар сам-REFL дом строить-PRT1
 ‘Дугар **сам** построил дом.’

Второе местоимение также упоминается в грамматике [Санжеев 1962], но там оно представлено как форма существительного, употребляемая в значении соответствующего возвратно-указательного местоимения.

Примеры (6) и (7) показывают, что оба простые местоимения могут употребляться в крайних левых позициях иерархии позиций рефлексива. Предложение (6) иллюстрирует наиболее типичный контекст для крайней левой позиции иерархии (прямое дополнение при двухместном глаголе), а в предложении (7) рефлексив употреблен в форме датива при неглагольном двухместном предикате.

- (6) *Базар бэ-е-э* / *өөр-ы-ео* *зур-аа*.
 Базар тело-ACC-REFL сам-CNT²-REFL рисовать-PRT I
 ‘Базар_i нарисовал себя_i.’
- (7) *Дарима бэе-д-ээ* / *өөр-т-өө* *дура-тай*.
 Дарима тело-DAT-REFL сам-DAT-REFL любовь-COM
 ‘Дарима_i любит себя_i.’

Простое рефлексивное местоимение образуется от корней *өөр*- ‘сам’ и *бэе*- ‘тело’ последовательным добавлением падежного и рефлексивного показателей. Рефлексивный показатель *-АА*³ не может быть опущен и употребляется только для выражения кореферентности с субъектом предложения (единственное исключение из этого правила составляет случай с объективным результатом, описанный ниже в разделе 4.3). Если показатель рефлексива заменить на притяжательный суффикс (показатель первого лица –*МИ*, второго лица –*ШИ* или третьего лица –*НЬ*), то местоимения теряют возможность кореферентности с-командующему antecedенту и приобретают свойства интенсификатора. В случае с первым и вторым лицом они, как правило, могут интенсифицировать только составляющую, референтом которой является соответственно говорящий или слушающий⁴:

² Термин «Connective Case» (или «коннектив»), обозначенный нами как CNT, впервые был введен в [Janhunen 2003] для обозначения особого «связывающего» падежа, употребляющегося в некоторых диалектах монгольского языка на месте утраченных показателей генитива и аккузатива.

В баргузинском диалекте бурятского языка показатель –*Ы*–, а также его алломорф –*АЙ*– могут употребляться в позициях, свойственных генитиву и аккузативу, причем как самостоятельно, так и предшествуя показателю генитива или аккузатива.

Так как по свойствам и дистрибуции данный бурятский показатель напоминает монгольский коннектив, в [Колос 2016] для его обозначения было предложено также использовать этот термин.

³ Здесь и далее большой буквой обозначается гармонирующий гласный.

⁴ В сложном предложении, находясь внутри зависимой предикации, рефлексивные местоимения с показателями 1-го (2-го) лица могут относиться не только к говорящему (слушающему), но и к референту субъекта матричной (внутренней) предикации. Эта тема, однако, выходит за рамки данной статьи.

- (8) *Би Саяна-да дура-тай-б, Саяна (нам-да)*
 я Саяна-DAT любовь-COM-1 Саяна я-DAT
өөр-тэ-мни дура-тай.
 сам-DAT-1 любовь-COM
 ‘Я_i люблю Саяну, а Саяна любит **меня**_i.’

С показателем третьего лица местоимение выступает как интенсификатор для некоторой другой именной группы, не обязательно выраженной:

- (9) *Базар бэе-ы-е-нь зур-аа.*
 Базар тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT1
 ‘Базар_i нарисовал **его самого***_i.’
- (10) *Дарима өөр-тэ-нь дура-тай.*
 Дарима сам-DAT-3 любовь-COM
 ‘Дарима_i любит **его самого***_i.’

Референция местоимений в (9)–(10), как правило, определяется дискурсивно, и вне контекста они не могут быть проинтерпретированы однозначно. Исключения составляют употребления, в которых падеж местоимения совпадает с падежом некоторой именной группы, выраженной в предложении. Тогда местоимение служит интенсификатором для этой именной группы, как в (11)–(12).

- (11) *Дарима Баир-та өөр-тэ-нь дура-тай*
 Дарима Баир-DAT сам-DAT-3 любовь-COM
 ‘Дарима любит **самого** Баира.’
- (12) *Базар Арюн-ы-е бэе-ы-е-нь зур-аа*
 Базар Арюна-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT1
 ‘Базар нарисовал **саму** Арюну.’

Как отмечают многие исследователи (см., например, [Лютикова 2002]), в языках мира распространенным явлением является омонимия показателей рефлексива и интенсификаторов, и эти значения зачастую выражаются с помощью одних и тех же единиц. В нашем случае мы не можем говорить о полной омонимии, так как интенсификатор, как правило, имеет показатель третьего лица, а не рефлексива (кроме случаев, когда он относится к субъекту), но важно отметить, что они образуются от одних и тех же двух корней.

Таким образом, простые рефлексивные местоимения могут быть субъектно ориентированными, если конечный показатель рефлексивный, или нет, если вместо него используется показатель третьего лица, причем во втором случае antecedent местоимения не определяется однозначно, если только оно не интенсифицирует выраженную именную группу. Забегая вперед, заметим, что использование составного рефлексива позволяет избежать такой неоднозначности.

3.2. Поведение в сложной предикации

Мы рассмотрим две основные конструкции, использующиеся в бурятском языке для образования сложноподчиненного предложения. Первая из них — конструкция с комплементаризером *ГЭЖЭ*, исторически образованным от глагола ‘говорить’ с помощью деепричастного суффикса (подробнее о свойствах *ГЭЖЭ* в бурятском языке см. [Bondarenko 2017]). Вторая — конструкция с номинализацией, образование которой будет описано ниже.

Находясь внутри зависимой клаузы с комплементаризером *ГЭЖЭ*, субъектно ориентированный простой рефлексив допускает кореферентность только субъекту внутренней клаузы.

(13) *Бадма Саяна бэе / өөр тухай-гаа*

Бадма Саяна тело сам o-REFL

хөөрэ-хэ *гэ-жэ* *гуй-гаа*

рассказывать-POТ говорить-CONV1 просить-PRT1

‘Бадма_i попросил, чтобы Саяна_j рассказала **о себе**_{j/*i}.’

Кореферентность субъекту матричной предикации становится возможной только в конструкции с номинализацией с учетом определенных ограничений. Местоимение *өөрөө* задает более строгие ограничения для возможности дистантного прочтения, то есть в целом оно является более локальным.

Номинализация в бурятском языке образуется с помощью добавления определенных показателей к глагольной основе (подробнее о свойствах номинализаций см. [Bondarenko 2017]). Одной из наиболее частотных является конструкция, при которой к основе глагола последовательно добавляются показатель потенциализа и падежный показатель аккузатива, и в примерах ниже будет представлена именно она. За падежным показателем может следовать показатель рефлексива, если субъект внутренней предикации

кации совпадает с субъектом матричной. В противном случае на этом месте может быть показатель третьего лица, но его присутствие не обязательно.

В односубъектном сложноподчиненном предложении рефлексив, находящийся внутри зависимой предикации, всегда кореферентен субъекту, выраженному в главной клаузе (который и является невыраженным субъектом внутренней):

- (14) *Бадма Нарана-да бэе / өөр тухай-гаа*
 Бадма Нарана-DAT тело сам о-REFL
хөөрэ-хэ-ео хана-на
 рассказывать-POT-ACC.REFL хотеть-PRS
 ‘Бадма_i хочет рассказать Наране_j о себе_i.’

Находясь в разносубъектной конструкции с номинализацией, *бэээ* в определенном контексте может иметь антецедентом субъект матричной предикации, тогда как *өөрөө* не может. Например, в следующем предложении с *бээдээ* дистантная интерпретация возможна и, в соответствии с семантикой, является наиболее предпочтительной, а с *өөртөө* возможна только локальная интерпретация рефлексива.

- (15) *Дугар Наран-ы-е бэе-д-ээ бэшэг*
 Дугар Нарана-CNT-ACC тело-DAT-REFL письмо
бэшэ-х-ы-е гуй-гаа
 писать-POT-CNT-ACC просить-PRT I
 ‘Дугар_i попросил, чтобы Нарана_j написала письмо **ему_i** / **себе_j**.’

- (16) *Дугар Наран-ы-е өөр-т-өө бэшэг*
 Дугар Нарана-CNT-ACC сам-DAT-REFL письмо
бэшэ-х-ы-е гуй-гаа
 писать-POT-CNT-ACC просить-PRT I
 ‘Дугар_i попросил, чтобы Нарана_j написала письмо **себе_j** / ***ему_i**.’

Находясь в финитной зависимой клаузе, оба рефлексива допускают только локальную интерпретацию, то есть могут быть кореферентны только субъекту зависимой клаузы:

- (17) *Жаргал Саян-ы-е бэе-д-ээ эдээ*
 Жаргал Саяна-CNT-ACC тело-DAT-REFL еда
бэлдэ-нэ гэ-жэ хара-на
 готовить-PRS говорить-CONV1 видеть-PRS
 ‘Жаргал_i видит, как Саяна_j готовит еду себе_j / *ему_i.’
- (18) *Жаргал Саян-ы-е өөрт-өө эдээ*
 Жаргал Саяна-CNT-ACC сам-DAT-REFL еда
бэлдэ-нэ гэ-жэ хара-на
 готовить-PRS говорить-CONV1 видеть-PRS
 ‘Жаргал_i видит, как Саяна_j готовит еду себе_j / *ему_i.’

4. Бурятский составной рефлексив

4.1. Основные свойства

Простые рефлексивные местоимения не являются единственным способом обеспечения кореферентности, которая также может выражаться с помощью составного рефлексива. Существующие грамматики бурятского языка не содержат упоминаний об этом явлении, и синтаксические свойства бурятского составного рефлексива не были описаны ранее. Составной рефлексив образуется как сочетание двух корней простых рефлексивов, не обязательно одинаковых, которые последовательно присоединяют определенные падежные показатели и показатель рефлексива или третьего лица. Ограничения на взаимное расположение компонентов и присоединяемые показатели будут описаны ниже.

Рассмотрим примеры (19)–(20) с составными формами от рефлексивного корня *бэе-*.

- (19) *Сэсэг бэ-яан-аа бэ-ээр-ээ ай-на*
 Сэсэг тело-ABL-REFL тело-INSTR-REFL бояться-PRT1
 ‘Сэсэг_i сама себя_j боится.’
- (20) *Түмэн Нарана-да бэе-ы-е-нь бэе-дэ-нь*
 Түмэн Нарана-DAT тело-CNT-ACC-3 тело-DAT-3
зур-аа
 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал Наране_j ее саму_i.’

В обоих предложениях первый компонент получает падеж от глагола, а второй интенсифицирует antecedent составного

рефлекси́ва (подробнее о том, чем обусловлен выбор падежей, см. раздел 4.3), хотя обратный порядок следования компонентов также возможен.

В (19) представлен субъектно ориентированный составной рефлексив, где оба компонента присоединяют показатель рефлексива *-АА*. В (20) составной рефлексив кореферентен не субъекту, а именной группе в дативе, и на обоих местоимениях присутствует показатель третьего лица *-НЬ*. Отметим, что дискурсивная интерпретация такого рефлексива — т. е. отсылка к референту, не упомянутому в этой клаузе, — не допускается, так как на одном из его компонентов дублируется падеж antecedента, что подробнее будет описано в разделе 4.3.

Приведем для наглядности таблицу, поясняющую структуру и значение компонентов составного рефлексива в примерах (19)–(20):

Таблица 1. Компоненты составного рефлексива на примере предложений (19)–(20)

	I компонент	II компонент	Антецедент
(19) — субъектно ориентированный составной рефлексив	<i>бэе-яан-аа</i> тело-ABL-REFL 'себя'	<i>бэ-еэр-ээ</i> тело-INSTR-REFL 'сама'	<i>Сэсэг</i> Сэсэг.NOM
(20) — несубъектно ориентированный составной рефлексив	<i>бэе-ы-е-нь</i> тело-CNT-ACC-3 'ее самой'	<i>бэе-дэ-нь</i> тело-DAT-3 'для нее самой'	<i>Нарана-да</i> Нарана-DAT
Значение падежных показателей	Падеж всей рефлексивной ИГ	Падеж antecedента (в опр. случаях NOM ↔ INSTR, подробнее см. раздел 4.3.)	
Семантика	Собственно рефлексив	Интенсификатор (для ИГ, выступающей в роли antecedента)	

Как будет подробнее показано позже, существуют некоторые отклонения от этой схемы, в том числе стоит заметить, что порядок следования компонентов может быть обратным.

Так, например, если в (19) и (20) поменять порядок местоимений, ничего не изменится:

(21) *Сэсэг бэ-ээр-ээ бэ-яан-аа ай-на*
Сэсэг тело-INSTR-REFL тело-ABL-REFL бояться-PRT1
'Сэсэг_i сама себя_i боится.'

(22) *Түмэн Нарана-да бэе-дэ-нь бэе-ы-е-нь*
Түмэн Нарана-DAT тело-DAT-3 тело-CNT-ACC-3
зур-аа
рисовать-PRT1
'Түмэн нарисовал Наране; ее саму_i.'

Если в (20) падеж антецедента составного рефлексива заменить на аккумулятив, то есть на падеж первого из его компонентов, предложение также останется грамматичным и будет значить практически то же самое:

(23) *Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь бэе-дэ-нь*
Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 тело-DAT-3
зур-аа.
рисовать-PRT1
'Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой_i.'

В двух последних предложениях интенсификатор стоит сразу за именной группой, падеж которой он копирует. Можно было бы предположить, что в этом случае местоимения могут интерпретироваться по отдельности, как интенсификатор и простой рефлексив, то есть что пример (23) также допускает интерпретацию 'Түмэн нарисовал саму Нарану для нее', где дативный аргумент может быть кореферентен аккумулятивному, а может быть проинтерпретирован дискурсивно. Носители, однако, не допускают такой интерпретации, что и дает повод говорить о сочетаниях типа *бэеыень бэедэнь* как о составном рефлексиве, так как они обнаруживают отличные от свойств компонентов анафорические свойства.

Важно отметить, что интенсификатор копирует именно падеж antecedента, а не падеж, получаемый местоимением, оба компонента не могут иметь одинаковый падеж:

- (24) **Түмэн Нарана-да бэе-ы-е-нь бэе-ы-е-нь*
 Түмэн Нарана-DAT тело-CNT-ACC-3 тело-CNT-ACC-3
зур-аа.
 рисовать-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой.’

Итак, как мы уже заметили, в предложении (23) первый компонент рефлексива несет интенсифицирующую функцию, копируя падеж antecedента, а падеж второго компонента, датив, становится падежом рефлексивной именной группы. Если в этом предложении изменить линейный порядок следования составляющих составного рефлексива, снова получится семантически идентичное предложение:

- (25) *Түмэн Наран-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-е-нь*
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-ACC-3
зур-аа.
 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал Нарану_i для нее самой.’

Если в примере (25) убрать первый компонент рефлексивной именной группы, оставшееся местоимение будет выступать в роли интенсификатора для референциального выражения, падеж которого оно дублирует:

- (26) *Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь зур-аа.*
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал **саму** Нарану.’

Если убрать второй компонент, оставшееся рефлексивное местоимение вновь будет проинтерпретировано как интенсификатор для некоторой невыраженной именной группы:

- (27) *Түмэн Наран-ы-е бэе-дэ-нь зур-аа.*
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн_i нарисовал Нарану_j для него^(*) / для нее_(j).’

Заметим, что падеж рефлексива теперь не совпадает с падежами других членов предложения. В результате у местоимения

появляется возможность иметь дискурсивного референта, заданного вне предложения. Пример (27) допускает несколько интерпретаций и может значить как то, что Тумэн нарисовал Нарану для самой Нараны (по ее просьбе), так и то, что он нарисовал ее для другого участника, не названного в предложении, если этот участник достаточно активирован в сознании слушающего в момент восприятия (то есть референция определяется дискурсивно). Наличие показателя третьего лица, в свою очередь, исключает возможность кореферентности с субъектом.

В этом случае также можно считать, что местоимение выступает как интенсификатор для синтаксически невыраженной именной группы.

Стоит отметить, что предложение (27) не может значить ‘Тумэн нарисовал саму Нарану’, так как местоимение имеет показатель датива, однозначно указывающий на единственный падеж для именной группы, которую он может интенсифицировать.

4.2. Основа составного рефлексива

В примерах выше в состав рефлексивной именной группы входят местоимения с корнем *бэе-*, однако существуют и аналогичные примеры с *өөр-*, в том числе случаи, когда в составном рефлексиве используются два разных корня:

(28) *хүбүүн өөр-өө өөр-тэй-гөө зугаал-на*
 мальчик сам-REFL сам-COM-REFL разговаривать-PRS
 ‘Мальчик разговаривает **сам с собой.**’

(29) *Бадма бэ-ээр-ээ өөр-т-өө дур-тай*
 Бадма тело-INSTR-REFL сам-DAT-REFL любовь-COM
 ‘Бадма любит **самого себя.**’

Следующие примеры различаются только выбором корней и не имеют никаких семантических различий. В каждом случае подразумевается, что Сэсэг изначально находится не дома, и Баир просит ее сходить домой.

(30) *Баир Сэсэг-ы-е өөр-тэ-нь өөр-ы-е-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC сам-DAT-3 сам-CNT-ACC-3
эльгээ-гээ
 посылать-PRTI
 ‘Баир послал Сэсэг₁ к ней самой.’

- (31) *Баир Сэсэг-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-3
ЭЛГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой.’
- (32) *Баир Сэсэг-ы-е бэе-дэ-нь өөр-ы-е-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC тело-DAT-3 сам-CNT-ACC-3
ЭЛГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой.’
- (33) *Баир Сэсэг-ы-е өөр-тэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Сэсэг-CNT-ACC сам-DAT-3 тело-ACC-3
ЭЛГЭЭ-ГЭЭ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Сэсэг_i к ней самой.’

4.3. Падежные показатели

Рассмотрим падежные показатели на местоимениях, образующих составной рефлексив. Одно местоимение, как правило, имеет падеж собственно рефлексива, а другое — копирует падеж antecedента.

Однако в некоторых случаях (см. (19) или (29)) один из рефлексивов стоит в инструменталисе, а не в номинативе, как его antecedент. Это происходит исключительно с рефлексивом, образованным от *бэе-*, и объясняется морфологически: у местоимения *бэеэ* форма номинатива отсутствует. В соответствии с нашими данными о морфологии бурятского языка форма номинатива выглядела бы так же, как и форма *бэеэ*, которая употребляется в контексте аккузатива вместо отсутствующей формы **бэе-ы-е-э* <тело-CNT-ACC-REFL>. Но в номинативном контексте *бэеэ* нельзя употребить, и интенсифицирующую функцию несет форма инструменталиса *бэеэрээ*:

- (34) *Дугар бэ-ээр-ээ / *бэ-е-э гэр*
 Дугар тело-INSTR-REFL тело-ACC-REFL дом
бар-яа
 строить-PRT1
 ‘Дугар **сам** построил дом.’

Интересно, что в конструкции с объектным результатом рефлексив становится кореферентен не формальному субъекту, а именно агентивному участнику в инструменталисе, и тогда падеж одного из рефлексивов действительно совпадает с падежом антецедента:

- (35) *Энэ гэр Бадм-аар; бэе-д-ээ*
Этот дом Бадма-INSTR тело-DAT-REFL
бэ-ээр-ээ; бар-яатай
тело-INSTR-REFL строить-OBJ.RES
'Этот дом был построен Бадмой_i для себя самого.'

С рефлексивом, образованным от *өөр-*, все происходит с точностью до наоборот: интенсифицирующую функцию несет форма номинатива. И в объектном результате, соответственно, один из компонентов составного рефлексива находится в форме номинатива, тогда как антецедент выражается инструменталисом.

- (36) *Энэ шүлэн өюн-аар; өөр-өө өөр-т-өө;*
Этот суп Оюна-INSTR сам-REFL сам-DAT-REFL
шан-аатай
варить-OBJ.RES
'Этот суп был сварен Оюной_i для себя самой.'

4.4. Показатели рефлексива и третьего лица

За падежными показателями на каждом из компонентов составного рефлексива следуют показатели рефлексива или третьего лица, причем оба компонента присоединяют один и тот же показатель. В противном случае сочетание двух местоимений не может рассматриваться как единая именная группа, так как антецеденты местоимений различны:

- (37) *Дугар бэ-ээр-ээ бэе-дэ-нь дура-тай*
Дугар тело-INSTR-REFL тело-DAT-3 любовь-COM
{Нарана ненавидит Дугара, а} 'Сам Дугар ее любит.'

Выбор одного из таких показателей накладывает существенные ограничения на анафорические свойства составного рефлексива. Рефлексивные показатели делают составной рефлексив субъектно ориентированным, то есть обязательно кореферентным субъекту предложения (за исключением формы объектного результата,

где они кореферентны не формальному субъекту, а агенту в инструменталисе, как было показано в предыдущем разделе). Показатели третьего лица, напротив, указывают на наличие подлежащего с-командующего antecedента.

Напомним, что похожая ситуация наблюдается с простыми рефлексивами: без рефлексивного или личного показателя они не употребляются, с рефлексивным показателем они кореферентны субъекту, а с показателем третьего лица имеют либо дискурсивно заданного референта, не упомянутого в клаузе, либо референта, выраженного подлежащей именной группой.

(38) *Жаргал_i Дарим-ы-е_j өөр-т-өө_{ij}*_j дууд-аа*
 Жаргал Дарима-CNT-ACC сам-DAT-REFL звать-PRT1
 ‘Жаргал_i позвал Дариму_j к себе_{i/*j}.’

(39) *Дугар_i бэе-ы-нь_{ij}*_jгэрэл соо хар-аа*
 Дугар тело-CNT-3 зеркало в видеть-PRT1
 ‘Дугар_i увидел в зеркале его_{i/*i} самого_{j/*i}.’

Различие заключается лишь в том, что составной рефлексив, присоединяя показатели третьего лица, однозначно указывает на совпадение antecedентов местоимений и, следовательно, если одно из местоимений интенсифицирует выраженную именную группу, то только ей может быть кореферентен весь составной рефлексив. Заметим, однако, что такой выраженной именной группы в предложении может не быть.

4.5. Поведение в сложной предикации

В зависимой предикации субъектно ориентированный составной рефлексив обнаруживает свойства, близкие свойствам аналогичного простого рефлексива. Так, находясь внутри зависимой клаузы с *ГЭЖЭ*, он не может иметь дистантного прочтения:

(40) *Түмэн үсэгэлдэр Саян-ы-е_i өөр-өө*
 Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
өөр-т-өө_i бэшэг бэшэ-хэ гэ-жэ
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT говорить-CONV1
һур-аа
 просить-PRT1
 ‘Түмэн вчера попросил Саяну_i написать письмо **самой себе_i**.’

- (41) *Бадма үсэгэлдэр Наран-ы-е; бэ-ээр-ээ*
Бадма вчера Нарана-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
бэе тухай-гаа; хөөрэ-хэ гэ-жэ
тело o-REFL рисовать-POT говорить-CONV1
нур-аа
просить-PRT1

‘Бадма вчера попросил Нарану_i рассказать **о самой себе**.’

Как уже было показано выше, в разделе 3.2, простые рефлексивы в зависимой клаузе с *ГЭЖЭ* подвергаются аналогичным ограничениям. В следующих примерах также невозможно дистантное прочтение рефлексива:

- (42) *Түмэн үсэгэлдэр Саян-ы-е; өөр-т-өө;*
Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-DAT-REFL
бэшэг бэшэ-хэ гэ-жэ нур-аа
письмо писать-POT говорить-CONV1 просить-PRT1

‘Түмэн вчера попросил Саяну_i написать письмо **себе**.’

- (43) *Бадма үсэгэлдэр Наран-ы-е бэе тухай-гаа*
Бадма вчера Нарана-CNT-ACC тело o-REFL
хөөрэ-хэ гэ-жэ нур-аа
рисовать-POT говорить-CONV1 просить-PRT1

‘Бадма вчера попросил Нарану_i рассказать **о себе**.’

В конструкциях с номинализациями, где простой рефлексив *бэээ* в определенных случаях, по мнению многих носителей, может быть кореферентен субъекту матричной клаузы, составной рефлексив, образованный от корня *бэе-*, ведет себя таким же образом.

- (44) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е; бэ-ээр-ээ*
Түмэн вчера Саяна-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
бэе-д-ээ_{ij} бэшэг бэшэ-х-ы-е
тело-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
нур-аа
просить-PRT1

‘Түмэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе** / %себе самому_i.’⁵

⁵ Знак % означает, что интерпретация допускается не всеми носителями, мнения носителей расходятся.

В случае с составным рефлексивом, образованным от *өөр-*, в аналогичном контексте кореферентность субъекту матричной предикации не допускается:

- (45) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j өөр-өө*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
өөр-т-өө_j бэшэг бэшэ-х-ы-е
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
һур-аа
 просить-PRT1
 ‘Тумэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j**.’

Если составной рефлексив образован от двух разных корней, наличие дистантной интерпретации для большинства носителей зависит от основного компонента, отражающего позицию рефлексива, тогда как корень интенсифицирующего компонента не принимается во внимание.

- (46) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j бэ-ээр-ээ*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC тело-INSTR-REFL
өөр-т-өө_j бэшэг бэшэ-х-ы-е
 сам-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
һур-аа
 просить-PRT1
 ‘Тумэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j**.’

- (47) *Түмэн_i үсэгэлдэр Саян-ы-е_j өөр-өө*
 Тумэн вчера Саяна-CNT-ACC сам-REFL
бэе-д-ээ_j бэшэг бэшэ-х-ы-е
 тело-DAT-REFL письмо писать-POT-CNT-ACC
һур-аа
 просить-PRT1
 ‘Тумэн_i вчера попросил Саяну_j написать письмо **самой себе_j / %себе самому_i**.’

Суммируя вышесказанное, приведем таблицу, обобщающую основные свойства простых рефлексивных местоимений и составного рефлексива:

Таблица 2. Основные свойства простого и составного рефлексива

	Простой рефлексив от <i>бэе-</i>	Простой рефлексив от <i>өөр-</i>	Составной рефлексив с первым компонентом от <i>бэе-</i>	Составной рефлексив с первым компонентом от <i>өөр-</i>
Какие позиции может занимать	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной	Все, кроме субъектной
Однозначно ли определяется антецедент (субъектно ориентированный случай)	да	да	да	да
Однозначно ли определяется антецедент (несубъектно ориентированный случай)	нет	нет	да	да
Допускается ли дистантное прочтение в зависимой клаузе с номинализацией	Как правило, да	Как правило, нет	Как правило, да	Как правило, нет
Допускается ли дистантное прочтение в зависимой клаузе с комплементаризмом <i>ГЭЖЭ</i>	Как правило, нет	Нет	Как правило, нет	Нет

Под первым компонентом составного рефлексива в Таблице 2 подразумевается не линейно первый компонент, а тот, который имеет значение собственно рефлексива (а не интенсификатора) и несет падеж всей рефлексивной именной группы.

5. Параллель с реципроком

Образование составного рефлексива в бурятском языке можно сравнить с русской реципрокальной конструкцией *друг друга*. Корень *друг* дублируется, однако первый элемент упот-

ребляется с нулевым падежным показателем, вне зависимости от позиции реципрока:

(48) *Мальчики написали друг другу письма.*

(49) *Маша представила Петю и Васю друг другу.*

В первом случае антецедент — подлежащее, во втором — прямое дополнение, выраженное именной группой в аккумулятиве, но первый компонент составного рефлексива в обоих случаях имеет форму *друг*.

Любопытно заметить, что и в бурятском языке реципрок выражается аналогичным образом. Омонимия или, по крайней мере, этимологическое родство единиц, выражающих значения рефлексива и реципрока — достаточно распространенное явление ([Лютикова 2002]), поэтому мы не видим оснований для того, чтобы считать эти факты связанными. В качестве основы бурятского реципрока выступают те же корни, что и при образовании составного рефлексива, но здесь это обязательно два одинаковых корня: либо два *бэе-*, либо два *өөр-*. На первом компоненте отсутствуют какие-либо показатели (он употребляется в виде чистой основы, а не в форме номинатива, так как в противном случае он присоединял бы показатель рефлексива или третьего лица), а на втором компоненте появляется падеж, соответствующий синтаксической позиции самого местоимения, а затем показатель рефлексива (если реципрок кореферентен субъекту) или третьего лица (в остальных случаях):

(50) *Эдэ хүбүү-д бэе бэ-яан-аа ай-даг*
 Эти мальчик-PL тело тело-ABL-REFL бояться-NAV
 ‘Эти мальчики боятся друг друга.’

(51) *Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е өөр*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC сам
өөр-тэ-нь хар-уул-аа
 сам-DAT-3 видеть-CAUS-PRT I
 ‘Жаргал представил Нарану и Дариму друг другу.’

Следующие примеры показывают, что формы реципрока, в отличие от составного рефлексива, не могут образоваться от двух разных корней:

- (52) *Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е бэе*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC тело
бэе-дэ-нь хар-уул-аа
 тело-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (53) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е өөр*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC сам
бэе-дэ-нь хар-уул-аа
 тело-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (54) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е бэе*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC тело
өөр-тэ-нь хар-уул-аа
 сам-DAT-3 видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- К тому же, компоненты реципрока не могут меняться местами (ср. (52) и (55)) и линейно неразрывны (ср. (57) и (58)):
- (55) **Жаргал Нарана Дарима хоер-ы-е*
 Жаргал Нарана Дарима два-CNT-ACC
бэе-дэ-нь бэе хар-уул-аа
 тело-DAT-3 тело видеть-CAUS-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Жаргал представил Нарану и Дариму **друг другу**.’
- (56) *хүбүү-д өөр өөр-т-өө магазин-һаа ном*
 мальчик-PL сам сам-DAT-REFL магазин-ABL книга
аб-аа
 взять-PRT1
 ‘Мальчики в магазине купили **друг другу** книги.’
- (57) **хүбүү-д өөр магазин-һаа өөр-т-өө ном*
 мальчик-PL сам магазин-ABL сам-DAT-REFL книга
аб-аа
 взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Мальчики в магазине купили **друг другу** книги.’
- (58) *хүбүү-д өөр-өө магазин-һаа өөр-т-өө*
 мальчик-PL сам-REFL магазин-ABL сам-DAT-REFL

НОМ аб-аа

книга взять-PRT1

‘Мальчики в магазине купили книги **сами себе**.’

Пример (57) не грамматичен, местоимения не могут быть проинтерпретированы ни как реципрок (ожидаемое значение), ни как составной рефлексив, то есть значить ‘сами себе’, как в (58). Последняя интерпретация допускается только в том случае, когда оба местоимения содержат показатель рефлексива (или третьего лица, если рефлексив не субъектно ориентированный).

Насчет интерпретации примера (58) также следует добавить, что точно такое же значение предложение имело бы без интенсификатора *өөрөө*, и с этим может быть связана разрывность составного рефлексива. Как мы можем заметить, его составляющие могут разрываться обстоятельственными наречиями. По поводу разрывности большими составляющими носители не всегда сходятся во мнении.

Важно заметить, что формы *өөр* и *бэе* вообще не могут употребляться отдельно, вне форм реципрока:

(59) **Баир өөр НОМ аб-аа*
 мальчик-PL сам книга взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Баир сам купил книгу.’

(60) **Баир бэе НОМ аб-аа*
 мальчик-PL тело книга взять-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Баир сам купил книгу.’

Таким образом, образование реципрока похоже на редупликацию, тогда как составной рефлексив проще анализировать как сочетание рефлексива и интенсификатора.

6. Анализ

Итак, бурятский составной рефлексив представляет собой сочетание двух местоимений, имеющих определенные показатели. Хотя его образование, как и образование реципрока, на первый взгляд напоминает редупликацию, некоторые различия в их свойствах указывают на то, что в случае с составным рефлексивом мы имеем дело с более сложным процессом.

Во-первых, в образовании составного рефлексива могут одновременно принимать участие две различные рефлексивные основы, что недопустимо в случае реципрока (ср. (32)–(33) и (53)–(54)).

Во-вторых, даже если составной рефлексив образуется от двух одинаковых корней, каждый из его компонентов имеет свой падежный показатель, из чего можно сделать вывод, что компоненты изначально занимают различные позиции в структуре предложения. В формах реципрока в качестве первого компонента выступает чистая основа, а падежом маркируется только второй компонент.

Более того, падеж одного из компонентов составного рефлексива обязательно совпадает с падежом (выраженного или нет) другого члена предложения. Наконец, как мы показали выше, компоненты составного рефлексива разрывны и могут следовать друг за другом в любом порядке, что неграмматично в случае с реципроком (ср. примеры (19)–(22), (52), (55) и (57)–(58)).

Основная идея анализа заключается в том, что интенсифицирующий компонент составного рефлексива и именная группа, падеж которой он копирует, в некоторый момент деривации занимают одну позицию, образуя одну составляющую. В пользу такого анализа как раз свидетельствует возможность разрывного употребления составного рефлексива и нахождения компонента, копирующего падеж, в локальной близости к антецеденту местоимения (см. пример (58)).

Похожий анализ был представлен в работе [Heim et al. 1991] для английского реципрока *each other*. Авторы выдвинули предположение о том, что в LF (логическая форма) соответствующих предложений *each* входит в одну составляющую с подлежащим, а сам реципрок выглядит как [e other], где e — след *each*:

- (61) The men saw each other =>
=> [s[NP[NP the men]₁ each₂] [VP saw [NP e₂ other]₃]]
[Heim et al. 1991: 66]

Наше предположение заключается в том, что в бурятском языке на некотором этапе деривации составного рефлексива его компоненты также находятся на разных структурных позициях: тот компонент составного рефлексива, который копирует падеж антецедента, в определенный момент входит с ним в одну состав-

ляющую. Именно тогда, находясь в одной составляющей, они и получают падеж.

Напомним, что компонент, дублирующий падеж антецедента, сам по себе несет интенсифицирующую функцию и может употребляться без составного рефлексива, как в примере (26):

- (62)=(26) *Түмэн Наран-ы-е бэе-ы-е-нь*
 Түмэн Нарана-CNT-ACC тело-CNT-ACC-3
зур-аа
 рисовать-PRT1
 ‘Түмэн нарисовал **саму** Нарану.’

Аналогичным образом интенсификатор субъекта также может употребляться самостоятельно:

- (63)=(5) *Дугар өөр-өө гэр бар-яа*
 Дугар сам-REFL дом строить-PRT1
 ‘Дугар **сам** построил дом.’

Если местоимение не копирует падеж другого участника (как *бээдэнь* в примере (64)), но выше в структуре клаузы содержится сочетание (*референциальное выражение + интенсификатор*), имеющее тот же посессивный показатель — рефлексива или третьего лица, то местоимение обязательно становится кореферентно этой составляющей:

- (64) *Баир Наран-ы-е бэе-дэ-нь бэе-ы-нь*
 Баир Нарана-CNT-ACC тело-DAT-3 тело-CNT-3
элыгээ-гээ
 посылать-PRT1
 ‘Баир послал Нарану; **к ней самой**.’

В таком случае сочетание местоимения и интенсификатора следует анализировать как составной рефлексив, так как вместе они приобретают особые анафорические свойства, обеспечивая кореферентность двух именных групп.

Если же такое местоимение (как *бээдэнь* в (64)) не копирует падеж другого участника и не может быть связано составляющей, в которой референциальное выражение сочетается с интенсификатором (такой как *Нараные бээынь*), оно ведет себя

как интенсификатор для нулевого аргумента (местоимения с дискурсивно заданным референтом):

- (65) *Дугар_i бэе-дэ-нь^(*) дура-тай*
Дугар тело-DAT-3 любовь-COM
'Дугар_i любит **его самого**^(*).'

Заметим, что сочетания типа *бэедэнь бэеынь* также могут использоваться без выраженного кореферентного им участника ситуации (без соответствующего референциального выражения):

- (66) *Дугар бэе-нээ-нь бэе-дэ-нь ном аба-ба*
Дугар тело-ABL-3 тело-DAT-3 книга брать-PRT2
'Дугар купил у нее_i книгу для нее самой_i.'

В предложении (66) кореферентность местоимений, возможно, обусловлена еще и тем, что оба они несут интенсифицирующую функцию, а в одном предложении выделяется, как правило, не более одного участника, поэтому сложно интерпретировать данное сочетание как два некорреферентных интенсификатора.

Этим же прагматическим принципом может объясняться и обязательная кореферентность местоимения группе *референциальное выражение + интенсификатор*, находящейся в том же предложении (как в примере (64)).

Кроме того, существует запрет на наличие в одном предложении двух различных групп вида *референциальное выражение + интенсификатор*:

- (67) **Оюна Саяна-наа бэе-нээ-нь Дугар-та*
Оюна Саяна-ABL тело-ABL-3 Дугар-DAT
бэе-дэ-нь ном аба-ба
тело-DAT-3 книга брать-PRT2
Ожид. знач.: 'Оюна купила книгу у **самой** Саяны для **самого** Дугара.'

Это также может объясняться упомянутыми выше правилами прагматики, не позволяющими выделить в одном предложении более одного участника.

Для дальнейших исследований остается, однако, ряд нерешенных вопросов, затронутых нами косвенно или частично. Так, во-первых, неясно, как именно и в какой момент в структуре

составного рефлексива происходит замена номинатива на инструменталис в случае с местоимением *бэээрээ*. Если это местоимение точно так же, как и *өөрөө*, получает падеж, находясь в одной составляющей с субъектом предложения, то в наиболее распространенном случае это должен быть номинатив. Практически замена падежа объясняется тем, что, как мы показали выше в разделе 4.3, в парадигме местоимения от основы *бэ-* отсутствует нужная форма (рефлексивный номинатив). В данной работе, однако, мы не приводим никакого структурного объяснения и анализа предпосылок для такой замены и оставляем этот вопрос для дальнейших исследований.

Во-вторых, существует дополнительное ограничение для групп *референциальное выражение + интенсификатор*: они не могут следовать в обратном порядке, то есть в общем случае интенсификатор не может стоять перед выражением, которое он интенсифицирует:

- (68) **Баир бэе-ы-нь Наран-ы-е зур-аа*
 Баир тело-ACC-3 Нарана-CNT-ACC рисовать-PRT1
 Ожид. знач.: ‘Баир нарисовал **саму** Нарану.’

Причины возникновения такого запрета пока не полностью ясны, но мы надеемся осветить их в последующих работах.

7. Заключение

Формы составного рефлексива в бурятском языке образуются на основе двух корней простых рефлексивных местоимений, причем могут быть использованы как два одинаковых корня, так и два разных. Один из корней получает падеж всей рефлексивной именной группы, а другой интенсифицирует антецедент рефлексива, как правило, копируя его падеж. Таким образом, составной рефлексив имеет более широкие возможности по сравнению с простым: он не только может однозначно указывать на субъект, но и позволяет выразить кореферентность участнику, находящемуся в несубъектной позиции.

Составной рефлексив, как и простой, в иерархии, предложенной в [Тестелец, Толдова 1998], охватывает все позиции, начиная с левого края (прямое дополнение) и до нефинитной

зависимой предикации (включительно — только для местоимений, образованных от корня *бэе-*).

Формы реципрока в бурятском языке содержат те же корни, что и составной рефлексив, однако его компоненты не могут разрываться, и первый компонент, не присоединяющий никаких показателей, не употребляется самостоятельно. Поэтому мы не предполагаем наличия унифицированного анализа образования этих форм и оставляем анализ форм реципрока для дальнейшего исследования.

Тем не менее, как можно заметить, образование бурятского реципрока напоминает процесс редупликации: основа рефлексива дублируется, и деривационные показатели присоединяются ко второму из компонентов. В случае с составным рефлексивом мы наблюдаем бóльшую вариативность и предполагаем, что его деривация представляет собой более сложный процесс.

Копирование падежа антецедента на одной из частей составного рефлексива говорит о том, что на каком-то этапе синтаксической деривации они образуют одну составляющую. Это подтверждается и возможностью употребления их в качестве сочетания вида *референциальное выражение + интенсификатор*, а также возможностью их появления в локальной близости в случае с составным рефлексивом.

В дальнейшем исследовании предполагается решить некоторые смежные теоретические вопросы, а также проанализировать структуру бурятского реципрока.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CNT — коннектив; COM — комитатив; COMP — комплементаризер; CONV1 — конверб; DAT — датив; HAB — хабитуалис; INSTR — инструменталис; OBJ.RES — объектный результатив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT1/PRT2 — прошедшее время; REFL — рефлексив.

Литература

Колос 2016 — Е. Г. Колос. Об оформлении прямого дополнения и посессора ИГ в баргузинском диалекте бурятского языка // Д. Ф. Мищенко (ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для мо-

- лодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 70. [E. G. Kolos. Ob oformlenii pr'amogo dopolneniia i possessora IG v barguzinskom dialekte bur'atskogo iazyka [On the direct object and NP possessor marking in Barguzin Buryat] // D. F. Mischenko (ed.). Trinadsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh uchenykh. Tezisy dokladov i leksiin. (Sankt-Peterburg, 24–26 noiabria 2016 g.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2016. P. 70].
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [E. A. Liutikova. Kognitivnaia tipologiia: refleksivy i intensifikatory [Cognitive typology: reflexives and intensifiers], M.: IMLI RAN, 2002].
- Поппе 1938 — Н. Н. Поппе. Грамматика бурят-монгольского языка. М. — Л.: изд. Академии наук СССР, 1938. [N. N. Poppe. Grammatika buriat-mongol'skogo iazyka [Buryat-Mongol grammar]. M. — L.: izd. Akademii nauk SSSR, 1938].
- Санжеев 1962 — Г. Д. Санжеев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1962. [G. D. Sanzheev (ed). Grammatika buriatskogo iazyka: Fonetika i morfologiia [Buryat grammar: Phonetics and morphology]. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1962].
- Тестелец, Толдова 1998 — Я. Г. Тестелец, С. Ю. Толдова. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // Вопросы языкознания 3, 1998. С. 35–57. [Ia. G. Testelecs, S. Iu. Toldova. Refleksivnye mestoimeniia v dagestanskikh iazykakh i tipologiia refleksiva [Reflexive pronouns in the Dagestanian languages and the typology of the reflexive] // Voprosy iazykoznaniiia 3, 1998. P. 35–57].
- Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. [N. Iu. Shvedova. Russkaia grammatika [Russian grammar]. Vol. 1. M.: Nauka, 1980].
- Bondarenko 2017 — Т. Bondarenko. ECM in Buryat and the optionality of movement // Proceedings of the 12th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 12). MIT Working Papers in Linguistics 83, 2017.
- Faltz 1977 — L. Faltz. Reflexivization: A study in universal syntax. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, 1977.
- Frajzyngier, Walker 2000 — Z. Frajzyngier, T. Walker (eds.). Reflexives: forms and functions. Vol. 1. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000.
- Heim et al. 1991 — I. Heim, H. Lasnik, R. May. Reciprocity and Plurality // Linguistic Inquiry 22, 1, 1991. P. 63–101.
- Janhunen 2003 — J. Janhunen. On taxonomy of nominal cases in Mongolic // Altai Hakpo 13. Seoul: The Altaic Society of Korea, 2003. P. 83–90.
- Poppe 1960 — N. Poppe. Buriat Grammar. The Hague: Indiana University Publications, 1960.

С. О. Никифорова

Утрехтский университет, Утрехт

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ИВРИТЕ

1. Введение

Адвербиальными глаголами в некоторых работах по лексике и грамматике современного иврита ([Stern 1986; Скородумова 2010] и др.) называются глаголы, в семантическое толкование которых входит компонент с так называемым «адвербиальным», или «наречным», значением (например, *lemaher* ‘спешить’ с адвербиальным значением ‘быстро’).

Определение того, что такое адвербиальное значение, само по себе является непростой задачей. Наречия, как известно, — это семантически крайне неоднородный класс слов, конкретно-языковой состав которого может быть очень разным в зависимости от локальной лингвистической традиции. Обобщая, можно сказать, что наречие всегда обозначает некий параметр либо описываемой ситуации, либо речевого акта. Любые уточнения такой формулировки будут приводить к тому, что ряд лексических единиц, которые в разных языках по формальным признакам оказываются отнесенными к классу наречий, не попадут в этот класс по семантическим основаниям. Тем не менее, конечно, существует и ядро этого класса — несомненные, прототипические наречия. Это слова, обозначающие признаки ситуации, не связанные с коммуникативной структурой предложения, с аспектуальными характеристиками события, с его отношениями к другим событиям и проч. Более подробное обсуждение наречий и наречной семантики можно найти, например, в [Ernst 2002; Schäfer 2005].

Адвербиальную семантику могут иметь не только наречия — специализированные части речи, выделяющиеся в языке в отдельный класс по своим морфосинтаксическим особенностям. Те же функции, что и группы наречия, в тексте могут выполнять разнообразные фразовые категории: именные группы, предложные группы, зависимые клаузы и т. д. Например:

- (1) *Он громко выкрикнул свое имя.*
Он громким голосом выкрикнул свое имя.
Он выкрикнул свое имя во весь голос.
Он выкрикнул свое имя, повысив голос.

Одной из стратегий выражения адвербиальных значений в некоторых языках являются конструкции с сентенциальным актантом. Нечто подобное наблюдается в том числе и в русском языке: глагол *поспешить*, имея в своем толковании адвербиальный компонент ‘быстро’, в сочетании с инфинитивом вызывает импликацию, что действие, которое кто-то «поспешил сделать», успешно (и при этом быстро) осуществилось:

- (2) *Барышня уронила на землю платок, и поручик N **поспешил поднять** его {=быстро поднял его}.*

При этом денотативно близкое в данном контексте выражение *наклонился поднять*, в котором матричный глагол присоединяет сентенциальный сирконстант со значением цели, если и вызывает такую импликацию, то она гораздо менее устойчива:

- (3) *Барышня уронила на землю платок, и поручик N **наклонился поднять** его {но не обязательно поднял его в итоге}.*

В современном иврите конструкции, подобные *поспешить* V_{inf} (и даже более «мощные», т. к. их семантика не подвержена влиянию контекста), образуются с целым рядом глаголов. Все эти глаголы, во-первых, имеют в своем толковании семантический компонент с адвербиальным значением, то есть являются адвербиальными глаголами, и, во-вторых, в своем прямом значении не являются матричными, но в подобных конструкциях получают валентность на сентенциальный актант (инфинитив) и не вводят собственную ситуацию, а описывают параметры ситуации, которую обозначает этот инфинитив. Далее мы будем называть такие особые конструкции с сентенциальным актантом «адвербиальными» (по аналогии с адвербиальными глаголами, входящими в их состав).

В работах по грамматике иврита ([Gesenius et al. 1922; Coffin, Bolozky 2005; Glinert 2005] и проч.) употреблению адвербиальных конструкций уделяется очень мало внимания. В редких случаях перечисляются глаголы, способные занимать в таких конструкциях позицию матричного предиката. В диссертации

[Скородумова 2010], посвященной сериальным конструкциям в иврите, приводится следующий список — самый полный список такого рода:

leaxer ‘опаздывать’, *lehagbia* ‘поднимать’, *lehakdim* ‘предварять’, *lehakpid* ‘проявлять педантичность’, *lehakšot* ‘усложнять’, *lehaskil* ‘поумнеть’, *lehaškim* ‘вставать рано утром’, *lehašpil* ‘понижать’, *lehešir* ‘выпрямлять’, *lehetiv* ‘улучшать’, *lehixapez* ‘спешить’, *lemaet* ‘уменьшать’, *lemaher* ‘спешить’

Согласно [Stern 1986; Dalšad, Bras 2007], к этому списку можно добавить глаголы *lehaarix* ‘удлинять’ и *leharbot* ‘умножать, увеличивать’.

Именно эти пятнадцать глаголов стали нашей отправной точкой для исследования семантики адвербиальных конструкций в современном иврите. Основным материалом исследования послужили анкеты, полученные от носителей языка. Всего было опрошено шесть человек, проживающих в Израиле (г. Тель-Авив), в возрасте от 25 до 37 лет. Мы просили носителей оценить грамматическую правильность сконструированных нами предложений на иврите и перевести их на английский или русский язык. Часть примеров была взята из письменного корпуса иврита, HebrewCorpus (<http://hebrewcorpus.nmelrc.org/search.php>); эти примеры имеют помету [HebrewCorpus]. Корпус содержит художественные, научные и религиозные тексты, энциклопедические и новостные статьи, обсуждения на интернет-форумах, записи блогов и т. д. Всего корпус насчитывает более 150 миллионов словоупотреблений. Перевод предложений из корпуса был осуществлен при помощи тех же носителей языка.

В библейском иврите адвербиальные конструкции в целом были очень частотным способом выражения наречных значений. В отдельных работах, например, [Waltke, O’Connor 1990; Прокопенко 2013], это явление называется адвербиальным гендиадисом¹. Многие наречия появляются в древних текстах значительно позже соответствующих конструкций и однозначно восходят к адвербиальным глаголам (*lemaher* ‘спешить’ → *maher* ‘быстро’, *lehakšot*

¹ Гендиадис — фигура речи, выражающая одно понятие двумя лексическими единицами, например, *try and do something* в значении ‘try to do something’.

‘усложнять’ → *kaše* ‘сложно’ и т. д.). В современном же иврите, по свидетельствам носителей языка, которые подтверждаются данными корпуса, адвербиальные конструкции далеко не так широко распространены и характерны в основном для литературных письменных текстов и подготовленной устной речи. Семь из пятнадцати глаголов, приведенных выше (*lehagbia* ‘поднимать’, *lehakšot* ‘усложнять’, *lehaškim* ‘вставать рано утром’, *lehašpil* ‘понижать’, *lehešir* ‘выпрямлять’, *lehixapez* ‘спешить’, *lemaher* ‘спешить’), как выяснилось, перестали образовывать адвербиальные конструкции. Нам также не удалось отыскать никаких дополнений к этому списку. Оставшиеся восемь глаголов можно разделить на две группы.

1) Глаголы *lehetiv* ‘улучшать’, *lemaet* ‘уменьшать’, *lehakdim* ‘предварять’, *leaxer* ‘опаздывать’, *leharbot* ‘умножать, увеличивать’ и *lehaarix* ‘удлинять’ употребляются в адвербиальных конструкциях со значением, характеризующим собственно действие:

(4) *hem* *yarbu* *laavod* *maxar*
они.М умножать.FUT.3PL работать.INF завтра
‘Они завтра будут много работать’.

2) Глаголы *lehakpid* ‘проявлять педантичность’, *lehaskil* ‘помунить’ употребляются в адвербиальных конструкциях с наречным значением, характеризующим Агенса.

(5) *yaskil* *laasot* *ha-kol*
умнить.FUT.3SG.M сделать.INF DEF-все
“*kašer* *ve=yašer*”
кошерный и=прямой
‘Он сумеет сделать все хорошо и правильно’.

В нашем исследовании мы подробно рассмотрим семантику конструкций с этими глаголами; изучение их синтаксических особенностей остается задачей будущих исследований. Заметим кратко, что ограничений на грамматическую форму адвербиального глагола и на синтаксическую позицию конструкции в предложении обнаружено не было. Адвербиальная конструкция подчиняется общим синтаксическим правилам и ограничениям иврита: спрягаемый адвербиальный глагол предшествует сентенциальному

актанту, выраженному инфинитивом, прямое дополнение смыслового глагола следует за ними. Между адвербиальным глаголом и инфинитивом может находиться модификатор адвербиального глагола (семантически — модификатор «наречия»), например, наречие *meod* ‘очень’ и *yoter miday* ‘слишком’. Инфинитив в адвербиальной конструкции может быть любым, если он прагматически нормален в контексте.

Далее в разделе 2 проиллюстрировано употребление тех глаголов из списка [Скородумова 2010], которые не способны к образованию адвербиальных конструкций; в разделах 3 и 4 описаны адвербиальные конструкции с глаголами первой и второй групп соответственно.

2. Не адвербиальные конструкции

— *lehaškim* ‘вставать рано утром’

Предполагаемое² значение конструкции — ‘делать что-либо рано’ или ‘делать что-либо заранее’.

Употребляется только в прямом значении; может управлять инфинитивом исключительно с целевой семантикой:

(6) *hu hiškim lecalcel elai*
он встать_рано.PST.3SG.M позвонить.INF к.POSS.1SG
‘Он встал рано, чтобы позвонить мне’.

(7) **hu hiškim lalexet lišon*
он встать_рано.PST.3SG.M идти.INF спать.INF
Ожидаемое значение: ‘Он рано пошел спать’.

— *lehagbia* ‘поднимать’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо высоко’.

Употребляется только в прямом значении; валентность на прямое дополнение может заполняться только именной группой.

(8) **hu higbia laaxoz et*
он поднять.PST.3SG.M держать.INF OBJ.DEF

² Здесь и далее в этом разделе: предполагаемое в [Скородумова 2010].

ha-degel

DEF-флаг

Ожидаемое значение: ‘Он высоко держал флаг’.

- (9) *hu higbia et ha-yad*
 он поднять.PST.3SG.M OBJ.DEF DEF-рука
šelo laaxoz et ha-degel
 POSS.3SG.M держать.INF OBJ.DEF DEF-флаг
 ‘Он поднял руку, чтобы держать флаг’.

— *lehašpil* ‘понижать’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо низко, на небольшой высоте’.

Употребляется только в прямом значении; валентность на прямое дополнение может заполняться только именной группой.

- (10) **hu hišpil laaxoz et*
 он понижать.PST.3SG.M держать.INF OBJ.DEF
ha-degel
 DEF-флаг
 Ожидаемое значение: ‘Он низко держал флаг’.

- (11) *hu hišpil et ha-yad*
 он понижать.PST.3SG.M OBJ.DEF DEF-рука
šelo laaxoz et ha-degel
 POSS.3SG.M держать.INF OBJ.DEF DEF-флаг
 ‘Он опустил руку, чтобы держать флаг’.

— *lehešir* ‘выпрямлять’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо прямо’.

Очень редкий глагол, не принимает сентенциальный актант и употребляется почти исключительно в устойчивом выражении со значением ‘посмотреть прямо’ (дословно «выпрямить взгляд»):

- (12) *hu hešir mabat*
 он выпрямлять.PST.3SG.M взгляд
 ‘Он посмотрел прямо’.

- (13) **hu hešir lalexet / lir’ot*
 он выпрямлять.PST.3SG.M идти.INF смотреть.INF
 Ожидаемое значение: ‘Он прямо шел/смотрел’.

— ***lehakšot*** ‘усложнять’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо сложно, сложным образом’.

Употребляется только в прямом значении, как правило с именной группой в качестве прямого дополнения. Сентенциальный актант (инфинитив) теоретически может занимать позицию прямого дополнения, но адвербиальной конструкции при этом не образуется: в таком случае подразумевается наличие дополнительного невыраженного участника, а инфинитив указывает на то действие, осуществление которого субъект усложнил для этого участника.

- (14) *hu hikša* *liftor* *et*
 он усложнять.PST.3SG.M решить.INF DEF.OBJ
ha-beaja
 DEF-проблема
 1. ‘Он усложнил {кому-то} решение проблемы’.
 2. *‘Он решил проблему сложным образом’.

— ***lemaher*** ‘спешить’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо быстро’.

Глагол *lemaher* ‘спешить’ может принимать сентенциальный актант (инфинитив) со значением цели, но адвербиальной конструкции при этом не образует, так как обозначает отдельную ситуацию, а не параметр ситуации, выраженной сентенциальным актантом. Так, пример (15) описывает не одну, а две отдельные ситуации, связанные целевым отношением (*поспешил, чтобы побежать*, а не *быстро побежал*).

- (15) *hu miher* *laruc* *leorex* *ha-kviš*
 он спешить.PST.3SG.M бежать.INF вдоль DEF-дорога
 ‘Он поспешил побежать вдоль дороги {например, быстро пересек дорогу, чтобы бежать по другой ее стороне}’.

Также невозможно сочетание с инфинитивом в тех случаях, когда субъект не является Агенсом.

- (16) **ha-kadur miher* *lehitalgel* *leorex*
 DEF-мяч спешить.PST.3SG.M катиться.INF вдоль

ha-kviš

DEF-дорога

Ожидаемое значение: ‘Мяч быстро катился по дороге’.

- (17) *hu miher lamut*
 он спешить.PST.3SG.M умереть.INF
 1. ‘Он спешил умереть {хотел умереть и совершал рискованные поступки}’.
 2. #‘Он быстро умер’.

В отличие от русского *поспешить* V_{inf} , выражение *lemaher* V_{inf} не вызывает имплицатуру успешного осуществления действия.

- (18) *Барышня уронила на землю платок, и поручик N поспешил поднять его* {=быстро поднял его}.

- (19) *hu miher lehanif et*
 он спешить.PST.3SG.M поднять.INF DEF.OBJ
ha-mitxata
 DEF-платок
 ‘Он поспешил поднять платок {неизвестно, удалось ему это или нет}’.

— *lehixapez* ‘спешить’

Предполагаемое значение конструкции — ‘делать что-либо быстро’.

Глагол *lehixapez* ‘спешить’ — более архаичный и менее употребительный, чем *lemaher* ‘спешить’, однако, не считая этого, глаголы полностью синонимичны и, в частности, одинаково ведут себя при образовании конструкций с инфинитивом.

- (20) *hu nexpaz laruc leorex ha-kviš*
 он спешить.PST.3SG.M бежать.INF вдоль DEF-дорога
 ‘Он поспешил побежать вдоль дороги {быстро пересек дорогу, чтобы бежать по другой ее стороне}’.

- (21) **ha-kadur nexpaz lehitgalgel leorex*
 DEF-мяч спешить.PST.3SG.M катиться.INF вдоль
ha-kviš
 DEF-дорога
 Ожидаемое значение: ‘Мяч быстро катился по дороге’.

- (22) *hu nexraz lamut*
 он спешить.PST.3SG.M умереть.INF
 1. ‘Он спешил умереть {хотел умереть и совершал рискованные поступки}’.
 2. #‘Он быстро умер’.

3. Адвербиальные конструкции со значениями, характеризующими собственно действие

— *lemaet* ‘уменьшать’

Употребление глагола *lemaet* ‘уменьшать’ в прямом значении проиллюстрировано в примерах (23)–(24).

- (23) *maxala memaetet et ha-koax*
 болезнь уменьшать.PRS.3SG.F DEF.OBJ DEF-сила
ve=et ha-tamon
 и=DEF.OBJ DEF-капитал
 ‘Болезнь уменьшает силу и капитал’. [HebrewCorpus]

- (24) *hu miet be=limudey kodeš*
 он уменьшить.PST.3SG.M в=учение.PL священный
ve=hifna libo le=dvarim
 и=повернуть.PST.3SG.M сердце.POSS3SG.M к=вещь.PL
btelim
 пустой.PL
 ‘Он стал реже изучать священные книги (букв. уменьшил в священных учениях) и повернул свое сердце к пустым делам’. [HebrewCorpus]

Этот глагол может иметь сентенциальный актанта (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘мало’ (‘с малым числом объектов’ / ‘в течение короткого времени’, но не ‘в малой степени’) или ‘редко’.

- (25) *ha-gešem miet laredet*
 DEF-дождь уменьшить.PST.3SG.M спускаться.INF
 ‘Дождь мало (недолго) шел’.
- (26) *gšamim memaatim laredet po*
 дождь.PL уменьшить.PRS.3PL.M спускаться.INF здесь
 ‘Дожди здесь идут редко’.

- (27) *ha-xalon miet lehifateax*
 DEF-окно уменьшить.PST.3SG.M открыться.INF
 1. ‘Окно редко открывалось’.
 2. #‘Окно немного приоткрылось/приоткрывалось’.

— *leharbot* ‘умножать, увеличивать’

Употребление глагола *leharbot* ‘умножать, увеличивать’ в прямом значении проиллюстрировано в примерах (28)–(29).

- (28) *hu hitxil lid'og eux*
 он начать.PST.3SG.M заботиться.INF как
leharbot et haxnasotav
 увеличить.INF DEF.OBJ доход.PL.POSS3SG.M
 ‘Он начал заботиться о том, как увеличить свои доходы’.
 [HebrewCorpus]

- (29) *leharbot šalom ba=olam!*
 увеличить.INF мир в=мир
 ‘Преумножать мир во всем мире!’ [HebrewCorpus]

Этот глагол может иметь сентенциальный актанта (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘много’ (‘с большим числом объектов’ / ‘в течение долгого времени’, но не ‘в большой степени’) или ‘часто’.

- (30) *al tarbe lištot be=mesiba!*
 NEG.IMP умножать.FUT.2SG.M пить.INF в=вечеринка
 ‘Не пей много на вечеринке!’

- (31) *hu hirba lištot be=mesibot*
 он умножать.PST.3SG.M пить.INF в=вечеринка.PL
 1. ‘Он часто пил на вечеринках’.
 2. ‘Он много пил на вечеринках’.

- (32) *ha-simla hirbeta lehitlaxlex*
 DEF-платье умножать.PST.3SG.F пачкаться.INF
 1. ‘Платье часто пачкалось’.
 2. #‘Платье сильно пачкалось/испачкалось’.

— *lehaarix* ‘удлинять’

Употребление глагола *lehaarix* ‘удлинять’ в прямом значении проиллюстрировано в примере (33).

- (33) *bikšu lehaarix lahem et*
 просить.PST.3PL удлинить.INF они.DAT DEF.OBJ
muadej ha-tašlumim
 срок.PL DEF-платеж.PL
 ‘Они попросили продлить им срок платежа’.
 [HebrewCorpus]

Этот глагол может иметь сентенциальный актант (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘долго’.

- (34) *hu ohev lehaarix laxalom /*
 он любить.PRS.3SG.M удлинять.INF мечтать.INF
ledaber im ha-xaverim šelo
 говорить.INF с DEF-друг.PL POSS.3SG.M
 ‘Он любит долго мечтать/говорить со своими друзьями’.

- (35) *ele še=maarixim lišhot kan*
 те кто=удлинять.PRS.3PL.M пребывать.INF здесь
ve=zolelim al xešbon ha-nazirim...
 и=обжираться.PRS.3PL.M на счет DEF-монах.PL
 ‘Те, кто долго живет здесь и обжирается за счет монахов...’
 [HebrewCorpus]

- (36) *ha-man’ul heerix lehifateax*
 DEF-замок удлинять.PST.3SG.M открываться.INF
 ‘Замок открывался долго’.

— *lehakdim* ‘предварять, опережать’

Употребление глагола *lehakdim* ‘предварять, опережать’ в прямом значении проиллюстрировано в примерах (37)–(38).

- (37) *kol kaše šel iša*
 голос грубый POSS женщина
hikdim et hofata
 предварять.PST.3SG.M DEF.OBJ появление.POSS3SG.F
šel ceira
 POSS девушка
 ‘Грубый женский голос предварил появление молодой девушки’.
 [HebrewCorpus]

- (38) *alpey anašim hikdimu oti*
 тысяча.PL люди предварять.PST.3PL меня

ax lo heezu

но NEG решиться.PST.3PL

‘Тысячи людей опережали меня, но не осмеливались {что-то сделать}’.

[HebrewCorpus]

Этот глагол может иметь сентенциальный актанта (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘рано’.

(39) *aleuxa lehakdim lalexet lišon*

на.POSS2SG.M предварять идти.INF спать.INF

‘Тебе надо рано пойти спать’.

(40) *maxar nakdim meod lakum*

завтра предварять.FUT.1PL очень встать.INF

‘Завтра мы очень рано встанем’.

(41) *ha-xoref hikdim lavo ha-šana*

DEF-зима предварять.PST.3SG.M прийти.INF DEF-год

‘Зима рано пришла в этом году’.

(42) *ba=boker exad hikdima yoter*

в=утро один предварять.PST.3SG.F более

miday latet oxel le=mavkira

слишком дать.INF еда DAT=первоательная

‘Однажды утром она слишком рано покормила первоательную’.

[HebrewCorpus]

— *leaxer* ‘опаздывать’

Употребление глагола *leaxer* ‘опаздывать’ в прямом значении проиллюстрировано в примере (43).

(43) *hi ixara le=bxina*

она опаздывать.PST.3SG.F к=экзамен

‘Она опоздала на экзамен’.

Этот глагол может иметь сентенциальный актанта (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘поздно’.

(44) *hu ixer levakeš slixa,*

он опаздывать.PST.3SG.M просить.INF прощение

- ve=laxen hi lo salxa lo*
 и=поэтому она не простить.PST.3SG.F он.DAT
 ‘Он поздно попросил прощения, поэтому она его не простила’.
- (45) *kol ha-layla nadeda šnata*
 весь DEF-ночь скитаться.PST.3SG.F сон.POSS3SG.F
me=euneuha, ve=rak kaašer
 от=глаз.PL.POSS3SG.F и=только когда
heir ha-šaxar, nirdema,
 светлеть.PST.3SG.M DEF-зря заснуть.PST.3SG.F
ve=teaxer lakum
 и=опаздывать.FUT.3SG.F встать.INF
 ‘Всю ночь она не могла заснуть, и, только когда рассвело, заснула, и встанет она поздно’.
- (46) *hu tamid meaxer meod lavo*
 он всегда опаздывать.PRS.3SG.M очень прийти.INF
habayta
 домой
 ‘Он всегда очень поздно приходит домой’.

— *lehetiv* ‘улучшать’

Употребление глагола *lehetiv* ‘улучшать’ в прямом значении проиллюстрировано в примере (47).

- (47) *yevakeš eca eux lehetiv*
 просить.FUT.3SG.M совет как улучшить.INF
macav ha-umlamim
 состояние DEF-несчастный.PL
 ‘Он попросит совета, как улучшить состояние несчастных’.

Этот глагол может иметь сентенциальный актанта (инфинитив), в конструкции с которым значение глагола меняется на ‘хорошо’ (высокая степень качества выполнения действия).

- (48) *hu hetiv laanot*
 он улучшать.PST.3SG.M ответить.INF

al ha-šeela
 на DEF-вопрос
 ‘Он хорошо ответил на вопрос’.

- (49) *ani metiva levašel*
 я улучшать.PRS.1SG.F готовить.INF
 ‘Я хорошо готовлю’.

Конструкция не может иметь интерпретацию ‘хорошо, что он сделал P’:

- (50) **hu hetiv laazor le=zkena*
 он улучшать.PST.3SG.M помочь.INF DAT=старушка
laxacot et ha-kviš
 пересечь.INF DEF.OBJ DEF-дорога
 Ожидаемое значение: ‘С его стороны было хорошо помочь старушке перейти дорогу’.

- (51) **hu hetiv lehaskim lalexet*
 он улучшать.PST.3SG.M согласиться.INF идти.INF
le=bejt ha-xolim
 в=дом DEF-больной.PL
 Ожидаемое значение: ‘Для него было хорошо, что он согласился пойти в больницу’.

4. Адвербиальные конструкции со значениями, характеризующими Агенса

— *lehaskil* ‘поумнеть; делать умным, обучать’

Употребление глагола *lehaskil* ‘поумнеть; делать умным, обучать’ в прямом значении проиллюстрировано в примере (52).

- (52) *sof_kol_sof ulay yaskil*
 в_конце_концов возможно поумнеть.FUT.3SG.M
ve=yaxazor
 и=вернуться.FUT.3SG.M
 ‘В конце концов, может быть, он поумнеет и вернется’.
 [HebrewCorpus]

При употреблении с сентенциальным актантом (инфинитивом) глагол может иметь два значения. Первое — ‘поступить умно, сделав что-либо’.

- (53) *hu hiskil lištok*
 он поумнеть.PST.3SG.M молчать.INF
 ‘Он промолчал, и это было умным поступком’.
- (54) *ve=be=cedek kor'im la yošvim*
 и=в=справедливость называть.PRS.3PL.M ее житель.PL
be=gaon ir elokim, ki šofetim
 в=достоинство город Бог потому_что судья.PL
maskilim meod lišmor al
 поумнеть.PRS.3PL.M очень беречь.INF на
bney_ha-noarim leval yaalxdu
 DEF-молодежь чтобы_не попасться.FUT.3PL
be=pax ha-yecer ha-ra
 в=ловушка DEF-инстинкт DEF-плохой
 ‘И справедливо называют его жители «город Бога», потому что судьи поступают очень умно, оберегая молодых людей, чтобы те не попались в ловушку злых инстинктов’.
 [HebrewCorpus]
- Второе значение — ‘суметь что-то сделать’.
- (55) *yaskil laasot ha-kol*
 поумнеть.FUT.3SG.M сделать.INF DEF-все
 “*kašer ve=yašer*”
 кошерный и=прямой
 ‘Он сумеет сделать все хорошо и правильно’.
 [HebrewCorpus]
- (56) *afilu al šeela ktana kol_kax*
 даже на вопрос маленький.F настолько
meguxexet be=paštuta me=olam
 смехотворный.F в=простота.POSS3SG.F из=мир
lo hiskalti laanot
 NEG поумнеть.PST.1SG ответить.INF
 ‘Даже на такой маленький вопрос, простой до смешного, я никогда не мог ответить’.
 [HebrewCorpus]
- (57) *hu hiskil laanot al*
 он поумнеть.PST.3SG.M отвечать.INF на

ha-šeela

DEF-вопрос

1. ‘Он сумел ответить на вопрос {потому что он знал ответ}’.
2. ‘Он ответил на вопрос, и это было умным поступком {неважно, как именно он ответил на вопрос; если бы он промолчал, ему было бы хуже}’.

Значение ‘суметь что-то сделать’ входит в зону так называемой аквизитивной модальности (модальных значений, развивающихся у глаголов типа *acquire*, в частности, значений типа ‘преуспеть’ [van der Auwera et al. 2009]; см. также «сукцессатив» в [Мельчук 1998]). В [van der Auwera, Plungian 1998] для русского *суметь* отмечается, что, в отличие от своей имперфективной пары *уметь*, он описывает не только «выученную» способность. В этом его отличие от французского *savoir* и *lehaskil* в иврите, которые, как и *уметь*, выражают именно «learned, intellectual capacity» — что можно связать с тем, что все три глагола связаны по происхождению с понятиями ‘ум’, ‘учение’, ‘знание’, ‘знать’ (глагол *суметь* при этом имеет более широкую сферу употребления).

Адвербиальная конструкция с *lehaskil* не может означать ‘сделать умно, умным образом, умным способом’.

- (58) *hu hiskil laanot al*
 он поумнеть.PST.3SG.M отвечать.INF на

ha-šeela

DEF-вопрос

#‘Он ответил на вопрос умным образом’.

- (59) *hu hiskil ledaber ve=laxen*
 он поумнеть.PST.3SG.M говорить.INF и=поэтому
anaxnu lo hevinu šum_davar
 мы NEG понять.PST.1PL ничего

мы NEG понять.PST.1PL ничего

#‘Он умно говорил, и поэтому мы ничего не поняли’.

— *lehakpid* ‘проявлять педантичность’

Употребление глагола *lehakpid* ‘проявлять педантичность’ в прямом значении проиллюстрировано в примере (60).

- (60) *hi ohevet lehakpid*
 она любить.PSR.3SG.F проявлять_педантичность.INF
al seder ve=irgun
 о порядок и=организация
 ‘Она любит проявлять педантичность в деле порядка’.

Адвербиальные конструкции с этим глаголом описывают субъект действия, но не само действие.

- (61) *hu makpid lehistaper*
 он проявлять_педантичность.PRS.3SG.M стричься.INF
kol xodšaim
 каждый два_месяца
 ‘Он, с присущей ему педантичностью, стрижется каждые два месяца’.

- (62) *af_al_pi še=kulanu jadanu et*
 несмотря_на_то что=мы_все знать.PST.1PL DEF.OBJ
ha-klalim, hu hikpid
 DEF-правила он проявлять_педантичность.PST.3SG.M
lehasbir otam
 объяснить.INF их
 ‘Несмотря на то, что все мы знали правила, он был настолько педантичен, что объяснил их’.

Нельзя проинтерпретировать эти конструкции так, чтобы адвербиальный компонент относился к самому действию (‘сделать что-либо тщательно’), а не к тому, кто его выполняет:

- (63) *hu yakpid laxakor*
 он проявлять_педантичность.FUT.3SG.M изучить.INF
et ha-beaja
 DEF.OBJ DEF-проблема
 1. ‘Он, будучи педантом, изучит проблему {изучать эту проблему необязательно, но он все равно ее изучит}’.
 2. #‘Он тщательно изучит проблему’.

5. Семантическая структура адвербиальных конструкций

По всей видимости, адвербиальные конструкции с глаголами первой и второй группы имеют разную семантическую

структуру. Это проявляется, во-первых, в том, что конструкции с первой группой глаголов характеризуют саму ситуацию, образ действия, а конструкции с глаголами второй группы, наоборот, характеризуют субъект ситуации, а образ действия описывать не могут. Во-вторых, эти две группы глаголов по-разному ведут себя в контексте отрицания, к обсуждению чего мы вернемся чуть позже.

Мы предполагаем, что в адвербиальных конструкциях с глаголами первой группы исходно переходный, каузативный (или, по крайней мере, имеющий валентность на именную группу) адвербиальный глагол имеет в своей сфере действия ситуацию, но «обращается» с ней так же, как если бы в позиции зависимого стояла именная группа, задавая внутренние параметры ситуации.

Говоря иначе, если адвербиальный глагол имеет структуру КАУЗИРОВАТЬ X (БЫТЬ (много/мало/долго/хорошо/рано/поздно (X)))³, то на месте X может быть как именная группа — и тогда это употребление глагола в прямом значении, — так и ситуация, выраженная инфинитивом, — и тогда это адвербиальная конструкция. Следует добавить, что X получает оценку ‘много/мало/долго/хорошо/рано/поздно’, будучи сопоставленным некоторому прагматически заданному стандарту сравнения. Поэтому отрицание адвербиальной конструкции может интерпретироваться двояко: как то, что значение того параметра ситуации, на который указывает адвербиальный компонент, отклоняется от стандартного в сторону, противоположную заданной в адвербиальном глаголе, см. первую интерпретацию примеров (64)–(65), и как то, что значение этого параметра не отличается от стандартного, среднего, см. вторую интерпретацию примеров (64)–(65). Интерпретировать отрицание адвербиальной конструкции как отрицание осуществления ситуации нельзя:

(64) *hu lo heerix ledaber im*
 он NEG удлинять.PST.SG.M говорить.INF с

³ Эта запись выполняет исключительно иллюстративные функции и не претендует на точность и полноту представления семантической структуры.

ha-xaverim šelo
DEF-друг.PL POSS.3SG.M

1. ‘Он говорил со своими друзьями в течение короткого времени’.
2. ‘Он говорил со своими друзьями в течение не долгого, но и не короткого времени’.
3. #‘Он не говорил со своими друзьями’.

(65) *hu lo hikdim lalexet lišon*
он NEG предварять.PST.3SG.M идти.INF спать.INF

1. ‘Он пошел спать поздно’.
2. ‘Он пошел спать в обычное время’.
3. #‘Он не пошел спать’.

Такой тип связи между матричным глаголом и сентенциальным актантом объясняет и отсутствие у конструкции с глаголом *lehetiv* ‘улучшать’ значения оценки ситуации со стороны говорящего. Строго говоря, любое употребление слова *xorošo* оценочно, но можно различать два типа оценки ситуации: «внутреннюю» (высокая степень качества выполнения действия) и «внешнюю» (оценка всей ситуации как позитивного явления). Оценку второго типа адвербиальная конструкция с глаголом *lehetiv* ‘улучшать’ выражать не может, и именно по причине, описанной выше, — если ситуация ‘работать’ выступает как подвергающийся изменению объект, «улучшаться» может только качество работы, но не восприятие всей ситуации говорящим.

Выдвинуть дальнейшую гипотезу о семантической структуре адвербиальных конструкций позволяют данные об их поведении в контексте отрицания. Все глаголы первой группы чувствительны к тому, появляется ли отрицательный оператор внутри той же клаузы — тогда они имеют две интерпретации, см. (64)–(65), — или в другой, главной клаузе — в этом случае доступны три интерпретации:

(66) *ze lo naxon še=hu hikdim*
это NEG верный что=он предварять.PST.3SG.M
lalexet lišon
идти.INF спать.INF

1. ‘Он пошел спать поздно’.
2. ‘Он пошел спать в обычное время’.

3. ‘Он вообще не пошел спать’.

Конструкции с глаголами второй группы (*lehakpid* ‘проявлять педантичность’ и *lehaskil* ‘поумнеть’) всегда имеют единственную интерпретацию в любом отрицательном контексте:

- (67) *hu lo hiskil lištok*
 он NEG поумнеть.PST.3SG.M молчать.INF
 1. ‘Он не совершил умный поступок, промолчав {= он не промолчал, хотя это и было бы умным поступком}’.
 2. #‘Он совершил глупый поступок, промолчав.’
 3. #’Он промолчал, и это не было ни умным, ни глупым поступком.’

- (68) *ze lo naxon še=hu hiskil lištok*
 это NEG верный что=он поумнеть.PST.3SG.M молчать.INF
 1. ‘Он не совершил умный поступок, промолчав {= он не промолчал, хотя это и было бы умным поступком}’.
 2. #‘Он совершил глупый поступок, промолчав.’
 3. #’Он промолчал, и это не было ни умным, ни глупым поступком.’

Мы предполагаем, что причина различий между двумя группами адвербиальных конструкций — их разная внутренняя структура. В [Падучева 2013] для русского глагольно-адвербиального комплекса предлагается структура [P&Q(P)], где Q — адвербиал, P — пропозиция, к которой он применен. Возможно, в иврите адвербиальные конструкции, описывающие образ действия (конструкции с глаголами первой группы), устроены именно так.

Например, если P — пойти спать, Q — БЫТЬ (рано/поздно (X)), то структура адвербиальной конструкции такова: (пойти спать) & БЫТЬ (рано/поздно (пойти спать)).

Это предположение объясняет поведение таких адвербиальных конструкций в отрицательном контексте. При отрицании внутри клаузы отрицается только компонент Q(P) — адвербиальное отрицание в терминологии [Падучева 2013]; компонент (пойти спать) имеет статус пресуппозиции. При отрицании в главной клаузе отрицаться может или только компонент Q(P),

или оба компонента сразу. Только Р отрицаться не может, потому что оставшаяся часть тогда будет не интерпретируема.

Иная ситуация с глаголами *lehakpid* ‘проявлять педантичность’ и *lehaskil* ‘поумнеть’. В структуре конструкций с ними присутствуют ассертивная и пресуппозитивная часть. Допустим, например, что Р — ‘промолчать’, Q — ‘поумнеть’. В таком случае в пресуппозиции находится оценка говорящим ситуации Р (а точнее, факта ее осуществления) как проявления субъектом свойства Q: ‘промолчать’ ~ ‘поумнеть’, что и соответствует оценке молчания как умного поступка со стороны Агенса. В ассерции же находится утверждение о том, что ситуация Р произошла.

Тогда в положительном контексте утверждается ассертивный компонент — факт Р имеет место: субъект промолчал. Из-за пресуппозиции того, что ‘промолчать’ — это проявление свойства ‘поумнеть’, возникает импликация: субъект поступил умно. Это и есть то значение, которое мы наблюдаем у адвербиальной конструкции, — ‘поступить умно, промолчав’. Под отрицанием пресуппозиция сохраняется, отрицается лишь ассерция, то есть отрицается существование факта действия: субъект не промолчал, хотя молчание и было бы разумным поступком.

Гипотеза о двух типах структуры адвербиальных конструкций, которую мы предлагаем, объясняет разницу в их поведении в контексте отрицания. Семантическое различие — характеризует ли конструкция образ или субъект действия — также выводится из особенностей их устройства. Адвербиальный компонент в конструкциях с глаголами первой группы (типа *lehakdim* ‘предварять’) имеет ситуацию в своей сфере действия, следовательно, изменяет ее внутренние параметры. В конструкциях с глаголами второй группы (типа *lehaskil* ‘поумнеть’) адвербиальный компонент представляет собой свойство субъекта, которое говорящий считает неразрывно связанным с фактом осуществления субъектом действия.

6. Заключение

Итак, мы рассмотрели адвербиальные конструкции в современном иврите. В настоящей статье мы сконцентрировались на обсуждении семантики этих конструкций; их синтаксические особенности являются объектом дальнейшего исследования. Семантические нюансы в интерпретации адвербиальных конструк-

ций и их поведение в контексте отрицания позволили выдвинуть гипотезу о существовании в иврите адвербиальных конструкций двух типов, различных по структуре.

Конструкции первого типа образуются шестью глаголами: *lehetiv* ‘улучшать’, *lemaet* ‘уменьшать’, *lehakdim* ‘предварять’, *leaxer* ‘опаздывать’, *leharbot* ‘умножать, увеличивать’ и *lehaarix* ‘удлинять’. Конструкции, в которых они получают синтаксический актанта, выраженный инфинитивом, характеризуют образ действия, на которое указывает инфинитив. Семантическая структура такой конструкции схожа со структурой русского глагольно-адвербиального комплекса: [P&Q(P)], где Q — адвербиал, P — пропозиция, к которой он применен.

Конструкции второго типа образуются двумя глаголами: *lehakpid* ‘проявлять педантичность’ и *lehaskil* ‘поумнеть’. Эти конструкции описывают Агенса, совершающего действие, на которое указывает инфинитив (синтаксический актанта адвербиального глагола). В их семантической структуре присутствуют ассертивная и пресуппозитивная часть. В пресуппозиции находится оценка говорящим действия как характеризующего Агенса определенным образом, в ассерции — утверждение о том, что действие имело место.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; DAT — датив; DEF — определенность; F — женский род; FUT — будущее время; IMP — императив; INF — инфинитив; M — мужской род; NEG — отрицание; OBJ — прямое дополнение; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература и источники

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва — Вена: Языки русской культуры — Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [I. A. Mel'chuk. Kurs obshchei morfologii. Tom II. Chast' vtoraja: Morfologicheskie znacheniiia [The course of general morphology. Vol. II. Part 2: Morphological meanings]. Moskva — Vena: Iazyki russkoi kul'tury — Wiener Slawistischer Almanach, 1998].

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. Москва: Языки славянской культуры, 2013. [E. V. Paducheva. Russkoe

- otristsatel'noe predlozhenie [Russian negative sentence]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2013].
- Прокопенко 2013 — А. Прокопенко. Обзор синтаксиса древнееврейского языка. Учебное пособие. 2013. (Доступен по www.propovedi.ru/resource/hebrew-syntax-2013/download-pdf, дата доступа 14.07.2017). [A. Prokopenko. Obzor sintaksisa drevneevreiskogo iazyka [An overview of the Biblical Hebrew syntax]. Uchebnoe posobie. 2013. (Dostupen po www.propovedi.ru/resource/hebrew-syntax-2013/download-pdf, data dostupa 14.07.2017)].
- Скородумова 2010 — П. Ю. Скородумова. Серийные конструкции в иврите. Дисс ... канд. филол. наук, МГУ, Москва, 2010. [P. Ju. Skorodumova. Serial'nye konstruksii v ivrite [Serial constructions in Hebrew]. Diss ... kand. filol. nauk, MGU, Moskva, 2010].
- Coffin, Bolozky 2005 — E. Coffin, S. Bolozky. A Reference Grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Dalšad, Bras 2007 — E. Dalšad, N. Bras. Ha-poa le-mitkadim. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem Press "Akademon", 2007.
- Ernst 2002 — T. Ernst. The Syntax of Adjuncts. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Gesenius et al. 1922 — H. F. W. Gesenius, E. Kautzsch, A. E. Cowley, J. Euting, M. Lidzbarski. Gesenius' Hebrew Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1922.
- Glinert 2005 — L. Glinert. Modern Hebrew: An Essential Grammar. Abingdon: Routledge, 2005.
- Schäfer 2005 — M. Schäfer. German Adverbial Adjectives: Syntactic Position and Semantic Interpretation. PhD dissertation, Universität Leipzig, Leipzig, 2005.
- Stern 1986 — N. Stern. The Infinitive as a complement of a predicate of incomplete predication // Hebrew Annual Review 10, 1986. P. 337–349.
- van der Auwera et al. 2009 — J. van der Auwera, P. Kehayov, A. Vittrant. Acquisitive modals // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds.). Cross-Linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 271–302.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology 2(1), 1998. P. 79–124.
- Waltke, O'Connor 1990 — B. K. Waltke, M. O'Connor. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 1990.
- HebrewCorpus — Корпус современного иврита. Доступен на странице <http://hebrewcorpus.nmelrc.org/search.php>, дата доступа 14.07.2017. [Korpus sovremennogo ivrita [Modern Hebrew corpus]. Dostupen po <http://hebrewcorpus.nmelrc.org/search.php>, data dostupa 14.07.2017].

Е. А. Рыжкова

*Красноярская университетская гимназия № 1 «Универс»,
Красноярск*

УТОЧНЕНИЕ СТАТУСА НЕКОТОРЫХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ АДЛОГОВ В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ

1. Введение

1.1. Краткие сведения об ингерманландском финском

Ингерманландский финский — идиом со спорным статусом, который определяют как самостоятельный язык прибалтийско-финской группы уральской языковой семьи или как диалект финского языка. Первоначально ингерманландский финский был распространен на северо-западе России, в основном на территории современной Ленинградской области. В середине XX в. ингерманландцы были массово депортированы, вследствие чего в настоящее время носители проживают не только в Ленинградской области, но также и в других регионах России и за ее пределами (главным образом в Финляндии).

Точное число носителей ингерманландского финского на данный момент установить сложно, однако ясно, что оно не превышает тысячи человек [Ракитина 2015] и что идиом находится под угрозой исчезновения.

В настоящей работе делается попытка определить место некоторых единиц ингерманландского финского, традиционно причисляемых к адлогам, на шкале «Существительное — адлог», отражающей процесс грамматикализации, типичный для реляционных имен. В языках мира часто выделяется особая группа существительных — реляционных имен, обязательно присоединяющих аргумент в форме посессивной ИГ и указывающих на пространственное положение объекта, выраженного этой ИГ. В некоторых языках (в числе которых и ингерманландский финский) допустима конструкция, в которой реляционные имена являются вершиной именного предиката (*poika on tuvan lähellä* <мальчик быть.PRS.3SG избв.GEN рядом> ‘Мальчик (стоит/находится) рядом

с избой'), — возможность подобных конструкций оказывает влияние на дальнейшую грамматикализацию этого сочетания [Lehmann 2002: 69]. Анализируемые единицы отличаются по ряду признаков как от типичных адлогов, так и от типичных существительных, кроме того, сами они также не образуют однородной группы, поэтому представляется целесообразным распределить их на шкале в соответствии с критериями, обсуждаемыми в статье.

Следует отметить, что, хотя исследовались в основном «адлоги» ингерманландского финского, в статье часто проводятся параллели с литературным финским, поскольку эти идиомы схожи во многих аспектах, касающихся адлогов. В тех случаях, когда речь будет идти о специфически ингерманландских или специфически литературных чертах, это будет указано дополнительно.

Различные вопросы, касающиеся уральских адлогов, обсуждаются в работе К. Е. Майтинской [Майтинская 1982], адложным системам в прибалтийско-финских языках посвящена работа Р. Грюнталя [Grünthall 2003], в Большой грамматике финского языка ([ISK 2004]) имеется раздел, касающийся предлогов и послелогов литературного финского, кроме того, грамматикализации адлогов посвящены такие работы, как [Ojutkangas 2000; Бирюк 2005; Lestrade 2007; Дрофа 2015; Arkhangelskiy, Usacheva 2015]. Однако в обобщающих работах, в которых представлены данные, относящиеся к финской адложной системе, они выполняют иллюстративную функцию и подробно не анализируются. В работах же, опирающихся на собственно финский материал, не обсуждаются вопросы грамматикализации адлогов.

В разделе 2 настоящей статьи даются сведения о классификации и истории развития финских адлогов, в разделе 3 представлены критерии, использовавшиеся в исследовании, разделы 4–7 посвящены критериям: способность единицы занимать позиции подлежащего, прямого или косвенного дополнения; способность присоединять согласованное зависимое; запрет на разрыв квазирелятивов; возможность анафорической отсылки к единице. И наконец, раздел 8 содержит результаты анализа языкового материала, полученного от носителей ингерманландского финского, и выводы о степени грамматикализованности рассматриваемых единиц.

2. Общие сведения об адлогах в финском языке

2.1. Классификация адлогов в финском языке

Все адлоги финского языка (в том числе ингерманландского финского) можно распределить в несколько групп в зависимости от различных параметров.

По месту относительно существительного финские адлоги разделяются на: послелог (1); предлоги (2) и «билоги» ('bipositional adpositions' [Grünthall 2003: 46]). Билог (3) может употребляться и в пре-, и в постпозиции.

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (1) *hä tul' isä-n kans*
 он приходит.PST.3SG отец-GEN с
 'Он пришел с отцом.'¹
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (2) *hä ei käü-nt ulkona*
 он NEG.3SG ходить-PC_PST снаружи
ilman äitii
 без мама.PART
 'Он не ходил гулять без мамы.'
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (3) *joki virtaja just kahen külä-n*
 река течь.3SG точно два.GEN деревня-GEN
keski-l' / just keski-l' kahe-n
 середина-AD точно середина-AD два.GEN
küllä-n
 деревня-GEN
 'Река протекает ровно между этих двух деревень.'

Постпозитивные адлоги (75–80% от всех адлогов в уральских языках [ibid.: 36]) более типичны для уральских языков, чем препозитивные (20–25%). Определить долю билогов достаточно сложно вследствие того, что авторы предпочитают считать билог двумя омонимичными единицами (с некоторыми различиями в

¹ Примеры на ингерманландском финском приводятся из собственных полевых материалов автора, которые были собраны в 2016 г. в Гатчинском и Волосовском районах Ленинградской области.

значении), одна из которых ставится в пре-, а другая — в постпозиции к зависимому, или же отмечают, что часть падежных форм данных адлогов стоит перед именной группой, а часть — после нее (например, [Karlsson 1999: 221–225]). В Словаре северноингерманландских говоров финского языка ([Оллыкяйнен 2003]), где представлено около 14 тыс. словарных статей, примерно 77% адлогов помечены как послелогои, 14% — как послелогои и предлоги и 9% — как предлоги.

По **морфемному составу** адлоги можно поделить на следующие группы: адлоги, не присоединяющие падежных показателей (*kans* ‘с’, *vart* ‘для’, *üli* ‘через’ и т. п.); адлоги, образующие падежные серии (например, серия на *ümpär-*: *ümpäri-llä* ‘вокруг’, *ümpäri-ltä* ‘из [места] вокруг’, *ümpäri-lle* ‘в [место] вокруг’); адлоги с одним застывшим локативным показателем в составе (*puolest* ‘из-за’).

Наконец, по **модели управления** адлоги финского языка можно разделить на управляющие именем в: генитиве (4); партитиве (5); партитиве или генитиве (6); других падежах (в основном в иллативе — (7)).

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

(4a) *Pekko-n ja Kaiasa-n val'i-lla /*
 Пекко-GEN и Кайса-GEN промежуток-AD
val'i-ssa istu viel üks ihmis
 промежуток-IN сидеть.3SG еще один человек

(4б) **Pekko-a ja Kaiasaa val'i-lla /*
 Пекко-PART и Кайса.PART промежуток-AD
val'i-ssa istu viel üks ihmis
 промежуток-IN сидеть.3SG еще один человек
 ‘Между Пекко и Кайсой сидит еще один человек.’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

(5) *Pekko män' pitkin tie-ta / *tien?*
 Пекко идти.PST.3SG вдоль дорога-PART дорога-GEN
 ‘Пекко шел вдоль дороги?’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (6) *kissa kävelle ympärä lautais-ta / lautaista-n*
 кот ходить.3SG вокруг тарелка-PART тарелка-GEN
 ‘Кот ходит вокруг тарелки.’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (7) *mehiläinen lens’ pehko-hen / pehkoo ast*
 пчела лететь.PST.3SG куст-ILL куст.ILL до
 ‘Пчела долетела до куста.’

В литературном финском у определенных адлогов (*lähellä* ‘рядом с’ (8), *edellä* ‘над, перед’, *vastapäätä* ‘напротив’, *ympäri* ‘вокруг’) наблюдается некоторая разница в значении в тех случаях, когда они употребляются с именами в генитиве и с именами в партитиве (при этом с генитивом они встречаются только в постпозиции, а с партитивом и в пре- и в постпозиции; *ympäri*, по данным [ISK 2004], в постпозиции в литературном финском управляет только генитивом).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (8a) *Israel ja PLO ovat lähellä sovinto-a*
 Израиль и ООП быть.3PL рядом примирение-PART
 ‘Израиль и ООП близки к примирению.’

- (8б) *älä säilytä sipuli-a ja muita voimakkaita*
 PRON хранить.CN лук-PART и другие пахучие.PART
tuotteita kurku-n lähellä
 продукты.PART огурец-GEN рядом
 ‘Не храни лук и другие пахучие продукты рядом с огурцами.’ [ISK 2004]

В (8a) представлено непространственное значение адлога, а в (8б) — пространственное. Другие адлоги с именами в партитиве также выражают непространственные, а с именами в генитиве — пространственные значения. Немного по-другому выглядит данное противопоставление для адлога *ympäri*: согласно [ISK 2004] и [Lestrade 2007], предлог с партитивом имеет значение ‘по всему X’ (9a), послелог с генитивом — ‘вокруг X’ (9б).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (9а) *verta oli ympäri matto-a*
кровь быть.PST.3SG вокруг ковер-PART
ja tapetteja
и обои.PART
'(Весь) ковер и (все) обои были в крови.'

- (9б) *seini-lle on kiinnite-tty*
стена.PL-ALL быть.3SG прикреплены-PC_IPS.PST
hyllyjä joi-ta pitkin kissa-t
полки.PL.PART который.PL-PART вдоль кошка-PL
pääsevät kiertä-mään melkein huoneen ympäri
мочь.PL кружить-SUP иногда комната.GEN вокруг
'По стенам были прикреплены полки, по которым кошки
могли иногда обходить вокруг комнаты.' [ISK 2004]

Кроме того, *ympäri* может использоваться и во временном значении. Тогда послелог с именем в генитиве употребляется в конструкции, примерно переводящейся как 'круглосуточно' (10а), а имя в партитиве с предлогом в дистрибутивных конструкциях (10б):

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (10а) *vapaaehtoiset työskentel-i-vät kello-n ympäri*
волонтер.PL работать-PST-3PL часы-GEN вокруг
'Волонтеры работали круглосуточно.'

- (10б) *syntymäpäivä-t jakaantu-vat melko*
день_рождения-PL распределяться-3PL довольно
tasaisesti ympäri vuotta
равномерно вокруг год.PART
'Дни рождения распределяются довольно равномерно в течение года.'² [ISK 2004]

Следует заметить, что в ингерманландском подобных расхождений значений обнаружено не было. Адлоги *lähellä* 'рядом с', *edellä* 'над, перед', *vastapäätä* 'напротив' в диалекте отсутствуют, некоторые примеры, аналогичные тем, которые иллюстрируют различные значения адлога *ympäri* (или серии адлогов *ympär-*), предлагались информантам для перевода с русского на ингер-

² Глоссирование и переводы в (5)–(8) мои. — Е. Р.

манландский или с ингерманландского на русский — по ответам информантов нельзя сделать вывод о том, что между этими конструкциями имеется какая-либо разница:

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
(11) *hüö juoksenteeleva-t ympärä turpaa*
они бегать-3PL вокруг изба.PART
'Они бегают вокруг избы / по избе.'

В связи с этим ингерманландские билогии в разных позициях, а также адлоги, управляющие в одних случаях партитивом, а в других — генитивом, в данной работе всегда рассматриваются как имеющие одинаковый набор значений во всех позициях и с обеими падежными формами имен.

Свойства адлогов, использующиеся в качестве оснований для классификации, по-видимому, коррелируют друг с другом. Например, предлоги чаще не присоединяют падежных показателей и управляют партитивом: серийных предлогов в литературном финском примерно 18% (3 из 17) от всех предлогов, а серийных послелогов — примерно 38% (20 из 52). Предлоги, управляющие генитивом, практически не встречаются. Эти зависимости позволяют выдвинуть гипотезу о большей грамматикализованности предлогов по сравнению с послелогом (см. подробнее в 2.3).

В настоящей работе внимание в основном сосредоточено на билогии и послелогии, образующих серии и управляющих именами в генитиве и/или партитиве.

2.2. *Диахронические сведения об адлогах в финском языке*

В связи со сменой базового порядка слов в прибалтийско-финских языках с SOV на SVO в финском языке в частности возникла типологически редкая ситуация, когда при базовом порядке SVO в языке преобладают послелогии: доля предлогов составляет 20–25% [Grünthall 2003: 34–39]. При этом предлоги в этих языках появились значительно позже послелогов [ibid.].

Многие финские адлоги, особенно серийные послелогии, восходят к существительным (58% финских адлогов по данным [Gheno 1975: 48]). Существительные *vieri* 'сторона', *väli* 'промежуток', *keski* 'середина', *pää/piä* 'голова', к которым восходят адлоги в примере (12), употребляются и сейчас.

- (12) финно-угорское **eðe* ‘пространство перед чем-то’ > *esi* ‘пред-, пре-’ > *ette* ‘к переду’, *ies* ‘впереди’, *iest* ‘от переда’ [Rèdei 1988: 71];

финно-угорское **wēre* ‘край, сторона’ > лит.фин. *vieri* ‘сторона’ > *vieres* ‘рядом’, *vieree* ‘к’, *vierest* ‘от’. [ibid.: 571]

vāli ‘промежуток, расстояние’ > *vālii* ‘на промежутке, на промежутке’, *vālis* ‘в промежутке’, *vāliit* ‘с промежутка’, *vālist* ‘из промежутка’, *vālii* ‘в промежутке’;

keski ‘середина, промежуток’ > *keskel* ‘на середине, на середину’, *keskest* ‘из середины’, *keskes* ‘в середине’, *keskelt* ‘с середины’. [Майтинская 1982: 30]

pää ‘голова’ > *päälle* ‘на (местоположение)’, *pällä* [ISK 2004], в диалекте: *piä* ‘голова’ > *piäl* ‘на (местоположение и направление)’.

2.3. Отбор адлогов и имен для исследования

Поскольку настоящее исследование предполагало распределение некоторых единиц на шкале «Существительное — адлог», в первую очередь были подобраны такие существительные и такие адлоги, которые могли бы располагаться на противоположных концах шкалы. Было решено считать подходящими такие существительные, которые имеют вещественные значения, обладают способностью занимать синтаксические позиции, характерные для существительных (напр., *tuopi* ‘кружка’, *koira* ‘собака’ и т. п.); а также такие адлоги, которые не образуют серий и имеют абстрактное значение (*kans* ‘с’, *vart* ‘для, ради’, *ilman* ‘без’).

В группу менее грамматикализованных адлогов, которые сопоставлялись с вышеописанными единицами и которые были распределены на шкале, вошли послелоги и билोगи, отвечающие следующим требованиям: способность к образованию серии; пространственное значение.

Первое требование кажется целесообразным, поскольку серийные адлоги, по-видимому, менее грамматикализованы, так как они образованы от имен при помощи «специального функционального кодирования» (‘special function-indicating coding’ [Haspelmath 2012: 124]): не употребляются без локативных падежных показателей. Второе требование обусловлено тем, что адлоги с непространственными значениями (например, *ilman* ‘без’, *kans* ‘с’) представляются более грамматикализованными, чем пространственные, по всем крите-

риям. Кроме того, на данном этапе исследования рассмотрение исключительно пространственных адлогов кажется необходимым сужением задачи.

Серийные адлоги с пространственными значениями представлены в Таблице 1 с классификацией по параметрам, обсуждавшимся в 2.1:

Таблица 3. Характеристики рассматриваемых адлогов

	<i>väli-</i> 'между'	<i>keske-</i> 'посередине'	<i>(i)e-</i> 'перед'	<i>ümpär-</i> 'вокруг'	<i>viere-</i> 'рядом'	<i>piä-</i> 'на'	<i>luo</i> 'около'
место	последлог	билог	последлог	билог	последлог	последлог	последлог
управление	GEN	GEN, PART	GEN	GEN, PART	GEN	GEN	GEN

3. Разработка критериев

Для того, чтобы определить места этих семи адлогов на шкале «Существительное — адлог», необходимо было разработать критерии, по которым единица располагалась бы ближе к правому или левому полюсу. В результате было выделено четыре критерия:

- a) Способность занимать позиции подлежащего, прямого или косвенного дополнения;
- b) Способность присоединять согласованное зависимое;
- c) Запрет на разрыв квазирелятивов (13);
- d) Возможность анафорической отсылки к единице.

Критерии (a) и (b) применялись для исследования сходных единиц в других уральских языках [ISK 2004; Бирюк 2005; Arkhangelskiy, Usacheva 2015], критерий (b) также упоминается в [Ojutkangas 2000] в связи с грамматикализацией эстонского и финского существительного *käsi* 'рука'. Критерии (c) и (d), по-видимому, на материале уральских адлогов не использовались.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (13) *nämä kukka-t voi-t itsut-ta*
 эти.PL цветок-PL мочь-2SG садить-INF
 ОК *minkän ümpäri taho-t / *minkä-n*
 что.GEN вокруг хотеть-2SG что-GEN
taho-t ümpäri-l
 хотеть-2SG вокруг-AD
 ‘Можешь посадить эти цветы вокруг чего угодно!’

Стоит обратить особое внимание на один из критериев, который, хотя и используется в других исследованиях уральских адлогов (например, в [Arkhangelskiy, Usacheva 2015; Бирюк 2005; Дрофа 2015]), не был включен в вышеприведенный список по причине нерелевантности для ингерманландского материала — способность адлога сочетаться с посессивными маркерами. В ингерманландском финском предлоги никогда не присоединяют маркеры посессивности, а все послелогии и существительные могут присоединять их независимо от степени их грамматикализованности, так что какую-либо разницу между двумя выделенными группами или внутри этих групп установить не удается (14).

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (14a) *tane hänen kanša / miu-n kanša-(in)*
 идти.IMP он.GEN с.РЗ я.GEN с-(P1SG)
 ‘Иди с ним / со мной!’
- (14б) *siä tul-i-t miu-n luo-kše-(in) /*
 ты прийти-PST-2SG я-GEN около-TRL-(P1SG)
hänen luo-kše
 он.GEN около-TRL.PЗ
 ‘Ты подошел ко мне / к нему.’

4. Способность занимать позиции подлежащего, прямого или косвенного дополнения

Позиции подлежащего (15)–(16), а также прямого (17) и косвенного (18)–(19) дополнений могут занимать *väl’*- и *kesk*-. Другие рассматриваемые адлоги в этих позициях стоять не могут (20).

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (15) *väl'* *on* *pimjä*
 промежуток быть.3SG темный
 'Промежуток темный.'
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (16) *keski* *on* *keltainen*
 середина быть.3SG желтый
 'Середина желтая.'
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (17) *hiä* *va* *kruassi* *ikkuna-n* *ja*
 он только красить.3SG окно-GEN и
ukše-n *väl'ii* *ks?*
 дверь-GEN промежуток.PART Q
 'Он красит только промежуток между дверью и окном?'
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (18) *hiä* *ajatel'* *talve-n* *keske-st*
 он думать.PST.3SG зима-GEN середина-EL
 'Он думал о середине зимы.'
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (19) *hän* *puhu-i* *talo-n* *ja*
 он говорить-PST.3SG дом-GEN и
sauna-n *väli-st*
 баня-GEN промежуток-EL
 'Он говорил о промежутке между домом и баней.'

В примере (20) показано, что *vier* 'рядом' не может употребляться в качестве основного актанта глагола; в обозначенном контексте эта единица обязательно приобретает показатель инессива:

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (20a) *kiuka-n* *vieres* *on* *lämmi*
 печка-GEN рядом.IN быть.3SG теплый
- (20б) *kiuka-n* **vier(i)* *on* *lämmi*
 печка-GEN рядом быть.3SG теплый
 'Место рядом с печкой теплое {показывая на печку}.'

Проверяя адлоги по этому критерию, можно получить ответ на вопрос, есть ли в современном ингерманландском финском

существительные, омонимичные рассматриваемым адлогам. Возможность употреблять данные единицы в синтаксических функциях, характерных для существительного, однозначно говорит о том, что в языке есть, как минимум, имя с рассматриваемым значением (при этом существование соответствующих адлогов все еще под вопросом). Таким образом, для серии адлогов на *väl'*- и *keske*- существует дополнительная проблема разграничения их адложного и именного употребления.

5. Способность присоединять согласованное зависимое

Согласованное зависимое могут присоединять адлоги *väl'*- и *(i)e*- (21)–(22); другие рассматриваемые адлоги не присоединяют согласованное зависимое (23).

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (21) *rovati-n ja kuapi-n piene-llä*
 кровать-GEN и шкаф-GEN маленький-AD
väl'i-llä on pöytä
 промежуток-AD быть.3SG стол
 ‘В маленьком промежутке между кроватью и шкафом стоит стол.’

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (22) *Anna män' talo-n pimjä-st iest*
 Анна идти.PST.3SG дом-GEN темный-EL перед.EL
 ‘Анна ушла из темного места перед домом.’

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (23) *mehiläinen istuu *kuka-n keltase-l'*
 пчела сидеть.3SG цветок-GEN желтый-AD
keske-l' / kuka-n keske-l'
 середина-AD цветок-GEN середина-AD
 ‘Пчела сидит на желтой середине цветка.’

В литературном финском подобные конструкции встречаются, только если согласованное определение модифицирует соответствующее существительное с генитивным зависимым (24а). Аналогичное употребление адлога или локативного имени [ISK 2004] невозможно (24б):

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (24a) *hän puristaa kivääri-n viileää*
он(а) жать.3SG винтовка-GEN прохладный.PART

perää

задняя_часть.PART

‘Он(а) сжал(а) холодный приклад винтовки.’

[Hirvonen 2015: 53]

- (24б) *juosta lapsen perä-ssä /*

бежать.INF ребенок.GEN задняя_часть-IN

**lapsen välittömä-ssä perä-ssä*

ребенок.GEN непосредственный-IN задняя_часть-IN

‘Бежать за детьми.’

[ISK 2004]

В литературном языке с предлогами и послелогоми, управляющими именем в партитиве, могут употребляться несогласующиеся зависимые, при этом в тех случаях, когда адлоги управляют именами в генитиве, это невозможно [ISK 2004]:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (25a) *tuoli on meitä ihan lähellä*

стул быть.3SG мы.PART очень рядом

‘Стул стоит очень близко к нам’

- (25б) **tuoli on pöydä-n ihan lähellä*

стул быть.3SG стол-GEN очень рядом

‘Стул стоит очень близко к столу.’

В (25a) несогласующееся зависимое разрывает группу адлога и, по-видимому, модифицирует именно сам адлог. Для того чтобы определить, что модифицирует зависимое в (26) — группу или адлог — по-видимому, нужно применять дополнительные критерии:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

- (26) *hän asuu yllättävän lähellä meitä*

он жить.3SG удивительно рядом мы.PART

‘Он живет удивительно близко к нам.’³

[ISK 2004]

³ Глоссы и переводы мои. — *E. P.*

Подобные примеры проверялись на ингерманландском материале, но выяснилось, что несогласующиеся зависимые могут присоединяться только к послеложной группе (27в), но не могут разрывать составляющую и присоединяться к самому послелогу (27а). По-видимому, и в случае с предлогами несогласующиеся зависимые модифицируют составляющую, а не только ее вершину (27б), хотя здесь, при отсутствии данных о послеложных группах, была бы возможна и противоположная трактовка.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

(27а) **karpene käü istu-ma kalpassii*
муха идти.PST.3SG сидеть-SUP колбаса.PART
ihan keski-lle
очень середина-ALL

(27б) *karpene käü istu-ma ihan*
муха идти.PST.3SG сидеть-SUP очень
keski-llä kalpassii
середина-AD колбаса.PART
‘Муха садится на самую середину колбасы’

(27в) *joki virtaja just kahen külä-n*
река течь.3SG точно два.GEN деревня-GEN
keski-l’
середина-AD
‘Река протекает ровно между двух деревень.’

Таким образом, в литературном финском послелог и предлог с партитивом могут модифицироваться несогласованными зависимыми, в то время как в ингерманландском диалекте в этом случае зависимое относится ко всей группе, включающей и адлог, и имя.

6. Запрет на разрыв квазирелятивов

Одним из возможных формальных различий между адлогами и знаменательными частями речи может быть способность первых разрывать неопределенные местоимения (например, русские *кое с кем / кое для кого / кое о ком*). Однако оказалось, что подобные местоимения в ингерманландском финском (*mikä ikkä, mikä lie* ‘что-то’; *kuka ikkä, kuka lie* ‘кто-то’) не разрываются не

только существительными, но и адлогами, причем независимо от степени грамматикализованности последних:

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (28) *Sülvi män' toise küllää*
 Сюльви идти.PST.3SG другой.ILL деревня.ILL
*ke-tä l'ie vart / *ke-tä vart l'ie*
 кто-PART INDEF1 для кто-PART для INDEF1
 {Зачем Сюльви поехала в ту деревню?} 'Сюльви поехала туда за кем-то. {Кажется, за своей тетей.}'

Тем не менее, в ингерманландском диалекте есть другие местоименные конструкции, которые по-разному разрываются адлогами и существительными. Конструкции со сходными свойствами называются «квазирелятивами», этот термин далее употребляется в понимании, представленном в [Тестелец, Былинина 2005]: квазирелятивы — это местоименные серии на основе безвершинных относительных придаточных (напр., *что хочешь, куда попало, кто угодно*). В ингерманландском диалекте финского языка существуют квазирелятивы *mitä/minkän tahot* 'что хочешь, что угодно', *ketä/kennen tanot* 'кого хочешь, кого угодно'.

Более грамматикализованные адлоги всегда разрывают квазирелятивы (29). В то же время существительные без обязательной генитивной валентности не могут разрывать квазирелятивы (30).

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (29) *mitä vart taho-t / *mitä*
 что.PART для хотеть-2SG что.PART
taho-t vart
 хотеть-2SG для
 {Для чего вообще можно ехать в эту деревню?} 'Для чего угодно.'

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
 (30a) *šua-t ottaa kenen taho-t tuopp'i*
 мочь-2SG брат.-INF кто.GEN хотеть-2SG кружка
 (30б) **šua-t ottaa kenen tuopp'i taho-t*
 мочь-2SG брат.-INF кто.GEN кружка хотеть-2SG
 {Чью кружку можно взять?} 'Можешь взять чью хочешь кружку.'

Адлоги со спорным статусом в подобных контекстах ведут себя по-разному: послелог *väl'*- обязательно разрывает квазирелятивы и в позиции вершины адложной группы (31), и в позиции подлежащего (32), все остальные рассматриваемые адлоги (33) так же обязательно разрывают квазирелятивы, в случае с *vieree*- (34) и *kesk*- (35) разрыв факультативен.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (31) *tämä-n tabletkä-n šua-p juvva*
 это-GEN таблетка-GEN мочь-3SG пить-INF
*minkän väli-s taho-t / *minkän*
 что.GEN промежуток-IN хотеть-2SG что.GEN
taho-t väli-s
 хотеть-2SG промежуток-IN
 ‘{Эту таблетку можно пить только между завтраком и обедом?} Эту таблетку можно пить между чем хочешь.’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (32a) *minkän väli taho-t*
 что.GEN промежуток хотеть-2SG
- (32б) **minkän taho-t väli*
 что.GEN хотеть-2SG промежуток
 ‘{В этой комнате темный только промежуток между кроватью и шкафом?} (Здесь темный) промежуток между чем хочешь.’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (33) *istuta kuka-t minkän ympär'i-l taho-t /*
 сажать.IMP цветок-PL что.GEN вокруг-ALL хотеть-2SG
**m'inkän taho-t ympär'i-l*
 что.GEN хотеть-2SG вокруг-ALL
 ‘Посади цветы вокруг чего хочешь!’

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

- (34) *pane minkän taho-t vieree /*
 ставить.IMP что.GEN хотеть-2SG рядом.ILL
minkän vieree taho-t
 что.GEN рядом.ILL хотеть-2SG
 ‘Поставь рядом с чем хочешь.’

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (35) *pane ne kukkase-t minlkä-n keski-lle*
 ставить.IMP эти цветок-PL что-GEN середина-ALL
taho-t / minkä-n taho-t keski-le
 хотеть-2SG что-GEN хотеть-2SG середина-ALL
 ‘{Посередине чего поставить цветы?} Поставь эти цветы посередине чего угодно.’

Однако выяснилось, что существительные с обязательной генитивной валентностью тоже могут разрывать квазирелятивы (36), или же обязательно разрывают их (37).

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (36) *küsü kene-n siso-n taho-t /*
 спрашивать.IMP кто-GEN сестра-GEN хотеть-2SG
kene-n taho-t siso-n
 кто-GEN хотеть-2SG сестра-GEN
 ‘Попроси чью хочешь сестру.’

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (37a) *ota minkän otsa / piä taho-t*
 брат.IMP что.GEN конец конец хотеть-2SG
- (37б) *ota *minkän taho-t otsa / piä*
 брат.IMP что.GEN хотеть-2SG конец конец
 ‘{Вешают белье. Мне взять конец веревки или конец простыни?} Возьми конец чего хочешь.’

Таким образом, этот критерий устроен более сложным образом, чем все остальные. Можно сделать следующее утверждение: если единица является типичным адлогом, она разрывает квазирелятивы (обратное неверно).

7. Возможность анафорической отсылки к единице

Только к двум из рассмотренных адлогов возможна анафорическая отсылка с тем же местоимением *se* ‘то’, с которым возможна отсылка к существительным. Это адлоги *väl’*- и *kesk*-, к другим адлогам невозможна анафорическая отсылка (39). При этом существует разница между билогом *kesk*- в пре- и в постпозиции (38). Пример (38в) опровергает предположение о том,

что это явление связано с тем, насколько анафорическое местоимение удалено от антецедента.

- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (38a) *mehiläinen istuu valkia-n kuka-n*
 пчела сидеть.3SG белый-GEN цветок-GEN
keske-l_i se_i on punnainen
 середина-AD то быть.3SG красный
- (38б) **mehiläinen istuu keske-l_i valkia*
 пчела сидеть.3SG середина-AD белый.PART
kukkaa se_i on punnainen
 цветок.PART то быть.3SG красный
 ‘Пчела сидит на середине; белого цветка, она; красная.’
- (38в) *mehiläinen istu valkoisen kuka-n*
 пчела сидеть.3SG белый.GEN цветок-GEN
keski-l’_i ja minusta se_i on punanen
 середина-ALL CONJ я.EL это быть.3SG красный
 ‘Пчела сидит на середине белого цветка, и, по-моему, она [середина цветка] красная.’
- ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ
- (39) **hä kävelöö linna-n ympär-i-l’_i*
 он ходить.3SG город-GEN вокруг-AD
se_i on hiljäinen
 то быть.3SG тихий
 ‘Он ходит в округе города, она тихая.’

8. Выводы

По результатам исследования с помощью разработанных критериев рассматриваемые единицы можно расположить на шкале «Существительное → адлог» в порядке, представленном в Таблице 2.

Выяснилось, что нет достаточных оснований считать единицу *väl’*- адлогом, поскольку она ни по одному параметру не отличается от реляционного имени с генитивной валентностью.

Далее следует серия на *kesk-*, которая в постпозиции отличается от существительного только тем, что не может присоединять согласованные зависимые, а в препозиции также тем, что не

может выступать в качестве antecedента анафорического местоимения *se* 'то'. Единицы (*i*)*e*- и *viere*-, каждая, отличаются от типичных адлогов по одному признаку: (*i*)*e*- может присоединять согласованное зависимое, а *viere*- — не всегда разрывает квази-релятивы. Таким образом, на основе выделенных критериев невозможно определить, какая из этих двух единиц находится ближе к полюсу существительного или адлога. По-видимому, в этих четырех случаях можно говорить о незавершенном процессе грамматикализации, то есть о единицах, находящихся в пограничном положении между существительными и адлогами.

Три последних адлога не удовлетворяют ни одному из четырех критериев, однако наличие серий все-таки отдаляет их от адлогов типа *kans*, *vart*.

Таблица 4. Результаты

	сущ.	<i>väl'</i>	<i>kesk-</i> (препоз.)	<i>kesk-</i> (постпоз.)	<i>ie-</i>	<i>viere-</i>	<i>impär-</i>	<i>piä-</i>	<i>luo</i>	адлог
a) подлежащее, ПД, КД	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—
b) согласованные зависимые	+	+	—	—	+	—	—	—	—	—
c) не разрывает квази-релятивы	+ / —	—	+ / —	+ / —	—	+ / —	—	—	—	—
d) возможна анафора	+	+	—	+	—	—	—	—	—	—

Из данного исследования есть также еще один дополнительный вывод: судя по всему, билोगи в препозиции грамматикализировались сильнее, чем в постпозиции. В пользу этого утверждения говорит, во-первых, пример (38) (если считать, что данное

явление не связано с линейной удаленностью анафорического местоимения от antecedента). Во-вторых, о том же свидетельствует тот факт, что *ümpär-* в постпозиции всегда имеет серию, а в препозиции может употребляться без локативного показателя (40). При этом данный факт, по-видимому, относится только к ингерманландским адлогам, так как в литературном финском *ümpäri* без серии может употребляться и в пре-, и в постпозиции (42).

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

(40a) *hä kävelöö linna-n ümpäri-l'*
он ходить.3SG город-GEN вокруг-AD

(40б) *hä kävelöö *linna-n ümpär*
он ходить.3SG город-GEN вокруг

(40в) *hä kävelöö ümpär linnaa*
он ходить.3SG вокруг город.PART
'Он ходит вокруг города.'

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ФИНСКИЙ

(41) *kissa kävel'* *ümpäri-l'* / *ümpär*
кошка ходить.PST.3SG вокруг-AD вокруг
lautasen
тарелка.GEN
'Кошка ходит вокруг тарелки.'

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНСКИЙ

(42a) *tänään perjantai-na iloi-taan vanhojen*
сегодня пятница-ESS радоваться-IPS старый.PL.GEN
tanssei-ssa ympäri Suome-a
танец.PL-IN вокруг Финляндия-PART
'Сегодня, в пятницу, по всей Финляндии танцуют старинные танцы.'
[Mäkelä 2017]

(42б) *hän oli purjehti-nut maailma-n ympäri*
он быть.PST.3SG плыть-PC_PST мир-GEN вокруг
'Он совершил кругосветное путешествие.'

[Karlsson 1999: 225]

(42в) *juoksin varmaan viisi kertaa*
бежать.PST-1SG вероятно пять раз

talo-n ympäri

дом-GEN вокруг

‘Я обежал вокруг дома, вероятно, раз пять.’ [Niemi 2015]

Таким образом, адлоги в ингерманландском финском не являются четко очерченной группой, скорее, имеет место градуальное противопоставление адлогов и существительных, при этом распределение рассматриваемых единиц на шкале «Существительное — адлог» не совпадает с аналогичным распределением в литературном финском.

Список условных сокращений

1 — 1-е лицо; 2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; AD — адессив; ALL — аллатив; CN — конегатив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; ESS — эссив; ILL — иллатив; IMP — императив; INDEF1 — неопределенное местоимения; INF — инфинитив; IPS — имперсонал; P1 — поссессивный показатель 1-го лица; P3 — поссессивный показатель 3-го лица; PC_PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; PRON — прохибитив; Q — вопросительный показатель; SG — единственное число; SUP — супин; TRL — транслатив.

Литература

- Бирюк 2005 — О. Л. Бирюк. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. Дипломная работа, МГУ, М., 2005. [O. L. Biriuk. Morfosintaksicheskie kriterii vydelenia poslelogov v uralskikh iazykakh [Morphosyntactic criteria of defining a postposition in the Uralic languages]. Diplomnaia rabota, MSU, Moscow, 2005].
- Дрофа 2015 — А. М. Дрофа. Мокшанский язык: послелогии или реляционные имена? Материалы доклада на II воркшопе по бесермяноведению и мордвинистике. М., 2015. [A. M. Drofa. Mokshanskii iazyk: poslelogi ili relatsionnye imena? [Moksha: postpositions or relational names?] Materialy doklada na II vorkshope po besermiano-vedeniu i mordvinistike. Moscow, 2015].
- Майтинская 1982 — К. Е. Майтинская. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. [K. E. Maitinskaia. Sluzhebnyye slova v finno-ugorskikh iazykakh [Auxiliary words in the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1982].
- Оллыкайнен 2003 — В. М. Оллыкайнен (сост.). Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка (говоры вуолэ и колтушский).

- Вантаа, 2003. [V. M. Ollykainen (ed.). *Slovar' severno-ingermanlandskikh govorov finskogo iazyka (govory vuole i koltushskii)* [Northern Ingrian Finnish dictionary (Vuole and Koltushi dialects)]. Vantaa, 2003].
- Ракитина 2015 — С. А. Ракитина. Количественные противопоставления гласных в ингерманландском финском языке на материале говоров Центральной Ингерманландии (диссертация на соискание академической степени магистра лингвистики). СПбГУ, СПб, 2015. [S. A. Rakitina. *Kolichestvennye protivopostavlenia glasnykh v ingermanlandskom finskom iazyke na materiale govorov Tsentralnoi Ingermanlandii (dissertatsiia na soiskanie akademicheskoi stepeni magistra lingvistiki)* [Quantitative oppositions of vowels in Ingrian Finnish, Central Ingria dialects]. SPbSU, St. Petersburg, 2015].
- Тестелец, Былинина 2005 — Я. Г. Тестелец, Е. Г. Былинина. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы. Хэндаут доклада, представленного на семинаре ИППИ РАН «Теоретическая семантика» 15 апреля 2005 г. М., 2005. [Ja. G. Testeleets, E. G. Bylina. *O nekotorykh konstruktssiakh so znacheniem neopredelennykh mestoimenii v russkom iazyke: amalgamy i kvazireliativy* [On some constructions with the meaning of indefinite pronouns in Russian: amalgams and quasirelatives]. Khendaut doklada, predstavlennoho na seminarie ITP RAS 'Teoreticheskaiia semantika' 15 aprelia 2005 g. Moscow, 2015].
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Syntactic and Morphosyntactic Properties of Postpositional Phrases in Beserman Udmurt as Part-of-Speech Criteria // М. Hirvonen, J. Isosävi, М. Luodonpää-Manni, К. Mononen, М. Rauniomaa (eds.). *SKY Journal of Linguistics* 28. Helsinki: The Linguistic Association of Finland, 2015. P. 103–137.
- Gheno 1975 — D. Gheno. Az erza-mordvin névutók áttekintése I // S. Csúcs, A. Komlósy (eds.). *Nyelvtudományi Közlemények* 77. Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 1975. P. 45–57.
- Grünthall 2003 — R. Grünthall. *Finnic adpositions and cases in change*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2003.
- Haspelmath 2012 — M. Haspelmath. How to compare major word-classes across the world's languages // Т. Graf, D. Paperno et al. (eds.). *Working Papers in Linguistics* 17. Los Angeles: Dept. of Linguistics, Univ. of California, 2012. P. 109–130.
- ISK 2004 — A. Hakulinen, М. Vilkuна, R. Korhonen, V. Koivisto, Т. R. Heinonen, I. Alho. *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomen kirjallisuuden seura, 2004. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения — 29.01.2018).

- Karlsson 1999 — F. Karlsson. Finnish: An Essential Grammar. London: Routledge, 1999.
- Lehmann 2002 — Ch. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. 2nd, revised edition. Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002.
- Lestrade 2007 — S. Lestrade. Finnish case alternating adpositions: A corpus study // J. van der Auwera (ed.). Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences 48. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 603–628.
- Ojutkangas 2000 — K. Ojutkangas. Grammatical possessive constructions in Finnic: Käsi ‘hand’ in Estonian and Finnish // J. Laakso (ed.). Castrenianumin toimitteita 59. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 2000. P. 137–155.
- Rèdei 1988 — K. Rèdei. Uralischen Etymologisches Wörterbuch. Budapest: Institut Für Sprachwissenschaft der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1988.

Источники

- Mäkelä 2017 — K. Mäkelä. Näin juhliitaan vanhojen tansseja ympäri Suomea — lähetä kuvasi #ylevanhat // Yle Uutiset, 2017. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-9463193> (дата обращения — 29.12.2017).
- Niemi 2015 — P. Niemi. Onko hän Suomen kovin brittifutisfani? Juoksi viisi kertaa talon ympäri, kun suosikki voitti — ei edes nähnyt peliä // Yle Uutiset, 2015. URL: <https://yle.fi/uutiset/3-8220911> (дата обращения — 4.07.2017).
- Hirvonen 2015 — E. Hirvonen. Kun aika loppuu. Helsinki: WSOY, 2015.

И. В. Саркисов
НИУ ВШЭ, Москва

К ВОПРОСУ ОБ ЭРГАТИВНОСТИ В НОВОАРАМЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Введение

На данный момент новоарамейские языки недостаточно изучены с лингвистической точки зрения: грамматические описания отдельных языков являются неполными и неточными, теоретические обобщения об отдельных явлениях, характерных для большинства языков не всегда являются бесспорными. Одним из теоретически небесспорных явлений в новоарамейских языках является эргативность. В настоящей статье будут описаны морфосинтаксические особенности явления, которое традиционно в новоарамейских языках называется эргативностью, и будет предложен анализ этого явления с типологической точки зрения. Целью работы является показать, что способы маркирования глагольных актантов, традиционно называемые в арамеистике эргативностью, на самом деле не подпадают под определение данного явления, а представляют собой совсем иные стратегии.

Материалом настоящего исследования по большей части являются полевые и корпусные данные, собранные автором статьи для христианского урмийского и ванского диалектов северо-восточно-новоарамейского диалектно-языкового кластера, а также данные, представленные в грамматиках и грамматических описаниях других новоарамейских языков.

Работа состоит из нескольких разделов. В разделе, следующем за введением, будут рассмотрены вопросы внешней и внутренней классификации новоарамейских языков, в третьей части будет обсуждаться собственно проблема новоарамейской эргативности и будут отдельно рассмотрены различные стратегии маркирования, на самом деле скрывающиеся за этим понятием, а в заключении — обобщены результаты исследования.

2. Классификация новоарамейских языков

Новоарамейскими языками принято называть арамейские языки, сложившиеся на территории Передней Азии после ее завоевания арабами (VII в. н. э.) [Лёзов 2009а: 453]. В настоящей работе будут рассматриваться по большей части современные новоарамейские языки в том виде, в котором они зафиксированы в ходе исследований, начиная со второй половины XX в.

Арамейские языки относятся к центральносемитской подгруппе западной ветви семитских языков, входящих, в свою очередь, в афразийскую языковую семью. С древнейших времен, вероятно, со времени разделения праарамейского языка, арамейские языки подразделяются на две основные ветви — западную и восточную. В настоящее время западная ветвь арамейских языков представлена диалектами,

на которых говорят жители трех деревень в горах Каламун (область Антиливан) в Сирии — Маалула, Баха и Джуббадин. Жители Маалулы в основном христиане, жители Бахи и Джуббадина — мусульмане [Лявданский 2009: 663].

К ней также принадлежали имперский арамейский (официальный язык империи Ахеменидов) [Лёзов 2009b: 497], иудейско-палестинский арамейский, самаритянский арамейский и христианско-палестинский арамейский [Немировская 2009: 532]. К восточной ветви относятся туройо и млахсо — языки христиан-яковитов в Юго-Восточной Турции, новомандейский язык — вымирающий ныне разговорный язык мандеев, распространенный в Иране, — и северо-восточные новоарамейские языки (СВНАЯ, в западной литературе — NENA) — кластер диалектов и говоров христианских и иудейских общин Курдистана (Южная и Юго-Восточная Турция, Северный Ирак и Юго-Западный Иран) и Иранского Азербайджана (Северо-Западный Иран) [Лявданский 2009: 663]. К восточной ветви также относится ныне мертвый классический сирийский язык [Лёзов 2009с: 562]. Классификация арамейских языков кратко представлена в Таблице 1

Таблица 1. Классификация арамейских языков

Арамейские языки			
Западные	Восточные		
иудейско-палестинский † самаритянский † христианско-палестинский † имперский † диалекты Маалулы, Джабуддина и Бахи	классический сирийский † иудейский вавилонский † мандейский †		
	туройо млахсо	ново-мандейский	северо-восточные новоарамейские языки: <u>Христианские:</u> христианский урмийский, джила, барвар, алькош, тхума, мар-бишу, ванский, ботан, тал, тель-кепе и многие другие; <u>Еврейские:</u> еврейский урмийский, кой-санджак, санандадж и многие другие.

Кластер северо-восточных арамейских языков принято разделять по этно-конфессиональному признаку их носителей на христианские и еврейские диалекты. В каждом из этих подмножеств выделяют 4 группы диалектов, названия которых чаще всего соответствуют названиям областей или деревень, в которых исторически проживали их носители (поскольку в одной области часто могли проживать как христиане, так и евреи, существуют диалекты, названия которых различаются лишь за счет этноконфессиональной характеристики, например, христианский урмийский и еврейский урмийский). Среди христианских диалектов, согласно работе [Лявданский 2009: 668], выделяются следующие группы (в работе [Лявданский 2009: 668] приводится список лишь самых крупных идиомов, являющийся далеко не полным):

- 1) урмийская: диалекты урмийский, солдузский, гавиланский, сипурганский;
- 2) северная: диалекты салмасский, кудшанисский, гаварский, джилу;

- 3) аширет: диалекты тиари, тхума, ашита, мар бишу, шамсдинский;
- 4) южная: диалекты алькош, ботанский, арадинский, мангешский, тель-кепский.

Среди еврейских диалектов, следуя работе [Лявданский 2009: 668], выделяются следующие группы:

- 1) Иракский (Северо-Западный) Курдистан: диалекты захо, нерва, дахук.
- 2) Иракский (Юго-Восточный) Курдистан: диалекты эрбильский, рувандузский, кёй-санджакский.
- 3) Иранский Азербайджан: диалекты саламасский, урмийский, башкаинский, саблагский.
- 4) Иранский Курдистан: диалекты саккизский, биджарский, сenna, керендский.

Четкого представления о том, какие из перечисленных идиомов являются самостоятельными языками, а какие — диалектами самостоятельных языков, не существует. Обычно их называют диалектами, однако в то же время отмечается, что некоторые из них, в первую очередь христианские и еврейские, а также идиомы христиан различных конфессий — несториан и последователей Халдейской Католической церкви — взаимонепонимаемы [Лявданский 2009: 668].

В настоящее время носители новоарамейских языков проживают как в странах Ближнего Востока (Сирия, Турция, Ирак, Иран) [там же], так и в других частях света: Западной Европе (Швеция, Германия, Бельгия, Нидерланды), США, Канаде, Австралии [Лявданский 2009: 664], странах постсоветского пространства (Армения, Грузия, Россия). Установить их точное число в каждой из стран не представляется возможным, однако численность европейской и американской диаспоры сопоставима с количеством носителей, проживающих на исторической родине, или даже превосходит его. Общее число говорящих на новоарамейских языках колеблется, по разным оценкам, от 600 тысяч до полутора миллионов человек. Языковая сохранность у всех

новоарамейских языков неидеальна, некоторые близки к вымиранию [Лявданский 2009: 663].

Практически все новоарамейские языки (кроме литературного урмийского, туройо и некоторых других) являются бесписьменными. Имеющие письменность христианские новоарамейские языки (литературный язык несториан на базе урмийского диалекта, нередко называемый современным ассирийским, туройо и некоторые другие) традиционно используют сирийскую графику (в последнее время также и латинскую), а еврейские — еврейское письмо [Лявданский 2009: 671]. В СССР в 30-е годы XX в. использовался специально разработанный для литературного урмийского алфавит на основе латиницы. Также известны случаи использования для записи новоарамейских языков кириллицы, арабицы, грузинского и армянского алфавитов.

Таким образом, новоарамейские языки отличаются сложной внутренней классификацией и социолингвистическим положением. В следующем разделе мы рассмотрим их не менее интересную грамматическую особенность, которую в арамеистике принято называть эргативностью.

3. Эргативность в новоарамейских языках

3.1. Общие сведения о маркировании глагольных актантов в новоарамейских языках

В целом новоарамейские языки, как и большинство афразийских, относятся к языкам номинативно-аккузативного строя. Основным способом маркирования актантов является индексирование на глаголе лица, числа и рода (в единственном числе) с помощью специальных суффиксов [Doron, Khan 2012: 226–227]. Также во многих диалектах возможно дифференцированное предложное маркирование прямого объекта (с помощью различных предлогов, изначально имеющих дативную семантику, но способных также оформлять и прямое дополнение, как это нередко бывает в языках с дифференцированным маркированием) [Coghill 2014]. В синтаксисе наблюдается тенденция к фиксированному порядку SVO [Murre-van den Berg 1999: 297]. Категория падежа у имен отсутствует. Глагольные согласовательные суффиксы делятся на два типа: А-суффиксы (по первой букве слова «actor») и L-суффиксы, этимологически содержащие в себе дативно-аккузативный пока-

затель *l-* (термины предложены Р. Хоbermanом [Hoberman 1989: 97]). В таблицах 2 и 3 представлены парадигмы А- и L-суффиксов для христианского урмийского диалекта (по [Marogulov 1976: 54–55]).

Таблица 2. А-суффиксы в христианском урмийском

	ед. ч. м. р.	ед. ч. ж. р.	мн. ч.
1 л.	<i>-in-</i>	<i>-ən-</i>	<i>-ax-, — əx-</i>
2 л.	<i>-it-</i>	<i>-ət-</i>	<i>-oxun</i>
3 л.	Ø	<i>-o-, -a-, -ə-</i>	<i>-e-</i>

Таблица 3. L-суффиксы в христианском урмийском

	ед. ч. м. р.	ед. ч. ж. р.	мн. ч.
1 л.	<i>-lij</i>	<i>-lə</i>	<i>-lən-, -lan</i>
2 л.	<i>-lux</i>	<i>-ləx-, -lax</i>	<i>-letun</i>
3 л.	<i>-li</i>	<i>-lə-, -la</i>	<i>-lun</i>

При стандартном номинативно-аккузативном согласовании непереходные глаголы согласуются со своим единственным актантом с помощью А-суффикса. Переходные глаголы обязательно согласуются с субъектом с помощью того же А-суффикса (субъекты 3 лица единственного числа мужского рода маркируются на глаголе нулевым показателем), а с объектом — опционально (в зависимости от правил дифференцированного маркирования, различающихся для разных диалектов) с помощью L-суффиксов. L-суффиксы всегда следуют за А-суффиксами. Таким образом, переходную глагольную словоформу можно схематично представить в следующем виде: V-S.a_suf-O.l_suf. Такая модель представляет собой номинативно-аккузативное согласование. Пример реализации этой согласовательной схемы для христианского урмийского представлен в (1)¹.

¹ Все примеры, приводимые в статье без ссылок на источники, собраны нами самостоятельно в ходе полевой работы с информантами. Примеры, заимствованные нами из других работ, снабжены ссылками на них, глоссированы (кроме примеров из [Coghill 2016]) и переведены нами. — И. С.

- (1) *nafa bət-parem-la* *daha erbi-ta*.
человек FUT-зарезать.INFECT-3SG.F.OBL² этот баран-F
'Человек зарежет эту овцу'.

В восточных арамейских языках в формах претерита³ система согласования иная. Традиционно в арамеистике ее принято называть эргативной [Коган 2009: 99]. Однако в ходе анализа как самостоятельно собранного материала, так и данных грамматик и предшествующих работ по этому вопросу мы пришли к выводу, что согласовательная система в претерите в новоарамейских языках не подпадает под определение эргативности. Обоснованию данного утверждения и посвящена настоящая работа. Эргативностью в лингвистической типологии принято называть такую систему маркирования глагольных актантов, при которой пациенс в переходных конструкциях маркируется так же, как единственный актант в непереходных конструкциях, и при этом отлично от переходного агенса [Coghill 2016: 6]. В дальнейшем мы будем употреблять термины «эргативность» и «эргативный» без кавычек применительно к тем системам согласования и конструкциям, которые являются эргативными в соответствии с приведенным определением. В случаях же, когда мы вслед за авторами предшествующих работ будем использовать эти термины, говоря о нестандартном маркировании в претерите в восточных новоарамейских языках, мы будем брать их в кавычки. Эргативность в целом нетипична для современных семитских языков, хотя в некоторых из них, в первую очередь, в ряде новоарамейских, прослеживаются ее черты. Большинство ученых склонны интерпретировать так называемую новоарамейскую «эргативность» как результат иноязычного, несемитского влияния, скорее всего курдского [Коган 2009: 99; Лявданский 2009: 670]. Однако против гипотезы о воздействии иранских языков свидетельствует

² Рассматриваемые показатели традиционно глоссируются в соответствии с их синтаксической функцией: ABS и OBL.

³ Под претеритом имеется в виду глагольная форма, маркируемая трансфиксом CСiC (между вторым и третьим согласным трехсогласного глагольного корня вставляется гласный *i*). Значение этой формы может несколько варьироваться в зависимости от диалекта, но в целом оно сводится к недавно прошедшему или просто прошедшему времени.

тот факт, что похожие явления отмечаются уже в классическом сирийском языке [Coghill 2016: 2].

Маркирование форм претерита в восточных арамейских языках, традиционно называемое в арамеистике «эргативным», заключается в том, что согласовательные суффиксы меняются местами: агенс вызывает согласование на глаголе с помощью L-суффикса, а пациенс — с помощью A-суффикса. При этом их позиция в словоформе не изменяется. Схематично это выглядит так: V-O.a_suf-S.l_suf [Kalin, Urk 2012: 186].

Пример подобной модели согласования в христианском урмийском диалекте представлен в (2).

- (2) *nafa prim-a-li*
 человек зарезать.PRET-3SG.F.ABS-3SG.M.OBL
daha erbi-ta.
 этот баран-F
 ‘Человек зарезал эту овцу.’

Различие этих двух схем маркирования в диалекте иудейский санандадж наглядно иллюстрирует (3). В (3а) глагол стоит в форме настоящего времени (так называемой основе инфекта, используемой для образования ряда непретеритных форм), согласование происходит по номинативно-аккузативной модели. В (3б) глагол находится в форме прошедшего времени (претерит), используется «эргативная» модель согласования.

- (3а) *baxt-äke barux-äwal-i*
 женщина-DEF друг-PL-1SG.POSS
garš-á-lu
 тянуть.INFECT-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Женщина тянет моих друзей’. [Doron, Khan 2012: 227]

- (3б) *barux-äwal-i baxt-äke*
 друг-PL-1SG.POSS женщина-DEF
garš-á-lu
 тянуть.PRET-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Мои друзья потянули женщину’. [там же]

Это нестандартное маркирование в новоарамейских языках распространяется также и на непереходные конструкции, единственные актанты в которых также маркируются L-суффиксами.

Степень этого распространения сильно различается в зависимости от диалекта, однако идеальной эргативной схемы, при которой единственный актант непереходного глагола уподоблялся бы пациенту переходного, на данный момент нам не удалось найти ни в одном современном новоарамейском языке. Подобная схема, возможно, имела место на определенном этапе развития арамейских языков и явилась своеобразным «мостом» между номинативно-аккузативной стратегией и современным состоянием [Coghill 2016: 102–162]. Однако прямых доказательств этой гипотезы на данный момент нет, так как приводимые в работах по арамейской «эргативности» примеры «эргативного» маркирования в древних языках также не являются настоящими эргативными конструкциями, а обычно представляют собой конструкции с пассивной формой глагола. Ср. примеры (4)–(6) из работы [Coghill 2016: 2], где показаны согласовательные модели в классическом сирийском языке: объект в переходной конструкции (4) вызывает согласование на причастии прошедшего времени с помощью того же А-суффикса, что и субъекты непереходных конструкций (5)–(6), при этом субъект в переходной конструкции, выраженный местоимением, маркируется дативным префиксом *l* (4), в то время как субъект непереходных конструкций не может оформляться никакими предлогами (5)–(6).

- (4) *šqil-ā* *l-i*
взять.PASS.PTCP-F.S DAT-1SG
'Я взял ее. = Она взята мной.'
- (5) *ḷaty-ā=nā*
прийти.VRB_ADJ-F.S=я
'Я пришла.'
- (6) *ḷaty-ā*
прийти.VRB_ADJ-F.S
'Она пришла.'

По этой причине термин «эргативность» применительно к новоарамейским языкам представляется достаточно спорным. Подобные мысли уже высказывались ранее в некоторых предшествующих работах (например, в [Coghill 2016]). Однако ни в одной из них типологическая классификация явления, называемого в арамеистике «эргативностью» не была доведена до конца,

если она вообще предпринималась. Между тем, фактически под данным термином подразумевается несколько различных стратегий маркирования.

Остановимся подробно на каждой из указанных стратегий.

3.2. «Перевернутая» номинативно-аккузативная стратегия

В значительном количестве новоарамейских языков и диалектов маркирование актанта L-суффиксами распространилось на все без исключения непереходные глаголы в претерите. Прежде всего это касается таких северо-восточных новоарамейских диалектов, как христианский урмийский, еврейские кой-санджак и рустака [Coghill 2016: 83], христианские идиомы барвар [Khan 2008: 614–618; Kalin, Urk 2015: 663] и ванский, а также многих других языков и диалектов. В этих идиомах любые подмножества одновалентных глаголов, в том числе выделяемые по наличию контроля участника над ситуацией (то есть так называемые активные), ничем не отличается в плане маркирования от остальных непереходных глаголов. Такую схему наглядно иллюстрируют примеры из христианского урмийского диалекта, где агенс переходного глагола (7), а также актанты активного непереходного глагола ‘встать’ и инактивного — ‘уснуть’ при глаголе в форме претерита маркируются с помощью L-суффиксов (8)–(9).

(7) *naf-i* *mxi-lun* *dizmin-e*
 человек-PL ударить.PRET-3PL.OBL враг-3PL.POSS
 ‘Люди побили своего врага.’

(8) *naf-i* *qəm-lun*
 человек-PL вставать.PRET-3PL.OBL
 Люди встали.

(9) *baxt-a* *tlə-la*
 женщина-SG спать.PRET-3SG.F.OBL
 Женщина уснула.

Непереходные глаголы в не-претеритных формах согласуются с единственным актантом с помощью A-суффиксов, т. е. так же, как и переходные глаголы при согласовании в не-претерите с субъектом.

В подобной схеме не наблюдается никаких черт не только эргативности, но и активного строя. Единственное, что выделяет

ее среди согласовательных парадигм других номинативно-аккузативных языков — это то, что субъектные и объектные суффиксы в претерите меняют свое значение на прямо противоположное по сравнению с не-претеритными формами. Однако номинативно-аккузативный строй от этого не нарушается. Поэтому этот тип маркирования вполне можно назвать «перевернутой» номинативно-аккузативной стратегией, или номинативно-аккузативной стратегией с меняющимся значением показателей.

Рассмотрим еще один случай системы согласования на примере ванского диалекта.

Насколько позволяют судить имеющиеся данные, в ванском диалекте в отличие от христианского урмийского отсутствует согласование объекта с глаголом вне зависимости от формы последнего. Таким образом, вся согласовательная парадигма сводится к согласованию глагола с субъектом: А-суффиксы используются во всех формах, кроме претерита, и L-суффиксы употребляются только в претерите независимо от переходности глагола (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Согласование актантов в ванском диалекте

	Все формы, кроме претерита	Претерит
A/S	А-суффиксы	L-суффиксы
Объект	∅	

Если отвлечься от того факта, что L-суффиксы исторически являлись объектными согласовательными показателями, то подобная система не несет в себе ни малейших видимых следов эргативности и является в чистом виде номинативно-аккузативной. Различие субъектных согласовательных суффиксов в зависимости от временной формы глагола само по себе не может рассматриваться не только как отклонение от номинативно-аккузативной модели, но и как «перевернутое» значение показателей.

3.3. Активная стратегия

Существующие описания активной стратегии маркирования актантов в новоарамейских языках основываются на теории о делении непереходных глаголов на так называемые «неэргативные» и «неаккузативные» [Doron, Khan 2012: 230]. Эта теория является

весьма спорной, однако поддерживается многими синтаксистами [Плунгян 2011: 120]. Согласно ей, «неэргативные» глаголы определяются как непереходные глаголы, актанты которых сближаются с агенсами переходных, поскольку способны контролировать ситуацию, а «неаккузативные» — как те непереходные глаголы, чьи актанты сближаются с дополнениями, поскольку неактивны и неспособны контролировать свои действия [Плунгян 2011: 121]. Такое разделение очень напоминает противопоставление активных и инактивных глаголов в языках активного строя. Однако если активные и инактивные глаголы разграничиваются по своим семантическим признакам, то сторонники «неаккузативной гипотезы» делят глаголы на «неэргативные» и «неаккузативные» на основании специальных тестов, отдельно определяемых для каждого языка [Плунгян 2011: 121–123].

Активная стратегия среди новоарамейских языков свойственна в том числе и еврейскому урмийскому диалекту. При ней обратное маркирование субъекта и объекта распространяется на переходные, «неэргативные» (активные), а также на «динамические», то есть связанные с изменением состояния, «неаккузативные» (инактивные) глаголы. А стандартное маркирование в форме претерита свойственно только стативным «неаккузативным» (инактивным) глаголам, то есть глаголам, выражающим постоянное состояние [Doron, Khan 2012: 230]. Рассмотрим примеры (10)–(12) из работы [Doron, Khan 2012: 230] для еврейского урмийского диалекта. В примере (10) представлена переходная конструкция в претерите, где субъект маркирован L-суффиксом, а объект — A-суффиксом. В примере (11) показан активный («неэргативный») непереходный глагол в претерите, также оформляемый L-суффиксом. В примере (12) представлена претеритная форма «неаккузативного» глагола, являющегося в еврейском урмийском стативным. Он оформляется A-суффиксом.

- (10) *barux-aw-i* *brat-i*
 друг-PL-1SG.POSS дочь-1SG.POSS
gərš-a-lu
 тянуть.PRET-3SG.F.ABS-3PL.OBL
 ‘Мои друзья потянули мою дочь’. [Doron, Khan 2012: 230]

- (11) *kalba nwəx-le*
 собака лаять.PRET-3SG.M.OBL
 ‘Собака залаяла’. [там же]
- (12) *brat-i qim-a*
 дочь-1SG.POSS расти.INFECT-3SG.F.ABS
 ‘Моя дочь росла’. [там же]

3.4. Предложное маркирование субъекта

Как уже отмечалось, в ряде новоарамейских языков возможно дифференцированное предложное маркирование объекта, основанное главным образом на определенности и одушевленности участника [Coghill 2014]. В качестве предлогов чаще всего используются *l* и *qa*, однако возможны и другие предлоги с дативной семантикой [там же: 8]. При маркировании объекта предлогом в глаголе не могут употребляться никакие согласовательные показатели с объектом. Ср. примеры (13)–(14) из христианского урмийского, где определенный объект маркируется дативным предлогом *qa*, а глагол согласуется только с агенсом. В (13) употребляется нулевой А-суффикс, в (14) представлена «перевернутая» модель, при которой глагол согласуется с агенсом с помощью L-суффикса.

- (13) *nafa bət-qat'il-Ø* *qa daha dizmin*
 человек FUT-убить.INFECT-3SG.M.ABS DAT этот враг
 ‘Человек убьет этого врага’.
- (14) *nafa qt'il-li* *qa daha dizmin*
 человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT этот враг
 ‘Человек убил этого врага’.

Одной из важнейших проблем, возникающих при изучении так называемой «эргативности» в новоарамейских языках, является вопрос о возможности предложного маркирования субъекта в конструкциях с обратным согласованием. Ведь если актанты меняются местами в плане согласования, и субъект согласуется с глаголом с помощью объектных L-суффиксов, а объект — с помощью субъектных А-суффиксов, то вполне можно ожидать перенесение этой модели и на предложное маркирование, то есть возможность маркирования субъекта предлогами, используемыми для маркирования объекта в непретеритных конструкциях.

Известно, что в древних арамейских и вообще в северо-западных семитских языках (в том числе в древнееврейском) при употреблении пассивного предикативного причастия, из которого, по-видимому, и развились новоарамейские «эргативные» конструкции, субъект вводился показателем *l-* [Лёзов 2009а: 469]. Также в описании туройо (новоарамейского языка восточной ветви) сказано, что прямой объект никогда не оформляется какими-либо специальными показателями (в том числе и предлогами). Однако при глаголе-сказуемом в претерите, то есть при «эргативной» стратегии маркирования, субъект оформляется показателем *l-*, который в туройо также используется для выражения косвенного объекта:

ПРЕДЛОЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА В ТУРОЙО

- (15) *l-aʔ-ʔamalikaniy-e* *kšiffe* *aʔ-ʔuronayd'an*
 DAT-DEF-американец-PL открыли DEF-гора.1PL.POSS
 ‘Американцы открыли наши горы’. [Коган, Лёзов 2009: 764]

Среди северо-восточных новоарамейских языков предложное маркирование субъекта отмечено в барваре. Правда, здесь оно сочетается не с претеритом, при котором имеет место «эргативное» спряжение с *L-*суффиксами, выражающими согласование с субъектом, а с результативной формой, не содержащей *L-*суффиксов [Khan 2008: 804–880], ср. (16) из христианского барваре.

- (16) *šáwwa-θna hóla xile* *l-dèwa*
 они-они семь есть.PTCP.RES DAT-волк
 ‘Семеро из них были съедены волками’. [там же: 804]

Такие конструкции скорее следует интерпретировать как пассивный залог, нежели как эргативность, так как они являются гораздо менее частотными, чем номинативно-аккузативные и вторичными по отношению к ним (ср. интерпретацию конструкций типа (16) как пассивных результативных в [Khan 2008: 751]). Предложное оформление субъекта для арамейских языков характеризуется как инновация [Коган, Лёзов 2009: 764]. Дж. Хан замечает, что присутствие этого явления в барваре представляется редкостью для северо-восточной ветви новоарамейских языков [Khan 2008: 165].

Наше собственное исследование литературного урмийского и разговорного христианского урмийского, а также и ванского диалекта выявило невозможность предложного маркирования субъекта во всех указанных идиомах.

В корпусе литературного урмийского, состоящем из текстов, написанных советскими ассирийцами с применением латинской графики в 30-е годы XX в. (преимущественно переводы русской классической литературы, а также одно оригинальное произведение, общим объемом 54150 слов), нет ни одного примера, где такое явление имело бы место. Современные информанты также считают предложное маркирование субъекта аграмматичным. Это в одинаковой мере касается обоих предлогов (и *qa*, и *l*, который иногда используется для маркирования прямого объекта в литературных текстах, как в примере (17)) и обоих типов конструкций с нестандартным маркированием (как переходных, так и непереходных с активными глаголами).

- (17) *Ənə le məxibən l Əleksej Ivanic*
ana le məxib-an l
 я NEG любить.INFECT-1SG.F.ABS ALL
Aleksej Ivanitʃ
 Алексей Иванныч
 ‘Я не люблю Алексея Иванныча’.

Данное утверждение наглядно иллюстрируют следующие примеры. Примеры (19) и (20) демонстрируют аграмматичность маркирования актантов активных непереходных глаголов предлогами *l* (19) и *qa* (20).

- ХРИСТИАНСКИЙ УРМИЙСКИЙ
- (18) *nafa qim-li*
 человек встать.PRET-3SG.M.OBL
- (19) **l nafa qim-li*
 ALL человек встать.PRET-3SG.M.OBL
- (20) **qa nafa qim-li*
 DAT человек встать.PRET-3SG.M.OBL
 ‘Человек встал’.

- (21) *nafa qtil-li qa dizmin*
 человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
 ‘Человек убил врага’.

Примеры (22)–(27) показывают недопустимость маркирования агенса переходных глаголов обоими предлогами, как в сочетании с предложным маркированием пациенса ((22) и (23)) так и при его отсутствии (24)–(27)).

- (22) **qa nafa qtil-li qa dizmin*
 DAT человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
- (23) **l nafa qtil-li qa dizmin*
 ALL человек убить.PRET-3SG.M.OBL DAT враг
- (24) **qa nafa qtil-li dizmin*
 DAT человек убить.PRET-3SG.M.OBL враг
- (25) **qa nafa qtil dizmin*
 DAT человек убить.PRET враг
- (26) **l nafa qtil dizmin*
 ALL человек убить.PRET враг
- (27) **l nafa qtil-li dizmin*
 ALL человек убить.PRET-3SG.M.OBL враг

Стоит отметить, что в языках мира, допускающих как эргативное, так и номинативно-аккузативное маркирование в зависимости от различных факторов (например, времени глагола, референтности пациенса и т. д.) [Coghill 2016: 9–10], эргативным чаще является именно падежное оформление, а глагольное согласование при этом остается номинативно-аккузативным. Такую картину мы можем наблюдать, например, в чукотском языке, являющемся одним из классических примеров языков с расщепленной эргативностью [Dunn 1999: 112–114, 202–204]. Реже встречаются языки с «более глубокой» эргативностью, где эргативны и падежное маркирование, и глагольное согласование (то есть переходный глагол согласуется с пациенсом с помощью того же суффикса, что и непереходный глагол со своим актантами), например, адыгейский [Аркадьев и др. 2009: 52–55, 60–62]. В языках же, в той или иной степени допускающих элементы активного строя (гуаранийские языки, камаюра, панаре и многие

другие), напротив, активность обычно проявляется именно в глагольном согласовании, но редко затрагивает именную морфологию и синтаксис. Падежное и предложное оформление глагольных актантов обычно отсутствует и говорить о его характере не представляется возможным. Однако в плане синтаксиса эти языки практически полностью удовлетворяют номинативно-аккузативной схеме (подробнее о парагвайском гуарани см. [Velázquez-Castillo 1991] и [Velázquez-Castillo 1995], о камаюра и панаре [Aikhenvald 2012]). Таким образом, те из новоарамейских языков, в которых распространена активная схема кодирования актантов, вполне вписываются в общую типологическую картину.

4. Заключение

Подробный анализ нестандартных стратегий маркирования, свойственных новоарамейским языкам в претеритных конструкциях, которые по сложившейся в арамеистике традиции принято называть эргативными, показывает, что на самом деле подобные конструкции не являются таковыми. В действительности за этим термином скрываются либо номинативно-аккузативная схема с обратным значением согласовательных суффиксов, при которой субъект маркируется L-суффиксом, а объект — A-суффиксом, либо активная схема, вполне попадающая под классическое определение активного строя. С этим выводом согласуются данные о том, что эргативное предложное маркирование в большинстве новоарамейских языков невозможно. Можно надеяться, что накопление и осмысление подобных фактов будет способствовать пересмотру устаревшей терминологии в арамеистике и замене ее на более отвечающую современным типологическим теориям.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ALL — аллатив; DAT — датив; DEF — определенный артикль; F — женский род; FUT — будущее время; INFECT — основа инфекта, одной из основных форм семитских глаголов наряду с претеритом, каузативом и некоторыми другими формами, различающимися не за счет префиксов или суффиксов, а за счет трансфиксов; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — показатель косвенного участника; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRET — основа претерита; PTCP — причастие; RES — результирующая

форма; S — актант непереходного глагола (в глоссах Э. Когил); SG — единственное число; VRB_ADJ — отглагольное прилагательное (в глоссах Э. Когил).

Литература

- Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Москва: РГГУ, 2009. С. 17–121. [P. M. Arkad'ev, Yu. A. Lander, A. B. Letuchii, N. R. Sumbatova, Ia. G. Testeleets. Vvedenie. Osnovnyye svedeniia ob adygeiskom iazyke [Introduction. Basic issues about Adyghe] // Ia. G. Testeleets (ed.). Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatiki adygeiskogo iazyka. Moskva: RGGU, 2009. P. 17–121].
- Коган 2009 — Л. Е. Коган. Семитские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 15–113. [L. E. Kogan. Semitskie iazyki [Semitic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 15–113].
- Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Туройо // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 751–806. [L. E. Kogan, S. V. Lëzov. Turoio [Turoyo] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 751–806].
- Лёзов 2009a — С. В. Лёзов. Арамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 414–496. [S. V. Lëzov. Arameiskie iazyki [Aramaic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 414–496].
- Лёзов 2009b — С. В. Лёзов. Имперский арамейский // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 496–531. [S. V. Lëzov. Imperskii arameiskii [Imperial Aramaic] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki.

- Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 496–531].
- Лёзов 2009с — С. В. Лёзов. Классический сирийский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 496–531. [S. V. Lezov. Klassicheskii siriiskii iazyk [Classical Syriac] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 496–531].
- Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 660–693. [A. K. Liavdanskii. Novoaramaiskie iazyki [Neo-Aramaic languages] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 660–693].
- Немировская 2009 — А. В. Немировская. Иудейско-палестинский арамейский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. С. 531–562. [A. V. Nemirovskaia. Iudeisko-palestinskii arameiskii iazyk [Jewish-Palestinian Aramaic] // A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lëzov, O. I. Romanova (eds.). Iazyki mira: Semitskie iazyki. Akkadskii iazyk. Severozapadnosemitskie iazyki. M.: Academia, 2009. P. 531–562].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва: Издательство РГГУ, 2011. [V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of World's languages]. Moskva: Izdatel'stvo RGGU, 2011].
- Aikhenvald 2012 — A. Y. Aikhenvald. The languages of the Amazon. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // *Linguistics* 52(2), 2014. P. 335–364.
- Coghill 2016 — E. Coghill. The rise and fall of ergativity in Aramaic. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Doron, Khan 2012 — E. Doron, G. Khan. The typology of morphological ergativity in Neo-Aramaic // *Lingua* 122, 3, 2012. P. 225–240.

- Hoberman 1989 — R. D. Hoberman. The syntax and semantics of verb morphology in modern Aramaic. A Jewish dialect of Iraqi Kurdistan. New Haven: American Oriental society, 1989.
- Kalin, Urk 2012 — L. Kalin, C. van Urk. Aspect-based agreement in reversal in Neo-Aramaic // Proceedings of the 30th West Coast conference on formal linguistics. Somerville, MA: Cascadia proceedings projects, 2012. P. 184–194.
- Kalin, Urk 2015 — L. Kalin, C. van Urk. Aspect splits without ergativity. Agreement asymmetries in Neo-Aramaic // *Natural language & Linguistic theory* 33(2). Published online: 2015. P. 659–702.
- Khan 2008 — G. Khan. The Neo-Aramaic dialect of Barwar. Leiden — Boston: Brill, 2008.
- Kogan 2015 — L. Kogan. Geneological classification of Semitic. The lexical isoglosses. Boston — Berlin: Walter de Gruyter, 2015.
- Marogulov 1976 — Q. I. Marogulov. Grammaire Néo-syriaque pour écoles d'adultes (dialecte d'Urmia). Titre original: Grammatiqij qə mədrəsi d gurb. Traduit du néo-syriaque par Olga Kapeliuk. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1976.
- Murre-van den Berg 1999 — H. Murre-van den Berg. From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the Nineteenth century. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Velázquez-Castillo 1991 — M. Velázquez-Castillo. The Semantics of Guarani Agreement Markers // Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on The Grammar of Event Structure, 1991. P. 324–335.
- Velázquez-Castillo 1995 — M. Velázquez-Castillo. Noun incorporation in Guarani: a functional analysis // *Linguistics* 33, 1995. P. 673–709.

М. А. Сидорова

МГУ — ИЯз РАН, Москва

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОРНОМАРИЙСКИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

1. Введение

В статье рассматривается числовое оформление существительных, входящих в состав количественных конструкций, в горномарийском языке (< (финно-волжские) < финно-угорские < уральские)². Под количественными конструкциями (далее также КК) мы понимаем в первую очередь сочетания существительных и квантифицирующих их количественных числительных. Однако есть и другой тип конструкций, в которых происходит квантификация существительного, — это конструкции с различными типами кванторов. В данной работе обсуждается числовое маркирование существительного в конструкциях первого типа в горномарийском языке в сравнении с некоторыми особенностями маркирования в конструкциях второго типа, поскольку и те, и другие могут накладывать ограничения на оформление существительного ([Bach et al. 1995: 327; Corbett 2000: 97; 211–213]). В ряде работ на материале различных языков они рассматриваются вместе как из-за внешнего сходства семантических и синтаксических свойств (по-видимому, по этой причине в [Саваткова 2002: 148] горномарийские лексемы *šukâ* ‘много’ и *čädä* ‘мало’ включаются в подкласс «неопределенно-количественных числительных»), так и на основании наличия других, менее очевидных общих черт, выявленных в рамках формального подхода к синтаксису, см., например, [Babby 1987; Roehers, Sapp 2016].

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 16-06-00536а.

² Материал собран методом элицитации в с. Кузнецово и деревнях Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожланангер в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2016 и 2017 гг.

В языках мира встречается несколько стратегий числового маркирования существительных в конструкциях с числительным: в первом случае в конструкциях с множественным референтом строго требуется показатель множественного числа (ср. англ. *three dogs* / **three dog*), во втором случае, напротив, допускается только существительное в форме единственного числа, поскольку множественность референта уже выражена с помощью числительного, см. (1).

- ВЕНГЕРСКИЙ
 (1) *hat fiú érkez-ett*
 шесть мальчик[SG] приехать-PST[3SG]
 ‘шесть мальчиков приехало’ [Corbett 2006: 25]

Но в некоторых языках наблюдается и третий вариант, при котором происходит смешение первых двух стратегий, и тогда выбор числового показателя чаще всего регулируется сложным набором правил, наиболее весомым из которых является арифметическое значение числительного. Чем меньше значение числительного (в ИГ с множественным референтом), тем более вероятно маркирование существительного в такой ИГ показателем PL, и, наоборот, чем больше значение числительного, тем с более высокой вероятностью ожидается, что квантифицируемое им существительное будет иметь форму SG [Greenberg, Kemmer 1990: 283]. Среди уральских языков такая тенденция хорошо прослеживается, например, в мокшанском, ср. (2а–б), см. подробнее в [Шматова 2013; Сидорова 2015].

- МОКШАНСКИЙ
 (2а) *kolmə traks-t / *traks*
 три корова-PL корова[SG]
 ‘три коровы’
 (2б) *koms’ traks / *traks-t*
 двадцать корова[SG] корова-PL
 ‘двадцать коров’

Одушевленность референта в количественных конструкциях также повышает вероятность маркирования существительного показателем PL, см. [Corbett 2000: 55] о числовом маркировании в целом и типологическое обобщение в [Greenberg, Kemmer 1990: 283]

о числе в количественных конструкциях. Кроме того, в данном обобщении сказано, что единственное число высоковероятно в конструкциях, где существительное обозначает единицу измерения.

В горномарийском языке есть две числовые граммы: единственное число (далее также SG) и множественное число (PL). В данной работе будет обсуждаться механизм выбора одной из них в именных группах, модифицированных с помощью различных квантификаторов. О числовом маркировании в горномарийских именных группах без квантификаторов см. [Бочкова, настоящий сборник].

2. Горномарийский язык: предшествующие исследования

В грамматике [Саваткова 2002: 144–156] выделено несколько разрядов числительных. К «определенно-количественным» относятся числительные с фиксированным количественным значением (например, ‘1’, ‘2’ и т. д.). К «неопределенно-количественным» числительным отнесены многие кванторные слова, в том числе неопределенные местоимения с кванторным значением (например, в этот список входят такие единицы, как *šukâ* ‘много’, *čädä* ‘мало’, *ikman’ar* ‘несколько’, *iknärä* ‘одинаковое количество’). Помимо количественных, среди горномарийских числительных в данной грамматике выделяются дробные, порядковые, собирательные и числительные приблизительного счета. Универсальные кванторные слова (или УКС, см. [Татевосов 2002]) *cilä* ‘все’ и *každâj* ‘каждый’ трактуются как определительные местоимения. Согласно А. А. Саватковой,

определительные местоимения, как и некоторые другие разряды местоимений, могут употребляться как местоименные существительные, как местоименные прилагательные и местоименные числительные [Саваткова 2002: 165].

Отмечается, что «определительные местоимения» часто выполняют функцию определения перед существительным, однако в грамматике отсутствует информация о числовом маркировании существительных в конструкциях как с «местоименными» модификаторами, так и с количественными числительными. В [Alhoniemi 1993: 91–99] говорится, что существительные в конструкциях с количественными числительными, как правило,

употребляются в форме SG, но в остальном ситуация та же: часть кванторов также объединяется с числительными, а часть отнесена к местоимениям.

Поскольку семантика горномарийских кванторных слов на данный момент не изучена в достаточной мере с позиций упомянутой классификации, мы называем квантификаторы типа *cilä* 'все, весь' универсальными кванторными словами (или УКС), а квантификаторы, не относящиеся ни к количественным числительным, ни к УКС, выделим в группу, которую условно можно обозначить «Прочие неколичественные квантификаторы».

Кроме работ, затрагивающих данную проблематику в горномарийском языке, интерес для нашей работы представляет исследование [Шматова, Черниговская 2012], выполненное на материале близкородственного лугового марийского языка, где отдельно анализируются количественные именные группы с числительными и ИГ с другими квантификаторами [Там же: 232–237]. Для кванторных слов в указанной работе используется терминология, отличная от упомянутой выше: они подразделяются на «кванторы со значением всеобщности» ('все', 'любой', 'каждый'; они же УКС), и «кванторы со значением существования» (например, 'много', 'мало')³.

В работе [Шматова, Черниговская 2012: 235] отмечается, что те кванторные слова, которые как-либо влияют на числовое маркирование существительного, можно разделить на две группы: предопределяющие выбор множественного числа («I группа») и предопределяющие выбор единственного числа («II группа»); числительные и кванторные слова типа л.-мар. *šuko* 'много' относятся ко II группе. М. С. Шматова и Е. А. Черниговская утверждают, что в общем случае существительное в конструкциях с количественным числительным не маркируется показателем PL, а случаи, не вписывающиеся в данную тенденцию, скорее калькированы с русской системы. Кванторы со значением всеобщности, по данным [Шматова, Черниговская 2012], не влияют на выбор числовой формы, поэтому в указанной работе не рассматриваются. Примеров кванторных слов, которые также являлись бы

³ Последний класс довольно сложен и неоднороден по составу, и существует множество работ, посвященных свойствам отдельных его элементов, например, [Roehers, Sapp 2016: 273–277; Bach et al. 1995].

приименными модификаторами в ИГ и при этом строго требовали бы множественного числа существительного (т. е. кванторов «I группы»), авторы не приводят, но из сказанного выше следует, что эти кванторы являются подгруппой внутри группы, обозначенной в текущей работе как «прочие неколичественные квантификаторы» (поскольку это не числительные и не УКС).

Некоторые тенденции и закономерности числового маркирования, описанные в [Шматова, Черниговская 2012] для конструкций вида «Q + существительное», где Q — тип квантификатора, суммированы в Таблице 1. В данной таблице, как и во всей работе, мы будем придерживаться несколько иной терминологии.

Таблица 1. Число при различных квантификаторах по [Шматова, Черниговская 2012]

Q	Число существительного
Количественное числительное	→ SG / *PL
УКС	→ SG / PL
Прочие неколич. квантификаторы	→ PL / *SG (т. н. «I группа») или SG / *PL (т. н. «II группа»)

Однако, согласно работе [Тужаров 1987: 17–21], учитывающей данные лугового марийского и в меньшей степени горномарийского, существительное в конструкции с количественным числительным может принимать как форму единственного, так и форму множественного числа, причем «с показателем множественности оно употребляется, главным образом, для выражения дискретного, раздельного множества предметов» [Там же: 17] (см. подробнее в разделе 5.4.). В той же работе отмечается, что в 1920–1930 гг. наблюдалось более свободное употребление PL в конструкциях с количественными числительными, причем такое употребление «не считалось нелитературным» [Там же: 17]. Кроме того, Г. М. Тужаровым отмечена меньшая строгость в выборе числовой формы при квантификаторах в разговорном языке по сравнению с литературной нормой, см. таблицу 2.

Число в горномарийских количественных конструкциях

Таблица 2. Число при различных квантификаторах по [Тужаров 1987]

Q	Число существительного
Количественное числительное	→ SG / ^{OK} PL
УКС	→ PL / ^{OK} SG
Прочие неколич. квантификаторы	→ SG / ^{OK} PL или PL / ^{OK} SG

Примечание. Как отмечает автор, различные кванторы, относящиеся к последней группе (напр., *šukä* ‘много’ и *čädä* ‘мало’), предпочитают либо SG, либо PL на существительном, однако строгих запретов скорее нет.

Рассматриваемые конструкции в [Тужаров 1987] описаны в основном на материале лугового марийского, а кроме того, в данной работе отсутствует какая-либо информация о факторах, влияющих на выбор граммы числа (за исключением отмеченной отдельно более высокой частотности маркирования существительных показателем PL в конструкциях с кванторами *šukä* ‘многие’ и *kädä* (*tidä*) ‘некоторые’ в горной норме по сравнению с луговой).

Таким образом, закономерности числового маркирования в конструкциях с приименными квантификаторами в горномарийском языке ранее подробно не рассматривались. В луговом марийском языке, согласно исследованиям предшественников, в КК с числительными существительное принимает форму единственного числа, хотя ранее маркирование показателем множественного числа было более допустимым. По утверждению авторов, УКС в луговом марийском скорее не накладывают строгих ограничений на число существительного, тогда как прочие неколичественные квантификаторы делятся на две группы — те, которые вызывают маркирование существительного множественным числом, и те, которые обычно сочетаются с существительными в единственном числе. Факторы, вызывающие отклонение от основной стратегии, для лугового марийского подробно не рассматриваются (за исключением дистрибутивности, см. раздел 5.4).

3. Горномарийский материал: структура квантифицированной именной группы

В работе [Плешак 2017], посвященной структуре горномарийской именной группы в целом, описывается базовый порядок слов в ИГ. Выделяется несколько слотов, включающих в себя различные элементы и занимающих различную позицию относительно вершины. Базовую структуру ИГ можно представить следующим образом: [РЕКУРСИВНЫЙ слот [РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ слот [ОБЪЕКТООБРАЗУЮЩИЙ слот [СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ]]]]. В рекурсивный слот входят генитивный посессор, причастные обороты, зависимые с атрибутивизаторами. Референциальный слот может содержать указательные или неопределенные местоимения, числительные и прочие квантификаторы. Объектообразующий слот включает причастия без зависимых, прилагательные различных типов и существительные (ср. конструкции с соположением). Порядок зависимых внутри референциального слота является очень четким: левее всего (линейно) располагаются кванторные слова, не являющиеся количественными числительными, далее следуют местоимения, а ближе всего к вершине находятся числительные.

Однако, как показывает наше текущее исследование, некоторые кванторные слова могут занимать различные позиции внутри ИГ, ср. возможность варьирования порядка в некоторых идиолектах для числительного *kâm* ‘три’ в (3а) и невозможность такого варьирования для кванторного выражения *kâdâ tidä* ‘некоторые’ в (3б).

(3а) *män'-än kâm jažo täng-em / ʔmän'-än*
 я-GEN три хороший друг-1SG.POSS я-GEN
jažo kâm täng-em kušt-aš
 хороший три друг-1SG.POSS танцевать-INF
jarat-at.
 любить-NPST.3PL
 ‘Три моих хороших друга любят танцевать’.

(3б) *kâdâ tidä män'-än jažo täng-em /*
 который тот я-GEN хороший друг-1SG.POSS
**män'-än jažo kâdâ tidä täng-em*
 я-GEN хороший который тот друг-1SG.POSS

kušt-aš *jarat-a*.
 танцевать-INF любить-NPST.3SG
 ‘Некоторые мои хорошие друзья любят танцевать’.

В таблице 3 рассматривается допустимость различного порядка слов в квантифицированных ИГ с другими зависимыми (во-первых, с местоимением *tən'-ən* ‘1SG-GEN’, а, во-вторых, с прилагательными, которые занимают объектообразующий слот).

Таблица 3. Позиция в ИГ

Квантификатор	Pr + Q + Adj (нейтр.)	Q + Pr	Adj + Q
<i>vəclə</i> ‘50’	OK	?	OK
<i>šukā</i> ‘много’	OK	OK / ?	*
<i>kādā tidä</i> ‘некоторые’	OK	OK	*
<i>cilā</i> ‘все’	OK	OK	*

Примечание. Заглавия столбцов в таблице отражают различный порядок слов. Pr обозначает местоимение, Q — какой-либо из квантификаторов, перечисленных в левом столбце, Adj — прилагательное.

В первом столбце представлен нейтральный порядок слов в квантифицированных ИГ, в двух последующих — некоторые «отклонения» от этой нормы. Таким образом, получается, что только числительные могут занимать позицию после элементов объектообразующего слота. То есть, возможно, у них есть какие-то свойства, которые делают их похожими на прилагательные и обеспечивают такую возможность. В то же время только количественные числительные (и до некоторой степени — кванторное слово *šukā* ‘много’) запрещаются в позиции перед местоименным посессором. Однако на данном этапе из этого наблюдения сложно вывести какие-либо четкие закономерности, поскольку статус таких посессоров до конца не изучен.

4. Горномарийский материал: факторы, определяющие маркирование

4.1. Нарушение типологических ожиданий

На горномарийском материале нами рассмотрены группы с количественными числительными и некоторыми другими квантификаторами: *šukā* ‘многие’, *kādā (tidä)* ‘некоторые’, *čädä* ‘немногие’

и УКС *silä* ‘весь, все’. УКС с обязательной дистрибутивной интерпретацией (см. [Татевосов 2002: 69–76; 78]) типа *každâj* ‘каждый’ не рассматриваются, т. к. они ассоциированы с единственным числом и не допускают вариативности в числовом маркировании существительного. Следует отметить, что в горномарийском языке кванторы, как и остальные приименные модификаторы, не согласуются с существительным.

В количественных конструкциях система факторов, определяющих выбор той или иной формы, устроена довольно нетривиально. Во-первых, эта система не демонстрирует различий между «малыми» и «большими» числительными (ср. (4)–(6)).

(4) *văc olma* / **olma-vlä*
 пять яблоко яблоко-PL
 ‘5 яблок’

(5) *lu-at văc olma* / **olma-vlä*
 десять-DEC пять яблоко яблоко-PL
 ‘15 яблок’

(6) *văclă olma* / **olma-vlä*
 пятьдесят яблоко яблоко-PL
 ‘50 яблок’

Во-вторых, различия в числовом маркировании между референтами, занимающими различные позиции в иерархии одушевленности, также отсутствуют, ср. (7)–(12).

(7a) *stöl vālnă văc kruška šānz-ä-t* /
 стол на пять чашка сидеть-NPST-3PL
šānz-ä.
 сидеть-NPST.3SG

(7б) **stöl vālnă văc kruška-vlä šānz-ä-t* /
 стол на пять чашка-PL сидеть-NPST-3PL
šānz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоят 5 чашек’.

(8a) *alâk-âštâ văc âškal kašt-ât* /
 луг-IN пять корова ходить-NPST.3PL

- kašt-eš.*
 ходить-NPST.3SG
- (8б) **alâk-âštâ vâc âškal-vlä kašt-ât /*
 луг-IN пять корова-PL ходить-NPST.3PL
kašt-eš.
 ходить-NPST.3SG
 ‘На лугу ходят 5 коров’.
- (9а) *komnatâ-štâ vâc t’et’ä šänz-ä-t /*
 комната-IN пять ребенок сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG
- (9б) **komnatâ-štâ vâc t’et’ä-vlä šänz-ä-t /*
 комната-IN пять ребенок-PL сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG
 ‘В комнате сидят 5 детей’.
- (10а) *stöl vâlnä vâclä kruška šänz-ä-t /*
 стол на пятьдесят чашка сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
- (10б) **stöl vâlnä vâclä kruška-vlä šänz-ä-t /*
 стол на пятьдесят чашка-PL сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоят 50 чашек’.
- (11а) *alâk-âštâ vâclä âškal kašt-ât /*
 луг-IN пятьдесят корова ходить-NPST.3PL
kašt-eš.
 ходить-NPST.3SG
- (11б) **alâk-âštâ vâclä âškal-vlä kašt-ât /*
 уг-IN пятьдесят корова-PL ходить-NPST.3PL
kašt-eš.
 ходить-NPST.3SG
 ‘На лугу ходят 50 коров’.

(12a) *komnatâ-štâ vâclä t'et'ä šänz-ä-t /*
 комната-IN пятьдесят ребенок сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG

(12b) **komnatâ-štâ vâclä t'et'ä-vlä šänz-ä-t /*
 комната-IN пятьдесят ребенок-PL сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG
 ‘В комнате сидят 50 детей’.

Таким образом, получается, что основные факторы, влияние которых описано для количественных конструкций в языках мира, в горномарийском оказываются нерелевантными.

Следующий фактор, который может влиять на числовое оформление существительного в количественных конструкциях в языках мира, — референциальные характеристики, в частности определенность или референтность (ср. [Corbett 2000: 10; Шматова 2013]). В горномарийском языке данный фактор также не обнаруживает видимой корреляции с числовым маркированием в количественных конструкциях. В ходе исследования были проверены примеры с ИГ с различным референциальным статусом, а также топикальные и фокусные ИГ, однако ни одна из получившихся таким образом групп не демонстрирует значимых отличий⁴ (сводящихся именно к референциальным характеристикам или к коррелирующим с ними понятиям информационной структуры), ср. (13)–(15).

(13) *ta-maxan' kâm ädär / ??ädär-vlä män'*
 INDEF-какой три девочка девочка-PL я
doc-em ke-n kolt-evä.
 около-1SG идти-CVB посылать-PRET.3PL
 ‘Какие-то три девочки прошли мимо меня’.

⁴ Иными словами, несмотря на то, что коммуникативная структура определяет многие закономерности в марийских идиомах (см., например, [Толдова, Сердобольская 2002] о маркировании прямого дополнения в луговом марийском, [Хомченкова, Плешак 2017] о дискурсивных употреблениях посессивных маркеров в горномарийском), она не влияет на числовое маркирование в количественных конструкциях.

- (14) *kü tengečä tol-än?* *tengečä kâṁ ädär /*
кто вчера придѣть-РФV вчера три девочка
**ädär-vlä tol-än-ät.*
девочка-РL придѣть-РФV-3РL
'Кто вчера приходил? Вчера приходили три девочки'.
- (15a) *ma tengečä li-ält-än?* *kâṁ ädär /*
что вчера становѣтьсѣ-МЕД-РФV три девочка
**ädär-vlä tol-än-ät.*
девочка-РL придѣть-РФV-3РL
'Что вчера произошло? Приходили три девочки'.
- (15б) *ma tengečä li-ält-än?* *ti kâṁ*
что вчера становѣтьсѣ-МЕД-РФV этот три
ädär / ?ädär-vlä tol-än-ät.
девочка девочка-РL придѣть-РФV-3РL
Что вчера произошло? Приходили эти три девочки'.

4.2. Фактор 1: зависимые

Для горномарийского языка оказываются значимыми некоторые факторы, влияние которых на оформление количественных конструкций (и числовое маркирование в целом) в меньшей степени описано в языках мира. Например, значимым параметром является наличие зависимых, отделяющих числительное от существительного. С увеличением линейной дистанции между ними возрастает приемлемость маркирования существительного показателем множественного числа, см. (16)–(18).

- (16) *stöl välnä šänz-ät* *kâṁ cäškä / *cäškä-vlä.*
стол на сидеть-РPST.3РL три чашка чашка-РL
'На столе стоят 3 чашки'.
- (17) *stöl välnä šänz-ät* *kâṁ klovoj cäškä /*
стол на сидеть-РPST.3РL три синий чашка
?cäškä-vlä.
чашка-РL
'На столе стоят 3 синие чашки'.
- (18) *stöl välnä šänz-ät* *kâṁ cever*
стол на сидеть-РPST.3РL три красивый

klovoj cāškā / cāškā-vlā.

синий чашка чашка-PL

‘На столе стоят 3 красивые синие чашки’.

Этот фактор работает в конструкциях не только с числительными, но и с другими типами квантификаторов, например, ср. (19)–(20) и (21)–(22).

- (19) *kādā tidā t'et'ä-län / ?t'et'ä-vlā-län*
который тот ребенок-DAT ребенок-PL-DAT
podarkâ-m pu-at.
подарок-ACC дарить-NPST.3PL
‘Некоторым детям дарят подарки’.

- (20) *kādā tidā izi t'et'ä-län /*
который тот маленький ребенок-DAT
?t'et'ä-vlā-län podarkâ-m pu-at.
ребенок-PL-DAT подарок-ACC дарить-NPST.3PL
‘Некоторым маленьким детям дарят подарки’.

- (21) *šukâ pi(-žä) / ?pi-vlā(-žä) dokâ mi-äš*
много собака-3SG собака-PL-3SG к приходить-INF
a-k jarâ.
NEG.NPST-3 годиться
‘Ко многим собакам не надо подходить’⁵.

- (22) *šukâ kogo pi-vlā(-žä) / ?pi(-žä) dokâ*
много большой собака-PL-3SG собака-3SG к
mi-äš a-k jarâ.
приходить-INF NEG.NPST-3 годиться
‘Ко многим большим собакам не надо подходить’.

⁵ Частое возникновение possessivного показателя третьего лица единственного числа при части кванторных слов, особенно при кванторе *kādā tidā* ‘некоторые’ (см. (34)), по всей видимости, связано с семантикой выбора из множества. О дискурсивных употреблениях possessivных маркеров в горномарийском см. подробнее в [Хомченкова, Плешак 2017].

Таблица 4. Закономерности PL маркирования существительного

Тип квантификатора	Нет зависимых	1 зависимое	2+ зависимых
Числительное	SG / *PL	SG / ^{??} PL	SG / ^{OK/?} PL ⁶
Прочие неколич. квантификаторы ⁷	SG / ^{???} PL	SG / [?] PL	SG / ^{OK} PL
УКС	SG / ^{OK/?} PL	SG / ^{OK} PL	SG / PL

Примечание. Полу жирным в таблице отмечены наиболее частотные первые реакции; с помощью обозначений типа ^{OK/?} отмечаются случаи, когда для разных носителей данный вариант обладает различной степенью допустимости.

Некоторые зависимые — например, причастные конструкции, — могут занимать позицию как до, так и после числительного. Однако, что примечательно, если такая конструкция разрывает количественную, то форма PL становится допустимой (причем в гораздо большей степени, чем при разрыве КК одиночным прилагательным), если же она (или другое зависимое объектообразующего слота⁸) находится к препозиции ко всей КК, то подобного эффекта не наблюдается.

Фактор наличия зависимых в горномарийском, по-видимому, имеет большое значение. Этому фактору не уделялось достаточного внимания в типологических работах⁹. Вместе с тем он значим

⁶ Допустимость возрастает с увеличением количества элементов между числительным и существительным.

⁷ По всей видимости, данная группа все же является неоднородной и в плане частотности выбора той или иной формы, однако эта неоднородность прослеживается скорее на уровне тенденций, а не строгих ограничений, и требует дальнейшего изучения.

⁸ См. раздел 4.

⁹ В типологических исследованиях описано аналогичное явление ('real distance') для согласования с предикатом. Выделяется два типа согласования — синтаксическое, при котором выбор показателя регулируется формальными ограничениями, то есть, показатель выбирается в зависимости от синтаксических характеристик именной группы (например, согласование по единственному числу с ИГ в единственном числе, референт которых явно множественный) и семантическое, при котором показатель выбирается в зависимости от семантических характеристик референта. Чем больше линейное расстояние, тем вероятнее

не только для марийского, но и для других финно-угорских языков, ср. хантыйский (23а–б), мокшанский (24а–б) [Шматова 2010, 2013; Сидорова 2016] и удмуртский [Кондратьева 2010]. Отметим, однако, что у большинства носителей при любых зависимых в КК единственное число остается возможным.

ХАНТЫЙСКИЙ
(23а) *kāt* *hojat*
два человек
'два человека'

(23б) *kāt* *ūtalti-ti* *hojat-ηən*
два учить-IPFV.PART человек-DU
'два учителя'

МОКШАНСКИЙ
(24а) *koms'* *traks* / **traks-t*
двадцать корова[SG] корова-PL
'двадцать коров'

(24б) *koms'* *ravža* *traks-t* / *??traks*
двадцать черный корова-PL корова[SG]
'двадцать черных коров'

В некоторых горномарийских примерах зависимые, не отделяющие существительное от числительного (и, соответственно, не вызывающие «потери контроля» признаков существительного)¹⁰, также повышают допустимость PL (см. (25)–(26)), однако данный вопрос требует более подробного изучения, поскольку в данных, имеющихся на текущий момент, наблюдается очень большая вариативность, установить причины которой пока сложно.

(25а) *vas'a* *cālan-āškā* *ke-n* *ta-maxan'-gən'āt*
Вася кухня-ILL идти-PFV INDEF-какой-INDEF

семантическое согласование, см. подробнее [Belnap 1999: 176] на материале арабского языка и [Апლოнова, Сай 2014] на материале башкирского языка.

¹⁰ Зависимые, принадлежащие к так называемому референциальному слоту — указательные и неопределенные местоимения.

- kâm cäškä-län / ?kâm cäškä-vlä-län.*
 три чашка-DAT три чашка-PL-DAT
 ‘Вася пошел на кухню за какими-нибудь тремя чашками’.
- (25б) *vas’a cêlan-âš kâm cäškä-län /*
 Вася кухня-ILL три чашка-DAT
?cäškä-vlä-län ke-n.
 чашка-PL-DAT идти-PFV
 ‘Вася пошел на кухню за тремя чашками’¹¹.
- (26а) *tengečë pet’ä kâm cäškä-m / *cäškä-vlä-m*
 вчера Петя три чашка-ACC чашка-PL-ACC
näl-än.
 брать-PFV
- (26б) *ti kâm cäškä / ?cäškä-vlä stöl vël-në*
 этот три чашка чашка-PL стол верх-IN2
šänz-ät.
 сидеть-NPST.3PL
 ‘Петя вчера купил три чашки. Эти три чашки стоят на столе’.

Таким образом, фактор «наличия зависимых» в горномарийском языке — это несколько схожих факторов: линейная дистанция (количество зависимых, в т. ч. однотипных), тип зависимого и принадлежность зависимого к тому или иному слоту согласно классификации в разделе 4. Согласно данным, собранным нами на данный момент, зависимые в КК различаются по (а) способности занимать позицию между числительным и существительным, (б) способности вызывать маркирование существительного показателем PL примерно таким образом, как отражено в таблице 5. Отклонения от этих тенденций могут быть обусловлены различиями в идиолектах, другими факторами, о которых пойдет речь

¹¹ Типичный для горномарийского языка порядок слов — SOV, однако у многих носителей (по всей видимости, под влиянием русского языка) наблюдается отклонение от этой стратегии. При этом один и тот же носитель может использовать обе стратегии (SOV и SVO) непоследовательно и не замечая этого факта в принципе. По нашим текущим данным, выбор одной из этих стратегий не влияет на числовое маркирование в КК.

в 5.3–5.4 и вариативностью, которая неизбежно присутствует в морфосинтаксисе КК даже в рамках идиолекта одного носителя.

Таблица 5. Некоторые свойства зависимых в КК¹²

Слот зависимого	Тип зависимого	Позиц. между Q и N	Допустимость PL
ОБЪЕКТООБРАЗ.	Причастия без зависимых	OK	OK
	Несколько прилагательных	OK	?
	Одиночные прилагательные	OK	??
	Существительные (соплож-е)	OK	*
РЕФЕРЕНЦ.	Неопределенные местоимения	?	?
	Указательные местоимения	???	?
РЕКУРСИВНЫЙ	УКС	*	
	Местоим. посессоры	*	
	Посессор (рефл. местоимение)	*	
	Существительные в генитиве	*	

4.3. Фактор 2: синтаксическая позиция

Следующий фактор, влияющий на маркирование в количественных конструкциях, — синтаксическая позиция ИГ. Согласно типологическим обобщениям об особенностях числового маркирования [Corbett 2000: 274], в общем случае большее количество вариантов в выборе числового показателя в языках мира наблюдается скорее в позиции субъекта, чем в позиции объекта, и в прямых падежах, чем в косвенных. Более того, данное утверждение справедливо и для существительных вне количественных конструкций в горномарийском языке: для классов объектов, где про-

¹² Заштрихованные ячейки указывают на такие зависимые, которые обычно не могут занимать позицию после числительного, и при этом их наличие не влияет на числовое маркирование существительного в КК.

тывопоставление по числу релевантно, в позиции косвенного дополнения PL выбирается реже, чем в других синтаксических позициях, см. работу [Бочкова 2016], где были рассмотрены позиции подлежащего (NOM), прямого дополнения (ACC), непрямого дополнения (DAT) и косвенного дополнения (ИГ с послелогом или локативный падеж). Однако в конструкциях и с числительными, и с кванторами наблюдается противоположная тенденция: маркер PL более допустим при косвенном падежном оформлении, см. (27)–(29). Важно отметить, что в количественных конструкциях локативные падежи и послеложные ИГ устроены по-разному: в послеложных ИГ (см. (30)) множественное число запрещается, как и в позиции подлежащего / прямого дополнения.

- (27) *stöl vālnä vāc kruška / *kruška-vlä*
 стол на пять чашка чашка-PL
šānz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоит пять чашек’.
- (28) *ti ölicä-štä män' näl toma-m / *toma-vlä-m*
 этот улица-IN я четыре дом-ACC дом-PL-ACC
už-äm.
 видеть-PRET.1SG
 ‘На этой улице я увидел четыре дома’.
- (29) *män'-än täng-em-vlä näl toma-štâ /*
 я-GEN друг-1SG-PL четыре дом-IN
toma-vlä-štä äl-ät.
 дом-PL-IN жить-NPST.3PL
 ‘Мои друзья живут в четырех домах’.
- (30) *män'-än äzä-m ke-n šärgä-škä*
 я-GEN старший_брат-1SG.POSS идти-PFV лес-ILL
*näl täng-žä / *täng-vlä-žä saga*
 четыре друг-3SG.POSS друг-PL-3SG.POSS рядом
 ‘Мой старший брат пошел в лес с четырьмя своими друзьями’.

Влияние синтаксической позиции на числовое маркирование существительного в конструкциях с количественными числительными представлено в таблице 6.

Таблица 6. Фактор синтаксической позиции

Позиция \ Маркирование	SG	PL
NOM, GEN, ACC	OK	*
Послеложная группа	OK	*
DAT	OK	??
IN, LAT, ILL	OK	OK / ?

Возможно, бо́льшая вариативность в локативных падежах — явление того же порядка, что и наблюдаемая и в других уральских языках тенденция к меньшей жесткости правил именно в косвенной позиции, например, у посессивных показателей в контекстах определенности в ижемском коми [Кашкин 2008], а также у показателей определенности [Кашкин, в печати] и посессивности [Плешак 2015] в мокшанском, более свободно опускающихся в косвенной позиции.

Фактор синтаксической позиции с другими типами квантификаторов на данный момент нуждается в более подробном изучении. По имеющимся пока данным, во всех позициях допустимы оба варианта (и SG, и PL), однако PL несколько чаще выступает в качестве основного варианта именно в прямых падежах, а не в косвенных (в отличие от конструкций с числительными).

4.4. Фактор 3: дистрибутивность

В [Тужаров 1987: 17] отмечено возможное влияние дистрибутивной интерпретации на допустимость показателя PL в количественных конструкциях.

Возьмем за основу определение из [Corbett 2000: 111–117], где под дистрибутивностью в контексте функций именного числа понимается распределенность членов группы (сущностей/событий/качеств / локаций) по пространству, разновидности (различным сортам) и времени, причем в некоторых языках может наблюдаться только одна или две из перечисленных функций. Однако определение, сформулированное таким образом, по-прежнему не позволяет провести четкой границы между «дистрибутивными» и «недистрибутивными» контекстами, поэтому в данной работе дистрибутивными будут считаться такие контексты, где множество объектов не вовлечено целиком в одну ситуацию, и дистрибутивность выделяется эксплицитно различными дополнительными

средствами (например, прилагательными типа «разный» или наречиями типа «по очереди»).

В упомянутой выше работе [Тужаров 1987: 17] отмечается, что, вопреки орфографическому словарю (автор приводит ссылку [Шкетан 1962 II: 258]), существительное в сочетании с числительным может употребляться с показателем множественности, причем, «главным образом, для выражения дискретного, отдельного множества предметов». Автор приводит пример из словарных источников, см. (31).

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ
- (31) *Шимай, Эвай Пётыр, Шамрай, кум*
 Шимай Эвай Петр Шамрай три
гидротехник-влак куп лонга-ште кас
 гидротехник-PL болото среда-IN вечер
марте кошт-ыт.
 до ходить-NPST.3PL
 ‘Шимай, Петр Эвай, Шамрай, **три гидротехника** до вечера ходят по болоту’.

Материал, полученный нами в ходе опроса носителей, не дает возможности ни однозначно подтвердить, ни опровергнуть данное наблюдение для изучаемого идиома горномарийского языка. С одной стороны, значимая часть носителей считает неграмматичными примеры типа (32б), то есть такие, где наличие дистрибутивной интерпретации могло бы быть единственным фактором, повышающим допустимость показателя множественного числа. С другой стороны, у ряда носителей существует разница между примерами (32а) и (32б), что не позволяет на данный момент отбросить гипотезу, что этот фактор все-таки может повышать допустимость маркирования множественным числом.

- (32а) *kâm cäškä / *cäškä-vlä ik stöl-äštä šänz-ät.*
 три чашка чашка-PL один стол-IN сидеть-NPST.3PL
 ‘Три чашки стоят на одном столе’.
- (32б) *kâm cäškä / ??cäškä-vlä kâm raznâj stöl-äštä*
 три чашка чашка-PL три разный стол-IN

šānz-āt.

сидеть-NPST.3PL

‘Три чашки стоят на трех разных столах’.

При этом множественное число в КК с непрямым или косвенным падежным оформлением скорее признается более грамматичным при наличии дистрибутивной интерпретации, заданной контекстом, и при наличии такой интерпретации в среднем более допустимо, чем, например, в том случае, когда КК находится в позиции субъекта или прямого дополнения¹³.

(33a) *pet'ä cālan-āš kām cāškā-lān /*

Петя кухня-ILL три чашка-DAT

**??cāškā-vlā-lān ke-n.*

чашка-PL-DAT идти-PFV

‘Петя пошел на кухню за тремя чашками’.

(33б) *pet'ä kašt-ān kuxn'a-škā kām cāškā-lān /*

Петя ходить-PFV кухня-ILL три чашка-DAT

?cāškā-vlā-lān cirot dono.

чашка-PL-DAT очередь с

‘Петя ходил на кухню за тремя чашками по очереди’.

Однако даже если данный фактор является значимым, то, во-первых, это находит подтверждение далеко не у всех носителей. Во-вторых, у носителей, в ответах которых обнаруживается разница между «дистрибутивными» и «недистрибутивными» контекстами при отсутствии вмешивающихся факторов, на данный момент сложно проследить строгую систему. Вероятнее всего, что фактор дистрибутивной интерпретации является не настолько значимым, как все перечисленные выше, и может скорее усиливать влияние других факторов. Свойства КК, связанные с дистрибутивностью, нуждаются в дальнейшем изучении.

По всей видимости, фактор дистрибутивной интерпретации не играет важной роли в конструкциях с другими квантификаторами, см. (34) и (35) (при этом квантор *cilā* ‘все’ в большей

¹³ Прежде всего, имеются в виду бóльшая допустимость множественного числа в локативных падежах, однако для некоторых носителей множественное число в дативных ИГ также является более допустимым.

степени ассоциирован с множественным числом, чем, например, *kâdâ tidä* ‘некоторые’ и количественные числительные).

- (34a) *cilü xâna-vlä / xâna kok cüš-eš*
 весь гость-PL гость два час-LAT
tol-ân-ât.
 приходить-PFV-3PL
 ‘Все гости пришли к двум часам’.
- (34б) *cilü xâna-vlä / xâna ik veremä-n agâl*
 весь гость-PL гость один время-GEN NEG
tol-ân-ât.
 приходить-PFV-3PL
 ‘Все гости пришли в разное время’.
- (35a) *kâdâ tidä xâna(-žâ) / xâna-vlä(-žâ)*
 который тот гость-3SG.POSS гость-PL-3SG.POSS
ik-vür-eš tol-ân-ât.
 один-место-LAT приходить-PFV-3PL
 ‘Некоторые гости пришли вместе’.
- (35б) *kâdâ tidä xâna(-žâ) / xâna-vlä(-žâ)*
 который тот гость-3SG.POSS гость-PL-3SG.POSS
ik veremä-n agâl tol-ân-ât.
 один время-GEN NEG приходить-PFV-3PL
 ‘Некоторые гости пришли в разное время’.

Однако имеющиеся у нас на данный момент примеры не совсем тождественны примеру (31) из лугового марийского, поскольку в (31), в отличие от (33)–(35) референты индивидуализированы. Из всех имеющихся примеров носители наиболее последовательно разрешали множественное число в (36), что служит аргументом в пользу того, что параметр дистрибутивности хотя бы в некоторых контекстах важен.

- (36a) *ti vâc mešäk / mešäk-vlä kâm kilo-an-vlä*
 тот пять мешок мешок-PL три килограмм-ATTR
âl-ât.
 быть-NPST.3PL
 ‘Эти три мешка весят по три килограмма’.

(36б)	<i>ti</i>	<i>văc</i>	<i>mešāk</i>	/	<i>*mešāk-vlā</i>	<i>kām</i>
	тот	пять	мешок		мешок-PL	три
	<i>kilo-an</i>				<i>âl-eš.</i>	
	килограмм-ATTR				быть-NPST.3SG	
	‘Эти три мешка (вместе) весят три килограмма’.					

5. Выводы

Выбор числа в количественных конструкциях в горномарийском языке регулируется особым набором правил, отличным от правил выбора числа вне таких конструкций. Числительные определяют число существительного в целом строже, чем кванторы. Большая часть правил, описанных для количественных конструкций в языках мира, оказываются для горномарийских количественных конструкций нерелевантными — например, арифметическое значение числительного, одушевленность существительного, референциальные характеристики. Зато числовое маркирование во многом определяется такими факторами, как наличие зависимых между числительным / другим кванторным словом и существительным, количество таких зависимых и их тип (например, одиночные причастия чаще влияют на выбор граммемы, чем одиночные прилагательные), синтаксическая позиция ИГ и в некоторых идиолектах дистрибутивность. Так, в конструкциях с количественными числительными часть носителей разрешает множественное число, если числительное отделяется от существительного только одним зависимым (равным одной словоформе), и все большее число носителей признает допустимость PL маркирования по мере увеличения линейного расстояния между числительным и квантифицируемым существительным. Факторы косвенной синтаксической позиции и дистрибутивности оказывают менее ошутимое влияние (PL маркирование разрешается несколько реже), но при этом они усиливают влияние друг друга.

Фактор наличия зависимых работает как в случае с числительными, так и с кванторами. Что касается остальных факторов, влияющих на маркирование в конструкциях с числительными, то их влияние на конструкции с кванторами нуждается в дополнительном изучении. Таким образом, случаи употребления PL в количественных конструкциях, по крайней мере в данном идиоме, нельзя объяснить просто «русским влиянием», как это утверж-

далось в [Шматова, Черниговская 2012], поскольку для русского языка выявленные нами оппозиции нерелевантны. Так, например, числительное *три* в русском языке требует после себя формы единственного числа, а числительное *пять* — формы множественного числа вне зависимости от наличия и количества зависимых, ср. *три ножа*; *три острых ножа* / **ножей*; *три острых папиных ножа* / **ножей*; *пять ножей*; *пять острых ножей*; *пять этих острых папиных ножей*. В горномарийском языке выбор между SG и PL в количественных конструкциях обусловлен системными внутриязыковыми причинами, ср. также диахронически засвидетельствованную в [Тужаров 1987: 17] вариативность числового маркирования в таких конструкциях в условиях менее сильного влияния русского языка, чем в последние десятилетия.

С типологической точки зрения интересно и то, что факторы, регулирующие выбор числа в таких конструкциях, отчасти совпадают с факторами, регулирующими числовое согласование с предикатом (ср. наличие зависимых и ‘real distance’). Исследование того, насколько такое пересечение оказывается типологически частотным, могло бы стать любопытной задачей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ATTR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DAT — датив; DEC — десяток; DU — двойственное число; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PART — причастие; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRET — претерит; PST — прошедшее время; SG — единственное число; ^{OK} — (используется в таблицах) предложение оказалось приемлемым для всех или практически всех опрошенных носителей; ? — предложение оказалось приемлемым для большей части опрошенных носителей; ?? — предложение оказалось приемлемым для небольшого количества опрошенных носителей; * — предложение было запрещено всеми или практически всеми опрошенными носителями.

Литература

Аплонова, Сай 2014 — Е. С. Аплонова, С. С. Сай. Числовое маркирование сказуемого (на материале башкирских устных текстов) // Ф. Г. Хисамитдинова (ред.). Актуальные проблемы диалектологии

- языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 98–108. [E. S. Aplonova, S. S. Sai. Chislovoe markirovanie skazuemogo (na materiale Bashkirskikh ustnykh tekstov) [Number marking of a predicate (on the material of Bashkir oral texts)] // F. G. Khisamitdinova (ed.). Aktual'nye problemy dialektologii iazykov narodov Rossii: Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Ufa: IIA L UNTs RAN, 2014. P. 98–108].
- Бочкова 2016 — А. Д. Бочкова. Экспедиционный отчет. Рукопись. МГУ, М., 2016. [A. D. Bochkova. Ekspeditsionnyi otchet [Fieldtrip report]. Manuscript. MGU, M., 2016].
- Бочкова, настоящий сборник — А. Д. Бочкова. Числовое маркирование существительных в горномарийском языке // Настоящий сборник. [A. D. Bochkova. Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nykh v gornomariiskom iazyke [Number marking of nouns in Hill Mari] // Current issue].
- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа 58 (6), 2008. С. 33–46. [E. V. Kashkin. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsogo dialekta komi-zyrianskogo iazyka [Possessive declension in the Muzhi idiom of the Izhem dialect of Komi-Zyryan] // Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga 58 (6), 2008. P. 33–46].
- Кашкин, в печати — Е. В. Кашкин. Определенное склонение в мокшанском языке // Материалы для сборника мокшанской экспедиции ОТиПЛ МГУ, в печати. [E. V. Kashkin. Opredelennoe sklonenie v mokshanskom iazyke [Determinate declension in Moksha] // Materialy dlia sbornika mokshanskoi ekspeditsii OTiPL MGU, in print].
- Кондратьева 2010 — Н. В. Кондратьева. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. Вып. 2. 2010. С. 92–101. [N. V. Kondrat'eva. K voprosu o grammaticheskoi kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom iazyke [On the problem of grammatical status of number in nouns in Udmurt] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. 5. Istorii i filologii. 2. 2010. P. 92–101].
- Плешак 2015 — П. С. Плешак. Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции в мокшанском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Конощенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Москва: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2015. С. 146–164. [P. S. Pleshak. Ierarkhiia odushevlennosti i vybor possessivnoi konstruktсии v mok-

- shanskom iazyke [Animacy hierarchy and the choice of a possessive construction in Moksha] // E. A. Liutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2014»*. Вып. 1. Moscow: MGGU im. M. A. Sholokhova, 2015. P. 146–164].
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа, МГУ, М., 2017. [P. S. Pleshak. *Morfosintaksis imennoi gruppy v mokshanskom i gornomariiskom iazykakh* [Morphosyntax of a nominal phrase in Moksha and Hill Mari]. Bachelor thesis, MSU, M., 2017].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие мариийского языка. *Savariae: Berzensyi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica*; Т. 5. 2002. [A. A. Savatkova. *Gornoe narechie mariiskogo iazyka* [The Hill dialect of Mari]. *Savariae: Berzensyi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica*; Vol. 5. 2002].
- Сидорова 2015 — М. А. Сидорова. Число в мокшанских количественных конструкциях // Д. Ф. Мищенко (ред.). Двенадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2015. С. 84–88. [M. A. Sidorova. *Chislo v mokshanskikh kolichestvennykh konstruktssiakh* [Number in Moksha numerical constructions] // D. F. Mishchenko (ed.). *Dvenadtsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov*. SPb: Nestor-Istoriia, 2015. P. 84–88].
- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Москва: МПГУ, 2016. С. 260–272. [M. A. Sidorova. *Konkurentsiiia formy dvoistvennogo chisla i konstruktssii s chislitel'nyim v khantyiskom iazyke* [Competition between dual number form and a construction with a numeral in Khanty] // E. A. Liutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2016»*. Вып. 3. Moscow: MPGU, 2016. P. 260–272].
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [S. G. Tatevosov. *Semantika sostavliaiushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [Semantics of nominal phrase constituents: quantifiers]. М.: IMLI RAN, 2002].

- Толдова, Сердобольская 2002 — С. Ю. Толдова, Н. В. Сердобольская. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Т. Б. Агранат (ред.). Лингвистический беспредел. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 106–124. [S. Ju. Tol-dova, N. V. Serdobol'skaia. Nekotorye osobennosti oformleniia priamogo dopolneniia v mariiskom iazyke [Some features of direct object marking in Mari] // T. B. Agranat (ed.). Lingvisticheskii bespredel. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2002. P. 106–124].
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. [G. M. Tuzharov. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom iazyke [Grammatical categories of the noun in Mari]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987].
- Хомченкова, Плешак 2017 — И. А. Хомченкова, П. С. Плешак. Дискурсивные функции посессивного показателя 3SG в горномарийском языке // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.). М., 2017. Электронная публикация: <http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/> [I. A. Khomchenkova, P. S. Pleshak. Diskursivnye funktsii possessivnogo pokazatel'ia 3SG v gornomariiskom iazyke [Discourse functions of the possessive marker 3SG in Hill Mari] // Tezisy chtenii k 85-letiiu so dnia rozhdeniia A. I. Kuznetsovoi (MGU, 3–4 marta 2017 g.). M., 2017. Elektronnaia publikatsiia: <http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/>].
- Шматова 2010 — М. С. Шматова. Конструкции «числительное+существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 3, 2010. С. 181–185. [M. S. Shmatova. Konstruktsii "chislitel'noe+sushchestvitel'noe" v khantyiskom iazyke: sluchai markirovaniia sushchestvitel'nogo pokazatelem chisla (na materiale teginskogo govora khantyiskogo iazyka) [Constructions “numeral+noun” in Khanty: the case of marking a noun with a number marker (on the material of the Tegi dialect of Khanty)] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniia RAN VI, 3, 2010. P. 181–185].
- Шматова 2013 — М. С. Шматова. Количественные конструкции в мордовских языках: числовое маркирование существительных // Тезисы на конференцию «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, 16–18 октября 2013 г. [M. S. Shmatova. Kolichestvennye konstruktsii v mordovskikh iazykakh: chislovoe markirovanie su-

- shchestvitel'nykh [Numerical constructions in Mordva: number marking of nouns] // Tezisy na konferentsiiu "Tipologiiia morfo-sintaksicheskikh parametrov", Moskva, 16–18 oktiabria 2013 g.]
- Шматова, Черниговская 2012 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская, Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 221–247. [M. S. Shmatova, E. A. Chernigovskaia, Kategoriiia chisla sushchestvitel'nogo v mariiskom i permskikh iazykakh [Number of the noun in Mari and Permian languages] // A. I. Kuznetsova (ed.). Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012. P. 221–247].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Babby 1987 — L. H. Babby. Case, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory* 5, 1987. P. 91–138.
- Bach et al. 1995 — E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee. Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers / Springer, 1995.
- Belnap 1999 — R. K. Belnap. A new perspective on the history of Arabic: variation in marking agreement with plural heads // *Folia Linguistica* 33, 1999. P. 169–186.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. Number. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. Agreement. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Greenberg, Kemmer 1990 — J. H. Greenberg, S. Kemmer. Generalizations about Numeral Systems (On Language: Selected Writings of Joseph H. Greenberg). Stanford, California: Stanford University Press, 1990.
- Roehers, Sapp 2016 — D. Roehers, Ch. Sapp. Quantifying Expressions in the History of German. Syntactic reanalysis and morphological change. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016.

Е. А. Сударикова
НИУ ВШЭ, Москва

**ПОСЕССИВНОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ
В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
-IN(E)/-EN(A) И -KIN(E)/-KEN(A)¹**

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию свойств некоторых посессивных и относительных показателей в амгуэмском говоре чукотского языка, а также тому, какое положение на иерархии одушевленности занимают основы, к которым они способны присоединяться. Чукотские посессивные и относительные аффиксы уже были рассмотрены в статьях [Кортъевская-Тамм 1995] и [Пупынина 2018], в то время как положение в иерархии одушевленности именных основ чукотского языка до сих пор специально не изучалось. Для родственного чукотскому корякского языка такая попытка была предпринята в работе [Куребито 2004].

Статья состоит из 9 разделов, в которых рассмотрены различные свойства посессивных и относительных показателей, позволяющие определить место основы, к которой они могут присоединяться, в иерархии одушевленности. Разделы 2, 3 и 4 содержат общие сведения об устройстве чукотского языка, о посессивных и относительных показателях соответственно. В разделе 5 рассмотрены пограничные случаи, когда к основе может присоединяться и посессивный, и относительный аффикс. Сочетаемость относительных аффиксов с наречиями времени описана в разделе 6. В разделах 7 и 8 представлены специфичные для чукотского языка параметры, например, способность именных основ, содержащих посессивные или относительные аффиксы, к

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№17-05-0043) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

инкорпорации и именной предикации. Обобщения относительно иерархии одушевленности представлены в разделе 9, а выводы — в разделе 10.

2. Краткие сведения об устройстве чукотского языка

Чукотским языком, который относится к чукотско-камчатской языковой семье, владеют около 5000 человек. Грамматические описания языка представлены в работах [Скорик 1961; Dunn 1999].

В чукотском языке наблюдается сингармонизм в пределах слова: возможны т. н. сингармонически слабые и сильные варианты морфем, например, посессивный аффикс в слабом варианте имеет вид *-in(e)*, а в сильном — *-en(a)*. В общем случае слог имеет фонетическую структуру (C)V(C). Для языка характерна агглютинативная морфология; встречаются многочисленные именные и глагольные деривации; имеется сложное глагольное согласование; распространена как глагольная, так и именная инкорпорация; падежное маркирование эргативно; маркирование зависимостное; в языке имеется развитая система падежей.

3. Посессивы в чукотском языке

Посессивность в чукотском языке может быть выражена разными способами. Для выражения предикативной посессивности может быть использована одна из двух форм. Первая из них представляет собой сочетание префикса *ye-/ya-* и одного из лично-числовых аффиксов:

- (1) *ya-qora-more*
 PF-олень-1PL
 ‘у нас есть олени’²

При этом, помимо посессивного значения, в сочетании с глагольной основой эта предикативная форма может выражать перфект:

- (2) *atənan ye-wʔi-tin* *ənqen* *sakəyet*
 только PF-умирать-PF.3SG тот сестра.NOM.SG

² Примеры без указанного источника, использующиеся здесь и далее, взяты из полевых материалов автора статьи.

yən-in

2SG-POSS³

‘Единственным человеком, который погиб, была твоя сестра.’
[Dunn 1999: 149]

Данная конструкция также выражает экзистенциальное значение (при соединении с именными основами):

(3) *Wełətkora-n ya-ta²a-łen?*

магазин-NOM.SG PF-табак-PF.3SG

‘В магазине есть сигареты (Магазин обладает сигаретами)?’
[Пупынина 2018]

Однако этот способ выражения экзистенциальной и локативной предикации в чукотском языке обладает особенностями в употреблении: невозможно употребление *ye-...-lin* для выражения локативной предикации при личном участнике.

Второй способ выражения предикативной посессивности — это использование независимого предиката, образуемого при помощи аффикса *-lʔə*:

(4) *Wəkwən mooqora-lʔə-n.*

Выквын.NOM.SG упряжной.олень-ATR-3SG

‘У Выквына есть упряжной олень / упряжные олени’

[Пупынина 2018]

Этот аффикс также может выполнять субстантивирующую функцию:

(5) *emniŋə-lʔə-t*

тундра-ATR-PL

‘те, которые из тундры’

[Dunn 1999: 143]

В данной статье будет подробно разобрана форма, участвующая в образовании непредикативных посессивных конструкций. Она образуется с помощью суффикса *-in(e)/-en(a)*, который присоединяется к именным основам и маркирует посессора. Получившаяся конструкция выполняет типичные функции посессивов [Aikhenvald, Dixon 2013], выражая следующие значения: обла-

³ Здесь и далее использованы авторские глоссы, которые могут отличаться от приведенных в источнике.

дание (6), родство (7), отношение «часть–целое» (8), (11), части тела (9), а также материал (10):

- (6) *yəmn-in qora-ŋə*
1SG-POSS олень-NOM.SG
'мой олень'
- (7) *ŋinŋej-in ətʔa*
мальчик-POSS мать.NOM.SG
'мать мальчика'
- (8) *ŋej-in kanotkə-n*
гора-POSS вершина-NOM.SG
'вершина горы' [Коптјевская-Тамм 1995: 304]
- (9) *qʔawot-en tənʔə-t*
мужчина-POSS рука-PL
'руки мужчины'
- (10) *utt-in wonnə*
дерево-POSS ложка.NOM.SG
'деревянная ложка'
- (11) *utt-in rətət*
дерево-POSS ветка.NOM.SG
'ветка дерева'

Если обладаемое стоит во множественном числе, соответствующий маркер множественного числа может, но не обязан дублироваться на посессоре (ср. (12) и (13), (14) и (15)):

- (12) *yəmn-in ŋeekke-t*
1SG-POSS дочь-PL
- (13) *yəmn-ine-t ŋeekke-t*
1SG-POSS-PL дочь-PL
'мои дочери'
- (14) *ŋinŋej-in tumʔə-t*
мальчик-POSS друг-PL
- (15) *ŋinŋej-ine-t tumʔə-t*
мальчик-POSS-PL друг-PL
'друзья мальчика'

В чукотском языке есть возможность выражения множественного числа самого посессора с помощью суффикса *-ry-*:

- (16) *ɲinqeɟ-e* *ɲeekkeqeɟ-ry-in*
 мальчик-INSTR девочка-AN.PL-POSS
piri-ni-n *kojŋə-n*
 брать-3SG.A.3.O-3SG.O чашка-NOM.SG
 ‘Мальчик взял у девочек чашку.’

По данным, приведенным в [Dunn 1999: 151], показатель *-rək*, этимологически родственный *-ry*, используется для образования форм множественного числа в эргативе, локативе и аллативе от так называемых *high animate nouns* (существительных, обозначающих человека, в том числе термины родства):

- (17) *ɲanqen* *ɲan* *ate-rəkə*
 тот DEICT предок-AN.ALL
tə-re-lqət-ɣʔe *ɲutku*
 1SG.S/A-FUT-отправляться-TH здесь
tə-re-ntə-ŋə-n *reluurʔə-qeɟ*
 1SG.S/A-FUT-иметь-TH-3SG жевательный_табак-DIM
neme *qol* *neme* *qol* *neme* *qol*
 опять раз опять раз опять раз
 ‘Я отправлюсь к своим предкам, где смогу найти больше жевательного табака, и еще, и еще.’ [Dunn 1999: 276].

Полевые данные помогли подтвердить факт, описанный в работе [Скорик 1961: 227], согласно которому *-ry*, родственный суффиксу *-rək*, может присоединяться и к существительным, обозначающим животных:

- (18) *ʔəttʔə-qaj-ry-en* *nə-teŋ-qin*
 собака-DIM-AN.PL-POSS ST-хороший-ST.3SG
etə-n
 хозяин-NOM.SG
 ‘У собак добрый хозяин.’

В данном случае на возможность присоединения *-ry-* влияет иерархия одушевленности (более подробно она будет рассмотрена в разделе 9). К этому оказываются способны именные основы, обозначающие важных для человека животных (собак), а также

те, которые обозначают существо, уподобляющееся человеку в определенном контексте, например, в сказках, где животные наделены способностью размышлять и разговаривать. В работе [Скорик 1961: 227] среди таких животных упоминаются куропатки, волки, нерпы, моржи и лоси.

Наряду с вышеперечисленными животными ворон является одним из ключевых персонажей чукотского фольклора [Богораз 1900], но информанты неохотно образуют от этой основы посессора во множественном числе. Возможно, дело в контексте: в приведенном ниже примере ворон не наделен человеческими чертами.

- (19) [?]*wətwə-ry-en* *rit-ti* *nə-mejəŋ-qine-t*
 ворон-AN.PL-POSS крыло-PL ST-большой-ST.3SG-PL
 ‘У воронов большие крылья.’

4. Относительный аффикс в чукотском языке

Относительный аффикс *-kin(e)* присоединяется к именным основам, обозначающим неодушевленные объекты, глагольным основам, а также наречиям. Получившаяся форма обозначает предмет, находящийся в определенных отношениях к другому предмету. В число таких отношений входят «часть–целое» (20), время (21) или абстрактное отношение к предмету, например, предназначение (22)–(23):

- (20) *ottə-jara-ken* *qeryəcʔə-n* / *tətət*
 дерево-дом-REL окно-NOM.SG дверь.NOM.SG
 ‘окно/дверь в деревянном доме’
- (21) *iyət-kin* *kawkaw*
 сегодня-REL хлеб.NOM.SG
 ‘сегодняшний хлеб’
- (22) *kojŋə-n* *ikwəci-kin*
 стакан-NOM.SG пить-REL
 ‘стакан для питья (из которого обычно пьют)’
- (23) *miyciret-kin* *ewirʔə-n*
 работать-REL одежда-NOM.SG
 ‘рабочая одежда’

Стоит отметить, что в чукотском языке действует относительно свободный порядок слов, поэтому составляющие в примере (22) могут располагаться и в другом порядке.

5. Между посессивностью и относительностью: есть ли пограничные случаи?

В общем случае граница оказывается довольно четкой: посессивный аффикс присоединяется к основам одушевленных имен, а также неодушевленных, обозначающих материал, а относительный — к основам остальных неодушевленных имен, наречий и глаголов. Стоит обратить внимание на то, что оба показателя могут маркировать отношения части и целого. Здесь довольно сложно однозначно провести границу. Судя по примерам (8) и (20), посессивный аффикс используется, когда требуется обозначить определенную универсальную часть объекта, а относительный — в случае, если нужно просто описать принадлежность одного объекта другому, более крупному.

Несмотря на описанное выше распределение, по данным некоторых источников, на периферии существуют примеры, в которых *-kin(e)* способен образовать словоформу от основы одушевленного имени:

- (24) *mirə-kin* *milyer*
дедушка-REL ружье.NOM.SG
'ружье, связанное с дедушкой; ружье, полученное от дедушки'
[Muravyova et al. 2001: 47]

Судя по полевым данным, пример (24) является неграмматичным для носителей амгуэмского говора чукотского языка. Однако допускаются следующие употребления (которые, впрочем, следует признать маргинальными):

- (25) [?]*ətəy-e* *r-iti-ni-n* *nenene-kin*
отец-INSTR CAUS-кипеть-3SG.A.3.O-3SG.O ребенок-REL
sajkok
чайник.NOM.SG
'отец вскипятил детский чайник (которым в семье обычно пользуются дети)'

В данном случае получившаяся словоформа обозначает субъект, который обычно осуществляет действие с этим предметом.

Также некоторые носители признают возможным следующий пример. Значение его, однако, остается не слишком ясным:

- (26) *ʔatʔa-ken ekke-t*
 мать-REL сын-PL
 ‘материнские сыновья’

Можно предположить, что раз аффикс *-kin(e)* выражает более абстрактное отношение к предмету, он может участвовать в образовании значения генерической принадлежности, то есть образовании генерического посессора от одушевленных имен, в том числе личных. Но следующие примеры опровергают эту гипотезу, так как носители признают неграмматичным употребление в них относительного аффикса и предпочитают ему посессивный:

- (27) **irʔə-n qʔawət-ken ewirʔə-n*
 кухлянка-NOM.SG мужчина-REL одежда-NOM.SG

- (28) *irʔə-n qʔawət-en ewirʔə-n*
 кухлянка-NOM.SG мужчина-POSS одежда-NOM.SG
 ‘кухлянка — это мужская одежда’

Невозможным при обозначении генерического посессора следует признать также присоединение *-kin(e)* к основам, обозначающим животным:

- (29) **milut-kin wɪlu-t / winwə-t*
 заяц-REL ухо-PL след-PL
 ‘заячьи уши/следы’

6. Некоторые особенности употребления *-kin(e)* с наречиями времени

Относительный аффикс сочетается с временными наречиями, обозначающими определенный промежуток, например, ‘завтра’ (30), ‘вчера’ (31):

- (30) *eryat-ken tekicyə-n*
 завтра-REL мясо-NOM.SG
 ‘мясо, которое будут есть завтра, на завтра’

- (31) *ajwe-ken (tajkə-jo) kawkaw*
вчера-REL делать-PTCP.PASS хлеб.NOM.SG
'вчерашний (вчера сделанный) хлеб'

Однако возможность употребления данного аффикса с наречиями, обозначающими не очень четко очерченный период, вызывает у носителей сомнения:

- (32) *ʔqonpə-ken wa-ʔəɣʔə-n*
всегда-REL быть-NMLZ-NOM.SG
'вечная жизнь'

- (33) *ʔqonpə-ken tajkə-jo jara-ŋə*
всегда-REL делать-PTCP.PASS дом-NOM.SG
'навсегда (надолго) построенный дом / крепкий дом'

7. Инкорпорация существительного в существительное

Инкорпорация в номинативе происходит, если получившийся в итоге комплекс будет представлять собой устойчивое словосочетание или обозначение класса предметов (например, определенный вид животных или птиц):

- (34) *anqa-gənnə-k*
море-животное-NOM.SG
'морское животное' [Koptjevskaya-Tamm 1995: 308]

- (35) *anqa-ʔaʔʔa-t*
море-птица-PL
'морские птицы'

Если же значение комплекса не является устойчивым концептом, инкорпорация невозможна:

- (36) *anqa-ken jara-t*
море-REL дом-PL
'дома у моря'

- (37) **anqa-jara-t*
море-дом-PL
'морские дома'

Посессивная конструкция, по форме представляющая собой инкорпоративный комплекс, употребляется в случае, если получив-

шийся комплекс обозначает класс объектов, а также представляет собой идиоматичное сочетание:

- (38) *ʔəttʔə-jara-ŋə*
 собака-дом-NOM.SG
 ‘будка, конура’

Если посессором является человек, то инкорпорация возможна при условии, что обладаемое неодушевленное:

- (39) *ŋiŋqej-ewirʔə-n*
 мальчик-одежда-NOM.SG
 ‘одежда мальчика’
- (40) **ŋiŋqej-tumʔə-tum*
 мальчик-друг-REDUP.NOM.SG
 ‘друг мальчика’

В работе [Муравьева 2004] отмечено, что если посессивная конструкция состоит из двух слов (обозначения посессора, к которому присоединен аффикс, и обладаемого), то мы имеем дело с обозначением «конкретного предмета» (41). При употреблении инкорпорации с посессивным значением имеется в виду класс предметов (42). Подобное различие можно объяснить с точки зрения референциального статуса посессора: в примере (39) он референтный, а в (42) — нереферентный:

- (41) *ŋewəcqet-in ewirʔ-en*
 женщина-POSS одежда-NOM.SG
 ‘одежда женщины’ [Муравьева 2004:121]
- (42) *ŋewəcqet=ewirʔ-en*
 женщина=одежда-NOM.SG
 ‘женская одежда’ [Муравьева 2004: 121]

8. Предикативизация

В чукотском языке именные предикаты могут образовываться от именных основ при помощи местоименных аффиксов:

- (43) *ŋiŋqej-iʔət*
 мальчик-ST.1SG
 ‘я мальчик’

Словоформы, содержащие посессивные (45) и относительные (44) показатели, тоже могут становиться предикатами. Но следует заметить, что конструкция с посессивным показателем встречается реже, вместо нее употребляются посессивные предикаты, описанные в разделе 3:

(44) *yət emnuŋ-kine-jyət*
1SG тундра-REL-ST.1SG
'я тундровичка'

(45) *more ətləy-ena-more*
1PL отец-POSS-ST.1PL
'мы отцовские (у нас есть отец)'

9. Иерархия одушевленности, построенная на основе свойств посессивного и относительного показателей

Иерархия одушевленности, описанная в работе, содержит следующие ступени (чем выше ступень, тем выше вероятность появления имени в агентивной функции и маркирования числовых противопоставлений):

- 1) местоимения 1-го и 2-го лица
- 2) местоимения 3-го лица
- 3) собственные имена существительные
- 4) нарицательные имена существительные (люди)
- 5) прочие одушевленные имена
- 6) неодушевленные нарицательные имена существительные

В корякском языке эта иерархия оказывается сокращенной: выделяют 5 классов имен существительных (А: личные местоимения, В: имена собственные, В/С: имена, обозначающие человека, и демонстративы, С: термины родства, имена, обозначающие животных, неодушевленные имена (присоединяют посессивный аффикс при обозначении материала), D: неодушевленные имена (присоединяют относительный аффикс) [Kurebito 2004: 43]). Признаком, на основании которого строится эта классификация, выступает вид эргативного показателя. Автор статьи проводит параллель между распределением имен по классам относительно

вида эргативного показателя и типом показателя, посессивного или относительного. В именах первых четырех классов употребляется посессив в различных его вариантах, а в классе D — относительный показатель. Стоит отметить, что посессивный показатель *-in* присоединяется к неодушевленным существительным в том случае, когда нужно обозначить материал:

(46)	<i>wəww-en-Ø</i>	<i>jaja-ŋa</i>	
	камень-POSS-NOM.SG	дом-NOM.SG	
	‘дом из камня’		[Kurebito 2004: 42]

Возможно, стоит считать аффикс *-in*, использующийся для обозначения материала, омонимичным тому, который присоединяется к одушевленным основам.

Также этот аффикс может употребляться при необходимости описать часть целого в тот момент, пока целостность объекта не нарушена. В противном случае используют относительный суффикс *-kin* (лист, висящий на ветке vs. лист, упавший на землю [Kurebito 2004: 42]).

Корякский посессивный показатель нельзя считать показателем генитива, поскольку он сочетается с показателями числа (после посессивного аффикса к словоформе может присоединиться показатель множественного числа, в отличие от других падежей, к которым этот показатель не присоединяется), падежей (возможно присоединение косвенного падежа, например, локатива, после показателя посессива), а словоформа, содержащая этот показатель, способна выступать в качестве предиката с помощью соответствующих показателей (словоформы с падежными показателями в корякском оказываются к этому не способны).

Логичной кажется попытка провести похожую параллель между употреблением посессивного и относительного аффиксов и показателем генитива и для чукотского языка. В чукотском можно выделить 3 способа выражения эргатива:

- 1) для личных местоимений: особые супплетивные формы
- 2) для *high animate nouns* (имена людей и животных, термины родства при использовании в качестве апеллятивов, демонстративы): *-rək*

- 3) для одушевленных имен (люди), неодушевленных предметов (функция инструмента): *-a/-e* (в зависимости от гармонии гласных в слове).

Очевидно, что провести параллель между распределением показателей эргатива и показателей посессивности и относительности нельзя (хотя бы потому, что и люди, и неодушевленные предметы присоединяют один и тот же показатель эргатива *-a/-e*).

Поэтому выделим иерархию одушевленности, опираясь на употребление посессивного и относительного показателей.

Представляется прозрачной связь морфологических и семантических свойств именной основы, с помощью которых можно описать иерархию одушевленности в чукотском языке. На вершине иерархии находятся основы, обозначающие людей (в том числе собственные имена и личные местоимения) и некоторых важных для них животных (собак), а также животных, наделенных человеческими способностями (при упоминании в фольклоре); данные основы присоединяют посессивный аффикс и аффикс *-ry* для обозначения множественности посессора. Второе место в иерархии занимают основы, обозначающие других животных, а также некоторые неодушевленные основы. Две группы животных в данном случае выделены по признаку того, может ли основа присоединять аффикс множественности посессора *-ry*. Неодушевленные основы присоединяют аффикс *-in(e)/-en(a)*, который омонимичен посессивному аффиксу и служит для обозначения материала. На последнем месте иерархии находятся неодушевленные имена, способные присоединять относительный аффикс.

Способность двух основ образовывать комплекс (как в примерах из раздела 7) зависит не от морфологических и семантических свойств отдельно взятых основ, а от того, будет ли комплекс являться устойчивым концептом, и от референциального статуса посессора. Поэтому не представляется возможным включить в иерархию одушевленности данное свойство как отдельный фактор. То же самое касается способности основ с относительными и посессивными аффиксами к предикативизации (раздел 8): (не)возможность предикативизации зависит не от свойств основы, а от семантической целостности получившегося комплекса.

10. Выводы

В процессе исследования свойств посессивных и относительных аффиксов в чукотском мы выяснили, что иерархию одушевленности можно построить по образцу той, которая представлена в работе Крофта [Croft 2003: 130] и описана в данной статье в разделе 9. При этом чукотская иерархия совпадает с универсальной по большинству параметров: от местоимений до имен, обозначающих неживые объекты. В качестве основы для распределения по иерархии выступает возможность именных основ присоединять посессивные или относительные показатели. Отличия между чукотской и универсальной иерархиями в том, что местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица находятся на одной ступени, такая же ситуация с собственными и нарицательными именами. Это может быть обусловлено параметром, по которому мы распределяем основы на иерархии.

В то же время существует иерархия, выделенная для корякского языка. Она тоже схожа с универсальной, но, как и чукотская, является сокращенной. Второе сходство корякской и чукотской иерархий наблюдается в возможности поставить на одну ступень отдельные группы одушевленных и неодушевленных имен. Это обусловлено омонимией посессивного показателя, который может присоединиться и к неодушевленной основе, обозначающей материал. Третье сходство состоит в том, что обе иерархии выделены относительно свойств показателей (корякская — эргативного, чукотская — посессивного и относительного).

Различия между иерархиями в чукотском и корякском языках прежде всего в параметре, по которому в них распределены имена. Попытка выделить иерархию на основе эргативного показателя для чукотского оказалась неудачной.

Важной особенностью чукотского языка является вариативность выражения посессивности и относительности. Помимо рассматриваемых подробно показателей *-in(e)/-en(a)* и *-kin(e)/-ken(a)*, возможна инкорпорация (примеры (34)–(39)) и предикативизация основы (примеры (43)–(45)).

Список условных сокращений:

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо индексируемого участника; А — агент (активный участник при переходном глаголе); ALL — аллатив; AN.ALL — аллатив high animate nouns; AN.PL — множественное число high animate nouns; ATR — атрибутивный показатель; CAUS — каузатив; DEICT — дейктическое местоимение; DIM — диминутив; FUT — будущее время; INSTR — инструменталис; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; O — пациент (пассивный участник при переходном глаголе); PF — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PTCP.PASS — пассивное причастие; REDUP — редупликация; REL — относительный показатель; S — субъект (участник при непереходном глаголе); SG — единственное число; ST — стативный предикат; TH — тематический показатель.

Литература

- Богораз 1900 — В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1900. [V. G. Bogoraz. Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials of studying the Chukchi language and folklore collected in Kolyma region]. Part 1. SPb.: Imperatorskaia akademiia nauk, 1900].
- Муравьева 2004 — И. А. Муравьева. Типология инкорпорации: Дисс. ... доктора филол. наук, РГГУ, М., 2004. [I. A. Murav'eva. Tipologiya inkorporatsii [Typology of incorporation]. Diss. ... doktora filol. nauk, RGGU, M., 2004].
- Пупынина 2018 — М. Ю. Пупынина. Предикативное обладание в чукотском языке // М. Я. Дымарский, А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 176–199. [M. Ju. Pupyнина. Predikativnoe obladanie v chukotskom iazyke [Predicative possession in Chukchi] // M. Ia. Dymarskii, A. V. Bondarko, M. D. Voeikova (red.). Problemy funktsional'noi grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste. M.: Izdatel'skii dom YaSK, 2018. P. 176–199].
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология именных частей речи. М. — Л.: АН СССР, 1961. [P. Ia. Skorik. Grammatika chukotskogo iazyka. Ch. 1: Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi [Chukchi grammar. Part 1: Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. M. — L.: AN SSSR, 1961].
- Aikhenvald, Dixon 2013 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Possession and ownership. A Cross-Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2013.

- Croft 2003 — W. Croft. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. Diss., Australian National University, Canberra, 1999
- Koptjevskaja-Tamm 1995 — M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive and Relational Forms in Chukchi // F. Plank (ed.). *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 301–324.
- Kurebito 2004 — M. Kurebito. 'Possessive' and 'Relational' in Koryak Viewed from the Animacy Hierarchy. Toyama: University of Toyama, 2004.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Ju. Zhdanova. Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz. A RSS/OSSF report (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No 584/1999). Moscow, 2001. (Unpublished).

Д. Б. Тискин

СПбГУ, Санкт-Петербург

**ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ АДВЕРБИАЛЬНАЯ
МОДИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУПП
ТИПА PREP + ADJ + N В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹**

1. Введение

В русском языке предложная группа (ПГ), в которой существительное модифицировано атрибутом, может в свою очередь модифицироваться наречием. При этом возможны два случая: модификация, семантически относимая только к ПГ в целом, и модификация, которая может быть отнесена как к ПГ в целом, так и к атрибуту в отдельности. Случаи первого типа характеризуются возможностью опустить атрибут с сохранением грамматичности и даже основной семантики сочетания, тогда как попытка переставить наречие в позицию рядом с атрибутом приводит к неграмматичности или к изменению значения (1). Напротив, в случаях второго типа опущение обычно невозможно (хотя ср. случаи типа *сильно/немного в возрасте*), а перестановка сохраняет грамматичность и семантику (2).

- (1) *Монета взлетает вверх почти до моего окна.*

[Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]²

а. ^{OK}*почти до окна*

б. *#до почти моего окна*

- (2) *Пил дня три, пропил все деньги, потом и велосипед тоже, и вернулся пешком весьма в истощенном состоянии.*

[Павел Кузнецов. Деревенский дневник // «Звезда», 2002]

¹ Мы благодарим П. М. Аркадьева, А. А. Козлова, С. С. Сая и анонимного рецензента за ценные замечания. Все недостатки работы остаются на нашей совести.

² Примеры с подобными ссылками извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <http://ruscorpora.ru>.

а. **весьма в состоянии*

б. ^{OK}*в весьма истощенном состоянии*

Итак, в случаях типа (2) возможен порядок слов Adv Prep, который мы будем называть *внешней модификацией* ПГ (external modification, EM), и порядок Prep Adv, который мы назовем *внутренней модификацией* (internal modification, IM).

Целью настоящей работы является выявление лексических и морфосинтаксических факторов, влияющих на выбор стратегии модификации, а также попытка объяснить самую возможность EM (о том, почему EM составляет проблему для формальных теорий значения, см. ниже). Вопрос о факторах, влияющих на выбор, предполагает наличие конкуренции между двумя стратегиями модификации, т. е. возможности выразить одно и то же значение посредством как EM, так и IM. Поскольку в случаях типа (1) конкуренция стратегий выбора порядка слов отсутствует, они не составляют в данной статье предмета специального интереса.

Для того чтобы можно было говорить о конкуренции (пусть и со значительным количественным перевесом в пользу EM), требуется выполнение по крайней мере двух условий. Во-первых, атрибут (Adj) должен допускать модификацию наречием меры или степени, т. е. представлять собой качественное прилагательное (3) или единицу другого разряда, употребленную в качественном значении (4). Когда это не так, модифицироваться может разве что ПГ в целом (1).

(3) *Он ведь полез совсем в странные истории.*

[Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]

(4) *У нее очень своя жизнь, которую трудно объяснить посторонним, понимаешь?*

[Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]

Во-вторых, варианты построения предложения, различающиеся только выбором IM или же EM, должны совпадать по значению, как в (2). Случаи, где это не выполняется (ср. (5) в значении 'неподалеку от родных краев' и (6) в значении 'в место, воспринимаемое почти как если бы оно было родным'), следует трактовать как не вступающие в конкуренцию стратегии выражения разных значений.

- (5) *Илью распределили почти в родные края — в Ярославскую семинарию.* [Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012]
- (6) *Возвращаемся мы — в почти родную уже Коломну.*
[Валерий Попов. Свободное плавание // «Звезда», 2003]

Построение статьи таково. В разделе 2 мы демонстрируем семантическую проблематичность ЕМ и противопоставляем две разновидности ЕМ. В разделе 3 излагаются результаты корпусного исследования конкуренции ЕМ и ИМ. Предметом раздела 4 является проблема формального анализа ЕМ. В разделе 5 кратко рассматриваются явления, сходные с конкуренцией ЕМ и ИМ. В заключении мы подводим итоги и указываем на аналогичные явления в других фрагментах русской грамматики.

2. Два типа ЕМ

Наречия степени принято анализировать как предикаты сложного семантического типа, сочетающиеся с тройками аргументов, из которых один обозначает, собственно, свойство³, о степени проявления которого идет речь, второй — некоторое значение на шкале степеней проявления свойства, а третий — индивид, которому приписывается свойство [Beck 2011]. Так, *весьма* получит интерпретацию

- (7) $\llbracket \text{весьма} \rrbracket = \lambda P \lambda d \lambda x. P(x, d) \wedge d > d_{\text{bas}}$,

что означает, что степень d , в которой индивид x проявляет свойство P , превышает некоторое базовое значение-ориентир d_{bas} (способ его установления нас не интересует). Согласно (8), первым аргументом *весьма* должен быть предикат, обозначающий градуируемое свойство. Например, значением *весьма истощенный*

³ В формальной семантике сравнительных и близких к ним конструкций обычно предполагается, что всякий предикат, обозначающий градуируемый признак, имеет, помимо явных, еще один скрытый аргумент — степень d , в которой проявляется признак:

- i. $\llbracket \text{истощенный} \rrbracket = \lambda d \lambda x. \text{exhausted}(x, d)$

Таким образом, семантический тип одноместных градуируемых предикатов — $\langle \delta, et \rangle$, где δ — тип значений на шкале (degrees), e — тип индивидов, а t — тип истинностных значений.

(например, в составе сочетания [[*весьма истощенный*] *d*] человек) будет

$$(8) \quad \llbracket \text{весьма истощенный} \rrbracket = \lambda d \lambda x. \text{exhausted}(x, d) \wedge d > d_{\text{bas}}.$$

Хотя можно допустить, что некоторые ПГ обозначают свойства и что к таким может относиться ПГ *в истощенном состоянии*, что обеспечит верный анализ семантики (2), — это не может относиться ко всем ПГ, поскольку некоторые из них обозначают участников описываемой в предложении ситуации. Соответственно, требуется решение вопроса о том, при каких условиях ПГ обозначает свойство и каково при этом значение предлога⁴ (если оно есть). Кроме того, ЕМ возможна не только в тех случаях, когда ПГ может быть понята как обозначение свойства. Так, в (9) *чужие люди* оказываются участником ситуации отъезда, а в (10) *интересный человек*, по-видимому, может трактоваться только как участник ситуации «столкновения».

- (9) *Старуха и опечалилась, что сызнова не увидела Таньчору, и обрадовалась, что дочь не уехала на житье еще дальше, совершенно к чужим людям, которые даже говорят не по-нашему и у которых ей, конечно, было бы несладко.*

[Валентин Распутин. Последний срок (1970)]

- (10) *Было время, меня судьба столкнула очень с интересным человеком, который занимается камнями...* [Google]

Поскольку в (7)–(8) важен порядок, в котором присоединяются аргументы, для формальной теории значения примеры типа (9)–(10) составляют проблему: наречие и прилагательное, к которому оно, по-видимому, относится, разделены и линейно, и в синтаксической структуре предложения.

Таким образом, мы будем предварительно различать два типа адвербиальной модификации ПГ (а тем самым два типа ЕМ, что существенно для нашего исследования): «актантный», как в (3) и (9)–(10), при котором ПГ обозначает участника ситуации, и

⁴ Вопрос о значении падежной формы, который здесь также может быть поставлен, возникает и при ИМ. Не исключено, что значение предлога и значение падежа сочетаются некомпозиционно, а в таком случае следует вести речь о значении предложно-падежной формы в целом.

«признаковый», как в (2), при котором ПГ имеет смысл трактовать как обозначение свойства или признака действия. К последнему относятся, в частности, и достаточно многочисленные примеры ПГ — устойчивых и фразеологических сочетаний, модифицированных наречием:

(11) *Меня с ними судьба свела, когда они еще совсем в младых летах были!* [И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин (1874)]

(12) *Мы уж совсем на разных языках говорим...*
[В. В. Вересаев. В тупике (1920–1923)]

Мы допускаем, что не для всех конкретных примеров решение об отнесении к тому или иному типу может быть принято однозначно⁵.

3. Некоторые факторы, влияющие на выбор типа модификации

В данном разделе представлены результаты количественных исследований, проведенных на материале НКРЯ. Везде, где не указано иное, в качестве Adv запрашивались шесть частотных наречий: *вполне, очень, слишком, совершенно, совсем, чуть*. Ограничение набора модификаторов позволило сократить объем выдачи и отказаться от решения в общем виде вопроса о том,

⁵ По-видимому, реинтерпретация ПГ в обозначение свойства возможна в достаточно широких пределах. Ср., в частности, следующий пример, впервые появившийся в издании «Ответы по Калужской провинции на экономические вопросы» (1769):

- ii. *Пчел по Калужской провинции мало и очень у редкого мужика оных найдешь.*
[Юрий Сухоцкий. Сеятели и животноводы калужской губернии (2002) // «Весть» (Калуга), 2002.01.17]

Трактовка (ii) осложняется его принадлежностью языку XVIII в., однако заслуживает внимания замечание, высказанное при обсуждении доклада: если ПГ у *редкого мужика* в данном контексте может быть интерпретировано как ‘редко’ (ведь речь и идет об учете домохозяйств, т. е. «мужиков» и их имущества), то ей может быть приписана семантика свойства (а именно свойства ситуаций) и, соответственно, модифицируемость наречиями степени.

модификаторы с какими свойствами (из всех теоретически возможных встретиться в выдаче) должны учитываться при подсчетах.

3.1. Грамматическое число ИГ

Один из факторов, связь которого с выбором между порядками слов Prep (*не*) Adv и Adv Prep можно считать установленной, — грамматическое число ИГ, выступающей компонентом предлога. Оказывается, что при употреблении существительного в ед. ч. ЕМ в среднем частотнее, чем при употреблении мн. ч.

Таблица 1. Связь между порядком слов и числом вершины ИГ — компонента предлога в основном корпусе НКРЯ (случаи с конкуренцией порядков слов и без конкуренции не различались).

Число сущ.	Prep (<i>не</i>) Adv	Adv Prep	% Adv Prep
ед. ч.	4239	351	7,65
мн. ч.	1674	100	5,64

Исключены существительные *лад* и *лицо* из-за омонимии форм (ср. *лада* ‘милый/милая’ и ‘GEN.SG от *лад*’, *лицо* ‘часть тела’ и ‘человек’). Различие статистически значимо ($\chi^2 \approx 7,85, p < .001$)

Такое различие можно предположительно связать с тем, что существительные с отвлеченной семантикой, позволяющие интерпретировать ПГ в целом как обозначение свойства (что должно облегчать ЕМ), склонны к употреблению в ед. ч. (или даже принадлежат к *singularia tantum*). Тем не менее, получить на той же выборке статистически значимое свидетельство влияния абстрактной семантики на порядок слов не удалось.

3.2. Длина предлога

Помимо непосредственного обращения к НКРЯ, мы сформировали выборки, руководствуясь следующими правилами. Отбирались контексты из НКРЯ, содержащие последовательность:

- (а) «предлог + наречие + прилагательное» (тип Prep Adv, как *в очень хорошем состоянии*);
- (б) «предлог + *не* + наречие + прилагательное» (тип Prep *не* Adv, как *в не очень хорошем состоянии*);

(в) «наречие + предлог + прилагательное» (тип Adv Prep, как *(не) очень в хорошем состоянии*⁶).

Мы не требовали, чтобы за прилагательным на каком бы то ни было расстоянии следовало существительное, и учитывали бессубстантивные ПГ (как в *Мысль действительно — не совсем из легких*) наряду с прочими. Как и прежде, мы ограничились шестью наречиями; кроме того, запрашивались прилагательные только в формах мн. ч., что позволило ограничить объем выдачи, не слишком, однако, жертвуя возможностями для статистического анализа данных. Все полученные контексты были просмотрены вручную и очищены от морфологической омонимии⁷; в выборке Prep не Adv и Adv Prep были отсеяны и случаи отсутствия конкуренции синтаксических стратегий. Суммарный объем выборки составил 5610 предложений. Таким образом, полученная выборка имеет меньшую долю «шума», чем все примеры из НКРЯ в целом, и больший объем, чем все примеры из подкорпуса НКРЯ со снятой омонимией, однако позволяет делать непосредственные выводы только об ИГ мн. ч. в составе модифицируемой ПГ.

На собранных таким образом выборках удалось установить, что возможность конфигурации Adv Prep связана с длиной предлога (измеренной в слогах): в нашей выборке отсутствуют контексты типа Adv Prep, длина предлога в которых превышала бы один слог.

⁶ Примеры типа *не Adv Prep* автоматически попадали в выборку (с), поскольку ограничений на левый контекст не налагалось.

⁷ Отсеивались также употребления предлога *между*, при которых его аргументом выступает сочинение двух или более ИГ:

iii. *Тем не менее разница большая между совершенно весенним видом итальянской природы и здешними еще не зеленеющими полями и оголенными деревьями.*

[П. И. Чайковский. Письма к Н. Ф. фон-Мекк (1880)]

Такие случаи были бы так или иначе отсеяны, если бы мы поставили задачу избавиться от всех случаев отсутствия конкуренции порядков слов, но дополнительным основанием не учитывать их является вложенность ИГ, к которой относится наречие, в сочиненную составляющую.

Таблица 2. Связь между порядком слов и длиной предлога в слогах в выборках

Слогов в предлоге	Prep Adv	Prep <i>не</i> Adv	Всего Prep (<i>не</i>) Adv		Adv Prep	
0	2558	88	2646	<u>5228</u> (97%)	69	<u>146</u> (3%)
1	2457	125	2582		77	
2	181	15	196	<u>240</u>	0	<u>0</u>
3	26	2	28		0	
>3	16	0	16		0	
Всего	5238	230	5468		146	

Различие между подчеркнутыми распределениями статистически значимо⁸ ($p < .01$).

Несмотря на преобладание в НКРЯ письменных текстов, мы склонны связывать данное распределение с просодическими свойствами предлогов. Ограниченность порядка Adv Prep «короткими» (и не несущими ударения) предлогами может указывать на не синтаксический, а фонологический (постсинтаксический) характер данного порядка слов. См. об этом раздел 4.

Сходное наблюдение сделано в работе М. Ядрова [Yadroff 1999: 53], где показано, что предлоги ведут себя неодинаково при инверсии в количественно-именных сочетаниях, несущей семантику приблизительности: *часов за шесть*, но *в течение часов шести*. Следует, впрочем, заметить, что М. Ядров противопоставляет два класса предлогов не непосредственно по длине, а по совокупности просодических, морфологических, синтаксических и семантических свойств.

3.3. Выбор предлога/падежа

Хотя раздельный учет таких факторов, как падеж ИГ и выбор управляющего предлога, технически возможен, результаты, полученные для этих двух факторов, оказываются не взаимозависимы. Так, творительный падеж в наших выборках противопоставлен прочим как избегающий порядка слов Adv Prep, а предложный — как относительно чаще связанный с ним; в то же

⁸ Здесь и далее, если не указано иное, для статистической оценки применялся двусторонний вариант точного критерия Фишера.

время предлоги *в* (*во*) и *на* значительно чаще сочетаются с Adv Prep, причем, как можно видеть, именно за счет случаев, когда управляют локативом, а предлог *с* — с Prep Adv, причем именно в сочетании с инструменталисом.

Таблица 3. Связь между порядком слов и падежом ИГ в выборках

	Prep Adv	Prep не Adv	Всего Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep	В сравнении с			
						LOC	DAT	GEN	ACC
INS	1075	31	1106	11	1	***	*	**	~
ACC	801	47	848	18	2,1	*	—	—	
GEN	1081	51	1132	30	2,6	~	—		
DAT	589	21	610	16	2,6	—			
LOC	1692	76	1768	71	3,9				

Значимость различий: *** — $p < .001$, ** — $p < .01$, * — $p < .05$, ~ — $p \approx .06$; прочерк — отсутствие статистической значимости.

Таблица 4. Связь между порядком слов и выбором предлога в выборках

Предлог	Падеж ИГ	Prep Adv	Prep не Adv	Всего Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep	
<i>в</i>	LOC	957	35	992	45	4,3	***
<i>в</i>	ACC	315	18	333	10	2,9	—
<i>в</i>	всего	1272	53	1325	55	4,0	***
<i>во</i>	LOC	27	0	27	0	0	—
<i>во</i>	ACC	13	0	13	0	0	—
<i>во</i>	всего	40	0	40	0	0	—
<i>в + во</i>	LOC	984	35	1019	45	4,2	***
<i>в + во</i>	ACC	328	18	346	10	2,8	—
<i>в + во</i>	всего	1312	53	1365	55	3,9	**
<i>к</i>	DAT	268	6	274	2	0,7	*
<i>на</i>	LOC	325	11	336	17	4,8	*

Предлог	Падеж ИГ	Prep Adv	Prep не Adv	Всего Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep	
<i>(несмотря) на</i>	ACC	335	20	355	7	1,9	—
<i>(несмотря) на</i>	всего	660	31	691	24	3,3	—
<i>с</i>	INS	953	28	981	9	0,9	***
<i>с</i>	GEN	65	0	65	3	4,4	—
<i>с</i>	всего	1018	28	1047	12	1,1	***
Всего в таблице		3258	118	3376	93	2,7	
<i>Всего в подкорпусе</i>		5238	226	5464	146	2,6	

Показаны предлоги, для которых получены статистически значимые отличия от распределения порядков слов для всех пар «предлог — падеж» вместе (за исключением данной пары «предлог — падеж»). Значимость различий: *** — $p < .001$, ** — $p < .01$, * — $p < .05$; прочерк — отсутствие статистической значимости.

В свете представленных данных могла бы показаться привлекательной гипотеза, состоящая в том, что одним из факторов, влияющих на выбор порядка слов, является степень близости данной ПГ к «идеалу» актантности (обозначению прототипического участника ситуации в противоположность ее свойству или обстоятельству). Например, дативные ПГ с вершиной *к* и инструментальные — с вершиной *с* оказывались бы ближе к этому идеалу, нежели локативные ПГ с предлогом *в*. Проверка этой гипотезы, однако, сопряжена с множеством трудностей, основная из которых состоит в установлении набора и способов выражения актантов каждого из управляющих ПГ глаголов в нашем корпусе. В отсутствие процедуры, которая позволила бы эффективно решить эту задачу, мы предприняли попытку оценить влияние «актантности» на порядок слов: запросив в корпусе случаи ИМ и ЕМ для наречий *вполне, очень, слишком, совершенно, совсем, чуть* и ограничив выдачу случаями непосредственного присоединения ПГ или наречия к глаголу справа (а также мн. ч. Adj и текстами, созданными после 1917 г.), мы охарактеризовали каждый релевантный пример по признаку «актант—сирконстант»,

руководствуясь неформальными соображениями. В нашем распоряжении оказалось 1527 случаев ИМ и 45 случаев ЕМ. В результате статистически значимого различия в долях «актантных» ПГ для ИМ vs. ЕМ получить не удалось: для ЕМ как «актантные» были помечены 32 примера, как «сирконстантные» — 13; для ИМ, соответственно, — 936 и 591. В силу названных трудностей такой результат нельзя считать окончательным, но он заставляет сомневаться в том, что в выборе порядка слов играет роль «актантность» как таковая, а не какие-то иные, но сопряженные с ней факторы⁹.

3.4. Выбор наречия

В наших выборках мы были с самого начала ограничены шестью наречиями, так что протестировать влияние на выбор порядка слов таких факторов, как длина наречия, его акцентная структура или семантика¹⁰, достоверно отделив влияние одного из них от влияния других, вряд ли было возможно. Ясно, тем не менее, что влияние лексемы-модификатора на выбор порядка слов значительно: *совсем* настолько отличается от прочих наречий, что, по-видимому, имеет смысл говорить о выделении его в отдельную группу (в которую, по-видимому, войдут и такие не

⁹ Что касается собственно локативного значения, мы не выявили связи между таким значением локативной ПГ с предлогом *в* и порядком слов на материале всех примеров с такими ПГ в наших выборках: в случае ЕМ доля ПГ со значением, которое мы классифицировали как локативное, составила 50% (22 из 44), в случае ИМ — 46,1% (455 из 988). Это не позволяет сделать вывода о том, что локативное (или, напротив, нелокативное) значение такой ПГ способствует выбору ЕМ или же ИМ.

¹⁰ Как отмечает С. С. Сай (л. с.), наречие *совсем* отличается, к примеру, от *очень* тем, что способно присоединяться к ИГ в предикатной позиции (iv). Не исключено, что эта его особенность повлияла на его способность выступать в контексте ЕМ (см. таблицу 5), поскольку его селективные требования, по-видимому, не препятствуют и его сочетанию с ПГ, если она предикативна; впрочем, такое же поведение характерно для *вполне* (v).

iv. Ну, куда я гожусь? Я ведь совсем развалина.

[И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)]

v. Звонил бывший муж, тоже вполне человек и знает любых специалистов.

[Галина Щербакова. Моление о Еве (2000)]

представленные в настоящем исследовании наречия, как *практически, почти, действительно*), но и среди остальных наблюдаются значимые различия, причем, насколько можно судить по нашим ограниченным данным, более длинные наречия более склонны к порядку Adv Prep.

Таблица 5. Связь между порядком слов и наречием-модификатором в выборках

Наречие	Prep Adv	Prep не Adv	Всего Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep	к (6)	к (5)	к (4)	к (3)	к (2)
(1) <i>чуть</i>	117	0	117	0	0	***	—	—	—	—
(2) <i>очень***</i>	2824	86	2910	4	0,1	***	***	***	***	
(3) <i>вполне</i>	506	26	532	7	1,3	***	*	—		
(4) <i>слишком</i>	363	60	423	6	1,4	***	~			
(5) <i>совершенно</i>	1181	0	1181	38	3,1	***				
(6) <i>совсем***</i>	247	54	301	91	23,2					
Всего	5238	226	5464	146	2,6					

Значимость различий: *** — $p < .001$, ** — $p < .01$, * — $p < .05$, ~ — $p \approx .06$. В столбце «Наречие» отмечены лексемы, соотношения для которых значимо отличаются от общего ($p < .001$).

3.5. Время создания текста

Используя наши выборки, мы установили, что стратегии выбора порядка слов исторически изменчивы. Так, в текстах, созданных до 1917 г. (включительно), стратегия Adv Prep используется в среднем вдвое чаще, чем в более поздних.

Таблица 6. Связь между порядком слов и временем создания текста в выборках

	Prep Adv	Prep не Adv	Всего Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep
–1917	1234	28	1262	56	4,2
1918–	4004	198	4202	89	2,1

Различие статистически значимо ($p < .001$).

Аналогичные результаты были нами получены на материале основного корпуса НКРЯ. Не для всех предлогов число примеров достаточно для проверки значимости, однако некоторые примеры весьма показательны:

Таблица 7. Связь между порядком слов и временем создания текста в основном корпусе НКРЯ для некоторых наречий и предлогов¹¹

Предлог	Наречие	Период	Prep (не) Adv	Adv Prep	% Adv Prep	<i>p</i>
<i>в</i>	<i>совершенно</i>	–1917	193	110	36,3	< .001
		1918–	1065	51	4,6	
	<i>очень</i>	–1917	878	29	3,2	< .001
		1918–	2438	8	0,3	
<i>с</i>		–1917	550	4	0,7	< .05
		1918–	2051	3	0,1	

4. К анализу ЕМ

4.1. Направление анализа

Соображения, изложенные в разделе 2, и данные раздела 3.3 заставляют обратить внимание на семантические характеристики ПГ в надежде объяснить возможность ЕМ. Как уже отмечено выше, формализация семантики ЕМ не составляет затруднений, если ПГ обозначает градуируемое свойство (точнее, свойство ситуации, обозначаемой главным предикатом клаузы). Тем не менее, с такой трактовкой плохо согласуются два обстоятельства. Во-первых, помимо «признаковой» существует «актантная» ЕМ, при которой не удастся приписать ПГ значение градуируемого свойства. Во-вторых, длина предлога играет определяющую роль в решении вопроса о возможности ЕМ (см. раздел 3.2), что также не находит объяснения в теории, опирающейся только на семантические соображения.

Ситуации, когда длина предлога имеет значение для его синтаксического поведения, уже были описаны (см. [Philippova 2014]) о связи между способностью предлога «проецировать отдельное просодическое слово» и возможностью его опущения при слусинге). А. А. Ионова [2016] представляет результаты опроса носителей,

¹¹ Контексты Adv Prep выверены вручную.

показавшего, что в русском языке возможность опустить предлог при слусинге (как в (13)) действительно связана с длиной предлога в слогах. При этом, как и в нашем корпусном исследовании, значимых различий между 0-сложными и односложными предлогами не наблюдалось¹².

- (13) *Петр сделал Маше предложение накануне какого-то праздника, но я забыл, (накануне) какого.*

Аналогичным образом, М. Ядров [Yadroff 1999: 54] отмечает, что повтор предлога, встречающийся в устной речи, невозможен с «длинными» предлогами:

- (14) *Вошел он в дом в тот в заколдованный.* [Yadroff 1999: 54]

- (15) **Стоял он позади дома позади того позади заколдованного.* [Ibid.]

Более того, контраст между топикальным (16) и контрастным (17) выносом, отмеченный Ю. Гончаровой [Goncharov 2015: 734], с длинными предлогами, по-видимому, невоспроизводим (18): вариант с повтором предлога неприемлем, а приемлемость предложения даже без повтора вызывает вопросы.

- (16) [Из чашки]_{TOP} я пила *(из) красной (а из бутылки — из зеленой).

- (17) [Из чашки]_{CONTR} я пила *(из) красной (а не из (красной) бутылки).

- (18) [Согласно расписанию]_{TOP/CONTR} поезд пришел *(согласно) прошлогоднему.

В связи со всем этим мы полагаем возможным искать для ЕМ объяснения, существенным образом опирающегося на постсинтаксические процессы, т. е. на линейризацию синтаксической структуры на уровне фонологической формы (PF) в смысле теории принципов и параметров [Chomsky 1980; Тестелец 2001: 557].

¹² Такой результат оставляет нерешенным вопрос о том, какую роль в наблюдаемом различии играет длина предлога, а какую — его первообразность. Вопросу о возможности изолировать просодический фактор посвящены некоторые рассуждения в [Philippova 2014], где автор склоняется к положительному ответу на этот вопрос.

Ядро такого объяснения должен составить тезис о том, что элементом, занимающим при ЕМ синтаксически немотивированное положение, является не наречие-модификатор, а предлог, синтаксическая позиция которого всегда выше позиции Adv. Причиной, по которой предлог меняет свое положение на PF, является его линейно-синтагматическая несамостоятельность: будучи проклитикой, предлог нуждается в полноударном носителе и поэтому претерпевает спуск (lowering; см. [Embick and Noyer 2001]). Если носителем оказывается ближайшее справа полноударное слово, каким является наречие, спуск в техническом смысле происходит, но не меняет линейного порядка¹³, так что возникает конфигурация IM; если по той или иной причине предлог минует наречие и спускается ниже, его носителем выступает Adj и налицо конфигурация EM. (Сложность, связанная с таким подходом, состоит в том, что возможные причины дальнейшего спуска неясны. В связи с этим представляется перспективным несколько иной подход [Svenonius 2016], при котором единицы «функциональных» категорий, таких как предлог, могут озвучивать вершины, локализованные в нескольких синтаксических позициях, и по-разному располагаться линейно в зависимости от признаков этих вершин.)

4.2. Спуск предлога и диахроническое варьирование

Предположение о просодической обусловленности ЕМ косвенно подкрепляется данными о диахронической изменчивости, описанной в разделе 3.5. Ее направление совпадает с направлением, в котором изменялись относительные частоты конъюнкции ПГ (типа *в лесу и в поле*) и ПГ с комплементом, представляющим собой сочиненную ИГ (типа *в лесу и поле*)¹⁴:

¹³ В распределенной морфологии допускается, что постсинтаксические операции могут не менять порядка следования сегментов в речевой цепи: так, операция локального перемещения (Local Dislocation), если она служит формированию проклитик, не меняет порядка элементов, но делает так, что будущая клитика становится аффиксом (в принятом в данной теории смысле) своего носителя [Embick 2007: 332].

¹⁴ Учитывались только нераспространенные первые конъюнкты; запрос исключал контексты, в которых первому конъюнкту не предшествовало ничего или предшествовал союз *и* (чтобы избежать учета повторяющегося союза *и... и*).

Таблица 8. Связь между «высотой» конъюнкции и временем создания текста в основном корпусе НКРЯ для трех наиболее частотных предлогов по [Ляшевская, Шаров 2009]

Предлог		ПГ и ПГ	Преп ИГ и ИГ	% ПГ и ПГ	χ^2
в	–1917	506	6888	6,84	64,70
	1918–	575	12909	4,26	
с	–1917	215	3651	5,56	26,25
	1918–	213	5977	3,44	
на	–1917	219	3152	6,50	54,03
	1918–	224	6517	3,32	

Без ручной выверки. Различие статистически значимо (критерий χ^2 ; для всех случаев $p < .001$).

В работе [Тискин 2017] мы предположили, что как минимум некоторые случаи конъюнкций ПГ могут быть результатом постсинтаксической клитизации предлога, сопровождаемой его удвоением. Основным аргументом в пользу этой гипотезы явились случаи, когда удвоению подвергается требующий множественного аргумента (впрочем, просодически достаточно «тяжелый») предлог *между*:

- (19) *Итак, многообразное соотношение между деятельностью железы и между тем, что попадает в рот, устанавливается при помощи нервной ткани, свойства и работу которой мы и должны изучить.*

[И. П. Павлов. Лекции по физиологии (1911–1913)]

Между деятельностью железы не имеет осмысленной интерпретации, а *между тем, что попадает в рот* означает не то, что предполагается в (19). Соответственно, мы предположили, что единственная семантически активная копия *между* в (19) расположена так, чтобы с-командовать конъюнкцией, тогда как постсинтаксически предлог спускается вниз, создавая две семантически неактивные копии. Это явление можно было бы назвать «спуском левого узла» (Left Node Lowering) по аналогии с симметричным ему в некоторых отношениях подъемом правого узла (Right Node Raising) — выносом из конъюнкции вправо, иногда трактуемым как передвижение across-the-board (о последнем см. [de Vries 2017: 3.1.1]):

(20) *Маша встретила, а Петя проводил каждого гостя.*

Несмотря на то что далеко не всякий предлог позволяет, как *между*, диагностировать расхождение между своей линейной позицией и позицией, в которой он интерпретируется, не исключено, что другие предлоги претерпевают такой же постсинтаксический спуск. Если такой спуск возможен при конъюнкции ИГ, он может иметь место и при единичной ИГ — компоненте предложения.

5. Некоторые параллели

Противопоставление ИМ и ЕМ имеет смысл еще для нескольких явлений в русском синтаксисе. Так, М. В. Всеволодова [2010: 20] отмечает, что при модификации количественно-именного сочетания в составе ПГ модификатор может не только примыкать к числительному, но и быть вынесен за пределы ПГ:

(21) *В ее работе приняли участие делегации более чем из 50 африканских государств.*

[Африка в борьбе с терроризмом (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.11.29]

(22) *Их работа выбрана лучшей из более чем 200 представленных проектов.*

[Итоги учебного 2012–2013 года // «За науку», 2013]

Тем не менее, соотношение частот двух возможных порядков слов для случаев типа (21)–(22) существенно отличается от соотношения для групп типа Prep + Adv + N:

Таблица 9. Связь между порядком слов при модификации количественно-именного сочетания и квантификатором (Q, например *больше чем*) в основном корпусе НКРЯ

	Prep Q	Prep не Q	Всего Prep (не) Q	Q Prep	% Q Prep
<i>более/ менее</i>	337	7	344	3136	90,1
<i>больше/ меньше</i>	4	0	4	998	99,6
Всего	341	7	348	4134	

Без ручной выверки. Различие между строками статистически значимо ($p < .001$).

При этом только в (достаточно редкой!) конфигурации *Prep* более *Num* встречаются двусложные предлоги *против*, *спустя*, *среди*, что согласуется с данными, представленными в разделе 3.2. (Предлоги *после* и *между* обнаруживаются в препозиции к двусложным *больше/меньше* в противоположность трехсложным *более/менее*.)

Кроме того, в ПГ типа *Prep + Adv + N*, если *Adv* отрицается, вариативным является положение отрицания относительно предлога. Таким образом, имеется три возможных порядка слов для ПГ, содержащей *не*, *Prep* и *Adv*, каждому из которых соответствует один из примеров (23)–(25):

(23) [Dmitri, nick] *Досталась книга 1919 года, хранившаяся, видимо, в не очень хороших условиях.*

[Форум: Реставрация книг. Переплетное дело (2010)]

(24) *Экипаж надеется на обед, но не в очень экзотическом стиле.*

[Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]

(25) *Во время морских сражений стекла дрожали в Сарко-сельском дворце от звука пушечных выстрелов, кои по морю не очень в дальнем расстоянии от города шибко сотрясали твердь воздушную.*

[И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3 (1788–1822)]

Пилотный запрос к НКРЯ показал, что выбор порядка слов в таких случаях чувствителен к падежу ИГ и по-разному осуществляется в текстах различных периодов.

Таблица 10. Связь между падежом ИГ и порядком слов в ПГ, содержащей *в*, *не*, и *очень*, на материале основного корпуса НКРЯ

	<i>в не очень</i>	<i>не в очень</i>	<i>не очень в</i>
ACC	22	4	0
LOC	53	35	2

Результаты выверены вручную. Различие для столбцов *в не очень* и *не в очень* статистически значимо ($p < .05$).

Таблица 11. Зависимость между временем создания текста и порядком слов в ПГ, содержащей *в*, *не* и *очень*, на материале основного корпуса НКРЯ

	<i>в не очень</i>	<i>не в очень</i>	<i>не очень в</i>
–1917	9	14	2
1918–	66	25	0

Результаты выверены вручную. Различие для столбцов *в не очень* и *не в очень* статистически значимо ($p < .01$).

6. Заключение

В настоящей работе исследовалась конкуренция двух вариантов порядка слов при модификации наречием предложных групп, содержащих именную группу с атрибутивным модификатором. Среди случаев, когда наречие линейно предшествует всей ПГ (ЕМ в нашей терминологии), можно выделить такие, в которых у ПГ обнаруживается значение свойства (так что семантически она является подходящим аргументом для наречия), и такие, в которых значение ПГ — участник ситуации (так что семантически модификация наречием всей ПГ, по-видимому, исключается).

Среди факторов, влияющих на относительную частоту ЕМ, выделяются характеристики ИГ (с единственным числом Adv Prep встречается чаще, чем с множественным, а с предложным падежом — чаще, чем с остальными) и наречия-модификатора (*совсем* резко противопоставлено остальным исследовавшимся наречиям, поскольку при нем Adv Prep необыкновенно частотен, а у остальных наречий частота Adv Prep по какой-то причине возрастает с увеличением длины наречия), а также длина предлога (с предлогами длиннее одного слога в нашей выборке Adv Prep не встречается вовсе). Кроме того, частота выбора ЕМ исторически изменчива, причем доля ЕМ падает от более ранних текстов, представленных в НКРЯ, к более поздним.

Обратившись к проблеме анализа ЕМ, мы поместили эту проблему в более широкий контекст изучения позиционных свойств предлогов. Предшествующие исследования в этой области показывают, что поведение предлогов в поверхностном синтаксисе зачастую связано с их длиной и просодическими свойствами (хотя не следует забывать, что эти свойства коррелируют и с морфо-

логической сложностью, и с (не)производностью, и с семантикой предлога). Мы предложили предварительный вариант анализа ЕМ, при котором ЕМ возникает как результат спуска предлога-клитки к полноударному носителю, в качестве которого по какой-то причине выступает не линейно ближайший элемент (наречие), а следующий за ним (атрибут). Собственно семантические соображения при такой трактовке не играют роли в анализе, однако можно предположить, что «актантные» ИГ менее проницаемы для передвижений и потому нечасто допускают ЕМ¹⁵.

В данной работе мы ограничивались материалом русского языка, однако конкуренция двух вариантов порядка слов при модификации ПГ, содержащей атрибут, известна и за его пределами. Ср., например, в английском языке:

(26) *This has been true in North and South Dakota and, to a somewhat lesser degree, in Nebraska.*

‘Дело обстояло так в Северной и Южной Дакоте и в несколько меньшей степени в Небраске’.

(27) *Most of the outcry came from the Anglican churches in Africa, and somewhat to a lesser extent in Asia and South America.*

‘Возгласы протеста раздавались в основном из англиканских церквей в Африке и несколько в меньшей степени в Азии и Южной Америке’.

В какой мере ситуация в английском языке аналогична русской, на данный момент не вполне ясно; так, неизвестно, какую долю порядок Adv Prep составляет при адвербиальной модификации актантных ИГ. В текстах XVIII в. примеры такого порядка слов обнаруживаются:

(28) *[The Comet] is gone quite to a new place in the heavens than it was in before* [Д. Дефо]

‘[комета] переместилась совсем в другое место на небесах по сравнению с тем, где была раньше’

¹⁵ Как отмечает анонимный рецензент, случаи типа *очень в моде*, *очень в меру* свидетельствуют о том, что и вне связи с порядком слов модифицируемость ПГ наречием может, тем не менее, объясняться присущей ПГ семантикой свойства. Так или иначе, для «актантных» ИГ внутренняя модификация требует несемантического объяснения.

(29) *one changes darker, another lighter, one quite to a different colour, whilst another... will keep its natural brightness even in the fire* [У. Хогарт]

‘один становится темнее, другой светлее, один сильно меняет цвет, тогда как другой... сохраняет естественную яркость даже в огне’

Помимо обращения к материалу других языков, еще одним направлением дальнейших исследований должно, по-видимому, стать выявление связи между порядком слов и ритмической структурой наречия-модификатора и ПГ. На примере глагольных форм с колебаниями в ударении показано [Кухто, Пиперски 2015], что этот фактор способен влиять на выбор стратегии в ситуации вариативности: акцентный вариант зачастую выбирается так, чтобы избежать столкновения двух ударений в соседних слогах (т. е. *прóдал браслéт*, но *прóдал кнiгу* — пример А. В. Кухто и А. Ч. Пиперски). При возможности варьировать порядок слов этот или какой-либо другой связанный с ударением принцип может также оказаться значимым. Пилотный запрос, для которого были выбраны односложные предлоги *на*, *по*, *из*, *у*, *за* и двусложные наречия с начальным (*вовсе*¹⁶, *слишком*) и конечным (*почти*, *совсем*, *вполне*) ударением, показал связь между порядком слов и позицией ударения в Adj: для *почти* и *слишком* при ИМ место ударения значимо дальше (средний номер ударного слога значимо больше), чем при ЕМ; то же, хотя и без значимого различия, для *вовсе*; для *совсем* и *вполне* ситуация противоположная, но различия незначимы.

¹⁶ Одна из проблем, с которыми мы столкнулись при подсчете примеров с *вовсе*, состоит в том, что Adj часто несет префикс *не-*. Как отмечает рецензент, слитное или раздельное написание само по себе не свидетельствует о том или ином линейно-синтагматическом статусе отрицания, однако мы условно считаем самостоятельным отрицанием только такое, которое пишется раздельно; прочие случаи рассматриваются как относящиеся к внутренней структуре слова, которая в данной статье не анализируется.

Таблица 12. Связь между местом ударения в Adj и порядком слов для различных Adv

Наречие		Число контекстов	Средняя позиция ударения в Adj	
<i>вовсе</i>	EM	8	2,00	—
	IM	14	2,21	
<i>слишком</i>	EM	5	1,00	*
	IM	350	1,76	
<i>почти</i>	EM	238	1,73	***
	IM	294	2,40	
<i>совсем</i>	EM	125	1,96	—
	IM	213	1,89	
<i>вполне</i>	EM	16	2,50	—
	IM	591	2,44	

Контексты выверены вручную. Двусторонний тест Манна—Уитни;
* — $p < .05$, *** — $p < .001$.

Следует, впрочем, учитывать, что на данный момент нельзя исключать воздействия на результат факторов, не связанных с ударением.

Литература

- Всеволодова 2010 — М. В. Всеволодова. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания 4, 2010. С. 3–26. [M. V. Vsevolodova. Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinits: tipologiiia, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii [Grammatical aspects of Russian prepositional items: typology, structure, syntagmatics and syntactic modifications] // Voprosy iazykoznaniiia 4, 2010. P. 3–26].
- Ионова 2016 — А. А. Ионова. Эффект зависания предлога при слусинге в русском языке. Тезисы доклада на конференции «Типология морфосинтаксических параметров — 2016», 2016. [A. A. Ionova. Effekt zavisaniia predloga pri slusinge v russkom iazyke [Preposition stranding in Russian sluicing constructions]. Tezisy doklada na konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov — 2016», 2016]. URL: <http://ossetic-studies.org/tmp2016/files/6214/7353/8896/tmp-16-ionova.pdf>.
- Кухто, Пиперски 2015 — А. В. Кухто, А. Ч. Пиперски. Вариативное ударение в некоторых русских глаголах: пост-лексические факторы.

- Тезисы доклада на конференции «GeNSLing — 2015», 2015. [A. V. Kukhto, A. Ch. Piperski. Variativnoe udarenie v nekotorykh russkikh glagolakh: post-leksicheskie factory [Stress variation in some Russian verbs: postlexical factors]. Tezisy doklada na konferentsii «GeNSLing — 2015», 2015]. URL: http://ossetic-studies.org/tmp2016/files/5214/4425/3798/Gensling2015_Kukhto--Piperski_tezisy.pdf.
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [O. N. Liashevskaia, S. A. Sharov. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo iazyka) [Frequency dictionary of modern Russian based on the Russian National Corpus]. М.: Azbukovnik, 2009].
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Ja. G. Testeleets. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. М.: RGGU, 2001].
- Тискин, 2017 — Д. Б. Тискин. Дублирование вершины при сочиненном комплементе: данные русского языка // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров — 2017». М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 20–33. [D. B. Tiskin. Dublirovanie vershiny pri sochinennom komplemente: dannye russkogo iazyka [Head Doubling Under Complement Coordination: Evidence from Russian] // Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. М.: Gos. IRIA im. A. S. Pushkina, 2017. P. 20–33].
- Beck 2011 — S. Beck. Comparison constructions // C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner (eds.). Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning, vol. 2. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1341–1389.
- Chomsky 1980 — N. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1980.
- Embick 2011 — D. Embick. Linearization and local dislocation: Derivational mechanics and interactions // Linguistic Analysis 33, 3–4, 2011. P. 303–336.
- Embick, Noyer 2001 — D. Embick, R. Noyer. Movement Operations after Syntax // Linguistic Inquiry 32(4), 2001. P. 555–595.
- Goncharov 2015 — J. Goncharov. P-doubling in split PPs and information structure // Linguistic Inquiry 46(4), 2015. P. 731–742.
- Philippova 2014 — T. Philippova. P-omission under sluicing, [P clitic] and the nature of P-stranding // Proceedings of ConSOLE XXII, 2014. P. 133–155.

- Svenonius 2016 — P. Svenonius. Spans and words // D. Siddiqi, H. Harley (eds.). *Morphological metatheory*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 201–222.
- de Vries, 2017 — M. de Vries. Across-the-board phenomena // M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). *Blackwell Companion to Syntax*, 2nd ed. Malden, MA — Oxford — Carlton, Victoria: Blackwell Publishing Ltd, 2017. P. 1–31.
- Yadroff 1999 — M. Yadroff. *Formal Properties of Functional Categories: The Minimalist Syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions*. PhD dissertation, Indiana University, Bloomington, 1999.

Е. А. Христофорова

РГГУ, Москва

АГЕНТИВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

Настоящее исследование посвящено семантическим классификаторам русского жестового языка. Семантические классификаторы в жестовых языках — особая значимая форма руки, которая относит своего референта к определенному семантическому классу, например, классу людей, животных или видов транспорта [Zwitsersloot 2003: 18]. Недавнее исследование семантических классификаторов РЖЯ [Христофорова 2016] выявило сразу несколько семантических классификаторов, которые используются для отсылки к одушевленным объектам. Соответственно области референции данных семантических классификаторов пересекаются, то есть для одного одушевленного объекта возможно употребление нескольких семантических классификаторов.

С целью разграничить сферы употребления семантических классификаторов для одушевленных объектов, была выдвинута гипотеза, согласно которой выбор между этими элементами может быть обусловлен семантической ролью аргументов классификаторного предиката, к которым отсылает классификатор. Настоящее исследование имеет своей целью изучить связь между выбором того или иного семантического классификатора для одушевленных объектов и агентивностью референта. Наличие такой связи позволит разграничить использование классификаторов и, возможно, вывести правило, по которому происходит выбор между классификаторами с одушевленными референтами.

2. Классификаторы в жестовых языках

Русский жестовый язык (РЖЯ) — язык общения глухих и слабослышащих на территории России [Прозорова 2007]. Как и другие жестовые языки, РЖЯ является языком естественного

происхождения и обладает полноценной грамматикой. Жестовые языки (ЖЯ), и РЖЯ в том числе, крайне интересны в типологическом плане, так как в отличие от звуковых языков (ЗЯ), основной канал передачи информации в ЖЯ является пространственно-визуальным.

Одним из следствий пространственно-визуальной модальности ЖЯ является активное использование так называемых классификаторов [Zwitserslood 2003]. Как уже было указано в предшествующем разделе, классификаторы в жестовых языках — особая значимая форма руки (морфема), которая относит своего референта к тому или иному классу (классу людей, животных, предметов определенной формы). Классификаторы ЖЯ позволяют использовать пространство для максимально точного описания объектов действительности и их перемещения и локализации в пространстве (подробнее об использовании классификаторов для описания перемещения и локализации объектов см. в данном разделе ниже). Традиционно выделяются следующие виды классификаторных морфем:

1. Классификаторы размера и формы (Size and Shape Specifiers)

Классификаторы размера и формы описывают объекты исключительно по его внешним признакам. Классификаторы размера и формы сложны морфологически, так как любое видоизменение конфигурации руки при реализации этих классификаторов описывает отдельные характеристики объекта. Для семантики классификатора важны минимальные отличия одной конфигурации от другой, и каждый палец в конфигурации классификаторов размера и формы можно считать морфемой.

2. Семантические классификаторы (semantic classifiers)

Семантические классификаторы жестовых языков классифицируют референтов по семантическим признакам, т. е. относят их к тому или иному семантическому классу. Они также могут отсылать к пространственным характеристикам объекта, рассматривая их как неотъемлемый компонент семантики. Традиционно считается, что семантические классификаторы диахронически восходят к классификаторам размера и формы, однако семантическим классификаторам не приписывается морфологическая сложность

в отличие от классификаторов размера и формы [Supalla 1986]. Варианты конфигураций руки при реализации одного семантического классификатора стоит рассматривать как алломорфы данного семантического классификатора, то есть фонетически¹ различные варианты одной и той же морфемы с полным сохранением ее значения. Разные жестовые языки могут выделять различные классы референтов по семантическому признаку, каждому из которых соответствует семантический классификатор. Так, например, в американском жестовом языке выделяется семантический класс «маленьких животных», для которого существует отдельный классификатор [Supalla 1986]. В нидерландском жестовом языке не выделяется отдельного класса для «маленьких животных», и референты с соответствующим значением попадают под класс «одушевленных существ» [Zwitserlood 2003]. Значения семантических классификаторов и классов, которые они отображают, могут пересекаться. Таким образом, один и тот же референт может соотноситься с несколькими семантическими классификаторами.

3. Классификаторы частей тела (body-part classifiers)

Классификаторы частей тела отсылают к частям тела участников речевого акта или персонажей повествования. Классификаторами частей тела могут являться как сами части тела (т. е. рассказчик описывает действия частей тела при помощи своих соответствующих частей тела), так и классификаторы размера и формы, отсылающие к частям тела. Отличительной чертой классификаторов частей тела является тот факт, что они отсылают к самим частям тела, а не к их обладателю. Соответственно, в составе классификаторных предикатов движение руки, которая

¹ Исследователи жестовых языков традиционно выделяют фонетический уровень описания по аналогии с фонетическим уровнем описания звучащих языков. Фонему жестового языка определяют как минимальный смысловоразличительный элемент жеста, который не обладает самостоятельным значением. Фонемы ЖЯ могут быть представлены такими элементами, как конфигурация руки (или даже отдельных пальцев), локализация руки относительно тела говорящего, ориентация ладони, движение и немануальное маркирование (движения корпуса, головы, лица и т. п.) [Stokoe 1960].

реализует классификатор частей тела, описывает не перемещение обладателя этих частей тела, а движение конкретной части тела.

4. Инструментальные классификаторы (*instrumental classifiers*)

Этот тип классификаторов отсылает к своему референту, изображая форму руки в момент типичных манипуляций с предметом-референтом, или же форма руки сама по себе репрезентирует предмет, с которым совершается манипуляция. Например, чтобы обозначить кружку, носитель может изобразить форму руки, в которой он как будто держит «воображаемую» кружку за ручку, или может формой руки изобразить саму кружку. Первый тип некоторые исследователи выделяют отдельно как классификаторы манипуляции (*handling classifiers*) [Zwitsersloot 2003]. Второй тип можно также рассматривать как классификаторы размера и формы.

Объектом нашего исследования мы выбрали именно семантические классификаторы русского жестового языка, так как они участвуют в образовании так называемых классификаторных предикатов. Классификаторные предикаты — это один из видов предикативных жестов, представляющий собой иконическое описание перемещения объектов в пространстве при помощи одного или двух классификаторов. В процессе реализации классификаторных предикатов траектория движения рук иконически отражает траекторию передвижения референтов классификаторов (Пример 1). Использование классификаторных предикатов является оптимальной стратегией для описания движения или расположения объектов в пространстве.

Наряду с классификаторными предикатами исследователи выделяют неизменяющиеся предикативные жесты (*plain verbs*) и согласующиеся предикативные жесты (*agreeing verbs*) [Padden 1983]. Неизменяющиеся предикаты представляют собой предикативный жест, форма и направление которого не меняется в зависимости от контекста. Согласующиеся предикаты обязательно имеют в своем составе компонент движения. Компонент движения в составе согласующегося предикативного жеста осуществляет согласование предиката с его аргументами. Если субъект и объект действия являются непосредственными участниками речевого акта, то движение осуществляется между ними. В настоящей

работе неизменяющиеся и согласующиеся предикаты не будут рассмотрены, так как их употребление не связано с использованием семантических классификаторов, которые являются объектом нашего исследования.

Пример 1. '[Два человека] стоят напротив друг друга'. Носитель использует два классификатора «длинный и тонкий предмет» (прямой указательный палец) для обозначения двух людей в пространстве

В почти всех изученных жестовых языках были выделены семантические классификаторы и классификаторные предикаты. Для большинства хорошо исследованных жестовых языков был составлен инвентарь семантических классификаторов с подробным описанием их морфологических и семантических свойств. На материале РЖЯ работа по составлению полного инвентаря семантических классификаторов пока что не завершена [Христофорова 2016]. Сейчас имеются данные об одиннадцати семантических классификаторах, три из которых используются для одушевленных референтов (подробнее о каждом из трех классификаторов см. в разделе «Результаты»). Анализ корпуса показал, что по отношению к одним и тем же референтам в корпусе были выявлены использования разных семантических классификаторов (подробнее о корпусе см. Раздел 3). Так, в соседних клаузах в рамках одного

пересказа один и тот же референт может быть обозначен при помощи разных классификаторов (Пример 2).

ПР: КЛ(*finger*tip²):кот Сильвестр_ВОЙТИ. КЛ(2b):кот Сильвестр_ВЫЛЕТЕТЬ

ЛР: КЛ(В): дверной проем_НАХОДИТЬСЯ³

[Кот Сильвестр] вошел в дом и сразу вылетел оттуда.

Пример 2. [*cr1_s18 00:55:841 — 00:56:431*]⁴ Пример отсылки к одному референту (антропоморфный кот Сильвестр) при помощи двух разных классификаторов (2 и *finger*tip) в соседних клаузах в одном пересказе

² Чтобы было удобнее отсылать к той или иной конфигурации руки в тексте, была разработана система нотации, которая отождествляет конфигурацию руки с похожими жестами РЖЯ, в основном числовыми жестами и буквами дактильной азбуки. Если к букве дактильной азбуки или к обозначению числа добавлен символ «b», значит при реализации описываемой конфигурации ладонь согнута. В случаях, когда не представляется возможным описать конфигурацию руки при помощи числа или буквы дактильной азбуки, используется обозначение основных черт конфигурации по-английски (например, «*finger*tip» («кончик пальца»); «*thumb*» («большой палец»)).

³ Глоссы следует читать следующим образом:

Правая рука (ПР): Классификатор (конфигурация руки): референт классификатора _ ГЛАГОЛ

Левая рука (ЛР): Классификатор (конфигурация руки): референт классификатора _ ГЛАГОЛ

Классификаторные предикаты часто состоят из двух классификаторов, которые обозначают либо перемещение объектов (референтов классификаторов) относительно друг друга, либо движение одного объекта относительно другого фонового объекта. Соответственно, необходимо обозначать классификаторы правой и левой руки отдельно.

⁴ Обозначения файла и времени вхождения соответствующего примера в корпусе стоит читать следующим образом: Название файла (Номер отрывка комикса — Номер информанта) Время начала примера в указанном файле — Время конца примера. С видеофайлами примеров, приведенных в настоящей статье, можно ознакомиться по следующей ссылке:

https://drive.google.com/open?id=1d0gF3_i0fbffdvf2iYWF_pil2w9cYDSv

Мы предположили, что выбор семантического классификатора для одушевленного объекта может быть связан с семантической ролью аргумента классификаторного предиката, к которому отсылает классификатор. Прежде чем перейти непосредственно к исследованию данного вопроса, обратимся к определению семантических ролей. Семантическая роль — это совокупность семантических свойств, отражающих способ участия аргумента в описываемой предикатом ситуации [Fillmore 1972: 23]. Все описанные Ч. Филлмором семантические роли применимы для описания аргументных структур предикатов жестовых языков. И. Звитсерлоод рассматривает аргументы при классификаторных предикатах как имеющие семантическую роль «Темы» (Theme) [Zwitsersloot 2003: 150]. Тема — семантическая роль, приписываемая объектам, находящимся в пространстве или перемещающимся в нем. При этом тематический аргумент, в отличие от Пациенса, не меняет своей формы или состояния в результате действия, описываемого предикатом. Звитсерлоод указывает в своей работе, что все классификаторные предикаты описывают абстрактное перемещение объектов в пространстве и, соответственно, аргументы при классификаторных предикатах не могут иметь семантическую роль «Агенса» (Agent). Агента — семантическая роль, приписываемая инициатору и исполнителю действия. В рамках настоящего исследования мы придерживаемся другой точки зрения, которая подробно описана в разделе «Результаты». Остальные семантические роли, которые фигурируют в модели Филлмора, в настоящей работе не рассматриваются. Анализ семантических ролей референтов семантических классификаторов для одушевленных объектов позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу о связи между семантической ролью референта и выбором семантического классификатора для этого референта.

3. Методология

Основным материалом исследования является корпус видеозаписей пересказов, записанный при участии носителей РЖЯ. Корпус был собран В. И. Киммельманом в 2011 году. Всего в создании корпуса поучаствовало 13 носителей РЖЯ, каждый из которых пересказал четыре небольших отрывка мультфильма «Много шума из-за канарейки» ("Canary Row", 1950). Для каждой

из видеозаписей были созданы несколько уровней (так называемых «слоев») аннотаций в программе ELAN. При участии переводчиков и носителей РЖЯ были созданы аннотации для отдельных лексических жестов правой и левой рук, а также поклаузальный перевод пересказов [Kimmelman 2014].

В процессе исследования семантических классификаторов РЖЯ к уже существующим аннотациям были добавлены слои для описания характеристик семантических классификаторов:

- конфигурация классификатора правой руки
- референт классификатора правой руки
- семантическая роль референта классификатора правой руки
- основные семантические признаки референта классификатора правой руки
- конфигурация классификатора левой руки
- референт классификатора левой руки
- семантическая роль референта классификатора левой руки
- основные семантические признаки референта классификатора левой руки

Необходимо отметить, что раздельное описание жестов правой и левой рук является необходимым для аннотирования жестовой речи. Такой способ описания обусловлен тем, что, в отличие от звучащей речи, жестовые языки «нелинейны» и часто используют сразу два основных артикулята, то есть две руки [Meier 2012]. Соответственно, разные лексические значения могут передаваться одновременно при помощи разных рук, что требует отдельного описания жестов правой и левой руки.

В процессе анализа конфигураций руки было выявлено, что у одной конфигурации может быть несколько вариантов реализации. Эти варианты имеют незначительные фонетические различия, но общую для всех семантику и дистрибуцию. Так как в настоящей работе рассматриваются исключительно семантические классификаторы, мы можем рассматривать варианты реализации одной конфигурации как алломорфы классификатора.

Под основными семантическими признаками референтов подразумевались те признаки референта, которые соотносятся с выбором данного семантического классификатора. Так, для классификатора «2» с референтом «человек» на слое «основные семантические признаки» будет обозначено «наличие двух ног», а для классификатора «500» с референтом «шар» на этом слое будет обозначено «объемный объект».

4. Результаты

В процессе обработки и анализа корпуса были выделены одиннадцать семантических классификаторов, три из которых отсылают к агентивным референтам [Христофорова 2016]. Остальные восемь семантических классификаторов, обнаруженных в корпусе, имеют исключительно неодушевленных референтов. Как уже было указано во разделе 2, референтам семантических классификаторов традиционно приписывается семантическая роль Темы, так как классификаторный предикат рассматривается как описание абстрактного перемещения объектов в пространстве [Zwitzerlood 2003]. Однако мы предполагаем, что некоторые семантические классификаторы РЖЯ имеют семантику, прямо указывающую на потенциальную способность своих референтов быть инициаторами и контролерами действия, то есть семантику одушевленности. Если употреблен семантический классификатор со значением одушевленности и по семантике и дистрибуции предиката мы можем достоверно установить, что референт классификатора является в данном конкретном случае контролером действия, то мы считаем, что мы можем приписывать референту классификатора семантическую роль Агенс. В случаях, когда способность контролировать действие никак не выводится из семантики классификатора, аргументу при предикате, к которому отсылает рассматриваемый классификатор, присваивается семантическая роль Тема.

В данной работе рассматриваются три семантических классификатора «2», «1» и «fingertip», для каждого из которых были выявлены одушевленные референты в корпусе. Несмотря на то, что для всех трех классификаторов можно выделить общие семантические признаки референтов, для некоторых одушевленных референтов в корпусе найдены отсылки при помощи каждого из этих семантических классификаторов. Возникает вопрос, может

ли выбор между этими классификаторами быть обусловлен не только семантическими свойствами референта, но и семантической ролью аргумента предиката, к которому отсылает классификатор. Имея данные о семантических ролях референтов классификаторов (см. раздел «Методология»), мы сопоставили их с выбором того или иного семантического классификатора. В результате анализа корпуса мы получили данные, которые отображены в Таблице 1.

Таблица 1. Соотношение количества референтов с семантическими ролями Агенса и Темы для каждого из рассматриваемых классификаторов

Семантическая роль референта	Семантические классификаторы		
	«2»	«1»	«fingertip»
Агенса	115 (65%)	23 (57%)	13 (54%)
Тема	62 (35%)	17(43%)	11 (46%)
сумма	177	40	24

Данные в Таблице 1 показывают, что агентивность участника не влияет на выбор одного из трех рассматриваемых классификаторов. Также несложно заметить, что у всех трех классификаторов наблюдается тенденция к маркированию референта с семантической ролью Агенса. Тем не менее, у каждого из классификаторов есть свои особенности употребления, которые подробно рассматриваются далее в настоящем разделе.

4.1. "Двуногий" классификатор

Основная функция «двуногого» классификатора — это описание одушевленных существ с двумя ногами (пример 3). Границы референции этого классификатора до сих пор определены крайне нечетко, но основными референтами являются люди или антропоморфные существа (инопланетяне, двуногие животные и т. д.). Одним из свойств «двуногого» классификатора является тот факт, что все референты этого классификатора — одушевленные существа, способные контролировать действие. Это, однако, не значит, что референты всегда являются агенсами. В 35% случаев из найденных в корпусе (62/177) классификатор отсылает к референтам с ролью Темы. Например, при описании падения человека с крыши этот классификатор допустим, хотя человек не контро-

лирует свое передвижение в пространстве (пример 3). В подобном контексте мы рассматриваем референт данного классификатора как «Тему», так как, с одной стороны человек не контролирует свое падение (то есть он не может носить семантическую роль Агенс), но с другой стороны человек не претерпевает никаких изменений (то есть не имеет семантическую роль Пациенс). Противопоставление семантических ролей Тема и Пациенс является предметом многочисленных дискуссий. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем Пациенс как семантическую роль аргумента, который меняет свое состояние и/или форму под воздействием события (или действия), описываемого предикатом. Так как рассматриваемые нами классификаторные предикаты описывают перемещение объектов в пространстве, семантическая роль Пациенс не встречается среди референтов классификаторов.

В случае употребления «двуногого» классификатора мы всегда можем с уверенностью сказать, что описываемое существо способно выступать в качестве агенса.

Пример 3. [cr7-s12 00:35:292 — 00:35:792]

Употребление классификатора «2»

ПР: КЛ(2): кот Сильвестр_ПАДАТЬ
'Кот Сильвестр упал.'

Количество вхождений в корпусе: 177

Возможные конфигурации: 2 Y; 2b b

Семантические роли референтов: Агенс — 115 (65%);
Тема — 62 (35%)

Основные семантические признаки референтов: одушевленность; наличие двух нижних конечностей

4.2. *Длинный и тонкий предмет*

Пример 4. [cr2-s10 00:57:084 — 00:57:484] Употребление классификатора «1»

ПР: КЛ(1): канарейка Твитти_УБЕЖАТЬ

ЛР: КЛ(В): стена дома_НАХОДИТЬСЯ

‘Канарейка Твитти убежала за дом.’

Количество вхождений в корпусе: 40

Возможные конфигурации: 1 В; 1b D

Семантические роли референтов: Агенс — 23 (57%);
Тема — 17 (43%)

Основные семантические признаки референтов: продолговатая форма объекта

Данный классификатор описывает длинные и тонкие предметы. Чаще всего он так же, как и «двуногий» классификатор, отсылает к человеку или антропоморфному существу (пример 4), но существует значительное различие в семантике этих двух классификаторов. В отличие от классификатора «2», описанного выше, классификатор длинных и тонких предметов потенциально способен отсылать к любым тонким и длинным предметам

(палкам, карандашам и т. п.). В 17 случаях употребления этого классификатора из 40 найденных длинным и тонким предметом является не человек и не антропоморфное существо, а предмет (труба, балка и т. п.) (пример 5).

Пример 5. [cr2 — s18 00:16:611 — 00:17:921] Употребление классификатора «1» для неодушевленных предметов

ПР: КЛ(2): кот Сильвестр_ЛЕЗТЬ

ЛР: КЛ(1): труба_НАХОДИТЬСЯ

‘Кот Сильвестр залез по трубе.’

В случае этого классификатора в отрыве от контекста мы не можем с уверенностью сказать, может ли референт этого классификатора являться контролером действия или он является неодушевленным объектом, перемещающимся в пространстве. По этой причине в данном исследовании референты этого классификатора могут рассматриваться только как потенциально агентивные.

4.3. Точка в пространстве

Пример 6. [сг1-с21 00:42:390 — 00:43:080]

Употребление классификатора «fingertip»

ПР: КЛ(fingertip): кот Сильвестр_ВОЙТИ

ЛР: КЛ(В): стена дома_НАХОДИТЬСЯ

‘Кот Сильвестр входит в дом.’

Количество вхождений в корпусе: 24

Возможные конфигурации: fingertip 4, 1B, 1bD

Пояснение: во всех трех случаях — фокус на кончике пальца. При этом у алломорфа 1 и 1b, в отличие от описанного выше классификатора «1», ориентация самого указательного пальца не соответствует положению тела референта, а только описывает перемещение точки в пространстве, отдаленно напоминая этим дейктические жесты.

Семантические роли референтов: Агенса — 13 (54%);
Тема — 11 (46%)

Основные семантические признаки референтов: наличие объекта в пространстве; предположительно нахождение на большом расстоянии от точки обзора.

Классификатор «точка в пространстве» обладает наиболее нейтральной семантикой — наличие объекта в пространстве и его перемещение (пример 6). Референтом данного классификатора

может являться объект любой формы. Классификатор «точка в пространстве» может отсылать как к одушевленным, так и к неодушевленным объектам. Часто использование именно этого классификатора связано с описанием перемещения объекта, который находится вдали от рассказчика или вдали от точки обзора места событий.

Как и классификатор «длинный и тонкий предмет», употребление этого классификатора не сообщает нам никакой информации о том, способен ли референт быть агенсом действия. Несмотря на то, что во всех 13 (54%) случаях употребления данного классификатора референт был контролером действия, мы считаем его лишь потенциально агентивным, так как есть примеры использования данного классификатора для неодушевленных объектов. Соответственно данные ситуации следует рассматривать как абстрактное описание перемещения объектов в пространстве.

5. Заключение

Все три классификатора могут быть использованы для отсылки к Агенсу. Однако только в случае использования «двуногого» классификатора «2» есть обязательная отсылка к одушевленности референта. Соответственно, только референт классификатора «2» может обладать семантической ролью Агенс, если референт является контролером и инициатором движения, описываемого предикатом. Остальные два классификатора могут быть лишь потенциально агентивными в силу того, что в их семантику не заложена информация о способности референта контролировать действие, то есть о его одушевленности. Классификаторные предикаты, в составе которых есть классификаторы «1» и «fingertip», описывают абстрактное перемещение объектов в пространстве, и аргументы при данных предикатах имеют по умолчанию семантическую роль Тема, даже если описываемый референт является контролером движения в действительности. Таким образом, для фразы 'Канарейка Твитти убежала за дом' (Пример 4) с использованием классификатора «1» более точным переводом будет 'Длинный и тонкий объект переместился за широкий и плоский объект'. При данном прочтении лишь предшествующий контекст может подсказать нам, что классификатор «1» отсылает к одушевленному объекту, который в данном случае является контро-

лером действия. Так как без опоры на контекст мы не можем охарактеризовать агентивность референта, ему по умолчанию приписывается роль Тема. Представим ситуацию, в которой фраза 'Канарейка Твитти убежала за дом' передана при помощи классификатора «2» для отсылки к канарейке. Так как среди референтов классификатора «2» в рассматриваемом нами корпусе есть референт 'канарейка Твитти', подобное предположение имеет право на существование. Прочтение такой фразы могло бы быть следующим: 'Двуногий одушевленный объект переместился за широкий и плоский объект'. При данной трактовке нет сомнений в способности референта классификатора «2» быть Агенсиом вне зависимости от контекста.

Мы также предполагаем, что остальные восемь обнаруженных семантических классификаторов тоже могут описывать одушевленных референтов. Благоприятным контекстом для этого может стать специфическая форма одушевленного объекта. Например, мы не исключаем, что объемные одушевленные референты круглой формы могут быть описаны носителями РЖЯ при помощи классификатора «500», который используется в аналогичных контекстах для неодушевленных объектов [Христофорова 2016]. Для проверки данного предположения необходимо расширить элицикативный материал для сбора новых данных о классификаторах РЖЯ. В новом элицикативном материале должны быть одушевленные референты разных форм и в разных семантических ролях. Тем не менее, мы утверждаем, что, если среди основных семантических признаков референтов классификатора нет одушевленности, классификатор может считаться лишь потенциально агентивным.

Литература

- Зайцева 1991 — Г. Л. Зайцева. Дактилология. Жестовая речь. Учебное пособие для педагогических институтов. М.: Просвещение, 1991. [G. L. Zaitseva. Daktilologiya. Zhestovaya rech' [Dactylology. Finger speech]. Uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh institutov. M.: Prosveshchenie, 1991].
- Прозорова 2007 — Е. В. Прозорова. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания 1, 2007. С. 44–61. [E. V. Prozorova. Rossiiskii zhestovyi iazyk kak predmet lingvisticheskogo issledovaniia [Russian sign language as an object of the linguistic research] // Voprosy iazykoznanii 1, 2007. P. 44–61].

- Христофорова 2016 — Е. А. Христофорова. Семантические классификаторы РЖЯ. Курсовая работа, РГГУ, М., 2016. [E. A. Khristoforova. Semanticheskie klassifikatory RZhYa [Semantic classifiers of the Russian sign language]. Kursovaia rabota, RGGU, M., 2016].
- Fillmore 1972 — C. Fillmore. Types of lexical information // D. Steinberg, L. Jacobovitz (eds.). *Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Kimmelman 2014 — V. Kimmelman. *Information structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*. PhD Thesis, University of Amsterdam, Amsterdam, 2014.
- Meier 2012 — R. P. Meier. Language and modality // R. Pfau et al. (eds.). *Sign Language. An International Handbook*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2012. P. 574–601.
- Nyst 2007 — V. Nyst. *A Descriptive Analysis of Adamorobe Sign Language (Ghana)*. PhD Dissertation, University of Amsterdam. Utrecht: LOT, 2007.
- Padden 1983 — C. A. Padden. *Interaction of Morphology and Syntax in American Sign Language*. PhD Dissertation, University of California at San Diego, San Diego, 1983.
- Stokoe 1960 — W. Stokoe. *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf* // *Studies in Linguistics, Occasional Papers 8*. Silver Spring, MD: Linstok Press, 1960. P. 3–37.
- Supalla 1986 — T. R. Supalla. *The Classifier System in American Sign Language* // C. Craig (ed.). *Noun Classes and Categorization: Proceedings of a symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, 1986*. P. 181–214.
- Zwitzerlood 2003 — I. Zwitzerlood. *Classifying Hand Configurations in Nederlandse Gebarentaal (Sign Language of the Netherlands)*. PhD Dissertation, Utrecht University, Utrecht: LOT, 2003.

A. Ariza-García

Aarhus University, Aarhus

PHONATION TYPES AND TONES IN ZAPOTEC LANGUAGES: A SYNCHRONIC COMPARISON

1. Introduction

Zapotec languages possess an unusual diversity of phonation contrasts in their vowel systems. Some languages present a two-way contrast — modal and non-modal phonation — and some others can have up to four contrastive phonation types. Belonging to the Otomanguean stock, Zapotec languages also have contrastive tones, the characteristic family feature. This study investigates the typological diversity of vowel phonation types in Zapotec languages and their interaction with tones. The goal of this research is twofold: 1) to provide a preliminary description of the typological diversity of phonation types in Zapotec languages, from both diachronic and synchronic perspectives, and 2) to evaluate the variety of tone and voice combinations in the same bearing unit — the vowel.

From a typological perspective, Zapotec languages present a challenge in the analysis of their prosodic patterns. Unlike most languages, Zapotec languages display exceptional prosodic patterns consisting of tone, phonation types and stress¹. This study focus on how tone and phonation types interact providing a preliminary typological framework.

This article is structured as follows. Sections 2 and 3 present the methodology and the languages selected for the analysis. Section 4 presents a cross-linguistic overview of phonation types in order to contextualize the different phonation types in Zapotec languages. In subsection 4.1, a preliminary typology of phonation types in Zapotec languages is given along with a synchronic comparison of the languages selected and a diachronic comparison with the proto-Zapotecan language. Section 5 provides an introduction for the cross-linguistic interaction system of prosodic features used to analyse Zapotec languages

¹ The analysis of stress is out of the scope of this study.

[Kuang 2013]. In section 6 the interactions between tone and voice in the different languages are compared and analysed using the interactional system. Finally, section 7 presents the concluding remarks of this study, as well as the further research needed.

2. Methodology

In this section different methodological decisions and criteria are addressed. For this typological study ten Zapotec languages have been selected based on the availability of phonological descriptions and grammars (Appendix 1). This sample represents the different areas in which the Zapotec subgroup is traditionally divided: Valley, Isthmus, Northern and Southern Zapotec. In section 3, more information on the languages is given.

In order to analyse the distribution patterns of phonation types in Zapotec languages it is necessary to take into account the reconstructions of proto-Zapotec [Fernández de Miranda 1995 (1970); Suárez 1973]. In that sense, the comparison of the phonation types in these ten languages provided in this article is not only synchronic but also diachronic, since the proto-language will be examined to elucidate the different evolution patterns of this particular linguistic phenomenon.

Aiming at the analysis of the relation between tones and phonation types (section 5), I have collected the cases of co-occurrences of tones and phonations presented in the phonological descriptions of the languages. For instance, in San Lucas Quiavini Zapotec, Chávez Peón [2010: 12] provides evidence of the co-occurrences of the two prosodic features in the vowels.

Figure 1. Co-occurrence of tone and voice in San Lucas Quiavini Zapotec vowels

	High	Low	Falling	Rising
Modal	✓	✓	✓	✓
Breathy	X	✓	✓	X
Creaky	✓	✓	✓	X
Interrupted	✓	✓	✓	X

For the analysis of the interaction between tones and phonation types in these languages, I followed the model proposed by Kuang [2013], which is overviewed in section 5. The relation between these prosodic features is scarcely described and Kuang’s cross-linguistic typological study sheds light on this issue. Kuang’s typology of interactions between tones and phonation types is solely exemplified by Asian languages, however, it seems possible to apply it to Zapotec languages (see [Keating 2014]).

3. Overview of the Zapotec languages

Zapotec languages are spoken in Oaxaca, a region situated in the south coast of Mexico. Oaxaca is one of the most linguistically diverse areas of the world, hosting the majority of the 300 languages [Lewis et al. 2015] spoken in Mexico. Below, Map 1 locates the State of Oaxaca geographically.

Map 1. Mexico and Oaxaca

In Oaxaca there are two language families — Otomanguean and Mixe-Zoque — and two language isolates — Huave and Chontal. It is estimated that the proto-Otomanguean language dates back to 2000 BCE.

Within the Otomanguean family, the three linguistic groups spoken in Oaxaca are Zapotecan, Popolocan and Chinantecan. The Zapotecan group is divided in two sub-groups, Zapotec and Chatino. The exact number of Zapotec languages is under debate. The SIL Ethnologue [Lewis et al. 2015] reports 58 Zapotec languages. Table 1 illustrates the Otomanguean language group structure.

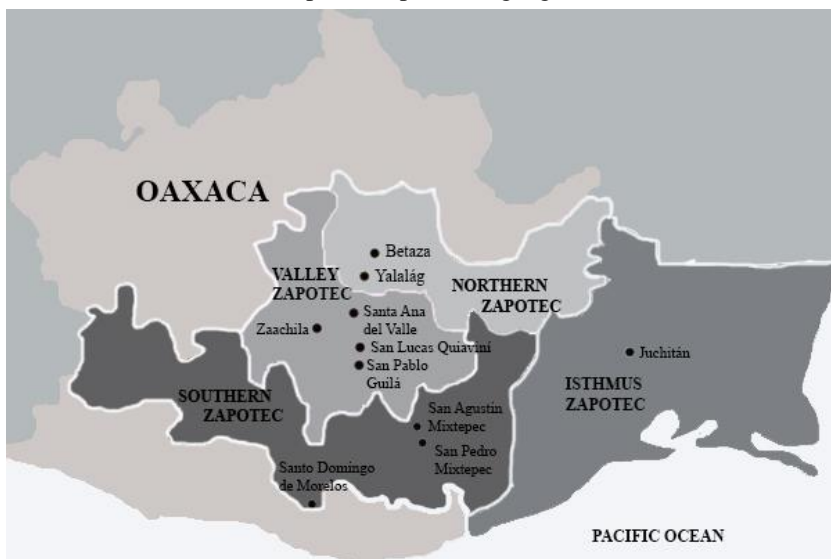
Table 1. Otomanguean language group [Beam de Azcona 2004]

OTOMANGUEAN																	
WESTERN OTOMANGUEAN						EASTERN OTOMANGUEAN											
Oto-Pamean-Chinantecan				Tlapanecan-Chorotegan		Amuzgo-Mixtecan			Mazatecan-Zapotec								
Oto-Pamean				Chorotegan		Mixtecan			Mazatecan		Zapotecan						
Northern		Southern							Chochoan								
		O-M															
Chichimec	Parne	Matlatzínca-Tlahuica	Mazahua	Otomí	Chinantec	Subtiaba-Tlapanec	Chiapanec	Chorotega	Amuzgo	Trique	Cuicatec	Mixtec	Mazatec	Ixcatec	Popolocan-Chocho	Zapotec	Chatino

Their phylogeny is Eastern Otomanguean, Mazatecan-Zapotecan, Zapotecan, Zapotec. The internal classification of Zapotec languages has been a delicate issue [Merrill 2008b]. Zapotec has been often referred to as a single language with multiple varieties or dialects. However, the time-depth of these ‘dialects’ is comparable to the time-depth of the Romance languages [Nader 1969]. The dialectal divergence between the Zapotec varieties is pervasive and complex, given the fact that many varieties are mutually unintelligible [Egland et al. 1983 (1978)].

In the linguistic tradition of Zapotec studies there is a strong tendency to classify the languages depending on the geographical divisions of the State of Oaxaca: Valley, Isthmus, Southern and Northern. Establishing the splits within the Zapotec subgroup has been a difficult task due to the lack of data, dialect continua, multilingualism and the problem of measuring intelligibility. In the absence of another consensual classification, I have used the traditionally accepted arrangement of Zapotec languages for this typological study. The sample of languages represents the four geographical divisions of the Zapotec subgroup (Map 2).

Map 2. Sample of languages

Valley Zapotec	1. Zaachila Zapotec	Southern Zapotec	6. Santo Domingo de Morelos Zapotec
	2. San Lucas Quiavini Zapotec		7. San Pedro Mixtepec Zapotec
	3. Santa Ana Zapotec		8. San Agustín Mixtepec Zapotec
	4. San Pablo Guilá Zapotec		
Isthmus Zapotec	5. Juchitán Zapotec	Northern Zapotec	9. Yalalag Zapotec
			10. Betaza Zapotec

One of the many factors that can explain the extreme phonological complexity of Zapotec languages is that the native roots are predominately monosyllabic. Zapotec consonants have been described as having a fortis/lenis distinction [Nellis, Hollenbach 1980; Jaeger 1983; Munro, Lopez 1999; Avelino 2001; Beam de Azcona 2004, among others]. This categorization of consonants is used to describe numerous Otomanguan languages, such as Otomi [Gibson 1956; Blight, Pike 1976], Amuzgo [Bauernschmidt 1965] and Trique [Longacre 1952; Hollenbach 1977]. It is argued that the fortis/lenis contrast covers the whole consonantal inventory [DiCano 2008] because it gives “additional phonetic information to a contrast primarily characterised by voiced/voiceless” [Jaeger 1983: 177].

Otomanguean languages possess an unusually large diversity of vowel phonation types. In general, Zapotec languages have been described as having two- or three-way phonation contrasts in vowels² (e.g. [Jones and Knudson 1977; Nellis and Hollenbach 1980; Esposito 2003; Olivares 2009; Pickett et al. 2008]). A four-way contrast is quite uncommon cross-linguistically and it has been reported in two Zapotec languages, San Lucas Quiavini Zapotec [Chávez Peón 2010] and Zaachila Zapotec [Ariza-García 2016]. These languages display a four-way phonation contrast between modal /a/, breathy /a̤/, creaky /a̰/ and glottalized /aʔ/ vowels.

Furthermore, Zapotec languages have typologically unusual onset and coda clusters that often violate the Sonority Sequence Principle (SSP) in theoretically problematic ways. The majority of cluster types do not conform to the sonority principle, meaning that they are sonority reversals. The violation of the SSP occurs mainly in polymorphemic words, showing that the SSP is under the pressure of the agglutinative morphology of these languages. Nevertheless, there are also examples of monomorphemic words whose consonant clusters do not obey the SSP.

With respect to the Zapotecan group, Jaeger and Van Valin [1982: 127] stated that “all Zapotecan languages are tone languages”. The tonal inventories and tonological patterns vary across the Zapotecan subgroup. The co-occurrence of contrastive tone and contrastive phonation has been attested especially in the Otomanguean group of Southern Mexico. Zapotec languages, with contrastive tones and phonation, have been claimed to have a laryngeal complexity in their vowels [Silverman 1997a].

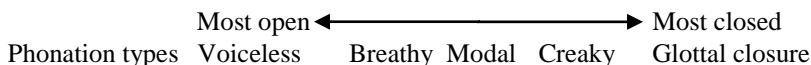
4. Cross-linguistic overview of phonation types

Phonation types result from the different manners in which vocal folds vibrate. These different states of the glottis have been represented by Ladefoged [1971] in the form of a phonation continuum, determining the degrees of aperture of the arytenoid cartilages. The degrees of aperture in the continuum are voiceless, breathy voice, modal voice,

² In many languages, due to the scarce documentation, the contrast of phonation types is rather based on near minimal pairs than on minimal pairs.

creaky voice and glottal closure [Gordon and Ladefoged 2001]. Figure 2 illustrates the continuum³.

Figure 2. Continuum of phonation types [Ladefoged 1971]

The differences in phonation are caused by the adductive and longitudinal tension of the vocal folds. Modal voice is the cross-linguistic neutral phonation, not only because it is the most common phonation type, but also because the vocal folds open and close creating a regular rhythm of the spaced glottal pulses [Esposito 2003]. Breathy voice is realized when there is a minimal adductive and longitudinal tension and the vocal folds vibrate without total contact between them [Gordon, Ladefoged 2001]. Creaky voice is associated with a tightly adducted tension in the vocal folds but open enough to allow voicing, creating irregular spaced vocal pulses (see [Ladefoged 1971; Laver 1980; Gordon, Ladefoged 2001]). Glottal closure requires the absence of any vibration of the vocal cords [Gordon, Ladefoged 2001]. The vowels with glottal closure are called glottalized, interrupted or checked in the Zapotec tradition and they are described as the strongest laryngeal constriction in vowels [Chávez Peón 2010].

Phonation types are used cross-linguistically to manifest linguistic contrast. The contrast between two phonation types is quite common. A three-way contrast system is described for several Otomanguean languages, and specifically in many Zapotec languages. A four-way contrast has been reported as a rather rare system. Only San Lucas Quiaviní Zapotec [Chávez Peón 2010] and Zaachila Zapotec [Ariza-García 2016] are described as having a four-way phonation contrast system — modal, breathy, creaky, and interrupted (glottalized) vowels — within the Zapotec subgroup. Cross-linguistically, the Tuu language, !Xóǀ [Traill 1985] was reported as having modal, breathy, creaky and strident vowels⁴, and Edmonson and Esling [2006] describe modal,

³ The continuum is a simplified model of possible phonations. There are many different degrees of phonations, such as lax, slack or lenis towards the breathy side, and tense, stiff, fortis or pressed towards the creaky/laryngealized side.

⁴ Strident vowels are strongly pharyngealized and have an epiglottal trill.

breathy, harsh⁵ and faucal voice⁶ in Dinka, a Nilo-Saharan language. The scarcity of four-way phonation contrast in Zapotec languages might be due to the different analyses of the glottalized vowels. It is not clear to what extent the glottal closure in glottalized vowels should be analysed as a vocalic feature or as a consonant glottal stop [Avelino 2004; Chávez Peón 2010]. In the next section 4.1, the status of the glottal stop is also reviewed.

4.1. Towards a typology of phonation types in Zapotec languages

The majority of Zapotec languages have a contrastive distinction between modal and non-modal vowels. However, there is a significant typological diversity of phonation types in Zapotec languages — illustrated in (1). In this representative sample of the Zapotec subgroup we can find different inventories of phonation types. Some languages have up to four contrastive phonation types — including modal voice, — other languages can have three distinct phonations and others have only two phonation types — modal and non-modal.

- (1) Typological diversity of phonation types in Zapotec languages
- (a) Modal vowel: /a/
 - (b) Breathy vowel: /a̤/
 - (c) Laryngealized vowel: — { Creaky vowel /a̰/
Rearticulated vowel /a²a/
 - (d) Glottalized vowel (also called checked vowel): /aʔ/

There is some confusion in the literature regarding the definition of *glottalization*. This term refers to the complete vocal fold adduction at the end of a vowel (articulatory glottal stop). However, as this glottal stop is a secondary articulation — following a vowel — it may affect the phonation of the adjacent vowel, which is laryngealized “as the vocal folds prepare for the glottal closure” [Garellek 2013: 5]. The confusion comes when this laryngealized phonation is called glottalization (see [Huffman 2005]) in order to cover the phonetic occurrences of glottal closure and laryngealized voice [Henton et al. 1992; Michaud 2004].

⁵ Harsh voice, or ventricular voice is produced by the constriction of the laryngeal cavity, involving epiglottal co-articulation and the use of ventricular folds — false vocal cords [Edmonson, Esling 2006].

⁶ Faucal voice is produced by the expansion of the pharyngeal cavity and lowering of the larynx.

In this article, I would use the definition of glottalization from an articulatory point of view and thus, only restricted to the glottal closure.

One of the main controversies regarding phonation types in Zapotec languages is the status of the glottal stop. The glottal closure at the end of the vowel has been generally analysed as a vocalic feature in Zapotec languages (e.g. [Suárez 1973; Jones, Knudson 1977; Lyman, Lyman 1977; Speck 1978; Pickett et al. 2001; Smith-Stark 2003; Beam de Azcona 2004; Ramos 2007; Merrill 2008a; Arellanes 2009; Chávez Peón 2010]). Nonetheless, some linguists have supposed that the glottal closure is an independent glottal stop phoneme (e.g. [Swadesh 1947; Avelino 2004]). Two languages from the sample, Santa Ana del Valle Zapotec [Esposito 2003] and Yalálag Zapotec [Avelino 2004] have been described as having a consonant glottal stop instead of a glottalized vowel. Since Esposito [2003] and Avelino [2004] provide the most exhaustive descriptions of the phonological systems of these two languages, I have used the data that they present. However, as a methodological decision I am analysing the glottal closure at the end of the vowel as a vocalic feature, since it would be inconsistent to accept the glottalized vowel analyses from the rest of the languages selected and the glottalized consonant analyses for Santa Ana del Valle Zapotec and Yalálag Zapotec.

Reconstructions of proto-Zapotec [Fernández de Miranda 1995 (1970); Suárez 1973] suggest the presence of two types of non-modal vowel phonation: glottalized — glottal closure — and rearticulated — laryngealized. Five out of ten languages from the sample have maintained the two non-modal vowels from the proto-language. These languages represent each of the four divisions: San Pablo Guilá Zapotec (SPGZ) from the Valley, Juchitán Zapotec (JZ) from the Isthmus, San Agustín Mixtepec Zapotec (SAMX) from the South, Yalálag Zapotec (YZ) and Betaza Zapotec (BZ) from the North. Table 2 specifically highlights the languages that have retained the distribution of the two non-modal phonations of the proto-language.

Table 2. Type 1: Retention of proto-Zapotec phonation types in five languages

phonation types	Valley			Isthmus	Southern			Northern		
	ZZ	SL QZ	SA VZ	SP GZ	JZ	SD MZ	SP MZ	SA MZ	YZ	BZ
modal	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
glottalized	*	*	* ?	*	*	*	*	*	* ?	*
laryngealized	*	*	*	*	*			*	*	*
breathy	*	*	*							

The phonetic implementation of laryngealized vowels can be as rearticulated vowel [V^ʔV] or creaky voice [V̤], as it was shown in (1). Even though these five languages contrast laryngealized vowels their phonetic realization is different. For instance, while San Pablo Guilá Zapotec and Juchitán Zapotec have been reported as realizing creaky voice (see [Arellanes 2009; Pickett et al. 2008]) — (2ab), San Agustín Mixtepec Zapotec, Yalálag Zapotec and Betaza Zapotec have been described as having rearticulated vowels (see [Beam de Azcona 2004; Olivares 2009; Avelino 2004]) — (2cde). The examples below (2) present the contrasts between the phonation types in the five languages.

- Phonation types contrast in San Pablo Guilá Zapotec, Juchitán Zapotec, San Agustín Mixtepec Zapotec, Betaza Zapotec and Yalálag Zapotec — modal vs laryngealized vs glottalized
- (2a) SPGZ [Arellanes 2009: 152]
 MODAL [bì:] ‘air’
 LARYNGEALIZED [b̤ì:] ‘red ant’
 GLOTTALIZED [bì^ʔ] ‘sweet clover’
- (2b) JZ [Pickett et al. 2008: 368]
 MODAL [gì] ‘fire’
 LARYNGEALIZED [ɟ̤ì] ‘nose’
 GLOTTALIZED [gì^ʔ] ‘excrement’
- (2c) SAMZ [Beam de Azcona 2004: 4–5]
 MODAL [bèl] ‘flame’
 LARYNGEALIZED [j̤è^ʔɛl] ‘swimming hole’
 GLOTTALIZED [mbè^ʔl] ‘snake’

- (2d) BZ [Olivares 2009: 90]
 MODAL [jô] ‘soil’
 LARYNGEALIZED [jô^o] ‘lime stone’
 GLOTTALIZED [jô^ʔ] ‘house’
- (2e) YZ [Avelino 2004: 172, 178]
 MODAL [gà] ‘nine’
 LARYNGEALIZED [gà^ʔ] ‘basket’
 GLOTTALIZED [kà^ʔ] ‘no’

In the following type of phonations inventory, two languages have simplified the contrast reducing it to one type of non-modal vowels. Santo Domingo de Morelos Zapotec (SDMZ) and San Pedro Mixtec Zapotec (SPMZ), from the South, display a contrast between modal and glottalized vowels. The laryngealized vowel of the proto-language has been probably lost. The norm in the varieties of the South is to contrast modal voice and one type of non-modal voice.

Table 3. Type 2: Languages with two phonation types — modal and non-modal

	Valley				Isthmus	Southern			Northern	
phonation types	ZZ	SL QZ	SA VZ	SP GZ	JZ	SD MZ	SP MZ	SA MZ	YZ	BZ
modal	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
glottalized	*	*	* ?	*	*	*	*	*	* ?	*
laryngealized	*	*	*	*	*			*	*	*
breathy	*	*	*							

In Santo Domingo de Morelos Zapotec (SDMZ) and San Pedro Mixtepec Zapotec (SPMZ) the realization of laryngealized vowels occurs but as allophones of glottalized vowels (see [Covarrubias 2010; Ramos 2007]). Glottalized vowels contrast with modal vowels, as shown in example (3), and laryngealized vowels occur in complementary distribution with glottalized ones depending on tone (see [Ramos 2007]).

Phonation types contrast in Santo Domingo de Morelos Zapotec and San Pedro Mixtepec Zapotec — modal vs glottalized

- (3a) SDMZ [Covarrubias 2010: 7, 11]
 MODAL [dɨ:s] ‘word’
 GLOTTALIZED [ʃi:ʔs] pineapple
- (3b) SPMZ [Ramos 2007: 72, 80]
 MODAL [lù] ‘root’
 GLOTTALIZED [lùʔ] ‘you’

The three following languages from the Valley have developed a new phonation type: breathy voice. Zaachila Zapotec (ZZ) and San Lucas Quiaviní Zapotec (SLQZ) have retained the phonation types contrast from the proto-Zapotec, but they have developed breathy voice as well. In Santa Ana del Valle Zapotec (SAVZ) breathy voice has also developed but there is no data on the existence of glottalized vowels. In the description of Santa Ana del Valle Zapotec [Esposito 2003] glottalized vowels are non-existent because these are analysed as consonant glottal stops at the end of a modal vowel. Table 4 presents the languages that have developed breathy voice.

Table 4. Type 3: Innovation of breathy voice

phonation types	ZZ	SL QZ	SA VZ	SP GZ	JZ	SD MZ	SP MZ	SA MZ	YZ	BZ
modal	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
glottalized	*	*	* ?	*	*	*	*	*	* ?	*
laryngealized	*	*	*	*	*			*	*	*
breathy	*	*	*							

The incorporation of breathy voice to the phonation types inventory of some Zapotec languages is probably due to areal contacts. Breathly voice has been attested in other Otomanguean languages spoken in geographical areas close to Zapotec languages, such as Chinantec and Mazatec [Rensch, Rensch 1966; Ladefoged et al. 1988]. The following examples (4) illustrate the innovation of breathy voice in the inventory

of contrastive phonation types in Zaachila Zapotec, San Lucas Quiavini Zapotec, and Santa Ana del Valle Zapotec.

- Phonation types contrast in Zaachila Zapotec, San Lucas Quiavini Zapotec, and Santa Ana del Valle Zapotec
- (4a) ZZ [Ariza-García 2016: 120–126]
MODAL	[ná.zà]	‘I grab’
GLOTTALIZED	[ná.jàʔ]	‘my hand’
LARYNGEALIZED	[lé.jà]	‘close’
BREATHY	[jà]	‘noise’
- (4b) SLQZ [Chávez Peón 2010: 105, 221]
MODAL	[bè:]	‘mesquite bean’
GLOTTALIZED	[rbèʔ]	‘takes out’
LARYNGEALIZED	[bè]	‘Tanivet’
BREATHY	[bè]	‘mold’
- (4c) SAVZ [Esposito 2010: 186]
MODAL	[lát]	‘can’
GLOTTALIZED	no data	
LARYNGEALIZED	[lâts]	‘field’
BREATHY	[lâd]	‘clothes’

In summary, the distribution of phonation types in Zapotec languages can be classified into three types. The languages belonging to the first type have retained the contrastive non-modal vowels from the proto-Zapotec language — glottalized and laryngealized vowels. From the sample, this type is statistically high and the most geographically distributed, since it comprises five out of ten languages that belong to the four different areas of internal division. The second type of languages has reduced the proto-phonation to one non-modal vowel — glottalized in the cases of Santo Domingo de Morelos Zapotec and San Pedro Mixtepec Zapotec. Finally, those languages from the Valley that have developed contrastive breathy voice belong to the third type. Table 5 summarizes all the information given on the typology of phonation types in these Zapotec languages.

Table 5. Phonation types distribution in the ten Zapotec languages sampled

	Valley			Isthmus	Southern			Northern		
phonation types	ZZ	SL QZ	SA VZ	SP GZ	JZ	SD MZ	SP MZ	SA MZ	YZ	BZ
modal	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
glottalized	*	*	* ?	*	*	*	*	*	* ?	*
laryngealized	*	*	*	*	*			*	*	*
breathy	*	*	*							

TYPE 3
TYPE 2
TYPE 1

5. Phonation types and tones: a cross-linguistic overview

Tones are produced by modifications of the configuration of the larynx, therefore it is not surprising to find an interaction with laryngeal features, such as phonation types. There are several ways in which tone and phonation might interact. Phonation types can differ in F0 — for instance, non-modal phonation can be associated with pitch lowering effects [Gordon, Ladefoged 2001]. Nevertheless, some studies [Holmberg et al. 1989; Epstein 2002] have not found a strong correlation between pitch and glottal parameters.

The American languages provide good examples of this interaction, but also in many Asian languages phonation types are fully contrastive and co-exist with pitch distinctions [Egerod 1971]. In languages with tonal contrasts, certain tones are often accompanied by non-modal phonation. Silverman [1997a] gives an overview of the languages with tones and phonation types, and classifies the languages of the world as *laryngeally simplex* or *laryngeally complex*. The majority of the languages are *laryngeally simplex*. These are languages that 1) do not have contrastive tone or contrastive phonation, such as English, 2) have contrastive tone, but no contrastive phonation, like many African and Asian languages — e.g., Mandarin Chinese, 3) have contrastive phonation, but no contrastive tone, like Sedang (Austro-Asiatic) and 4) have tonal and phonation distinctions in complementary distribution, as Burmese [Silverman 1997a].

Laryngeally complex languages are those that have both contrastive phonation types and contrastive tones. However, in some *laryngeally*

complex languages tone and phonation can be independent, meaning that they would not restrict each other. For instance, Jalapa Mazatec, an Otomanguean language, is unusual in having independent level tones and phonation types [Garellek, Keating 2011]. The same is true for the Tibeto-Burman languages, Jingpho [Maddieson, Hess 1986] and Bai [Edmonson, Li 1994], that have cross-cutting contrastive tonal and voice quality distinctions. In some Zapotec languages, such as Tilquiapan Zapotec [Merrill 2008a], San Guelavía Zapotec [Jones, Knudson 1977] and Choapan Zapotec [Donnelly 2013] there is no link between tone and phonation, meaning that any tone can combine with any vowel phonation type.

In other *laryngeally complex* languages there are constraints on which phonation and tone combinations are legal. In Southern Yi, phonation contrast is not observed with a high tone, however it is in Northern Yi [Kuang 2011]. In San Lucas Quiaviní Zapotec, non-modal phonation types combine with low and falling tones, except for glottalized and creaky voice that also occurs with high tone [Munro, Lopez 1999; Chávez Peón 2010]. In Santa Ana del Valle Zapotec [Esposito 2010], only modal phonation combines with high and rising tones while non-modal phonation is found only with falling tones.

In many *laryngeally complex* languages, lexical contrast depends on phonation types in a similar way it depends on tone, and at the same time tone and phonation types co-vary. Zsiga [2011] raises the question of whether should the definition of tone be modified to include laryngeal contrast other than pitch. The interaction between tone and phonation types in diachronic and synchronic studies of mixed systems is an active area of research.

Following the same line of Silverman's typology, Kuang's [2013] interactional system also classifies languages depending on their interaction between tones and phonation types: dependent system — *laryngeally simplex*, independent system and mixed system — both *laryngeally complex*. Kuang's typological analysis on the relationships between tones and phonation types in Asian languages is based on the general contrast of dependence/independence between pitch and phonation. Cross-linguistically it has been reported that certain languages can have orthogonal phonemic contrast between tones and phonation types, meaning that they display an independent relation between these prosodic features. That is, in languages like Jalapa Mazatec [Garellek, Keating 2011], all

three level tones combine with the three phonation types in all the five vowels (see [Silverman 1997a; Avelino 2015]). There are no restrictions in the simultaneous occurrence of all tones and phonation types. The examples below (1) show the orthogonal contrast between phonation types and tones in this language [Garellek, Keating 2011: 190].

(5) Orthogonal contrast for tones and phonation types in Jalapa Mazatec

	<u>laryngealized</u>	<u>modal</u>		<u>breathy</u>
Low tone [β̀à]	thus	[jà]	kind of ant	[ⁿ djà] animal horn
Mid tone [β̄à]	carries	[hã]	finished	[ⁿ dã] good
High tone [β̂à]	hits	[há]	men	[ⁿ dʒá.jú] ‘chocolate drink’

Moreover, in the languages of this type, the measurements of the phonetic correlates of tone — F0 *fundamental frequency* — and phonation — CQ *Contact Quotient* — demonstrate a very independent articulation of these features, since they do not affect each other. Therefore, tone and phonation are phonologically contrastive and phonetically independent — “phonation can be kept constant while changing pitch, and pitch can be kept constant while changing phonation” [Kuang 2013: 42].

The dependent system — *laryngeally simplex* — has been illustrated by such languages as Mandarin Chinese or Cantonese [Keating 2014; Kuang 2013]. Non-modal phonation in Mandarin is allophonic or a secondary cue for pitch. Tones 3 and 4 can be realized with creaky voice. Voice quality is strictly tied to F0 in languages like Mandarin Chinese and therefore highly predictable from F0. Since non-modal voice is not contrastive it behaves as another phonetic cue to distinguish tone.

The mixed system — *laryngeally complex* — regards the interaction between phonation types and tones both dependent and independent. Black Miao [Kuang 2013] or some Zapotec languages have contrastive tones and phonation types that combine contrast and correlation in their interaction. On the one hand, laryngealized phonation in Black Miao is dependent to pitch since its realization depends on the tone it co-occurs with — high tone laryngealized phonation is uniquely realized as tense voice while with low tone it is realized as creaky or vocal fry [Kuang 2013]. On the other hand, breathy and modal phonations are realized in the same way independently of

the tone they co-occur with. Therefore, some phonation types can be pitch-independent and thus phonemic, but at the same time some other phonations can be pitch-dependent. In section 6, Zapotec languages are analysed as belonging to this model. Kuang [2013] bases the evidence on acoustic measurements⁷ that unfortunately are out of the scope of this investigation.

6. Phonation types and tones interaction in Zapotec languages

Zapotec languages have been described as having contrastive tones and contrastive phonation. However, the interaction between these two prosodic features is highly complex. Zapotec tone inventories are diverse. Most of the languages have four contrastive tones, but some have reduced the inventory to three tones. In this analysis the most significant pattern of relation between tone and phonation types classifies these languages as having a mixed system of interaction [Kuang 2013]. Most of the languages analysed here — but not all of them — display legal combinations of certain tones with *all* the phonation types while at the same time some tones are restricted to *certain* phonation types. In this section, I will analyse the associations between these two features for the ten languages selected.

Zaachila Zapotec and San Lucas Quiavini Zapotec have the same interaction patterns between the four contrastive phonation types and the four tones. Tables 6 and 7 show the patterns of co-occurrence.

Table 6. San Lucas Quiavini Zapotec tone and voice combinations

SAN LUCAS QUIAVINI ZAPOTEC				
	H	L	F	R
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	√	
<i>Glottalized</i>	√	√	√	
<i>Breathy</i>		√	√	

⁷ Such as the frequency of harmonics for phonation-related measures and electroglottography parameters [Kuang 2013].

Table 7. Zaachila Zapotec tone and voice combinations

ZAACHILA ZAPOTEC				
	H	L	F	R
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	√	
<i>Glottalized</i>	√	√	√	
<i>Breathy</i>		√	√	

Some languages of the world can combine all the phonation types and tones (independent system), however, in San Lucas Quiavini Zapotec and Zaachila Zapotec only low and falling tones can co-occur with all the contrastive phonation types. This means that there is a contrast between tones and phonation types since all phonation types combine with low and falling tones without any allophonic variation reported. Furthermore, there are also restrictions in the correlations of tone and phonation types. In both languages rising tone does not co-occur with non-modal vowels. Breathy voice is the only non-modal phonation that does not co-occur with high tone, being restricted to low and falling tones. The following examples (6) of minimal and near minimal pairs illustrate the contrast of tones for all the non-modal phonations.

Contrast of tone in non-modal vowels in Zaachila Zapotec and San Lucas Quiavini Zapotec

(6a) SLQZ [Chávez Peón 2010: 188, 179, 212]

	<u>laryngealized</u>	<u>glottalized</u>	<u>breathy</u>
H	[bêl] ‘(woman’s) sister’	[rgáʔ] ‘gets green again’	X
L	[bèl] ‘snake’	[rgàʔ] ‘gets caught’	[bè] ‘mold’
F	[bêl] ‘meat’	[rgâʔ] ‘pours’	[beù] ‘turtle’

(6b) ZZ [Ariza-García 2016: 120–125]

	<u>laryngealized</u>	<u>glottalized</u>	<u>breathy</u>
H	[bê] ‘fungus’	[riʔ] ‘here’	X
L	[bè] ‘signs’	[riʔ] ‘jug’	[bèr] ‘chicken’
F	[bêš] ‘bee’	[síʔl] ‘lunch’	[bêld] ‘fish’

High tone combines with laryngealized and glottalized vowels. Since glottalized vowels have modal voice throughout the whole vowel

until the glottal closure, high tone can be easily implemented in the vowel. Cross-linguistically, laryngealized voice is associated with low fundamental frequency, therefore the combination of high pitch and laryngealized voice is uncommon. In these two languages, laryngealized vowels co-occur with high tone, but the actual realization of a laryngealized vowel bearing high tone is a weak laryngealization. This was interpreted by Ladefoged et al. [1996: 48] as an intermediate point between modal and creaky voice. Acoustically it can be described as tense or stiff voice (see [Chávez Peón 2010; Ariza-García 2016]). This is an allophonic realization of laryngealized voice influenced by high pitch.

While the relation between some tones — low and falling — and *all* the phonation types is independent, since *all* combinations are possible without apparent phonetic changes, the co-ordination between other tones — high and rising — and the non-modal phonation types is restricted. In the three languages from the sample that display breathy voice, this seems to be always restricted to co-occur with low tones.

In Santa Ana de Valle Zapotec there is a similar relationship between phonation types and tones — e.g., rising tone is restricted to modal voice. From the description by Esposito [2003] we do not have any information on the realization of glottalized vowels, since these are analysed as common modal vowels with a glottal plosive in coda position. Table 8 shows the interactions between tone and voice in Santa Ana del Valle Zapotec [Esposito 2003].

Table 8. Santa Ana del Valle Zapotec tone and voice combinations

SANTA ANA DEL VALLE ZAPOTEC			
	H	F	R
<i>Modal</i>	√		√
<i>Laryngealized</i>		√	
<i>Breathy</i>		√	
<i>Glottalized</i>	?	?	?

Santa Ana del Valle Zapotec has only three contrastive tones — one level tone, high, and two contour tones, falling and rising. The correlation patterns of the prosodic features are similar to these of the previously discussed languages in that non-modal vowels occur with the lowest tone — in this case falling tone. Esposito [2003] claims that the first

part of a non-modal vowel with falling tone is modal-like — the higher pitch of a falling tone — while in the second part of the vowel the laryngealization or breathiness is realized — the lower pitch of a falling tone. The examples below (7) present the contrast of non-modal phonation types in Santa Ana del Valle Zapotec.

- Contrast of non-modal vowels in Santa Ana del Valle Zapotec
- (7) SAVZ [Esposito 2003: 88]
	<u>laryngealized</u>	<u>breathy</u>	<u>glottalized</u>
F	[bêl] ‘meat’	[bêl] ‘fish’	?

The most striking difference from all the other languages from the sample is that modal voice can not bear falling tone. The association between tones and modal/non-modal vowels is exclusive and highly dependent in this language. The dependency between the two prosodic features is shown by their exclusive correlation — e.g., modal voice only combines with high and low tones, and vice versa. However, since there is no access to any other analysis of glottalized vowels in Santa Ana del Valle Zapotec, it is inconclusive whether it has a mixed or dependent system regarding the interaction between these two prosodic features.

Santo Domingo de Morelos Zapotec also has four contrastive tones but only two phonation types — modal and glottalized voices. This language shows similar patterns with the languages from the Valley — no rising tone in non-modal vowels and, like Zaachila Zapotec and San Lucas Quiavini Zapotec, high tone co-occurs with glottalized vowels. It is the only language from the sample that does not display an interaction between low tone and non-modal voice. In Table 9 illustrates the combinations between tone and voice in Santo Domingo de Morelos Zapotec.

Table 9. Santo Domingo de Morelos Zapotec tone and voice combinations

SANTO DOMINGO DE MORELOS ZAPOTEC				
	H	L	F	R
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Glottalized</i>	√		√	

Like in the previous languages, there is an independence of voice for certain tones — high and falling allow all voice combinations, —

but also there are restrictions for low and rising tone, which can only be realized in modal vowels. The examples below (8) show the contrast between tones — high and falling — in non-modal voice.

- Contrast of tone in non-modal vowels in Santo Domingo de Morelos Zapotec
- (8) SDMZ [Hernández Luna 2014: 170]
- glottalized
- H [jê²r] ‘ocote (Mexican pine)’
- F [jê²r] ‘hole’

While in the previously discussed Zapotec languages modal voice is the only phonation type allowed to bear any tone, in San Agustín Mixtepec Zapotec and Betaza Zapotec non-modal voice also co-occurs with every tone. In the case of San Agustín Mixtepec Zapotec it is the glottalized vowel that combines with all the three tones, and in Betaza Zapotec every tone can be contrasted in laryngealized vowels. Tables 10 and 11 show the combinations of the prosodic features in these two languages.

Tables 10. San Agustín Mixtepec Zapotec tone and voice combinations

SAN AGUSTIN MIXTEPEC ZAPOTEC			
	H	L	R
<i>Modal</i>	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	
<i>Glottalized</i>	√	√	√

Tables 11. Betaza Zapotec tone and voice combinations

BETAZA ZAPOTEC				
	H	L	F	R
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	√	√
<i>Glottalized</i>		√	√	

San Agustín Mixtepec Zapotec combines three phonation types with two tones — high and low. Modal and glottalized vowels can co-occur with three tones, including rising, while laryngealized vowels⁸ are associated only with high and low tones. A similar pattern is displayed in Betaza Zapotec, a language from the North, where two of the three phonation types — modal and laryngealized — can co-occur with any of the four contrastive tones. Glottalized vowels in Betaza Zapotec are restricted to low and falling tones. The following examples of near minimal pairs (9) illustrate the contrast of tones for the different non-modal phonations of these two languages.

Contrast of tone in non-modal vowels in San Agustín Mixtepec Zapotec (South) and Betaza Zapotec (North)

(9a) SAMZ [Beam de Azcona 2008: 20–22]

	<u>laryngealized</u>		<u>glottalized</u>	
H	[jé ² es]	‘grain’	[jé ² n]	‘dog’
L	[jè ² er]	‘ocote (Mexican pine)’	[jè ² n]	‘nopal’
R	X		[ndě ²]	‘corncob’

(9b) BZ [Olivares 2009: 155, 157, 158]

	<u>laryngealized</u>		<u>glottalized</u>	
H	[gá ² a]	‘basket’	X	
L	[là ² as]	‘slim’	[nà ²]	‘my hand’
F	[lá ² as]	‘Lázaro’	[lá ²]	‘Oaxaca’
R	[gǎ ² a]	‘nine’	X	

San Pedro Mixtepec Zapotec has four tones, two level tones — high and low — and two contour tones — low-rising and high-rising. San Pedro Mixtepec Zapotec and Juchitán Zapotec are the only languages from the sample where all the phonation types can bear rising tone. Tables 12 and 13 illustrate the combinations.

Tables 12. San Pedro Mixtepec Zapotec tone and voice combinations

SAN PEDRO MIXTEPEC ZAPOTEC				
	H	L	LR	HR
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Glottalized</i>	√	√	√	

⁸ In the examples (9) of SAMZ and BZ laryngealized vowels are represented as rearticulated.

Tables 13. Juchitán Zapotec tone and voice combinations

JUCHITAN ZAPOTEC			
	H	L	R
<i>Modal</i>	√	√	√
<i>Laryngealized</i>		√	√
<i>Glottalized</i>		√	√

San Pedro Mixtepec Zapotec contrast high, low and low-rising tones in glottalized vowels, whereas modal vowels contrast a fourth tone, high-rising. Juchitán Zapotec allows the co-occurrence of laryngealized and glottalized vowels with low and rising tones, but high tone is restricted to occur with modal vowels. The examples (10) below present the contrast of tones for the non-modal phonation types in these languages.

Contrast of tone in non-modal vowels in San Pedro Mixtepec Zapotec (South) and Juchitán Zapotec (Isthmus)

(10a) SPMZ [Ramos 2007: 112]

glottalized

H [kóʔ] ‘negative’

L [ròʔ] ‘shore’

LR [bõʔ] ‘coal’

(10b) JZ [Pickett 2007: 17, 30]

laryngealized

glottalized

L [riqà] ‘to empty’

[lâʔ] ‘please’

R [riqǎ] ‘to kindle’

[lǎʔ] ‘to name’

San Pablo Guilá Zapotec has an exceptional interaction between phonation types and tones that has not been reported for any of the previously compared languages. In this language, all the combinations of tone and voice are allowed, meaning that the two prosodic features have an orthogonal contrast. Languages with an orthogonal contrast between tone and voice have been described as having an independent system, where tone and voice are prosodic features that do not affect each other (see [Kuang 2013; Keating 2014; Avelino 2015]). A similar behaviour can be observed in Yalálag Zapotec, which also has an orthogonal contrast between the four tones and three phonations

reported by Avelino [2004]. Tables 14 and 15 illustrate the orthogonal contrast between tone and voice in these two languages.

Table 14. Orthogonal contrast between tone and voice in San Pablo Guilá Zapotec

SAN PABLO GUILA ZAPOTEC				
	H	L	F	R
<i>Modal</i>	√	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	√	√
<i>Glottalized</i>	√	√	√	√

Table 15. Orthogonal contrast between tone and voice in Yalálag Zapotec

YALALAG ZAPOTEC			
	H	L	F
<i>Modal</i>	√	√	√
<i>Laryngealized</i>	√	√	√
<i>Glottalized</i>	?	?	?

As said in section 4.1, Avelino [2004] interprets the glottal closure at the end of the vowel as a glottal plosive rather than a vocalic feature. In section 4.1 this phenomenon was regarded as a vocalic feature for all the languages — except for Santa Ana del Valle, for which Esposito [2003] does not provide any examples of glottal stop in coda position. Therefore, the interaction pattern — independent, dependent or mixed, — between the two prosodic features, depends on whether the glottal closure is analysed as a vocalic feature — hence, a phonation type — or a consonant. Yalálag Zapotec analysis on the interaction between tone and voice remains inconclusive in this study, like for Santa Ana del Valle, since the data needed for the typological comparison are not accessible. In the examples (11) below, the contrast of tones in non-modal phonations is illustrated below.

Contrast of tone in non-modal vowels in San Pablo Guilá Zapotec (Valley) and Yalálag Zapotec (North): an orthogonal contrast.

(11a) SPGZ [Arellanes 2009: 157]

	<u>laryngealized</u>	<u>glottalized</u>
H	[ʒí] ‘sheep’	[ʔíʔ] ‘blister’
L	[gà.sí] ‘intestine’	[gíʔ] ‘excrement’
F	[ʒî] ‘pineapple’	[tʃîʔ] ‘covered’
R	[ʒî] ‘cotton’	[tʃîʔ] ‘then’

(11b) YZ [Avelino 2004: 163]

	<u>laryngealized</u>
H	[lé ² e] ‘he/she’
L	[wè ² e] ‘to carry on’
F	[lé ² e] ‘his name’

Avelino [2015], following Silverman [1997b], states that the phonetic implementation of laryngealized phonation and pitch depends on the sequencing of modal and non-modal phonation in the same laryngealized vowel. The sequencing strategy facilitates the combination of high and rising pitch with laryngealization — since the latter is generally associated with the lowering of the fundamental frequency. In most of the Zapotec languages, where tone and phonation are contrastive, this is a recurrent mechanism for the phonetic implementation of both prosodic features in the same bearing unit (see [Esposito 2003; Avelino 2004; Chávez Peón 2010; Ariza-García 2016]).

In summary, most of the Zapotec languages from the sample have a mixed system with regards to the interaction between tone and phonation. While phonation types are pitch-independent, since there is a free combination of *all* the phonation types and certain tones — generally low and falling tones, — there are different restrictions for certain tones and certain phonations in each language. The variety of restrictions and combinations is significantly high but a few patterns can be found. Some languages, like San Lucas Quiavini Zapotec, Zaachila Zapotec and Santo Domingo de Morelos Zapotec do not allow the occurrence of non-modal phonation and rising tone. Nevertheless, the rest of the languages from the sample do not restrict this combination for one or even both non-modal vowels — see the discussion for San Pedro Mixtepec Zapotec and Juchitán Zapotec. The combination of high pitch and laryngealized voice is cross-linguistically uncommon.

The languages with laryngealized vowels co-occurring with high tone display a weak laryngealization, which is an intermediate point between modal and creaky — acoustically described as tense or stiff voice. Therefore, laryngealized vowels with high tone are pitch-dependent. In most of the languages sampled, only modal voice can co-occur with all the tones, however, San Agustín Mixtepec Zapotec and Betaza Zapotec have one non-modal phonation that can bear all the tones. Santa Ana del Valle Zapotec is the only language where modal vowels do not bear falling tone, which is constrained to be only associated with high and rising tone, while non-modal phonations — laryngealized and breathy voice — uniquely can bear falling tone. Finally, San Pablo Guilá Zapotec and Yalálag Zapotec⁹ are the only languages from the sample that display an independent interaction between tone and voice, since these two prosodic features have an orthogonal contrast — meaning that every tone can be associated with every phonation type without restrictions.

7. Conclusion and further research

The interaction between tone and voice remains scarcely described. This typological study tries to shed light on the diversity of phonation types in Zapotec languages and their interaction with tones. In the first part of this study, the phonation type inventories of ten Zapotec languages are compared, together with the proto-Zapotec language, in order to explain the extreme variety of phonation types and work towards a preliminary synchronic and diachronic typology. Three types of languages are distinguished with regards to their phonation types distribution: 1) the languages that have retained the three proto-Zapotec phonation types — modal, laryngealized and glottalized, 2) the languages that have reduced the proto-Zapotec phonation types inventory to modal voice and one non-modal voice, and 3) those languages that not only have retained the proto-language phonations but also developed a fourth phonation type — breathy voice.

The second part of the study deals with the phonological interaction between tone and voice in these languages. By comparing the combinations and restrictions of tones and phonation types in the ten Zapotec languages, some patterns have been found out. Most of the

⁹ If the glottal closure is analysed as a consonant and not as a vocalic feature.

Zapotec languages from the sample display a mixed interaction between tones and phonation types. On the one hand, a language can have a free combination of *all* phonation types and *certain* tones, which tend to be low and falling tones. On the other hand, this same language can display restrictions in the combinations of *certain* tones and *certain* phonation types. High pitch and laryngealized voice co-occur in some Zapotec languages through the weakening of laryngealization being realized in an intermediate point between modal and creaky voice — tense or stiff voice. Furthermore, two languages from the sample have an independent interaction, since tone and voice display an orthogonal contrast, meaning that all combinations of tones and phonation types are allowed.

This investigation is a preliminary typological study based on the data reported in the phonological descriptions of these ten languages, but it is mandatory to examine the phonetic correlates of tone — F0 *fundamental frequency* — and phonation — CQ *Contact Quotient* — to determine if they are phonetically independent. Therefore, further research is needed on the phonetic measurements to illustrate the phonemic categories of tone and phonation in Zapotec languages. Moreover, the comparative analyses of more Zapotec languages is essential to define the distribution of phonation types in this subgroup and the relational systems generated by the interactions between pitch and voice quality.

Bibliography

- Arellanes 2009 — F. Arellanes. El sistema fonológico y las propiedades fonéticas del zapoteco de San Pablo Güila. Descripción y análisis formal. Doctoral Dissertation, El Colegio de México, Mexico, 2009.
- Ariza-García 2016 — A. Ariza-García. Phonology of Zaachila Zapotec: a segmental and suprasegmental analysis. MA Dissertation, Aarhus University, Aarhus, 2016.
- Avelino 2001 — H. Avelino. The phonetic correlates of fortis-lenis in Yalálag Zapotec Consonants. MA dissertation, UCLA, Los Angeles, 2001.
- Avelino 2004 — H. Avelino. Topics in Yalálag Zapotec, with particular reference to its phonetic structures. Doctoral Dissertation, UCLA, Los Angeles, 2004.
- Avelino 2015 — H. Avelino. Phonetics in phonology: A cross-linguistic study on laryngeal contrast // H. Avelino, M. Coler, L. Wetzels (eds.). Phonetics and Phonology of laryngeal features in native American languages. Brill: Boston, 2015. P. 157–180.
- Bauernschmidt 1965 — A. Bauernschmidt. Amuzgo syllable dynamics // Language 41, 1965. P. 471–483.

- Beam de Azcona 2004 — R. Beam de Azcona. Introducing San Agustín Mixtepec Zapotec // C. Jany (ed.). Proceedings of the 7th Annual Workshop on American Indigenous Languages. UC Santa Barbara, 2004.
- Beam de Azcona 2008 — R. Beam de Azcona. Estudio comparativo de los tonos del zapoteco sureño // A. de Avila, A. López Cruz, V. Marcial, M. Swanton (eds.). Memorias del Coloquio Francisco Belmar: Las lenguas otomanguas y oaxaqueñas ante el siglo XXI. Oaxaca: Fondo editorial IEEPO/ INALI/ Universidad Autónoma Benito Juárez de Oaxaca, 2008. P. 161–185.
- Blankenship 1997 — B. Blankenship. The time course of breathiness and laryngealization in vowels. Doctoral dissertation, UCLA, Los Angeles, 1997.
- Blight, Pike 1976 — R. C. Blight, E. V. Pike. The phonology of Tenango Otomi // International Journal of American Linguistics 42, 1976. P. 51–57.
- Chávez Peón 2010 — M. E. Chávez Peón. The interaction of metrical structure, tone, and phonation types in Quivianí Zapotec. Doctoral Dissertation, UNAM, Mexico, 2010.
- Covarrubias 2010 — A. Covarrubias. El tono y la glotalización en el zapoteco de Santo Domingo de Morelos. Ponencia presentada en el VIII Coloquio Internacional de Lingüística. Mexico: Escuela Nacional de Antropología e Historia, 2010.
- DiCanio 2008 — Ch. T. DiCanio. The Phonetics and Phonology of San Martín Itunyoso Trique. Doctoral Dissertation, University of California, Berkeley, 2008.
- DiCanio 2009 — Ch. T. DiCanio. The Phonetics of Register in Takhian Thong Chong // Journal of the International Phonetic Association 39, 2009. P. 162–188.
- Donnelly 2013 — E. Donnelly. When /n/ isn't just a nasal: codas in Choapan Zapotec. Berkeley Phonetics and Phonology forum. Berkeley: University of California, 2013.
- Edmonson, Li 1994 — J. Edmonson, Sh. Li. Voice quality and voice quality change in the Bai language of Yunnan province // Linguistics of the Tibeto-Burman Area 17, 1994. P. 49–68.
- Edmonson, Esling 2006 — J. A. Edmonson, J. H. Esling. The Valves of the Throat and Their Functioning in Tone, Vocal Register and Stress: Laryngoscopic Case Studies // Phonology 23, 2006. P. 157–191.
- Egerod 1971 — S. Egerod. Phonation types in Chinese and South East Asian languages // Acta Linguistica Hafniensia 13, 1971. P. 159–179.
- Esposito 2003 — Ch. Esposito. Santa Ana del Valle Zapotec Phonation MA Dissertation, UCLA, Los Angeles, 2003.
- Esposito 2010 — Ch. M. Esposito. Variation in contrastive phonation in Santa Ana del Valle Zapotec // Journal of the International Phonetic Association 40, 2010. P. 181–198.

- Epstein 2002 — M. Epstein. Voice quality and prosody in English. Doctoral dissertation, UCLA, Los Angeles, 2002.
- Egland et al. 1983 (1978) — S. Egland, D. Bartholomew, S. C. Ramos. La inteligibilidad interdialectal en México: Resultados de algunos sondeos. Mexico City: SIL, 1983 (1978).
- Fernández de Miranda 1995 (1970) — M. T. Fernández de Miranda. El Protozapoteco // M. J. Piper, D. A. Bartholomew (eds.). Serie estudios de lingüística y literatura 28. Mexico City: El Colegio de México and Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1995 (1970).
- Garellek 2013 — M. Garellek. Production and perception of glottal stops. Doctoral Dissertation, University of California, Los Angeles, 2013.
- Garellek, Keating 2011 — M. Garellek, P. Keating. The acoustic consequences of phonation and tone interactions in Jalapa Mazatec // *Journal of the International Phonetic Association* 41, 2011. P. 185–205.
- Gibson 1956 — L. F. Gibson. Pame (Otomí) Phonemics and Morphophonemics // *International Journal of American Linguistics* 22, 1956. P. 242–265.
- Gordon, Ladefoged 2001 — M. Gordon, P. Ladefoged. Phonation Types: A Cross-Linguistic Overview // *Journal of Phonetics* 29, 2001. P. 383–406.
- Henton et al. 1992 — C. Henton, P. Ladefoged, I. Maddieson. Stops in the world's languages // *Phonetica* 49, 1992. P. 65–101.
- Hernández, Ulises 2014 — L. Hernández, M. Ulises. Desarrollo histórico y análisis sincrónico del sistema fonológico del Zapoteco de Santo Domingo de Morelos. Doctoral Dissertation, Escuela Nacional de Antropología e Historia, INAH, Mexico City, 2014.
- Hollenbach 1977 — B. E. Hollenbach. Phonetic vs. phonemic correspondence in two Trique dialects // W. R. Merrifield (ed.). *Studies in Otomanguean Phonology*. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1977. P. 35–67.
- Holmberg et al. 1989 — E. B. Holmberg, R. E. Hillman, J. S. Perkell. Glottal airflow and transglottal air pressure measurements for male and female speakers in low, normal, and high pitch // *Journal of Voice* 3, 1989. P. 294–305.
- Huffman 2005 — M. K. Huffman. Segmental and prosodic effects on coda glottalization // *Journal of Phonetics* 33, 2005. P. 335–362.
- Jaeger 1983 — J. Jaeger. The fortis-lenis question: evidence from Zapotec and Jawoñ // *Journal of Phonetics* 11, 1983. P. 177–189.
- Jaeger, Van Valin 1982 — J. J. Jaeger, R. D. Van Valin. Initial Consonant Clusters in Yatee Zapotec // *International Journal of American Linguistics* 48, 1982. P. 125–138.
- Jones, Knudson 1977 — T. E. Jones, L. M. Knudson. Guelavia Zapotec Phonemes // W. R. Merrifield (ed.). *Studies in Otomanguean Phonology*. Dallas: SIL / University of Texas, Arlington, 1977. P. 163–180.

- Keating 2014 — P. Keating. Linguistic voice quality. Berkeley: University of California, 2014.
- Kuang 2011 — J. J. Kuang. Production and Perception of the Phonation Contrast in Yi. MA Dissertation, UCLA, Los Angeles, 2011.
- Kuang 2013 — J. J. Kuang. Phonation in tonal contrast. Doctoral Dissertation, UCLA, Los Angeles, 2013.
- Ladefoged 1971 — P. Ladefoged. Preliminaries to linguistic phonetics. Chicago: University of Chicago press, 1971.
- Ladefoged et al. 1988 — P. Ladefoged, I. Maddieson, M. Jackson. Investigating Phonation Types in Different Languages // University of California Working Papers in Phonetics, 1988. P. 126–131.
- Ladefoged et al. 1996 — P. Ladefoged, I. Maddieson, M. Jackson. The sound of the world's languages. Cambridge: MA Blackwells, 1996.
- Laver 1980 — J. Laver. The phonetic description of voice quality. New York: Cambridge University Press, 1980.
- Lewis et al. 2015 — M. P. Lewis, G. F. Simons, Ch. D. Fennig. Ethnologue: Languages of the World. Seventeenth edition. Dallas, Texas: SIL, 2015. Online version: <http://www.ethnologue.com>
- Longacre 1952 — R. E. Longacre. Five phonemic pitch levels in Trique // *Acta Linguistica* 7, 1952. P. 62–81.
- Lyman, Lyman 1977 — L. Lyman, R. Lyman. Choapan Zapotec Phonology // W. R. Merrifield (ed.). *Studies in Otomanguean Phonology* 54. Mexico: SIL and the University of Texas at Arlington, 1977. P. 137–161.
- Maddieson, Hess 1986 — I. Maddieson, S. Hess. “Tense” and “lax” in four minority languages of China // *Journal of Phonetics* 13, 1986. P. 433–454.
- Merrill 2008a — E. D. Merrill. Tilquiapan Zapotec // *Journal of the International Phonetic Association* 38, 2008. P. 107–114.
- Merrill 2008b — E. D. Merrill. Classification of Zapotec languages by regions as an aid to language development programs. SIL International Introduction, 2008.
- Michaud 2004 — A. Michaud. Final consonants and glottalization: New perspectives from Hanoi Vietnamese // *Phonetica* 61, 2004. P. 119–146.
- Munro, Lopez 1999 — P. Munro, F. H. Lopez. Di'csyonaary x:tée'n dii'zh sah Sann Lu'uc (San Lucas Quiavini Zapotec Dictionary / Diccionario Zapoteco de San Lucas Quiavini). Los Angeles: UCLA Chicano Studies Research Center Publications, 1999.
- Nader 1969 — L. Nader. The Zapoteco of Oaxaca // R. Wauchope (ed.). *Handbook of Middle American Indians*. Vol. 7, E. Z. Vogt (ed.). Ethnology, Part One. Austin: University of Texas Press, 1969. P. 329–357.
- Nellis, Hollenbach 1980 — D. G. Nellis, B. E. Hollenbach. Fortis versus Lenis in Cajonos Zapotec Phonology // *International Journal of American Linguistics* 46, 1980. P. 92–105.

- Olivares 2009 — A. T. Olivares. *Betaza Zapotec Phonology: Segmental and Suprasegmental Features*. Doctoral Dissertation, The University of Texas Austin, Austin, 2009.
- Pickett et al. 2001 — V. B. Pickett, Ch. Black, V. M. Cerqueda. *Gramática popular del zapoteco del Istmo*. 2nd Edition. Juchitán, Oaxaca and Tucson: Centro de Investigación y Desarrollo Binnizá and Instituto Lingüístico de Verano, 2001.
- Pickett 2007 — V. B. Pickett. *Vocabulario zapoteco del Istmo: español-zapoteco y zapoteco-español*. 5th Edition. Mexico City: Instituto Lingüístico de Verano, 2007.
- Pickett et al. 2008 — V. B. Pickett, M. V. Villalobos, S. A. Marlett. *Isthmus Zapotec (Juchitán)* // *Journal of the International Phonetic Association* 40.3, 2008. P. 365–372.
- Ramos 2007 — A. Ramos. *Las Propiedades Fonológicas y Morfofonológicas del Zapoteco de San Pedro Mixtepec, Miahuatlán, Oaxaca*. MA Dissertation, CIESAS, 2007.
- Rensch, Rensch 1966 — C. R. Rensch, C. M. Rensch. *The Lalana Chinantec syllable* // A. Pompa y Pompa (ed.). *Summa antropológica: en homenaje a Roberto J. Weitlaner*. Mexico: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1966. P. 455–463.
- Silverman 1997a — D. Silverman. *Laryngeal Complexity in Otomanguean Vowels* // *Phonology* 14, 1997. P. 235–261.
- Silverman 1997b — D. Silverman. *Phrasing and recoverability*. *Outstanding Dissertations in Linguistics*. London: Routledge, 1997.
- Smith Stark 2003 — Th. Smith Stark. *Clasificación de las lenguas Indígenas de México* // C. Buenrostro, S. H. Castro, Y. Lastra, F. Nava López, J. J. Rendón Monzón, O. Schumann Gálvez, L. Valiñas Coalla, M. A. Vargas Monroy (eds.). *Memorias del III Coloquio Internacional de Lingüística Mauricio Swadesh*. México City: Universidad Nacional Autónoma de México-Instituto Nacional de Lenguas Indígenas, 2003.
- Speck 1978 — Ch. H. Speck. *Texmelucan Zapotec suprasegmental phonology* // *Work Papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota* 22, 1978. P. 1–28.
- Suárez 1973 — J. A. Suárez. *On Proto-Zapotec Phonology* // *International Journal of American Linguistics* 39, 1973. P. 236–249.
- Swadesh 1947 — M. Swadesh. *The Phonemic Structure of Proto-Zapotec* // *International Journal of American Linguistics* 13, 1947. P. 220–230.
- Traill 1985 — A. Traill. *Phonetic and phonological studies of !Xóö Bushman*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1985.
- Zsiga 2011 — E. C. Zsiga. *Contrastive tone and its implementation* // A. Cohn, M. Huffman, A. Rialland (eds.). *The Handbook of Laboratory Phonology*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 196–207.

Appendix 1. Languages and references

LANGUAGES	INTERNAL CLASSIFICATION	REFERENCES
1. Santa Ana del Valle Zapotec	Valley	Esposito [2003; 2010]
2. San Lucas Quiaviní Zapotec	Valley	Munro and Lopez [1999], Chávez Peón [2010]
3. San Pablo Guilá Zapotec	Valley	Arellanes [2009]
4. Zaachila Zapotec	Valley	Ariza-García [2016]
5. Isthmus Juchitán Zapotec	Isthmus	Pickett et al. [2008], Pickett et al. [2007]
6. San Agustín Mixtepec Zapotec	Southern	Beam de Azcona [2004; 2008]
7. Santo Domingo Morelos Zapotec	Southern	Covarrubias [2010], Luna [2014]
8. San Pedro Mixtepec Zapotec	Southern	Ramos [2007]
9. Betaza Zapotec	Northern	Olivares [2009]
10. Yalálag Zapotec	Northern	Avelino [2004; 2015]

S. Mattiola

University of Bologna, Bologna

PLURACTIONAL CONCEPTUAL SPACE: THREE CASE STUDIES AND THEIR TYPOLOGICAL RELEVANCE¹

1. Introduction

The main aim of this paper is to examine how pluractional constructions work in three different languages. Specifically, I will focus on the functions that the pluractional markers of three languages (namely, Akawaio — Cariban, Venezuelan; Beja — Afro-Asiatic, Cushitic; and Maa — Nilotic, Eastern Nilotic) can express by adopting the pluractional conceptual space proposed in Mattiola [2017a] (and based on a large cross-linguistic comparison) as an explanatory tool.

Newman [1980: 13] coined the term *pluractionality* to refer to what was previously known as *intensive* in Hausa. He also provided the first definition of pluractional verbs:

The essential semantic characteristics of such verbs is almost always plurality or multiplicity of the verb's action [Newman 1990: 53].

For example, when the verb stem is reduplicated in Squamish (Salishan, Central Salish), we have a pluractional situation, i.e., the occasion is composed of several repeated actions.

SQUAMISH (Salishan, Central Salish)

(1a) *Chen kwelesh-t ta sxwi7shn*
1SBJ.SG shoot-TR DET deer
'I shot a deer.'

(1b) *Chen kwel-kwelesh-t ta sxwi7shn*
1SBJ.SG RED-shoot-TR DET deer
'I shot a deer several times/continuously.' [Bar-el 2008: 34]

¹ I would like to thank Sonya Oskolskaya, Natalia Zaika and an anonymous reviewer for their helpful and precious comments, as well as Spike Gildea, Doris L. Payne, and Martine Vanhove for having shared their language data with me. The usual disclaimers apply.

However, in following literature (cf. for example [Xrakovskij 1997; Wood 2007; Mattiola 2017b] among others), an additional piece of information was added to Newman's [1990] definition: the locus of marking of such meanings. Pluractional markers are generally thought of as those markers that modify the form of the verb morphologically. This aspect is mandatory in a cross-linguistic perspective because it allows us to distinguish pluractionality from the phenomenon of *verbal number*. This distinction is pointed out by Cabredo-Hofherr, Laca [2012]:

We consider under the term EVENT PLURALITY [i.e. verbal number] any linguistic means of expressing a multiplicity of events, be they verbal markers (*re-read*), adverbials (*twice, often, always, again*), or adnominal markers (*John lived in different countries, each boy built a canoe, John repaired several bicycles*). We use the term VERBAL PLURALITY more narrowly for event plurality marked on the verb. Following the usage in the literature we refer to markers of verbal plurality as PLURACTIONAL MARKERS [Cabredo-Hofherr, Laca 2012: 1].

Consequently, we can say that pluractionality consists in a specific marking strategy to express verbal number.

I will briefly present the main approaches to pluractionality and its multifunctionality from a typological perspective, in Section 2 below, focusing on the proposal made by Mattiola [2017b]. In Section 3, I will investigate the pluractional systems of the three languages in order to propose the language-specific semantic maps. Finally, in Section 4, I will discuss the typological and theoretical consequences of such analysis.

2. Typological approaches to pluractionality

2.1. State of the art

Pluractionality has been an understudied phenomenon for a long time, at least from a typological perspective. However, we can still find some relevant works that have addressed this phenomenon (more or less directly). The most relevant theoretical surveys on pluractionality are: Dressler [1968], Cusic [1981], and Mattiola [2017b]². In what follows, I will briefly present the most important findings of these studies.

² For reasons of space, I cannot here focus on several other contributions that also tackled pluractionality. However, some of these deserve mention: Xrakovskij [1997], Wood [2007], Součková [2011].

The first study directly dedicated to the analysis of pluractionality is that of Dressler [1968]. Here, the author emphasized the existence of this phenomenon by analyzing a (relatively) limited number of ancient languages. Dressler's [1968] primary contribution consists in having recognized the broad range of functions that pluractional markers can perform. He classified pluractional functions in four *Aktionsarten*, namely, Iterative Aktionsart, Distributive Aktionsart, Continuative Aktionsart, and Intensive Aktionsart. Each of these is then sub-divided into several sub-functions.

Cusic's [1981] doctoral dissertation investigated the semantic relationship between verbal aspect and verbal plurality. The most relevant outcome of this work is in its proposal of four parameters of analysis, that is, phase/event/occasion, relative measure, connectedness, distributive parameters. Specifically, the phase/event/occasion parameter is the most influential one because it allows us to distinguish between event-internal or event-external plurality. While the first identifies a plurality that is detectable within the event (plurality of the internal phases; in Cusic's [1981: 78] words 'repetitive actions'), the second identifies a plurality that is external to the event ('repeated actions' [Cusic 1981: 78]). Finally, Mattiola [2017b] offers the first large-scale typological investigation of pluractionality (where more than 200 languages are considered). The study's findings are grounded starting from Cusic [1981], but then it develops a new approach to pluractionality, both on functional and cross-linguistic/theoretical levels. It describes the broad range of pluractional functions through semantic maps, drawing up a conceptual space that allows us to better understand the relationships that exist between the functions. In addition, the study explains the complexity of this phenomenon through the adoption of the Radical Constructions Grammar approach [cf. Croft 2001]. Since this paper adopts the same approach, in the next sections I will briefly present how the last study mentioned describes and analyzes pluractionality.

2.2. *Pluractional functional domain*

Mattiola [2017b] defines pluractionality as follows:

Pluractionality is a phenomenon that marks the plurality or multiplicity of the situations (i.e. states and events) encoded by the verb through any morphological mean that modifies the form of the verb itself [Mattiola 2017b: 5].

In Mattiola [2017a: 121] two groups of functions that pluractional markers express in the languages of the world are recognized: core functions and additional functions.

Core functions correspond to the core of pluractional meaning, that is, these functions directly fall under the definition of pluractionality. We can identify three different values: (i) pluractionals ‘stricto sensu’, when the plurality of situations is distributed over time and we have two sub-values depending on the extension of the relative time frame (cf. (2) and (3)); (ii) spatial distributivity, when plurality the of situations is distributed over space (cf. (4)); and (iii) participant plurality, when the plurality of situations is distributed over different participants (the participant involved is the most affected one) (cf. (5)).

ITERATIVITY: “when the repetition occurs in a single situation” [Mattiola 2017a: 123]

KONSO (Afro-Asiatic, Cushitic)

- (2a) *ʔifa-ʔ* *ʔinanta-siʔ* *ʔi=tuḡḡuur-ay*
 3SGM.PRO-NOM girl-DEF.F/M 3=push[SG]-PFV[3M]
 ‘He pushed the girl.’

- (2b) *ʔifa-ʔ* *ʔinanta-siʔ* *ʔi=tu-tuḡḡuur-ay*
 3SGM.PRO-NOM girl-DEF.F/M 3=PL-push[SG]-PFV[3M]
 ‘He pushed the girl more than once.’ [Ongaye 2013: 263]

FREQUENTATIVITY: “when the repetition takes place over several occasions (usually a longer time frame)” [Mattiola 2017a: 123]

KHWE (Khoisan, Central Khoisan)

- (3) *tí* *à* *bè-è-xú-t-a-tè!*
 1SG OBJ be.too.heavy-II-COMP-FREQ-I-PRS
 ‘It is often too heavy for me!’ [Kilian-Hatz 2008: 146]

SPATIAL DISTRIBUTIVITY: “the plurality of situations occurs in more than one place” [Mattiola 2017a: 123]

BARASANO (Tucanoan, Eastern Tucanoan)

- (4) *gahe-rũbũ* *bota-ri* *kea-kudi-ka-bã* *idã*
 other-day post-PL chop-ITER-FAR^PST-3PL 3PL
 ‘The next day they went from place to place chopping down posts (for the new house).’ [Jones, Jones 1991: 101]

PARTICIPANT PLURALITY: “the plural situation can involve both single and plural participants. In the latter case, we will have the so called *participant plurality*” [Mattiola 2017a: 124]

HUICHOL (Uto-Aztecan, Southern Uto-Aztecan)

- (5a) *Nee waakana ne-mec-umiʔii-ri eeki*
 1SG chicken.SG 1SG.SBJ-2SG.OBJ-kill.SG-BEN 2.SG
 ‘I killed the chicken for you.’
- (5b) *Nee waakana-ari ne-mec-uqiʔii-ri eeki*
 1SG chicken-PL 1SG.SBJ-3PL.OBJ-kill.PL-BEN 2.SG
 ‘I killed the chickens for you.’ [Comrie 1982:113]

Additional functions are those functions that do not fall under the definition of pluractionality and thus are not necessary in defining a specific marker as pluractional, but they are recurrently encoded by pluractional markers in the languages of the world. These functions can be grouped in different semantic clusters depending on the type of relationship they have with the notion of plurality [Mattiola 2017a: 124–128]. These clusters are: (i) non-prototypical plurality, (ii) degree, and (iii) reciprocity. Non-prototypical plurality gathers functions that express plurality, but not in a typical way, i.e., they do not only indicate a distinction between single and multiple situations, but express some additional traits that go beyond this dichotomy³.

HABITUALITY: “situations repeated on different occasions, but the occasions occur in a time frame (which may or may not be directly specified), the situations are seen as typical of that time frame” [Mattiola 2017a: 126].

SANDAWE (Khoisan, Hata-Sandawe)

- (6a) Frequentative reading of the morpheme *-wǎ* ‘PL2’.
nì-ŋ hík’-wǎ-ŋ phàkhé-ŋ l’èé-ì
 CNJ-CL go:SG-PL2-L inspect-L look_at.3-NR
 ‘And he will often go, inspect and have a look at it’
 [Steeman 2012: 242]

³ In the following examples, the first sentence exemplifies the pluractional core functions and the second the additional function.

- (6b) Habitual reading of the morpheme *-wǎ* ‘PL2’.
mindà-tà-nà=sì hik’ì-wà
 field-in-to=1SG go:SG-PL2
 ‘I go to the field.’ (every day) [Steeman 2012: 188]
EVENT-INTERNAL PLURALITY: “a singular situation that is internally complex, i.e., it is composed of several repetitive phases that make the situation externally singular, but internally plural” [Mattiola 2017a: 125].
 SANDAWE (Khoisan, Hatsa-Sandawe)
- (7a) Iterative or frequentative reading of the Iterative morpheme *-imé*
gélé-áá /-imé
 Gele-SFOC (SV.)come:SG-ITER
 ‘Gele came repeatedly.’ [Steeman 2012: 143]
- (7b) Event internal plural reading of the Iterative morpheme *-imé*
tsháá=sà xàd-ímé-é
 pot=3F.SG scrape_out-ITER-3OBJ
 ‘She scraped out a pot.’ [Steeman 2012: 141]
CONTINUATIVITY: “singular situations that are extended during time” [Mattiola 2017a: 124].
 CHECHEN (Nakh-Daghestanian, Nakh)
- (8a) Unmarked form of the verb.
So tykana vedira
 1SG.ABS store.DAT V.run.WP
 ‘I ran to the store.’ [Wood 2007: 224]
- (8b) Frequentative reading of the pluractional verb.
Hoora wyyrana so tykana ydu
 every morning 1SG.ABS store.DAT run.PLAC.PRS
 ‘Every morning I run to the store repeatedly (more than once per day).’
 [Wood 2007: 225]
- (8c) Continuative reading of the pluractional verb.
So cwana sahwtiahw idira
 1SG.ABS one.OBL hour.LOC run.PLAC.WP
 ‘I ran (went running) for one hour.’ [Wood 2007: 224]
GENERIC IMPERFECTIVITY: “it encodes a situation that occurs always; for example, it can be a property or a quality of an entity

or a gnomic truth (that is, it is part of the encyclopedic knowledge)” [Mattiola 2017a: 125].

MEITHEI (Sino-Tibetan, Naga)

- (9a) Frequentative/Habitual reading of the morpheme *-kən* ‘REPEAT’
nók-kən-pə
 laugh-REPEAT-NOM
 ‘someone who laughs all the time whether or not there is a joke,
 as a habit’
- (9b) Generic imperfective reading of the morpheme *-kən* ‘REPEAT’.
əy-ti yám-nə pí-kən-pə mí-ni
 I-DLMT lot-ADV give-REPEAT-NOM man-COP
 ‘I am a very generous man.’ (lit. I am a man who always gives a lot)
 [Chelliah 1997: 216]

The cluster ‘degree’ gathers functions that express a modification in the development of the situation.

INTENSITY: “a degree modification of the normal development of the situation” [Mattiola 2017a: 126].

YIMAS (Lower Sepik-Ramu, Lower Sepik)

- (10a) Iterative/Frequentative (depending on the context) reading of verb reduplication.
ya-n-arkark-wampaki-pra-k
 V.PL.OBJ-3SG.A-break(RED: *ark-*)-throw-TOWARD-IRR
 ‘He repeatedly broke them and threw them as he came.’
- (10b) Intensive reading of verb reduplication.
ya-mpu-nanaj-tacay-ckam-tuk-mpun
 V.PL.OBJ-3PL.A-DUR-see(RED: *tay-*)-show-RM.PAST-3PL.D
 ‘They were showing those to them very well (and they stared at those).’
 [Foley 1991: 319]

COMPLETENESS: “a situation that is performed in its entirety, completely” [Mattiola 2017a: 127].

TURKANA (Nilotic, Eastern Nilotic)

- (11a) Pluractional reading of verb reduplication.
-poc ‘pinch’ → *a-poc-o-poc* ‘pinch repeatedly’
-ilug ‘twist’ → *a-k-ilug-u-lug* ‘twist repeatedly’

- (11b) ‘Complete’ reading of verb reduplication.

-jrl ‘crumble’ → *a-jrl-r-jrl* ‘crumble completely’
-ikic ‘bone out’ → *a-k-ikic-i-kic* ‘bone out completely’
[Dimmendaal 1983: 106]

EMPHASIS: “a situation performed with emphasis or affectedness”
[Mattiola 2017a: 127].

BATAK KARO (Austronesian, Malayo-Polynesian)

- (12a) Iterative/frequentative (depending on the context) reading of verb reduplication.

Sapu-sapuna kucing é.
(PASS.)stroke-stroke.she cat that
‘She stroked the cat again and again.’

- (12b) Emphatic reading of verb reduplication.

Peturah-turah sitik ukurndu
CAUS.grow-grow SOF mind.your
‘Grow up a bit! (i.e. Act like an adult!)’ [Woollams 1996: 98]

The last cluster is represented by a single function, i.e. reciprocity.

JÓOLA KARON (Atlantic, Bak)

- (13a) Iterative reading of pluractional marker *-ool* ‘PLAC/ RECP’.

Lopeel a-muus-ool-a
Robert 3SG-pass-PLAC-ACC
‘Robert went and came back.’

(adapted from [Sambou 2014: 150])

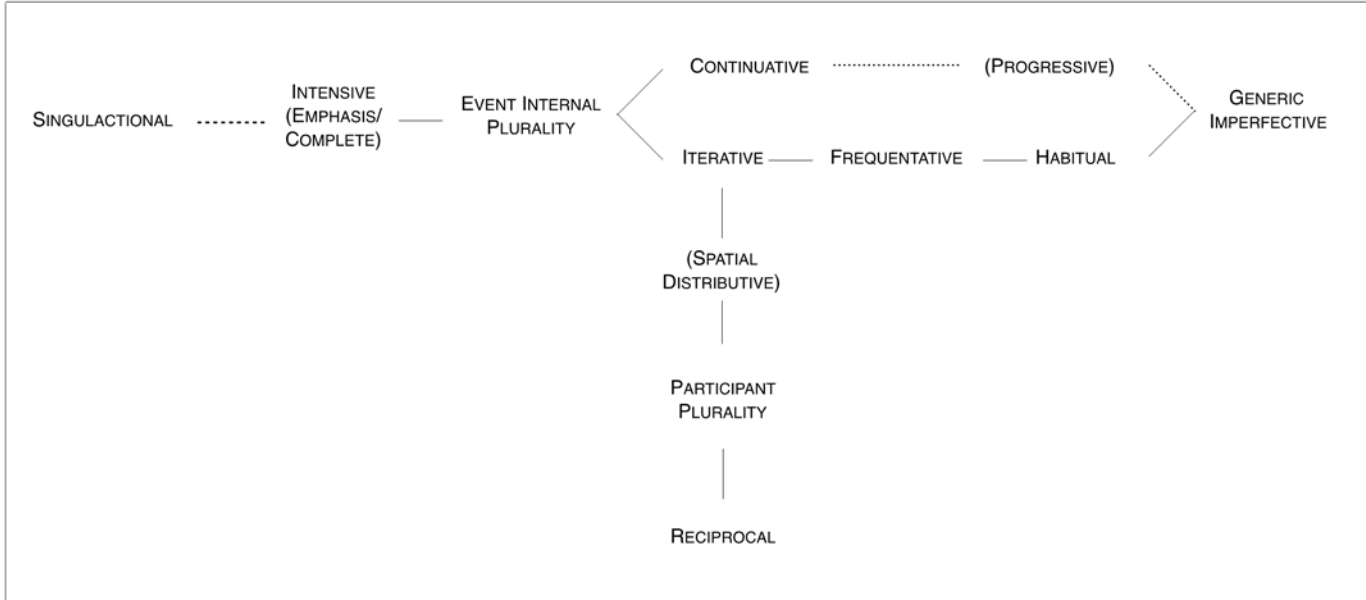
- (13b) Reciprocal reading of pluractional marker *-ool* ‘PLAC/ RECP’.

Sana ni Faatu ka-cuk-ool-a
Sana and Fatou 3PL-see-RECP-ACC
‘Sana and Fatou saw each other.’ [Sambou 2014: 149]

2.3. *The pluractional conceptual space*

What comes out of the previous section is that cross-linguistically pluractional markers are particularly multifunctional. In order to better understand the pluractional functional domain; Mattiola [2017a: 129] proposes a conceptual space [cf. Croft 2001, Haspelmath 2003].

Figure 1. The pluractional conceptual space [Mattiola 2017a: 129]

Pluractional conceptual space

The map in Figure 1 raises some interesting considerations.

Core functions are placed in the center of the space, while additional functions are placed in the peripheral zones. In addition, the space also reveals some linguistic correlations: (i) moving from left to right, there is an increasing generalization of the functions' semantics, from very specific values (such as intensity or event-internal plurality) to values that are maximally generic (e.g. generic imperfectivity); (ii) cross-linguistically, functions on the left are usually marked through more lexical strategies (e.g. actionality), whereas functions placed on the right more often tend to be marked through grammatical aspect; (iii) this, in turn, leads to another typological tendency, the functions on the left are usually less grammaticalized than the ones on the right (for further discussion see [Mattiola 2017b: 79–82; Mattiola 2017a]).

3. Pluractional systems of specific languages: three case studies

In this section, I will present three case studies based on corpora analyses. The languages I will focus my attention on are: Akawaio (Cariban, Venezuelan), Beja (Afroasiatic, Cushitic), and Maa (Nilotic, Eastern Nilotic)⁴.

In what follows, it is important to note that I will describe the occurrences found in the texts through labels that sometimes merge two (or more) of the functions exemplified in Section 2. This is due to the fact that the data used were not collected for the purposes of this paper and, thus, several functional differences that are pivotal here were not investigated by who collected and glossed the texts. To help resolve this issue, I have also analyzed the co-text and the context, however it was not always possible to determine the function of a specific occurrence with certainty.

⁴ The choice of these three languages is not completely arbitrary. Akawaio, Beja, and Maa are analyzed because all of them are spoken in geographical areas in which languages usually show a complex pluractional system (namely, South America and Eastern Africa), but also because I had the opportunity to have an extensive amount of glossed texts in these languages at my disposal to analyze (cf. ff. 9, 11, and 12).

3.1. Akawaio⁵

Akawaio is a variety of the Cariban language Kapóng spoken by the Guyanese Ameridian tribe Akawaio. Genetically, Akawaio belongs to the Cariban family's Pemón group, which is generally considered part of the Venezuelan branch [cf. Gildea 2012].

In Akawaio, the morpheme *-pödi* (and its allomorphs) can express several functions that are semantically comparable to both the core and additional functions identified cross-linguistically by Mattiola [2017b]. For example, the sentence below in (14) illustrates an iterative reading of this morpheme.

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan)
- (14) *naigaza kuru pöröu ennogî-bödi zerö*
 how EMPH arrow shoot-ITER this
ta-'pî i-ya ji mörö
 say-PST 3-ERG EMPH AI?

‘‘How, really, will we shoot the arrow more than one time?’’ he said.’
 (RA Piyai'ma Story 033 <106.543>)

In the texts analyzed, I found 220 occurrences of *-pödi* and its allomorphs. From a semantic point of view, they can be gathered in different functional sets whose frequency is reported in Table 1.

⁵ The (unpublished) texts analyzed in this section were provided to me by Spike Gildea and were collected, transcribed and glossed by Desrey Caesar-Fox (and Spike Gildea) for her PhD thesis on some sociolinguistic and anthropological aspects of Akawaio [cf. Caesar-Fox 2003].

Table 1. Functional sets of pluractional occurrences in Akawaio

Set(s)	Function(s)	Occurrence(s)
Frequentativity/habituality/ generic imperfectivity	<i>frequentative/habitual</i> ⁶	101 (45.9 %)
	<i>frequentative</i>	18 (8.2 %)
	<i>generic imperfective</i>	12 (5.5 %)
	<i>frequentative/habitual/ generic imperfective</i>	15 (6.8 %)
	Total occurrences	146 (66.4 %)
Iterativity	<i>iterative/frequentative</i>	30 (13.6 %)
	<i>iterative</i>	13 (5.9 %)
	<i>event-internal plurality/iterative</i>	10 (4.6 %)
	Total occurrences	53 (24.1 %)
Participant plurality	<i>Participant plurality</i>	8 (3.6 %)
	<i>Participant plurality/iterative</i>	2 (0.9 %)
	Total occurrences	10 (4.5 %)
Continuativity	<i>continuative/iterative</i>	4 (1.8 %)
	<i>event-internal plurality/continuative/ iterative</i>	2 (0.9 %)
	Total occurrences	6 (2.7 %)
	Other minimal functions	5 (2.3 %)
	Total occurrences	220 (100 %)

Observing Table 1, it is evident that there is a clear imbalance in the distribution of the occurrences over the functions. The vast majority of occurrences hold a frequentative-like reading, specifically, 146 out of 220 (66.4 %). This set is exemplified in (15).

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan): Frequentativity/habituality
 (15) *mör-yau tok eji mörö ta-pödi-'pi i-ya*
 that-LOC 3PL be FUT say-ITER-PST 3-ERG

⁶ More than one function is given when the occurrence could have both readings due to double interpretation possibilities or a difficulty in understanding the correct interpretation because of context ambiguity. This is also valid for the other two languages analyzed.

turonnö-gong anö-'pī i-ya ganang
 another-PL eat.meat-PST 3-ERG already
 'Then he would always say "they are all there", but he had eaten
 the others already'⁷ (RA Piyai'ma Story 017 <45.856>)

The second most frequent set of functions is the iterative-like reading, with 53 occurrences (24.1 %) (cf. (16)).

AKAWAIO (Cariban, Venezuelan): Iterativity
 (16) *im mörö wenai kuru u-tö-bödi mörö*
 um that because EMPH 1-go-ITER AI?
 'That is really why I keep going up and down'
 (RA Personal Narrative 156 <546.078>)

It is noteworthy here that the function with the highest number of occurrences within the iterative set is the iterative/frequentative function. This means that in this set as well there is a strong frequentativity influence, i.e., of the most frequent set of functions.

All remaining sets are marginal compared to the two presented above and thus can be considered as marginal or context-specific occurrences.

The data shown in Table 1 allow us to draw the semantic map of the Akawaio pluractional marker *-pödi* in Figure 2.

Figure 2 does not reflect the relative weight of the single functional sets, however. In other words, if we look at the single frequencies of the functional sets, we can see that there is a relevant difference as already noted. For this reason, I also propose Figure 3 that better highlights the actual weight of the functions (with respect to frequency in texts) of the Akawaio pluractional marker.

⁷ This tale speaks of the so-called 'idodo-killers', i.e., Amerindian killers.

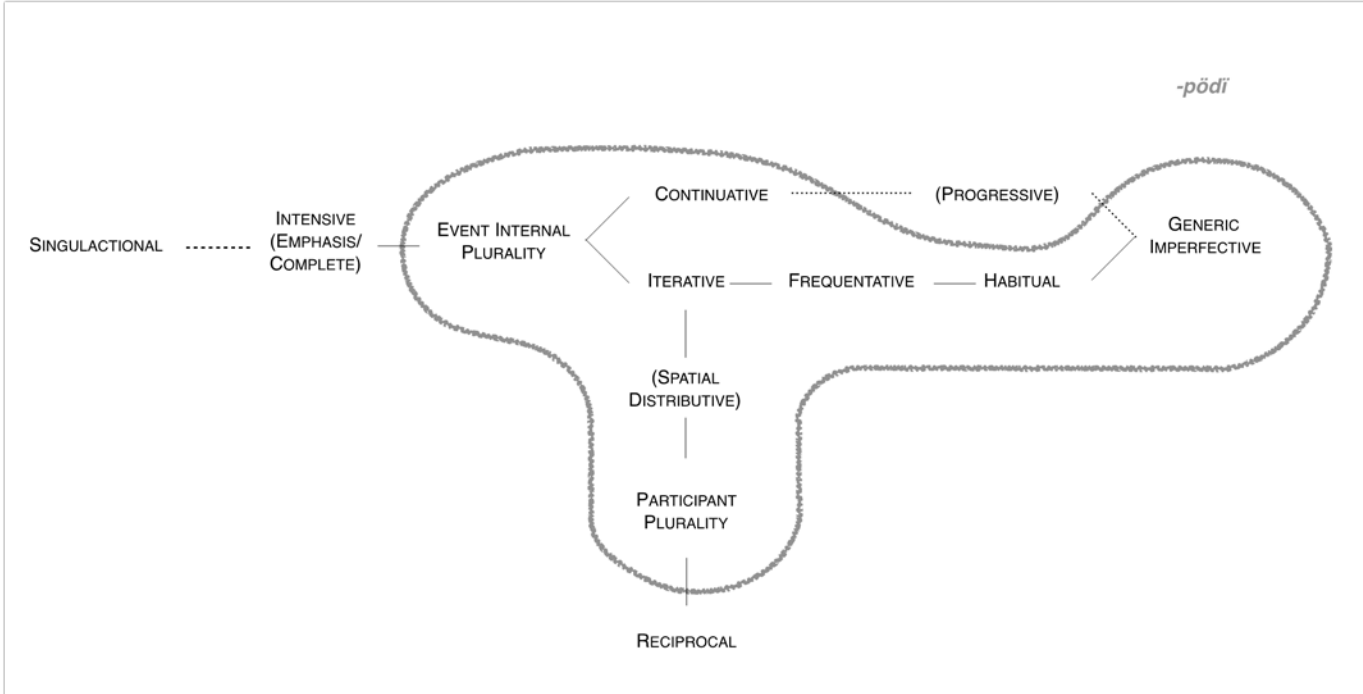
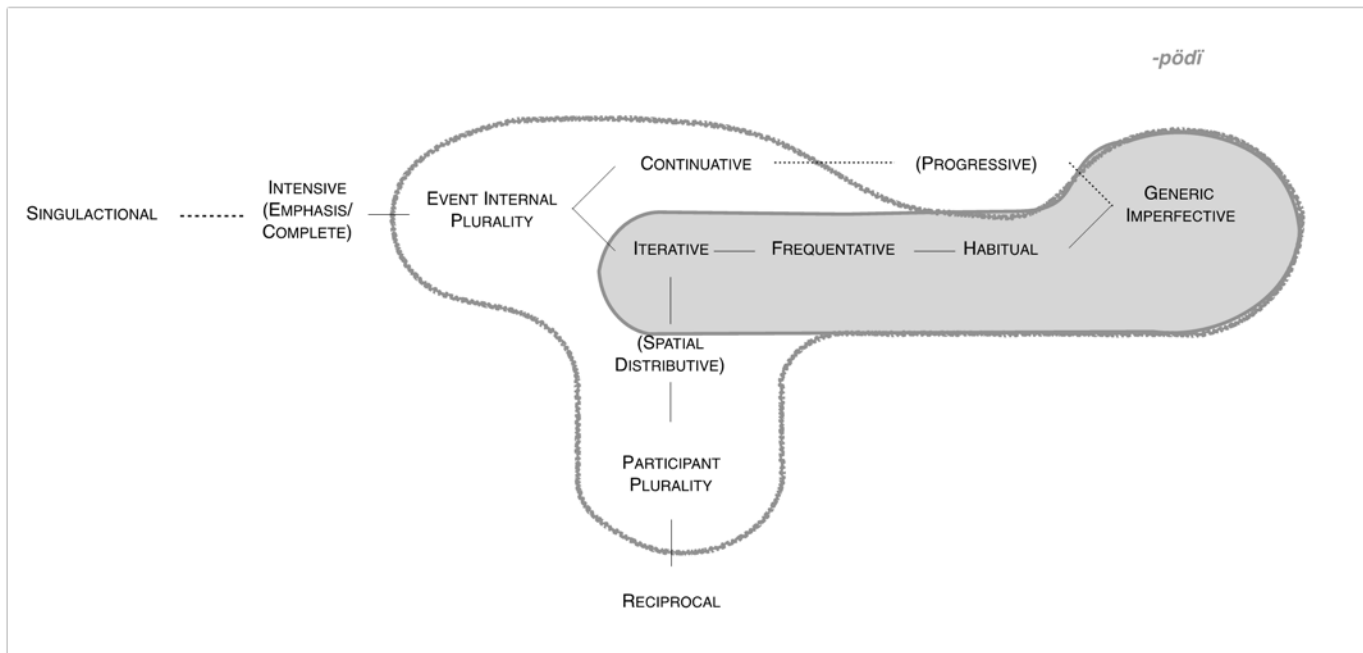
Figure 2. Semantic map of the pluractional suffix *-pödi* in Akawaio

Figure 3. The frequency-semantic map of the pluractional suffix *-pödi* in Akawaio

Pluractional conceptual space

The picture is now different. What comes out of these two maps is relatively straightforward: in Akawaio, the pluractional suffix covers a functional area that can be understood as clearly pluractional, that is, it represents one of the most prototypical pluractional systems because *-pödi* can predominantly express two core functions (iterative and, especially, frequentative).

In addition, the limited frequency (or the absence) of some functions, in particular of the other core functions, cannot be underestimated and must be discussed. Specifically, the low frequency of participant plurality is noteworthy, since it is very common in the languages of world (cf. for example Corbett's [2000] distinction between *event number* and *participant number*). There is at least one possible explanation for this phenomenon. We can find the suffix *-gong* in Akawaio that expresses collectivity (cf. (17)).

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan): Collectivity
 (17) *a-ma'ta-gong tawong eda-'pi tok ya*
 2-die-PL saying hear-PST 3PL ERG
 ‘‘You will all die!’’ they heard.’
 (RA Piyai'ma Story 083 <272.332>)

It is evident how this marker can be found in a pluractional context (when a plurality of situations is involved). However, *-gong* applies both to verbs and nouns (cf. (18)) and, thus, is better understood as a nominal number marker, though it is not a prototypical marker.

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan): Collectivity
 (18) *t-eadong-gong nö ebingga-ning-nang be*
 3.RFL-enemy-PL EMPH abandon-NMLZR-PL like
tok eji-bödi-'pi
 3PL be-hab-PST
 ‘They used to abandon those that were their enemies.’
 (TL Birdman Story 056 <178.893>)

The presence of this marker can explain why *-pödi* does not convey participant plurality: *-gong* more or less covers the functional area of plural participants involved in a plural situation and, thus, it renders the use of *-pödi* for the same meaning less necessary.

From a grammatical point of view, the pluractional suffix *-pödi* in Akawaio shows the functional and semantic peculiarities that are

usually associated to verbal aspect cross-linguistically [cf. Comrie 1976; Bybee et al. 1994]. The semantic map of *-pödi* comprises functions placed on the right side that represent the area of the conceptual space generally associated with aspectual and more grammaticalized functions. In particular, the pluractional suffix encodes functions mainly pertaining to the imperfective functional domain (iterative, frequentative, habitual, generic imperfective):

The functions located on the left part [of the conceptual space] tend to belong to the lexical aspect / Aktionsart system of a language (e.g. semelfactive, repetitive, etc.) and the values on the right tend to be more often functions encoded by markers of verbal aspect (more grammaticalized) [Mattiola 2017b: 80].

However, there is a strong evidence against the assignment of *-pödi* to the aspectual system of Akawaio. In this language, an actual aspectual marker exists, the suffix *-(no)bök*, that marks progressive situation (cf. (19)).

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan): Progressivity
- (19) *kajiri engji-bök tok eji-'pi-ng-ng*
 manioc.beer drink-PROG 3PL be-PST-STYLE-STYLE
 ‘They were drinking kajiri.’ (EW Kanaimö 134)

I found cases in these texts where the pluractional marker co-exists with this aspectual marker, as the example in (20) clearly shows:

- AKAWAIO (Cariban, Venezuelan)
- (20) *ewaik abine pöröu damo'ka-bödi-nöbök*
 yes wait arrow fall-ITER-PROG
mang kaji-be tok ya ingu'tö
 3.be.PRES lie-ATTR 3PL ERG fool
 ‘“Okay/yes, wait the arrows keep falling down” they said to fool her.’
 (RA Piyai'ma Story 044 <145.790>)

This co-presence and the fact that though rarely *-pödi* can also express functions that usually do not belong to the aspectual system (e.g. participant plurality and spatial distributivity, as already noted by Corbett [2000]), make this marker hardly identifiable as an actual aspectual morpheme. Thus, in conclusion, we can say is that *-pödi* is an aspect-like morpheme that cannot be described as fully aspectual. The difficulties found in classifying this suffix are due to the fact that it

expresses quite a large range of functions that can be cross-linguistically traced back to different linguistic categories. I will return to this issue in Section 4.

3.2. *Beja*⁸

Beja is an Afroasiatic language belonging to the Cushitic sub-family. It is spoken in the north-eastern part of Africa, mainly in Sudan, Eritrea, and Egypt [cf. Vanhove 2014, 2017].

Beja has two pluractional derivations: Intensive and Pluractional. The Intensive form is marked through the ablaut of the verb stem.

BEJA (Afroasiatic, Cushitic): Intensive

- (21a) *ʔawi=b* *jhak-s-an=t*
stone=INDF.M.ACC get_up-CAUS-PFV.1SG=COORD
a-gid
1SG-throw\PFV
'I took a stone and threw it.' (BEJ_MV_NARR_05_eritrea_389)

- (21b) *ge:d-e:ti* *ho:so:*
throw\INT-CVB.CSL 3SG.ABL
ti:-simh=je:b=ka
3SG.F-get_riid_of\AOR=REL.M=DISTR
'Each time she throws stones at it to get rid of it.'
(BEJ_MV_NARR_05_eritrea_147)

I found 182 occurrences of the Intensive in the texts and the functions that it can mark are listed in Table 2 below.

⁸ The texts analyzed in this section were collected, transcribed, glossed and provided by Martine Vanhove. Some of them are freely accessible on the CorpAfroAs website (<http://dx.doi.org/10.1075/scl.68.website>).

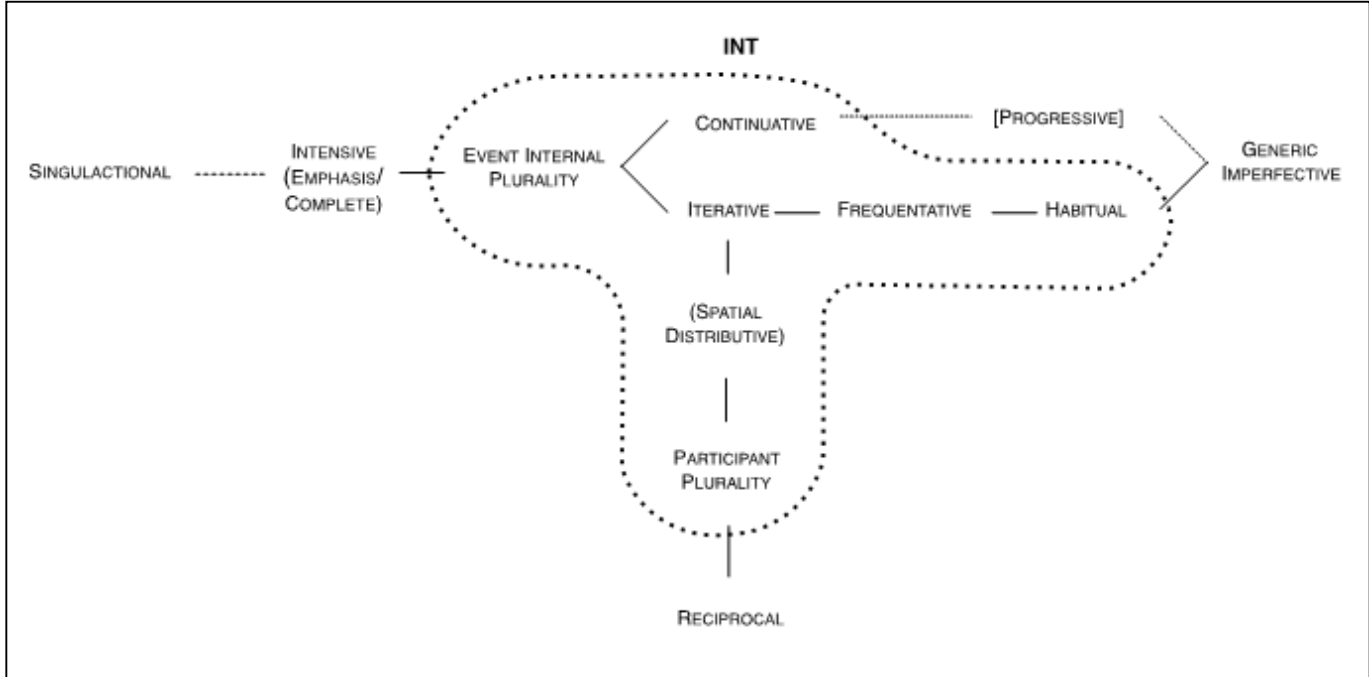
Table 2. Functional sets of Intensive occurrences in Beja

Function(s)	N° of occurrences	Percentage
Iterative	95	52.2 %
Iterative/ Participant plurality	20	11.0 %
Iterative/Frequentative	15	8.2 %
Iterative/ Event internal plurality	5	2.7 %
Iterative/Continuative	5	2.7 %
Iterative/ Spatial distributive	1	0.6 %
Spatial distributive	1	0.6 %
Participant plurality/ Spatial distributive	1	0.6 %
Participant Plurality	9	4.9 %
Frequentative/Habitual	14	7.7 %
Successive events ⁹	2	1.1 %
Dubious cases	14	7.7 %
Total	182	100 %

Observing the table, we can also see that there is one function that is more frequent in this case, namely, iterativity. The semantic map of the Intensive is represented in Figure 4.

⁹ There are functions that are not displayed on the map, but that some pluractional markers do encode (in this case, successive events). The reason why these functions are not on the map is because they are not as frequent as those appearing in the space, rather, they are quite rare and idiomatic in single languages.

Figure 4. The semantic map of Intensive in Beja

On the other hand, the second verbal derivation, the Pluractional form, is marked through reduplication.

BEJA (Afroasiatic, Cushitic): Reduplication of the verb stem (Pluractional)

- (22a) *to:t* *ti=takat*
 PROX.SG.F.ACC DEF.F=woman
ti=waw-ti=t *rh-i=ho:b*
 DEF.F=cry-AOR.3SG.F=INDF.F see-AOR.3SG.M=when
 ‘when he saw this woman who was crying’
 (BEJ_MV_NARR_14_sijadok_155)

- (22b) *tu:=ndi* *ʔakir-a:=t*
 DEF.SG.F.NOM=mother be_strong-CVB.MNR=INDF.F
wa:w~wa:w-e:ti:t
 PLAC~cry-CVB.ANT
 ‘the mother having wept a lot’
 (BEJ_MV_NARR_13_grave_076)

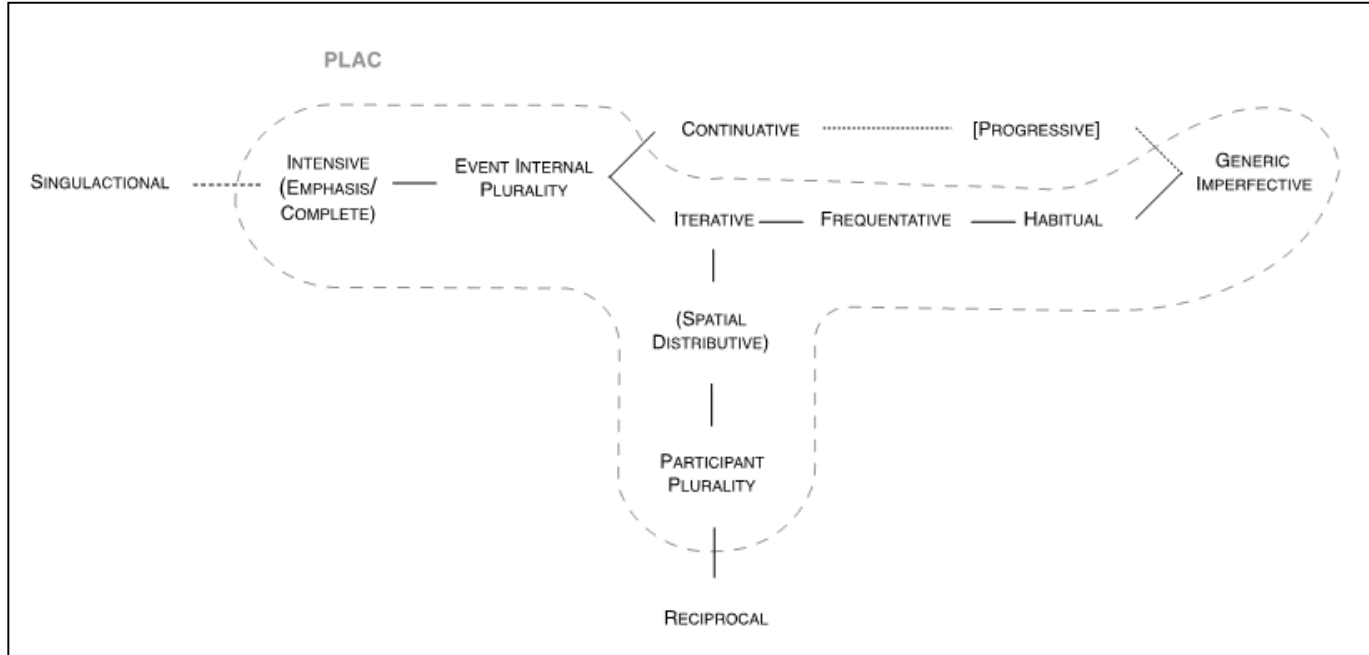
The functions conveyed by the 77 occurrences of Pluractional forms found are similar to those of the Intensive.

Table 3. Functional sets of Pluractional occurrences in Beja

Function(s)	N° of occurrences	Percentage
Iterative	41	53.2 %
Iterative/Frequentative	7	9.1 %
Iterative/Spatial distributive	5	6.5 %
Iterative/Event internal plurality	1	1.3 %
Participant plurality	7	9.1 %
Frequentative/Habitual	1	1.3 %
Generic imperfectivity	1	1.3 %
Intensive	2	2.6 %
Dubious cases	12	15.6 %
Total	77	100 %

The semantic map of Pluractional reduplication is shown in Figure 5.

Figure 5. The semantic map of the Pluractional in Beja

The linguistic situation of Beja is different from that of Akawaio. The functional domain of both Beja markers is more ‘centered’ in the core-functions area. This is revealed by the frequency of the single functions. The most frequent function is iterativity, and the other functions with a significant distribution (though less than iterative) are all functions placed around iterativity in the conceptual space. This means that both the Intensive and Pluractional comprise the core of pluractional meanings among their functions, as well as additional functions that are semantically closer to this core.

These characteristics allow us to hypothesize that pluractional markers in Beja constitute an independent grammatical category, and, more specifically, they represent two verbal derivations (cf. also [Vanhove 2017]). This also seems to be suggested by the frequent co-occurrence of pluractional morphemes with other types of markers with which they should theoretically be in competition. For example: aspectual markers (Imperfective) and other verbal derivations (Middle and Causative) (cf. (23)).

- BEJA (Afroasiatic, Cushitic)
- (23) *mali-a* *o:n* *o:=dʒina*
 two-ORD PROX.SG.M.ACC DEF.SG.M.ACC=baby
wi=si-ra:kʷo:-m-i.ni=b
 REL.M=CAUS-be_afraid\INT-MID-IPFV.3SG.M=INDF.M.ACC
 ‘Then the baby who has nightmares...’
 (BEJ_MV_NARR_33_MEAT_09)

3.3. *Maa*¹⁰

Maa (or *Maasai*) is a Nilotic language spoken in Kenya and Tanzania belonging to the Eastern Nilotic sub-group.

There are two marking strategies to express pluractional functions in *Maa*: (i) lexical alternation¹¹ (cf. (24)), and (ii) reduplication (cf. (25)).

¹⁰ The *Maa* texts analyzed for this section were provided by Doris L. Payne who collected, transcribed, and glossed them for a research project partially supported by NSF grants SBR-9616482 (18987–1999) and SBR-9809387 (1998–2004) and by U.S. Fulbright Foundation fellowships (1993–1994 and 2009–2010).

¹¹ In this case, by *lexical alternation* I mean a couple of verbs that, although they are not inflectionally correlated (i.e., they do not belong to the same paradigm and thus they are two separated lexical items), share the same

In the following examples both these strategies express participant plurality.

- MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)
- (24a) *tɛ-n[HL]-è-lo(t) kulîê áñítie*
 OBL-CN1-3-go.SG others.ACC houses.ACC
 ‘when **he goes** to other homes’ (elengon2.010b)
- (24b) *n-è-po(n)-í áa-ya-ú(n)*
 CN1-3-go.PL-PL INF.PL-take-TOWARD
ílô rínká
 that.MSG.ACC club.ACC
 ‘**They went** to bring that club...’ (arinkoi.041a)
- MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)
- (25) *n[HL]-kí-duy-i-duy*
 CN1-1PL-cut-EP-cut
 ‘We shall **cut it into pieces.**’ (arinkoi.011b)

In my corpus, I found 396 occurrences of lexical alternation (238 singular verbs and 158 plural) and 52 occurrences of reduplicated verbs.

From a functional point of view, it is noteworthy that lexical alternation expresses one single function, that of participant plurality, as example (24) exemplifies. This is not surprising because one of the few form-function matches that can be typologically identified deals with the common correspondence between lexical alternation and participant plurality [cf. Mattiola 2017b: 99–109]. Another important consideration concerning this strategy in Maa is that it only applies to a single verb, that is, the verb *lo(t)/po(n)* ‘go (SG/PL)’.

Table 4 shows the functions conveyed by reduplication.

semantics; but, while one of these lexemes expresses a single situation (singular verb), the second one expresses a plurality of situations (plural verb). Often, this marking strategy conveys participant plurality [Mattiola 2017b: 99–109]. In the literature, the same phenomenon is usually called *stem alternation* or *suppletion*. However, both terms are not completely satisfactory because both refer to two different forms of the same lexeme.

Table 4. Occurrences of reduplicated forms in Maa

Functions		N° of occurrences	Percentage
Pluractional	Iterative	9	17.3 %
	Participant plurality	10	19.2 %
	Iterative/Participant plurality	1	1.9 %
	Frequentative	2	3.9 %
	Habitual	1	1.9 %
	Total	23	44.2 %
Lexicalized		25	48.1 %
Repetition (Textual reduplication ¹²)		4	7.7 %
Total		52	100 %

Table 4 raises some interesting issues. In Maa, less than 50% of reduplication occurrences expresses a pluractional function. The majority of these are lexicalized forms, that is, forms that do not display an underived counterpart. However, these forms seem to retain a sort of pluractional reading. This is because they tend to encode situations that are inherently plural ('repetitive actions') rather than 'repeated actions' (pluractionality) [cf. Cusic 1981: 78]¹³. This is the case of the verb 'boil' in the example below.

- MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)
 (26) [L]-ε-itəkītək
 TEMP-3-boil
 'When it was still boiling...' (arinkoi.019b)

This is not completely unexpected since a situation that is inherently plural tends to always appear in pluractional contexts and, thus, we can suppose that ideally the underived form should have a low frequency. This in turn probably makes the reduplicated form understood as the actual underived form due to its frequency.

The semantic map of Maa is presented in Figure 6 below.

¹² Here, with *repetition* or *textual reduplication*, I mean a repetition of a word (often in its entirety) that is not grammaticalized and thus it is not considered a morphological repetition (as with reduplication), but rather a syntactic repetition. Often, this kind of repetition has textual/pragmatic purposes rather than grammatical ones.

¹³ The terminology used by Cusic [1981] is different from mine. However, his concept of *repetitive action* basically corresponds to my *event-internal plurality*, and his *repeated actions* corresponds to my *iterativity*.

Figure 6. The semantic map of pluractional markers in Maa

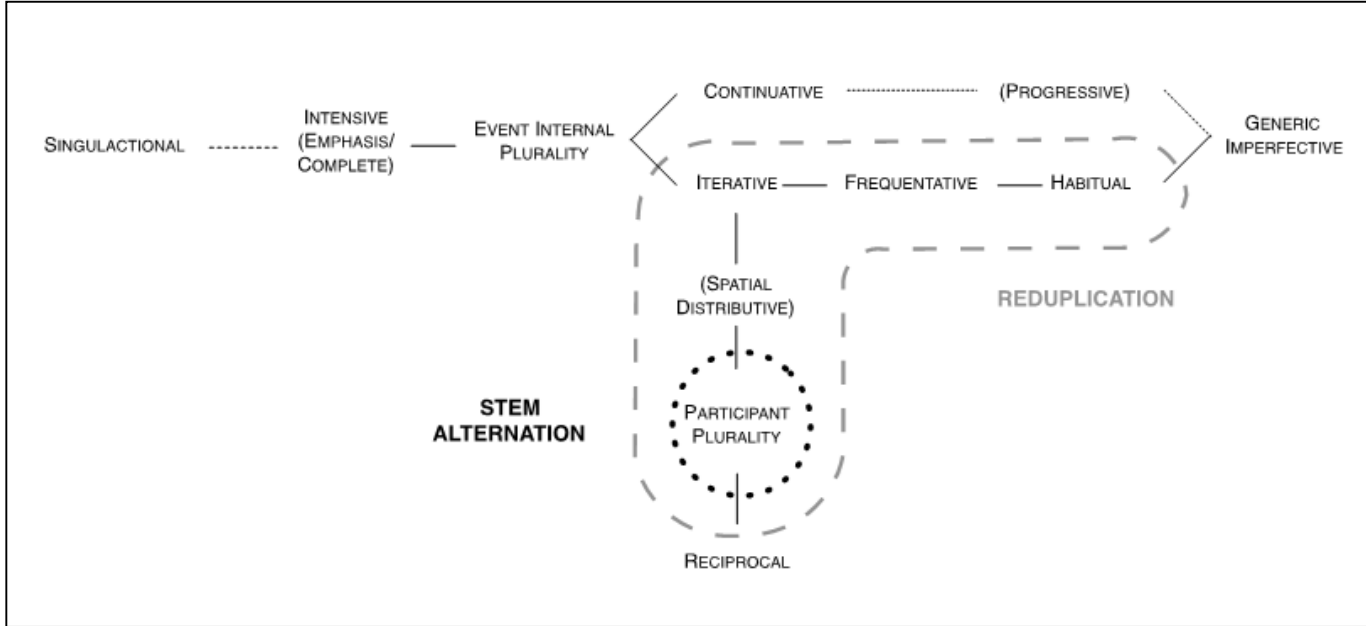

Table 4 and Figure 6 seem to point in the same direction: in Maa, quite possibly pluractionality is no longer a very widespread phenomenon. Further evidence supports this statement. Firstly, the frequency of both types of pluractional marking strategies, as stated above. The occurrences of real pluractional reduplicated forms are limited to 23 out of 52 (less than 50%), though this strategy seems to be productive (it applies to several verbs, Doris Payne, p. c.). On the other hand, lexical alternation shows a more frequent presence in the texts, but this is due to the high frequency of the single verb that it involves ('go'). In addition, lexical alternation only affects a single lexeme and it is not widespread in the lexicon. Consequently, it cannot be considered a fully productive device. Secondly, the functions covered by pluractional markers in Maa are only core functions (participant plurality, spatial distributivity, iterativity, frequentativity, and additional habitual reading). This is a very uncommon behavior cross-linguistically speaking. Pluractional markers usually encode a wide range of functions and are considered multifunctional, as the situations of Akawaio and Beja discussed in Sections 3.1 and 3.2 show. All of these factors help us suppose that pluractionality may well be a marginal phenomenon in Maa. However, it seems that at the same time a potential new pluractional marker is rising: the andative marker *-áa* AWAY [cf. Payne 2013].

There are two directional markers in Maa: the andative AWAY *-áa* and the venitive TOWARD *-ú*.

	MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)	[Payne 2013: 260]
(27a)	<i>a-súj</i>
INF.SG-follow
'to follow'	
(27b)	<i>a-súj-aá</i> ¹⁴
INF.SG-follow-AWAY
'to follow away'	
(27c)	<i>a-súj-ú</i>
INF.SG-follow-TOWARD
'to follow hither'	

¹⁴ Maa is a language with a quite pervasive tonal system. For this reason, the directional morpheme can change depending on the context.

In my texts, I found 95 occurrences of *-áa*. In the majority of the cases, *-áa* conveys a true directional function. Nevertheless, in some cases it can express a plurality of situations (cf. (28)).

- MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)
- (28) *n[HL]-è-puo(n)* *adé* *il=múrrân*
 CN1-3-go.PL later M.PL=warriors.NOM
li-ɔɔ *il=áíkípiá*
 M.PSD-PSR.PL.ACC M.PL=Laikipia.people.NOM
áa₁-puo(n) *áa-inɔs-áa*
 INF.PL-go.PL INF.PL-tell-AWAY
 ‘the Laikipia warriors went to report (tell out/tell repeatedly)’
 (emutata.036b)

This kind of situation is not very frequent; it represents 8.4 % of the situations examined (eight out of 95 occurrences). However, there are also situations in which the andative marker expresses both a directional and a pluractional function. For example, this is the case with the verb ‘surround/encircle’ that, when derived with *-áa*, means ‘to keep moving around’.

- MAA (Nilotic, Eastern Nilotic)
- (29) *n[HL]-è-man-áa* *taá* *te* *ɔl=cháni*
 CN1-3-surround-AWAY FOC.EXCL OBL M.SG=tree.NOM
 ‘He [the warrior advising the hero] kept moving (from one end to the other addressing the audience) in the meeting.’
 (arinkoi.056a)

I found seven out of 95 occurrences with similar situations (7.4%).

Consequently, approximately 16% of andative occurrences express a pluractional function (or a pluractional function in addition to a directional one). This gives evidence of a possible extension of the functional domain of andative marker *-áa* towards a multiplicity of situations. More evidence is given by the type of verbs to which this marker can be applied. The marker mainly operates on verbs of movement, both for the actual directional and the pluractional functions, as expected, but, as (28) has shown, it seems that the pluractional reading is also conveyed by other types of verbs for which a directional reading is not coherent.

4. Typological consequences: the non-universality of grammatical categories

In previous sections, I analyzed how some pluractional markers work in specific languages. One of the most relevant outcomes is that pluractionality can display quite different peculiarities from language to language. The only element that probably shows less variation is the functional domain, though in this case as well we found broad multifunctionality and some interlinguistic differences (cf. for example the functional domain in Akawaio on the one hand and in Beja and Maa on the other). This evident heterogeneity, though a quite common characteristic in cross-linguistic investigations, has raised some problems in the typological literature on the grammatical classification of such kind of markers. We can find several proposals for conceiving pluractionality from a theoretical point of view. In the literature, different scholars propose considering these markers as belonging to different grammatical categories: some scholars describe pluractionality as actionality [cf. Dressler 1968; Cusic 1981; Xrakovskij 1997], others as a case of verbal aspect [cf. Comrie 1976; Bybee et al. 1994; Corbett 2000], still others as an independent or mixed phenomenon [cf. again Corbett 2000]. It is evident that the situation is not straightforward and that these proposals cannot all be considered as valid at the same time.

Nevertheless, all of them capture some relevant nuances that do characterize the pluractional markers of some specific languages. This means that all of these proposals are simultaneously correct and incorrect. How can we account for this apparent contradiction? In a cross-linguistic perspective, grammatical phenomena cannot be explained in reference to certain pre-established categories that are usually defined following the description of grammatical structures of the classical Indo-European languages (mainly, ancient Greek and Latin). They can be better explained when we consider them as only language- and construction-specific instances. This means that grammatical categories and relations of specific languages cannot be thought of as universally valid and, thus, every language must be described and analyzed according to its own structures. Usually, grammatical categories are defined as “a class of elements that display at least partially overlapping grammatical properties” [Cristofaro 2009: 441]. The elements comprising categories undeniably share common properties, characteristics and grammatical behaviors. Nevertheless, they also show several differences

as we have seen, for example, in the pluractional constructions of the three languages analyzed in this paper. Haspelmath [2007] notes that:

“it is important to realize that similarities do not imply identity: It is very hard to find categories that have fully identical properties in two languages, unless these languages are very closely related. ⟨...⟩ [O]ne has to start with the awareness that each language may have totally new categories” [Haspelmath 2007: 126].

Often, linguists tend to focus more on similarities giving less importance to differences, even if the latter are often more pervasive than the former. Obviously, “this does not mean ⟨...⟩ that grammatical relations [and categories] will be entirely incommensurable across languages” [Cristofaro 2009: 469], but we have to keep in mind that in practicing typology, the terms we use should be conceived only as classificatory labels that help in grouping sets of different constructions that share a specific semantic or pragmatic value. Again, Haspelmath [2007] notes that

“[t]he most important consequence of the non-existence of pre-established categories for language typology is that cross-linguistic comparison cannot be category-based, but must be substance-based, because substance (unlike categories) is universal” [Haspelmath 2007: 124].

Thus, in cross-linguistic studies, we must base our investigation on what in the literature is called ‘a comparative concept’, that is, a concept defined by typologists for comparative purposes [cf. Haspelmath 2010] rather than a presumedly valid cross-linguistic category. This is because grammatical categories and relations do not exist outside of the language they are used for, and cross-linguistically they are better understood as language- and construction-specific. These comparative concepts are the result of linguists’ analyses and they do not necessarily have an actual correspondence within a specific language’s grammar (i.e., they are different from language specific descriptive categories).

Naturally, this also applies to pluractional markers. In previous sections, I analyzed pluractional markers in three different languages. Though functionally they are similar, from a formal and morphological point of view they have different properties. In Akawaio, the pluractional marker *-pōdi* resembles actual aspectual markers, but at the same time it can co-occur with some of them, and more specifically, with the progressive marker. Beja adopts two different marking

strategies to express a plurality of situations, and they both seem to be stable independent verbal derivations (Vanhove [2017] proposes a dedicated section within her grammatical description of the language). Finally, Maa has two pluractional strategies that do not seem to be very productive or limited to a very small portion of the lexicon, and this makes them less pivotal in Maa grammar. This is also supported by another piece of evidence, that is, the probable evolution of a new pluractional marker.

This situation that I have illustrated for these three languages becomes even more evident if we broaden our analysis to a typological sample of languages [cf. Mattioli 2017b]. What clearly emerges is that cross-linguistically pluractionality does not represent a consistent category (even though it can exist in specific languages, cf. Beja). It is better explained as a classificatory label (in the sense of a comparative concept) used to refer to a set of different constructions in different languages that share the same functional/semantic property of encoding a plurality of situations.

5. Conclusion

In this paper, I have analyzed the functional domain of pluractional markers in three languages in order to investigate the grammatical status that they have within their relative grammars. In addition, it also allowed me to answer the highly debated question on the conceptualization of this kind of phenomenon from a cross-linguistic perspective. Specifically, I analyzed the pluractional systems of Akawaio (Cariban, Venezuelan), Beja (Afroasiatic, Cushitic), and Maa (Nilotic, Eastern Nilotic). In these languages, pluractional markers present several differences. In Akawaio, the morpheme *-pödi* seems to be an aspect-like marker, but at the same time some properties it shows make this classification incorrect. In Beja on the other hand, the two pluractional marking strategies seem to constitute an independent phenomenon. In Maa this phenomenon is not as frequent as in the other two languages, but it seems that a new incoming pluractional marker is emerging. This marker (the andative *-áa*) is strictly related to motion and, specifically, to directionality. The investigation of these markers in three different languages raises the question of how we can grammatically classify pluractionality in a cross-linguistic perspective. The response that I propose here consists in considering pluractionality

as language- and constructions-specific, following the proposals of certain scholars [cf. Dryer 1997; Croft 2001; Haspelmath 2007, 2010; Cristofaro 2009]. This new conceptualization leads us to consider pluractionality as a non-universally valid category, and as a comparative concept useful for comparing the markers and phenomena of different languages.

Abbreviations

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; I — Active for non-past; II — Active for past; + — Affirmative polarity series; A — Subject of transitive verb; ABL — Ablative case; ABS — Absolutive case; ACC — Accusative case; ADV — Adverb; AI — Addressee involvement; ANT — Anteriority; AOR — Aorist; ATTR — attribute; AWAY — Andative; BEN — Benefactive; CAUS — Causative; CL — Coordinating linker; CN1 — Connective 1; CNJ — Coordinating conjunction; COMP — Compleitive; COORD — Coordinator; COP — Copula; CSL — Causal; CVB — Converb; D — Dative of ditransitive verb; DAT — Dative case; DEF — Definite; DEF.F/M — Definite Feminine/Masculine (gender); DET — Determiner; DISTR — Distributive; DLMT — Delimitative; DUR — Durative; EMPH — Emphasis; EP — Epenthetic; ERG — Ergative case; EXCL — Exclusive; F — Feminine; FOC — Focus; FREQ — Frequentative; FUT — Future; INDF — Indefinite; INF — infinite; INT — Intensive; IPFV — Imperfective; IRR — Irrealis; ITER — Iterative; L — Linker (Enumeration); LOC — Locative case; M — Masculine; MID — Middle; MNR — Manner; NOM — Nominative case; NR — Non-realis (subject-modality clitic); OBL — Oblique case form; OBJ — Object; ORD — Ordinal; PASS — Passive; PFV — Perfective; PL(2) — Plural(2) (for both nominal and verbal number depending on the reference); PLAC — Pluractional; PRO — Pronoun; PROG — Progressive; PROX — Proximal; PRS — Present; PSD — Possessed; PSR — Possessor; (FAR[^]/RM.)PST — (Far/Remote) Past; RECP — Reciprocal; RED — Reduplication; REL — Relative; REPEAT — V repeatedly; SBJ — Subject; SFOC — Subject focus; SG — Singular; SOF — Softener; ST — Stative series; STYLE — stylistic; (sv.) — Subject-verb relation (downstep not audible); TEMP — Temporal mode; TOWARD — Venitive; TR — Transitive; V — Gender agreement marker (gender class; marker is /v/); V — Verb; WP — Witnessed past tense.

Bibliography

- Bar-el 2008 — L. Bar-el. Verbal Number and Aspect in Skwkwú7mush // *Recherches Linguistiques de Vincennes* 37, 2008. P. 31–54.
- Bybee 1985 — J. Bybee. *Morphology: A Study of the Between Meaning and Form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.

- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1994.
- Cabredo-Hofherr, Laca 2012 — P. Cabredo-Hofherr, B. Laca. Introduction — event plurality, verbal plurality and distributivity // P. Cabredo Hofherr, B. Laca (eds.). *Verbal Plurality and Distributivity*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 1–24.
- Caesar-Fox 2003 — D. C. Caesar-Fox. *Zauro'nödok Agawayo Yau: variants of Akawaio spoken at Waramadong*. Doctoral dissertation, Rice University, Houston, TX, 2003.
- Chelliah 1997 — Sh. Chelliah. *A Grammar of Meithei* (Mouton Grammar Library, 17). Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Comrie 1982 — B. Comrie. *Grammatical Relations in Huichol* // P. J. Hopper, S. A. Thompson (eds.). *Studies in Transitivity*. New York, NY: Academic Press, 1982. P. 95–115.
- Corbett 2000 — G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Cristofaro 2009 — S. Cristofaro. *Grammatical categories and relations: universality vs. language specificity and construction-specificity* // *Language & Linguistics Compass* 3(1), 2009. P. 441–479.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical Construction Grammar: syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Cusic 1981 — D. Cusic. *Verbal plurality and aspect*. Doctoral dissertation, University of Stanford, Stanford, CA, 1981.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- De Feu 1996 — V. De Feu. *Rapanui* (Descriptive Grammars Series). London: Routledge, 1996.
- Dimmendaal 1983 — G. Dimmendaal. *The Turkana Language*. Dordrecht: Foris Publications, 1983.
- Dressler 1968 — W. Dressler. *Studien sur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, in Lateinischen und Hethitischen*. Wien: Hermann Böhlau Nachf., 1968.
- Dryer 1997 — M. Dryer. *Are grammatical relations universal?* // J. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays in language function and language type*. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 115–143.
- Durie 1986 — M. Durie. *The Grammaticization of Number as a Verbal Category* // V. Nikiforidou, M. VanClay, M. Niepokuj, D. Feder (eds.). *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: February 15–17, 1986*, Berkeley. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, University of California, 1986. P. 355–370.
- Foley 1991 — W. Foley. *The Yimas Language of New Guinea*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

- Frajzyngier 1985 — Z. Frajzyngier. Ergativity, number, and agreement // M. Niepokuj, M. Van Clay, V. Nikiforidou, D. Feder (eds.). *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, February 16–18. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, University of California, 1985. P. 96–106.
- Gildea 2012 — S. Gildea. Linguistic studies in the Cariban family // L. Campbell, V. Grondona (eds.). *The Indigenous Languages of South America: A Comprehensive Guide*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 441–494.
- Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. Vol. 2. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003. P. 217–242.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Pre-established categories don't exist: consequences for language description and typology // *Linguistic Typology* 11(1), 2007. P. 119–132.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // *Language* 86, 2010. P. 663–687.
- Jones, Jones 1991 — W. Jones, P. Jones. *Barasano Syntax*. Dallas, TX: SIL & University of Texas at Arlington, 1991.
- Kilian-Hatz 2008 — Ch. Kilian-Hatz. *A Grammar of Modern Khwe (Central Khoisan)*. Köln: Rüdiger Köppe, 2008.
- Mattiola 2017a — S. Mattiola. The conceptual space of pluractional constructions // *Lingue e linguaggio* 16(1), 2017. P. 119–146.
- Mattiola 2017b — S. Mattiola. *Typology of pluractional constructions in the languages of the world*. Doctoral dissertation, Università degli Studi di Bergamo/Università degli Studi di Pavia, Bergamo — Pavia, 2017.
- Mithun 1988 — M. Mithun. Lexical Category and the Evolution of Number Marking // M. Hammond, M. Noonan (eds.). *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. San Diego, CA: Academic Press, 1988. P. 211–234.
- Newman 1980 — P. Newman. *The Classification of Chadic within Afroasiatic*. Leiden: Universitaire Pers., 1980.
- Newman 1990 — P. Newman. *Nominal and Verbal Plurality in Chadic*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1990.
- Ongaye 2013 — O. O. Ongaye. The Category of Number in Konso // A. Mengozzi, M. Tosco (eds.). *Sounds and Words through the Ages: Afroasiatic Studies from Turin*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2013. P. 253–266.
- Paperno 2014 — D. Paperno. Grammatical sketch of Beng // *Mandenkan* 51, 2014. P. 1–130.
- Payne 2013 — D. L. Payne. The challenge of Maa 'Away' // T. Thornes, E. Andvik, H. Gwendolyn, J. Jansen (eds.). *Functional-Historical Approaches*

- to Explanation: In Honor of Scott DeLancey. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 260–282.
- Sambou 2014 — P. Sambou. Relations entre les rôles syntaxiques et les rôles sémantiques dans les langues joola. Doctoral dissertation, Université Cheikh Anta Diop de Dakar, Dakar, 2014.
- Steehan 2012 — S. Steehan. A grammar of Sandawe: a Khoisan language of Tanzania. Doctoral dissertation, Universiteit Leiden, Leiden, 2012.
- Vanhove 2014 — M. Vanhove. Beja Grammatical Sketch // A. Mettouchi, Ch. Chanard (eds.). The CorpAfroAs Corpus of Spoken AfroAsiatic Languages, 2014. <http://dx.doi.org/10.1075/sc1.68.website>. Accessed on 15/12/2016.
- Vanhove 2017. — M. Vanhove. Le Bedja. Leuven: Peeters, 2017.
- Wood 2007 — E. Wood. The semantic typology of pluractionality. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 2007.
- Woollams 1996 — G. Woollams. A Grammar of Karo Batak, Sumatra. Canberra: Research School of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1996.
- Xrakovskij 1997 — V. Xrakovskij. Semantic types of the plurality of situations and their natural classification // V. Xrakovskij (ed.). Typology of Iterative Constructions, 3–64. München: LINCOM, 1997. P. 3–64.

II. Varia

Е. О. Борзенко

ПСТГУ, Москва

**ВЧЕРА СТАНОВИТСЯ ВЧЕРЕЕ:
НЕСТАНДАРТНЫЕ ОТАДВЕРБИАЛЬНЫЕ
КОМПАРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Введение

Компаративы, выступающие в функциях наречий (*бегаёт быстрее, чем другие*), можно рассматривать как образованные от наречий (*быстро — быстрее*) и омонимичные компаративам от прилагательных (*быстрый — быстрее*), что принято, например, в школьной лингвистике, можно же вовсе не обращать внимания на их синтаксическую функцию. При научном анализе исследователи, как правило, выбирают второй путь, что отмечает Е. В. Рахилина: «Удивительно другое: в существующих описаниях (РГ 80, Князев 2007 и 2011, Санников 2008 и др.) адвербиальные сравнительные конструкции обычно рассматриваются вместе с атрибутивными, как если бы между ними не было никаких отличий» [Рахилина 2014: 89–90]. Здесь мы будем считать формы типа *быстрее* отадвербиальными или отадъективными, в зависимости от синтаксической позиции [Сичинава 2011]. Отадвербиальные компаративы нормативны только от тех наречий, которые в свою очередь образованы от качественных прилагательных. Это наречия с суффиксами *-о/-е*, исключая имеющие лексической базой качественные прилагательные со значением меры и степени: компаративы типа *великолепнее, невероятнее* и др. ненормативны в адвербиальной синтаксической позиции (ср.: **бегаёт великолепно всех*) [РГ 80].

Итак, «стандартного» компаратива не образуют либо те наречия, которые не происходят от качественного прилагательного и не имеют качественного значения (*сначала* и др.), либо те, что имеют значение степени. Но в современной речи интернета функционирует множество «неправильных» форм, некоторые в качестве единичных игровых употреблений, некоторые же так регулярно, что их можно считать вошедшими в речь интернета.

Особенно часто встречаются окказиональные компаративы, образованные от различных частей речи: существительных (*центр — центрее, жизнь — жизнее*), глаголов (*любить — люблее, хотеть — хотее*), предикативов (*можно — можнее, нельзя — нельзее*), причастий (*сделанный — сделаннее, бывший — бывшее*), местоимений (*они — онее, какой-то — какее-то*), числительных (*второй — вторее, двадцать — двадцатее*), служебных частей речи (*либо — либее, разве — развее, увы — увее*)¹. Кроме того, окказиональные компаративы могут образовываться от прилагательных (*московские*) и наречий (*совсемее*). Именно «неправильным», неприемлемым для литературного языка компаративам-наречиям и посвящена эта работа.

2. Список нестандартных компаративов, образованных от наречий

Ниже приведен список найденных в интернет-текстах нестандартных компаративов, образованных от 200 самых частотных наречий из тех, которые не образуют стандартных форм. Порядок форм в списке определяется их частотностью, в скобках при форме указано количество найденных употреблений, в том числе в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ), а при наречии его позиция в списке частотности наречий, определяемом по словарю О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова [Ляшевская, Шаров 2009]. Для форм типа *невозможнее*, нормативных как адъективные, здесь указано количество их употреблений именно как адвербиальных.

Гораздо (96) — *гораздее* (770), *давно* (30) — *давнее* (200), *впереди* (145) — *впередее* (152), *мимо* (220) — *мимее* (88), *совсем* (16) — *совсемее* (77), *особенно* (25) — *особеннее* (70; 2 в НКРЯ), *вовремя* (214) — *вовремее* (57), *сразу* (13) — *сразее* (47), *одновременно* (78) — *одновременнее* (44), *сначала* (50) — *сначалае* (44), *изнутри* (306) — *изнутрее* (39), *весьма* (61) — *весьмее* (38), *невозможно* (94) — *невозможнее* (37; 1 в НКРЯ), *максимально* (302) — *максимальнее* (36; 1 в НКРЯ), *рядом* (26) — *рядее* (34), *гораздо* (96) — *гораздей* (31), *необходимо* (67) — *необходимее* (20), *очень* (3) — *оченее* (19), *внутри* (206) — *внутрее* (18), *еще* (1) — *ещее*

¹ Автор выражает большую благодарность анонимному рецензенту за рекомендацию перечислить данные компаративы в начале статьи, а также за остальные очень полезные советы по улучшению текста.

(17; 2 в НКРЯ), *сперва* (215) — *спервее* (17), *намного* (270) — *намногее* (16), *рядом* (26) — *рядомее* (15), *сверху* (152) — *сверхее* (14), *наоборот* (99) — *наоборотее* (14), *заодно* (277) — *заоднее* (12), *по-русски* (259) — *по-русское* (12), *справа* (238) — *справее* (12), *сзади* (193) — *сзадее* (11), *неловко* (318) — *неловчее* (10; 1 в НКРЯ), *наверняка* (174) — *навернякае* (10), *впервые* (63) — *впервее* (9), *завтра* (75) — *завтрее* (8), *непрерменно* (201) — *непрерменнее* (7), *случайно* (126) — *более случайно* (7; 1 в НКРЯ), *примерно* (95) — *примернее* (7), *по-русски* (259) — *более по-русски* (7; 4 в НКРЯ), *обычно* (56) — *обычнее* (6; 1 в НКРЯ), *назад* (27) — *назадее* (6), *вперед* (82) — *впередее* (6), *обязательно* (89) — *обязательнее* (6; 1 в НКРЯ), *вчера* (83) — *вчерае* (5), *молча* (133) — *молчее* (5), *впереди* (145) — *впередей* (4), *неоднократно* (290) — *неоднократнее* (4), *всерьез* (222) — *более серьезно* (4; 3 в НКРЯ), *гораздо* (96) — *погораздее* (4), *сегодня* (15) — *сегодняе* (3), *правда* (36) — *правдее* (3), *однажды* (52) — *однаждее* (3), *зачастую* (282) — *зачастее* (3), *недалеко* (271) — *недалекее* (3), *вначале* (249) — *вначалее* (3), *слегка* (121) — *слегкое* (3), *нынче* (246) — *нынчее* (2), *слева* (243) — *слевее* (2), *почти* (12) — *почтее* (2), *вдруг* (11) — *вдругее* (2), *мгновенно* (202) — *мгновеннее* (2; 2 в НКРЯ), *немного* (65) — *немногее* (2), *дома* (74) — *домее* (2), *едва* (87) — *едвее* (2 в детской речи, в том числе 1 в НКРЯ), *едва-едва* — *едва-едвее* (2), *фактически* (170) — *фактическое* (2), *немедленно* (134) — *немедленнее* (2), *впереди* (145) — *повпередее* (2), *достаточно* (47) — *достаточнее* (1), *более достаточно* (1); *изнутри* (306) — *более изнутри* (1), *иногда* (37) — *иногдае* (1), *иногда* (1); *вообще* (17) — *вообщее* (1), *полностью* (84) — *полностее* (1), *бесконечно* (305) — *бесконечнее* (1), *частично* (304) — *частичнее* (1), *одинаково* (301) — *одинаковее* (1), *одинаковой* (1), *более одинаково* (1; 1 в НКРЯ); *заново* (299) — *зановее* (1), *недолго* (296) — *недолгее* (1), *надолго* (265) — *надолгее* (1), *кругом* (264) — *кругомее* (1), *целиком* (258) — *целикомее* (1), *снизу* (256) — *снизее* (1), *всерьез* (222) — *всерьезее* (1), *отнюдь* (198) — *отнюдее* (1), *напротив* (173) — *напротивее* (1), *случайно* (126) — *случайнее* (1; 1 в НКРЯ), *вниз* (101) — *внизее* (1), *вскоре* (93) — *вскорее* (1), *внутри* (206) — *внутрией* (1), *непрерменно* (201) — *непрерменной* (1), *наверняка* (174) — *более навернякае* (1), *гораздо* (96) — *погораздее* (1).

Итак, самым частотным нестандартным компаративом, образованным от наречия, является *гораздее* (770 употреблений), следом идут *давнее* (200) и *впередее* (от *впереди*) (152), хотя наречия, являющиеся базами для этих компаративов, не являются самыми частотными. В общей сложности были обнаружены нестандартные компаративы от 86 наречий. Общее количество подобных компаративов — 2163. В это число нами были также включены аналитические компаративы (*более случайно, более по-русски, более всерьез, более достаточно, более одинаково, более изнутри, более наверняка*), которые довольно редки: они составляют меньше 1% от общего числа.

Нестандартные сравнительные формы имеют разную степень окказиональности: например, упомянутые выше компаративы, имеющие своей базой наречия меры и степени (*великолепнее*), или компаративы типа *давнее, невозможнее, немедленнее* гораздо более «нейтральны», чем сравнительные формы наречий, образованных не от качественных прилагательных (*вчерее, заоднее*). Кроме того, именно более нейтральные компаративы преобладают в НКРЯ, именно они появляются в художественных текстах, причем не только XX, но и XIX века, тогда как более окказиональные сравнительные формы имеют датой создания 2000–2017 гг. и в 99% случаев появляются в неформальных текстах интернета: форумах, чатах, онлайн-дневниках. Возможность образования форм типа *совсемее, зановее* даже не упоминается в пособиях по русскому языку, поскольку они являются фактами словотворчества; формы же типа *великолепнее* всего лишь признаны нелитературными и, соответственно, они гораздо менее нестандартны. Такие компаративы являются омонимами к нормативным сравнительным формам, образованным от прилагательных, и поэтому они смотрятся более естественно.

Тем не менее, нам представилось более целесообразным не разделять в общем списке компаративов и в дальнейшем тексте статьи компаративы разной степени окказиональности, поскольку в одних и тех же группах, выделенных по типам изменения семантики при образовании сравнительной степени, присутствуют как менее, так и более нестандартные формы.

3. Морфонология нестандартных отадвербиальных компаративов

Синтетические нормативные компаративы образуются от наречий посредством присоединения суффикса *ее* или его варианта *ей*, при этом последний твердый согласный основы чередуется с мягким, а конечный гласный — *о* или *е* — усекается.

Среди окказиональных компаративов зафиксировано 1364 схожих по морфологическим процессам, сопровождающим их образование, с обычными формами от качественных наречий (*одновременнее, примернее* и др.). В число остальных входят 714 компаративов, базой которых являются наречия, образованные от имени с зафиксированным падежным окончанием (*заоднее, справаее* и др.), 66 компаративов, базой которых являются наречия, образованные в истории языка от различных части речи: местоимений (*иногдае*), глагола (*почтее*), наречия (*нынчее*), частиц (*едвее*), а также этимология которых не выяснена (*ещее*), 14 компаративов, базой которых являются наречия, образованные от относительного прилагательного (*фактическоее, по-русскоее*) и 5 компаративов, базой которых являются наречия, образованные от деепричастия (*молчее*). Ниже даны полные списки компаративов, образованных от каждой из этих групп наречий, и отмечены необычные для «стандартных» компаративов морфонологические явления, сопровождающие процесс образования сравнительной степени:

1) Компаративы, схожие по морфологическим процессам, сопровождающим их образование, с обычными формами от качественных наречий: *гораздее (гораздей, погораздее, погораздей), давнее, мимее, особеннее, одновременнее, невозможнее, максимальнее, необходимее, неловчее, непременное, случайнее (более случайно), примернее, обычнее, обязательнее, неоднократноее, недалекое, мгновеннее, немногее, немедленнее, достаточнее (более достаточно), бесконечнее, частичнее, одинаковее (одинаковой, более одинаково), недолгее, непременное*.

2) Компаративы, образованные от наречий, базой для которых являются относительные прилагательные: *фактическоее, по-русскоее*. Происходит усечение суффикса *-и*.

3) Компаративы, образованные от отыменных наречий с зафиксированным падежным окончанием: *впередее (от впереди), совсемее, вовремяе, сразуе, сначалаее, изнутрие, рядомее (рядее)*,

очнее, внутренее (внутрей), спервее, намногее, свержее, наоборотее, заоднее, справее, сзадее, навернякее (более навернякее), впервее, завтрее, назадее, впередее (впередей) (от вперед), вчерее, всерьезее (более всерьез), сегоднее, правдее, однаждее, зачастую, вначалее, слегкее, слевее, вдругее, домее,, повпередее, более изнутри, вообщее, полностее, зановее, надолгее, кругомее, целикомее, снизее, напротивее, внизее, вскорее. В некоторых случаях происходит усечение той части слова, которая когда-то была падежным окончанием: *рядее, впередее*, в других просто добавляется суффикс: *рядомее*.

Чередование заднеязычного согласного в конце слова с шипящим при присоединении суффикса компаратива происходит только в одном примере: *неловчее (к//ч)*, вероятно, по аналогии с *половчее*. В других случаях твердый заднеязычный чередуется с мягким заднеязычным: *навернякее, недалекее, слегкее, вдругее, немногее, недолгее, надолгее*.

4) Компаративы, образованные от наречий, базой для которых были другие части речи:

- а) местоимения: *отнюдее, иногдее (иногда), весьмее* (и тогда в некоторых случаях усекается последний гласный слова, когда-то входивший в состав суффикса, посредством которого наречие было образовано);
- б) глагол: *почтее* (происходит усечение части слова, бывшей суффиксом повелительного наклонения);
- в) наречие: *нынчее*;
- г) частица: *едвее (едва-едвее)* (происходит усечение последнего гласного частицы).

Сюда же был отнесен компаратив от наречия, этимология которого не выяснена: *ещее*.

5) Компаратив, образованный от наречия, базой для которого является деепричастие: *молчее*. Происходит усечение последнего гласного, бывшего суффиксом деепричастия.

4. Семантика нестандартных компаративов, образованных от наречий

Наречие определяется в Лингвистическом энциклопедическом словаре как часть речи, которая обозначает «признак действия, качества или предмета» и выступает «в синтаксической функции

обстоятельства или определения, реже сказуемого» [ЛЭС]. Таким образом, семантика наречий имеет ряд общих черт с семантикой имени прилагательного, которое также обозначает признак.

В свете данных фактов представляется возможным использовать при изучении семантики компаративов, образованных от наречий, данные лингвистической науки, относящиеся к семантическим типам прилагательного. Особенно удобной для наших целей оказывается классификация Ф. Лемана [Леман 2000: 153–162], приведенная ниже:

1. **Относительные прилагательные**, которые изначально являются не градуируемыми (не задают шкалу): *деревянный, стеклянный*.

2. **Градулируемые прилагательные**, или, в терминах А. В. Исаченко [Исаченко 1954: 233–236] и Ф. Лемана [Леман 2000: 153–162], качественно-оценочные и шкалярные прилагательные соответственно. Ю. П. Князев [Князев 2009: 10–11] выделяет две семантические разновидности таких прилагательных: параметрические прилагательные: *высокий* — *низкий*, обозначающие признаки, которые можно измерить, и оценочные прилагательные: *плохой* — *хороший*.

3. **Абсолютные прилагательные**, или, по А. В. Исаченко, собственно качественные прилагательные: *современный, обыкновенный, действенный, необходимый*.

Последнюю группу — абсолютные прилагательные — необходимо оговорить подробнее, поскольку по отношению к ней для целей статьи существенно более дробное деление.

Абсолютные прилагательные совместимы с образованием степеней сравнения, однако это образование для них затруднено. Сразу отметим, что под абсолютными прилагательными здесь понимаются только прилагательные в абсолютном значении: так, *замшелый* в переносном значении в данную группу не входит.

Данные прилагательные обозначают абсолютный признак, а посредством степеней сравнения задается шкала этого признака. Ф. Леман выделяет три семантических подгруппы абсолютных прилагательных:

а) **прилагательные максимума** (*полный*), семантика которых (в положительной степени) состоит в обозначении максимальной степени качества. В формах степеней сравнения степень качества,

обозначаемая основой, локализуется ниже максимального полюса, совпадая по значению с элативом.

б) прилагательные с внутренним, или ингерентным, прототипом (*сдержанный*), шкала для которых основывается на степени отдаленности качества от прототипа.

в) прилагательные с внешней, или инферентной, шкалой (*северный*). Это самая большая группа. При восприятии образованных от таких прилагательных степеней сравнения производится инференция шкал различных размеров. Ф. Леман характеризует несколько групп подобных прилагательных:

— **привативные прилагательные** (*дефицитный, слепой, влажный*), положительная степень которых называет наличие или отсутствие конкретной или абстрактной субстанции, а степени сравнения — количественную шкалу этой субстанции. Из этого можно сделать вывод, что, если семантика называет отсутствие чего-либо, это не означает, что у прилагательного не может быть степеней сравнения.

— **прилагательные локализации** (*северный, современный, обыкновенный*), положительная степень которых обозначает пространственную, временную или мысленную локализацию, а степени сравнения — пространственную, временную или мысленную шкалу.

— **ситуативные прилагательные** (*пугающий, напуганный*), положительная степень которых называет действие или акциональное состояние, а степени сравнения — шкалу интенсивности действия или величину результата.

— **прилагательные возможности** (*доступный, неотложный*), положительная степень которых обозначает алетическую возможность или необходимость, а степени сравнения — шкалу потенциала или, соответственно, шкалу потребности.

Нестандартные компаративы, образованные от наречий, будут распределены нами в соотношении с каждым из этих классов. Под «соотношением» мы понимаем скорее не сходство значения конкретного компаратива, образованного от наречия, со значением конкретной отадъективной формы сравнительной степени, поскольку провести такую параллель не всегда возможно, а общую для выделенных нами ниже групп наречий и названных выше групп прилагательных модель изменения семантики при образовании компаратива.

1. Наречия, соотносящиеся с градуируемыми прилагательными

— наречия, не образующие компаратив по структурным причинам. Обычно такие компаративы синонимичны нормативным компаративам, образованным от наречий: так, *иногда* от *иногда* является синонимом *реже* от *редко*, *вдруге* — синонимом *неожиданнее* от *неожиданно*, *зачастее* — *чаще* от *часто*, *надолгее* — *дольше* от *долго*, *навернякее* — *вернее* от *верно*, *невозможнее* — *хуже* от *плохо*, *немедленнее* — *быстрее* от *быстро*, *неоднократнее* — *чаще* от *часто*, *немногее*, *недолгее* — *меньше* от *мало*, *ещее* — *больше* от *много*. Провести такие параллели не всегда возможно: например, трудно подобрать синоним к компаративам типа *едвее*, *мимее*, *почтее*, *заоднее*, *наоборотее*, и объяснить их значение можно только с помощью описательной конструкции. Однако семантика всех названных выше наречий претерпевает те же изменения при образовании компаратива, что и семантика градуируемых прилагательных типа *красивый* — *красивее*, *низкий* — *ниже*.

Как правило, нестандартные компаративы используются в противопоставлении тем же наречиям в исходной форме, выступающим в близком левом контексте:

- (1) *Но вдруг пошёл сильный дождь, а после него ещё «вдруге» высунулось Солнце.*
[Сайт <http://murryc.livejournal.com/631510.html>. Дата 11.10.2015]
- (2) *Дочке 8 мес. Не садится (давно подтягивается и сидит из полулежачего, но это не то, знаю), вставать даже не пытается, по-пластунски ползает по всему дому давно. Еще «давнее» начала вставать на четвереньки, раскачиваться.*
[Сайт <http://www.ljpoisk.ru/archive/8847179.html>. Дата 08.02.2011]
- (3) *Как минимум, рекомендую иногда делать копии своих статей на свой комп, а немного *иногдае* на болванку или еще какой независимый носитель.*
[Сайт <http://jane-nipa.livejournal.com/36468.html>. Дата 14.06.2013]

- (4) *ПрЭлесть. Хотя намек не вполне "едва" :) Можно было бы и "едвее"*
[Сайт <http://www.diary.ru/~the-watchers/p78303148.htm?oam>.
Дата 18.08.2009]
- (5) *Не говоря уж о том, что настраивали тогда зачастую по С, а не по А, и чем раньше, тем зачастее...*
[Сайт <http://www.forumklassika.ru/archive/index.php/t-698.html>.
Дата 04.09.2003]
- (6) *Надолго? Не надолге Украины.*
[Сайт <https://aftershock.news/?q=node/278968&full>. Дата 05.01.2015]
- (7) *А в это время лето проходит мимо. Быстрее, стремительней и мимее, чем на море...*
[Сайт <http://black-widow20.livejournal.com/945.html>. Дата 08.08.2007]
- (8) *И Дик мгновенно выхватил свой «кольт»! А Джо — еще мгновеннее!*
[Гвоздев В. Н. Ночная дорога (сборник стихов). 1995. Сайт <http://www.rulit.me/books/nochnaya-doroga-sbornik-stihov-read-119250-1.html>]
- (9) *лучше сдавать в клинике, чтобы наверняка. А в какой навернякее?*
[Сайт <http://2009-2012.littleone.ru/showthread.php?p=51301977>.
Дата 10.11.2010]
- (10) — *А исправник давно уже живет в уезде? — О, этот еще давнее, чем итановой: лет двадцать будет.*
[Воспоминания Теобальда. 1885. Сайт <http://www.guelman.ru/frei/dictant/Texts/Teobald12.html>]

Последний пример — прямая речь, отражающая не совсем «правильный» русский язык жителя Литвы. Взят из анонимного произведения, изданного впервые в 1885 году в Вильно.

Причем компаратив *слегке* может обозначать как *меньше*, так и *больше*:

- (11) *Подкрахмалить-то мне его слегка надо было, чтобы мотив на плечиках форму держал, к примеру, а не растягивался, да*

спрей мой, как оказалось, крахмалит еще "слегке" ('меньше')
[Сайт <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=70865>. Дата 15.07.2005];

- (12) *Я её слегка (ну может быть чуть-чуть "слегке", чем нужно) отогнул, а она — бац! и лопнула... ('больше')*
[Сайт <http://forum.guns.ru/forummessage/36/1236959-40.html>. Дата 18.10.2013].

Возникновение в конструкциях, создающих взаимодействие с базой в ближайшем контексте, характерно для нестандартных компаративов, образованных не только от наречий, но и от других частей речи, ср. напр. *люблее люблю* [Борзенко, Добрушина 2017] или *они и еще онее* [Борзенко 2016].

— часть данной группы составляют компаративы с **начальным *не***, причем некоторые из них относительно «нейтральны», или, иными словами, менее окказиональны:

- (13) *Но чем ближе подходили мы к острову, тем невозможнее вели себя мои несчастные спутники, тем медленнее тащились они, всё время переругиваясь между собой.*
[Альбанов В. И. На юг, к Земле Франца-Иосифа! 1917. Сайт http://militera.lib.ru/explo/albanov_vi01/albanov_vi01.html]

- (14) *Поэтому чем немедленнее девица Брока выскользнет из-под каблука Горта, тем скорее Броки потеряют власть над твоим сыном.*

[Клавелл Д. Тайпан (пер. Куприн Е.А.). 1966. Сайт http://loveread.me/read_book.php?id=61511&p=165]

Степень же необычности других компаративов из данной группы может быть довольно высокой:

- (15) *Веруйте либо нет, но юноши неоднократнее, чем дамы, начальными говорят «Я обожаю тебя»*
[Сайт <http://kristmas.ru/2016/04/23/muzhchiny-v-tri-raza-chashhe-priznautsya-v-lyubvi-pervymi/>. Дата 23.04.2016]

- (16) *И еще "немногое" рисую на компе. Талантище!!!*
[Сайт <http://forum.ru-board.com/topic.cgi?forum=29&topic=2877&start=2060>. Дата 07.07.2002]

- (17) *данный метод наверно является минимально трудоемким... и недолгоиграющим... ибо чем проще метод, тем недолгее он работает))))*

[Сайт <http://autolada.ru/viewtopic.php?t=162221>. Дата 07.11.2007]

— также сюда относятся компаративы, образованные от наречий, обозначающих **недостаток чего-либо** и имеющих семантику еще меньшей степени признака:

- (18) *Почти гимн. Гимн еще почтее*

[Маяковский В. В. Расширение словесной базы. 1915. Сайт <http://mirpoezylit.ru/books/6775/90/>]

В. В. Маяковский в своей статье прибегает к автоцитате подзаголовков своих парных стихотворений того же 1915 года «Теплое слово кое-каким порокам (почти гимн)» и «Мое к этому отношение (гимн еще почтее)», где форма *почтее* выступает как авангардный окказионализм. Компаратив *почтее* обозначает меньшую степень соответствия произведения гимну по сравнению с другим произведением, в большей степени, однако не до конца соответствующего гимну.

- (19) *Воспитательница детского сада сказала, например, об одном из питомцев:*

— *Бедный мальчик, он едва идет!*

— *Подумаешь! — ревниво отозвался другой. — Я, может быть, иду еще едвее!*

[Чуковский К. И. От двух до пяти. 1990. Сайт <http://www.rulit.me/books/ot-dvuh-do-pyati-read-3872-10.html>]

— компаративы, указывающие на **увеличение в градационном ряду**:

- (20) *Жена молчала и думала, что ее знакомый водопроводчик, с которым она уже лет пятнадцать жила в дни протечки труб, засорения унитазов и прочих порух высшего порядка, никогда никаких смежников своего дела не хаял, а говорил, что над каждым мелким халтурщиком есть халтурщик поболее, а над тем еще, а над еще — еще ешнее, потому что мы страна такая: работаем хорошо, если надо кому-то это сунуть в глаз, как Левшие блоху королю, а по жизни мы*

обходимся абы как и абы чем, потому как в стране людей за людей не держали никогда.

[НКРЯ. Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002]

- (21) *А какие ваши любимые духи? Название, и сможете описать их запах, заодно напишите цену. а заодно в каком они флаконе, а еще заоднее — какая была коробка и уж совсем заодно...*

[Сайт <https://touch.otvet.mail.ru/question/64106036>. Дата 15.08.2012]

К этим примерам применимо замечание Б. Ю. Нормана насчет **точки отчета** при сравнении. Точка отсчета, по его мнению, — это некоторое количество признака, имеющееся у одного из сравниваемых предметов. Но большее количество этого признака у другого предмета тоже может стать точкой отсчета при сравнении с третьим предметом и т. д., то есть двучленное противопоставление типа *низкий — ниже* трансформируется в постепенную градацию типа *низкий — ниже — еще ниже* и т. д. Иными словами, «сравнительная степень относительна по самой своей сути» [Норман 2006: 75]. Норман пишет:

Вот как обыгрывают это языковое свойство И. Ильф и Е. Петров: «Происшедшее нарастание улыбок и чувств напоминало рукопись композитора Франца Листа, где на первой странице указано играть “быстро”, на второй — “очень быстро”, на третьей — “гораздо быстрее”, на четвертой — “быстро как только возможно” и все-таки на пятой — “еще быстрее”» («Золотой теленок») [Норман 2006: 73–74].

В первом предложении точками отсчета являются *халтурщик — поболе — еще (поболе)*, а нестандартный компаратив *ещее* указывает на большую интенсивность по сравнению с *еще поболе*.

Однако описанный выше случай не так уж частотен. Чаще все же сравнение двухкомпонентно.

Большой интерес представляют собой также окказиональные компаративы типа *наоборотее*, которые имеют семантику ‘наоборот относительно такой точки отсчета, которая, в свою очередь, была введена через наречие *наоборот*’:

- (22) *всё бывает как раз наоборот — чем грязнее и гаже клевета, тем **"наоборотее"** всё бывает с человеком на самом деле.*
[Сайт <http://armitage-online.ru/forum/6-176-8>. Дата 29.06.2014]

2. Наречия, соотносящиеся с абсолютными прилагательными максимумом

— компаративы, образованные от наречий, обозначающих «признак признака»: абсолютная степень признака (*совсем*):

- (23) *Запад — он другой. Совсем. А районы в Карпаты — еще совсемее.*
[Сайт <http://www.stranamam.ru/post/12265499/>. Дата 09.01.2017]
- (24) *тут я целиком и полностью за картридж, а еще полностьюее — за аутсорсинг*
[Сайт https://blog.sibmama.ru/weblog_entry.php?e=376731. Дата 28.04.2013]
- (25) *Еще «бесконечнее» можно формулировать свое собственное отношение к Сталину*
[Сайт <https://m.kp.ru/daily/26164/3051987/?share.target.id=6086234&share.target.class=12>. Дата 27.11.2013]
- (26) *Как почистить печень медицинскими препаратами Чем больше число инъекций, тем режим инсулинотерапии максимальнее имитирует физиологический*
[Сайт <http://medviki.com/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD>. Дата 15.08.2015]
- (27) *И задаю я его целиком, целикомее быть не может.*
[Сайт <http://club443.ru/index.php?showtopic=192065&st=1000>. Дата 05.09.2016]
- (28) *Вот тут обязательно нужно сетку ставить, даже обязательноее чем на сам радиатор. Радиатор ГУР течет у каждого третьего (на машинах 2002–2005 годов), и нижний...*
[Сайт <http://clubvolvo.ru/showthread.php?t=99916>. Дата 14.09.2015]

Заменить такие компаративы синонимами не всегда представляется возможным. Ближким по значению к некоторым компаративам из приведенных выше примеров будет сравнительная

степень наречия *много* — *больше*. Однако семантика всех сравнительных форм этой группы, так же как семантика прилагательных максимума типа *полный*, меняется при образовании компаратива по одной модели: признак, обозначенный прилагательным или наречием, несколько редуцируется, принимая на шкале градации положение ниже максимальной степени качества.

Наречия, образующие такие компаративы, во многих случаях зависят от прилагательного. Компаративы, образованные от этих наречий, выражают большую интенсивность признака названного прилагательного, выполняя функцию именной части сказуемого или обстоятельства. При этом компаратив от прилагательного также может быть включен в предложение.

- (29) *Значит, ежели пан совсем плох, тебе, чтобы занять первое место, надо быть совсемее и плохее.*
[Сайт <http://forum-spb.name/263551-post574.html>. Дата 30.09.2015]
- (30) *Сказывают, что давно (когда — и не вспомнишь) жил человек по имени Филипп. Был он весьма популярен, но еще весьмее — скромн.*
[Сайт <http://rifmer.com/vne-konkursa/vashe-tvorchestvo-ili-v-poiskah-pochitatelja/132641.html>. Дата 13.08.2015]
- (31) *Но на мой взгляд, твой пост о Городе намного более полезен киевлянам, чем воззвания Ивалон и ещё "намноее" познатовелен.* [Сайт <http://www.li.ru/interface/pda/?jid=658348&pid=299662973&redirected=1&page=0&backurl=/users/658348/post299662973>. Дата 15.11.2013]
- (32) *Начинаю внимательно её рассматривать... Очень хороша. Даже оченее чем очень...Печально.*
[Сайт <http://anatoly.livejournal.com/10804.html>. Дата 05.03.2004]

Иными словами, в данном случае схема такова: «наречие + прилагательное <...> компаратив, образованный от наречия, + то же самое прилагательное / эллипсис того же самого прилагательного / другое прилагательное, сопоставляемое с первым».

В некоторых случаях прилагательное в схеме заменяется на качественное наречие:

- (33) *Но. Ателье всё таки и рождаются и живут. При этом сами ательеры живут тяжело. Очень. И который сами в каждой дырке гвоздь — очень. А с помощниками и работниками и того очнее.*

[Сайт <http://club.osinka.ru/topic-98545?start=45>. Дата 19.04.2011]

— помимо тех случаев, когда интенсифицируемый признак определен в предложении, есть определенное число примеров, в которых этот признак не назван. Наречие, которое должно было бы стоять рядом с прилагательным, стоит одно, и схема такова: «наречие + компаратив, образованный от наречия». О том, какой признак в таком случае подразумевает автор, приходится догадываться с учетом контекста. Этот признак не уточняется, вероятно, с определенной целью: обозначить **весь спектр значений**, который может быть в данном контексте:

- (34) *Меня вызвали в Ватикан, — пояснил он. — Весьма срочно. Пришлось прервать здесь важные дела. Оказалось, конклав решил после долгого совещания и обсуждения моей кандидатуры удостоить меня... сана архиепископа.*

Встречающие радостно зашумели, послышались вопли и воплики, что теперь мы еще ещее.

[Орловский Г. Ю. Ричард Длинные Руки — эрцфюрст. 2012. Сайт <http://iknigi.net/avtor-gay-orlovskiy/53466-richard-dlinnye-ruki-ercfurst-gay-orlovskiy/read/page-2.html>]

- (35) *Руководство лейбла — команда East Sunrise, отличные ребята, и штафф у них весьма, и мы даже осмелимся сказать, весьмее.* [Сайт <https://yvision.kz/post/28180>. Дата 25.01.2017]

- (36) *я как то зашел на РП сервер — там все не намного намногее.* [Сайт http://forums.goha.ru/showthread_82_0_t284478_page16. Дата 28.05.2009]

- (37) *Русские женщины действительно другие. Не как немки например... гораздо гораздее.*

[Сайт <http://uborshizzza.livejournal.com/1295364.html>. Дата 22.02.2011]

3. Наречия, соотносящиеся с абсолютными прилагательными с ингерентным прототипом

В некоторых случаях компаратив может просто обозначать большую интенсивность названного наречием признака, в том числе эмоциональную, или, другими словами, большую близость к прототипу:

- (38) *У вас Россия вперед, а у нас она **впередее!***
[Сайт <https://trolleybust.com/?uid=4586199>. Дата 06.05.2015]
- (39) *...И пр. Женщин, у которых все впереди, так и остаются одни и все у них и в 30, и в 40, и в 50 лет **все впередее и впередее?** Читать ещё*
[Сайт https://www.kleo.ru/items/dual/2mn_ne_hochu_zvat_muzhei.comments.shtml. Дата 26.02.2013]
- (40) *Впрочем, у нее, как у самой юной, все **еще впередее**, чем у остальных членов Клана.*
[Сайт http://www.hvar.ru/services_8_12.php. Дата 28.06.2005]
- (41) *"Украина — вперед!" Да куда ж уже **впередее!** И так впереди всех на лихом коне ! Или хочет хапануть побольше САМОЙ ВОНЫ?*
[Сайт <http://news.bigmir.net/ukraine/551249-Iz-partii-Batktivshina-k-Korolevskoi-pereshli-103-cheloveka>. Дата 06.04.2012]
- (42) *а они всё равно все уходят... не сейчас, так потом... и мы остаёмся во "вчера", и оно **все вчерее и вчерее**... а время все стачивает, словно вода камень.*
[Сайт <http://www.creomania.com/forum/index.php?showtopic=27939>. Дата 20.02.2008]
- (43) *Да. наше Завтра **завтрее!***
[Сайт <http://liveangarsk.ru/image/130414>. Дата 13.11.2011]
- (44) *Дай Бог тебе уйти вовремя. И **чем ввоврееее, тем лучше.***
[Сайт <http://www.km.ru/forum/kino/2013/10/18/persony-i-sobytiya-v-mire-kino/723262-obnarodovany-zhutkie-podrobnosti-smerti-olgi-a>. Дата 18.10.2013]
- (45) *Тогда объясню **ещё по-русские**: фраза датского Принца была представлена в виде булевской операции...*

- [Сайт <http://forum.rcdesign.ru/blog.php?u=4504&page=16&do=comments>. Дата 12.02.2013]
- (46) *Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все одинаково были подчинены законам. Но некоторые должны быть подчинены одинаковее*
[Сайт <https://sprashivalka.com/tqa/q/2635435>. Дата 2010–2017]
- (47) *Мы встречаемся все случайнее, Все трудней узнать нас под коркой лет.*
[Семенова Е. Случайная встреча. Сайт http://stranapesen.ru/song/semenova_sluchainaya-vstrecha.html. Дата 28.01.2012]
- (48) *Когда примерно будет осенние обновление? осенью, прикинь. это если примерно. а если еще примернее то в середине осени)*
[Сайт <https://dota2.ru/forum/threads/kogda-primerno-budet-osennie-obnovlenie.978762/>. Дата 24.08.2016]

Примернее здесь имеет не значение ‘более приблизительно’, как следовало бы ожидать, а антонимичное значение ‘точнее’. Такой процесс — употребление компаратива в значении, антонимичном исходному наречию, — был уже упомянут нами (см., например, *слегка*). Подобрать синонимы к некоторым другим из названных выше компаративов не всегда возможно: например, для *вчерае*, *завтрее*, *вовремее*, *впередее*, *по-русское* крайне трудно придумать подходящую замену в виде синтетического компаратива. Однако они, как и компаративы от прилагательных с ингерентным прототипом, обозначают большую степень качества, названного в положительной степени признака, причём это качество не всегда может быть четко определено: так, *вчерае* можно соотносить с аналитическим компаративом прилагательного *более прошлый* со всеми ассоциациями, которые автор высказывания соотносит с прилагательным *прошлый* (или с наречием *вчера*).

4. Наречия, соотносящиеся с абсолютными прилагательными с инферентной шкалой:

а) с привативными прилагательными:

— компаративы, которые образованы от наречий, указывающих на признак, относящийся к обособленному ряду предметов, и имеют семантику дальнейшего обособления:

- (49) *Мой любимый жанр в музыке это рок и медленные композиции, особенно Русский рок, а еще особеннее старый.*
[Сайт <https://m.vk.com/konyuhov.perm?act=info>. Дата 2007–2013]
- (50) *..внутри — внезапно! — доллморская коробочка.. ..а ещё внутрее — и уже не так внезапно — мумийка в пузырьках).*
[Сайт <http://bjdclub.ru/viewtopic.php?f=117&t=12042&start=0>. Дата 05.06.2009]
- (51) *А фактически -- двух. А ещё фактическое -- одного, т.к. интеграл с нулевой степенью автоматом сводится к Пуассону, с первой -- будет равен нулю и со второй -- очень...*
[Сайт <http://dxdy.ru/topic42772.html>. Дата 01.03.2011]
- (52) *Взгляд снаружи и изнутри ещё изнутрее. (о времени, пространстве, бесконечности, относительности).*
[Сайт http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1001362/104/Soobschestvo_Nezavisimyh_-_Tvorchestvo_Stalkerov__kniga_3_.html. Дата 16.04.2014]
- (53) *работал я на колбасном производстве. весь процесс изнутрее не придумаешь видел.*
[Сайт http://forum.guns.ru/forum_light_message/89/548210-m13340229.html. Дата 25.11.2009]

— при образовании компаратива может происходить и обратный процесс: если наречие что-либо обобщает, то компаратив выражает расширение этого обобщения:

- (54) *Говоря еще вообще, когда я уезжал в Рим, мама сказала, что Нетти откомандировали в некую европейскую столицу...*
[Штейнгарт Г. Супергрустная история настоящей любви. 2011. Сайт <http://iknigi.net/avtor-gari-shteyngart/78984-supergrustnaya-istoriya-nastoyaschey-lyubvi-gari-shteyngart/read/page-1.html>]

Семантика данных компаративов от наречий соотносится с семантикой компаративов привативных прилагательных типа *влажный*: и те, и те обозначают количественную шкалу того, наличие чего констатируется в положительной форме.

б) с прилагательными локализации:

— **наречия места** образуют компаративы, имеющие семантику большей интенсивности признака места, и их вполне можно заменить на нормативные компаративы: *впередее*, *назадее*, *сзадее* — *дальше*; *снизее*, *внизее* — *ниже*; *сверхее* — *выше*; *рядомее* — *ближе* и т. д. Такие наречия в форме сравнительной степени образуют пространственную шкалу, так же как прилагательные локализации: *южный* — *южнее*.

- (55) *а ещё **впередее** ехал автобус, но он включил левый поворотник, я снизил скорость и шёл почти параллельно с Тусканом примерно под 50 км/ч...*
[Сайт <http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=67&i=3929541&t=3929541>. Дата 06.06.2008]
- (56) *Если поползет снизу (между крышкой и блоком головок) то прокладка №5. А может **еще снизее** (ну не нашел более подходящего слова!!!) ползти, тогда надо вниз лезть и там...*
[Сайт <https://forums.drom.ru/honda-general/t1151542416-p390.html>. Дата 05.07.2011]
- (57) *В моем случае сначала идут все ингредиенты, сверху — мука, **еще "сверхее"** — дрожжи.*
[Сайт <http://www.koolinar.ru/recipe/view/48837>. Дата 01.03.2009]
- (58) *интересно, как отреагирует рубледоллар (евра вниз-доллар вверх, доллар вверх — рубль **еще внизее**).*
[Сайт <https://smart-lab.ru/blog/268509.php>. Дата 27.07.2015]
- (59) *Иногда приходится при прорезывании зубов откатываться с прикормами назад на пару мес, потом снова вводить, но быстрее уже, конечно. да куда уж **"назадее"** — и так в 9 мес. кабачок и цв.капуста. Ни брокколи, ни каши — НИЧЕГО не идет.*
[Сайт <http://www.ljpoisk.ru/archive/3188542.html>. Дата 13.01.2008]
- (60) *Немцы, все-таки по технике строительства оборонительных сооружений были **намного впередее**. Их саперная лопатка была круче советской по качеству стали. Вывод, средний*

немец закапывался быстрее.

[Сайт <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=432652>. Дата 20.04.2005]

- (61) *Ровно на 11 круге всё вернулось на гранпри своя: Мерседесы впереди, Вильямсы сзади, Ред Булл чуть позади, Феррари ещё сзади...*

[Сайт https://www.sports.ru/tribuna/blogs/ladies_sight/629557.html. Дата 15.06.2014]

- (62) *Мы балкон использовали только для сушки. Там все рядом, а с первого этажа еще *рядомее*, спустился и столики с плетеными стульями и подушками к ним и скамейки пожалуйста. И на них подушки есть.*

[Сайт <https://ftour.otzyv.ru/read.php?id=203144&p=320>. Дата 25.01.2013]

- (63) *Так МИМО, что "МИМЕЕ" не придумаешь!*

[Сайт <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=21740&page=4>. Дата 04.01.2003]

Хоть мы и назвали такие компаративы синонимичными нормативным отадвербиальным сравнительным формам, но они все же не идентичны им по смыслу: так, *сзади* указывает на порядок следования, а синонимичное ему *дальше* — на расстояние. Эти понятия, безусловно, связаны, однако оттенки значения сохраняются. Именно поэтому представляется более логичным отнесение таких компаративов в эту группу, а не в группу, соотносящуюся по значению со градуируемыми прилагательными.

Справее и *слевее* являются синонимами *правее* и *левее*, в случае с *правее* это может происходить во избежание омонимии с *правее* от *прав*. В случае с *слевее* происходит совмещение *слева от* и *левее*.

- (64) *AViD, второй вариант по интересней и место для логотипа эдельвейса есть, слевее от вечногo огня на коричневом паронете*

[Сайт <http://forum.skif4x4.ru/viewtopic.php?id=8734&p=22>. Дата 27.04.2012]

- (65) *KPlus писал(а) но тот кто справа тот все равно справее других:)*...

[Сайт https://www.nn.ru/community/auto/main/?do=read&thread=2653325&topic_id=61428252. Дата 27.01.2013]

- (66) *В ПДД четко написано. Велосипедист — ехай справа... Чем справее тем лучше... Пешеходов не дави...*

[Сайт http://pikabu.ru/story/chem_opasna_ezda_po_vstrechke_na_velosipede_3757799. Дата 05.11.2015]

— **наречия времени** при градуировании приобретают временную шкалу, так же как прилагательные локализации, указывающие в положительной степени на временную локализацию (*современный* — *современнее*). Например, наречия *сразу* и *одновременно*, казалось бы, обозначают какую-то точку, а не растяжимое понятие. Именно такую семантику наречие *сразу* имеет в предложении *Версию о пропаганде отмел сразу*.

Однако компаратив, образованный от *сразу*, показывает, что семантика такого наречия как бы подразумевает некоторый промежуток времени, к которому можно отнести понятие «сразу», а компаратив обозначает более эталонное понимание этого *сразу* в пределах этого временного промежутка по сравнению с первым употребленным в предложении *сразу*:

- (67) *Версию о пропаганде отмел сразу. Она, конечно, могуча. Но не настолько. Версию о радении за интересы всего человечества и неприятии методов США, которыми они проводят свою политику в мире — еще "справее".*

[Сайт <http://moskvachenko.livejournal.com/1684.html>. Дата 11.08.2015]

Также и *одновременно* начинает обозначать промежуток времени, где *одновременнее* обозначает большую близость к идеалу:

- (68) *Вот здесь уже более продумано получилось — так как они взрывались намного быстрее и "одновременнее".*

[Сайт <http://vedmak3obzory.ru/watch/IsGVgjciiqI/>. Дата 01.01.2016]

Сначала, однако, обозначает не промежуток времени, а точки во времени, одна из которых может быть раньше другой:

- (69) *Занавески повесить (сшить сначала, а еще сначала ткань купить).*

[Сайт <http://www.flylady.ru/fly/viewtopic.php?t=10716&start=300>. Дата 13.10.2011]

Это же относится и к *вначале* и *спервее*:

- (70) *Но ещё вначале была гудящая пронзительная тишина... И весь балет я стою. Имя мне — священный трепет*

[Соломатина Татьяна. Мой одесский язык. 2011. Сайт <http://odesskiy.com/solomatina/felner-gelmer-i-glazunov.html>]

- (71) *Доплачивают (хозяину есть скидка на налоги) при условии устройства на работу через БЛ, а сперва получить инвалидность, а еще спервее надо вообще стать на учет в...*

[Сайт <http://besedka.co.il/index.php?showtopic=11754&st=180>. Дата 21.12.2011]

Сегодня становится обозначением определенного временного промежутка, относящегося к настоящему времени, и в нем, соответственно, может быть градация ‘ближе — дальше от настоящего момента’, или эталонного ‘сегодня’:

- (72) *Очень бы хотелось как можно "сегодня" девицу пристроить. Спокойная для джека; с братом были вдвоем, иногда шумели, веселились, сейчас, как мышь, тихая, не видно и...*

[Сайт <http://pesiq.ru/forum/showthread.php?t=57914&page=5>. Дата 18.12.2016]

То же относится и ко *вчера*, но только эталонное *вчера* в данном случае обозначает ‘дальше от настоящего момента’:

- (73) *Такое в принципе невозможно. Открыть диспут по неоплате можно лишь через 4 дня после продажи. Так что наверное, все-таки, ваше "вчера" немножко "вчера" чем вы написали*

[Сайт <http://foren.germany.ru/arch/147471/f/20903672.html>. Дата 15.02.2015]

Завтра, с другой стороны, может обозначать близость к завтрашнему дню временного промежутка, не входящего в него:

- (74) *Кстати, я даже не прошу переплачивать: рынок сам делает из сегодня завтра, причем с каждым днём сегодня становится всё завтрае и завтрае! Уже классика!*
[Сайт <https://forums-su.com/viewtopic.php?f=119&t=80233>. Дата 22.10.2007]

Завтрае также может обозначать ‘завтра с точки зрения завтрашнего дня, т. е. послезавтра’:

- (75) *У них там два директора, обещали каждый день что завтра будет. А завтра обещали что ещё завтрае будет*
[Сайт <https://drbobah.com/forum/f84-firmy-saity-kidaly-obman-v-internete/t12859-bvkt-kiev-ua-byuro-vprovadzhennya-kompyuternih-tehnologn/>. Дата 02.10.2007]

в том числе если отсчитывать *завтра* с утра, а не с 00.00:

- (76) *понятно, подождем эээ погоди но уже завтра наступило или еще завтрае?*
[Сайт <http://2009-2012.littleone.ru/showthread.php?p=22425746>. Дата 01.03.2009]

Однаждее же употребляется для выделения в тексте последующего за ним описания, поскольку наречие *однажды* там уже было употреблено, а также для выражения семантики ‘еще больший контраст между рутинной обстоятельством и неожиданностью события’:

- (77) *Однажды Петя родился и вырос в городе Несконсет, на острове Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк, но в возрасте 13 лет переехал в штат Нью-Гэмпшир. И вот ещё однаждее жизнь городка разбита, когда Петя, тихий, спокойный мальчик, устраивает побоище в собственной школе и расстреливает десять школьников, а многих оставляет инвалидами на всю жизнь. Вот такой однажды бывает Петя* [Сайт <http://init0.livejournal.com/>. Дата 31.01.2011]

Нужно также отметить компаративы, которые кажутся образованными от наречий, но на самом деле имеют словообразовательной базой прилагательное. Так, компаратив *впервее*, образованный, казалось бы, от наречия *впервые*, на самом деле, судя по

его семантике, образован от *первый* и идентичен по значению с *раньше* от *ранний*:

- (78) *мы заняли этот карман, ведь наша машина была сзади них, а значит, они **впервое**, и мы должны им просто уступить сейчас, мы должны отогнать свою машину и ехать в хвост, а они поставят свою машину.*
[Сайт <https://m.babyblog.ru/community/post/Piter/1710487>. Дата 01.05.2013] — ‘более первые’.

Похожая ситуация с *по-русское*, который образован от *русский*:

- (79) *Как по мне, так лучшие всего на каких-нибудь сибирских. Почестнее народ там как-то. **По-русское**, что ли. Петербург устал.*
[Сайт <http://aurora.network/forum/topic/20852-tema-peterburg-kak-vrednyi-istoricheskii-fenomen>. Дата 07.02.2014] — ‘более русский’.

в) с ситуативными прилагательными:

С данной группой прилагательных соотносится только компаратив *молчее*, база которого образована от деепричастия, а семантика, так же как значение компаративов от ситуативных прилагательных типа *устрашающий* — *устрашающее* (более *устрашающий*), указывает на шкалу интенсивности акционального состояния:

- (80) *реал не вынуждает объявлять войны), пострадавшим за судьбу (пришли в левый алл молча, уходите еще молчее)...*
[Сайт <https://board.ru.ogame.gameforge.com/index.php/Thread/52955-18>. Дата 20.12.2008]

г) с прилагательными возможности:

Компаратив в таком случае обозначает шкалу потребности, как в случае с прилагательными возможности типа *неотложный* — *неотложнее*:

- (81) *Если Россия праздновала тысячелетие политического своего существования, то тем непременно должна отпраздновать тысячелетие...*
[Газета «Современная летопись». 1866. Сайт <http://rusk.ru/st.php?idar=41968>]

Чаще всего при образовании компаратива интенсифицируется денотативное значение лексемы, что можно было увидеть из примеров, приведённых выше. Однако в некоторых случаях интенсификации подвергается коннотат слова:

- (82) *А представляешь, станем бабушками, еще зановее откроем всё))))). Станем бабушками? Да уж, а там и до прабабушек не далеко, будем всё зановее и зановее открывать :-)))*

[Сайт https://www.babyblog.ru/community/post/kids_books/3174913. Дата 24.03.2015]

Наречие *заново* употреблено в предложении с коннотацией радости, чего-то нового и неожиданного. Соответственно, при образовании компаратива эта коннотация усиливается.

Итак, нестандартные компаративы, образованные от наречий, во многом схожи по семантике градуальности с качественными прилагательными. Все семантические группы таких компаративов соотносятся с семантическими группами отадъективных сравнительных форм. Некоторые из данных групп имеют малое число представителей: например, с ситуативными прилагательными соотносится только *молчее*, однако вполне вероятно, что увеличение их количества — всего лишь вопрос времени.

5. Синтаксис нестандартных отадвербиальных компаративов

Как известно, наречие выполняет в предложении функцию обстоятельства и — в редких случаях — несогласованного определения (*яйцо всмятку*) или сказуемого:

- (83) *Золотой век империалистов **позади**; впереди — Медный век пророков и Железный век варваров, но человек способен выжить сам и формировать чужое будущее во все времена.*
[НКРЯ. «Знание — сила» (2003)]

Окказиональные компаративы, образованные от наречий, выполняют те же роли в предложении, однако сказуемым и определением они бывают гораздо чаще, чем нормативные отадвербиальные компаративы.

1. Обстоятельство:

- (84) *Многие в России этому верят- ибо: вот тот так прямо и сказал, а этот еще **ещее** сказал...*
[Сайт <https://qna.center/question/1927773>. Дата 25.08.2017]
- (85) *Ваша действительность сначала формируется в мыслях, а уж потом в реальности. А еще "сначалае" она формируется в чувствах.*
[Сайт <http://forumsdp.ru/index.php?topic=34.60>. Дата 14.12.2014]
- (86) *Скажу сразу — не пробовал программу. Скажу еще **сра-
зее** — не буду.*
[Сайт <https://olegon.ru/showthread.php?t=7886&page=3>. Дата 11.04.2010]

2. Несогласованное определение, в том числе для наречий, которые вне компаратива определениями быть не могут:

- (87) *Гимн еще **почтее**.*
[Маяковский В. В. Расширение словесной базы. 1915. Сайт <http://mirpoezylit.ru/books/6775/90/>]
- (88) *контрагент придумал оранжевую революцию, наши придумали, как с ней бороться — но подлый контрагент узнал, что придумали наши, и придумал что-то ещё! теперь, по идее, наша очередь придумывать что-то ещё — точнее, что-то ещё еще **ещее** — но контрагент ведь только этого и ждёт!*
[Сайт <http://zaxar-borisych.livejournal.com/174115.html>. Дата 06.08.2007]

3. Именная часть сказуемого (мы рассматриваем только компаративы, выступающие в функции сказуемого в двусоставном предложении, что свойственно некоторым наречиям в принципе. В нашей базе есть примеры окказиональных компаративов в предикативном употреблении, но они будут рассмотрены в отдельной статье):

- (89) *звук- ну прям совсем другой, **совсемее** и **гораздее***
[Сайт <http://audiportal.su/archive/index.php/t-703-p-6.html>. Дата 16.12.2015]

- (90) *Доминиканец, кстати, возможно даже впередее индийца.*
[Сайт <http://4pda.ru/forum/index.php?showtopic=429522&st=2320>. Дата 10.11.2015]
- (91) *Русские женщины действительно другие. Не как немки например... гораздо гораздее.*
[Сайт <http://uborshizzza.livejournal.com/1295364.html>. Дата 22.02.2011]
- Отдельно следует отметить компаративы, употребленные в конструкциях типа «компаратив + *некуда/нет/не бывает*» со значением, близким к превосходной степени:
- (92) — *Привет, коллега, — с улыбкой сказал он. — Ты что, правда москвичка? — Правдее не бывает, коллега.*
[Колесникова Н. Любовь оружейной принцессы. 2006. Сайт <http://www.rulit.me/books/lyubov-oruzhejnoj-princessy-down-load-free-380587.html>]
- (93) *Завтра уже на столько завтра, что просто завтрее не бывает))*
[Сайт <https://geometria.ru/places/rk-feniks-krivoj-rog/announcements/80506>. Дата 11.03.2011]
- (94) *А после смены системы баг сразу появлялся? Сразее не бывает. Есть уже некоторые экспериментальные результаты*
[Сайт <http://forum.3dnews.ru/archive/index.php/t-34074.html>. Дата 15.01.2005]
- (95) *Это нынче или нет? что-то я не помню такого... Нынчее некуда!*
[Сайт <http://vaz2101.ru/forum/viewtopic.php?p=722942>. Дата 20.05.2011]
- (96) *Что значит "заново выстраивать"?
Да тоже интересно, с какого это момента "заново".
Последнее реальное "заново" было как раз в 2006–2007 где-то. Куда зановее может быть?*
[Сайт <http://echo.msk.ru/blog/alebedev/archive/3.html>. Дата 28.12.2015]

6. Итоги

Нестандартные компаративы образуются от многих наречий, для которых образование стандартных форм степеней сравнения невозможно, и общее количество употреблений подобных компаративов в современных интернет-текстах (комментариях, живых журналах и т. д.), как было показано, довольно велико. При этом, по данным проведенного исследования, это количество растет с каждым годом, что может послужить причиной вхождения в будущем хотя бы части таких форм в литературный язык, поскольку, как известно, иногда форма становится нормативной благодаря своей популярности [Пожарицкая, Добрушина 2017].

Семантика компаратива, которая, в соответствии с определением сравнительной степени, должна обозначать всего лишь большую интенсивность признака, меняется — особенно в некоторых случаях — слишком сильно, чтобы можно было считать наречие и образованный от него компаратив формами одной лексемы, что побуждает нас склоняться в пользу теории компаратива как отдельного словообразовательного класса.

Литература

- Борзенко 2016 — Е. О. Борзенко. Они и еще онее: образование компаратива от местоимений в русском языке XX–XXI веков // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. Выпуск 3 (48). М.: ПСТГУ, 2016. С. 45–61.
- Борзенко, Добрушина 2017 — Е. О. Борзенко, Е. Р. Добрушина. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Выпуск 1. М.: РУДН, 2017. В печати.
- Исаченко 1954 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук, 1954.
- Леман 2000 — Ф. Леман. Лексическое значение и грамматические функции имени прилагательного // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и словаре: сб. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 153–162.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Москва: Языки славянских культур. М.: Яз.славянских культур, 2007.

- Князев 2011 — Ю. П. Князев. Сравнительная степень. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
- ЛЭС — В. Н. Ярцева (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения 24.06.2017)
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Норман 2006 — Б. Ю. Норман. Игра на гранях языка. Москва: Флинта: Наука, 2006.
- Пожарицкая, Добрушина 2017 — С. К. Пожарицкая, Е. Р. Добрушина. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // В. П. Селегей (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 16 (23): В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 372–383.
- Рахилина 2014 — Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок: в поисках констант // М. А. Даниэль, А. Е. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.). Язык. Константы. Переменные. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.
- Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Сичинава 2011 — Д. В. Сичинава. Наречие. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.
- РГ 80 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения 24.06.2017)

S. B. Klimenko, M. V. Stanyukovich

Institute for Linguistic Studies RAS, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS, St. Petersburg

YATTUKA AND TUWALI IFUGAO HUDHUD: YATTUKA, KELEY-I, AND TUWALI IFUGAO INTERFERENCE

1. Introduction¹

Hudhud, proclaimed as one of the world's most remarkable examples of the oral and intangible heritage of humanity by UNESCO in 2001 [UNESCO 2014], is an epic chant performed in a limited number of central and southern municipalities of the Ifugao province in Northern Luzon [Stanyukovich 2013: 170]. In spite of the popular view that the genre has no ritual significance [Lambrecht 1960: 2; Lambrecht 1967: 268; Dulawan 2000: 249; Dulawan 2005: 3; Acabado 2010: 132; Blench, Campos 2010: 57], hudhud epics have strong ritual connections, as they are performed in a variety of important rituals [Stanyukovich 1982; Stanyukovich 2003; Stanyukovich 2013]. The protagonists of the stories — Guminigin, Aliguyon, Bugan, and others — belong to a group of benevolent deities [Stanyukovich 2007: 64].

Hudhud is performed in three different languages: Tuwali Ifugao, Amganad Ifugao (both belong to the Central Cordilleran languages), and Yattuka (a Southern Cordilleran language). The epic is mostly known in the first two languages. All the published texts were recorded

¹ We thank the following people and organizations for their help: Dennis Pagal, Felicitas Haguy Belingon, Helen Tuguinay, Josephine Pataueg, Josie Duppungay Dingayan, Lawrence Reid, Marilyn Guimbatan, Marlon Martin, Merry Gulingay Guyudon, Mildred Pila, Kerry Faith Guyguyon Bangadon, Richard Hagada Buhung, Rita Panganiban Palbusa, Ruben Gumangan and others, as well as the National Museum of Ethnology, Osaka, Japan. This research was funded by the Russian Scientific Foundation (project no. 14-18-03406), Russian Foundation for Fundamental Linguistic Research (A-15-2013 and A-35-2015), and the Fellowship for the Documentation of Oral Literature and Traditional Ecological Knowledge of the Firebird Foundation for Anthropological Research (Documentation of Yattuka, a Language of Hudhud, the Epic Chant of Ifugao Province, the Philippines).

in Tuwali-speaking areas, except for three hudhud texts in Yattuka that appeared in pre-print without translation. The existing Yattuka hudhud records remain unpublished as of now. The Tuwali and Yattuka texts seem to contain a number of borrowings from other languages. Until present, it has been unclear how ubiquitous such borrowings are and what languages they come from. This paper deals with the phenomenon of interference (defined here as the use of elements of one language, lexemes or morphemes in the context of this study, in speech in a different language) of linguistic units coming from different languages in the hudhud genre. This phenomenon has already been tackled in several studies [Stanyukovich 2011a; Stanyukovich 2011b; Stanyukovich 2012], however still remains understudied. Here, we aim to shed some light on the interference in hudhud, regarding more specific questions, including: (i) what languages spoken in Ifugao province do hudhud singers borrow from? (ii) is it possible to find any linguistic evidence to support the hypothesis that the hudhud genre originated in the Yattuka culture?

Hudhud varieties fall into four different situational variation categories: *hudhud di ?ani*² — harvest hudhud, performed during harvesting native varieties of rice that bear ritual significance; *hudhud di qolot* — haircut rite song, performed during *qolot* — the haircut rite for boys of the rich, which is part of the life-cycle rituals [Stanyukovich 2013: 168]; and *hudhud di nate* — funeral chant, which is a shamanistic song of the same epic form as the other hudhud genres, but is used to guide the soul to the abode of the dead during the wake or *bogwa* — the secondary burial ritual [Stanyukovich 2003; Stanyukovich 2013: 168] (*hudhud ni ?ani*, *hudhud ni qolot* and *hudhud ni nosi* in Yattuka, correspondingly) [Stanyukovich 2007: 64]. Hudhud also used to be performed during *?uja?uj*— the wedding ritual for the rich,

² Tuwali, Yattuka and Keley-i words in this paper are given in IPA. Translations of examples cited from other works are given in the original.

Brackets in glossing are used whenever a form expresses a meaning not denoted by any of its individual morphemes. Consider, for example, the verb *?um-qiliggen* in (9), which has only two morphemes: the root *qiliggen* and the actor voice prefix *?um-*. The verb, however, also expresses an aspect meaning, which is represented by the whole form as opposed to all the rest in its paradigm, rather than by either of the individual morphemes. Hence the use of NEUT outside the brackets in the gloss.

also constituting part of the life-cycle rituals, which is not performed anymore by the modern Ifugaos [Stanyukovich 2013: 179–180].

At present, hudhud is an endangered genre, as there are very few lead singers left and younger generations are no longer interested in learning the tradition, due to the disintegration of the traditional society and fading of the native belief system. *Hudhud di ?uja?uj* is no longer performed, and *hudhud di/ni ?ani* is occasionally performed in the field in Asipulo (the municipality of the Ifugao province where Keley-i and Yattuka are spoken), but no longer in Tuwali-speaking areas, while *hudhud di/ni qolot* and the funeral hudhud are rare both in Tuwali and Yattuka/Keley-i speaking areas.

Hudhud is sung by a lead chanter — *mun-haw?e* (Tuwali) or *mo-ha?wi* (Yattuka) — who narrates the events of the story, and the chorus, consisting of two or more people — *mun-?abbuj* (Tuwali) or *ma-?obbuj* (Yattuka) — who finish every line with formulae containing the character names, place names and rhythmic fillers (as well as time formulae, characteristic of the Tuwali hudhud texts published by Fr. Lambrecht and A. Daguio).

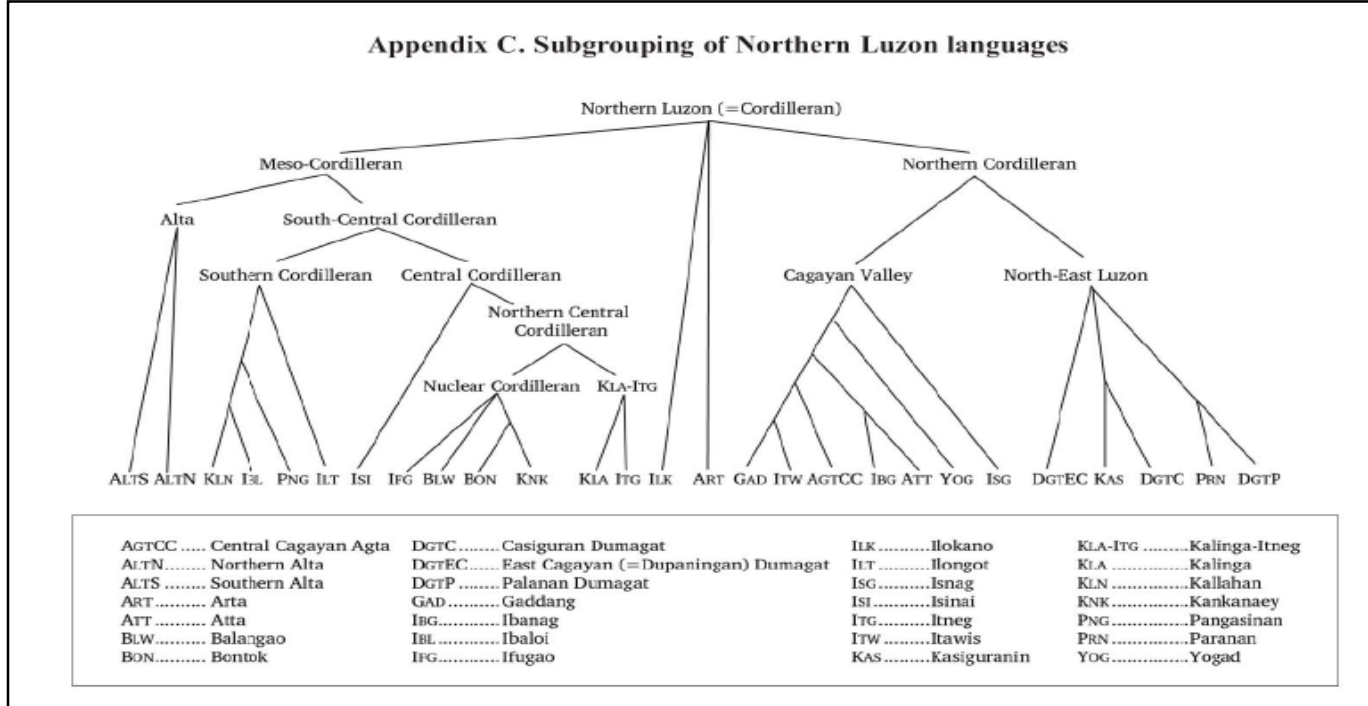
Hudhud is a predominantly female tradition [Stanyukovich 2007: 64], sung by women who have passed childbearing age [Stanyukovich 2013: 172]. In Asipulo, males join the chorus much more often than elsewhere. Occasionally male lead chanters can be met. Such chanters can either be males who mastered the art of hudhud from their mothers, or homosexual ritual specialists who were taught by elder women.

Data on Yattuka in this research comes primarily from the field studies of the authors of this paper.

2. The languages in Ifugao province

The numerous isolects spoken across Ifugao province belong to two different genealogical groups: Central Cordilleran (IFG for Ifugao in Figure 1) and Southern Cordilleran (KLN for Kallahan in Figure 1) languages.

Figure 1. Position of the Central Cordilleran and Southern Cordilleran languages of Ifugao in Northern Luzon languages (from [Reid 2007: 28])

Central Cordilleran isolects include at least four Ifugao languages recognized in *Ethnologue* [Simons, Fennig 2017] and *Glottolog* [Hammarström et al. 2018]: Tuwali Ifugao (ISO 639-3 ifk)¹ (descriptions of the grammar of this language can be found in [Hohulin, Hohulin 2014; Klimenko 2012]), Amganad Ifugao (639-3 ifa) [Madrid 1980; Sawyer 1975; West 1973], Batad Ifugao (639-3 ifb) [Newell 2005, 2008], and Mayoyao Ifugao (639-3 ifu) [Hodder 1999]. The latter is not recognized as an independent entity in some studies. Thus, in the following map (Figure 2) the Tuwali-speaking area is shown enclosed with the solid line, the Amganad area is enclosed with the broken line, while the Mayoyao and Batad languages are lumped together and enclosed with the dotted line. It should be noted that Amganad, Batad, and Mayoyao are not universally recognized as independent languages in the folk taxonomy of the Ifugao population. Tuwali, Kalanguya, Keley-i, and Yattuka speakers normally consider them to be one under the name of Ayangan Ifugao.

Southern Cordilleran isolects include at least three different languages, only two of which are recognized in *Ethnologue* [Simons, Fennig 2017] and *Glottolog* [Hammarström et al. 2018]: Kalanguya, Keley-i, and Yattuka. Figure 3 shows the geographical boundaries of these three closely related languages, which cover the northern parts of the provinces of Pangasinan and Nueva Vizcaya, the east of Benguet province, and the south of Ifugao province.

Kalanguya (referred to as Ahin-Kayapa Kalanguya (639-3 kak) in [Simons, Fennig 2017]) has at least four dialects: (i) Northern, spoken in Tinoc municipality of Ifugao and Ambaguio municipality of Nueva Vizcaya, a province adjacent to Ifugao (referred to as Kallahan, Tinoc 639-3 tne in [Simons, Fennig 2017]); (ii) Central, spoken in Kayapa municipality of Nueva Vizcaya (Kallahan, Kayapa 639-3 kak in [Simons, Fennig 2017]); (iii) Southern, spoken in Aritao and Santa Fe municipalities of Nueva Vizcaya; (iv) Benguet dialect, spoken in Benguet province. The approximate number of speakers of the language is 100,000 [Santiago 2015].

There are, most likely, other dialects that have never been studied or recognized as such in literature or any reference materials. Thus, the locals of Asipulo municipality report that residents of Takak sitio²

¹ Tuwali Ifugao is also sometimes referred to as Kiangán Ifugao.

² Sitio is a typically rural territorial enclave forming a part of a barangay.

speak the Itkak “language” with very few speakers left. The Itkak isolect is said to be different — although mutually intelligible — from the surrounding Kalanguya dialects. Also, the Itkak people are reported to have a distinct self-identity.

Figure 2. Ifugao languages (from [Walrod 1978])

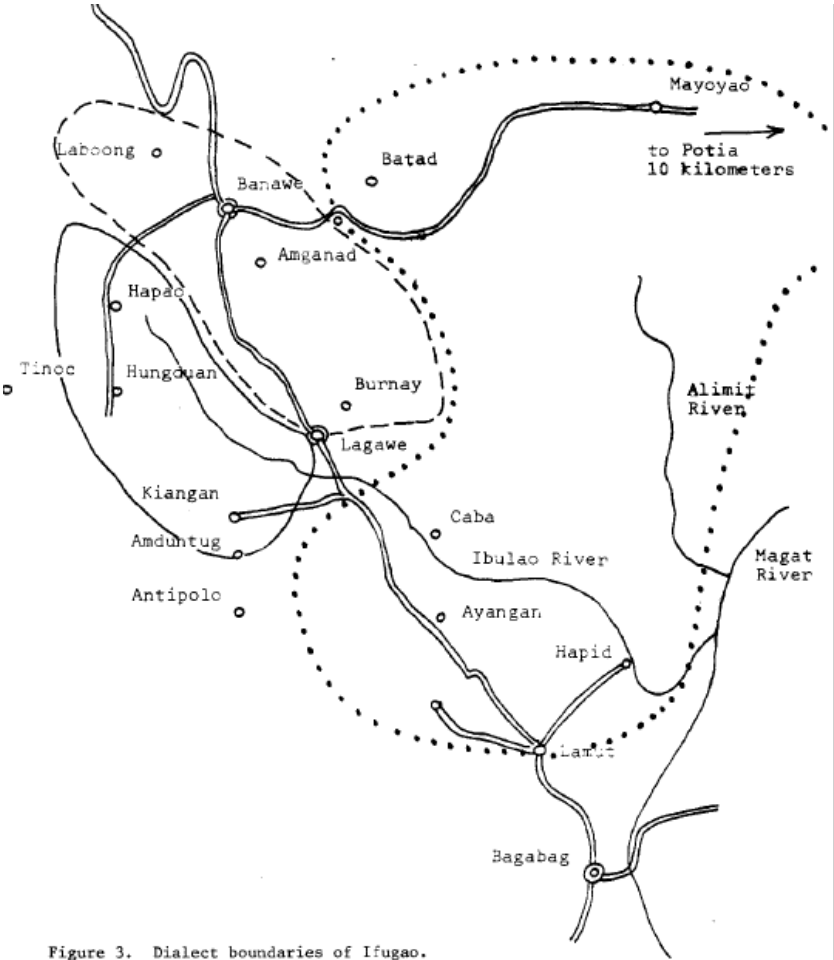
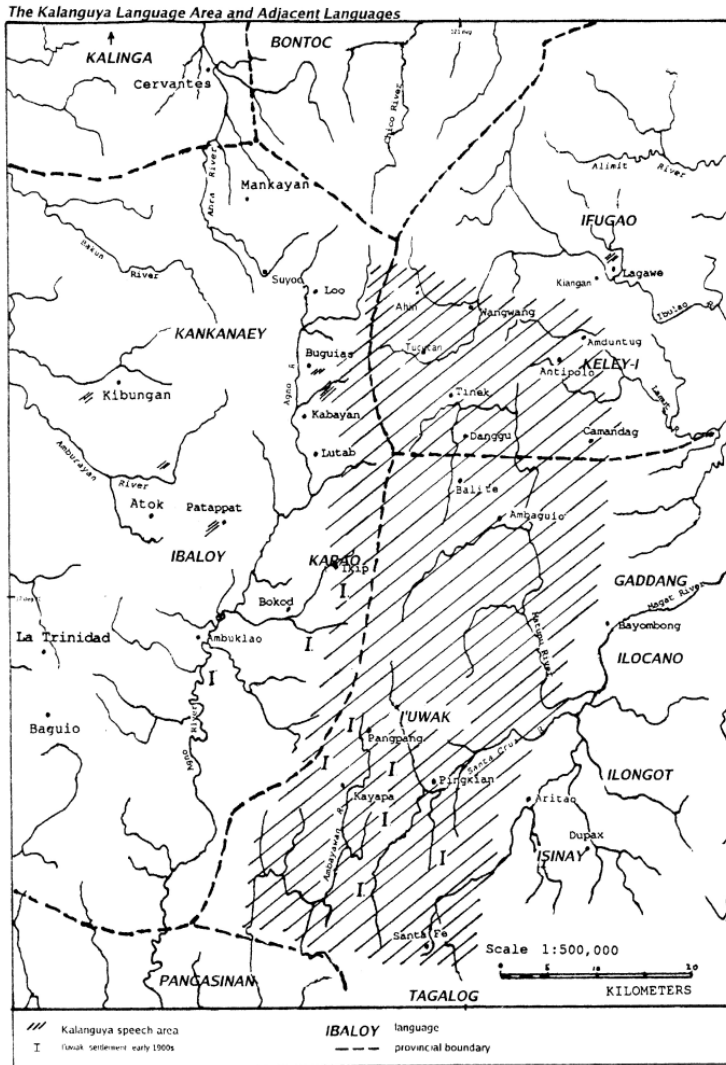

Figure 3. Dialect boundaries of Ifugao.

Figure 3. Geographical distribution of Kalanguya, Yattuka, and Keley-i (from [Afable 2004])

Keley-i (Kallahan, Keley-i 639-3 ify in [Simons, Fennig 2017])
[Hohulin, Kenstowicz 1979; L. Hohulin, Hale 1977; R. Hohulin, Hale 1977]

is spoken in two barangays³ in Asipulo municipality — Antipulo and Pula. There are around 8,000 speakers of Keley-i, according to [Simons, Fennig 2017]. However, this figure also includes the Yattuka speakers. The population of barangays Antipulo and Pula is about 2,700 people [National Statistics Office 2010].

Yattuka (mentioned as the ‘Ya-tuka’ dialect of Keley-i in [Simons, Fennig 2017]). The spelling with a glottal stop seems to be incorrect, as native speakers pronounce it with a geminated [t]) [Klimenko 2016, 2017] is spoken in another two barangays in Asipulo municipality — Amduntog and Nungawa (in the north-easternmost part of the highlighted area in Figure 3), whose total population is also around 2,700 people [National Statistics Office 2010]. These two barangays are adjacent to the Keley-i-speaking area. Yattuka has another name — Hanglulaw — which is less frequently used by the people. It is also known to some Tuwali speakers as Hanglulo.

Keley-i and Yattuka are very close to each other, as well as to Kalanguya. Similar to ‘Ayangan Ifugao’, the term ‘Kalanguya’ is also frequently used by Ifugao people to refer to all speakers of these closely related Southern Cordilleran isolects in the south western municipalities of Ifugao province — Tinoc and Asipulo. ‘Kalanguya’ is also used as an umbrella term for all isolects of the cluster in [Himes 1998]. However, there are numerous differences between them on phonological, morphological and syntactic levels. For instance, it is reported that Keley-i and Yattuka share 94 percent of basic vocabulary, while the Ahin dialect of Kalanguya shares 85 percent of basic vocabulary with Keley-i and only 58 percent with Yattuka [Himes 1998: 150]. Also, Asipulo residents claim that Kalanguya speakers do not easily understand Keley-i and Yattuka speech, while it is easier for Keley-i and Yattuka speakers to understand Kalanguya.

In spite of this linguistic proximity, the three groups are greatly different culturally. The Keley-is and Yattukas consider themselves as Ifugaos, unlike the Kalanguyas from the lowlands of Nueva Vizcaya (and, probably, the Kalanguyas of Tinoc and Asipulo, who most likely consider themselves Ifugaos only nominally — due to their inclusion into the administrative division of the Ifugao province). There is an

³ Barangay is the smallest administrative unit in the Philippines, in the rural setting equal to a village together with surrounding hamlets.

archaic term in the area — *?i-happuwan* — which refers to ‘original peoples’ of Kiangan and Asipulo, that is Tuwali, Keley-i, and Yattuka (and, perhaps, Kalanguya of Asipulo and Tinoc), sharing very similar material culture and ritual literature, as opposed to the other Kalanguya groups and Ayangan Ifugaos. Thus, Keley-i and Yattuka should not be labeled as ‘Kalanguya’ or ‘Kallahan’, since the latter terms exist in the local folk taxonomies as referring to other ethnolinguistic groups (cf. also the discussion on the controversy related to the terms ‘Kalanguya’ and ‘Kallahan’ in [Arsenio, Stallsmith 2008]). Also, the classification given in *Ethnologue* might need reconsideration, since Keley-i and Yattuka, in spite of being inherently mutually intelligible, have distinctly separate ethnolinguistic identities⁴. The only larger group that both Keley-i and Yattuka believe themselves to belong to is Ihappuwan and Ifugao, with whom they are connected on the basis of the very similar culture.

Kalanguyas in the hudhud-singing region of Asipulo practically have no immediate contact with Tuwali, while the Keley-i and Yattuka-speaking areas are adjacent to Tuwali-speaking Kiangan.

3. Languages of hudhud

Hudhud is mostly known in Tuwali Ifugao and Amganad Ifugao [Stanyukovich 2013: 170] — Central Cordilleran languages of Northern Luzon branch of the Philippine group spoken in some of the municipalities of Ifugao province.

All the published texts — [Daguio 1983], [Lambrecht 1957; 1960; 1961; 1967], as well as those archived in Ateneo Epic Archive [Dulawan, Revel 1993, 1997a, 1997b], were recorded in Tuwali-speaking areas — Kiangan and Lagawe, two municipalities of Ifugao province, except for the three hudhud texts in Yattuka that appeared in pre-print in [Dulnuan-Bimohya, Lunag [no place, no date]] without line breaks and translation. However, there have been numerous claims that the Ifugao ritual literature to a certain extent relies on lexis from some other language, which is sometimes labelled as “the secret language of Lagawe” and it is noted that this language is spoken south of Kiangan,

⁴This situation is in a way similar to the Hindi-Urdu distinction in *Ethnologue* and *Glottolog*, where important sociolinguistic differences are said to be at play.

that is in the municipality of Asipulo, sometimes it is directly pointed out that the language is “Kalanguya”:

The language of *ʔalim* is related to that of the Asipulo people in Southern Ifugao and to the nearly extinct “secret” language of the Liguawe people [Barton 1946: 101].

Hudhud chanters use quite a number of peculiar words which are never heard in ordinary speech... [Lambrecht 1960: 21].

Yagu’d is commonly used by those who speak the old and now disappearing language of Lagawe, but it is still spoken in a number of villages northwest of that village and seems to be closely related to the language spoken in the southwest of Nueva Vizcaya province [Lambrecht 1960: 48].

The vocabulary of these long epic poems [hudhud], while they are sung in the Ifugao heartland ... actually involve a dialect that is not linguistically related to Ifugao [Afable 2004].

Even more apparent as loans are those items that appear in IFG of Kiangang and that Lambrecht [1978] labels *hudhud* words. Virtually all of these items come from the “Lagawe language”, that is Kalanguya [Himes 1998: 151].

Undoubtedly, several S[outhern] C[ordilleran] languages that were spoken in centuries past are extinct. Mention was made earlier of the “Lagawe language”, referred to by Lambrecht (1978) [Himes 1998: 174].

It is unclear if the so-called “Lagawe language”, referred to by Barton and Lambrecht, is one of the languages discussed here or a language which is extinct now, as suggested by Himes.

As for Kalanguya, which some of the works quoted above refer to, there is a question what speech variety exactly is meant by this term in the mentioned works?

It has already been mentioned above that hudhud is best known as sung in Tuwali. However, it is also sung in Yattuka [Stanyukovich 2013: 170; Stanyukovich 2014: 192, 197]. Two interesting points are worth noting in regard to this fact. First, residents and singers from Asipulo (Keley-i and Yattuka) claim that hudhud originated from their area and were borrowed into the Tuwali culture. Second, Asipulo singers who are native Keley-i speakers perform hudhud only in Yattuka, but never in Keley-i. As of now there have been no records of hudhud in Keley-i and we have never heard of it from anybody. In fact, its existence is normally denied by the local residents.

4. Some grammatical differences between Tuwali Ifugao, Yattuka, and Keley-i

This section presents some differences between the systems of verbal affixes, case markers, locative, demonstrative pronouns, and personal pronouns in Tuwali, Yattuka, and Keley-i that are relevant for the following discussion on the interference in hudhud.

4.1. Verbal affixes

The differences in verbal affixes among the three languages that are relevant for the discussion below consist in the fact that (i) the actor voice marker <um>, used as an infix in most Philippine languages, including Tuwali, functions as a prefix in the neutral aspect form⁵ in Keley-i and Yattuka, and (ii) Tuwali employs the stem-deriving prefixes *paN-* and — the more often occurring one — *puN-*, while in Keley-i and Yattuka there are only prefixes *paN-* and *pan-* (in verbs with the former the consonant after this prefix can be omitted, while in forms with the latter the consonant is never omitted; there are some rare instances of minimal pairs for these two prefixes: e.g., in Yattuka the reciprocal verb *man-ʔahwa* <NEUT[AV-RECP-spouse]> ‘to marry each other’ vs. its non-reciprocal counterpart *moŋ-ahwa*⁶ <NEUT[AV-STEM-spouse]> ‘to marry someone’).

Table 1 and Table 2 present the portions of the aspect paradigms in the three languages⁷ that are relevant for the discussion here. Table 1

⁵ “Neutral aspect” here is used to label what is often referred to as the contemplative aspect or sometimes as the non-past.

⁶ /a/ of the prefix here is raised to /o/ due to the fact that it is used in an unstressed open antepenultima, as required by the morphosyntactic processes of the language.

⁷ In Tuwali, the paradigm differs from those in Keley-i and Yattuka both in the number and type of available forms, and the distribution of meanings across the forms. The Tuwali paradigm includes four forms: the neutral form (referring to imperative, habitual or prospective actions, as well as used for verbs in dependent positions), imperfective (progressive or habitual actions), perfective (completed actions), and the less regular past-imperfective form (completed durative or habitual actions) [Klimenko 2012: 49–54]. The Keley-i and Yattuka paradigms include five forms: the neutral form (prospective actions, also used for verbs in dependent positions), imperfective (progressive or habitual actions), perfective (completed actions), dependent

presents the paradigms for the verb ‘to punch’, which is formed with the actor voice affix <um>/ʔum- in the three languages, while Table 2 presents the paradigms for the verb ‘to cut grass’, which is formed with the prefixal complex *muN-* (*p<um>uN-*) in Tuwali Ifugao, and with the prefixal complex *maN-* (*ʔum-paN-*) in Keley-i and Yattuka⁸.

Table 1. The aspect paradigms of the verb ‘punch’

aspect form	Tuwali [Klimenko 2012: 49–53]	Keley-i [Hohulin, Kenstowicz 1979: 244]	Yattuka [Klimenko 2017: 120]
neutral	d<um>untuq NEUT[<AV>punch]	ʔum-duntuq NEUT[AV-punch]	ʔum-duntuq NEUT[AV-punch]
imperfective	dum~d<um>untuq IPFV~<AV>punch	qa-ʔum-duntuq IPFV-AV-punch	qo-ʔum-duntuq IPFV-AV-punch
perfective	d<imm>untuq <PFV.AV>punch	d<imm>untuq <PFV.AV>punch	d<imm>untuq <PFV.AV>punch

form (used after some conjunctions, and referring to completed actions after verbal negators), and imperative [Klimenko 2017: 118–120].

⁸The interpretations of *muN-* and *maN-* as prefixal complexes here are by no means historical. Historically, the contractions *maŋ- (<*p<um>aŋ-) and *maR- (<*p<um>aR-) are sometimes explained by the pseudo-nasal substitution process in Proto-Austronesian [Wolff 1973: 72; Blust 2013: 374–375]. However, the prefixal complex interpretation is also relevant for the synchronic description, since it presents a simpler unified account for the forms *muN-/nuN-/puN-* and *maN-/naN-/paN-*, combining stem-deriving, aspect and voice marking functions. Also, imperative forms in Yattuka verbs with *um-* lose the actor voice marker, and this is exactly what happens in imperative forms of verbs with *maN-*, where the stem-deriving prefix is preserved (e.g., *paŋ-gabut* <AV.IMP[STEM-cut_grass]>). The complex *maN-* is interpreted as *ʔum-paN-* for Keley-i and Yattuka here due to the fact that *ʔum-* is a prefix in the neutral form in these languages. Again, this is not to be taken as a historical interpretation.

Table 2. The aspect paradigms of the verb ‘cut grass’

aspect form	Tuwali [Klimenko 2012: 49–53]	Keley-i [Hohulin, Kenstowicz 1979: 247]	Yattuka [Klimenko 2017: 127– 128]
neutral	muŋ-gabut NEUT[AV.STEM- cut_grass]	maŋ-ge<b~>but AV.STEM- <NEUT~>cut_grass	maŋ-go<b~>but AV.STEM- <NEUT~>cut_grass
imperfective	muŋ-gab~gabut AV.STEM- IPFV~cut_grass	qa-maŋ-ge<b~>but ⁹ IPFV-AV.STEM- <IPFV~>cut_grass	qo-maŋ-go<b~>but IPFV-AV.STEM- <IPFV~>cut_grass
perfective	nuŋ-gabut AV[PFV.STEM- cut_grass]	naŋ-gabut AV[PFV.STEM- cut_grass]	naŋ-gabut AV[PFV.STEM- cut_grass]

Yattuka and Keley-i are different regarding the prefix *ʔum-* from other Southern Cordilleran languages (e.g., Ilongot, Pangasinan, Ibaloy, Karaw, Kalanguya) as well, where *<um>* also changed into *ʔum-*, but the bilabial nasal further shifted to the alveolar position [Himes 1998: 140].

4.2. Non-personal case markers

Tuwali has the most complex non-personal case marker paradigm among the three (Table 3). While the Keley-i (Table 4) and Yattuka (Table 5) paradigms include only one category — case — with three values: nominative, genitive and oblique, the Tuwali paradigm includes another value in the same category, independent, which is used to introduce non-personal substantives in predicate and topic¹⁰

⁹ Both neutral and imperfective forms in Keley-i and Yattuka are marked with gemination of the medial consonant of the root or — in some cases — reduplication of the initial consonant of the root in the position in front of the medial consonant. It is, however, problematic to single out one function of this marker for both forms that could be meaningfully opposed to all the rest of the forms in the paradigm. Hence the use of the differing glosses — <NEUT> or <IPFV> — for this marker depending on the aspect form it is used with throughout the paper.

¹⁰ Topic here refers to the same phenomenon as, for instance, the constituent marked with the topic marker *wa* in Japanese. It is not to be confused

positions, and the distinction between place and time markers and all other non-personal markers.

The enclitical forms given after the slash are used when the preceding sound is a vowel. In Keley-i and Yattuka the markers for the nominative seem to be interchangeable.

Table 3. Non-personal case markers in Tuwali Ifugao [Klimenko 2012: 29]

function	independent	nominative	genitive	oblique
non-personal	haj	di/=j	di/=ndi	hi/=h
place and time	ʔad/=d			ʔad/=d

Table 4. Non-personal case markers in Keley-i (adapted from [Hohulin, Kenstowicz 1979: 243])

nominative	genitive	oblique
hu/∅	ni	di

Table 5. Non-personal case markers in Yattuka [Klimenko 2017: 187]

nominative	genitive	oblique
hu/i/∅	ni/=n	di/=d

The following examples illustrate some of the non-personal case markers in the three languages that are relevant for the discussion below. (1a) and (1b) present the use of the nominative markers *di* and *=j* (the latter being restricted only to the position after a vowel, while the former does not have this restriction)¹¹, and (1c) and (1d) illustrate the corresponding markers in Keley-i and Yattuka:

with the subject, or nominative-marked constituent, which is often how this term is used in literature on Philippine languages.

¹¹ Only *=j* in this case is an enclitic, since it is non-syllabic. *Di*, like other syllabic case markers in these languages, is not an enclitic, since it does not depend phonologically on any other forms.

- TUWALI IFUGAO
 (1a) *ɲanne di quna=m?*
 what NOM said=2M.ACT.NNOM
 ‘What did you say?’ [Klimenko 2012: 34]

- TUWALI IFUGAO
 (1b) *daʔana=j paŋ-aj-am?*¹²
 where=NOM NEUT[STEM-go-Pav¹³.2M.ACT.NNOM]
 ‘Where are you going?’ [Klimenko 2012: 123]

- KELEY-I
 (1c) *ʔitten di pitaqah hu pihuh.*
 DET.MED OBL purse NOM money
 ‘The money is there in the purse.’ [R. Hohulin, Hale 1977: 221]

- YATTUKA
 (1d) *qaq~qaj~jaggud ʔi tu*
 INTENS~ADJ~goodness NOM 3M.PREPCOM
ponat~ta<j~>jaw.
 ManV[STEM.ITER~<NEUT~>dance]
 ‘Her dancing will be very good.’ [Klimenko 2017: 105]

The examples in (2) illustrate the genitive non-personal case markers in the three languages in a postvocalic position:

- TUWALI IFUGAO
 (2a) *bale=ndi ʔalig*
 house=GEN alig_bee
 ‘Honeycomb of the alig-bee’ [Hohulin, Hohulin 2014: 179]

¹² In this example, the nominative case marker introduces a substantivized verb. This type of construction is very common in Philippine languages, as practically any content word can occupy the predicate or argument positions without any additional changes in its marking.

¹³ Voice grammemes in this study are not established on the basis of what voice affix is used in a particular voice form, but rather on the basis of what semantic participant it refers to. The procedure for semantic participant identification is based on a set of criteria, the most important of which is the marking of participants in non-subject positions, however its detailed presentation [Klimenko 2017: 329–410] is beyond the scope of this paper.

- KELEY-I
 (2b) *hi huan neη-i-qamdug ni*
 PRS.SG.NOM PN.Juan AV[PFV.STEM-PV-mix] GEN
libluh=mu=d libluh=qu=n
 book=2M.ACT.NNOM=OBL book=1M.ACT.NNOM=GEN
nahdem.
 last_night
 ‘It was John who mixed your book with my books last night.’
 [L. Hohulin, Hale 1977: 245]

- YATTUKA
 (2c) *hi hose ?itan*
 PRS.SG.NOM PN.Jose DET.MED
moη-ahwa=n ?i-tinoq.
 NEUT[AV.STEM-marry]=GEN from-PLN.Tinoc
 ‘Jose is the one who will marry (a girl) from Tinoc.’
 [Klimenko 2017: 113]

The sentences in (3) illustrate the use of the oblique non-personal case markers in the three languages:

- TUWALI IFUGAO
 (3a) *wada=?aq hi bale=n pedru.*
 EXIST=1M.ACT.NOM OBL house=PRS.SG.ACT PN.Pedro
 ‘I am at Pedro’s house.’ [Klimenko 2012: 28]

- KELEY-I
 (3b) *?ammandeh di piqdel.*
 PRED.NV OBL corner
 ‘It’s way over there in the corner.’ [R. Hohulin, Hale 1977: 221]

- YATTUKA
 (3c) *?aqo-bosiq=qu di ?ospital.*
 REC-run=1M.ACT.NNOM OBL hospital
 ‘I have just run to the hospital.’ [Klimenko 2017: 107]

The following examples illustrate the use of the Tuvuli place and time case marker *?ad* (4a) and the oblique case marker *di*, which is used in Keley-i and Yattuka as its counterpart ((4b) and (4c)):

TUWALI IFUGAO

(4a)	<i>m-i-haʔad=aq</i>	<i>ʔad</i>	<i>manila.</i>
	NEUT[AV.STEM-PV-live]=1M.ACT.NOM	PLTM	PLN.Manila
	‘I live in Manila.’		[Klimenko 2012: 145]

KELEY-I

(4b)	<i>ʔum-law</i>	<i>hi</i>	<i>tomasa</i>	<i>di</i>	<i>bagjo...</i>
	NEUT[AV-go]	PRS.SG.NOM	PN.Tomasa	OBL	PLN.Baguio
	‘Tomasa will go to Baguio...’				[L. Hohulin, Hale 1977: 252]

YATTUKA

(4c)	<i>di</i>	<i>manilaʔ=hija</i>	<i>na-bijag.</i>
	OBL	PLN.Manila=3M.ACT.NOM	AV[PFV.STEM-live]
	‘It was in Manila where he lived.’		[Klimenko 2017: 189]

4.3. Locative and demonstrative pronouns

In addition to a demonstrative pronoun paradigm that occurs, probably, in all Philippine languages, Tuwali also has a paradigm of locative pronouns, which are used to introduce places and grounds of motion (Table 6). In Keley-i (Table 7) and Yattuka (Table 8), the same function is performed by the oblique demonstrative pronouns, which are also used in these languages to introduce some other participants, such as, for instance, recipient. In Keley-i and Yattuka, the demonstrative pronoun paradigms also manifest a four-fold distinction of values within the category of proximity: in addition to the three values most commonly present in other Philippine languages — proximal, medial and distal — there are also non-visual demonstratives that are used to refer to out-of-sight objects and abstract notions.

Table 6. Locative pronouns in Tuwali Ifugao [Klimenko 2012: 39]

proximal	medial	distal
hitu	hina	hidi

Table 7. Oblique demonstrative pronouns in Keley-i
(adapted from [R. Hohulin and Hale 1977: 214])

proximal	medial	distal	non-visual
<i>dijaj</i>	<i>ditten</i>	<i>dimmen</i>	<i>dimmun</i>

Table 8. Oblique demonstrative pronouns in Yattuka [Klimenko 2017: 216]

proximal	medial	distal	non-visual
<i>d[i]ja(j)</i> ¹⁴	<i>d[i]tan</i>	<i>d[i]ʔommun</i>	<i>d[i]man</i>
(<i>d[i]ʔudʒa(j)</i>)	<i>d[i]ʔottan</i>		(<i>d[i]ʔudman</i>)
<i>d[i]ʔomman</i>	<i>d[i]ʔottun</i>		
	(<i>d[i]ʔudtan</i>)		

The following examples illustrate the use of the distal locative pronoun in Tuwali Ifugao (4a) and the non-visual oblique demonstrative pronoun *diman*, which is used in corresponding contexts in Keley-i and Yattuka ((5b) and (5c)):

- TUWALI IFUGAO
 (5a) *maʔid=aq* *hidi.*
 EXIST.NEG=1M.ACT.NOM LOC.DIST
 ‘I am not there.’ [Klimenko 2012: 90]

- KELEY-I
 (5b) *...man-daddan* *tuʔu=n* *nam-beblej*
 NEUT[AV.STEM-prepare] human=LK AV[PFV.STEM-settle]
di n-e-ʔi-hnup *diman*¹⁵.
 OBL AV[PFV.STEM-PV-approach] NV.OBL
 ‘...a person who lives near there will prepare himself (to leave).’
 [L. Hohulin, Hale 1977: 250]

- YATTUKA
 (5c) *ʔondi=jaq* *diman.*
 EXIST.NEG=1M.ACT.NOM NV.OBL
 ‘I am not there.’ [Klimenko 2017: 224]

4.4. Personal pronouns

The parts of the personal pronoun paradigms relevant for the discussion here are equally complex in all three languages. There is a

¹⁴ Brackets in Tables 8 and 9 indicate sounds that are omitted when the pronoun follows a vowel. Parentheses indicate optional sounds.

¹⁵ In [R. Hohulin, Hale 1977], the corresponding form is given as *dimmun* in a tabular form, however it is not used in any examples in the paper. In [L. Hohulin, Hale 1977], it is presented as *diman* in the example above, without any explanation regarding the discrepancy.

distinction between actor and non-actor forms of personal pronouns both in the subject¹⁶ and non-subject positions. The actor forms are used only to refer to actors and possessors, while the non-actor forms introduce all other types of participants¹⁷¹⁸. There are also special forms that are used in the predicate position.

¹⁶ The subject here is considered to be the nominative argument related to the predicate, that is a unit of the syntactic structure, rather than a unit of the semantic structure equivalent to the actor.

¹⁷ The traditional approach to describing personal case markers in Philippine languages suggests the same case inventory for both non-personal and personal case marker paradigms (cf., for instance, [Reid, Liao 2004]). Thus, for example, the Tagalog non-personal case marker paradigm is said to include the nominative *ʔaŋ*, genitive *naŋ*, and oblique *sa*, while the personal case marker paradigm is said to be composed of the nominative *si*, genitive *ni*, and oblique *kej* (for the singular). This is erroneous, since there is a clear discrepancy between the functions of the so-called “genitive” and “oblique” non-personal case markers and “genitive” and “oblique” personal case marker in many Philippine languages. The “genitive” non-personal marker (*naŋ* in Tagalog) introduces actor, possessor, and a number of other non-actor participants, while the “genitive” personal marker (*ni* in Tagalog) can be used only to introduce actor and possessor. Any non-actor participants realized as personal nouns have to be marked with the “oblique” personal case marker (*kej* in Tagalog). In other words, the two systems differ both in the form and the function of their forms. Thus, it is justified to reinterpret the personal case marker paradigm as including the nominative, actor (also marking possessors), and non-actor cases. The idea of distinguishing the inventories of case grammemes for non-personal and personal paradigms in Philippine languages is not new. In [Himmelmann 2005: 43], a similar distinction is made with the help of different terms. In principle, it is possible to construe the Philippine case marking system as including four cases, based on the correspondences between the functions of non-personal and personal case markers. For instance, in Tagalog it would include nominative (*ʔaŋ* and *si*), actor (*naŋ* and *ni*), accusative (*naŋ* and *kej*), and oblique (*sa* and *kej*) (the cases could be labeled in any other way). This interpretation, however, does not have any practical ramifications for the linguistic analysis, hence the choice here is made in favor of the simpler interpretation presented above.

¹⁸ In constructions with impersonal verbs, marked with *ma-/na-* (the markers indicate prohibition of overt representation of actor; such verbs are also sometimes referred to as stative [Reid, Liao 2004: 461–464] or passive verbs [Reid, Liao 2004: 462; Hohulin, Hohulin 2014: 49–51], the non-actor

The person category involves four values: 1, 2, 12, and 3. 12-person pronouns refer to both first and second persons. Such pronouns are often described as dual or inclusive [Schachter, Otanes 1972: 88]. However, the representation of such forms in this way would mean introducing the category of clusivity, which is applicable only to one subset of personal pronouns, and some gaps in the paradigm, which result in a less economical description of the system. The approach introducing the 12-value into the person category is adopted from [Cunningham, Goetz 1963]. The number category involves the opposition of minimal and non-minimal membership, corresponding to the more traditional singular and plural (adopted from [Foley 1997: 111]). The reason behind this way of description is that the 12-person pronouns cannot be characterized as singular.

Table 9, Table 10, and Table 11 present the forms for the actor nominative, actor non-nominative, and independent forms in the three languages.

Table 9. Personal pronouns in Tuwali Ifugao [Klimenko 2012: 35]

number	person	actor nominative	actor non-nominative	non- independent
minimal	1	<i>=aq</i>	<i>=q[u]</i>	<i>ha??oj/ha??on</i>
	12	<i>=ta</i>	<i>=ta</i>	<i>dita</i>
	2	<i>=qa</i>	<i>=m[u]</i>	<i>he??a</i>
	3	\emptyset	<i>=na</i>	<i>hija</i>
non- minimal	1	<i>=qami</i>	<i>=mi</i>	<i>daqami</i>
	12	<i>=taqu</i>	<i>=taqu</i>	<i>ditaqu</i>
	2	<i>=qaju</i>	<i>=ju</i>	<i>daqaju</i>
	3	<i>=da</i>	<i>=da</i>	<i>dida</i>

participant in the subject position is realized as an actor nominative pronoun. In all other instances, a special non-actor nominative form would be used. For instance, in Tuwali the non-actor nominative counterpart of the 2M.ACT.NOM =*qa* is =*daqa* <2M.NACT.NOM>.

Table 10. Personal pronouns in Keley-i (adapted from [Hohulin, Kenstowicz 1979: 243] and [L. Hohulin, Hale 1977])

number	person	actor nominative	actor nominative	non- independent
minimal	1	= <i>Caq</i>	= <i>qu</i>	<i>hi?gaq</i>
	12	= <i>?ita</i>	= <i>ta</i>	<i>hi?gata</i>
	2	= <i>qa</i>	= <i>mu</i>	<i>hi?gam</i>
	3	∅	= <i>tu</i>	<i>hi?gatu</i>
non- minimal	1	= <i>qami</i>	= <i>mi</i>	<i>hi?gami</i>
	12	= <i>itsu</i>	= <i>taju</i>	<i>hi?gatsu</i>
	2	= <i>qaju</i>	= <i>ju</i>	<i>hi?gaju</i>
	3	= <i>?ida</i>	= <i>da</i>	<i>hi?gada</i>

Table 11. Personal pronouns in Yattuka [Klimenko 2017: 199]

number	person	actor nominative	actor nominative	non- independent
minimal	1	= <i>Caq</i>	= <i>q[u]</i>	<i>hi?gaq</i>
	12	= <i>?ita</i>	= <i>ta</i>	<i>hita</i>
	2	= <i>qa</i>	= <i>m[u]</i>	<i>hi?gam/hiq</i>
	3	∅ ¹⁹ = <i>hija</i> = <i>hitu</i>	= <i>tu</i>	<i>hija/hitu</i>
non- minimal	1	= <i>q[o]mi</i>	= <i>mi</i>	<i>hiqmi</i>
	12	= <i>?issu</i>	= <i>toju</i> = <i>s(j)u</i>	<i>hissu</i>
	2	= <i>q[o]ju</i>	= <i>ju</i>	<i>hiqju</i>
	3	= <i>?ida</i>	= <i>da</i>	<i>hida</i>

The following examples illustrate correspondences of some personal pronouns in the three languages. (6) shows the use of the 1st person non-minimal membership pronouns: the independent form

¹⁹ *Hitu* is considered to be a less acceptable form by older speakers due to its use as a euphemism for genitalia. Otherwise, the forms separated with a slash are interchangeable.

daqami in Tuwali (6a), the non-actor non-nominative form²⁰ *nihizgami* in Keley-i (6b), and the independent form *hiqmi* in Yattuka (6c):

- TUWALI IFUGAO
 (6a) *daqami nan q<imm><an>anta=ndih*
 1NM.IND DET.MED <PFV.AV><ITER>sing=DET.OBL
hiloŋ.
 evening
 ‘We were the ones who kept on singing last night.’
 [Hohulin, Hohulin 2014: 233]

- KELEY-I
 (6b) *ʔ<in>²¹-tudu=n huan maθ*
 <PFV>PV-teach=PRS.SG.ACT PN.Juan math
nihizgami.
 1NM.NACT.NNOM
 ‘John taught Math to us.’ [L. Hohulin, Hale 1977: 259]

- YATTUKA
 (6c) *hiqmi ʔi ʔondi pihhuh=da²².*
 1NM.IND NOM EXIST.NEG money=3NM.ACT.NNOM
 ‘We are the ones who don’t have money.’ [Klimenko 2016: 601]

The examples in (7) show the use of the 3rd person non-minimal membership actor nominative pronoun =*da* in Tuwali (7a) and its counterpart =*ʔida* in Keley-i and Yattuka ((7b) and (7c)):

²⁰ The non-actor non-nominative personal pronoun forms in Yattuka and Keley-i are derived from the independent forms by attaching *ni-* to them.

²¹ The perfective marker <*iN*> in all three languages is normally inserted into the stem of the verb after the initial consonant. In verbs with the voice prefix *ʔi-*, it is inserted after the initial glottal stop of the prefix, while the /i/ of the prefix is omitted. This unusual point of insertion compared to other infixes in these languages — within a voice prefix — is in line with the properties of the voice prefix *ʔi-*, namely the fact that it is not omitted or changed in the imperative form, unlike other voice affixes, and its use in verbs with two voice affixes as a non-dominating voice affix, which points to its stem-distinguishing function.

²²In Yattuka, substantivized possessive constructions have to have a third person actor non-nominative pronoun, which is coreferential with the possessor, however it does not agree with the latter in person and does not have to agree with it in number.

- TUWALI IFUGAO
 (7a) *mun-pa-bagjo=da.*
 NEUT[AV.STEM-DIR-PLN.Baguio]=3NM.ACT.NOM
 ‘They will go to Baguio.’ [Klimenko 2012: 77]

- KELEY-I
 (7b) *ʔettaʔteŋ=ʔida ʔeja ʔubi.*
 large=3NM.ACT.NOM DET.NOM sweet_potato
 ‘These camotes are large.’ [R. Hohulin, Hale 1977: 220]

- YATTUKA
 (7c) *ʔum-law=ʔida=lili=d nandaʔul.*
 NEUT[AV-go]=3NM.ACT.NOM=FUT=OBL underworld
 ‘They will go to the underworld.’ [Klimenko 2017: 242]

The examples in (8) show the use of the 3rd person minimal membership actor non-nominative pronoun =*na* in Tuwali (8a) and its counterpart =*tu* in Keley-i and Yattuka ((8b) and (8c)):

- TUWALI IFUGAO
 (8a) *ʔinila=na ʔan maʔid=qa=h*
 known=3M.ACT.NNOM LK EXIST.NEG=2M.ACT.NOM=OBL
bale=ju.
 house=2NM.ACT.NNOM
 ‘He knows that you are not home.’ [Klimenko 2012: 92]

- KELEY-I
 (8b) *b<in>edbed-an nan huan hu*
 <PFV>bind-PV PRS.SG.ACT PN.Juan NOM
heli=tu.
 leg=3M.ACT.NNOM
 ‘John has bound (it, e.g. the wound) on his leg.’
 [Hohulin, Kenstowicz 1979: 243]

- YATTUKA
 (8c) *ʔolog=tu ʔamta hodiŋ hantu=waq.*
 NEG.V=3M.ACT.NNOM known if who=1M.ACT.NOM
 ‘He does not know who I am.’ [Klimenko 2017: 204]

5. Stylistic features of hudhud

The language of hudhud is somewhat different from the everyday language on all levels. The most conspicuous discrepancy is that of vocabulary, as many hudhud words are considered to be ‘deep’ or archaic (e.g., *ʔindammi* ‘thread’), while others have never been used in the colloquial language (e.g., *ʔ<in>-daʔden* ‘cooked rice’), as well as some other lexical units seem to come from other languages, as discussed below. The use of pleonastic phrases consisting of two same words following each other (e.g., *=h olladan=da olladan* ‘in their yard in the yard’ in (10) below) or paired words with a similar meaning (e.g., *ʔum-hep ʔan ʔum-lahʔun* ‘exited exited’ in (11) below) is one of the main poetic devices. Another one is use of interjections at the beginning of many lines (e.g., *ʔa ʔanhan* ‘oh please’ in (12), and *ʔappa* ‘oh’ in (16) below) and meaningless rhythmic fillers which are sometimes assonant with preceding syllables (e.g., *=jnoj* in (9) below). Lambrecht also claims that

some words are regularly chanted with corrupted vowels, apparently to obtain a better sound effect. For example: *pambiyuwan* instead of *pumbayuwan*, *bukakel* instead of *bukakol*, *pambukahan* instead of *pumbakahan* [Lambrecht 1960: 21].

As it will be seen later, such items are most likely to be borrowings from other languages and do not contain “corruption” of any kind. On the level of morphosyntax, Lambrecht notes that in Tuwali hudhud there is occasional use of uncommon case markers, demonstrative enclitics (e.g., *daʔulajan=ʔatu* ‘this Daulayan’ in (12) below), infixes (e.g., *pinugu* instead of the regular *pugu* ‘hill’ [Lambrecht 1960: 24]) and prefixes (e.g., *paqa-ʔinila* ‘known very well’) where *paqa-* is used not with its regular meaning of potentiality but with the meaning of “the action as being performed at once, or rapidly, or perfectly” [Lambrecht 1960: 25], as well as unusual expression of aspect²³ (i.e., unusual combinations of aspect forms in multi-verb constructions). Lambrecht gives the following suggestion for interpreting such instances:

...the historical present forms put in evidence the main action of a given narrative tract or sentence, or rather what the preceptor conceives as

²³ Lambrecht uses the term ‘tense’.

being the main action, while the time denoting forms should be understood in relation to the main action, that is they are conceived by the preceptor to precede or follow the main action she has in mind, when she begins her tract or sentence [Lambrecht 1960: 27–8].

In Yattuka hudhud, there is a notable difference with the everyday language regarding the imperfective aspect form of verbs, as the archaic forms are used in hudhud, where the imperfective marker *qa* is a particle that is preposed to the verb and can serve as the base for Wackernagel enclitics, when used with the third person pronouns, unlike in the speech of most Yattukas at present, where *qa-* is strictly a verbal prefix²⁴. Nowadays, the strategy used in hudhuds occurs only in the speech of older speakers. There are, probably, many other differences, but they remain unexplored as of now.

A detailed description of the stylistic differences between hudhud and the everyday language is beyond the scope of this paper. There have been a number of studies whose purpose was to establish general stylistic peculiarities of hudhuds as a unique genre [Lambrecht 1960; Lambrecht 1961; Dulawan 2005]. Lambrecht's Tuwali Ifugao dictionary was based primarily on the lexis found in hudhuds [Lambrecht 1978]. Some hudhud-specific items are also recognized as such in the recent Tuwali Ifugao dictionary by the Hohulins [Hohulin, Hohulin 2014]. Of course, there are still many areas that are understudied. For instance, the frequency rate of the poetic devices in hudhuds mentioned above remains to be researched. However, it should be noted that it is practically impossible to create an exhaustive list of all lexical units that are used exclusively in hudhuds — this would be necessary for a complete description of the genre properties of hudhud, — as in order to do so, we would have to record all existing hudhud types from all living soloists, since there is a great deal of variation among them. The cost of such an enterprise would be prohibitively high resource-wise. The hudhud records that are available to us at present cover only a small portion of the existing types of narratives and their variants. Thus, even a full description of the lexical peculiarities of the existing

²⁴Incidentally, Keley-i and Yattuka imperfective forms with *qa-* and the prefixal complex *man-* are misconstrued in [Reid 2013] as being compounds consisting of a pseudo-verb *qama* 'say' + =n <LK>: for instance, *qa-man-jattuqa* (<IPFV-AV.STEM-Yattuka>) 'to speak Yattuka' is presented as *qama-n-yattuka* (<say-LK-Yattuka>) 'those who say *yattuka*'.

hudhud records would not facilitate the study of elements borrowed from other languages into the hudhud genre attempted here, because (i) it would not guarantee that any particular element is not used more frequently in other hudhuds as a hudhud genre property, and (ii) most hudhud soloists are also fluent in the other languages or at least have had some exposure to them, which allows the possibility of the interference in question here being a result of code-switching. This study aims at advancing our understanding of some particular properties of the phenomenon of interference in this genre and how it is realized in individual texts.

6. Research questions and data

Regarding all of the facts discussed above, the following questions arise:

1. Taking into account that there is no direct contact between Kalanguya and Tuwali in the hudhud-singing region and that it has been claimed that Tuwali hudhud have numerous instances of interference from ‘Kalanguya’ [Stanyukovich 2012c], which ‘Kalanguya’ language is the source of borrowings in hudhud? Is it Keley-i or Yattuka? Interference is defined here as the use of elements of one language (lexemes or morphemes in the context of this study) in speech in a different language. Borrowings are defined as such elements.

2. In the light of the anthropological tendency of folklore genres typologically originating in areas with more ritual distribution limitations and detailed elaboration and the fact that this seems to be the case in the Yattuka area [Stanyukovich 2013; Stanyukovich, Field records], since there are more ritual restrictions on performing (e.g., the funeral hudhud can be sung only for kadangyans (the rich class), while in other areas it can be performed for any old person [Stanyukovich 2007: 64]), is it possible to find any linguistic evidence to support the hypothesis that the hudhud genre originated in the Yattuka culture?

3. There have been numerous claims that Tuwali hudhud borrow ‘Kalanguya’ lexis. Is the opposite true about Yattuka hudhud?

To obtain a preliminary understanding of how to approach the questions listed above, we decided to check potential borrowings in Tuwali and Yattuka hudhud texts with respect to how many of such interference elements can be located. The data for the study was taken

from eight hudhud texts. Six texts were in Tuwali: ‘Hudhud Aliguyun an Natling hi Bayuwong di Bagabag ad Aladugen’ [Lambrecht 1960], ‘Hudhud da Dinulawan ke Bagan ad Gonhadan’ [Lambrecht 1967], ‘Aliguyon nak Binenwahan’ [Dulawan, Revel 1993], ‘Bagan an Imbayagda’ [Dulawan, Revel 1997a], ‘Bagan nak Pangaiwan’ [Dulawan, Revel 1997b], ‘Hudhud di kolot’ [Stanyukovich 1995]. Two texts were in Yattuka: ‘Hudhud ni kolot’ [Stanyukovich 2012a], ‘Hudhud ni nosi’ [Stanyukovich 2012b]. We looked into two types of data: grammatical elements (i.e. affixes and function words²⁵) and lexical elements.

7. Grammatical element interference

Grammatical elements are more easily susceptible to the analysis, since they can be found in a text without resorting to native speakers’ help, given that we know certain differences between grammatical features of the Central and Southern Cordilleran languages (sometimes we have no basis to speak specifically of Keley-i or Yattuka here as some elements are the same in both).

7.1. Grammatical element interference in Tuwali texts

Southern Cordilleran elements of only two types have been found in the Tuwali texts: verbal affixation and personal pronouns. Table 12 shows the number of occurrences of each Southern Cordilleran grammatical item that we were able to find in the Tuwali texts. These are discussed in detail in sections 7.1.1 and 7.1.2.

²⁵ Function words are opposed here to content words, which are defined as lexical classes that can function as independent utterances, arguments or predicates and do not perform grammatical functions of connecting members of syntactic constructions. Thus, function words, as defined here, among others, include pronouns and case markers.

Table 12: Southern Cordilleran grammatical items in the Tuwali texts

	[L ²⁶ 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>ʔum-qiliggen</i>	-	-	-	-	-	4
<i>ʔum-lahʔun</i>	16	32	-	-	-	3
<i>ʔum-baʔun</i>	-	1	-	-	-	-
<i>hiqju</i>	-	-	-	-	-	1
= <i>qju</i>	-	-	-	-	-	1
= <i>ʔida</i>	-	-	-	-	-	2
= <i>tu</i>	6	10	-	-	-	-

7.1.1. Actor voice affix ʔum-. Only one verbal affix seems to be distinctly different in Central and Southern Cordilleran languages -ʔum — which is always an infix in Tuwali, as in most Philippine languages, while in Keley-i and Yattuka it is more often a prefix (although in the dependent aspect form it is also an infix). This prefixation strategy instead of that of infixation was found in the Tuwali hudhud texts in three verbs — *ʔum-qiliggen* ‘to stand up’, *ʔum-lahʔun* ‘to exit’ and *ʔum-baʔun* ‘to get up’. The first two verbs in the texts are almost always part of formulaic phrases consisting of a pair of verbs describing the same action.

There are four occurrences of *ʔum-qiliggen* in [Stanyukovich 1995]. In three instances it is used with another verb with prefixed *ʔum-* — *ʔum-lahʔun* (in [Lambrecht 1960] and [Stanyukovich 2012a] it is sung without a glottal stop, that is *lahun* instead of *lahʔun*):

- TUWALI IFUGAO
- (9) *ʔum-qiliggen* *ne* *ʔum-lahun=qa=h*
 NEUT[AV-stand_up] and NEUT[AV-exit]=2M.ACT.NOM=OBL
ʔolladan=da *ʔolladan=da*
 yard=3NM.ACT.NNOM yard=3NM.ACT.NNOM
gawa=na *gawa=na=jnoj* *ha=ʔad*
 middle=3M.ACT.NNOM middle=3M.ACT.NNOM=RF RF=PLTM

²⁶ The abbreviations in this and the following tables are: L for Lambrecht, D&R for Dulawan and Revel, S for Stanyukovich.

gonhadon.

PLN.Gonhadon

‘Stand up and go out into the yard into the yard in the middle in the middle of Gonhadon.’²⁷ [Stanyukovich 1995]

In one instance it is used with the same verb but with an infix *<um>*:

- TUWALI IFUGAO
- (10) *ʔ<in>-ʔabba=na* *guminnigin*
 <PFV>PV-carry_on_the_back=3M.ACT.NNOM PN.Guminnigin
ʔan ʔum-qiliggen
 LK NEUT[AV-stand_up]
l<um>ahʔun=qa=h ʔolladan=da
 NEUT[<AV>exit]=2M.ACT.NOM=OBL yard=3NM.ACT.NNOM
ʔolladan gawa=na gawa=na=jnoj
 yard middle=3SG.ACT.NNOM middle=3NM.ACT.NNOM=RF
haʔaj gonhadon.
 RF PLN.Gonhadon
 ‘Guminnigin, you carried (it) on your back, you stood up and went out into their yard their yard in the middle in the middle of Gonhadon.’ [Stanyukovich 1995]

It should be noted, though, that in this instance it is impossible to claim with certainty that the infix *l<um>ahʔun* is not a Southern Cordilleran unit as such a form is used in the Yattuka and Keley-i regular aspect paradigms as the dependent aspect form. Particularly, in Yattuka such forms are used at least in the following contexts: after the conjunctions *ta* ‘so that; in order to’ and *ʔot* ‘and then’, and after the verbal negator *ʔolog* in the perfective sense. A similar phenomenon is reported to exist in Kalanguya, where *ʔon-* is infix in verbs in a so-called chaining structure with the meaning of the perfective aspect and in 3 person imperatives [Santiago, Tadena 2013].

The verb *ʔum-lahʔun* has 16 occurrences in [Lambrecht 1960] and 32 occurrences in [Lambrecht 1967]. All of them, except for one in [Lambrecht 1960] are used with the verb *ʔum-hep* ‘to exit’:

²⁷ Examples from Lambrecht’s works have original translations, while those from other hudhud texts are our own.

- TUWALI IFUGAO
- (11) *ta* *ʔum-hep* *ʔan* *ʔum-lahʔun* *hi*
 so_that DEP[AV-exit] LK NEUT[AV-exit] OBL
ʔohladan=da=n *ʔumaldatan=da=h*
 yard=3NM.ACT.NNOM=LK fenced_area=3NM.ACT.NNOM=OBL
habijan an duntug=na ʔad na
 hill LK mountain=3M.ACT.NNOM PLTM RF
ʔeee ʔad bujjaqaw<ah>an.
 RF PLTM <RF>PLN.Buyakawan
 ‘And he comes-down coming-down to the frontyard theirs,
 stonewalled-yard theirs at the hill-site, hillcrest at Buyakawan.’²⁸
 [Lambrecht 1967: 472]

ʔum-hep is not listed in this section as *ʔum-* is prefixed to *ʔehep* which is a Keley-i root, thus it is rather a lexical interference than a grammatical one.

The third verb in the section — *ʔum-bajun* ‘to get up’ — has only one occurrence in [Lambrecht 1967]:

- TUWALI IFUGAO
- (12) ...*ʔum-bajun* *hi* *daʔulajan=ʔatu*
 NEUT[AV-get_up] PRS.SG.NOM PN.Daulayan=this
dodhoq ʔan hi daʔulajan=ʔatu ʔeee
 PN.Dodhok LK PRS.SG.NOM PN.Daulayan=this RF
ʔan hi naq ʔimbaluwohog.
 LK PRS.SG.NOM child PN.Imbaluwohog
 ‘This Daulayan will stand up, this Dodhok Daulayan, son of
 Imbaluwohog.’
 [Lambrecht 1967: 468]

7.1.2. *Personal pronouns.* There are four personal pronouns from Southern Cordilleran languages that were found in the available Tuwali texts — *hiqju* ‘2NM.IND’ (13), =*qju* ‘2NM.ACT.NOM’ (14), =*ʔida* ‘3NM.ACT.NOM’ (15), =*tu* ‘3M.ACT.NNOM’ (16):

- TUWALI IFUGAO
- (13) *hiqju=n* *ʔaʔammod* *bulalaqqi* *nehaj* *ʔad*
 2NM.IND=LK elders adult_male RF PLTM

²⁸ The somewhat ill-formed phrases in the translations were retained from the original works by Lambrecht.

- gonhadon* *nema* *ʔem.*
 PLN.Gonhadon RF RF
 ‘You, male elders from Gonhadon.’ [Stanyukovich 1995]
- TUWALI IFUGAO
- (14) *ʔali=qju=n* *no* *ʔaʔammod*
 AV.IMP[come]=2NM.ACT.NOM=LK RF elders
bulalaqqi ni ʔaj²⁹ gonhadon.
 adult_male RF RF PLN.Gonhadon
 ‘Come, you, male elders in Gonhadon.’ [Stanyukovich 1995]
- TUWALI IFUGAO
- (15) *no-gibbuh* *ʔida=n*
 PV[PFV.IMPRS-finish] 3NM.ACT.NOM=LK
nun-tapi=h
 AV[PFV.STEM-chew_betel]=OBL
paŋ-aj-an=da=h *doldolla=ndi*
 NEUT[STEM-go-PaV]=3NM.ACT.NNOM=OBL yard=GEN
nakaŋ~jiwwwe=n bulalaqqi ni hi ʔad
 INTENS-bare=LK adult_male RF OBL PLTM
gonhadon.
 PLN.Gonhadon
 ‘They finished chewing betel when they went to the yard of the
 poor males in Gonhadon.’ [Stanyukovich 1995]
- TUWALI IFUGAO
- (16) *niʔnijan=tu=n* *ni-laww-an=tu=j*
 ???³⁰=3NM.ACT.NNOM=LK PFV-go-PaV=3NM.ACT.NNOM=NOM
binla=n ʔintaliqtiq ʔintaliqtiq
 whiteness=LK PN.Intaliktik PN.Intaliktik
ʔintaliqtiq=ana ʔeeeeeeja ʔeee ʔan hi
 PN.Intaliktik=that RF RF RF RF

²⁹ In some hudhud lines, the positions of locative markers in front of place names are occupied by rhythmic fillers.

³⁰ The meaning of *niʔnijan* is not clear. Lambrecht translates *niʔnijan=tu=n ni-laww-an=tu* as ‘was-fitting-well this, suiting-well this’, although the word *ni-laww-an* exists in Yattuka and Keley-i and means ‘to go’ used in the path voice (‘where somebody went’).

ʔin-dadjaʔahon *ʔeeehem.*

wife_of-PN.Dadyaahon RF

‘Was-fitting-well this, suiting-well this (the) whiteness (beauty) of Intaliktik / Intaliktik Intaliktik of old eeeeeeya, the wife of Dadyaahon eeehem.’ [Lambrecht 1960: 94]

Hiqju and *=qju* are Yattuka pronouns, while *=tu* is both Yattuka and Keley-i.

The pronoun *=tu* occurs in [Lambrecht 1960] and [Lambrecht 1967] for 16 times: all occurrences are in the same phrase *niʔnijan=tu=n ni-laww-an=tu*, like the one in (16).

It should be noted that the Southern Cordilleran grammatical elements found in Lambrecht’s hudhud texts occur mostly as part of formulaic constructions, while in [Stanyukovich 1995] they are mostly used in singular occurrences. This is, probably, due to the fact that that particular hudhud was sung by Domingo “Ngayaw” Dulnuan, a singer about whom we know for sure that he was to a certain degree competent in Yattuka (his wife comes from the Yattuka-speaking region). Another possible explanation is that Lambrecht’s texts were edited and certain “irregularities” might have been corrected.

7.2. Grammatical element interference in Yattuka texts

There are three types of Tuwali grammatical elements found in Yattuka texts: verbal prefixal complexes *muN-/nuN-* (*nuN-* is not always the perfective aspect counterpart of *muN-*, unlike in the instance of the Tagalog *mag-* and *nag-* or *maN-* and *naN-*, as it is sometimes the counterpart of the stem deriving prefix *puN-* used in the perfective aspect in non-actor voice forms), personal pronouns, case markers and demonstrative pronouns. Table 13 shows the number of occurrences of each Tuwali grammatical item that we were able to find in the Yattuka texts:

Table 13. Tuwali grammatical items in the Yattuka texts

	[Stanyukovich 2012a]	[Stanyukovich 2012b]
<i>nun-u-ʔi-ŋadan</i>	80	1
<i>nuŋ-gilig</i>	10	13
<i>mun-dadoŋ</i>	1	2
<i>nun-nu-hala~halaʔo</i>	6	29
=ndaqami	1	-
=na	59	70
di/=j	4	2
=ndi	25	50
hi	99	142
ʔad/=d	14	39
hidi(=d)	5	41

7.2.1. *Actor voice prefixal complexes* *muN-/nuN-*. These prefixal complexes do not exist in Yattuka (the only prefixal complexes whose part is the actor voice prefix *ʔum-* in Yattuka are *man-* and *maN-*). However, there are at least four forms in the Yattuka texts with the Tuwali actor voice prefixes *muN-* and *nuN-*:

- YATTUKA
 (17) *ʔa ʔuŋŋa~ʔuŋŋa=j nun-u-ʔi-ŋadan*
 CE very~young=NOM AV[PFV.STEM-RF-PV-name]
nom bugan=adeeeheʔooj³¹ ʔaʔahaj
 PRS.SG.NACT PN.Bugan=RF RF
naq-a-paŋoʔiwan ʔehmmm.
 child_of-RF-Pangoiwan RF
 ‘The one named Bugan, the child of Pangoiwan, was very young³².’
 [Stanyukovich 2012b]

- YATTUKA
 (18) *ni ʔondi baʔba=n*
 and NEG.EXIST long=LK

³¹ Triple occurrences of letters in the examples indicate protracted sounds.

³² According to our Yattuka consultant who is also a hudhud soloist, *ʔuŋŋa~ʔuŋŋa*, literally meaning ‘very young’ in everyday language, means ‘young and beautiful’ in hudhud.

nan-toj-an=tu=d=du

PFV.STEM-arrive-TV=3M.ACT.NNOM=OBL=RF

pidipid di nuj-gilig ?a

stone_pavement OBL AV[PFV.STEM-edge] LK

bulalaqqi=nni?eji ?a=hi gonhadon.

adult_male=RF RF=OBL PLN.Gonhadon

‘And before long she arrived at the stone pavement of the males
at the edge of Gonhadon.’ [Stanyukovich 2012a]

YATTUKA

(19) *?i-laqhig=da=m*

NEUT[PaV-step_over_gate]=3NM.ACT.NNOM=LK

mun-dadoj=da=n

NEUT[AV.STEM-go_directly]=3NM.ACT.NOM=LK

go<w~>wa³³-on=da=j=ja

<NEUT~>go_into_the_middle-PaV]=3NM.ACT.NNOM=NOM=RF

qo-gawa-?an=tu

gawa=?ajja

NMLZ-middle-NMLZ=3M.ACT.NNOM middle=RF

gawa=na=jnoji

?a=hi=d

?amduntug.

middle=3M.ACT.NNOM=RF RF=OBL=OBL PLN.Amduntog

‘They will step over the gate and they will go straight and they
will go to the middle to the middle in the middle in the middle of
Amduntog.’ [Stanyukovich 2012b]

YATTUKA

(20) *?a ?anhan ?ita ?ammulih gulluqay*

CE please DET.MED pig chicken

qo=da

?i-p~pa<?~>?~ulu

IPFV=3NM.ACT.NNOM PV-IPFV~<IPFV~>STEM-headway

dalan ?ud=du hinal<a>on=da

PLTM=RF <RF>adjacent=3NM.ACT.NNOM

nun-nu-hala~hala?o

AV[PFV.STEM-ITER~adjacent]

³³ In Yattuka, /a/ in some syllables in unstressed positions is raised to /o/, hence *go<w~>wa-on* ‘go into the middle’ in this example instead of *ga<w~>wa-on*.

*h<um><an>il?o*³⁴=*ji* *ni-dawwi=n*

NEUT[<AV><ITER>radiate_light]=RF ADJ-far=LK

bob<o>le.

<RF>village

‘Oh, please, they were leading the pigs and chickens on the way among the glistening distant neighboring villages.’

[Stanyukovich 2012b]

7.2.2. *Personal pronouns.* There are at least two Tuwali personal pronouns in the Yattuka texts — =*ndaqami* <1NM.NACT.NNOM> and =*na* <3M.ACT.NNOM>:

YATTUKA

(21) *?aj ?adan ni*

CE what LK

?o<?~>hol-on=mu=nd<um>aqami=nni

<NEUT~>say-PV=2M.ACT.NNOM=<RF>1NM.NACT.NNOM=LK

?o?ammad ?am bulalaqqi=nni?eji ?a=hi

elders LK adult_male=RF RF=OBL

dul<u>nuwan.

<RF>PLN.Dulnuwan

‘Oh, what will you tell us, the male elders of Dulnuwan.’

[Stanyukovich 2012a]

The pronoun =*ndaqami* is used here in a form which never occurs in colloquial Tuwali — with the infix <um>. The infix does not bear any meaning, but seems to be another element of the hudhud style, like the <in>-infixation mentioned above.

YATTUKA

(22) *ni nan-?ol-an ?iqen di*

and PFV.STEM-hear-TV old_man OBL

pamadi?-an ni bale=ju

NEUT[STEM.lean-LV] GEN house=2NM.ACT.NNOM

³⁴ *H<um><an>il?o* is also present in hudhuds published by both Lambrecht and Dulawan and Revel. In both sources it is always used as a modifier of rice wine, and the whole phrase is translated as ‘yellowish rice wine’ in Lambrecht’s hudhuds and ‘glistening rice wine’ in Dulawan and Revel’s texts. However, there is the root *hil?o* in Tuwali with the meaning ‘radiance’, which is also attested in the dictionary [Hohulin, Hohulin 2014: 231].

gawa=na=jnoji ?a=hi gon<o>hadon.
 middle=3M.ACT.NNOM=RF RF=OBL <RF>PLN.Gonhadon
 ‘Then the Old man³⁵ heard (it) at the doorjamb³⁶ of your house
 in the middle of Gonhadon.’ [Stanyukovich 2012a]

The pronoun =*na* is used here as part of the formula including the noun *gawa* ‘middle’.

7.2.3. *Case markers and demonstrative pronouns.* There are at least four different Tuwali case markers that occur in the Yattuka texts: *di/=j* <NOM> (example (19)), =*ndi* <GEN> (example (23)), *hi/=h* <OBL> (examples (18), (19), (21), (22), and (23)) and *?ad/=d* <PLTM> (example (20), where it is sung as *?ud*); there is also at least one locative pronoun *hidi* <DIST>, which in the available texts is frequently used with the oblique marker =*d* (*hidi=d*):

YATTUKA
 (23) *hi luqbut=a maŋ~maŋ~bun di*
 PRS.SG.NOM PN.Lukbut=RF NEUT[ITER~AV.STEM-sit] OBL
hi lug<u>tu=ndi qamalig=i hi ?oladan
 OBL <RF>midrib=GEN hagobi=RF OBL frontyard
?<um>a,ɟdatt-an=da=ji
 NEUT[<AV>stone_wall-PLV]=3NM.ACT.NNOM=RF
hidi=d ?amduntug.
 LOC.DIST=OBL PLN.Amduntog
 ‘As for Lukbut, she will be sitting on the midrib of the hagobi³⁷
 in the frontyard within their stone walls there in Amduntog.’
 [Stanyukovich 2012b]

7.3. *The summary of the grammatical element interference*

To sum up this section, there are two types of Southern Cordilleran grammatical elements present in the Tuwali texts, while three types of Tuwali elements in the Yattuka texts. The Tuwali texts employ the Southern Cordilleran actor-voice prefix *?um-* instead of the Tuwali infix <*um*>, and four personal pronouns: *hiqju* <2NM.IND>,

³⁵ *?iqen* ‘Old man’ is used as a name of a specific character in hudhuds, hence it is capitalized in the translation.

³⁶ ‘The place where one leans’.

³⁷ *Hagobi* (*hagabi* in Tuwali) is a monolith wooden bench that is made during the topmost prestige ritual of the Ifugaos [Hohulin, Hohulin 2014: 145].

=*qju* <2NM.ACT.NOM>, =*ɔida* <3NM.ACT.NOM>, =*tu* <3M.ACT.NNOM>. It is impossible to differentiate between Yattuka and Keley-i in the instance of these grammatical elements, as they are the same in both languages. The Yattuka texts employ the Tuwali verbal prefixes and *nuN-*, the personal pronouns *daqami* <2NM.IND> and =*na* <3M.ACT.NNOM>, the case markers *di/=j* <NOM>, =*ndi* <GEN>, *hi/=h* <OBL>, and *ɔad/=d* <PLTM>, and the locative pronoun *hidi* <LOC.DIST>. In the Yattuka texts, the number of grammatical items from Tuwali is comparable in size with that of Southern Cordilleran grammatical items in the Tuwali texts. However, it can be noted that many items have much higher frequency.

8. Lexical interference

To get an insight about the extent of lexical interference both in Tuwali and Yattuka hudhud texts, the following procedure was implemented. First, we compiled a list of potential borrowings which came from so-called ‘hudhud words’ in Lambrecht’s Tuwali dictionary [Lambrecht 1978] (only 243 such items out of more than 600 were taken from the dictionary due to limited resources), notes on borrowed words made by a bilingual transcriber hired by us to work on recordings (136 items), ‘hudhud restricted’ words in the Hohulin’s Tuwali dictionary³⁸ [Hohulin, Hohulin 2014] (82 items), notes on ‘hudhud terms’ made by a Yattuka hudhud singer (80 items). Second, we checked if the words from the compiled list were used in the available texts and came up with a 211-item list for the Tuwali texts and a 168-item list for the Yattuka texts. Third, words in both lists were read out to naive (i.e., those who have never participated in performing any ritual literature) native speakers of Tuwali (four), Yattuka (seven) and Keley-i (two) in order to check if the words are recognized as part of everyday lexis of these languages.

The findings are presented in Table 14:

³⁸ Three words in the dictionary are marked both as hudhud terms and Keley-i borrowings: *ɔamta* ‘know’, *ɔamuli* ‘pig’ and *baɔba* ‘long time’. *ɔamta* and *baɔba* are actually found both in Yattuka and Keley-i, while *ɔamuli* is not an everyday word in any of the three languages in question here.

Table 14. Lexical interference in the Tuwali and Yattuka texts

Source Language	Tuwali texts (211 items)	Yattuka texts (168 items)
Tuwali		7 (4%)
Yattuka	21 (9%)	
Keley-i	9 (4%)	3 (2%)
Yattuka & Keley-i	41 (18%)	
Total	71 (31%)	10 (6%)

8.1. Lexical interference in Tuwali texts

For the Tuwali texts, 71 items (34 percent of the list) were recognized as everyday lexis in Yattuka, Keley-i or both.

8.1.1. Yattuka lexical items. Table 15 shows the number of occurrences of each of the 21 items from the Tuwali texts that were unknown to our naive Tuwali consultants but recognized by naive Yattuka consultants:

Table 15. Yattuka lexical items in the Tuwali texts

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>ʔabju</i> 'to whittle a vine' (in hudhud 'to caress smb's cheek')	-	3	2	-	3	-
<i>ʔagamid</i> 'to harvest'	2	-	-	-	2	2
<i>bojʔat</i> 'to dress up and travel somewhere for a celebration'	2	-	1	1	3	-
<i>dammutu</i> 'alright'	-	-	-	-	-	2
<i>dinolʔa</i> 'vegetable bed at the side of a rice field'	3	4	-	-	-	-
<i>golajʔaj</i> 'hand'	4	11	-	2	-	-
<i>haqi</i> 'one'	3	7	-	-	1	-
<i>halaqhaq</i> 'clay jar'	-	9	2	-	-	-

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>h<imm>a~haqi</i> 'alone'	1	-	-	-	-	-
<i>h<in>agpo</i> 'horizontal entrance beam'	5	1	-	-	-	-
<i>holjat</i> 'part of a ritual'	-	8	2	-	-	-
<i>ʔi-taldoy</i> 'to sit straight'	-	-	-	-	-	-
<i>qinobʔal</i> 'backyard'	-	5	-	4	3	-
<i>moqad~dalu</i> 'having nothing at all'	-	3	-	-	-	-
<i>ʔolladan</i> 'fenced area'	16	74	-	40	83	132
<i>pamadiŋ-an</i> 'doorjamb'	6	13	1	3	8	2
<i>piʔalal</i> 'dizzy from chewing betel'	1	-	-	-	-	-
<i>tuʔŋeq</i> 'hitting smb with a thrown stone'	1	-	-	-	-	-
<i>tuŋlub</i> 'pairing'	3	4	-	-	-	-
<i>ʔumaldatan</i> 'fenced area'	16	56	-	38	1	-
<i>woda</i> 'EXIST'	-	-	-	-	-	25

ʔabju in hudhud means 'to caress smb's cheek', while our Yattuka consultants recognized the word as having the meaning 'to whittle a vine'. In spite of this difference, the word is included in the list as it seems that the two meanings are related to each other metaphorically on the basis of motion it refers to.

Dammutu 'alright' consists of the root *dammu* 'meet' and the personal pronoun =*tu* <3M.ACT.NNOM>. In Tuwali there is a similar word *dammuna* with the same root and the Tuwali counterpart of =*tu* — =*na*. *Dammutu* is placed in this section and not in the grammatical

elements because the root also exists in Yattuka, so it is considered to be an instance of lexical interference.

Woda is the existential predicate in Yattuka (the corresponding item in Tuwaliis *wada*). In the available hudhud texts it is, however, used in combination with the linker =*n* with the meaning ‘perhaps’ (the combination is indeed used with this meaning in the everyday language), while *wada* is used in the text primarily in its original function:

- TUWALI IFUGAO
 (24) *ʔappa=n woda=n*
 CE=LK EXIST=LK
hogp-on=na=j *pamadiŋ-an*
 NEUT[enter-PaV]=3M.ACT.NNOM=NOM NEUT[STEM.lean-LV]
di bale=ju *gawa=na=jnoj*
 GEN house=2NM.ACT.NNOM middle=3M.ACT.NNOM=RF
hi ʔad gonhadon.
 OBL PLTM PLN.Gonhadon
 ‘Oh, perhaps, he will go through the doorjamb of your house in the middle of Gonhadon.’ [Stanyukovich 1995]

8.1.2. *Keley-i lexical items.* Table 16 shows the number of occurrences of each of the nine items from the Tuwali texts that were unknown to our naive Tuwali consultants but recognized by naive Keley-i consultants:

Table 16. Keley-i lexical items in the Tuwali texts

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>b<in>weq-an</i> ‘woman with long hair’	-	3	-	-	-	-
<i>bituluy</i> ‘kind of very small areca nut’	6	-	-	-	-	-
<i>biqen</i> ‘betel leaf’	8	2	-	5	15	-
<i>buqaqqel</i> ‘Adam’s apple’ (in hudhud ‘pupil of the eye’)	9	22	-	1	-	-

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>ʔiqen</i> (?) ‘old man’	220	43	36	30	35	-
<i>laww-en</i> ‘to go to smb’	-	-	-	-	-	5
<i>madge</i> ‘painful’	1	-	-	-	-	-
<i>pam-biju-wan</i> ‘mortar’	7	11	1	2	-	-
<i>ʔum-hep</i> ‘to exit’	14	43	6	1	1	-

Buqaqqel is an everyday Keley-i word for ‘Adam’s apple’. In hudhud the same form (sometimes used without the gemination of *q*, as claimed by a hudhud singer. However, this is arguable since length of sounds in words used in hudhud lines depends heavily on the musical rhythm) is used with the meaning ‘pupil of the eye’. The corresponding word in Yattuka is *buqaqqol*.

ʔiqen in hudhud refer to one of the characters who is an old man. Classifying this word as a potential borrowing from Keley-i into Tuwali hudhud is actually only a (far-fetched) guess, since there is no such word in Keley-i (neither in Tuwali and Yattuka), however it was suggested by one of the Keley-i consultants that the word should read as *ne-hiqen* (<AV[<PFV>STEM-male_growing_up]) ‘grown man’). This form is a perfective aspect verb whose neutral aspect form is *me-hiqen* (<NEUT[AV-STEM-male_growing_up]), which refers to a small boy (‘the-one-who-will-grow-up’). The Tuwali and Yattuka counterpart of this word is *ma-h~hiqon*, which is used in hudhud as part of the frequent formulaic expression *guminnigin gu ma-h~hiqon* ‘Guminnigin the boy’.

Note that “*pambiyuwan*” ‘mortar’ and “*bukakel*” ‘pupil of the eye’, mentioned above in section 5 in the quote from [Lambrecht 1960] as words which are “regularly chanted with corrupted vowels”, are in fact not “corrupted” Tuwali words but are part of regular Keley-i lexis.

8.1.3. *Yattuka and Keley-i lexical items.* Table 17 shows the number of occurrences of each of the 41 items from the Tuwali texts

that were unknown to our naive Tuwali consultants but recognized by both naive Yattuka and Keley-i consultants:

Table 17. Yattuka and Keley-i lexical items in the Tuwali texts

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>ʔambajun</i> 'hip bag for betel chew'	-	3	2	8	6	2
<i>ʔamta</i> 'know'	-	1	-	-	1	-
<i>dallin</i> 'yard'	68	61	37	30	15	13
<i>gilig</i> 'edge'	22	87	90	47	47	8
<i>g<in>jan</i> 'spear'	-	7	-	-	-	3
<i>habi</i> 'reach the top of a mountain'	-	-	-	-	2	-
<i>habi-jan</i> 'mountain top'	2	125	14	6	81	-
<i>habi-jon</i> 'to reach a higher site'	-	-	1	-	1	-
<i>h<in>ibʔat</i> 'gong beating'	1	3	1	-	-	-
<i>hiʔjan</i> 'leave/separate/ divorce'	-	-	1	-	-	-
<i>ʔi-habi</i> 'to reach a higher site'	-	1	-	-	4	-
<i>ʔi-tapi</i> 'betel chew'	9	20	5	-	-	-
<i>ʔi-jagud</i> 'to approve'	-	1	-	-	-	-
<i>ʔi-judun</i> 'to sit smb'	3	2	1	-	1	-
<i>qa-jagud</i> 'good'	-	2	-	3	-	-
<i>qi-judun-an</i> 'sitting'	1	1	-	2	3	-
<i>qubuhan</i> 'morning'	13	16	12	3	8	-

Yattuka and Tuwali Ifugao hudhud

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>lidiṅan</i> 'rattan handle put on a piece of meat' (in hudhud: 'the handle of a hip bag')	1	9	-	-	-	-
<i>maqa-jagud</i> 'very good'	37	9	-	1	-	4
<i>maqib~qibbi</i> 'to join in chewing betel'	1	3	-	-	-	-
<i>maṅ-i-t~tapi</i> 'to chew betel'	-	-	1	-	-	-
<i>maṅ-i-juduṅ</i> 'to sit smb'	1	2	-	-	-	-
<i>mi-jagud</i>	-	-	-	-	1	-
<i>mi-jagud-an</i>	-	-	-	-	3	-
<i>mun-tapi</i> 'to chew betel'	2	1	-	-	-	1
<i>mun-jagud</i> 'to bring smth in approval'	-	1	-	1	-	-
<i>mun-jaggud-an</i>	-	-	-	-	1	-
<i>mun-ju<d~>duṅ</i> 'to sit down'	-	-	1	-	-	-
<i>naqa-ṛiliqiliq</i> 'cleaned ears with feather to hear well/to memorize'	3	4	-	-	-	-
<i>nani</i> 'cried'	5	4	2	-	4	-
<i>ni-laww-an=tu</i> 'where smb went'	3	5	-	-	-	-
<i>paqa-huluphup-an</i> 'to serve food continuously'	2	-	-	-	-	-
<i>pun-jagud-an</i>	-	-	-	-	1	-
<i>tajila</i> 'ear'	2	3	-	-	-	-

	[L 1960]	[L 1967]	[D, R 1993]	[D, R 1997a]	[D, R 1997b]	[S 1995]
<i>t<in>onwe</i> 'G-string used by the rich for the dead'	1	-	-	-	-	-
<i>?ugip</i> 'sleep'	3	2	-	-	-	-
<i>jagud</i> 'goodness'	-	-	-	1	1	-
<i>jaggud-on</i>	-	-	-	-	1	-
<i>ju<d~>duj-an</i> 'seat'	-	2	1	-	1	-
<i>juduj</i> 'sit'	-	-	-	-	1	-
<i>juduj-on</i> 'to sit down on smth'	-	-	1	-	3	-

Ginjanj was also found to be known by naive Tuwali speakers. Tuwali speakers responded that the meaning of the word is 'to throw smth', a stone, a stick or anything else, including a spear. While for Yattuka speakers the first meaning of the word was 'spear'. In hudhud the word means 'spear'. It is not clear if <in>in *ginjanj* is a verbal marker of the perfective aspect or a hudhud stylistic device (like in *pinuga* discussed in section 5).

The first meaning of the root *liqiliq* of *naqa-?iliqiliq* is 'clean ears with feather to hear well'. Metaphorically, that means 'memorize'. The latter meaning is the one present in hudhud.

Ni-laww-an=tu is the path voice form from the root *?olaw* 'go' used together with the personal pronominal enclitic *=tu* <3M.ACT.NNOM>. In hudhud it is used only as part of the formula *ni?nijan=tu ni-laww-an=tu*, which is translated by Lambrecht as 'fitting-well-this, suiting-well-this' [Lambrecht 1978: 373]. The first word of this pair was not recognized by speakers of any of the three languages, however *ni-laww-an* and *=tu* are confidently recognized by Yattuka and Keley-i consultants, although the meaning reported by Lambrecht is different.

The instance of *qi-juduj-an* 'sitting', *maqa-jagud* 'very good', *mun-tapi* 'to chew betel', *mun-jagud* 'to bring smth in approval' and *mun-juduj* 'to sit down' is peculiar, since the roots *jaggud* 'goodness', *juduj* 'sit' and *tapi* 'betel chew' are Southern Cordilleran, while the affixes *qi-*, *-an*, *maqa-*, and *mun-* come from Tuwali. Nevertheless, the

meanings of these items were transparent for our Yattuka and Keley-i consultants. The exact meanings of *mi-jagud*, *mi-jagud-an*, *mun-jagud-an*, *pun-jagud-an* and *jaggud-on* is not clear, since the affixation attached to the Southern Cordilleran root in these items is part of Tuwali grammar. There is no glossing or literal translation provided in hudhud published by Dulawan and Revel. The meaning of the affixes according to [Hohulin, Hohulin 2014] is the following: *mi-* and *mi- -an* are markers of “passive” (in fact, impersonal verbs, since the markers result in prohibition of using the actor); *pun- -an* is the marker of time or locative voice; *-on* is a marker of one of the non-actor voices; the combination *mun- -an* in *mun-jagud-an* is unusual for the everyday language.

Lambrecht provides curious definitions and etymologies for some of the words in Tuwali hudhud which are not part of the everyday Tuwali lexis. For instance, *dallin* ‘yard’ above is described as being “the metathetical form of *dinla*” from the regular *dola* ‘houseyard’ [Lambrecht 1978: 136]. *Qubuhan* ‘morning’ above is provided even a more peculiar etymology: the root *qubu* ‘house lot’ derives *qubu-han* ‘the be-house-loted’, that is “the ground which has one or more house lots, the village ground or simply, houseyard. This “place denoting word” is, however, used “only in the time denoting phrase”: *ma-waʔwa=h qubuhan* ‘(when things are) made visible in the house-lots’ or *ma-waʔwa=n qubuhan* ‘(when there are) made visible house-lots’, both expressions meaning ‘at dawn’ (*ma-waʔwa*³⁹ means ‘early’) [Lambrecht 1978: 304]. It seems that the fallacy of such an analysis is too obvious to be further discussed, given the existence of *dallin* as ‘yard’ and *qubuhan* as ‘morning’ in everyday Yattuka and Keley-i.

8.2. Lexical interference in Yattuka texts

For the Yattuka texts, only 10 items (6 percent of the list) were recognized as everyday lexis in Tuwali or Keley-i.

8.2.1. *Tuwali lexical items.* Table 18 shows the number of occurrences of each of the seven items from the Yattuka texts that were unknown to our naive Yattuka consultants but recognized by naive Tuwali consultants:

³⁹ =*h* and =*n* in *ma-waʔwa=h qubuhan* and *ma-waʔwa=n qubuhan* are the oblique case marker and the linker, correspondingly.

Table 18. Tuwali lexical items in the Yattuka texts

	[Stanyukovich 2012a]	[Stanyukovich 2012b]
<i>ʔ<imm>ulijod</i> 'slid down'	1	-
<i>ʔi<ŋ>-qaʔan</i> 'removed'	1	-
<i>qinumtallanʔu</i> 'crowed'	1	-
<i>t<imm>alanʔu</i> 'crowed'	1	4
<i>ni-dawwi</i> 'far'	7	14
<i>pal~palʔiw-on</i> 'to forget/waste time'	1	-
<i>pum-banaŋ-an</i> 'ricefield dike'	4	18

Qinumtallanʔu in this form does not exist in everyday Tuwali, however the word was recognized as related to *tallanʔu* 'crow'.

The Yattuka counterpart of the prefixal complex *ni-(q<in>a-ʔi)* is *no-i-(q<in>o-ʔi)*. However, the former is consistently used in the Yattuka texts in the adjective *ni-dawwi* 'far' (the Yattuka counterpart is *no-i-dawwi*), used as a modifier of the noun *boble* 'village' (example (12)).

8.2.2. *Keley-i lexical items.* Table 19 shows the number of occurrences of each of the three items from the Yattuka texts that were unknown to our naive Yattuka consultants but recognized by naive Keley-i consultants:

Table 19. Keley-i lexical items in the Yattuka texts

	[Stanyukovich 2012a]	[Stanyukovich 2012b]
<i>buqaqqel</i> 'Adam's apple' (in <i>hudhud</i> 'pupil of the eye')	2	-
<i>ʔiqen (?)</i> 'old man'	8	-
<i>laww-en</i> 'to go to smb'	4	10

See section 8.1.2. for comments on these items.

9. Conclusion and problems

Summarizing the findings presented above, we should emphasize the following points:

1. There is only a limited number of grammatical interference instances both in the Yattuka and Tuwali texts. The number of occurrences of Tuwali units in the Yattuka texts is much higher than that of Southern Cordilleran units in the Tuwali texts.

2. As for lexical interference, in the Tuwali texts there is a more conspicuous number of potential lexical borrowings identified as Yattuka or both Yattuka and Keley-i. As for potential lexical borrowings from Keley-i, there is only a minor number. In the Yattuka texts, there is only a minor number of potential lexical borrowings from Tuwali and Keley-i.

3. Not all Lambrecht's 'hudhud words' are 'Kalanguya words', contrary to Himes' claim.

The following problems related to this study should be noted for future research:

1. The findings indicate only a possibility of borrowing, since it is just as possible that lexical items disappeared from the modern language.

2. Many hudhud words are not used in everyday language. Still, there seem to be regional variants of some hudhud terms: for example, *ɔuddaɔden* 'cooked rice' is common in the Yattuka texts, while in the Tuwali texts we mostly come across only *ɔ<in>-daɔden* 'cooked rice'. The question is should we treat such items as borrowings when, for example, the Yattuka *ɔuddaɔden* is used in a Tuwali text or the other way around? Advice of hudhud singers of both languages might be beneficial in this matter.

3. It is, probably, impossible to establish an exact percentage and inventory of potential borrowings in hudhud texts, given the resource limitations. Also, there are no written materials or dictionaries that would show historical changes in borrowed vocabulary, which would assist in a study like this.

4. There are, probably, no monolingual speakers of any language in Ifugao. All the native Yattuka and Keley-i singers known to us also speak Tuwali. Some Tuwali singers know Yattuka. Both available Yattuka hudhud were sung mostly by Keley-i speakers, which raises the question, already posited above, how do we distinguish borrowings as part of the hudhud genre and code-switching?

Abbreviations

1 — first person; 2 — second person; 3 — third person; ACT — actor pronoun; ADJ — adjectival derivation affix; AV — actor voice; CE — counter-expectation; DET — demonstrative determiner; DIR — directional; DIST — distal; EXIST — existential predicate; FUT — future; GEN — genitive; IMP — imperative; IPFV — imperfective; IMP — imperative; IMPRS — impersonal; IND — independent form; INTENS — intensive; ITER — iterative; LK — linker; LOC — locative demonstrative pronoun; LV — locative voice; M — minimal membership pronoun; ManV — manner voice; MED — medial; MOD — modal; NACT — non-actor pronoun; NEG — negative; NEUT — neutral aspect; NM — non-minimal membership pronoun; NMLZ — nominalization; NOM — nominative; NNOM — non-nominative; NV — non-visual demonstrative pronoun; OBL — oblique; PaV — path voice; PFV — perfective; PL — plural; PLN — place name; PLTM — place and time marker; PN — personal name; PRED — predicative demonstrative pronoun; PREP — preposed pronoun; PRS — personal; PV — patient voice; REC — recent perfective; RF — rhythmic filler; SG — singular; STEM — stem derivation affix; SURP — surprise; TV — temporal voice.

Bibliography

- Acabado 2010 — S. Acabado. The archaeology of the Ifugao agricultural terraces: antiquity and social organization. Doctoral dissertation, University of Hawai'i, Manoa, 2010.
- Afable 2004 — P. O. Afable. Notes for an ethnohistory of the Southern Cordillera, Northern Luzon: A focus on Kalanguya // *Journal of History* 50(1–4), 2004. P. 152–174.
- Arsenio, Stallsmith 2008 — B. Arsenio, G. Stallsmith. Preserving Living Traditions in Live Performances: A Traditional Music and Dance Troupe of the Kalanguya of the Northern Philippines. Paper delivered at the 2nd International Conference on Language Development, Language Revitalization, and Multilingual Education in Ethnolinguistic Communities, Bangkok, Thailand, 2008.
- Barton 1946 — R. F. Barton. The religion of the Ifugaos, Menasha, WI // *American Anthropologist* 48(4, pt. 2), 1946. P. 1–219.
- Blench, Campos 2010 — R. Blench, F. Campos. Recording oral literature in a literate society: A case study from the Northern Philippines // M. Turin, I. Gunn (eds.). *Language Documentation and Description*, Vol. 8, Special issue: Oral Literature and Language Endangerment. London: Hans Rausing Endangered Languages Project, Department of Linguistics, School of Oriental and African Studies, 2010. P. 49–65.

- Cunningham, Goetz 1963 — M. C. Cunningham, J. E. Goetz. Pronoun formatives in Amganad Ifugao. Manila: Goudswaard, Manila: Linguistic Society of Philippines and SIL, 1963.
- Daguio 1983 — A. T. Daguió. Hudhud hi Aliguyon // Epics of the Philippines. Anthology of the ASEAN literatures, vol. 1. Quezon City, 1983. P. 17–66.
- Dulawan 2005 — L. S. Dulawan. Singing *Hudhud* in Ifugao // N. Revel (ed.). Literature of Voice. Epics in the Philippines. Quezon City: Ateneo de Manila University, 2005. P. 115–124.
- Dulawan, Revel 1993 — L. Dulawan, N. Revel. Aliguyon nak Binenwahan. Quezon City: The Philippine epics and ballads archive of the Ateneo de Manila University, 1993.
- Dulawan, Revel 1997a — L. Dulawan, N. Revel. Bugan an Imbayagda. Quezon City: The Philippine epics and ballads archive of the Ateneo de Manila University, 1997.
- Dulawan, Revel 1997b — L. Dulawan, N. Revel. Bugan nak Pangaiwan. Quezon City: The Philippine epics and ballads archive of the Ateneo de Manila University, 1997.
- Dulawan 2000 — M. Dulawan. Oral literature of the Ifugao. Manila: NCCA, 2000.
- Dulnuan-Bimohya, Lunag [no date, no place] — M. Dulnuan-Bimohya, I. T. Lunag [no date, no place]. Ifugao Oral Masterpieces, Volume 1: A Compilation of Hudhud Chants and Other Oral Literature. Pre-print.
- Foley 1997 — W. A. Foley. Anthropological Linguistics: an introduction. Oxford: Basil Blackwell, 1997.
- Hammarström et al. 2018 — H. Hammarström, S. Bank, R. Forkel, M. Haspelmath. Glottolog 3.2. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History URL <http://glottolog.org>, Accessed on 2018-04-09.
- Himes 1998 — R. S. Himes. The Southern Cordilleran group of Philippine Languages // *Oceanic Linguistics* 37(1), 1998. P. 120–177.
- Hodder 1999 — B. M. Hodder. Functions of cleft constructions in expository and hortatory discourse in Mayoyao Ifugao // *Philippine Journal of Linguistics* 30, 1999. P. 31–74.
- Hohulin, Kenstowicz 1979 — L. Hohulin, M. Kenstowicz. Keley-i phonology and morphophonemic // N. D. Liem (ed.). Southeast Asian linguistic studies 4, 1979. P. 241–254.
- Hohulin, Hale 1977 — L. Hohulin, A. Hale. Notes on Keley-i relational grammar: I // *Studies in Philippine Linguistics* 1–2, 1977. P. 231–263.
- Hohulin, Hale 1977 — R. M. Hohulin, A. Hale. Physical, temporal, and cognitive location in Keley-i demonstratives // *Studies in Philippine Linguistics* 1:2, 1977. P. 209–230.
- Hohulin, Hohulin 2014 — R. M. Hohulin, E. L. Hohulin. Tuwali Ifugao dictionary and grammar sketch. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2014.

- Klimenko 2012 — S. B. Klimenko. Motion verbs in Tagalog, Ilokano and Tswali Ifugao. MA thesis, University of the Philippines, Diliman, Quezon City, 2012.
- Klimenko 2016 — S. B. Klimenko Negation in Yattuka and principles of building a negation typology in Philippine languages [In Russian: Отрицание в йаттука и принципы построения типологии отрицания в филиппинских языках] // *Acta linguistica Petropolitana* 12 (3), 2016. P. 573–627.
- Klimenko 2017 — S. B. Klimenko. The voice system in Philippine languages (a case study of Yattuka) [In Russian: Залоговая система в филиппинских языках (на материале языка йаттука)]. Doctoral dissertation, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 2017.
- Lambrecht 1957 — F. Lambrecht. Ifugao epic story: Hudhud of Aliguyun at Hananga // *University of Manila Journal of East Asiatic Studies* 6(34), 1957. P. 1–203.
- Lambrecht 1960 — F. Lambrecht. Ifugaw hu'dhud. Hudhud of Aliguyun who was bored by the rustle of the palm tree at Aladugen // *Folklore Studies* 19, 1960. P. 1–175.
- Lambrecht 1961 — F. Lambrecht. Ifugaw hu'dhud (continued). Hu'dhud of Bugan with whom the ravens flew away, at Gonhadan // *Folklore Studies* 20, 1961. P. 136–273.
- Lambrecht 1965 — F. Lambrecht. Ifugao Hu'dhud literature // *Saint Louis Quarterly* 3(2), 1965. P. 191–214.
- Lambrecht 1967 — F. Lambrecht. The Hudhud of Dinulawan and Bugan at Gonhadan // *Saint Louis Quarterly* 5(3–4), 1967. P. 267–365.
- Lambrecht 1978 — F. Lambrecht. Ifugaw-English dictionary. Baguio City: The Catholica Vicar Apostolic of the Mountain Province, 1978.
- Madrid 1980 — A. F. Madrid. Four Discourse Genre in Amganad Ifugao // *Studies in Philippine Linguistics* 4(1), 1980. P. 101–143.
- National Statistics Office of the Philippines 2010 — National Statistics Office of the Philippines. Census, 2010. URL <https://psa.gov.ph/sites/default/files/attachments/hsd/pressrelease/Cordillera%20Administrative%20Region.pdf>.
- Newell 2005 (1993) — L. E. Newell. Batad Ifugao Dictionary with Ethnographic Notes. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2005 (1993).
- Newell 2008 — L. E. Newell. Role relationships and lexical descriptions applied to Batad Ifugao. Manila: Linguistic Society of the Philippines, 2008.
- Reid 2007 — L. A. Reid. Historical linguistics and Philippine hunter-gatherers // L. Billings, N. Goudswaard (eds.). *Piakandatu ami Dr. Howard P. McKaughan*. Manila: Linguistic Society of the Philippines and SIL Philippines, 2007. P. 6–32.

- Reid 2013 — L. A. Reid. Origins of Suppletive Forms for Say in Bontok, Northern Luzon, the Philippines. A paper delivered at the 23rd Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society (SEALS23), Chulalongkorn University, Bangkok, Thailand. May 29–31, 2013.
- Reid, Liao 2004 — L. A. Reid, H.-C. Liao. A brief syntactic typology of Philippine languages // *Language and Linguistics* 5.2, 2004. P. 433-490.
- Santiago 2015 — P. J. Santiago. Information structure and voice Alternation in Kalanguya // *Journal of the Southeast Asian Linguistics Society* 8, 2015. P. 1–23.
- Santiago, Tadena 2013 — P. J. Santiago, D. A. Tadena. Notes on Kalanguya verbal phenomena. A paper delivered at the Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistic Society 2013, Chulalongkorn Univeristy, Bangkok, Thailand.
- Sawyer 1975 — L. Sawyer. Aspect in Amganad Ifugao // *Anthropological Linguistics* 17(3), 1975. P. 107–116.
- Schachter, Otnes 1972 — P. Schachter, F. T. Otnes. *Tagalog Reference Grammar*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1972.
- Simons, Fennig (eds.) 2017 — G. F. Simons, C. D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2017. URL <http://www.ethnologue.com>.
- Stanyukovich 1982 — M. V. Stanyukovich. Historical typology and ethnocultural ties of the heroic epic of the Ifugao, the Philippines. Doctoral dissertation. [In Russian: Историческая типология и этнокультурные связи героического эпоса ифугао, Филиппины]. Leningrad: Russian Academy of Science, 1982.
- Stanyukovich 1995 — M. V. Stanyukovich. *Hudhud di kolot*, field records. 1995.
- Stanyukovich 2003 — M. V. Stanyukovich. A living shamanistic oral tradition: Ifugao *hudhud*, the Philippines // *Oral Tradition Journal* 18(2), 2003. P. 249–251.
- Stanyukovich 2007 — M. V. Stanyukovich. Poetics, Stylistics and Ritual Functions of Hudhud and Noh // *Hudhud and Noh. A Dialogue of Cultures*. Manila: University of the Philippines Center for International Studies. Palabas. Japan Foundation, 2007. P. 62–67.
- Stanyukovich 2011a — M. V. Stanyukovich. Problems of linguistic interference in alim, a ritual folklore genre of the Ifugaos (Philippines) [In Russian: Проблемы языковой интерференции в алиме, ритуальном жанре фольклора ифугао (Филиппины)] // *The XXVI international scientific conference on source studies and historiography of Asian and African countries “Modernization and traditions”*: Proceedings of the conference [In Russian: XXVI Международная научная конференция по источ-

- никоведению и историографии стран Азии и Африки «Модернизация и традиции»: Материалы конференции]. Saint Petersburg, 2011. P. 368–369.
- Stanyukovich 2011b — M. V. Stanyukovich. On locality, the role of alien ethnic cultures and language materials in an epic tradition. Bylinas of the Russian North and hudhuds of the Northern Philippines [In Russian: О локальности, роли иноэтнической культуры и чужого языкового материала в эпической традиции былины Русского Севера и художда северных Филиппин] // T. G. Ivanova (ed.). Ryabinin's lectures — 2011: Proceedings of the VI scientific conference on Russian North cultural heritage research and actualization [In Russian: Рябининские чтения — 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера]. Petrozavodsk: KarNTs, 2011. P. 391–394.
- Stanyukovich 2012a — M. V. Stanyukovich. Hudhud ni kolot, field records, 2012.
- Stanyukovich 2012b — M. V. Stanyukovich. Hudhud ni nosi, field records, 2012.
- Stanyukovich 2012c — M. V. Stanyukovich. Ifugao/Kallahan (Kalanguya): issues of grammar and lexica of hudhud and alim ritual oral literature // International Conference of Austranesian Linguistics, 2012. Conference book. URL <http://email.eva.mpg.de/~gil/12ICAL/abstracts/Stanyukovich.pdf>.
- Stanyukovich 2013 — M. V. Stanyukovich. Epics as a Means to Control Memory and Emotions of Gods and Humans: Ritual Implications of Hudhud Among the Yattuka and Tuwali Ifugao // N. Revel (ed.). Songs of Memory in Islands of Southeast Asia. Cambridge Scholar publications, Newcastle-upon-Tyne, 2013. P. 167–204.
- Stanyukovich 2014 — M. V. Stanyukovich. Betel, 'Lonely Heroes' and Magic Birth in the Philippines and Beyond: Comparative Mythology, Field Work and Folklore Corpora // K. Antoni, D. Weiß (eds.). Sources of Mythology: Ancient and Contemporary Myths. Proceedings of the Seventh Annual International Conference on Comparative Mythology (15–17 May, Tübingen). Religionswissenschaft: Forschung und Wissenschaft, 2014. P. 179–206.
- UNESCO 2014 — UNESCO. UNESCO Issues First ever Proclamation of Masterpieces of the Oral and Intangible Heritage, 2014. URL <http://www.unesco.org/culture/ich/en/RL/hudhud-chants-of-the-ifugao-00015>.
- Walrod 1978 — M. R. Walrod. Three criteria for establishing dialect boundaries // Studies in Philippine Linguistics 2(1), 1978. P. 1–35.
- West 1973 — A. West. The semantics of focus in Amganad Ifugao // Linguistics 11(110), 1973. P. 98–121.

Т. В. Репнина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ИТЕРАТИВНЫЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

В последнее время внимание ученых все больше привлекают как итеративные, так и условные конструкции (УК). Появляются исследования итеративных конструкций на материале таких языков, как русский [Сестраков 2016], английский [Кулакова 2014], французский [Шамсутдинова 2015], немецкий [Шустова, Комиссарова 2012] и др., а также исследования условных конструкций на материале большого количества языков, среди которых французский [Рагозина 2010], английский [Овчинникова 2013] и другие.

Опубликован ряд работ, посвященных условным конструкциям каталанского языка, однако итеративные конструкции в них не упоминаются. Рассматриваются вопросы семантики и прагматики условных конструкций [Salvador 1993], условные конструкции с нереализованной возможностью в средневековом каталанском языке [Russell-Gebbett 1976], условные конструкции в языке Раймунда Луллия [Martí i Castell 2008], условные конструкции в административном, юридическом языке [Montolío 2000], условные конструкции в религиозных текстах [Mani, Saldanya 2012].

Попытка исследования итеративных условных конструкций на материале каталанского языка, по-видимому, предпринимается впервые. В подробной грамматике каталанского языка разбирается значительное количество условных конструкций, однако итеративным условным конструкциям внимания не уделяется [Wheeler et al. 1999: 575–587]. В грамматиках каталанского языка, принадлежащих перу Ж. Сола, ни итеративные, ни условные конструкции не рассматриваются отдельно [Solà 1987, 1972–1973]. Данная тема представляет особый интерес ввиду бипредикативности условных конструкций (УК): итеративность в них выражается за счет использования определенных времен и наклонений

глагола-сказуемого в обеих частях предложения¹ (в некоторых случаях с использованием обстоятельств).

В нашем исследовании мы рассматриваем итеративные условные конструкции², исходя из параметров классификации условных конструкций Петербургской типологической школы [Храковский 1991, 1994, 1998] (значение реальности или ирреальности, временной план, времена и наклонения глаголов), а также — с точки зрения средств выражения итеративности.

Объектом исследования являются грамматические (времена и наклонения глаголов), а также лексические средства выражения итеративности (обстоятельства).

Целью исследования является изучение итеративных условных конструкций каталанского языка, определение времен и наклонений, которые могут передавать значение итеративности, а также лексических средств выражения итеративности.

Итеративные условные конструкции каталанского языка имеют значительное сходство с французскими. Так, в статье Е. Е. Корди описаны конструкции с временами и наклонениями глаголов, соответствующие рассматриваемым нами [Корди 1998: 288, 294].

Итеративные условные конструкции — двупредикативные конструкции, состоящие из придаточного и главного предложений, связанных отношениями условия и следствия с добавлением итеративности (повторяемости).

Под итеративностью мы, вслед за Ю. П. Князевым, понимаем обозначение повторяющихся действий, отвлеченных от непосредственного протекания во времени, хотя и предполагающих наличие соответствующих актов реализации в виде каких-то наблюдаемых проявлений, проявляющихся с той или иной частотой [Князев 2007: 152].

¹ Тогда как в большинстве УК итеративность выражается дважды, возможны случаи с итеративностью только в одной части, которые мы рассмотрим далее.

² Помимо итеративных условных конструкций с союзом *si* 'если', существуют конструкции с другими условными союзами. В данном исследовании мы ограничимся рассмотрением итеративных условных конструкций с союзом *si*, поскольку конструкции с другими союзами требуют расширения корпуса и отдельного исследования.

Во французском языке нет специализированных грамматических средств выражения множественности ситуаций [Корди и др. 1989: 207]. То же можно сказать и о каталанском языке. Итеративное значение в каталанском языке выражается при помощи глагольных времен и конкретизируется с помощью обстоятельств.

Анализ материала позволил выделить 5 групп итеративных УК в каталанском языке³, которые мы рассмотрим с точки зрения выражения в них итеративности.

2. УК I. Si + IPFV IND + IPFV IND

Самой частотной моделью итеративных условных конструкций в каталанском языке является модель с двумя имперфектами индикатива. Она имеет значение реальности и относится к временному плану прошлого. Рассмотрим следующие примеры:

- (1) *Si l' Antoni li*
 если ART.DEF.SG.M Антони.[SG] DAT.3SG
man-ava de fer
 просить-IPFV.IND.3SG PREP делать-INF
alguna cosa, la
 какой-нибудь.SG.F вещь.SG ACC.3SG.F
fe-ia content.
 делать-IPFV.IND.3SG довольный.[SG.M]
 'Если Антони просил его сделать что-то, он с радостью это делал'. [M. Rodoreda. La plaça del Diamant]

- (2) *Si plov-ia només*
 если идет.дождь-IPFV.IND.3SG только
xim.xim, pos-ava el
 мелкий_дождик.[SG] класть-IPFV.IND.1SG ART.DEF.SG.M

³ Из романских языков каталанский ближе всего к испанскому. Употребление времен в УК каталанского и испанского языков в целом совпадает. Однако в УК испанского языка со значением ирреальности в аподозисе может употребляться как плюсквамперфект конъюнктива, так и перфект кондиционала [Nueva Gramática de la Lengua Española 2010: 911], тогда как в каталанском языке — перфект кондиционала. В главном предложении этой конструкции употребляется плюсквамперфект конъюнктива в обоих языках.

diari estès damunt del
 газета.[SG] развернуть.ПТСР PREP PREP.ART.DEF.SG.M
banc i m' asse-ia amb
 скамья.[SG] и REFL.1SG садиться-IPFV.IND.1SG PREP
el paraigua obert.
 ART.DEF.SG.M зонт.[SG] открыть.ПТСР.
 'Если шел лишь мелкий дождик, я стелила газеты на скамью
 и сидела с открытым зонтом'.
 [Mercè Rodoreda. La plaça del Diamant. Editor digital, 1962]

(3) *Si vol-ia anar al*
 если хотеть-IPFV.IND.1SG пойти.INF PREP.ART.DEF.SG.M
terrat a seure una
 крыша.[SG] PREP сидеть.INF ART.INDF.SG.F
estona hav-ia de
 момент.[SG] иметь-IPFV.IND.1SG PREP
pujar-hi⁴ la cadira.
 поднимать.INF-туда ART.DEF.SG.F стул.[SG]
 'Если я хотела посидеть немного на крыше, я поднимала
 туда стул'.
 [Mercè Rodoreda. La plaça del Diamant. Editor digital, 1962]

В примерах (1), (2), (3) значение итеративности выражается только имперфектом индикатива без обстоятельств. Это связано с тем, что для имперфекта характерно значение повторяемости.

Как отмечается в работе Корди [Корди и др. 1989: 211], во французском языке употребление презенса и имперфекта в итеративном значении очень характерно для условных конструкций. Данное утверждение верно для каталанского языка и подтверждается исследованным материалом (конструкции I и II).

3. УК II. Si + PRS IND + PRS IND

Конструкция с двумя презенсами индикатива является второй итеративной условной конструкцией со значением реальности. Одним из грамматических значений презенса является значение

⁴ Конструкция *haver de + инфинитив* передает значение дол-
 женствования.

итеративности. Для высказываний этой модели характерна временная отнесенность к настоящему.

- (4) *Si faig així, em*
 если делать.PRS.IND.1SG так DAT.1SG
fa mal tot aquest
 делать.PRS.IND.3SG боль весь.[SG.M] DEM.SG.M
braç, fins aquí.
 рука.[SG] PREP здесь.
 ‘Если я так делаю, то у меня болит вся рука, вот до сюда’.
 [R. Folch I Camarasa. Sala de miralls]

- (5) *Treu pel nas*
 выпускать.PRS.IND.3SG PREP.ART.DEF.SG.M нос.[SG]
l' aigua i llanç-a
 ART.DEF.SG вода.[SG] и бросать-PRS.IND.3SG
uns raig-s alt-íssim-s i
 ART.INDF.PL брызги-PL высокий-SUPER-PL.M и
tan abundant-s, que si
 настолько обильный-PL.M что если
cau-en damunt_d' una
 падать-PRS.IND.3PL PREP ART.INDF.SG.F
nau inund-en la
 корабль.[SG] затоплять-PRS.IND.3PL ART.DEF.SG.F
coberta i la fan
 палуба.[SG] и 3SG.F.ACC делать.PRS.IND.3PL
enfonsar.
 тонуть.INF
 ‘Она выпускает из носа воду и поднимает брызги такие высокие и такие обильные, что если они падают на поверхность корабля, то затопляют палубу и погружают его на дно’.
 [Занимательные истории на каталанском языке. М., 2016. С. 52–53]

- (6) *Els meu-s fill-s ... són*
 ART.DEF.PL.M мой.POSS-PL ребенок.PL быть.PRS.IND.3PL
incapaç-os de dormir després_de
 неспособный-PL.M PREP спать.INF PREP
dinar, i si ho prov-en,
 ужин.[SG] и если это пытаться-PRS.IND.3PL

<i>es llev-en</i>	<i>cruixit-s</i>
REFL.вставить-PRS.IND.3PL	разбитый.PTCP-PL.M
<i>i malhumorat-s.</i>	
и угрюмый-PL.M	

‘Мои дети ... не могут спать после ужина, а если ложатся, то потом встают разбитыми и в дурном настроении’.
 [Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 68]

Ю. П. Князев отмечает несколько особенностей, присущих настоящему времени в отличие от прошедшего и будущего: отсутствие дистанции между временем обозначаемой ситуации и моментом речи и проблему границ настоящего времени [Князев 2007: 391]. В итеративных УК настоящее время расширенное, оно включает момент речи.

4. УК III. Si + PRS IND + FUT IND

Третья рассматриваемая нами итеративная условная конструкция встречается достаточно редко. В главном предложении употребляется футурум индикатива, а в придаточном — презенс индикатива. Эта конструкция имеет значение реальности/потенциальности, поскольку будущее время содержит значение потенциальности.

У итеративной условной конструкции с футурумом в главном предложении есть несколько особенностей, отличающих ее от других итеративных УК. В главном предложении с футурумом временной план относится к будущему, а в придаточном предложении с презенсом индикатива временной план может относиться как к настоящему, так и к будущему. В рассматриваемой конструкции презенс может употребляться в проспективном значении, обозначая предстоящее действие [Князев 2007: 99]. Таким образом, среди конструкций этого типа встречаются разновременные, например:

- (7) *Si et vols mantenir tan*
 если ты хотеть.PRS.IND.2SG держать.INF так
enlair e i no baix-es una
 высоко и NEG опускаться-PRS.IND.2SG ART.INDF.SG.F
mica de l' escambell,
 немного PREP ART.DEF.SG табуретка.[SG]

tindr-às *molt-s* *disgust-os* *en*
 иметь-FUT.IND.2SG много-PL разочарование-PL PREP
la *vida.*
 ART.DEF.SG.F жизнь.[SG]
 ‘Если ты хочешь держать себя так высоко и не спускаешься
 с возвышения, у тебя будет много разочарований в жизни’.
 [Josep Pla. *El quadern gris*. Barcelona, 2014. P. 148]

В данной конструкции презенс в протазисе может соответствовать временному плану настоящего и будущего, тогда как в аподозисе — временной план будущего (примеры (7) и (8)).

(8) *Si et port-es* *bé, no*
 если 2SG вести_себя-PRS.IND.2SG хорошо NEG
et *faltar-à* *mai més*
 2SG.DAT нехватать-FUT.IND.3SG никогда больше
res.
 ничего.

‘Если ты ведешь (будешь вести) себя хорошо, тебе не будет не хватать никогда более ничего. (тебе больше никогда не будет не хватать ничего)’.

[Josep Pla. *El quadern gris*. Barcelona, 2014. P. 515]

Тогда как в большинстве итеративных УК каталанского языка итеративность выражается дважды — в протазисе и аподозисе, в конструкции с футурумом индикатива в главном предложении и презенсом индикатива в придаточном итеративность может быть выражена только в одной из частей. В следующем примере итеративность присутствует только в аподозисе:

(9) *Si deix-es* *les* *lliçon-s*
 если оставить-PRS.IND.2SG ART.DEF.PL.F урок-PL
de piano *ens* *podr-em*
 PREP фортепиано.[SG] мы мочь-FUT.IND.1PL
veure *molt* *poc...*
 видеться-INF очень мало.
 ‘Если ты оставишь уроки фортепьяно, видеться мы сможем
 очень редко’.

[Josep Pla. *El quadern gris*. Barcelona, 2014. P. 207]

Таким образом, в конструкции с презенсом в протазисе и футурумом в аподозисе разновременность может сочетаться с итеративностью только в одной части. Обе характеристики не свойственны другим итеративным УК.

В итеративных УК со значением потенциальности в главном предложении возможно употребление как футурума индикатива, так и презенса кондиционала. Итеративность не влияет на употребление времен.

5. УК IV. Si + IPFV IND/IPFV CONJ + PRS COND

Четвертая итеративная условная конструкция каталанского языка имеет значение потенциальности в плане настоящего и/или будущего.

В этой конструкции в придаточном предложении может употребляться как имперфект индикатива, так и имперфект конъюнктива. В конструкциях этой модели как правило требуются дополнительные средства выражения итеративности, помимо временных форм глагола. Так, в примере (10) употреблено обстоятельство *més sovint* ‘чаще’, в примере (11) — обстоятельство *cada dia* ‘каждый день’.

- (10) *Si mir-éssim enlaire*
 если смотреть-IPFV.CONJ.1PL наверх
més_sovint, aquest-es cos-es no ens
 COMPAR.часто, эта-PL.F вещи.PL NEG OBL.2PL
passar-ien.
 происходить-PRS.COND.3PL
 ‘Если бы мы чаще смотрели в небеса, такие вещи с нами бы не происходили’.
 [Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 152]

- (11) *Si vol-ia em*
 если хотеть-IPFV.IND.1SG DAT.1SG
pagar-ien cada dia en
 платить-PRS.COND.3PL каждый.SG.M день.SG в

el punt de plegar.

ART.DEF.SG.M момент.SG PREP заканчивать работу.INF.

‘Если бы я хотела, они бы платили мне каждый день, после того как я закончу работу’.

[M. Rodoreda. La plaça del Diamant]

6. УК V. Si + PQP CONJ + PRF COND

В каталанском языке значение ирреальности в плане прошлого передается конструкцией с перфектом кондиционала в главном предложении и плюсквамперфектом конъюнктива в придаточном предложении. Например:

- (12) *Si hag-uess-in caigut gran-s*
 если иметь-IPFV.CONJ-3PL падать.PTCP большие.PL.M
roques des_de tan amunt les
 камни.PL PREP такой высоко 3SG.ACC
haur-ia sentit.
 иметь-PRS.COND.3SG слышать.PTCP
 ‘Если бы падали (упали) большие камни с такой высоты, он бы их слышал (услышал)’.
 [Albert Sánchez Piñol. Pandora al Congo. Barcelona, 2005. P. 437]

Приведенный пример может рассматриваться как итеративный (падали, слышал) или как неитеративный (упали, услышал).

Для проверки можно подставить обстоятельство с итеративным значением ‘часто’. Однако в нашем материале итеративные УК со значением ирреальности в плане прошлого практически не встречаются.

Рассмотренный материал показывает, что в итеративных условных конструкциях каталанского языка по мере усиления значения ирреальности значение итеративности утрачивается.

В итеративных УК каталанского языка встречаются как предельные, так и непредельные, как статические, так и динамические глаголы.

Значение реальности/потенциальности/ирреальности зависит не от употребления в придаточном предложении индикатива или конъюнктива, а от времени и наклонения глагола в главном предложении УК.

I. УК с презенсом в главном предложении имеют значение реальности в плане настоящего.

II. Конструкции с имперфектом индикатива в главном предложении имеют значение реальности в плане прошлого.

III. Конструкции с футурумом индикатива в главном предложении имеют значение реальности/потенциальности. В главном предложении план будущего, в придаточном — план настоящего или будущего.

IV. Условные конструкции, в которых в главном предложении употреблен презенс кондиционала, имеют значение потенциальности в настоящем.

V. УК с перфектом кондиционала в главном предложении имеют значение ирреальности в прошлом.

7. Обстоятельства, выражающие итеративность

Помимо временной формы глагола, итеративность в УК выражается обстоятельствами (*cada dia* ‘каждый день’, *de vegades* ‘иногда’, *sempre* ‘всегда’, *més sovint* ‘чаще’ и др.).

В условных конструкциях каталанского языка со значением реальности (конструкции I и II) для выражения итеративности достаточно употребления времен и наклонений, передающих итеративное значение (имперфект и презенс), тогда как в условных конструкциях со значением потенциальности и ирреальности (конструкции III, IV, V) требуются лексические средства для выражения итеративности.

Обстоятельства, выражающие итеративность, могут быть расположены как в протазисе, так и в аподозисе условной конструкции. В примере (10) обстоятельство *més sovint* ‘чаще’ расположено в протазисе УК. В примере (11) обстоятельство *cada dia* ‘каждый день’ расположено в аподозисе условной конструкции.

Но иногда к временам и наклонениям глаголов добавляются обстоятельства, усиливающие итеративное значение. В примере (13) таким словом является *de vegades* ‘иногда’. Поскольку презенс и имперфект имеют значение итеративности, они легко сочетаются с обстоятельствами повторяемости:

- (13) *De vegades, si algú corr-ia*
иногда если кто-нибудь бежать-IPFV.IND.3SG

pel *pis* *de* *sobre*,
 PREP.ART.DEF.SG.M квартира.[SG] PREP сверху
topav-en *els* *un-s* *amb*
 задевать-IPFV.IND.3PL ART.DEF.PL.M один.PL.M PREP
els *alter-s* *i* *feien*
 ART.DEF.PL.M другой-PL.M и делать-IPFV.IND.3PL
musiqueta.
 музыка.[SG]

‘Иногда, если кто-то пробежал наверху у соседей, они (подвески) задевали одна другую и звенели как музыка’.

[Mercè Rodoreda. *La plaça del Diamant*. Editor digital, 1962]

Приведенный пример интересен тем, что в нем обстоятельство *de vegades* ‘иногда’, выражающее значение итеративности, расположено перед условным союзом и перед протазисом и относится ко всему предложению.

8. Итеративность только в одной из частей условной конструкции

В конструкциях III, IV и V групп итеративность может присутствовать только в одной из частей. Причем для каждой из этих групп возможны высказывания как с итеративностью только в протазисе, так и высказывания с итеративностью только в аподозисе. Для IV и V типа такие конструкции редки. Примеры с итеративностью только в одной части УК были получены от информантов. Примеры (14)–(16) и (17)–(19) различаются временами и наклонениями глаголов при одинаковом лексическом наполнении.

- (14) *Si* *estalvi-o* *un-a*
 если копить-PRS.IND.1SG ART.INDF-SG.F
determinada *suma* *de* *diner-s*
 определенный.SG.F сумма.SG PREP деньги-PL
de *cada* *salari*, *estalviar-é*
 PREP каждый.SG.F зарплата.SG копить-FUT.IND.1SG
per *un* *cotxe* *d'* *aquí* *a*
 PREP ART.INDF.SG.M машина.SG PREP здесь PREP

- quaranta anys.*
 сорок год.PL
 ‘Если я буду откладывать (копить) определенную сумму с каждой зарплаты, я накоплю на машину к сорока годам’⁵.
- (15) *Si estalvi-és una*
 если откладывать-IPFV.CONJ.1SG ART.INDF.SG.F
determinada suma de diner-s de
 определенный.SG.F сумма.SG PREP деньги-PL PREP
cada salari, estalviar-ia
 каждый.SG.F зарплата.SG копить-PRS.COND.1SG
per un cotxe d' aquí
 PREP ART.INDF.SG.M машина.SG PREP здесь
a quaranta anys.
 PREP сорок год.PL
 ‘Если бы я откладывал (сейчас) определенную сумму денег с каждой зарплаты, то я накопил бы на машину к сорока годам’.
- (16) *Si hagu-és estalviat*
 если иметь-IPFV.CONJ.1SG откладывать.PTCP.SG.M
una determinada suma de
 ART.INDF.SG.F определенный.SG.F сумма.SG PREP
diner-s de cada salari,
 деньги-PL PREP каждый.SG.F зарплата.SG
haur-ia estalviat per
 иметь-PRS.COND.1SG копить.PTCP.SG.M PREP
un cotxe d' aquí
 ART.INDF.SG.M машина.SG PREP здесь
a quaranta any-s.
 PREP сорок год-PL
 ‘Если бы я откладывал (в прошлом) определенную сумму денег с каждой зарплаты, то я накопил бы на машину к сорока годам’.

⁵ Примеры без указания автора получены от информантов — носителей языка. Выражаю благодарность Ismael Alonso Fernández и Jorge P. за помощь при переводе примеров на каталанский язык и их проверке.

В примерах (14)–(16) итеративность выражается сочетанием времен и наклонений глаголов с лексическими средствами *cada salari* ‘каждая зарплата’. В примере (14) значение реальности и потенциальности, пример (15) имеет значение потенциальности в настоящем, а пример (16) — значение контрфактивности в прошлом. В примерах (14)–(16) итеративность присутствует в протазисе УК и отсутствует в аподозисе. Таким образом, в потенциальных и ирреальных УК итеративность в протазисе не предопределяет итеративности в аподозисе. В примерах (17)–(19) ситуация противоположная: итеративность присутствует только в аподозисе:

- (17) *Si accept-a, la*
 если согласиться-PRS.IND.3SG ACC.SG.F
portar-é al cinema
 водить-FUT.IND.1SG PREP.ART.DEF.SG.M кино.SG
cada diumenge.
 каждый.SG.F воскресенье.SG
 ‘Если она согласится, я буду водить ее в кино каждое воскресенье’.

- (18) *Si accept-és, la*
 если согласиться-IPFV.IND.3SG ACC.SG.F
portar-ia al cinema
 водить-PRS.COND.1SG PREP.ART.DEF.SG.M кино.SG
cada diumenge.
 каждый.SG.F воскресенье.SG
 ‘Если бы она (сейчас) согласилась, я бы водил ее в кино каждое воскресенье’.

- (19) *Si hagu-és acceptat,*
 если иметь-IPFV.CONJ.3SG согласиться.PTCP.SG.M,
la haur-ia portat
 ACC.SG.F иметь-PRS.COND.1SG водить.PTCP.SG.M
al cinema cada
 PREP.ART.DEF.SG.M кино.SG каждый.SG.F
diumenge.
 воскресенье.SG.
 ‘Если бы она (в прошлом) согласилась, я бы водил ее в кино каждое воскресенье’.

В примерах (17)–(19) итеративность присутствует только в аподозисе, она выражена сочетанием времен и наклонений глаголов с лексическими средствами *cada diumenge* ‘каждое воскресенье’.

Примеры (14) и (17) относятся к III конструкции (футурум индикатива в главном предложении и презенс индикатива в придаточном), примеры (15) и (18) — к IV конструкции (презенс кондиционала в главном предложении и имперфект конъюнктива в придаточном), примеры (16) и (19) — к V конструкции (перфект кондиционала в главном предложении, плюсквамперфект конъюнктива в придаточном).

Таким образом, итеративность в одной части не предопределяет итеративности в другой части. Это утверждение справедливо для конструкций III–V.

9. Сходство итеративных условных конструкций со значением реальности с временными конструкциями

Итеративные условные конструкции с двумя презенсами и двумя имперфектами близки к временным, поскольку они имеют значение реальности. Это подтверждается тем, что в этих конструкциях можно заменить союз со значением ‘если’ на союз со значением ‘когда’. В исследованном нами материале встретилось значительное количество примеров итеративных условных конструкций с союзом *si* ‘если’ на каталанском языке, которым во французском переводе соответствуют темпоральные итеративные конструкции с временными союзами.

В следующем примере каталанский условный союз *si* ‘если’ переведен на французский язык временным союзом *lorsqu’* ‘когда’, а каталанский временной союз *quan* ‘когда’ переведен на французский язык условным союзом *si* ‘если’.

КАТАЛАНСКИЙ					
(20a)	<i>Té</i>		<i>un</i>		<i>pèl</i>
	иметь.PRS.IND.3SG		ART.INDF.SG.M		волос.[SG]
	<i>tan</i>		<i>arrissat</i>		<i>que si</i>
	настолько		вьющийся.[SG.M]		что если
	<i>hom</i>	<i>es</i>	<i>rob-a</i>		
	кто-то	REFL	находиться-PRS.IND.3SG		

al seu costat quan se'
 PREP.ART.DEF.SG.M POSS сторона.[SG] когда себе
l refil-a es
 ACC.3SG чирикать-PRS.IND.3SG REFL
sent un
 слышаться.PRS.IND.3SG ART.INDF.SG.M
sorollet...

маленький_шум.[SG]...

‘Его волосы настолько вьющиеся, что если кто-то рядом с ним, и когда он себе их теребит, слышен маленький шум...’

[Josep Pla. El quadern gris. Barcelona, 2014. P. 221]

Перевод примера (20а) на французский язык

(20б) *Se-s poil-s sont*
 3.POSS-PL волосы-PL быть.PRS.IND.3PL
si frisé-s que lorsqu'
 настолько вьющийся-PL.M что когда
on est à côté de lui, et
 кто-то быть.PRS.IND.3SG PREP ним и
s' il se les tortill-e,
 если он REFL ACC.3PL теребить-PRS.IND.3SG
on entend un
 PRON.IMPRS слышать.PRS.IND.3SG ART.INDF.SG.M
petit bruit...

маленький.SG.M шум.[SG]...

‘Его волосы настолько вьющиеся, что когда кто-то рядом с ним, и если он себе их теребит, слышен маленький шум...’

[Josep Pla. Le cahier gris. Gallimard, 2013. P. 219]

Следует отметить, что помимо итеративных условных конструкций существуют итеративные квазиусловные конструкции, в том числе с условно-причинным значением:

(21) *Si no faig punta*
 если NEG делать.PRS.IND.1SG немного
al llapis és
 PREP.ART.DEF.SG.M карандаш.[SG] быть.PRS.IND.3SG
perquè gast-o
 потому_что использовать-PRS.IND.1SG

dictàfon.

диктофон.[SG]

‘Если сразу же не принимаюсь за писанину, то только потому, что использую диктофон’.

[Ramon Folch I Camarasa. Sala de miralls. Barcelona, 1982. P. 24]

В грамматике Королевской академии испанского языка упоминаются квазиусловные конструкции, аналогичные рассмотренным выше [Nueva Gramática de la Lengua Española 2010: 909].

10. Заключение

В условных конструкциях каталанского языка итеративность выражается прежде всего временами и наклонениями глагола. Чаще всего значение итеративности передается имперфектом и презенсом индикатива. В каталанском языке выявлено 5 моделей итеративных условных конструкций.

1. Имперфект индикатива в протазисе и аподозисе. Эта конструкция имеет значение реальности, временной план относится к прошлому. Возможно выражение итеративности без обстоятельств.

2. Презенс индикатива в протазисе и аподозисе. Эта конструкция имеет значение реальности. Временной план относится к настоящему. Возможно выражение итеративности без обстоятельств.

3. Презенс индикатива в протазисе, футурум индикатива в аподозисе. Эта конструкция имеет значение реальности и потенциальности, временной план настоящего и/или будущего. Возможны одновременные конструкции, в которых итеративность присутствует только в одной части. Для выражения итеративности необходимы лексические средства.

4. В главном предложении презенс кондиционала, а в придаточном — имперфект индикатива или имперфект конъюнктива. Эта конструкция имеет значение потенциальности/ирреальности в плане настоящего. Временной план может быть различным. Для выражения итеративности помимо времен и наклонений требуются обстоятельства, иначе возникает двусмысленность.

5. Плюсquamперфект конъюнктива в протазисе и перфект кондиционала в аподозисе. Эта конструкция имеет значение контрафактивности. Временной план относится к прошлому. Такие

конструкции имеют двоякую интерпретацию — как итеративные и как неитеративные. Для выражения итеративности требуются обстоятельства.

Итеративные конструкции со значением реальности имеют большое сходство с темпоральными, возможна трансформация условных конструкций во временные.

По мере того, как возрастает значение ирреальности, итеративность утрачивается.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ART — артикль; PERS — артикль для имен собственных; COND — кондиционал; CONJ — конъюнктив; DAT — датив; DEF — определенный; DEM — указательное (прилагательное/местоимение); F — женский род; IND — индикатив; INDF — неопределенный; INF — инфинитив; IPFV — имперфект; M — мужской род; NEG — отрицание; PTCP — причастие; POSS — притяжательное (прилагательное/местоимение); PL — множественное число; PREP — предлог; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PQP — плюсквамперфект; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SUPER — суперлатив.

Литература

- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Корди и др. 1989 — Е. Е. Корди, И. С. Никольская, М. К. Сабанеева. Выражение множественности ситуаций во французском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 207–214.
- Корди 1998 — Е. Е. Корди. Условные конструкции во французском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 275–296.
- Кулакова 2014 — Т. А. Кулакова. Итеративность как способ достижения цели // И. Ю. Колесов (ред.). Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Материалы II международной научной конференции. Барнаул: АлтГПА, 2014. С. 174–176.
- Овчинникова 2013 — Н. И. Овчинникова. Лексико-фразеологические средства выражения условности в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 153–155.

- Рагозина 2010 — И. Ф. Рагозина. Русские и французские ирреально-условные предложения как средство выражения прогноза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. № 1. С. 173–179.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 7–96.
- Храковский 1994 — В. С. Храковский. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // Вопросы языкознания 6, 1994. С. 129–139.
- Храковский 1991 — В. С. Храковский. Условные конструкции // Категории грамматики в их системных связях (в теоретическом и лингводидактическом аспектах) тезисы. Докл. Конф. Вологда, 13–14 июня 1991 г. Вологда, 1991.
- Шамсутдинова 2015 — А. Р. Шамсутдинова. Аспектуальные значения наречия *toujours* во французском языке // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 107–109.
- Шустова, Комиссарова 2012 — С. В. Шустова, Е. С. Комиссарова. Семантический потенциал языковых единиц с признаком «факультативность повторений без проявления признака цикличности» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 3, 2012. С. 113–119.
- Martí i Castell 2008 — J. Martí i Castell. Una aproximació a la llengua de Ramon Llull l'ús de les oracions condicionals amb "si" / El rei Jaume I: fets, actes i paraules / coord. por Germà Colón i Domènech. Tomás Martínez Romero, 2008. P. 459–486.
- Montolío 2000 — E. Montolío. “Les estructures condicionals [si P, Q] i la seva relevància en les formulacions legislatives, administratives y jurídiques” // Revista de llengua y dret (34), 2000. P. 67–91.
- Mani, Saldanya 2012 — X. M. Mani, M. P. Saldanya. Les construccions condicionals de Curial e Güelfa // Ressenya a Antoni Ferrando (ed.) Estudis lingüístics i culturals sobre Curial e Güelfa. Novel·la cavalleresca anònima del segle xv en llengua catalana, vol. 2. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 1193.
- Nueva Gramática de la Lengua Española 2010 — Nueva Gramática de la Lengua Española. Real Academia Española. Espasa Libros, 2010.
- Russell-Gebbett 1976 — P. Russell-Gebbett. L'estructura de les oracions condicionals de realització impossible en el català medieval // Actes del Tercer Col·loqui Internacional de Llengua i Literatura catalanes

- celebrat a Cambridge del 9 al 14 d'abril de 1973 / coord. por Robert Brian Tate, Alan Yates, 1976. P. 207–218.
- Salvador 1993 — V. Salvador. Aspectes semàntico-pragmàtics de les condicionals: aplicació a un corpus de proverbis Catalans // Actes du XX Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes: Université de Zurich (6–11 avril 1992) / publiés per Gerold Hilty, Vol. 1, 1993. P. 669–682.
- Sola 1972–1973 — J. Sola. Estudis de sintaxi catalana. (2 vols). Barcelona, 1972–1973.
- Sola 1987 — J. Sola. Questions controvertides de sintaxi catalane. Barcelona: Edicions 62, 1987.
- Wheeler et al. 1999 — M. W. Wheeler, A. Yates, N. Dols. Catalan: A Comprehensive Grammar. London: Routledge, 1999.

Н. В. Сердобольская

ИЯз РАН — МПГУ, Москва

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
БЕССОЮЗНОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРИ ГЛАГОЛЕ *ДУМАТЬ*
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹**

1. Введение

Ментальные глаголы русского языка способны присоединять актантные предложения с союзом *что* и без союза, ср.:

- (1) — *Почему вы думаете, что вас не повесят?* — спрашивали в лаборатории. [НКРЯ: Даниил Гранин. Зубр. 1987]
- (2) [Вячеслав Иванов, муж] *И там же найдены захоронения/ по-видимому/ связанные с индоевропейцами (многие думают – с древнеиранскими племенами). Захоронения/ в которых находятся жертвоприношения коней.*
[НКРЯ: Миграции индоевропейцев. Программа «Гордон». НТВ. 2003]
- (3) *Карелло наверное сидит и думает: какой же я крутой тренер, как их натренировал за несколько лет – он как играют!* [<http://m.sovsport.ru/news/text-item/839424>]
- (4) *Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьёв. Вот какая задача! – А зачем – в воробьёв? В бабочек, я думаю, легче.*
[НКРЯ: Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! 1957]

¹ Автор глубоко признателен анонимным читателям и рецензенту, а также участникам международного симпозиума «Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования» (23–26 мая 2018 г.) за замечания и комментарии к данной работе. Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка».

Бессоюзные конструкции (2) в [Русская грамматика 1980: 650] выделяются в отдельный класс — бессоюзные сочетания с изъяснительным значением (в отличие от союзных изъяснительных предложений, как в (1)); в [Грамматика... 1954: 398] — «бессоюзные сложные предложения пояснительного типа». Такие конструкции принято отличать от конструкций прямой речи (прямого цитирования), ср. (3), где используется местоимение 1-го лица для отсылки к текстовому (а не к реальному) говорящему (Карелло), что характерно для прямой речи (ср. тж. сочетание *вон как*, которое включает средство синтаксической неподчинимости [Падучева 1990], недопустимое в косвенной речи). По некоторым свойствам бессоюзные конструкции похожи на вводные предложения вида (4): например, и в (2), и в (4) невозможно отрицание при *думать*; однако данные два типа конструкций различаются по ряду признаков [Падучева 1996а; Сердобольская 2017]. Например, в бессоюзных конструкциях, в отличие от вводных, допустимы деепричастные обороты, фокусные частицы, средства синтаксической неподчинимости, включение в нарративную цепочку и несочувственная интерпретация (см. обсуждение в разделе 2.1).

В [Сердобольская 2017; 2018] показано, что предложения, аналогичные (2), представляют собой особую конструкцию, которые по своим морфосинтаксическим свойствам отличаются от союзных СА, вводных сочетаний с *думать* и конструкций прямой речи. В настоящей работе будет сделана попытка определить семантические особенности данной конструкции. Далее для краткости мы будем обозначать ее термином «бессоюзная конструкция». Несмотря на то, что мы сосредоточиваемся только на одном главном глаголе, как представляется, выводы настоящей работы могут быть в дальнейшем расширены на многие предикаты русского языка, способные присоединять бессоюзные СА².

В статье используется следующая терминология. Конструкция с СА определяется согласно [Noonan 1985: 52] как структура, в которой предложение или предикация является аргументом включающего предиката (“a notional sentence or predication is an argument of a predicate”). Такое определение объединяет под термином СА как придаточные предложения, так и конструкции с

² Или «СА, которые присоединяются без союза».

отглагольными именами, бессоюзные сочетания с изъяснительным значением и конструкции прямой речи. Таким образом, при наличии соответствующего семантического отношения (предикация является аргументом включающего предиката) СА определяется как зависимая клауза (предложение) при главной клаузе с включающим предикатом вне зависимости от наличия формального морфологического или лексического показателя зависимости.

Исследование базируется на примерах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ; ruscorpora.ru) и примерах, полученных поиском в Интернете. В [Лаптева 1976: 319] указывается, что бессоюзные полипредикативные сочетания характерны скорее для устной спонтанной речи, чем для письменного языка (ср. тж. [Земская и др. 1981: 256]). Однако большая часть примеров, используемых в настоящей работе, взята из основного подкорпуса НКРЯ и принадлежит кодифицированному литературному языку. Уточним, что даже в самых неформальных текстах (чаты, форумы и т. п.) нам в основном попадались конструкции, соответствующие литературной норме. Таким образом, мы не ставим целью специальное исследование особенностей устной речи.

Во всех примерах, взятых из Интернета, сохранена пунктуация источника.

Все примеры, сконструированные или модифицированные автором, снабжены пометой [Сконструированный пример]. Уточним, что суждения о неграмматичности примеров основаны на личном суждении автора и нескольких читателей.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 обобщаются морфосинтаксические свойства бессоюзной конструкции, которые рассматриваются в опубликованных работах; раздел 3 посвящен ее семантике. Раздел 4 содержит выводы.

2. Определение границ исследуемой конструкции: союзные СА, цитирование, вводные сочетания vs. бессоюзная конструкция

Глаголы мнения, к которым относится *думать*, могут присоединять союзные СА, включая конструкции прямой и косвенной речи, а также склонны выступать во вводных конструкциях [Арутюнова 1988, 1989; Зализняк А. 1992; Падучева 1996а, б; НОСС: 1133; Апресян 2015]. Кроме того, многие предикаты мнения,

а также предикаты, имеющие мнение в качестве одного из значений (ср. [Арутюнова 1989] и [Апресян 2014: 117–121] относительно *видеть*; [Зализняк А. 1992] относительно *надеяться*; [Зализняк А. 1983] и [Апресян В. 2014: 336] относительно *бояться*), могут присоединять СА без союза, ср.:

- (5) **Я думаю** ничего страшного в этом нет — просто дань моде... [НКРЯ: Наши дети: Подростки. 2004]
- (6) [Раицкая Лилия Клементовна, жен] Ну/ ещё **я полагаю**/ выбор пал на меня из-за того/ что по своему основному образованию/ я закончила МГИМО... [НКРЯ: Семинар по стандартам профессионального образования. 2008]
- (7) Органы разбираются. Если он виноват / то виноват. **Я считаю** / воруа самый обыкновенный. [НКРЯ: Беседа в Новосибирске // Фонд «Общественное мнение», 2004]
- (8) **Я вижу** / вы благородный пёс. Вам можно довериться. [НКРЯ: Ефим Гамбург, Владимир Валущкий. Пес в сапогах, м/ф. 1981]
- (9) Вам нечего бояться. **Я надеюсь** / мы всё уладим. [НКРЯ: Игорь Масленников и др. Шерлок Холмс и доктор Ватсон, к/ф. 1979]
- (10) **Буюсь**, он плохо сдаст математику. [Апресян В. 2014: 336]

В случае глагола *думать* данная конструкция похожа по своим свойствам на вводную: сильным аргументом в пользу такой трактовки является невозможность отрицания. (Мы не обсуждаем возможность такой трактовки для других приведенных выше глаголов, хотя и не исключаем ее.) Ниже мы покажем, что рассматриваемая конструкция не может трактоваться ни как вводная, ни как конструкция прямого цитирования (которая также допустима при ментальных глаголах). Данный раздел обобщает результаты работ [Сердобольская 2016, 2017, 2018]. Пункт 2.1 посвящен разграничению бессоюзной конструкции и вводных клауз, пункт 2.2 — разграничению бессоюзной конструкции и прямого цитирования.

2.1. *Бессоюзная и вводные конструкции: морфосинтаксические свойства*

В работах [Падучева 1996а] и [Сердобольская 2016, 2017] подробно рассматриваются аргументы против анализа начальных бессоюзных клауз с глаголом *думать* как вводных³. (Уточним, что в [Грамматика... 1954: 398] и [Русская грамматика 1980] к бессоюзным предложениям также отнесены конструкции с начальным *думать* — т. е. конструкции, где клауза с ментальным глаголом занимает начальную позицию.)

В настоящем разделе мы кратко приведем ключевые положения аргументации.

В бессоюзных КСА с ментальными глаголами отрицание недопустимо [Русская грамматика 1980: § 3184; Падучева 1996а]:

(11) *Потом всегда было двойное. Я думаю/ он преувеличивает*
[НКРЯ: Симон Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах. Проект Academia. ГТРК Культура. 2010]

(11)' **Я не думаю, он преувеличивает.*

[Сконструированный пример]

См. тж. модифицированный пример (2) из введения:

³ Вводные сочетания мы определяем согласно [Dehé, Kavalova 2007: 1]: это «выражения, находящиеся внутри некоторого предложения, но структурно независимые от него... они не включаются в основной просодический контур содержащего их высказывания ... не входят в коммуникативное членение (топик, фокус и т. п.) включающего их предложения и не несут истинностного значения» (“Parentheticals are expressions that are linearly represented in a given string of utterance (a host sentence), but seem structurally independent at the same time... interrupt the prosodic flow of an utterance... are outside the focus-background structure of their host utterance and are usually associated with non-truth conditional meaning.”). Стоит уточнить, что данное определение охватывает более широкий класс конструкций, чем принято понимать под вводными в отечественной литературе — сюда входят также вставные конструкции, некоторые виды приложений и т. п. Однако в рамках настоящей статьи, где речь идет исключительно о ментальных глаголах и выражении мнения, такое расширение не приводит к существенным расхождениям в интерпретации.

- (2)' **Никто не думает, с древнеиранскими племенами* / **Ученые не думают, с древнеиранскими племенами.*

[Сконструированный пример]

Такой же запрет имеет место во вводных конструкциях с ментальными и речевыми глаголами [Апресян 1995; Падучева 1996а]:

- (12) **Осетровые рыбы, (вовсе) не говорят знатоки, утратили свой былой вкус.*

- (13) **Вождь повстанцев, отрицают некоторые, уже прибыл в страну.* [Апресян 1995: 614]

Ср. модифицированный пример (4) из введения:

- (4)' **В бабочек, я не думаю, легче.*

[Сконструированный пример]

Е. В. Падучева [1996а: 330] объясняет это тем, что при отрицании во вводных клаузах информация в ассоциированной клаузе (выражающей содержание мысли) перестает быть чьим-либо мнением, что противоречит семантике самой конструкции — выражению чьего-либо мнения.

Тем самым, бессоюзная конструкция по своим свойствам напоминает вводную клаузу. Однако в работе [Падучева 1996а] указывается на семантическое различие между вводными клаузами и бессоюзной конструкцией при ментальных глаголах: для вводных конструкций характерно т. н. «сочувственная интерпретация» («говорящий присоединяется к мнению цитируемого субъекта или по крайней мере не имеет противоречащего мнения» [Падучева 1996а: 326]), что необязательно для бессоюзной конструкции, ср.:

- (14) *Поезда, считает Джон, уже ходят.*

- (15) *Он думает, (что) я его испугался. Как бы не так!*

[Падучева 1996а: 322, 326]

В (14) говорящий присоединяется к мнению Джона или, в отсутствие другой информации, склонен доверять его мнению. Наоборот, в (15) говорящий эксплицитно отвергает мнение субъекта (см. подробнее об этом противопоставлении в [Падучева 1996а: 322–326]).

Е. В. Падучева пишет о важности линейной позиции для идентификации бессоюзной конструкции: данная конструкция требует препозиции клаузы с глаголом *думать* по отношению к клаузе, выражающей содержание мнения. Срединная или конечная позиции возможны только для вводных клауз с *думать*. Как показано в [Сердобольская 2016, 2017], срединные и конечные клаузы с *думать* в основном включают два элемента: субъект, чаще всего выраженный местоимением (нами обнаружен ровно 1 пример в НКРЯ на имя собственное), и глагол; возможно также наречие из закрытого списка (*так, сейчас, порой, часто, невольно* и, возможно, некоторые другие). Напротив, в начальных бессоюзных клаузах с *думать*, как и в простом независимом предложении, субъект может быть именем нарицательным, они могут включать различного вида обстоятельства, частицы, оценочные аппозиции, выделительные элементы или конструкции, а также средства синтаксической неподчинимости (ср. определение таких средств в [Падучева 1990; Кобозева 1999]). Ср., например, (16) с частицей *-то*, (17) с выделительным *например* и (18) с деиктиком *вон*, который входит в число средств синтаксической неподчинимости:

(16) *Знаешь, Михаэль смеется и спрашивает: ты по-русски всегда так заковыристо выражаешься? Он-то думал, ты такой немногословный, застенчивый юноша...*

[Макс Фрай «Жалобная книга». 2003; цит. по Сердобольская 2017: 20]

(17) *Почему вы думаете что он хотел сказать именно это? я например думаю он хотел сказать что у него было все но в могилу он ушел с пустыми руками...*

[<https://www.kramatorsk.info/talk/index.php?topic=36788.15;wap2>; цит. по Сердобольская 2017: 21]

(18) *Вон та женищина думает, я сейчас ей кинусь место уступать.* [Сердобольская 2016: 289]

В срединной и конечной позиции аналогичные примеры не обнаружены при соответствующих запросах в корпусе; при постановке клаузы с *думать* в постпозицию или интерпозицию, предложения в (16)–(18), как представляется, становятся неграмматичными:

- (16)' * *Ты такой немногословный, застенчивый юноша, он-то думал* / **Ты такой немногословный, застенчивый, он-то думал, юноша.* [Сконструированные примеры]
- (17)' * *Он хотел сказать, я, например, думаю, что у него было все, но в могилу он ушел с пустыми руками* / * *Он хотел сказать, что у него было все, но в могилу он ушел с пустыми руками, я, например, думаю.* [Сконструированные примеры]
- (18)' * *Я сейчас ей кинусь место уступить, вон та женщина думает* / * *Я сейчас, вон та женщина думает, кинусь ей место уступить.* [Сконструированные примеры]

Соответственно, при перестановке клаузы с *думать* в срединную или конечную позицию она приобретает свойства вводной конструкции и теряет способность включать различные обстоятельства, оценочные аппозиции и другие элементы, перечисленные выше⁴. Ограниченность различного вида распространителей во вводных сочетаниях согласуется с представлениями, согласно которым вводные конструкции с ментальными глаголами не вносят новой информации в дискурс, а служат для выражения субъективной и эпистемической оценки [Падучева 1996а; Urmson 1963; Thompson, Mulac 1991; Thompson 2002]; отсюда невозможность средств выражения информационной организации высказывания, оценочных аппозиций и т. п.

В отличие от вводных сочетаний, бессоюзная конструкция может сочиняться с глаголом, входящим в нарративную или аргументативную цепочку (ср. сочиненные пары глаголов, выделенным полужирным):

⁴ Уточним, что в принципе бессоюзная конструкция тяготеет к отсутствию указанных элементов, ср. [Лаптева 1976: 319–320] о «непространном составе» главной клаузы в таких случаях. Поэтому более 90% примеров на глагол *думать* без союза содержат структуру вида «местоименное подлежащее + глагол *думать*». Таким образом, данные средства в бессоюзной конструкции не очень частотны в корпусе, хотя и возможны (во вводных конструкциях они не встречаются в принципе).

- (19) *Я думал, это невозможно и чувствовал себя совершенно беспомощным.*
[НКРЯ. Запись LiveJournal. 2004; цит. по Сердобольская 2017: 28]
- (20) *Я говорю «Куда ж ты смотрел?»... а он мне «Да я смотрю ты покатился, ну я думал ты уехал и тоже поехал».*
[<http://www.drive2.ru/users/max-88/blog/>; цит. по Сердобольская 2017: 28]

Это говорит о том, что бессоюзная конструкция непосредственно связана с предыдущим повествованием, и, следовательно, в отличие от вводных конструкций, она обладает коммуникативной значимостью в терминах [Крейдлин 1983; Падучева 1996а: 325].

Следует уточнить, что вводные клаузы также могут занимать начальную позицию (как и сочетания *по-моему, по моему мнению* и т. п.) — т. е. начальная позиция не гарантирует, что речь идет именно о бессоюзной конструкции. Диагностиками для различения вводной и бессоюзной клаузы в начальной позиции служат распространители, перечисленные выше. Если же в начальной клаузе *я думаю* нет таких распространителей, необходимо обращение к данным просодии, что требует специального исследования.

Таким образом, вводные конструкции с глаголом *думать* могут занимать любую линейную позицию относительно клаузы, выражающей содержание мнения — начальную, срединную (4) или конечную, в то время как в бессоюзной конструкции клауза с глаголом *думать* может находиться только в препозиции, как в (2) (см. подробнее [Сердобольская 2016, 2017]).

Итак, бессоюзная конструкция при *думать* может быть определена, исходя из следующих диагностических свойств: она включает 1) главную клаузу с глаголом *думать* и зависимую клаузу, выражающую содержание мысли, причем 2) главная клауза занимает начальную линейную позицию по отношению к зависимой, 3) главная клауза содержит субъект, выраженный именем нарицательным и/или какие-либо распространители (наречия⁵, обстоятельства, фокусные частицы, аппозиции, деепричастные

⁵ За исключением *так, сейчас, порой, часто, невольно* — эти наречия возможны и во вводных конструкциях.

обороты и т. п.). Уточним, что конструкции с *думать* без субъекта и распространителей также, по-видимому, могут представлять собой бессоюзную конструкцию, а не вводную клаузу; однако в этом случае разграничить бессоюзную и вводные конструкций сложно без обращения к данным просодии.

Бессоюзная конструкция обладает важным свойством, отличающим ее от союзных СА при *думать*, — это невозможность содержать отрицание (см. выше) и императив. Сплошной просмотр всех примеров с императивом *думать* в НКРЯ не дает ни одного примера анализируемой конструкции⁶. Это в основном примеры на другие употребления *думать*, например *думать* в значении размышления: *Думай, голова, картуз куплю* (Поговорка), или с оттенком «переосмысления» ситуации: *Он кричит, а ты молчи... Думай, что он на стену кричит...* [И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни. 1912]⁷. Что касается отрицательной формы императива, все примеры с отрицанием включают СА с *что* или иные конструкции (напр. именные актанты), см. об этом подробнее [Сердобольская 2017].

2.2. Бессоюзная конструкция и прямое цитирование

Теперь сравним бессоюзную конструкцию с конструкциями, содержащими прямую речь. Дальнейшее изложение частично опирается на положения работы [Сердобольская 2018]. «Пряморечная» конструкция включается в более широкий класс конструкций чужой речи, или цитирования — передачи речи или мысли в дискурсе (см. [Валгина и др. 2006; Грамматика... 1954; Падучева 1996b; Литвиненко и др. 2009; Подлеская 2017а, б]). Вслед за [Литвиненко и др. 2009] мы принимаем термин «цитирование», в силу аргументов, приводящихся в этой работе: не всегда анализируемые конструкции включают речь (это может быть передача мысли,

⁶ Уточним, что бессоюзная конструкция допустима в контексте *пусть, пускай* в оптативном значении (в терминах [Добрушина 2016]):

- i. *Пусть все думают это не лечится, // Но мы бежим от себя в одиночество.* [KDK «Влюбийство»]
- ii. *Губы в кровь искусаны снова. // Пусть все думают, это от ветра.* [О. Кулинская «Пусть!» <https://stihi.ru/2010/07/05/1848>]

⁷ Автор благодарен анонимному читателю за этот пример.

как в интересующих нас конструкциях), и не всегда именно чужую (иногда говорящий передает собственные высказывания или мысли). Принято противопоставлять конструкции прямой или косвенной речи, или прямое и косвенное цитирование. Среди характерных средств прямого цитирования приводят отсутствие подчинительного союза и согласования времен (в языках, для которых это релевантно), наличие экспрессивно-диалогических элементов и обращений, а также дейктическую стратегию референции личных местоимений (см. обсуждение примера (3) во введении), наречий времени и места в зависимой предикации [Грамматика... 1954; Гвоздев 1965; Кручинина 1990/1998; Падучева 1996b; Валгина и др. 2006; Подлеская 2017a, b]. Отсылка к субъекту и моменту речи при цитировании производится, исходя из координат текстового (*Он_i сказал: Я_i приду завтра*), а не реального речевого акта (*Он_i сказал, что он_i придет на следующий день*). Кроме того, при прямом цитировании в СА возможны различные иллокутивные типы, в то время как косвенное цитирование предполагает перевод в повествовательный тип, ср. *Он сказал сыну: Перестань стучать! — Он сказал, чтобы сын перестал стучать.*

Бессоюзная конструкция и прямое цитирование обнаруживают следующие различия: во-первых, при прямом цитировании нет ограничения на линейную позицию клаузы с *думать*, ср.:

- (21) *Ну, наши лопухи-то, шоферня, ухи развесили, хлопают, как сумасшедшие, ну, а я-то сижу **думая**: нет, **брат**, врешь, не может быть...*

[НКРЯ: Виктор Драгунский. Сегодня и ежедневно. 1964]

- (22) *«Почему, — **думал Николай Павлович** — почему, почему они все не в состоянии ударить, опрокинуть французов и англичан в море, ударить и вернуться, вернуться?..*

[НКРЯ: Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари) 1971–1977]

- (23) *...Да, можно попробовать и такую трубу, на конус... как же быть с конусом?» — **думал он**, уже забыв о Дроздове.*

[НКРЯ: Владимир Дудинцев. Не хлебом единым. 1956]

Во-вторых, прямое цитирование и бессоюзная конструкции по-разному ведут себя с точки зрения допустимости отрицания.

В бессоюзной конструкции отрицание при *думать* недопустимо, во время как при прямом цитировании оно вполне возможно, ср.:

(24) *Но никто не думал: «Так начинается героиня».*
[НКРЯ: Галина Шергова. Письмо о бессмертии // «Огонек». № 11, 1959]

(25) *Кто из молодых не думает: вам не удалось, так этим первым буду я.*
[НКРЯ: Людмила Гурченко. Аплодисменты. 1994–2003]

Наконец, в-третьих, прямое цитирование допускает императив глагола *думать*⁸:

(26) *А доктор говорит: захочешь жить — будешь жить, не захочешь — не будешь... Так што лежи и думай: «Буду жить!»*
[НКРЯ: Василий Шукшин. Как помирал старик. 1967]

(27) *«Моей любименькой родной мамочке дарю свою, приукрашенную фотографом физиономию. Сохрани ее и, изредка поглядывая, думай: «Вот какая бы у меня могла быть дочка!»*
[НКРЯ: Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь. 2003]

Напротив, бессоюзная конструкция императив не допускает (см. выше).

Можно заключить, что бессоюзная конструкция не является подвидом конструкции прямого цитирования с *думать*: данные структуры обнаруживают различные морфосинтаксические свойства. Следовательно, далее мы можем опираться на признаки прямого цитирования (дейктическая стратегия кодирования кореферентности субъекту и адресату главной клаузы, наличие обращений, экспрессивов, косвенных иллокутивных актов в составе СА и т. п.) как на надежную диагностику: если в предложении возможны признаки прямого цитирования, то оно не включает бессоюзную конструкцию.

Следует, однако, уточнить, что отсутствие данных признаков не всегда позволяет однозначно идентифицировать конструкцию.

⁸ Анонимным рецензентом для таких случаев предложен термин «прямое моделирование».

Например, предложение *Я думал, никому все это не надо* может представлять собой прямое цитирование или бессоюзную конструкцию, в зависимости от просодического оформления. Данное предложение взято из следующего текста:

- (28) — *Вы простите меня, мужики... — очень просто на всех глядя, сказал Степан, — я думал, никому все это не надо, а оно не так.*

[НКРЯ: Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

Из контекста (отсутствие признаков прямого цитирования, императива и отрицания; начальная позиция главной клаузы, запятая вместо двоеточия) видно, что речь идет о бессоюзной конструкции; однако прочтение с прямым цитированием не является невозможным:

- (29) *Я думал: никому все это не надо, пропади оно все пропадом, увольняюсь завтра же!*

[Сконструированный пример]

Очевидно, однозначно идентифицировать тип конструкции в таких случаях можно только на основании данных о просодии; ср. [Русская грамматика 1980: § 3192]. Уточним, что выбор знака препинания также не всегда однозначно характеризует конструкцию. Например, нередки примеры с запятой при цитации:

- (30) *Он небось думает, я вон ей платье подарил, свитер дорогуций, серебряный браслет, вроде как расплатился.*

[Екатерина Вильмонт. Нашла себе блондина. 2008]

Здесь местоимение *я* отсылает к текстовому (*он*), а не к реальному говорящему, то есть используется конструкция прямого цитирования. Однако автор выбирает запятую, а не двоеточие или тире. Тире используется и в контексте прямого цитирования, и в бессоюзной конструкции. Такая пунктуация встречается не только в примерах из устных корпусов и электронной коммуникации, где пунктуация сильно отклоняется от нормы, но и в художественной речи.

Таким образом, мы обобщили данные, рассмотренные в ранее опубликованных работах, и показали, что бессоюзные СА при *думать* образуют особый тип, по своим морфосинтаксическим свойствам отличный от вводных конструкций, союзных

СА и прямого цитирования. Ниже мы попытаемся определить семантику рассматриваемой конструкции.

3. Семантика бессоюзной конструкции

В [Русская грамматика 1980: § 3184] отмечается, что бессоюзные сочетания с изъяснительным значением «функционально соотносительны со сложноподчиненными предложениями, оформленными союзами *что, как* и *будто*» (ср. тж. [Грамматика... 1954: 398]). Уточним, что утверждение относительно союза *как*, очевидно, не касается глагола *думать*, скорее, речь идет о матричных предикатах *видеть, слышать* и др. Соответственно, бессоюзная конструкция при *думать* имеет тот же функционал, что и СА с *что* и *будто*. Ниже мы попытаемся выявить ее значение.

Рассмотрим, при каких значениях глагола *думать* возможна бессоюзная конструкция. Ю. Д. Апресян выделяет шесть основных значений глагола *думать* (шесть лексем в составе вокабулы *думать*), в том числе *думать 1* («обрабатывать в сознании информацию»; синонимы: *размышлять, раздумывать, соображать, обдумывать, продумывать*) и *думать 2.1* («думая 1 о некоторой ситуации, считать, что верно Р»; синонимы: *считать, полагать, находить, видеть в X-е У-а, смотреть на X-а как на У-а, рассматривать X-а как У-а*)⁹ [Апресян 2015: 23; Апресян 2018: 280–282]. Выделяются три значения, в которых рассматриваемый глагол не присоединяет СА: *думать на соседа; думать о замужестве; Отец мало думал о семье* [Апресян 2015: 24–25; Апресян 2018: 281]), и значение, аналогичное «собираться, намереваться», в которых *думать* управляет инфинитивом (*думаю сходить на выставку* [Апресян 2015: 25; Апресян 2018: 281]). Мы не затрагиваем последние четыре значения, в силу того, что с ними невозможна ни одна из интересующих нас конструкций. Далее в целях краткости мы будем называть первые два значения «*думать* (значение мнения)» и «*думать* (значение размышления)». Попытаемся определить, при каком из двух значений возможна бессоюзная конструкция.

В [Апресян 2015: 23–24; Апресян 2018: 280–282] приводятся основные конструкции сложного предложения, допустимые при *думать* в обоих значениях. Для *думать 1* (значение размышления)

⁹ Сокращенные толкования из [Апресян 2015].

это конструкция косвенного вопроса (*думал, куда поехать*) и конструкция прямой речи: *Подумай: ты заслужил это счастье?* [Апресян 2018: 280]. Для *думать* 2.1 (значение мнения) это изъяснительное придаточное с союзом *что* и прямое цитирование: *думать: опять ерундой какой-то занимается* [Апресян 2018: 280]. Кроме того, отмечается, что *думать* (значение мнения) может выступать вершиной вводной конструкции, как в случае *Он, думаю, не придет завтра*.

Выше было показано, что бессоюзная конструкция, проиллюстрированная примерами (2) и (6), по своим морфосинтаксическим свойствам отличается от перечисленных выше конструкций (косвенный вопрос, прямое цитирование, придаточное с союзом *что* и вводная конструкция) и требует отдельного рассмотрения. Обратимся к ее семантике.

В [Апресян 1993; НОСС: 1130] указывается на различие в акциональном классе *думать* в двух типах употреблений. Один из них представляет собой вводную конструкцию с препозицией подлежащего:

(31) *Вы, я думаю, забыли меня?* [НОСС: 1130]

В этой конструкции «*думать* восстанавливает значение чистого состояния и, следовательно, предположения» [НОСС: 1130], в отличие от других употреблений, указывающих на «прямой репортаж о том, что происходит в сознании субъекта» [НОСС: 1130] (см. тж. [Булыгина, Шмелёв 1989: 48] о принадлежности значений *думать* к различным акциональным классам). Такие употребления включают, во-первых, псевдосочинительную конструкцию (или двойные глаголы [Вайс 1993]) с глаголами положения в пространстве (*Сижу (и) думаю, что делать*), во-вторых, вводную конструкцию с *думать* в личной форме и без подлежащего (*Ну, думаю, сейчас я тебя удивлю* [НОСС: 1130]), а в-третьих, вводную конструкцию с инверсией субъекта и глагола (*Нет, думал я, не может согнуть страна, в которой уже есть такие люди!* [Фазиль Искандер «Стоянка человека», цит. по НОСС: 1130]). Таким образом, при одном и том же значении *думать* (мнение) данный глагол принадлежит к различным акциональным классам: состояние — для случаев, аналогичных (31) — и процесс в трех других случаях.

Итак, мы перечислили основные конструкции СА при различных значениях глагола *думать* и их трактовки в существующих работах. Теперь обратимся к семантике бессоюзной конструкции.

Как представляется, рассматриваемая нами бессоюзная конструкция по своей семантике близка к вводной конструкции с препозицией подлежащего, т. е. выражает предположение, ср. пример вводной конструкции в (31) и бессоюзной конструкции в (32)¹⁰. Приведем аргументы в пользу этой гипотезы.

(32) *А мы-то думали, они нормальные арендаторы, шубы шьют из бродячих кошек.*

[НКРЯ: Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013]

1. Глагол *думать* в бессоюзной конструкции, по-видимому, обладает свойствами состояний (а не процессов), согласно диагностикам [НОСС: XLVII]. Это проявляется в том, что он плохо сочетается с «двойными глаголами» *сижусь (и) думаю* и под.; не может употребляться в актуально-длительном значении, повелительном наклонении, в контексте целевых конструкций и в профетическом значении настоящего времени. Проиллюстрируем данные ограничения.

а. Двойные глаголы. В корпусе нередки примеры, где *думать* выступает в паре с глаголами положения в пространстве и движения (*сижусь думаю, ходит думает* и т. п.):

(33) *А потом сижусь, думаю — а почему раньше никто этого не сделал, ведь всё же на поверхности!*

[НКРЯ: Вячеслав Муругов, Вадим Нестеров. «Все телеканалы ищут бабочку» // «Огонек», 2013]

(34) *Вот, понимаете, лежусь и думаю: как же это мы очутились в этой жуткой местности.*

[НКРЯ: Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2. 1960]

Всего из просмотренных 1 тыс. примеров, полученных из НКРЯ по запросу с *думать* и зависимой предикацией без союза (не инфинитивных) обнаружено 25 примеров с глаголами положения

¹⁰ Можно видеть, что (32) представляет собой именно бессоюзную конструкцию (а не конструкцию с вводной клаузой в начальной позиции), т. к. клауза с глаголом *думать* содержит частицы *а* и *-то*.

в пространстве + думать. Из них 20 случаев прямого цитирования. В остальных 5 случаях возможно преобразование предложения с использованием признаков прямого цитирования: например, в (32) можно добавить обращение или экспрессивно-диалогические элементы: *А я на работе сижу, думаю, ну, папа, вот приду домой, тут уж разберу все...*

(35) *А я на работе сижу, думаю, приду домой, разберу все, а прихожу, ничего не охота, поедим, отдохнем и все.*

[НКРЯ: Беременность: Планирование беременности. Форум. 2005]

Таким образом, бессоюзная конструкция в данных примерах не зафиксирована.

Если же попытаться использовать двойной глагол в бессоюзной конструкции, то меняется ее интерпретация, ср.:

(36) *Они думают, он всю жизнь планом торговал.*

[НКРЯ: Андрей Волос. Дом у реки // «Новый Мир», 1998]

(36)' *Они сидят думают, (что) он всю жизнь планом торговал.*

[Сконструированный пример]

В то время как в (36) речь идет о предположении об истинности ситуации в СА (это видно из широкого контекста, где обсуждается виновность персонажа, у которого нашли наркотики), то, согласно нашей интуиции, при наличии двойного глагола (*сидят думают*) возникает приблизительно следующая интерпретация: мнение (или точное знание) о том, что некто торговал планом, создано у субъекта заранее, а в настоящем предложении описываются размышления субъекта на эту тему (хорошо это или плохо, какие возможны последствия и т. п.). Ср., например, (33) и (34), где идет речь именно о продолжительных размышлениях, а также следующий пример с двойным глаголом и без союза:

(37) *В смехе ее слышна ирония, но и интерес тоже. Лежу, думаю: «Днем была не такая». В самом деле, теперь в ней больше женского; сквозь расстояние и тьму чувствую тоскливое волнение обойденности.*

[А. И. Батюто. Дневник. 1942]

Из контекста видно, что в (37) субъект не только выражает свое мнение (о том, что героиня была не такая днём), а еще и размышляет о том, как именно она изменилась и почему это произошло.

б. Актуально-длительная интерпретация, по-видимому, невозможна для бессоюзной конструкции, ср.:

(36)'' *Посмотри, они думают, он всю жизнь планом торговал.*
[Сконструированный пример]

(38) *Посмотри, он думает, никому все это не надо.*
[Сконструированный пример]

Как представляется, такие предложения в целом не являются неграмматичными, т. к. они допускают трактовку *посмотри* как «учти», «обрати внимание» (*Посмотри, вот он думает, никому все это не надо. А Иванов вообще не согласен этим заниматься. И в результате у нас не будет праздника*). Однако в основном значении «посмотри, что он делает» данные предложения невозможны. Ср. тж. невозможность наречий типа *сейчас, в данный момент* в их основном значении:

(38)' * *В данный момент он думает, никому все это не надо.*
[Сконструированный пример]

(Такое употребление, однако, возможно в значении «в данный период времени», ср.: *В данный момент ты думаешь, никому все это не надо, но через год-два ты поймешь, что я был прав*. Такая сочетаемость допустима для состояний и, следовательно, не противоречит идеи о том, что *думать* в бессоюзной конструкции является состоянием.)

в. Недопустимость императива *думать* в бессоюзной конструкции обсуждалась выше, см. раздел 2.

г. Целевые конструкции, как кажется, также невозможны:

(38)'' * *Чтобы не заниматься лишней работой, он думает, никому все это не надо.*
[Сконструированный пример]

д. Профетическое значение несовершенного вида, как кажется, также не допускается:

(38)''' * *Завтра он летит на самолете в Германию и думает, никому все это не надо.*
[Сконструированный пример]

Итак, *думать* в бессоюзной конструкции, по-видимому, относится к классу ментальных состояний, как и во вводной конструкции в (31), см. трактовку в [НОСС: 1130]. Обратимся к другим семантическим свойствам бессоюзной конструкции.

2. Бессоюзная конструкция демонстрирует ряд ограничений на сочетаемость, характерных для *думать* в значении мнения.

Согласно [Апресян 2015: 23–24; Апресян 2018: 280–282], *думать* в значении размышления присоединяет наречия *усиленно*, *напряженно*, а также употребляется при матричном предикате *пора*. Данная сочетаемость, по-видимому, нехарактерна для значения мнения; это видно, например, из того, что она невозможна для его синонимов, ср.: **напряженно считать, что*; **усиленно полагать, что*; **пора считать/полагать, что*.

Значение мнения сочетается с наречием *ошибочно* и под. [Апресян 2015; Апресян 2018], что, в свою очередь, невозможно для значения размышления, ср. недопустимость синонимов *раздумывать, размышлять*: **ошибочно раздумывать*.

В бессоюзной конструкции может использоваться наречие *ошибочно*¹¹, ср.:

(39) ... [шум] был чуть ли не с первого дня покупки, а я **ошибочно думал** это так двигатель из салона слышно.

[www.octaviarussia.ru/forum/showthread.php?t=213&page=45]

(40) Судя по его спокойствию, я **ошибочно думал** это профи.

[<http://instarix.com/tag/carcrash>]

Напротив, наречия *усиленно*, *напряженно* и контекст матричного предиката *пора* не допускают бессоюзной конструкции. При поиске в Интернете таких примеров не найдено. Просмотр примеров из НКРЯ, полученных в ответ на специальные запросы

¹¹ Уточним, однако, что наречие *ошибочно* возможно и при прямом цитировании — т. е. в значении мнения, но не в бессоюзной конструкции:

iii. «Теперь я молодец, перестану заливать масло по 1000Р за литр и про ГРМ можно забыть» — **ошибочно думал я**.

[<https://www.drive2.ru/l/478029723679588449/>]

В (iii) *думать* используется в значении мнения с характерной для прямого цитирования инверсией глагола и подлежащего.

вида «*усиленно + думать* без союза и предлога» дает следующие результаты: всего обнаруживается 31 пример на *усиленно*, *напряженно* и 8 примеров на предикат *пора*. Из них всего 8 примеров прямого цитирования. Остальные включают косвенный вопрос. Таким образом, в НКРЯ нет ни одного примера искомой конструкции. Специально сконструированные примеры кажутся не очень приемлемыми:

(40)' *Я усиленно думал, это профи.* [Сконструированный пример]

(39)' *Я напряженно думал, это так двигатель из салона слышно.* [Сконструированный пример]

(41) *Пора думать, уже лето.* [Сконструированный пример]

(Данные примеры становятся грамматичными при другом просодическом оформлении и, например, в контексте междометий, ср.: *Я усиленно думал: «А-а! Это профи! Что же делать?»* [Сконструированный пример]. При таком изменении примера, однако, получается конструкция прямого цитирования, а не изучаемая здесь бессоюзная конструкция.)

Отмеченные факты говорят о том, что бессоюзная конструкция возможна только для *думать* в значении мнения, но не в значении размышления.

3. Бессоюзная конструкция хорошо сочетается с контекстом запроса о мнении собеседника (тест на значение предположения согласно [Зализняк А. 1991: 188]), ср.:

(42) *Как ты думаешь, где Иван? — Думаю, (что) он на работе.* [Сконструированный пример]

Характерно, что в этом контексте недопустимы те же лексемы и сочетания, о которых шла речь выше и которые характерны для *думать* в значении *размышлять* (следует уточнить, что наличие союза, по-видимому, не делает эти примеры более естественными):

(42)' *Как ты думаешь, где Иван? — *Я сижу (и) думаю, (что) он на работе.* [Сконструированный пример]

(42)'' *Как ты думаешь, где Иван? — *Я усиленно/напряженно думаю, (что) он на работе.* [Сконструированный пример]

Можно видеть, что такой контекст «отфильтровывает» средства прямого цитирования: при введении таких средств в (42) возникает неграмматичность:

(43а) *Как ты думаешь, где Иван?* — **Я думаю, ну он же на работе.* [Сконструированный пример]

(43б) *Как ты думаешь, где Иван?* — **Я думаю, куда же он пошел.*
[Сконструированный пример]

(43в) *Как ты думаешь, где Иван?* — *Не знаю; отец, думает, я_j*; его сегодня не увижу.* [Сконструированный пример]

(43г) **Отец ошибочно думает, сегодня суббота, что ли?*
[Сконструированный пример]

Обращение в контексте ответа на данный вопрос возможно, однако оно отсылало бы к собеседнику, задавшему вопрос, и относилось бы к главной предикации, поэтому здесь мы соответствующий пример не приводим.

Высказывания в (43абг), содержащие экспрессивные средства *ну, куда же* и вопросительное *что ли*, в целом допустимы, но не могут служить адекватным ответом на заданный вопрос; ответ в (43в) невозможен при заданной референции местоимения *я*; таким образом, средства прямого цитирования в бессоюзной конструкции исключены.

Е. В. Падучева [1996а] указывает на следующее различие в семантике между вводной и бессоюзной конструкциями с ментальными глаголами: в первом случае обязательна т. н. «сочувственная интерпретация» (говорящий присоединяется к мнению субъекта), а во втором — нет (см. примеры (14) и (15) в разделе 2.1). Точнее, в бессоюзной конструкции такая интерпретация возможна, но необязательна:

(44) *Также там возможно появится супергерой с костюмом павлина, многие думают это мама Эдриана.*
[Блог Анаит Маринетт «Дополнительные супергерои мультсериала»; <http://ru.ladybug.wikia.com/wiki/>]

(45) *Добро бы он не знал, кто такая И. Уварова, — думал бы, может, это какая-нибудь старая грымза...*

[НКРЯ: Юлий Даниэль. Письма из заключения. 1966–1970]

В контексте (44) нет информации о том, истинно ли обсуждаемое мнение, и говорящий, возможно, готов с ним согласиться. Напротив, в (45) из контекста видно, что обсуждаемое мнение ложно (оно даже не является мнением субъекта, а существует только гипотетически). Несочувственной интерпретации способствует контекст 3-го лица (как в (45)) и контекст прошедшего времени при 1-м лице субъекта:

(46) [Поля, жен] *А еще сижу и не могу понять почему ты так все спрашиваешь / я-то думала ты уже все знаешь.*

[Молодежные разговоры // Из коллекции НКРЯ, 2007]

Таким образом, если в (44) мы имеем дело с предположением (об истинности зависимой предикации), то в (45) и (46), очевидно, речь идет о ложном мнении (т. е. о несочувственной интерпретации).

Подытожим наблюдения над свойствами бессоюзной конструкции. Глагол *думать* в данной конструкции выступает в значении мнения и относится к классу состояний. Тестом на данную конструкцию могут служить контекст запроса о мнении собеседника; невозможность включения отрицания, императива и СА с прямым цитированием (см. тж. морфосинтаксические тесты в разделе 2.1). Значением данной конструкции является предположение (как и вводной конструкции в примере (31) из [НОСС: 1130]) или ложное мнение.

4. Заключение

Работа посвящена исследованию семантических свойств бессоюзных СА при глаголе *думать* (*А мы-то думали, они нормальные арендаторы*). Мы обобщили данные опубликованных работ и показали, что рассматриваемая конструкция по своим морфосинтаксическим свойствам отличается как от союзных (*Мы думали, что они нормальные арендаторы*) и вводных конструкций (*Он, я думаю, не придет*), так и от конструкций прямого цитирования (прямой речи: *Он думал: «Я все сделаю сам»*). Своеобразие

рассматриваемой конструкции заключается в обязательности начальной позиции главной клаузы, невозможности отрицания и императива *думать*, способности включать различного вида обстоятельство, частицы, аппозитивы, деепричастные обороты и зависимые клаузы.

Семантически рассматриваемая конструкция близка к вводным клаузам с препозицией субъекта (*я думаю*), которые имеют значение предположения [НОСС: 1130]; возможно также «несочувственное» употребление [Падучева 1996а]. В таких конструкциях глагол *думать* принадлежит к классу состояний и выступает в значении мнения (*думать 2.1* в [Апресян 2015; Апресян 2018]). Семантической диагностикой для рассматриваемой конструкции может служить запрос о мнении собеседника; отрицательной диагностикой является контекст, наречий *усиленно, напряженно*, отрицания и акциональный контекст (двойные глаголы, императив, актуально-длительная интерпретация *думать*, целевые конструкции при *думать*, профетическое значение несовершенного вида). Бессоюзная конструкция имеет значение предположения или ложного мнения.

Список сокращений

КСА — конструкция с сентенциальным актантом; НКРЯ — Национальный корпус русского языка; НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, см. список литературы; СА — сентенциальный актант.

Литература

- Апресян 1993 — Ю. Д. Апресян. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 7–22. [Yu. D. Apresian. Sinonimii mental'nykh predikatov: gruppа *schitat'* [Synonymy of mental predicates: the class 'believe'] // Logicheskii analiz iazyka. Mental'nye deistviia [Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow, 1993. S. 7–22.]
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Языковая аномалия и логическое противоречие // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. [Yu. D. Apresian. Iazykovaia anomalii i logicheskoe protivorechie [Anomaly of language and logical contradiction] // Yu. D. Apresian Izbrannye Trudy [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1995.]

- Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян. Статья глагола *видеть* // Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Том 2. В–Г. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 117–121. [Yu. D. Apresian. Stat'ia glagola *videt'* [Entry of the verb *videt'*] // Yu. D. Apresian (otv. red.). Aktivnyi slovar' russkogo iazyka [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. V–G. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. S. 117–121.]
- Апресян В. 2014 — В. Ю. Апресян. Статья глагола *бояться* // Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Том 2. А–Б. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 336–337. [V. Yu. Apresian. Stat'ia glagola *boiat'sia* [Entry of the verb *boiat'sia*] // Yu. D. Apresian (otv. red.). Aktivnyi slovar' russkogo iazyka [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. A–B. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. P. 336–337.]
- Апресян 2015 — Ю. Д. Апресян. Синтаксическая информация для Активного словаря русского языка // *LingVaria X*, 2015. Kraków, 2015. С. 13–27. [Yu. D. Apresian. Sintaksicheskaia informatsiia dlia Aktivnogo slovaria russkogo iazyka [Syntactic information for the Active dictionary of Russian] // *LingVaria X*, 2015. Kraków, 2015. S. 13–27.]
- Апресян 2018 — Ю. Д. Апресян. Статья глагола *думать* // Ю. Д. Апресян (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Том 2. Д–Е. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 280–282. [Yu. D. Apresian. Stat'ia glagola *dumat'* [Entry of the verb *dumat'*] // Yu. D. Apresian (otv. red.). Aktivnyi slovar' russkogo iazyka [Active dictionary of Russian]. Vol. 2. D–E. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2018. P. 280–282.]
- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [N. D. Arutiunova. Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. M.: Nauka, 1988.]
- Арутюнова 1989 — Н. Д. Арутюнова. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. ИЯ АН СССР. М.: Наука, 1989. С. 7–30. [N. D. Arutiunova. «Polagat'» i «videt'» (k probleme smeshannykh propozitsional'nykh ustanovok [“Polagat'” and “videt'” (onto the problematic of mixed propositional attitudes)] // N. D. Arutiunova (red.). Logicheskii analiz iazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov [Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. ИА АН СССР. М.: Наука, 1989. S. 7–30.]
- Булыгина, Шмелёв 1989 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31–54. [T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. Mental'nye predikaty v aspekte aspektologii [Mental predicates from the point of

- view of aspectology] // Logicheskiĭ analiz iazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov [Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts]. М.: Nauka, 1989. S. 31–54.]
- Валгина и др. 2006 — Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. Современный русский язык. М.: Логос, 2006. [N. S. Valgina, D. E. Rozental', M. I. Fomina. Sovremennyi russkii iazyk [Modern Russian]. М.: Logos, 2006.]
- Гвоздев 1965 — А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. [A. N. Gvozdev. Ocherki po stilistike russkogo iazyka [Sketches in Russian stylistics]. М.: Prosveshchenie, 1965.]
- Грамматика 1954 — В. В. Виноградов (ред.). Грамматика русского языка. М.: Издательство АН СССР, 1954. [V. V. Vinogradov (red.). Grammatika russkogo iazyka [Russian grammar]. М.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954.]
- Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Конструкции с частицами *пусть* и *пуסקай*. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016. [N. R. Dobrushina. Konstruktsii s chastitsami *put'st'* i *puskai*. Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoi grammatiki (<http://rusgram.ru>) [Constructions with particles *put'st'* and *puskai*. Materials for the project for the corpus-oriented Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Ms. Moscow, 2016.]
- Зализняк А. 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 42. № 1. 1983. С. 59–66. [Anna A. Zalizniak. Semantika glagola *boiat'sia* v russkom iazyke [Semantics of the verb *boiat'sia* in Russian] // Izvestiia AN SSSR. Ser. lit. i iaz. Vol. 42. № 1. 1983. P. 59–66.]
- Зализняк А. 1991 — Анна А. Зализняк. *Считать* и *думать*: два вида мнения // Н. Д. Арутюнова и др. (ред.). Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 187–194. [Anna A. Zalizniak. *Schitat'* i *dumat'*: dva vida mneniia [*Schitat'* and *dumat'*: two ways of expressing opinion] // N. D. Arutiunova i dr. (red.). Logicheskiĭ analiz iazyka. Kul'turnye kontsepty [Logical analysis of language. Cultural concepts]. М.: Nauka, 1991. S. 187–194.]
- Зализняк А. 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. [Anna A. Zalizniak. Issledovaniia po semantike predikatov vnutrennego sostoiianiia [Studies in the semantics of inner state predicates]. München: Otto Sagner, 1992.]
- Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. [E. A. Zemskaiia, M. V. Kitaigorodskaiia,

- Е. N. Shiriaev. Russkaia razgovornaia rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Colloquial Russian. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka, 1981.]
- Кобозева 1999 — И. М. Кобозева. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью (электронный документ). Доклад на Third European Conference on “Formal Description of Slavic Languages”, университет г. Лейпциг, 2 декабря 1999. URL: www.philol.msu.ru/~otipl%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc (дата обращения 01.09.2017) [I. M. Kobozeva. Problema identifikatsii i sintaksicheskoi reprezentatsii slozhnopodchinennykh predlozhenii russkogo iazyka s illokutivno samostoiatel'noi pridatochnoi chast'iu [The problem of identification and syntactic representation of illocutionary independent subordinate clauses in Russian] (electronic publication). Talk given at the Third European Conference on “Formal Description of Slavic Languages”, Leipzig University, 2d of December 1999. URL: www.philol.msu.ru/~otipl%2Fnew%2Fmain%2Farticles%2Fkobozeva%2Fimk-2000-FDSL_NEU.doc (accessed 01.09.2017)]
- Крейдлин 1983 — Г. Е. Крейдлин. О некоторых особенностях синтаксического поведения предикатов с сентенциальными актантами // Семиотика и информатика 21. М.: ВИНТИ, 1983. [G. E. Kreidlin . O nekotorykh osobennostiakh sintaksicheskogo povedeniia predikatov s sententsial'nymi aktantami [On some peculiarities of syntactic constructions with complement-taking predicates] // Semiotika i informatika 21 [Semiotics and informatics 21]. Moscow: VINITI, 1983.]
- Кручинина 1990/1998 — И. Н. Кручинина. Прямая речь. Косвенная речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. (Переиздан как: Большой энциклопедический словарь «Языкознание». 1998. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.) [I. N. Kruchinina. Priamaia rech'. Kosvennaia rech' [Direct speech. Indirect speech] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedia of linguistics]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. (2d edition: Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' «Iazykoznanie» [Big encyclopedia “Linguistics”]. 1998. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998.)]
- Лаптева 1976 — О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. [O. A. Lapteva. Russkii razgovornyi sintaksis [Syntax of Colloquial Russian]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Литвиненко и др. 2009 — А. О. Литвиненко, Н. А. Коротаев, А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). «Рассказы о

- сновидениях»: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: «Языки славянских культур», 2009. С. 288–309. [A. O. Litvinenko, N. A. Korotaev, A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaia. Konstruktsii s tsitatsiei, ili «chuzhoi rech'iu» [Citation constructions, or reported speech] // A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaia (red.). «Rasskazy o snovideniakh»: korpusnoe issledovanie usnogo russkogo diskursa [“Night dream stories”: a corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: «Языки slavianskikh kul'tur», 2009. P. 288–309.]
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим рук-вом Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2003. [Novyi ob''iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka. Pod obshchim ruk-vom Iu. D. Apresiana [New Russian explanatory dictionary of synonyms. Under direction of Ju. D. Apresian]. Moscow; Vienna: Iazyki slavianskoi kul'tury: Winer Slawistischer Almanakh, 2003.]
- Падучева 1990 — Е. В. Падучева. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость [E. V. Paducheva. Mezhdru predlozheniem i vyskazyvaniem: sub'ektivnaia modal'nost' i sintaksicheskaia nepodchinimost' [Between sentence and utterance: subjective modality and main clause phenomena]] // Revue des études slaves. 1990. Tome 62. Fascicule 1–2. L'énonciation dans les langues slaves. En hommage à René L'Hermitte. J.-P. Sémon, H. Włodarczyk (eds.). 1990. P. 303–320.
- Падучева 1996a — Е. В. Падучева. Коммуникативный статус вводных предложений // Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 321–335. [E. V. Paducheva. Kommunikativnyi status vvodnykh predlozhenii [Communicative status of parenthetical clauses] // E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrative [Studies in semantics. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 1996. P. 321–335.]
- Падучева 1996b — Е. В. Падучева. Несобственная прямая речь и свободный косвенный дискурс // Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 335–354. [E. V. Paducheva. Nesobstvennaia priamaia rech' i svobodnyi kosvennyi diskurs [Direct speech retelling and free indirect discourse] // E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrative [Studies in semantics.

- Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. М.: «Iazyki russkoi kul'tury», 1996. Pp. 335–354.]
- Подлеская 2017а — В. И. Подлеская. «Я скажу тебе с последней прямой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой [V. I. Podlesskaia. «Ja skazhu tebe s poslednei priamotoi»: priamaia i kosvennaia rech' po dannym korpusa s prosodicheskoi razmetkoi ["I'll tell you frankly": direct and indirect speech from the point of view of the corpus with prosodic tagging]] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». Вып. 16 (23). Том 2. М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 355–371. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual International Conference “Dialog” 16. Vol. 16. Moscow: RSUH, 2017. P. 355–371.]
- Подлеская 2017б — В. И. Подлеская. Стратегии передачи чужой речи в устном дискурсе в сравнении с письменным: опыт корпусного исследования // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». СПб: С.-Петербургский гос. университет, 2017. С. 287–294. [V. I. Podlesskaia. Strategii peredachi chuzhoi rechi v ustnom diskurse v sravnenii s pis'mennym: opyt korpusnogo issledovaniia [Strategies of reported discourse encoding in oral vs. written texts: a corpus study] // Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaia lingvistika-2017» [Proceedings of the International Conference “Corpus linguistics-2017”]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University, 2017. S. 287–294.]
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М.: Наука, 1980. [Russkaia grammatika [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сердобольская 2016 — Н. В. Сердобольская. Явления синтаксической неподчинимости в актантных предложениях с глаголом *думать* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 275–295. [N. V. Serdobol'skaia. Iavleniia sintaksicheskoi nepodchinimosti v aktantnykh predlozheniiakh s glagolom *dumat'* [Main clause phenomena in complement clauses with the verb *dumat'*] // Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vyp. 10. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii» (30 maia — 1 iunია 2016 g.) [Proceedings of the International Scientific Conference “Grammatical processes in

- synchrony and diachrony (30th May — 1st June 2016)]. Moscow: IRJa RAN, 2016. P. 275–295.]
- Сердобольская 2017 — Н. В. Сердобольская. Бессоюзные актантные предложения с глаголом *думать* в русском языке // Вопросы языкознания 5, 2017. С. 7–35. [N. V. Serdobol'skaia. Bessoiuznye aktantnye predlozheniia s glagolom *dumat'* v russkom iazyke [Asyndetic complement clauses with the verb *dumat'* in Russian] // Voprosy iazykoznanii 5, 2017. P. 7–35.]
- Сердобольская 2018 — Н. В. Сердобольская. Прямое цитирование при глаголе *думать* в русском языке // Рема 2, 2018. С. 84–111. [N. V. Serdobol'skaia. Priamoe tsitirovanie pri glagole *dumat'* v russkom iazyke [Direct speech constructions with the verb *dumat'* in Russian] // Rema 2, 2018. P. 84–111.]
- Dehé, Kavalova 2007 — N. Dehé, Y. Kavalova. Parentheticals (Linguistik Aktuell / Linguistics Today 106). Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Noonan 1985 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.
- Thompson, Mulac 1991 — S. A. Thompson, A. Mulac. The discourse conditions for the use of the complementizer *that* in conversational English // Journal of Pragmatics. Vol. 15. 1991. P. 237–251.
- Thompson 2002 — S. A. Thompson. 'Object complements' and conversation: towards a realistic account // Studies in Language. Vol. 26. №1. 2002. P. 125–164.
- Urmson 1963 — J. O. Urmson. Parenthetical verbs // Ch. E. Caton (ed.). Philosophy and ordinary language. Urbana — Chicago — London: University of Illinois Press, 1963. P. 220–240.

*А. Н. Соболев, М. Л. Кисилиер, В. В. Козак, Д. В. Конёр,
А. Л. Макарова, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков*

*ИЛИ РАН — СПбГУ — Марбургский университет,
ИЛИ РАН — СПбГУ, ИЛИ РАН — БАН, ИЛИ РАН,
ИЛИ РАН — Цюрихский университет, ИЛИ РАН — СПбГУ,
ИЛИ РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург*

**ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ
В СИМБИОТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВАХ БАЛКАН¹.**
Доклад на XVI Международном съезде славистов. Белград,
19–27 августа 2018 г.

1. Введение²

Решение вопроса о специальных для Балкан и общих для Евразии процессах языковой и культурной конвергенции и дивергенции позволит получить научное представление об ушедших в прошлое, современных и будущих многоязычных и поликультурных обществах. Данная работа представляет результаты изучения балканской конвергентной группы языков на уровне территориальных диалектов на основе новых системно организованных материалов, полученных историко-филологическим анализом языка письменности или собранных непосредственно в поле по специально разработанным программам.

Современные модели контактного взаимодействия не в состоянии ни описать, ни объяснить те два вида процессов, которые интересуют нас: 1) происходящие в симметричной ситуации двуязычия без доминирования одного языка над другим и 2) приводящие к возникновению конвергентных языковых групп, т. е. языковых союзов [Muysken 2013: 726]. Основной проблемой здесь является трудность доказательства именно контактной обусловленности конкретного структурного изменения в каждом

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте» (проект № 14-18-01405). Руководитель проекта А. Н. Соболев.

² Автор раздела А. Н. Соболев.

балканском языке в противоположность структурному изменению, вызванному внутренними причинами. И хотя непосредственное наблюдение за «контактом в действии» возможно в речи, при условии что мы располагаем достаточным количеством транскрибированных записей спонтанной речи многоязычных и одноязычных информантов (ср. [Adamou 2016]), лишь в исключительно редких случаях лингвист-балканист обретает возможность непосредственно наблюдать процессы языковой интеграции значительных групп людей. При этом нынешнее состояние технологий не позволяет обеспечить этот вид исследований данными, в достаточной степени релевантными количественно, а не только качественно.

Юго-Восточная Европа изобилует компактными ландшафтно отграниченными рустикальными микрорегионами, население которых образует не очень многочисленную, относительно изолированную, обычно — но не всегда — единую группу в административно-политическом, экономическом, этнографическом, языковом и культурном отношении. Внутри подобных сообществ, обычно патриархальных, исключительно сильна роль родовых связей, определяющих такие основные жизненные приоритеты, как организация поселений, экономическое взаимодействие, выбор брачного партнера, ценностные ориентиры и проч. Объект нашего исследования — самые редкие из таких групп, двуязычные, с южнославянским диалектом как одним из контактирующих языков. Цель историко-филологической и экспедиционной работы³ авторов в различных районах запада Юго-Восточной Европы состояла в сборе материала по языковой и этнокультурной интерференции, необходимого и достаточного для ответа на вопрос, являлись ли в прошлом или являются в настоящем обследуемые микрорегионы местом этнической, лингвистической и культурной конвергенции и синтеза в целом и в каких сферах в частности.

³ В ходе историко-филологической и экспедиционной деятельности созданы, обрабатываются и постоянно пополняются лингвистические корпусы, текстовые, аудио- и видеоархивы по балканским языкам и культурам, в частности Архив МДАБЯ 1995–2013, хранящийся в МАЭ «Кунсткамера» РАН.

Осмысление жизни человека может быть истинно научным предприятием, лишь если факты жизни, устанавливаемые наблюдением, имеются в необходимом количестве, если внутри избранного для рассмотрения сегмента вскрыты системные связи между отдельными фактами, если системные связи вскрыты также между избранным для рассмотрения сегментом и миром, если эта деятельность производится с учетом варьирования фактов и связей во времени и пространстве и если она приводит к экспликации роли избранного сегмента в жизни вообще и к верифицируемой экспликации мотивов поведения людей и их групп [Соболев, Новик 2013: 8].

Собранные с использованием программ-вопросников, системно организованные, сопоставимые между собой и с их аналогами сведения позволяют полно описать конкретную локальную культуру и ее язык, определить их место на этнографической и лингвогеографической карте региона в кругу других. В отличие от «Малого диалектологического атласа балканских языков» [МДАБЯ 2003; 2005a; 2005b; 2006; 2009; 2010; 2012; 2013; 2018], ориентированного на получение и анализ максимального по объему, абсолютно сопоставимого в межъязыковом и культурном плане материала по минимальному числу наиболее репрезентативных диалектов балканских языков вне зон современных этнических и лингвистических контактов, новые историко-филологические исследования и балканские экспедиции РАН и СПбГУ с 2008 г. проходят именно там, где наблюдалось в прошлом или наблюдается в настоящем тесное и интенсивное межэтническое и лингвистическое взаимодействие и формируются особые малые этнические группы (ср. [Соболев, Русаков 2005]).

В качестве объекта исследований были избраны территориальные диалекты ряда многоязычных областей, в которых отношения между этническими и лингвистическими группами можно охарактеризовать как сепарацию, точечные контакты и симбиоз. Последний в настоящее время не имеет однозначного определения и может пониматься в широком смысле как непосредственное сосуществование разноязычных групп населения, сопровождающееся двуязычием (ср. [Muljačić 1967; Tekavčić 1976: 35–36]), а также в узком смысле как нахождение групп людей в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу [Barth 1969] или в специальных смыслах — как инклюзия одной группы в другую, как лингвистическая экзогамия и т. д. Это следующие регионы:

1) Преспа в Македонии, Албании и Греции — эпицентр балканизирующих процессов в албанском, новогреческом, арумынском и македонском языках (см. напр., [Makartsev, Wahlström (eds.) 2016]);

2) Цакония в Греции, начиная со Средних веков предположительное место контакта греков, романцев, албанцев и славян;

3) Остров Крк в Кварнерском архипелаге в современной Хорватии, где со Средних веков находились в контакте греческий, латинский, далматинский (и иные романские), церковнославянский языки, а также древние и современные чакавские диалекты хорватского языка;

4) Голо Бордо в Восточной Албании, район древнего и современного албанско-македонского контакта при возможном в прошлом балканороманском субстрате;

5) Мрковичи на юге Черногории, место древнего и современного албанско-сербохорватского контакта при средневековом романском субстрате;

6) Карашево в Румынии, где контактируют карашевский говор сербохорватского языка и банатские и унгуриянские румынские диалекты.

Сопоставительное изучение свидетельств древних памятников письменности и современных диалектов, находящихся в роли адстрата в разных контактных ситуациях (в т. ч. в эпицентре балканизации), позволяет поставить вопрос о том, могут ли полиэтничные, полилингвальные и поликонфессиональные сообщества XXI в. служить «моделью как для научной реконструкции этноязыковых процессов в Средние Века, Новое и Новейшее время, так и для прогнозирования хода подобных процессов в будущем» [Соболев, Новик 2013: 10]. Помимо задач сбора нового материала, детального изучения конкретных языковых ситуаций, процессов и результатов языковых изменений, перед нашими исследованиями стоит вопрос, характеризуются ли изучаемые сообщества, в частности разные симбиотические, особым видом билингвизма, а их языки — повышенной степенью взаимной аккомодации и, следовательно, большей степенью проявления аллоглоссии в ареале близкородственных диалектов? Являются ли они периферийным явлением, вряд ли игравшим существенную роль в процессах балканской миксоглотии в прошлом, или им стоит отвести более важную роль? Решение этих общих вопросов позволяет попутно

проверить гипотезы о креолизации на Балканах вообще (см., например, [Hinrichs 2004]). Важны и другие теоретические вопросы славянского и балканского языкознания. Есть ли пределы у структурной конвергенции славянских и балканских языков? Есть ли корреляции между параметрами конкретной контактной ситуации на Балканах и наблюдаемыми языковыми изменениями? Возможно ли восстановить параметры контактной ситуации в прошлом, опираясь на результаты языковых изменений, или спрогнозировать языковые изменения в будущем? Можно ли преодолеть гносеологические ограничения собственно лингвистических методов исследования? Настоящая работа представляет собой первое приближение к новому материалу и предварительные размышления о возможных ответах на поставленные вопросы.

2. Южнославянские диалекты в эпицентре балканизации⁴

2.1. Преспа

Регион Преспанских озер, или (далее) **Преспа** — это высокая горно-озерная ландшафтно изолированная область (котловина) в географическом центре Балканского полуострова [Пјанка 1970; Јовановски 2005: 9–13; Nexhipi 2013]⁵. Начиная с ранних Средних веков, Преспа представляла собой цельный природно-географический и экономический ареал с мозаичной этнической, этноконфессиональной, языковой и культурной структурой. Сегодня полити-

⁴ Автор раздела А. Л. Макарова.

⁵ Регион Преспанских озер в македонской географии традиционно делится на области Верхняя Преспа (мак. *Горна Преспа*) и Нижняя Преспа (мак. *Долна Преспа*). Предполагается, что данное деление восходит к его административному членению, устоявшемуся в османский период. Турецкая администрация делила регион на две нахии: Ресенскую и Нижнепреспанскую; деление закрепилось вследствие установления государственных границ в 1913 г. К области Верхняя Преспа относятся села, расположенные на западном и восточном берегах Большого Преспанского озера, а также в области Ресенско Поле [Пјанка 1970: 116]. В греческой и албанской географии регион делится на Большую (греч. Μεγάλη Πρέσπα, алб. *Prespa e Madhe*) и Малую Преспу (греч. Μικρή Πρέσπα, алб. *Prespa e Vogël*).

ческие границы разделяют эту область между республиками Албанией, Грецией и Македонией⁶. Из двух возможных контактных сценариев (языковой сдвиг и сохранение языка в условиях длительного сосуществования идиомов А и В [Thomason, Kaufman 1988]) сдвиг здесь претерпело арумьинское население, перейдя на македонский язык⁷, тогда как длительное сосуществование двух языков наблюдается в ряде сел Верхней Преспы, где билингвальны не только албанцы, что является типичным для Республики Македонии [Kahl 2005], но и македонцы⁸. Подобная ситуация нехарактерна для других регионов страны и зафиксирована только в Преспе.

2.2. Грамматическая конвергенция

Население региона Преспа представляет собой многоязычное и поликонфессиональное сообщество, языки которого могут конвергировать в области грамматических систем вплоть до возникновения изограмматизма, гораздо более глубокого, чем на уровне балканского языкового союза в целом. Симбиотический, в широком смысле, характер проживания нескольких этнических

⁶ Государственные границы проходят по водам Большого Преспанского озера. В течение нескольких последних десятилетий жители Преспы, разделенные административными границами, максимально изолированы друг от друга из-за запрета на перемещение из одной страны в другую по водам озера и отсутствия пограничных переходов (за исключением одного между Албанией и Македонией [Соболев 2013: 98]).

⁷ Если еще в конце XIX в. в регионе Горна Преспа насчитывалось более двадцати тысяч вlahов [Кънчов 1900], то данные переписей населения XX в. демонстрируют постепенное уменьшение их количества вплоть до одного десятка в начале XXI в. [Јовановски 2005]; в Ресене осталась только одна семья, старшее поколение которой еще помнит арумьинский язык.

⁸ Из 46 населенных пунктов македонской Преспы сегодня только в шести селах (не считая административного центра области — г. Ресен) проживает смешанное албанско-македонское население: Крани, Наколец, Грнчари, Арвати, Асамати и Горна Бела Црква. Эти села компактно расположены на северо-восточном берегу Преспанского озера (исключение составляет село Наколец, которое находится на юго-востоке). Арумьинское население проживает в Ресене и прилегающем к нему селе Янковец.

групп⁹, относительная физико-географическая изоляция, особенности языковой ситуации и структур контактирующих языков привели к некоторым изменениям их исконных грамматических систем.

В частности, глагольные формы (т. е. средства выражения универсального набора грамматических значений области времени и модальности) во всех трех языках региона демонстрируют некую общую претеритальную систему, которая сложилась путем постепенного «приспособливания» их друг к другу. При этом арумынский и македонский языки использовали как внутренние, так и заимствованные структурные средства, чтобы восполнить «пробелы» в своей первоначальной модально-темпоральной системе.

Формальные средства выражения грамматических значений¹⁰ в диалектах региона Преспа могут быть разделены на три группы: I. *изофункциональные* и *изоморфные*; II. *изофункциональные*, но *неизоморфные*; III. *изоморфные*, но *аллофункциональные*.

Помимо значения результативного перфекта, изоморфно в македонском, арумынском и албанском диалектах региона Преспа выражается весь спектр темпоральных значений, а также итератив (последнее значение не всегда будет выражаться изоморфно в свободных нарративах). Для выражения этой группы значений используется аорист и имперфект, в зависимости от аспектуального характера ситуации (форма аориста — для значения перфективного пунктива, форма имперфекта — для имперфективного дуратива). При выражении значения итератива используется форма имперфекта. Так, в примерах 1, 2, 3 формы аориста выражают грамматическое значение недавнего прошедшего; в примерах 4, 5, 6 — результативного перфекта.

⁹ В исследовании рассматривались только те три языка данного многоязычного региона, которые входят в балканский языковой союз: македонский, албанский и арумынский.

¹⁰ Под «грамматическими значениями» здесь имеются в виду такие значения, которые могут считаться частью «универсального грамматического набора», т. е. «такого множества значений, которые используются в языках мира для формирования грамматических категорий». В основании лежит идея о том, что грамматические системы всех языков мира черпают из общего смыслового источника, специфически отбирая и организуя свой языковой материал [Плунгян 2011: 142].

- МАКЕДОНСКИЙ
(1) *гледај само што го купиш ова*
смотри только что его купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- АЛБАНСКИЙ
(2) *shiko jë vetëm që sa e*
смотри его/ее только что только_что его/ее
bleva këte
купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- АРУМЫНСКИЙ
(3) *nutre samo ci o kumpraj aist*
смотри только что ее купить.AOR.1SG это
'Смотри, я только что это купил/-ла'.

- МАКЕДОНСКИЙ
(4) *сите овие книги ги има-м*
все эти книги их иметь-PRS.1SG
прочита-н-о
прочитать-PART.PASS-N.SG
'Я прочитал/-ла все эти книги'.

- АЛБАНСКИЙ
(5) *gjita këto libra i kam*
все эти книги их иметь.PRS.1SG
lexuar
прочитать.PART
'Я прочитал/-ла все эти книги'.

- АРУМЫНСКИЙ
(6) *tute aiste kërc l' em*
все эти книги их иметь.PRS.1SG
g'uvusi-t-ă
прочитать-PART.PASS-F.SG
'Я прочитал/-ла все эти книги.'

В македонском диалекте Преспы группу значений перфекта выражают формы *habere* и *esse*-перфекта. Тем не менее, часто при выражении значения экспериенциального перфекта (особенно при

глаголе ‘быть’ в значении ‘бывать’, см. примеры 7, 8, 9) македонский информант выбирает *л*-перфект славянского типа; при этом в албанском ему регулярно соответствует *habere*-перфект, а в арумьнском — *habere*- или *esse*-перфект, в зависимости от переходности глагола.

- МАКЕДОНСКИЙ
- (7) *da jas сум би-л таму*
 да я БЫТЬ.PRS.1SG БЫТЬ-PART.PST там
неколку пати
 несколько раз
 ‘Да, я был там несколько раз’.

- АЛБАНСКИЙ
- (8) *po un kam qan atje*
 да я ИМЕТЬ.PRS.1SG БЫТЬ.PART там
disa erë
 несколько раз
 ‘Да, я был/бывал там несколько раз’.

- АРУМЬНСКИЙ
- (9) *da jo esku dus-ă*
 да я БЫТЬ.PRS.1SG ехать-PART.PASS.F.SG
aklo multu or
 туда много раз
 ‘Да, я был/бывал там много раз’.

Формы *esse*-перфекта в арумьнском и македонском при выражении активного значения изоморфны, но аллофункциональны *esse*-перфекту в албанском, который выражает только значение неактивного залога.

Формы, служащие для выражения эвиденциальных и миративных значений изофункциональны, но неизоморфны. В македонском диалекте они выражаются при помощи форм особой модальной парадигмы на базе *л*-перфекта. В арумьнском и албанском языках в таких контекстах ей соответствует *habere*-перфект (албанский диалект Преспы утратил собственно албанское средство выражения адмиративного значения — адмиративное наклонение [Osmani 1996]); см. примеры 10, 11, 12, где выражается грамматическое значение адмиратива:

- МАКЕДОНСКИЙ
(10) *толку многу никогаш не сум*
столько много никогда не быть.PRS.1SG
прода-л-а
продать-PART.PST-F.SG
‘Так много я никогда не продавала!’
- АЛБАНСКИЙ
(11) *aq shumë asnjëherë nuk kam*
так много никогда не иметь.PRS.1SG
shitur
продать.PART
‘Так много я никогда не продавала!’
- АРУМЫНСКИЙ
(12) *ahăt multu pute n’ om*
так много никогда не иметь.PRS.1SG
vindu-t-ă
продать-PART.PASS-F.SG
‘Так много я никогда не продавала!’

Примером изоморфной, но аллофункциональной конструкции в изучаемых диалектах может считаться *esse*-перфект. Балканский *esse*-перфект — активная по значению конструкция в западных диалектах македонского языка и в арумынских диалектах Македонии, изоморфная форме, выражающей значение пассивного результата. Состоит данная конструкция из полноспрягаемого глагола ‘быть’ и исторически пассивного причастия. В македонском и арумынском данные формы изоморфны и изофункциональны. Соответствующая им изоморфная форма в албанском диалекте является аллофункциональной и выражает значения неактивного залога, как в литературном албанском языке.

Отступления от изоморфизма, как и следовало ожидать, появляются там, где языковые системы демонстрируют наиболее глубокие формальные несоответствия, восходящие к доконтактному периоду: так, большинство случаев «не-изоморфизма» возникают при выражении модальных значений, где в македонском диалекте используется *л*-перфект (обще)славянского типа. Славянское действительное причастие прошедшего времени на **-lъ* считается одним из антидонационных элементов, то есть одним из

тех языковых явлений, которые при балканской языковой конвергенции «не выходят за пределы исходного языка» и максимально трудно калькируются и заимствуются [Соболев 2011: 191]. Структурно изоморфные глагольные формы (то есть все формы кроме *л*-перфекта) в целом изофункциональны в преспанских диалектах. Исключением является форма *esse*-перфекта в албанском, которая употребляется только в возвратном и пассивном значении, в то время как в македонском благодаря утрате залогового значения славянским причастием на *-н/-т* (возможно, произошедшей в результате калькирования соответствующей арумынской конструкции), появился *esse*-перфект в активном значении.

Можно заключить, что процесс балканизации, т. е. конвергентного развития неблизкородственных языков Балканского полуострова, совершается на микроуровне диалектного контакта, более того — на уровне контакта двух или более диалектов в сознании мультилингвального *homo balcanicus*.

3. Южнославянские диалекты в роли адстрата. Реконструкция ситуаций Средних веков. Свидетельства современных диалектов. Цакония¹¹

3.1. Цаконский диалект

Полуостров Пелопоннес в Греции представляет собой интереснейшую контактную зону (см., напр., [Λιότση 2007]). Благодаря Константину Багрянородному («Об управлении империей» 221, 434) и другим источникам [Charanis 1972] известно, что уже в X в. там присутствовали славяне. Также известно, что деспот Мореи Феодор I Палеолог (1383–1407 гг.) поощрял расселение албанцев по полуострову [Кисилиер 2014: 287]. Тем не менее в эллинистике широко распространено мнение, что не все греческие диалекты Пелопоннеса контактировали с другими языками или даже другими греческими диалектами. Так, изолированным принято считать цаконский, один из самых необычных новогреческих диалектов. Традиционно его напрямую возводят к лаконскому варианту дорийского диалекта древнегреческого языка, утверждая, что цаконский избежал влияния со стороны эллинистического койне [Κωντοσόπουλος 2010: 191], и этим объясняя значительное количество представленных в нем

¹¹ Автор раздела М. Л. Кисилиер.

архаических черт [Tzitzilis 2013] и его яркие фонетические особенности [Deffner 1881; Χαράλαμπος 1980]¹².

Сейчас на цаконском говорят в ряде населенных пунктов округа Южная Кинурия (столица — г. Леонидион). Количество носителей в точности неизвестно — приводимые в научной литературе данные колеблются между 200 [Salminen 2007: 271–272] и 8000 человек [Κωντοσόπουλος 2001: 3]¹³ — и все они билингвы. Доминирующим языком является стандартный новогреческий. Обнаружить билингвов, для которых L1 или L2 оказывался бы какой-либо другой балканский язык, не удалось. В цаконском принято выделять два субдиалекта — южнопелопоннесский (Леонидион, Васкина, Мелана, Прагматевтис, Сапунакейка, Тирос, Агиос Андреас/Прастос)¹⁴ и северопелопоннесский (Кастаница и Ситена).¹⁵ Имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы по фонетике (ср. [Кисилиер 2017: 125–133]) и морфологии [Fedchenko 2013; Κισιλίερ, Μερτύρης 2018] позволяют постулировать наличие собственного субдиалекта практически у каждого цаконского села.

Современная Цакония со всех сторон огорожена горами (Тайгет), и дорога по суше появилась только около 1960 г. Тем не менее, согласно «Морейской хронике» (XIV в.), границы Цаконии доходили до местечка Гераки в Лаконии, расположенного в 39 км к юго-востоку от Спарты [Кисилиер 2014: 287 и сл.]. Это косвенно

¹² Здесь неуместно обсуждать целесообразность и обоснованность подобного подхода, и более релевантным станет поиск следов возможных контактов цаконского диалекта с другими балканскими языками и, прежде всего, со славянскими.

¹³ Наблюдения, сделанные в ходе экспедиций 2010–2017 гг., позволяют усомниться и в первом, и во втором. Скорее всего, следует говорить о 1500–2000 говорящих. ЮНЕСКО включила цаконский в список языков, находящихся под угрозой исчезновения (<http://www.endangeredlanguages.com/lang/tsd>, дата обращения: 17.05.2018).

¹⁴ Жители древней столицы Цаконии, г. Прастос, проводят холодную часть года в Агиос Андреасе.

¹⁵ Последний по ряду фонетических признаков ближе к стандартному новогреческому. До середины XX в. существовал также т. н. пропонтийский вариант цаконского, отделившийся еще в XVII в. В результате длительных контактов с греческими диалектами Малой Азии и турецким пропонтийским субдиалект довольно сильно отличается от прочих вариантов цаконского [Melissaropoulou, In progress].

подтверждается и сообщениями информантов о том, что у некоторых из них есть родственники в Гераки (семья бабушки или прабабушки), которых они сами, впрочем, никогда не видели. Интересно, что постройки в Гераки сильно отличаются от домов в прочих лаконских селах и очень похожи на цаконскую архитектуру.

Многие информанты старшего поколения из Васкины рассказывают, что на зимнее время они перегоняли скот в Лаконию, арендуя там загоны и пастбища, причем одни и те же, в течение долгих поколений. Показательно, что в Лаконии цаконские пастухи жили не кучно, а среди местного населения. Жители приморских поселений (например, Тироса и Меланы) активно занимались торговлей и мореходством. Таким образом, общепринятое представление о закрытости цаконцев до 1960 г. и об их монолингвальности не соответствует действительности. Более того, некоторые фонетические изменения, по-видимому начавшиеся еще несколько столетий назад, можно объяснить только языковыми контактами. Так, в частности, еще Деффнер [Deffner 1881: 111] отмечает, что женщины, в отличие от мужчин, произносят /r³i/ или даже /zi/ вместо /gi/. Данная ситуация сохранилась на протяжении всего XX в. [Χαραλαμπίδου 1980: 35–40], и до сих пор в речи многих информанток старше 70 л. употребляются /r³i/ и /zi/ [Кисилиер, Федченко 2011: 263–265]. Очевидно, что женский произносительный вариант архаичнее, а мужской /gi/ является инновацией, скорее всего потому, что мужчины активнее, чем женщины, общались с нецаконцами и чаще выезжали из Цаконии¹⁶.

¹⁶ Можно предположить, что /r³i/ и /zi/ были в цаконском не изначально, а также появились в результате языковых контактов. На это, в частности, указывает тот факт, что, как показали полевые исследования 2010–2017 гг., /r³i/ и /zi/ фиксируются в речи женщин старшего поколения не повсеместно, а лишь в определенных населенных пунктах: прежде всего, в Тиросе и Агиос Андреасе/Прастосе [Fedchenko 2013: 80], население которых активно занималось торговлей и контактировало с носителями других диалектов и языков. Примеры из «Словаря» Фанасиса Костакиса [Κωστάκης 1986a; 1986b; 1987], собиравшиеся еще с 1930х гг., косвенно свидетельствуют о том, что наблюдаемая сегодня дистрибуция в употреблении /r³i/ (/zi/) и /gi/ — не инновация. Она была характерна для цаконского, по крайней мере, еще в первую половину XX в.

3.2. Косвенные данные о языковых контактах

Поскольку на доступном для непосредственного исследования этапе развития цаконский диалект не находится в ситуации контакта с другими языками (за исключением стандартного новогреческого), крайне важными представляются разнообразные косвенные данные. В первую очередь это местные топонимы. Большинство из них однозначно этимологизируются как греческие: Прагматевтис < греч. πράγμα ‘дело’, Мелана < д.греч. μέλας ‘черный’ и проч. Не исключено, что некоторые из них, например, Агиос Андреас, были переименованы в XIX или начале XX в.,¹⁷ однако имеющиеся в нашем распоряжении карты либо уже современные, либо слишком крупные, и на них в лучшем случае отмечены лишь Леонидион и Прастос.

Тем не менее можно указать на некоторые интересные топонимы. Например, местечко за высохшим руслом ручья называется Заріци (*Zarítsi* < Заречье). Другие топонимы славянского происхождения — Ситена (*Σίταινα*) [*Ἀνωνακάτου, Μαύρος* 1980: 47] и Кастаница (*Καστάνιτσα*). Вероятно, славянскими являются топонимы Занголи (*Ζάγγολη*, т. е. ‘за голым местом’) [*Ἀνωνακάτου, Μαύρος* 1980: 47] и приведенные Сотирисом Лисикатосом [*Λυσικάτος* 1980: 182, 183] названия болотистой местности *múzya*, холма *serbetsia* и местечка с огородами (между холмами) *soxá*.¹⁸ Удалось также обнаружить и один, по-видимому, албанский топоним — гору Малевó < алб. *mal*, *-i* ‘гора’¹⁹.

3.3. Лексические данные

Хотя многие исследователи говорят о замкнутости цаконского и исключают возможность любого иноязычного, в частности

¹⁷ Агиос Андреас прежде по-цаконски назывался *jalé* < греч. γιάλος ‘морской берег, пляж’.

¹⁸ Следует признать, что греческие исследователи не согласны со славянской этимологией многих местных топонимов [*Βαγενᾶς* 1974].

¹⁹ Во время последней экспедиции в Цаконию в июне 2017 г. было начато исследование цаконских фамилий и генеалогии цаконских семей. О результатах пока говорить рано, но одна из фамилий — Вламис — оказалась, несомненно, албанского происхождения < алб. *vëllam*, *-i* ‘побратим’.

славянского, влияния [Σαρρής 1956: 27], изучение цаконской лексики явно свидетельствует об обратном. В диалекте обнаруживаются пласты итальянской, в т. ч. и венецианской, албанской, арумьнской, дакорумьнской и славянской лексики. Заимствованная лексика по большей части имеет субдиалектную дистрибуцию²⁰ и редко пересекается тематически, например: лексика венецианского происхождения в первую очередь связана с морской терминологией, а балканские заимствования (славянские, албанские и арумьнские) в основном имеют отношение к животноводству и сельскому хозяйству [Кисилиер 2017].

Славянская лексика представлена в цаконском очень широко. Ее можно условно разделить на следующие тематические группы:

а) Животноводство: *bélo/béla* ‘баран / овца белого цвета’, ср.: праслав. *bělъ(jь)* ‘белый’ [Трубачев 1975: 79–81]; *rogát/[i?]* ‘некастрированный козел/баран’, ср. болг. *rogач*; *karíta/karúta* ‘корыто для поения скота’, ср. болг. *корито* [Трубачев 1984: 121–126; МДАБЯ 2009].

б) Полеводство: *γradžúna* ‘бутылочная тыква’, ср. болг. *кратуна* ‘тыква’; *kósa* ‘коса’, ср. болг. *коса* [Трубачев 1984: 133–135]; *bíxo* ‘пыль; очень высокая солома’, ср. болг. *пух*.

Иногда лексика славянского происхождения связана с семьей, традициями, чертами характера, пищей и явлениями природы: *zakóni* ‘обычай, привычка’, ср. макед. *закон*; *dóbre* ‘прямой, искренний’, ср. болг. *добър* ‘добрый’; *xuméli* ‘очень сладкое’, ср. болг. *хмел* ‘хмель’; *zúbere* ‘волк; привидение’, ср. болг. *зубър* ‘зубр, бизон’.

Не стоит однозначно утверждать, что все цаконские лексемы славянского происхождения попали в диалект именно из славянских языков, а не посредством какого-либо иного балканского языка. Продемонстрировать это можно на следующем примере: лексема *sívo* ‘светлое животное с черными прядями’ очевидно славянского происхождения, ср. серб./болг. *сив* ‘серый, сивый’, но у нее, как показано в [Домосилецкая 2002: 449], имеются албанские, арумьнские и мегленорумьнские параллели, поэтому нельзя быть

²⁰ Лексика итальянского и венецианского происхождения в большей степени представлена в приморских субдиалектах, а также в Прастосе, бывшем в свое время богатым купеческим городом.

уверенным, что в цаконский она попала именно из славянских языков. Более того, лексема могла проникнуть в цаконский и из северногреческих диалектов, ср. фесс. *síva* ‘коза или другое животное пепельного цвета’.

3.4. Цаконский и языковые контакты: предварительные выводы

Рассмотрение цаконского диалекта с точки зрения лингвистической контактологии довольно нетипично для новогреческой диалектологии, поскольку в обозримой истории он не находился в ситуации прямого языкового контакта, в отличие, например, от грико в Италии или греческих диалектов в Албании. Тем не менее подобный подход позволяет лучше представить себе, с одной стороны, историческое развитие цаконского диалекта, а с другой стороны, — языковую ситуацию в средневековом Пелопоннесе. Очевидно, что цаконцы прямо или косвенно контактировали с носителями разных балканских языков, в т. ч. и славянских. Не исключено даже, что некоторые жители региона были двуязычны, причем необязательно именно цаконский был L1, однако очевидно, что билингвизм не был распространен повсеместно, и, вероятно, на каком-то этапе цаконский превратился в *lingua franca* данного региона, постепенно вытесняя прочие языки.

4. Свидетельства памятников письменности. Крк²¹

4.1. Языковой ландшафт Далмации

Языковой ландшафт Далмации эпохи Средних веков и Раннего Нового времени характеризовался сложностью и разнообразием. Далматинское многоязычие складывалось за счет сосуществования на одной территории славянских (чакавских и штокавских) и романских (далматинских, итальянских и балканороманских) диалектов и письменных языков (латинского, венецианского, литературного итальянского (тосканского), церковнославянского и хорватского чакавского и чакавско-церковнославянского)²². При

²¹ Автор раздела В. В. Козак.

²² Некоторые памятники характеризуются смешением черт чакавских диалектов и церковнославянского языка. Язык таких памятников

этом перечисленные языки и диалекты имели разный статус и функции. К XVI в. славянские чакавские и романские далматинские диалекты использовались в быту, венецианский был престижным койне торговли, местной администрации и власти, а языками церкви и высокой культуры служили латинский, тосканский, церковнославянский и чакавский [Spicijarić Paškvan 2014: 78]. Таким образом, славянские и романские языки и диалекты (а также латынь) существовали параллельно, выполняя одни и те же функции. При этом латинско-романский языковой континуум преобладал в городских, а славянский — в сельских общинах²³. Письменная культура во многих регионах характеризовалась латинско-глаголической диграфией.

Важно отметить, что многоязычные сообщества Далмации указанного периода оставили по себе лишь ограниченные языковые данные, поэтому изучение процессов и механизмов взаимодействия языков и культур в этом случае должно осуществляться путем реконструкции с применением комплекса методов. В нашем исследовании славяно-романский языковой контакт в Далмации рассматривается сквозь призму этимологического, семантического, грамматического и квантитативного анализа апеллятивной лексики важнейших славянских глаголических памятников острова Крк: надписей²⁴ и Устава Врбника²⁵.

Выбор глаголических памятников острова Крк в качестве источников материала обусловлен уникальным культурно-историческим контекстом, включающим наличие далматинского субстрата; богатейшую письменную (в первую очередь глаголическую) традицию; политическое господство Венеции; разнообразие занятий местного населения; культурную, политическую и социальную противопоставленность романского города и славянского села; культурное, политическое, экономическое и социальное влияния

исследователи рассматривают как особый идиом — чакавско-церковнославянский гибрид (ср. хорв. термин *amalgam* ‘сплав’; подробнее см. в [Mihaljević 2011]).

²³ Это противопоставление прослеживается в памятниках письменности и топонимике [Skok 1950; Bolonić 1966: 122].

²⁴ По изданиям Б. Фучича [Fučić 1971; 1982; 1988].

²⁵ По изданиям Л. Маргетича и П. Стрчича [Margetić, Strčić 1988; Margetić 2012].

церкви; общинную организацию и существование многочисленных церковно-приходских братств²⁶. Наличие этих факторов дает возможность рассматривать культуру острова Крк как репрезентанта культуры всей Северной и Центральной Далмации, а детальный анализ славяно-романских языковых контактов на острове Крк — как ключ к пониманию процессов и механизмов славяно-романских языковых контактов всего истрийско-далматинского региона.

4.2. Глаголические надписи Крка

В глаголических надписях острова Крк в общей сложности было обнаружено 45 заимствованных лексем. Все они принадлежат к романизмам²⁷. Романизмы в семантических полях религиозных терминов (*amenъ* ‘аминь’, *apostolъ* ‘апостол’, *biskupъ* ‘епископ’, *dominъ* ‘священник’, *kapela* ‘часовня’, *kapelanъ* ‘капеллан, помощник приходского священника’, *klerъ* ‘клир’, *olei* ‘елей’, *oltarъ* ‘алтарь’, *opatъ* ‘аббат’, *prъvadvъ* ‘священник или диакон’, *žakanъ* ‘диакон’), названий месяцев, архитектурных элементов (*ponestra* ‘окно’) и волеизъявления (*urdinъ* ‘приказ’) связаны с латинско-романским субстратом²⁸. Они составляют 53% всех заимствований. Прочие романизмы, связанные с итальянско-венецианским суперстратом и латинским языком официальной письменности составляют 47% всех заимствований и относятся к семантическим полям строительства (*fabrika* ‘дело, предприятие’, *fondamentъ* ‘фундамент’, *meštarsъ* ‘мастер’), социальной организации (*dotati* ‘делать пожертвование, содержать (церковь)’, (*e)redъ* ‘наследник’, *ereditadvъ* ‘наследство’, *guveranъ* ‘власть’, *guvernati* ‘управлять’, *ištrumenatъ* ‘официальный документ’, *madrigula* ‘устав’, *prokuraturъ* ‘чиновник, заведующий хозяйственными вопросами (в капитуле или братстве)’) и церкви (*ankuniê* ‘алтарное изображение’, *fra* ‘брат (монах)’, *gvardiêнь* ‘гвардиан (должность в Ордене францисканцев)’).

²⁶ Подробнее о культурно-историческом контексте см. в [Strčić 1988].

²⁷ Романизм — лексическое заимствование из латинского и романских языков [Galović 2013: 159].

²⁸ Такие романизмы противопоставляются более поздним заимствованиям из итальянских диалектов и на этом основании называются «старшими». Заимствования же из итальянских диалектов — «младшими» [Galović 2013: 160].

kapitulъ ‘капитул’, *kaštaldъ* ‘чиновник, заведующий хозяйственными вопросами (обычно в братстве)’, *kurato* ‘священник (по отношению к конкретному окормляемому приходу)’, *ministrъ* ‘министр (должность в Ордене францисканцев)’, *pre* ‘священник (обычно перед именем)’).

Семантическое распределение заимствований в наиболее крупных семантических полях²⁹ апеллятивной лексики глаголических надписей представлено в следующей таблице.

Таблица 1. Семантическое распределение заимствований в семантических полях апеллятивной лексики глаголических надписей

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Время	17	9	53%
Верования, религия	44	21	48%
Государство	14	4	29%
Жилище, дом	14	3	21%
Структура общества	11	2	18%
Воля	20	3	15%
Среднее значение			31%

Всего апеллятивная лексика глаголических надписей насчитывает 135 словоупотреблений заимствованных лексем, что составляет примерно 14% всех словоупотреблений этих памятников (около 1000).

4.3. Устав Врбника

В глаголической части Устава Врбника обнаружено 101 заимствование. Из них подавляющее большинство (91 лексема, т. е. 90%) также составляют романизмы. Старшие романизмы отмечены в семантических полях названий морских животных (*gara, ligъnъ, menula, oliga, sipa*), продуктов питания (*ulъe* ‘масло’), месяцев, терминов сельского хозяйства (*mošunъ* ‘загон’ и *onukle* ‘годовалый детеныш домашнего скота’), церкви (*amenъ, opatъ*,

²⁹ Апеллятивная лексика глаголических памятников была распределена между семантическими полями на основании понятийной классификации Халлига и Вартбурга [Hallig, Wartburg 1963].

opatiê ‘аббатство’, *plovany* ‘главный приходской священник’, *prěvady* и *žakanь*) и государства (*kaštelь* ‘община (административная единица)’). Они составляют 26% всех романизмов (24% заимствований). Младшие романизмы были в основном отмечены среди терминологии социальной организации (*apelaciunь* ‘апелляционная жалоба’, *apelati* ‘подавать апелляционную жалобу’, *banžani* ‘преступник’, *berlina* ‘колодки’, *busovičь* ‘глашатай’, *civilь* ‘гражданское лицо, подданный’, *denunciê* ‘донос’, *denunciêti* ‘доносить’, *falь* ‘обман’, *fruštati* ‘бичевать’, *kancilarь* ‘канцлер’, *karmenaly* ‘преступление’, *kasati* ‘отстранить’, *kaštigati* ‘наказывать’, *komunski* ‘общественный’, *komunь* ‘общественная трудовая повинность’, *liganca* ‘обязанность, повинность’, *notary* ‘писарь, секретарь’, *oficiê/oficii* ‘служба (вообще или служебное помещение)’, *oficiêlь* ‘служащий’, *pena* ‘штраф’, *placa* ‘площадь’, *provati* ‘доказывать’, *providurь* ‘проведитор (венецианский чиновник)’, *pržunь* ‘тюрьма’, *publikati* ‘обнародовать, опубликовать’, *sentenciê* ‘вердикт’, *sentenciivati* ‘вынести вердикт’, *zaminati* ‘допрашивать’), коммуникации и делопроизводства (*bergamina* ‘пергамент’, *bumbažinь* ‘бумага’, *kapitulь* ‘глава’, *prezentati* ‘представлять’, *škuriti* ‘утратить силу, быть отмененным (о документе, праве и т. п.)’, *štatutь* ‘статут’, *vizitanie* ‘визитация (ревизия и инспекция имущества)’), денежных единиц (*bagatinь*, *bečь*, *dukatь*, *libra*, *soldinь*, *vrnizь*), собственности (*intrada* ‘доход’, *tištamentь* ‘завещание’), волеизъявления (*kuntentati* ‘согласиться’, *termenivati/terminati* ‘постановить’) и некоторые др. Они составляют 74% всех романизмов (66% заимствований).

В небольшом количестве (7 лексем, или 7% заимствований) в тексте Устава встречаются грецизмы (*drьmunь* ‘лес (в частном владении)’, *goliê* ‘крупное судно’, *ingariê* ‘барщина’, *komarda* ‘амбар’, *harta* ‘бумага’, *harta* ‘игральная карта’ и *navkirь* ‘моряк’), попавшие в язык памятника или напрямую из греческого языка в период политического влияния Византии (до XII в.), или через латинско-романское посредничество. В единичном количестве были также отмечены германизмы (*škoda* ‘ущерб’, *permanь* ‘судебный служащий’) и, возможно, унгаризм (*birь* ‘налог, выплачиваемый священнику’).

Распределение заимствований в наиболее крупных семантических полях апеллятивной лексики Устава Врбника выглядит следующим образом.

Таблица 2. Распределение заимствований в семантических полях
апеллятивной лексики Устава Врбника

	Всего лексем	Из них заимствований	% заимствований
Коммерция и финансы	20	7	35%
Верования, религия	20	6	30%
Время	37	11	30%
Язык	28	8	29%
Государство	41	12	29%
Связи в обществе	11	3	27%
Судебная система	71	18	25%
Транспорт, передвижение	14	3	21%
Собственность	15	3	20%
Животные	41	6	15%
Число и количество	23	3	13%
Воля	81	8	10%
Занятия и профессии	12	1	8%
Жилище, дом	14	1	7%
Мораль	18	1	6%
Структура общества	19	1	5%
Сельское хозяйство, животноводство, садоводство	67	3	4%
Отношение, порядок, ценность	25	1	4%
Земля	12	0	0%
Движения и положения	43	0	0%
Мысль	16	0	0%
Пространство	22	0	0%
Среднее значение			14%

Всего апеллятивная лексика Устава Врбника насчитывает 358 словоупотреблений заимствованных лексем, что составляет примерно 7% всех словоупотреблений памятника (около 5265).

4.4. Результаты изменений в контакте и вопросы реконструкции языковой ситуации

Этимологический анализ апеллятивной лексики глаголических памятников острова Крк позволяет установить основной источник контактно обусловленных лексических инноваций — латинско-романский языковой континуум, включающий итальянско-венецианский суперстрат и латинско-далматинский субстрат. Влияние итальянско-венецианского суперстрата (младшие романизмы) в основном проявляется в терминологии функционирования социальных институтов (лексика финансов, канцелярского языка и деловой письменности, государства, общественных отношений, суда, собственности и нек. др.). Следовательно, естественно то, что именно этот компонент является основным в заимствованной лексике Устава Врбника. Латинско-далматинский слой (старшие романизмы), напротив, оставил след в терминологии религии, времени, названий морской фауны и сельского хозяйства. Он преобладает в языке надписей, большая часть которых сделана в память о строительстве храмов. Хронологически влияние латинско-далматинского субстрата является более древним и функционально может быть связано с культурными контактами автохтонного романского и пришлого славянского населения в самых разных ситуациях (рыболовство, строительство, сельское хозяйство, культ и организация календаря). Итальянско-венецианский слой исторически соотносится с борьбой Венеции за контроль над островом, увенчавшейся успехом во второй половине XV в. Будучи функционально связанными со сферой делового и административного языка, младшие заимствования занимают промежуточное положение между бытовой и высокой культурами. Основным мотивом заимствования в обоих случаях выступает потребность в соответствующей терминологии, отсутствующей в языке-реципиенте.

Благодаря терминологии религии и названиям месяцев, лексика глаголических надписей при сопоставлении со средним типологическим уровнем, представленным в [Tadmor 2009: 64], характеризуется достаточно высокой долей заимствований. При этом в остальных семантических полях преобладает исконная лексика, что особенно ярко проявляется в лексике Устава Врбника.

Таким образом, в целом язык изученных глаголических памятников на общетипологическом фоне устойчив к появлению лексических заимствований.

Все отмеченные заимствования (насколько позволяют судить засвидетельствованные в памятниках формы) являются грамматически адаптированными и демонстрируют ту же морфологическую дублетность, что и исконные лексемы. Отдельные слова имеют славянские словообразовательные элементы. Явления, которые могут быть признаны последствиями языкового сдвига у автохтонного романского населения (например, заимствование грамем, грамматических категорий или переключение кодов), отсутствуют. Таким образом, характер морфологической адаптации лексических заимствований характеризует славяно-романский контакт этой территории как сохранение языка с относительной языковой сепарацией [Русаков 2007: 80].

Суммировав все наблюдения, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой, по данным изученных глаголических памятников, для славяно-романского языкового контакта острова Крк характерны отношения языковой **сепарации**. Так как проанализированная лексика в основной массе не является специфически кркской (о чем свидетельствуют данные словарей, прежде всего — [ERHSJ 1971–1973]), настоящие выводы могут быть спроецированы на всю Северную и Центральную Далмацию. Уточнение и коррекция полученных выводов будут возможны по мере привлечения к анализу других памятников острова Крк (не только славянских, но и латинских и романских) с перспективой составления соответствующего корпуса текстов.

5. Непосредственное наблюдение в XXI в.

Сепарация. Голо Бордо³⁰

На востоке Албании, в изолированном горном районе **Голо Бордо / Голоборда** (алб. *Gollobordë*), расположенном непосредственно на границе с Республикой Македонией в трансграничном регионе Дибра/Дебар, в соседстве с албанским населением в течение многих веков проживает порядка нескольких тысяч

³⁰ Автор раздела А. Н. Соболев. В разделе использован материал монографии [Соболев, Новик 2013] и наблюдения в статье [Sobolev 2018].

славян-мусульман (экзоним *торбеши*) и немногим более десятка славян — православных христиан. В научной литературе их называли и *сербами*, и *болгарами*, а после 1945 г. и *македонцами*³¹. Эта группа славян не обладала в прошлом и не обладает в современной Албании правами национального меньшинства, их язык не имеет никакого официального статуса, энциклопедическая албанская литература не упоминает об их существовании [Lafe, et al. 2008].

Несмотря на то, что уже в конце XIX в. язык славян Голо Бордо попал в поле зрения Ватрослава Облака [Oblak 1896], а в XX и XXI вв. регулярно появлялись ценные публикации о македонском и албанском говоре региона [Видоески 1999; Asenova 2001 [2016]; Ристески 2006; Ylli, Steinke 2008; Юллы, Соболев 2003; Vesi 2007; Gjinari, et al. 2007–2008], балканисты лишь недавно осуществили первый синтез знаний о местном языковом и культурном взаимодействии, опирающийся на исследования по каждой из населяющих регион групп [Соболев, Новик 2013]. Сведения о границах территории, названной в османском дефтере 1467 г. *Vilayet — I Dolgo Brdo* [Pulaha 1968], о ее членении на Нижнее и Верхнее Голо Бордо (*Памна гора* и *Планина*), о разграничении с соседними албанскими и македонскими микрорегионами³², как и достоверные результаты детального антропогеографического исследования в рамках методологии Йована Цвийича опубликованы

³¹ Анализ турецких кадастровых и налоговых переписей (*tahrir defterleri*) показывает, что в XV в. в многочисленных селах региона по соседству жили люди с албанскими и славянскими (болгарскими и сербскими) именами: *Pop Gjergj, Gon Sope; Dapče Petkov, Stepko Petkovič* (см. [Schmitt 2009]). Бытует мнение, что современные македонцы-*миаки* являются славизированными романцами [Papažagi 1974: 796]. Наряду с вековым этнолингвистическим разнообразием региона среди его особенностей следует отметить, что сосуществование на ограниченной территории двух мировых религий приводит к удивительному синкретизму в плане верований и отправлений культов. Верно наблюдение: «Каждый здесь имеет очень ясное представление о своем родном языке, о конфессиональной принадлежности и этнической идентичности, но это не приводит к напряженности во взаимоотношениях» [Ylli, Steinke 2008: 24].

³² Соответственно *Çermenika, Martanesh, Gryka e Madhe, Gryka e Vogël*, Дебарска Жупа и Дебарски Дримкол.

в [Филиповић 1940]. В настоящее время носители местного диалекта македонского языка проживают в 15 селах³³, из которых для исследования было избрано мусульманское с. Требишта (алб. *Trebisht*)³⁴. Здесь бытует обусловленный вероисповеданием эндоним *турци* ‘турки’ и лингвонимы *туристината наша* ‘наш турецкий язык’ и *наш јозик* ‘наш язык’.

Параметры ситуации языкового контакта, включая власть, престиж и широту охвата [Michaelis, Haspelmath 2014; Конёр 2015], в регионе следующие. Местный диалект македонского языка (L1), который не «перекрывает» никакой из современных южнославянских норм, взаимодействует со стандартным албанским языком (L2) с ограничениями, касающимися половозрастных групп (албанским не владеют пожилые женщины и дети дошкольного возраста). Абсолютное большинство славян Голо Бордо активно владеет преподаваемым в школе государственным албанским языком (это язык современного государства, престижный язык религии и престижный эмблематический язык), причем речь не идет о среднегегском диалекте этого языка в том виде, в каком мы находим его у окружающего албаноязычного населения. В отличие от албанцев, обладающих в стране властью (*powerful group*), славяне ее не имеют (*powerless*). Албанский является языком широкого общения в макрорегионе, тогда как македонский — только в Голо Бордо и только наряду с албанским. Диалект македонского языка, используемый здесь в бытовом общении, полностью витален, его носители обладают в нем полной компетенцией. В редких смешанных

³³ Официально признаны только албанские названия — *Gjinovec, Klenja, Kojavec, Lejçan, Lladomerica, Orzhanova, Ostreni i Madh, Ostreni i Vogël, Pasinka, Radovesh, Stebleva, Trebisht, Tuçep, Vërnica* и *Sebisht*; в македонском говоре региона используются, как и следует ожидать, славянские топонимы.

³⁴ Ныне полностью мусульманское село; насчитывает примерно 1000 жителей, но всего около 150 домов. Расположено на высоте 800 м над уровнем моря, а принадлежащие его жителям альпийские луга находятся на высоте до 1500 м. Центр коммуны, в котором есть 9-летняя школа. Основные занятия населения — отхожий, в основном строительный, промысел в Албании, Греции и Македонии, также земледелие, крупное и мелкое животноводство, мельницы, мелкая торговля и услуги. В Требишта практиковалась внутрисельская эндогамия.

браках партнер, не говоривший ранее по-славянски, быстро интегрируется в славяноязычную среду. Македонский диалект является местным малым языком (*indigenous minor language*), используемым в быту, в семье и в общении с непосредственными соседями. Мы имеем дело с двуязычием миноритарной группы, где социально доминирующий официальный язык страны обладает престижем власти, а язык меньшинства доминирует в языковой компетенции говорящих (ср. [van Coetsem 1988]).

Описанные социальные условия контакта можно соотнести с фактами языка и речевого поведения славян Голо Бордо, подвергнув лингвистическому анализу аутентичные диалектные тексты объемов в 9500 словоформ [Соболев, Новик 2013: 182–216]. Обнаруживается, что в фонетике и фонологии нет никаких существенных следов какого бы то ни было прямого албанского влияния на генетически славянскую языковую материю. Заимствования фонетической субстанции происходят только при заимствовании албанских лексических единиц. Следовательно, в македонском L1 не происходит языковых изменений, которые были бы вызваны контактом с албанским как L2. Окказионально можно услышать смещенный в артикуляции назад [ɐ] и лабиализованный [y] в словах, которые полностью идентичны албанским вследствие их общебалканского характера или заимствования из одного и того же источника (как, напр., турецкий); их морфонология при этом славянская. Сюда же можно отнести ономотопеи и фонетически девиантные междометия: [ɐ] *n'v:na* ‘мать’ (*n'v:na m'oja 'imat k'azveno* ‘моя мать говорила’), обычно [n'ana] или [n'əna]; *hv!* ‘да!'; [y] *b'yrẽtsi_{PL}* ‘выпечка из слоеного теста’ (*i te go rab'otaet t'amo za b'yrẽtsi pr'aet* ‘и они перерабатывают его там, чтобы делать *b'yrẽtsi*’), обычно [b'urek]; ономотопея *pr:y!*

Согласные, чуждые македонской фонетике и фонологии (/θ/, /ð/, /ʎ, /ʎ/), встречаются лишь в двух случаях:

- в албанских заимствованиях, часто морфологически интегрированных, — /θ/, /ð/, /ʎ, /ʎ/: *djaθ* ‘творог’ (*a be s'ega pospr'avjime m'alo djaθ* ‘а теперь сделаем немного творога’), ср. славянскую лексему *s'iren'e* ‘творог’); *nd'od-e* происходить-AOR.3SG (*ak'i i ak'i mi nd'ode* ‘то-то и то-то произошло со мной’); включая периферийные случаи вроде обращений: /ʎ *fi'oprajf*, *o pʎ'ak'e!* ‘как дела, старуха!’ и личных имен: /ʎ

Pəl'umb (ср. македонизированный вариант *P'olum*), дословно 'голубь'; *Dalend'ifa*, дословно 'ласточка';

- в переключениях кода на албанский — /θ/, /ð/, /λ/: *f'utləf si e θ'uemi mak'edon'i'ift? 'oris me tə 'ambəλ?* 'как мы называем *f'utləf* по-македонски, рис со сладким?'; — *o v'erdija! — urðər'o!* 'эй, Верди! — что?', дословно 'приказывай!').

Переключения кода с македонского (L1) на албанский (L2) вызваны прагматическими или особыми коммуникативными потребностями, и ни одно не остается немотивированным. Компетенция в албанском L2 полна. Фонетика переключений на албанский и заимствований из албанского частично гегская (*'ambəλ* 'сладкий'; *θ'uemi* 'мы говорим'; *ðom-paral'om* < алб. *dhomë paradhomë* 'комната'; *Dalend'ifa* имя собственное, дословно 'ласточка') и частично тоскская или стандартноалбанская (*tə b'əftə m'irə!* 'приятного аппетита!'; *urðər'o* 'приказывай!'; *'ambəλ* 'сладкий'), иногда с македонской акцентной ретракцией (*'oris* < алб. *or'iz* 'рис').

Прямое субстанциальное албанское влияние в грамматике практически отсутствует. В пример можно привести наречие *p'ara* 'слишком' (*n'e para kup'uaet* '(Они) не слишком (активно) покупают'), разделительный союз *'ose* 'или' (*i tēe pom'in'it od'ovde m'etjka*, *'ose vək* 'И пройдет здесь медведь или волк', утвердительную частицу *po* 'да' и отрицательную *nuk* 'нет' в прохибитиве: *ej, n'uk-ajte!* нет-IMPERAT.2PL, калькирующем албанское *mos-ni!* нет-IMPERAT.2PL. Изменения в грамматике македонского L1 вследствие контакта с албанским L2 сводятся лишь к заимствованию синсемантических лексических единиц.

Гибридные явления в македонском L1 исключительно редки и встречаются лишь в спонтанной речи, оставляя вопрос об их системном статусе в языке открытым. Приведем впечатляющий пример из короткого нарратива (информант 50-ти лет, 160 словоформ), демонстрирующего одновременную комплексную реализацию славянских, албанских и балканороманских, общеевропейских и гибридных феноменов:

- (13) *...s'amo 'eno d'ete 'iməl. <...> mu o d'ade t'ε dete i mu r'etjē, k'ej tēe se n'aprait dv'aeset g'odin'i, 'ovoј tēe o pr'aif k'urban. i toј ot'ide, k'urban tēe o prait. 'ama toј k'amberot naf, g'ospod za n'ajze, za m'ije n'e sme ft'asan'i da o fatime, mu 'isfərlat pred*

nego ⟨...⟩ *'oven daf. d'eteto, v'e'l'it, t'orn'i go, v'e'l'it, t̃ee o k'o'l'iif*
'ovenof], *d'afot. i s'ea d'afof 'izleze za k'urban. i s'ega sv'ekoī*
n'ekoī, nap'imer 'ovie se br'ai fi 'imaet p'o:t̃ee... k'o'l'et k'urban'i,
i 'ovija k'urbanof se d'elvet s'ea po sirom'aitẽ. se d'elvet po
sirom'aite nap'imer vo s'elovo zn'aime m'ie 'en'i n'emaed br'ai.
a za sv'ite za toj pr'azn'ik... t'oī vet̃fer za da 'imaed m'eso, i toj t̃ee
im p'odel'it. ⟨...⟩ 'eden p̃ies go z'evãz za: s'ebe, 'ovijat fto k'o'l'it
k'urbanof. a tri p̃iesoī dr'ug'i p'odel'vet po sirom'aīi. b'es pari, go
d'avat t'a.ka. i za toj k'urbanot t'oa i'esti s'ea. ⟨...⟩ ja n'emam
k'o'l'eno. a toj b'abo 'imat k'o'l'eno, 'imat d'el'veno na d'efi. 'ima
'imano br'avi p'orano toj.

Текст демонстрирует целый набор славянских явлений, которые не утрачиваются балканославянскими языками и не заимствуются в неславянские балканские языки, несмотря на любую интенсивность языкового контакта, и которые мы называем *антибалканизмами* [Соболев 2011]. Это акцентные ретракции: *b'es=pari* ‘без денег’; глагольный вид славянского типа, маркированный глагольным корнем: *f'atime* PF ‘взять’ vs. *z'evaf* IPF ‘брать’; славянское причастие на *l* (и *l*-перфект): *'imal* ‘иметь’. Ряд других явлений также четко ограничивает славянскую речь от албанской: элизии, толерирование групп гласных и контракции (*p'o:t̃ee* < *p'ovet̃ee* ‘больше’; *s'ea* ‘сейчас’; *br'ai* ~ *br'avi* PL ‘мелкий рогатый скот’); эмфатическая, нефонологизированная долгота (*k'u:rbān* ~ *k'urban* ‘кровная жертва’, *sirom'aitẽ* ~ *sirom'aite* PL ‘бедняки’, *za*: ~ *za* ‘для’ (ср. с фонологически релевантной долготой в гегском албанском [Gjinari, et al. 2007–2008 I: 86]); отсутствие переключений кода на албанский L2.

Здесь же есть явления, восходящие к албанскому и балканороманскому структурному и лексическому влиянию и делающие грамматику и словарь говора более сложными и максимально аллоглоттическими в македонском диалектном континууме. Речь идет о постпозиции атрибута (*k'amberot naf* ‘наш пророк’; *p̃i'esoī dr'ug'i* ‘другие части’); *habere*-перфекте (*'ima 'imano* ‘имел’, см. [Makarova 2017]); *esse*-перфекте (*n'e sme ft'asan'i* ‘мы не способны’, ср. алб. *s'jemi arritur*); предложном прямом объекте (*'imat d'el'veno na d'efi* ‘(Они) раздавали баранов’; лексических заимствованиях (*p̃ies* SG, *p̃i'esoī* PL ‘часть’ < алб. *pjes*).

Гибридные феномены, состоящие из славянской и албанской языковой субстанции, наблюдаемы в грамматике, лексике и фразеологии. Самой поразительной является форма *na d'efi* баран-АСС.PL. С лексикологической точки зрения это прямое материальное заимствование алб. *dash* [dɑʃ] 'баран', частично морфологически интегрированное (ср. *daf* SG.INDEF, *d'afof* ~ *d'afot* SG.DEF 'баран'). С точки зрения морфонологии, ожидалось бы формы мн. ч. **d'afovi* ~ **d'afoi*, подобно *pjes* SG, *pi'esoj* PL 'часть'. Однако говорящий использовал одновременно две модели с двумя субстанциями: общеалбанский механизм апофонии *a* ~ *e*, т. е. алб. *dash* ~ *desh*, полностью чуждый славянскому типу, и общеславянский маркер мн. ч. *-i*. Дополнение предлога *na* по балканороманской модели [Sobolev 2008], для обозначения прямого объекта, завершает экстраординарно редундантную комбинацию. Иные случаи гибридизации представлены в *ifiz g'ozica* (ср. алб. *qish bythën* PRS.IND, *qifsh bythën* OPT 'pedicabo in asino') и в редуPLICATIONях *'oven daf* SG.INDEF 'баран', *'ovenof[t] d'afot* SG.DEF 'баран' (*mu 'isfërlat pred nego 'oven daf... tce o k'ol'if 'ovenof[t], d'afot* 'бросает перед ним барана... ты заколешь барана'), которые можно интерпретировать как композит из славянского гиперонима и неславянского гипонима.

Можно заключить, что степень фонетической и грамматической адаптации албанских единиц в македонской спонтанной речи выбирается говорящим с большой свободой, но языкового изменения при этом не происходит, даже *in statu nascendi*. Нет сомнений в том, что двуязычные слушающие без труда декодируют все порождаемые говорящим гибридные формы, но можно быть уверенным в том, что их появление в речи македонского монолингва, а также их систематическое воспроизводство в одноязычном македонском сообществе невероятно. Можно также утверждать, что билингв из Голо Бордо пользуется двумя фонологиями и двумя грамматиками и что идиоглоттические правила фонологии и грамматики L2 применяются только к субстанции L2.

Регион Голо Бордо не являлся местом этнической, лингвистической и культурной конвергенции в прошлом и не является таковым в настоящем, поскольку албанцы и славяне, христиане и мусульмане региона представляют собой четко противопоставленные друг другу группы, находящиеся в отношениях сепарации.

Языковая конвергенция возможна в таких сообществах лишь в форме языкового сдвига, т. е. перехода массы славян на албанский язык, а этническая — в форме интеграции славян в доминирующую и более престижную группу, в албанский этнос. Основные факторы интеграции суть одна религия (суннитский ислам) и лояльность к социально доминирующему албанскому языку, к албанской культуре и государственности, а ее успех возможен при отказе от маркеров, воспринимаемых в Албании однозначно как «чужие», славянские. Дивергенция наблюдается между представителями разных конфессиональных групп и яснее всего проявляется в практически уже завершившейся эмиграции из региона православных христиан.

6. Славянский адстрат.

Лингвистическая экзогамия. Мрковичи и Горана³⁵

6.1. Область Мрко(е)вичи и село Веля-Горана

Краина Мрковичи (с.-х. *Мрковићу/Мркovićи* и *Мркојевићу/Мркојевиći*, алб. *Mërkot, -i*) расположена на юге Черногории между городами Баром и Улцинем³⁶. К западу от мрковичей лежат территории черногорских племен зупци и туджемили, а к востоку — албаноязычная область Ана-э-Малит (алб. *Ana e Malit*). Большая часть сел мрковичей находится на склонах горы Лисинь (с.-х. *Lisinj*) и у ее подножия, в так называемом «мрковском поле» (с.-х. *mrkovsko polje*)³⁷, тогда как села Веля-Горана, Пелинковичи,

³⁵ Автор раздела М. С. Морозова.

³⁶ На севере отроги Динарского нагорья, Румия (с.-х. *Румија/Rumija*) и Лисинь (*Лисинь/Lisinj*), отделяют ее от района Скадарска-Краина (*Скадарска Крајина / Skadarska Krajina*), а на юге горный хребет Можура (*Можура/Моџура*) служит естественной границей с краиной Улциня, населенной преимущественно албанцами.

³⁷ Это села Добра-Вода, Дабезичи (помимо центрального поселения, включает в себя широко разбросанные кварталы, или *заселки* — от с.-х. *zaselak*, Дапчевичи и Мали-Калиман), Веле-Село (с заселком Луне), Грдовичи, Печурице (с заселком Равань), Лесковац и опустевшее ныне село Меджуреч (с.-х. *Dobra Voda, Dabezići, Dapčevići, Mali Kaliman, Velje Selo, Lunje, Grdovići, Pečurice, Ravanj, Ljeskovac, Međureč*). В стороне, на горе Румии (с.-х. *Rumija*), расположены полузаброшенные села Мали и Вели-Микуличи (с.-х. *Mali Mikulići, Velji Mikulići*). Еще несколько сел —

Вукичи и Меджуреч расположены на своего рода «границе» с Ана-э-Малит. Жители Веля-Гораны, хотя и причисляют себя к сообществу (племени) мрковичей, предпочитают называть себя *goranci* ‘горанцы’ (*goranac* ‘горанец’, *goranka* ‘горанка’). Микроэтнонимами *mrko(je)vić* ‘мрко(е)вич’, *mrkovka* ‘мрковка’ они обозначают население сел мрковичей помимо Мала- и Веля-Гораны. По вероисповеданию большинство причисляющих себя к сообществу мрковичей — мусульмане-сунниты. Лишь несколько православных семей проживает в селе Добра-Вода (с.-х. *Dobra Voda / Dobra Voda*) [Соболев 2015; Морозова 2017]. Переход мрковичей в ислам произошел в XVII–XIX вв.: именно в этот период в селах крайны были построены мечети [Metanović 2012]. Тогда же была исламизирована значительная часть албаноязычного населения Улциня и его окрестностей, Краи и Ана-э-Малит.

Мрковичи впервые упоминаются в венецианских документах 1409 г. как *Li Marchoe*, племя между Баром и Улцинем; ср. также *de Marchois* (1449) и *Marcovichi* (1559) [Metanović 2012]. В османской переписи Скадарского санджака 1485 г. упомянуто село *Mërkojeviqi* в нахии *Mërkodlar*, состоящее из 140 домохозяйств. Судя по перечисленным в переписи именам глав семейств, проживающих в селе, в этот период его население было христианским. Преобладают славянские имена и прозвища, но есть и албанские: *Nuliçi, i biri i Bukmirit* ‘Нулич, сын **Букмира**’; *Dabza, i biri i Gjonit* ‘Дабза, сын **Гьона**’. Некоторые антропонимы албанского и славянского происхождения присоединяют албанский деминутивный суффикс *-za*, который встречается в топонимике и патронимах и в других районах славянско-албанских контактов в Черногории: *Lekëza* (от алб. *Lekë*); *Dab(o)za, Nikëza, Malëza, Miloza, Mladoza, Kalza* и др. [Pulaha 1974: 141–143; Пешикан 1981: 421–422]³⁸. Таким образом, по меньшей мере до XV в., сообщество мрковичей включало, помимо славянского, албанский элемент — подобно

Куне, Пелинковичи, Вукичи, Мала-Горана и Веля-Горана (с.-х. *Kunje, Pelinkovići, Vukići, Mala Gorana, Velja Gorana*) — находятся около горного хребта Можура (с.-х. *Možura*), в южной части крайны [Соболев 2015; Морозова 2017].

³⁸ Ср. современные патронимы *Dabezić, Kalezić* в селах Веле-Село и Дабезичи (с.-х. *Велье Село / Velje Selo, Дабезућу / Dabezići, Nikezić* в Мала-Горане (с.-х. *Мала Горана / Mala Gorana*).

некоторым черногорским племенам региона Брда к северу от Подгорицы, например племени кучей [Ровинский 1897: 81–82; Ердельяновић 1981: 67–170]. Изначальное наличие албанского элемента хорошо прослеживается в Веля-Горане, возникшей в результате сравнительно недавних миграций второй половины XIX — начала XX в. [Морозова, Русаков, в печати]. Так, часть современных жителей Веля-Гораны считает себя потомками Тахира (алб. *Tahir*) из села Миде (алб. *Millë*) в краине Ана-э-Малит: *iz m'idek smo im'ali d'z'eda* ‘наш дед был из Миде’, *e k'ena f'isin fypt'ar* ‘наш род — албанский’.

С этнографической точки зрения интересны брачные стратегии мрковичей, которые сходны со стратегиями других этнически смешанных «племен», например кучей [Ровинский 1897: 239]. Наряду с браками внутри племени, мрковичи поддерживают брачные связи со славянским и албанским населением соседних краин [Дугушина, Морозова 2016]. Традиция жениться на албанках на протяжении последнего столетия была и остается характерной для таких сел, как Пелинковичи, Вукичи, Лесковац и Веля-Горана, и способствует сохранению в этих селах албанско-славянского билингвизма [Јовићевић 1922: 113; Вујовић 1965/2012: 20; Соболев 2015; Морозова 2017]. Села, поддерживающие брачные связи только с соседними славяноязычными регионами (например Добра-Вода), монолингвальны [Морозова 2017: 225].

6.2. Мрковичи и Веля-Горана в свете языковых контактов

В сербохорватской диалектологии говор мрковичей относят к зетско-ловченскому диалекту штокавского наречия [Ивић 1985]. Большую роль в развитии говора сыграл контакт с неславянскими языками: романскими, турецким, албанским [Вујовић 1965/2012; Curtis 2012]. Например, в фонетике, наряду с сербохорватскими латеральными аппроксимантами — апикальным зубно-альвеолярным /д/ и дорсальным палатальным /к/ [Simić, Ostojčić 1996: 182–183], в говоре мрковичей, в т. ч. в славянских по происхождению лексемах, используются албанские апикальные альвеолярные латералы — веляризованный /л/ и невеляризованный /л/ [Memushaj 2011: 79–80]: *klôs* [k|as] ‘колос’, *b'ivot* [b'ivo|] ‘буйвол’, *môli* [m'ali] ‘маленький’; *krâl* [kral] ‘король’, лит. с.-х. *krâlji* [kra|] [Вујовић 1965/2012: 99]. В морфонологии Л. Вујович отмечает регулярное оглушение звонких шумных согласных на конце слова, возникшее в говоре «под

албанским влиянием» [Вујовић 1965/2012: 140]: NOM *grad* [grat] ‘город’ — ACC *grada* [gr'ada], ср. алб. NOM.INDF *zog* [zok] ‘птица’ — NOM.DEF *zogu* [z'ogu]. Одной из ярких синтаксических инноваций, связанных с албанским влиянием, является конструкция с предлогом *ge* ‘в; к’ (от наречия *gë* ‘где; куда’, лит. с.-х. *gdė*), управляющим номинативом: *Sūlo e bio ge mi ĩtros* ‘Суле был у нас утром’, *dōšla si ge đevōjka* ‘Ты пришла к дочери’ [Вујовић 1965/2012: 207–208]³⁹.

В лексике говора мрковичей, по оценке Л. Вуйовича, отмечено «большое количество заимствований романского, албанского и особенно турецкого происхождения» (до 700–800 заимствованных лексем) [Вујовић 1965/2012: 291–294]. Заимствования относятся к разным лексико-семантическим группам и в большинстве случаев не замещают исконную лексику, а употребляются наряду со славянскими лексемами с аналогичным значением: *đet* (с.-х. *ded/đed*) / *đuš* (алб. *gjysh*) ‘дед’; *ujak* (с.-х. *ujak*) / *dajo* (тур. *dayı*) ‘дядя по матери’; *pus* (алб. *pus*) / *bisternja* (итал. *cistern*) / *kuj* (тур. *kuyu*) / *aus* (тур. *havuz*) / *sarandža* (тур. *sarnıç*, ACC *sarnıcı*) ‘резервуар для воды’. К числу лексем, которые могут быть отнесены к культурной лексике и не имеют славянских соответствий, относятся наименования элементов мусульманского женского костюма, ставшего распространенным у мрковичей после их исламизации и выполнявшего функции праздничного одеяния: *džamadan* ‘жилет’, от тур. *camedan*; (*pas*) *trbulus* ‘шелковый пояс’, ср. араб. *Ṭarābulus* и тур. *Trablus* ‘Триполи’ [Novik, Sobolev 2016: 22]. Некоторые албанские заимствования чаще встречаются в билингвальной Веля-Горане, чем в монолингвальных селах: *kaprcol* ‘лестница, перекладина’, от алб. *kapërcell*; наряду с *preslo* (с.-х. *preslo*), *skala* (итал. *scala*) в других селах); *mulatarti* ‘помидор’, от алб. гег. *mollatart*, DEF *mollatarti* < итал. *pomodoro* (в других селах: *paradajz* (с.-х. *paradajz*, от нем. (австр.) *Paradeiser*), *frenk* (тур. *frenk* ‘иностранец’)) [Вујовић 1965/2012: 291–292]; *damar* ‘вена’ (алб. *damar*, от тур. *damar*) в Веля-Горане и *ve^ana* (с.-х. *vena*) в Луне [Соболев 2015].

В Веля-Горане, где славянско-албанский контакт продолжается в настоящее время, интерференционные явления можно

³⁹ Ср. с конструкциями с албанским предлогом *tek* ‘в; к’, управляющим номинативом: *Isha nga vēllai* ‘Я был/-а у брата’; *Shkoi tek i ati* ‘Он/она пошел/-ла к своему отцу’.

обнаружить в речи всех билингвальных жителей села: 1) билингвальных мужчин-горанцев, как правило усваивающих оба языка в раннем детстве; 2) билингвальных албанок, которые, по их собственным словам, до замужества в Веля-Горане в достаточной мере владели только албанским языком; 3) билингвальных «мрковок», усвоивших албанский язык только после замужества в Веля-Горане; 4) детей, которые усвоили оба языка в раннем детстве (поскольку обучение в школах в Черногории ведется на государственном языке, у детей школьного возраста этот язык, вероятно, доминирует над албанским, который остается «домашним» языком).

В албанской речи билингвальных горанцев к числу контактно обусловленных явлений относятся такие инновации, отсутствующие у местных албанцев, как оглушение звонких согласных на конце слов с выпавшим конечным *e /ə/*: [verθ] ‘желтый’ (лит. алб. *verdhtë*) — по аналогии с [maθ] ‘большой’ (лит. алб. *madh*); [ɫuk], опр. ф. [ɫ'uga] ‘ложка’ (лит. алб. *lug/ë, -a*) — по аналогии с [zok], опр. форма [z'ogu] ‘птица’ (лит. алб. *zog, -u*). В албанской речи детей отмечены особенности, которые можно объяснить несовершенством языковой компетенции, например неразличение /t/ — /r/ и отсутствие интердентальных /θ/ и /ð/: [ruj] ‘стерегу; брею’ (ср. лит. алб. *ruaj*, гег. *ru:j* [ru:j] ‘стерегу’ и *rruaj*, гег. *rru:j* [ru:j] ‘брею’), [f'ave] ‘ты сказал’ (диалектная форма аориста от ‘говорить’, лит. алб. *them* [θem] ‘говорю’) и гег. [f'ija] ‘коза’ (лит. алб. *dhia* [ð'ia]) [Морозова 2017: 231–232].

Калькирование структурных моделей в условиях продолжающегося контакта в Веля-Горане приводит к некоторым отличиям от ситуации в говоре мрковичей. Так, одним из следствий иноязычного влияния в говоре мрковичей (и других говоров Черногории) является смешение комитатива и инструментала [Соболев 1990]. Как отмечает Л. Вуйович, в говоре мрковичей в этих контекстах чаще употребляется беспредложный инструментал. В Веля-Горане, напротив, было отмечено употребление конструкции с предлогом *s(a)* ‘с’ во всех значениях (под влиянием албанских предложных конструкций с *me* ‘с’): *'idem u plan 'inu sa 'ovŕsama* ‘я иду с овцами в горы’, *st'ari je ud'ario k'utŕka s n'ogom* ‘старик ударил пса ногой’, *'ubio ga s n'ozem* ‘он убил его ножом’. Калькируются и модели управления некоторых глаголов, ср. напр., аккумулятивное оформление внешнего possessора при глаголах боли в албанской речи горанцев

среднего возраста и детей: *As 'anin e lemp kr'uti* ‘У Хасана болит голова’, по с.-х. модели *Asana boli glava* (в лит. алб. употребляется датив: *Asanit i dhemb kryet*).

В говоре мрковичей (и в Веля-Горане) имеются лексические кальки с албанского, например названия осенних месяцев: *prvi jeseeni* ‘сентябрь’, *drugi jeseeni* ‘октябрь’, *treći jeseeni* ‘ноябрь’ (букв. ‘первый, второй, третий осени’, от алб. *vjeshtë e parë, vjeshtë e dytë, vjeshtë e tretë* букв. ‘первая, вторая, третья осень’) [Вујовић 1965/2012: 293; Соболев 2015: 544]. В Веля-Горане, помимо этого, отмечены и следующие примеры калькирования: *truškaju se babi* (букв. ‘трясутся старухи’, от алб. *shkunden plakat* ‘сильный снегопад в конце марта, когда на несколько дней портится погода’ [Соболев 2015: 545; Morozova, Forthcoming] и *na ulas aprila* ‘в начале апреля’ (букв. ‘на входе апреля’, от алб. *në hyrje të prillit*) в речи пожилого билингвального горанца; *ne cepam glavu* ‘не переживаю’ (букв. ‘не раскалываю голову’, от алб. *nuk çaj kokën*) в речи билингвальной албанки; *e ka hāngər đarpni n kã:m* ‘змея укусила его ногу’ (употребление алб. глагола *ha* ‘есть’ вместо алб. *kafshoj* ‘кусать’, ср. с.-х. *ujesti*) в албанской речи 13-летней девочки; *s'ka lidhje* ‘неважно’ (лит. «нет связи», распространенная калька с с.-х. *nema veze* в албанских говорах Черногории и Косово) в албанской речи «мрковки», живущей в Веля-Горане.

Калькирование семантических моделей и структур, не характерных для славянских языков, наряду с заимствованиями, можно наблюдать внутри отдельной взятой группы лексики, например, в терминологии родства. Инновацией, возникшей в говоре мрковичей под албанским влиянием, является противопоставление старших родственников по отцовской и материнской линиям. В итоге в Веля-Горане можно отметить разные модели номинации старших родственников: *babostari* (‘отец’ + ‘старый’, ср. с.-х. *stariotac* ‘дед’) / *babovejlji* (‘отец’ + ‘большой’) ‘дед по отцу’ и *babodajn* (‘отец’ + ‘дядя по матери’) ‘дед по матери’; *nanastara* (‘мать’ + ‘старая’, ср. с.-х. *staramajka* ‘бабка’) / *nanababa* (‘мать’ + ‘отец’) ‘бабка по отцу’ и *dajna* (‘дядя по матери’ + *na*) ‘бабка по матери’ [Morozova, Forthcoming]. Лексема *babovejlji*, по-видимому, является калькой с алб. *babamadh* [Gjinari, et al. 2007–2008 II: 236–237], сохраняющей характерное для албанского языка устройство именной группы с постпозицией определения. Лексемы *nanababa* и

babodajn представляют собой заимствованные албанские диалектизмы, распространение которых ограничено северо-западными гегскими говорами: алб. гег. *nanbabe*, DEF *nanbabja* и алб. гег. *babdaj*, DEF *babdaja* [Gjinari, et al. 2007–2008 II: 234–235, 240–241].

В речи билингвов из Веля-Гораны возможны случаи переключения кодов, не связанного со сменой адресата:

- (14) *d'imni i ka kark'u z'otit, d'imni i ka kark'u z'otit me mi la tri dit uh'a. tri dit uh'a me e myt pl'akən me džiθ t̃fa ka. i bo(g) ga da tri d'ana od z'ime...*

‘Зима попросила Бога, попросила Бога дать три дня займы. Три дня займы, чтобы заморозить старуху со всем, что у нее было. **И Бог дал ей три дня зимы...**’

(пример из речи билингвального горанца 1925 г. р.)

Переключение кодов у «поздних» билингвов, напр., в албанской речи «мрковок», усвоивших албанский язык только после замужества в Веля-Горане, сочетается с включением неадаптированных словоформ и употреблением союзов, частиц, междометий из первого языка:

- (15) *Po, pl'aku perf'ekt ka fol serb'ift. 'Ete pl'aka ka fol serb'ift bəl... pak aft'u, s ka dit mir, 'ali aj'λ ka fol se n'ana plaks 'aj'λ 'isto ka ken pej mrkoj'evit̃ca⁴⁰, aj'λ ka fol serb'ift perf'ektno. Kn'ene, kn'ena mrkoj'evit̃ci, zn'at̃fi l'askit̃e se prez'ivala, 'ali aj'λ ma t'epər ka fol f̃ifip.*

‘Да, свекор отлично говорил по-сербски. И свекровь достаточно хорошо говорила по-сербски, немножко не очень, она хорошо не знала, **но** она говорила, потому что ее мать **тоже** была из **Мркоевичей**, она говорила по-сербски **отлично**. Там, там **Мркоевичи**, **значит**, она имела фамилию **Лашкич**, **но** она говорила больше по-албански’.

6.3. Ситуация «сбалансированного языкового контакта» и лингвистическая экзогамия

Среди реальных ситуаций, которые можно было бы предложить для объяснения контактных изменений в говоре мрковичей,

⁴⁰ Использована неадаптированная с.-х. генитивная форма существительного.

привлекает к себе внимание билингвальная ситуация в Веля-Горане, укладывающаяся в рамки понятия «сбалансированного языкового контакта» (англ. *balanced language contact*). Согласно определениям контактологов, основными свойствами такой ситуации являются протяженность во времени, стабильный билингвизм и отсутствие отношений доминанции между контактирующими языками: “In a situation of a long-standing linguistic area and stable multilingualism without any dominance relationships, language contact is ‘balanced’” [Aikhenvald 2007: 42].

Ситуация в изучаемом сообществе

на семейном уровне складывается из ряда микроситуаций и, по крайней мере, некоторые из них имеют довольно неоднородный и, как следствие, неравносесный характер. Неравносесность усиливается по мере приближения к уровню индивидуальных носителей языка: ⟨...⟩ языки, которыми владеют билингвы, практически всегда играют даже в семейной коммуникации неодинаковую роль (один используется чаще, т. е. «доминирует») [Морозова, Русаков, в печати].

В каждой семье могут быть как билингвы, так и монолингвы; билингвы могут владеть обоими языками с раннего детства (билингвы, рожденные в Веля-Горане) либо усвоить их в зрелом возрасте (албанки и «мрковки», которые были монолингвальными до замужества). Примечательна рассмотренная в [Морозова, Русаков, в печати] смена языковой доминанции у пожилых албанок: с возрастом они начинают использовать албанский язык, который, по их словам, в целом «забывают», исключительно в общении с родственниками вне села. Несмотря на это, общую тенденцию можно охарактеризовать так: «Если языковая компетенция жителя Веля-Гораны (количество языков, которыми он владеет) меняется в течение его жизни, развитие всегда идет от монолингвизма к билингвизму» [Морозова, Русаков, в печати]. Таким образом, в селе «...постоянно воспроизводится длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей» [Соболев 2015: 542], и билингвальная ситуация достаточно устойчиво сохраняется.

Причины «лингвистической экзогамии» жителей Веля-Гораны, по-видимому, следует искать в происхождении семейств, которые сегодня проживают в этом селе. Изучение генеалогий семейств показало [Морозова, Русаков, в печати], что часть из них имеет албанское, а часть — славянское происхождение. Можно

предположить, что для этнических славян Веля-Гораны толчком к возникновению «лингвистической экзогамии» мог послужить пример соседей-албанцев, которые традиционно женились на албанках из соседних сел и областей.

Так или иначе, в настоящее время главным фактором, способствующим сохранению билингвизма в сообществе Веля-Гораны, очевидно, является постоянный приток невесток-албанок. Однако билингвальные «горанцы» берут в жены не только албанок, но и «мрковок» из монолингвальных сел. Последние могут оставаться монолингвальными (или «пассивными билингвами») на протяжении всей жизни, а их дети — не усвоить албанский язык и также оставаться монолингвами. Как представляется, подобная ситуация способна привести к славянизации (по крайней мере, на семейном уровне), в то время как переход к албанскому монолингвизму, как в отдельной семье, так и на уровне сельского сообщества в целом, представляется маловероятным. Можно предположить, что ситуация в мрковичах в целом была устроена отчасти сходным образом. Активный билингвизм какой-то (возможно, значительной) части жителей краины, наряду с наличием в некоторых (или во многих) селах албанского элемента, который был впоследствии славянизирован, обусловили появление и закрепление в говоре мрковичей немногочисленных, но довольно ярких инноваций на разных уровнях языковой системы.

7. Инклюзия и симбиоз. Карашево⁴¹

7.1. Карашевцы

Карашевцы (рум. *C(a)raşoveni*, с.-х. *K(a)rašovani*) — преимущественно славяноязычное этническое меньшинство Республики Румынии, чьи происхождение (этно- и лингвогенез), история, идентичность и языковая принадлежность являются предметом дискуссий как научного, так и политического характера. Члены данного сообщества католического вероисповедания проживают в семи селах, расположенных в историческом регионе Банат: Карашево, Клокотич, Лупак, Нермет, Рафник, Водник и Ябалча (жудец Караш-Северин). Отсутствие письменных свидетельств о происхождении карашевцев послужило поводом для множества научных и

⁴¹ Автор раздела Д. В. Конёр.

политических спекуляций. Частично обоснована теория о том, что карашевцы — потомки первых славян, пришедших на Балканы в VII в., поселившихся к северу от Дуная и смешавшихся впоследствии с несколькими волнами мигрантов из разных областей Балканского полуострова [Радан 2015: 63–65, с лит.]. Сейчас карашевцы относят себя в основном к хорватам. Выбор этой опции идентичности, совершенный в 90-х гг. XX в., был обусловлен католическим вероисповеданием, а также экономической заинтересованностью сообщества [Crețan, Kun, Vesalon 2014; Радан 2015].

Основным фактором культурной и языковой дивергенции на территории микрорегиона можно считать изолированность и замкнутость карашевцев вплоть до второй половины XX в. С другой стороны, фактором конвергенции следует признать банатский исторический контекст. В результате проводимых Габсбургской монархией колонизаций, регион стал настоящей мозаикой полиэтничных и мультилингвальных сообществ, в которых, однако, существовала относительная изоляция между различными этническим и языковым группами [Hurezan, Colta 2002: 91; Buzărnescu, Pribac 2002]. От ближайших соседей — православных румын и сербов Баната — карашевцев отличала, прежде всего, католическая религия. Несмотря на то что карашевцам удалось избежать ассимиляции, доля фамилий румынского происхождения в их ономастиконе составляет более 51%, что указывает на присутствие румынского элемента в их этногенезе [Томић 1974: 221]. Кажется правильным считать, что карашевцы как микронарод сформировались уже на территории Баната; это же будет справедливо и для группы карашевских говоров⁴².

⁴² Между говорами всех семи сел имеются, в основном, фонетические и лексические отличия [Радан 2015: 11]. В рамках нашего исследования мы рассматриваем только говор с. Карашево и максимально близкий ему славянский говор с. Ябалча. Карашевские говоры можно охарактеризовать как южнославянские по происхождению, штокавские и экавские с небольшим количеством поздно появившихся икавизмов [Радан 2015: 65]. Фонетические черты сближают карашевские говоры с торлакскими, в то время как морфологические — с косовско-ресавскими говорами [Радан 2015: 65–67].

7.2. Карашевские (славянские) говоры

Один из **карашевских (славянских) говоров** является первым языком (L1) для жителей большинства карашевских сел (за исключением села Ябалча). Сохранив значительное количество архаизмов на всех языковых уровнях, карашевские говоры также подверглись некоторым балканизующим процессам. Этим можно объяснить такие явления, как утрата тонической акцентной системы и противопоставления гласных по количеству; утрата синтетической компарации; частотность генитивных конструкций вроде *čorba od paradajsa* ‘томатный суп’; употребление дательно-притяжательной конструкции, типичной для румынского языка (*lajanje psetu*_{ДАТ} ‘лай пса’) и др. [Милин, Радан 2002: 64–65]. Интенсивность контакта карашевских говоров с румынским языком прослеживается в архаичных и более новых заимствованиях, отмечаемых в самых разных семантических группах (экономическая и общественная жизнь, человеческое тело, флора и фауна, сельское хозяйство, термины родства и др.). Больше всего таких заимствований присутствует в группах, связанных с ведением хозяйства, экономикой и общественной жизнью [Радан, Бошняковић 2010: 145–146]. Румынские лексемы легко адаптируются в языке-реципиенте: склоняемое сущ. ж. р. *bukatarija* < сущ. ж. р. *bucătărie* ‘кухня’; сущ. м. р. *sertar* ‘комод’ < сущ. ср. р. *sertar* ‘ящик (комода)’. Заимствование румынских слов-связок вроде *bun* ‘хорошо’, *de acord* ‘согласен(-на, -ны)’, *pe părerea mea* ‘по-моему’, *deci* ‘итак’, *cum se zice* ‘как говорится’, *salut* ‘привет’ не влечет за собой никаких морфосинтаксических изменений: *Čuli smo da imate jednu devojku, došli smo da ju prosimo. Late`l vi da date tu devojku za nas, jeste vi de akord da date tu devojku kod nas?* ‘Мы слышали, что у вас есть девушка, мы пришли ее сватать. Отдадите ли вы эту девушку нам, согласны ли вы нам ее отдать?’ [Конёр 2018]. Что касается переключений кодов, то в нашем материале мы практически не находим полноценных чередований (*multi-word switches*), зато очень частотными в речи карашевцев являются вставки (*insertions*). Для последних, вслед за [Sankoff, et al. 1990], мы используем термин «окказиональные заимствования» (*nonce loans*): *Da imaš amintire če bil Sveti Ilija* ‘Чтобы ты помнила, что был Святой Илья’; *Ne dođu dok ne znaju malko aprobare* ‘Не придут, пока не будут знать, что есть какое-то одобрение’. Такие включения из L2 не обязательно

повторяемы и широко распространены, но с заимствованием их сближает высокая степень интеграции в язык L1. Частотность данного явления дает нам основания считать его основным «проводником» румынской интерференции в карашевских говорах в настоящий момент.

7.3. Этнолингвистическая инклюзия

Карашевский славянский говор (в его собственно карашевском субварианте, на что указывает *a*-рефлекс *ъ = *ь [Соболев 2002: 97–98]) в качестве второго языка (L2) бытует в селе Ябалча, жители которого признают свое этническое и религиозное единство с населением других карашевских сел, т. е. считают себя карашевцами, но в повседневной коммуникации используют румынский язык⁴³. Языковые компетенции младшего и среднего поколений ябалчан ограничиваются способностью понимать и воспроизводить отдельные лексемы; представители старшего поколения ябалчан могут порождать небольшие тексты, содержащие хезитации и переходы на румынский. Нами также были выявлены контактно-обусловленные явления в морфосинтаксисе и синтаксисе, среди которых отметим номинатив как падеж прямого объекта (*Oni govore malo druga forma*); нарушения в употреблении падежных форм в предложных конструкциях (*Salate... od slatko, slatka kapusta*); частую постпозицию атрибута (*glava tvoja, babe stare, reči drugačke ~ druga forma, slatka kapusta, malomu detetu*); препозицию глагольных клитик (*su jeli, su nosili, se činilo, se popravi*); избегание *pro drop* (*mi znamo, vi govorite, oni uvate*); именительный темы (*A Hrvati, oni govore malo druga forma*). По всей видимости, используемый ябалчанами карашевский идиом обладает некоторой повышенной степенью аккомодации к румынскому языку. Тем не менее, для большинства явлений (постпозиция атрибута, именительный темы и др.) в настоящий момент более точным будет говорить о повышенной частотности конструкций, изоморфных румынским, по сравнению с некоторым «типично славянским состоянием» [Конёр, Соболев 2017: 997].

⁴³ В рамках нашего исследования была установлена диалектная атрибуция ябалчанского румынского говора: он относится к банатскому диалектному пространству (рум. *(sub)dialectul bănăţean*).

Не обладая документальными подтверждениями и располагая только повторяемой нашими информантами в разном виде легендой о неких пришлых рабочих из Румынии, а также соотнося исторические (малый размер с. Ябалча, его экономическая и социальная зависимость от соседнего с. Карашево; особый «банатский» тип сосуществования народов и языков; многовековое противостояние с турками и, как следствие, демографические спады в регионе) и языковые (неравновесный билингвизм, реализуемый с определенными отличиями, заметными на *уровне семьи*; по большей части румынский ономастикон ябалчан; принадлежность румынского говора ябалчан к банатскому диалектному пространству), мы можем предполагать, что славянский (карашевский) идиом в Ябалче конкурировал с банатским диалектом румынского языка *через носителей* карашевского как L1 (карашевцев) и румынского как L1 (румын). Переход ябалчан на румынский, таким образом, не состоялся в далеком прошлом, как отмечали ранее лингвисты, работавшие в регионе, — он происходит по сей день; и только в XXI веке, под воздействием процессов глобализации, этот процесс вошел в завершающую фазу.

7.4. Единый культурный код

Частное исследование лексико-семантической группы свадебной обрядности и примыкающей к ней группы терминов родства в славянском говоре с. Карашево и в славянском и румынском говорах с. Ябалча приводит к следующим обобщениям. Принимая во внимание условия многовекового контакта романского и славянского населений на территории Баната, мы не всегда можем (и считаем нужным) говорить об элементах лексического кода традиционной свадьбы как о строго романских/румынских или славянских/карашевских по происхождению (как в случаях *kotarica/cotariță* ‘корзина’, *lajber/laiber* ‘безрукавка’, *bronka/broancă* ‘контрабас’, *opregu* ‘фартук’, *krža* ‘палка с крюком’, *kočija/košia* ‘повозка’). В случае двуязычной лексической подсистемы свадьбы, речь идет не о двух не связанных между собой наборах лексем, часть из которых является заимствованиями из языка *x* в язык *y*; а о едином культурном коде, представленном в виде двух различных, но тесно связанных между собой языковых воплощений [Конёр 2016: 645]. Терминология родства также отражает многочисленные взаимные влияния как на уровне системы родственных

отношений, так и в плане выражения (лексические соответствия): сакральная релевантность института кумовства; институт повитух; неразличение терминов, обозначающих двоюродных и троюродных братьев и сестер по линии матери и отца; лексемы *unuk, unuka/perot, nepoatā* относятся и к понятиям «внук, внучка», и «племянник, племянница»; почти полный отказ от специальных терминов, обозначающих сиблингов (и их супругов) как мужа, так и жены, и их замена вокативами м. р. *bajco/baiṭo* и ж. р. *cejko/ṭeico*; лексические соответствия *dever/ḍever, deda/deda, majka/maicā, ujka/uicā, ujna/ujnā, striča/stricea, strina/strina, tetka/tetcā* [Конёв 2018].

7.5. Славяно-румынский симбиоз

Славянские говоры Карашево, Ябалчи и других карашевских сел сто́ит рассматривать в контексте многовекового взаимодействия восточных романцев и славян, интенсивность которого позволила Т. Капидану охарактеризовать этот процесс как «превращение» одних в других [Capidan 1936: 175–176]. Среди особенностей контакта карашевцев и банатских румын важно отметить следующие: раннее начало и многовековая продолжительность; изоляция карашевских говоров от других сербских и хорватских говоров Баната; смешанные браки [Радан 2015: 244–245, 252]. Как диахронические (большое количество «старых» румынских заимствований; переход части группы на румынский язык), так и синхронические параметры («новые» заимствования; смешение кодов; тенденция к лучшему владению румынским по сравнению с карашевским, заметная у среднего и младшего поколений) указывают на непрерывность славяно-романского языкового контакта в микрорегионе Карашево, менявшего свой характер на разных этапах истории под влиянием экстралингвистических факторов. Вероятно, этот процесс достиг своего экстремума в самом маленьком карашевском селе — Ябалче.

В случае всего микрорегиона Карашево (и особенно в Ябалче) можно прямо говорить о *симбиозе южнославянских и восточнороманских языков и культур*. Одним из следствий этого является меньшая межъязыковая дистанция между карашевскими говорами и банатским диалектом румынского языка по сравнению с дистанцией между сербской/хорватской и румынской литературными нормами. С другой стороны, несмотря на возрастающее влияние румынского языка на славянские карашевские говоры, их

грамматическая структура сохранена, и мы не наблюдаем прямых свидетельств образования смешанного языка.

8. Заключение⁴⁴

Рассмотренные лингвистические ситуации достаточно широко репрезентируют разнообразие би- и мультилингвального языкового ландшафта Балкан и спектр языковых изменений в контакте. Углубленное диахроническое и синхроническое исследование балканских лингвистических микроареалов позволяет лучше понять, частично реконструировать и прогнозировать характерные для полуострова языковые процессы, приводящие как к сохранению языка в интенсивном контакте, так и к языковым сдвигам. Эта экстраполяция возможна благодаря идентичности когнитивных и структурных механизмов интерференции, а также базовых контактных ситуаций, и не в последнюю очередь — стойкости сохранения на микроуровне характера социальных отношений внутри конкретных сообществ. Опираясь на результаты интерференционных языковых изменений, мы можем восстановить отдельные параметры контактной ситуации в прошлом. Так, если мы наблюдаем сильные интерференционные изменения в области фонетики и большое количество грамматических калек, то мы можем предположить, что контакты имели интенсивный характер. Однако способы отличия ситуации, в которой «свой» язык сохраняется несмотря на интенсивный контакт с иным языком, от ситуации смены языка в прошлом (и реконструкция процесса смены языка при отсутствии исторических, этнографических и языковых свидетельств) остается важной методологической проблемой, решать которую предстоит в будущем.

Корреляции между параметрами ситуации и языковыми изменениями не носят одно-однозначный характер: различные констелляции разнообразных и плохо формализуемых исторических, этнографических и социолингвистических факторов могут приводить к близким лингвистическим результатам. Это особенно ярко видно при обращении к материалу цаконского диалекта: глубокие и уникальные (как в контексте истории греческих диалектов, так и в контексте балканских языков в целом) изменения, которые

⁴⁴ Авторы раздела А. Ю. Русаков и А. Н. Соболев.

претерпела его грамматическая система, заставляет нас ставить вопрос об особом характере историко-лингвистической ситуации, в рамках которой произошли эти изменения, предполагать языковой сдвиг или языковые контакты экстремального типа (функционирование цаконского или какого-то идиома, участвовавшего в образовании цаконского, в качестве *lingua franca*), но отсутствие экстралингвистических данных не позволяет нам реконструировать эту ситуацию, определив, например, носители каких, собственно, языков испытали этот языковой сдвиг.

Совершившееся в прошлом благодаря контакту языковое изменение (англ. *contact-induced language change*), вероятно, могло бы быть идентифицировано в качестве такового при ретроспективном противопоставлении речи билингвов и речи монолингвов. К сожалению, данных такого рода история Балканского полуострова нам не предоставляет. На синхронном уровне эффекты контакта, видимо, могут быть идентифицированы в речи билингва только в контрасте с речевым поведением монолингвального носителя того же языка, что следует осуществить в будущем⁴⁵.

В ряде случаев мы уже сегодня можем установить определенные корреляции между конкретными изменениями в языковой субстанции, структуре и функциях и параметрами конкретной контактной ситуации. Наиболее четко это видно на примере идиома славян Голо Бордо, где мы имеем дело с классической ситуацией сохранения первого языка, славянского диалекта (см. [Thomason, Kaufman 1988]), на который оказывает незначительное влияние албанский язык, доминирующий в социолингвистическом плане, но субдоминантный лингвистически. Остальные ситуации сложнее. Сообщество в Веля-Горане приближается к равновесному билингвизму, главный источник постоянного воспроизводства которого — лингвистическая экзогамия. Рассмотрение ситуации на уровне семей и отдельных индивидов показывает, что она складывается из множества микроситуаций, включающих в себя как сохранение языка, так и языковой сдвиг (или, по крайней мере, смену языковой доминации, которая происходит в течение жизни

⁴⁵ Так же в дальнейшем детальном исследовании нуждаются и до сих пор мало известные механизмы сепарации групп людей или их объединения в симбиотические сообщества.

отдельных носителей). На языковом уровне здесь представлены отдельные случаи фонетической интерференции, относительно распространенные лексические и грамматические кальки, а также умеренное количество заимствований. Более глубокие изменения конвергентного типа блокируются здесь, по всей видимости, «открытым» характером сообщества — постоянным контактом с формами албанского и сербохорватского языков, бытующих вне сообщества. Ситуация в Преспе, важная для понимания языковых контактов в центральной части Балкан, характеризуется чрезвычайно сложным характером. В историческом плане мы и здесь имеем дело с ситуацией языкового сдвига (или смены доминанции) и сохранения языка в различных соотношениях, меняющихся в диахроническом и диатопическом плане. В качестве доминанты можно отметить сохранение македонского и албанского языков (хотя и тут, несомненно, бывали случаи языкового сдвига у индивидуальных говорящих) и постепенный переход арумынского населения на окружающие языки. В лингвистическом плане эти длительные процессы привели к значительному уровню конвергенции грамматических систем, в котором ключевую роль, возможно, играл именно языковой сдвиг у арумын. В настоящее время в ареале Преспы мы имеем разнообразные ситуации двустороннего (албанцы владеют македонским языком и македонцы албанским) и одностороннего (албанцы владеют македонским языком, македонцы не владеют албанским) билингвизма. Односторонний билингвизм у арумын характеризуется выраженной доминанцией (социолингвистической и лингвистической) языков окружающего населения. Ситуации сохранения языка и языкового сдвига у карашевцев характеризуются любопытным географическим распределением. В большей части карашевских сел родной славянский диалект сохраняется, подвергаясь влиянию румынского языка, доминанция которого, в т. ч. и лингвистическая, по всей видимости, увеличивается. Румынское влияние проявляется в заимствованиях и кальках. В Ябалче произошел языковой сдвиг, и славянский идиом функционирует уже в качестве второго языка, претерпевшего большее румынское влияние, чем диалект собственно карашевцев. И для собственно карашевцев и особенно для Ябалчи, возможно, определенную роль в развитии билингвальной

ситуации играли браки с румыноязычным населением. Рассмотрение ситуации на острове Крк сквозь призму лексики письменных средневековых текстов показывает, что в данном случае мы имеем дело с чрезвычайно долгим периодом сохранения обоих языков, закончившимся полным языковым сдвигом у романского населения уже в конце XIX века. С лингвистической точки зрения, мы наблюдаем такие результаты сравнительно умеренного языкового контакта, как лексические заимствования, что может объясняться, впрочем, и письменным характером изученного материала. Контакты со славянами в Цаконии или были опосредованными, или не выходили за пределы точечного взаимодействия на уровне небольших групп говорящих.

Все рассмотренные ситуации демонстрируют умеренный уровень структурной конвергенции вовлеченных в них языков, о полном уподоблении или совпадении фонологических, грамматических и лексических систем ни в одном из рассмотренных случаев речь не идет. В целом науке как будто бы неизвестны случаи полного, обусловленного контактом уподобления грамматических систем. На Балканах не возникает ни единого интегрированного языкового сообщества, ни креольского или смешанного языка, ни нового языкового типа, ни полной языковой смерти, ни полного отказа всеми говорящими от какого-либо языка. Балканский двуязычный говорящий, как представляется, совершенно не озабочен тем, чтобы облегчить когнитивную нагрузку, связанную с запоминанием и использованием двух и более различных языковых систем (см. [Bisang 2006: 90], с лит.). Напротив, наши исторические и современные данные демонстрируют наличие усложненных, а не упрощенных грамматических категорий и лексических систем, а также форм, следующих идиосинкратическим моделям, и, наконец, сохранение синтетических грамматических архаизмов и архаичной лексики. При этом речь двуязычных информантов демонстрирует, что правила L1 и L2 могут распространяться на фонетическую субстанцию как L1, так и L2, которая может постоянно и систематически усложняться благодаря заимствованиям.

Однако пределы структурной конвергенции балканских языков могут быть довольно отчетливо установлены эмпирически на уровне локальных диалектов (идиолектов групп говорящих). Полному структурному уподоблению разных языков, несмотря на

максимальную интенсивность межбалканского языкового взаимодействия, сопротивляются, прежде всего, фрагменты грамматической системы, характеризующиеся наличием семантически непрозрачных словоизменительных морфем, т. е. демонстрирующие высокий уровень языковой сложности (напр., копированию и контактными изменениям сопротивляется славянский вид⁴⁶ или причастие на *-lъ); в лексиконе также имеются семантические группы, резистентные для заимствований. И хотя конкретные языковые изменения в языковой субстанции и функции (или их отсутствие) на настоящем этапе развития балканистических исследований нелегко увязать с параметрами конкретных контактных ситуаций, которые часто индивидуальны, трудно сводимы к идеализированным типам и в которых в разных пропорциях могут сочетаться сохранение языка и неполное овладение языком, тем не менее, увеличение достоверности реконструкции или прогноза представляется в принципе возможным, причем возрастание суммы достоверного знания, полученного лингвистическими диагностиками, вероятно, достижимо при обращении к новым технологиям, позволяющим обрабатывать статистически релевантное количество данных.

Список условных сокращений

AOR — аорист; F — женский род; N — средний род; PART — причастие; PASS — пассив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Видоески 1998 — Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје: МАНУ, 1998. [B. Vidoeski. *Dijalektite na makedonskiot iazik* [The dialects of Macedonian]. Vol. 1. Skopje: MANU, 1998].
- Вујовић 1965/2012 — Л. Вујовић. Мрковићки дијалекат (с кратким освртом на сусједне говоре). Докторска дисертација са додатком. Београдски универзитет, 1965. Репринт издање дјела. Подгорица: Савјет Муслимана Црне Горе, 2012. [L. Vujović. *Mrkovički dijalekat (s kratkim osvrtom na susjedne govore)*. Doktorska disertacija sa

⁴⁶ Впрочем, как показывает материал истрорумынского языка, и славянский вид может быть до известной степени реплицирован [Hugren 1969] при условии чрезвычайно сильной доминанции языка окружающего населения.

- dotatkom. Beogradski univerzitet, 1965 [Mrkovići dialect (with a short overview of the neighbouring speeches). A doctoral thesis with the addition. University of Belgrade, 1965]. Reprint izdanje djela. Podgorica: Savjet Muslimana Crne Gore, 2012].
- Домосилецкая 2002 — М. В. Домосилецкая. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб.: Наука, 2002. [M. V. Domosiletskaya. Albansko-vostochnoromanskii sopostavitel'nyi ponyatiinyi slovar'. Skotovodcheskaya leksika [The Albanian-Eastern Romance comparative conceptual dictionary: Stock raising vocabulary]. Saint Petersburg: Nauka, 2002].
- Дугушина, Морозова 2016 — А. С. Дугушина, М. С. Морозова. Мрквичи и их соседи: о чем может рассказать брачная география? // XLV Международная филологическая конференция: 14–21 марта 2016 г.: тезисы докладов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2016. С. 544–545. [A. S. Dugushina, M. S. Morozova. Mrkovići i ikh sosedi: o chem mozhet rasskazat brachnaia geografija? [Mrkovići and their neighbors: What the marriage geography can tell?]. 45th International Philological Research Conference. Saint Petersburg, 14–21 March 2016: Abstracts. Saint Petersburg: Faculty of Philology, 2016. P. 544–545].
- Ердельяновић 1981 — Ј. Ердельяновић. Кучи // Ј. Ердельяновић. Кучи, Братоножићи, Пипери. Београд: Слово љубве, 1981. С. 1–343. [J. Erdeljanović. Kući // J. Erdeljanović. Kući, Bratonožići, Piperi. Beograd: Slovo Ljubve, 1981. P. 1–343].
- Ивић 1985 — П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Друго издање. Београд: Матица српска, 1985. [P. Ivić. Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje [Dialectology of Serbo-Croatian. Introduction and Štokavian]. Beograd: Matica srpska, 1985].
- Јовановски 2005 — В. Јовановски. Населбите во Преспа (местоположба, историјски развој и минато). Скопје: Ѓурѓа, 2005. [V. Jovanovski. Naselbite vo Prespa (mestopolozhba, istorijski razvoj i minato) [The villages of Prespa (location, history and past)]. Skopje: Gjurgja, 2005].
- Јовићевић 1922 — А. Јовићевић. Црногорско приморје и Крајина // Српски етнографски зборник 11, 1922. [A. Jovičević. Crnogorsko Primorje i Krajina [Montenegrin Primorje and Krajina] // Srpski etnografski zbornik 11, 1922].
- Кисилиер 2014 — М. Л. Кисилиер. О Цаконии и цаконцах: на стыке истории и филологии // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН X. 1, 2014. С. 283–306. [M. L. Kisilier. O Tsakonii i tsakontsakh: na styke istorii i filologii [Tsakonia and Tsakonians: On the crossroads of history and philology] // Acta linguistica Petropolitana X. 1, 2014. P. 283–306].

- Кисилиер 2017 — М. Л. Кисилиер. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования // Вопросы языкознания 1, 2017. С. 105–136. [M. L. Kisilier. Leksicheskie osobennosti tsakonского dialecta novogrecheskogo iazyka: Predvatel'nye nabludeniia i perspektivy issledovaniia [Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of Modern Greek: Preliminary observations and perspectives of study] // Voprosy iazykoznanii 1, 2017. P. 105–136].
- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология XV, 2011. С. 259–266. [M. L. Kisilier, V. V. Fedchenko. K voprosu o miagkikh soglasnykh v tsakonском dialecte novogrecheskogo iazyka [Palatal sonants in Tsakonian. Discussing the problem] // Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologii XV, 2011. P. 259–266].
- Конёр 2015 — Д. В. Конёр. Международная конференция «Грамматическая гибридизация и социальные условия» // Вопросы языкознания 3, 2015. С. 149–153. [D. V. Konior. Mezhdunarodnaia konferentsiia «Grammaticheskaia gibridizatsiia i sotsialnye usloviia» [International workshop «Grammatical hybridization and social conditions». Leipzig, 2014] // Voprosy iazykoznanii 3, 2015. P. 149–153].
- Конёр 2016 — Д. В. Конёр. Лексическая реализация предметного кода карашевской свадьбы // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII. 3, 2016. С. 629–649. [D. V. Konior. Leksicheskaia realizatsiia predmetnogo koda karashevskoi svad'by [Object code in Krashovani wedding vocabulary and its lexical manifestation]. Acta linguistica Petropolitana XII. 3, 2016. P. 629–649].
- Конёр 2018 — Д. В. Конёр. Лексика свадебной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. Рукопись кандидатской диссертации. [D. V. Konior. Leksika svadebnoi obriadnosti v slavianskom i rumynskom idiomakh karashevcev v istoricheskoi oblasti Banat [Wedding vocabulary in Slavic and Romanian varieties of the Banat Krashovani]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies (RAS), 2018. Manuscript of PhD dissertation].
- Конёр, Соболев 2017 — Д. В. Конёр, А. Н. Соболев. Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXI, 2017. С. 985–1001. [D. V. Konior, A. N. Sobolev. Osobennosti neravnovesnogo bilingvizma u rumynoiazychnykh karashevcev v sele Iabalcha [On some aspects of nonequilibrium

- Romanian-Slavic bilingualism in the village of Iabalcea] // *Indoevro-reiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* XXI, 2017. P. 985–1001].
- Кънчов 1900 — В. Кънчов. Македония. Етнография и статистика. София: Българ. книж. д-во, 1900. [V. Kunchov. Makedoniia. Etnografiia i statistika [Macedonia. Ethnography and statistics]. Sofia: Bŭlgarsko knizhovno druzhestvo, 1900].
- МДАБЯ 2003 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск. München: Verlag Otto Sagner, 2003. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages]. Trial volume. München: Verlag Otto Sagner, 2003].
- МДАБЯ 2005а — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры. München: Verlag Otto Sagner, 2005. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskakaia. Vol. I. Leksika dukhovnoi kultury* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. I. Spiritual culture]. München: Verlag Otto Sagner, 2005].
- МДАБЯ 2005b — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Т. I. Категории имени существительного. München: Verlag Otto Sagner, 2005. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia grammaticheskakaia. Vol. I. Kategorii imeni sushchestvitelnogo* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Grammar series. Vol. I. Noun categories]. München: Verlag Otto Sagner, 2005].
- МДАБЯ 2006 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. II. Человек. Семья. München: Verlag Otto Sagner, 2006. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskakaia. Vol. II. Chelovek. Semia* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. II. Person. Family]. München: Verlag Otto Sagner, 2006].
- МДАБЯ 2009 — А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. III. Животноводство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2009. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologicheskii atlas balkanskikh iazykov. Seriiia leksicheskakaia. Vol. III. Zhivotnovodstvo* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. III. Animal breeding]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2009].
- МДАБЯ 2010 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. IV. Ландшафт. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2010.

- [M. V. Domosiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologičeskii atlas balkanskikh iazykov. Serii leksičeskaia. Vol. IV. Landshaft* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. IV. Landscape]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2010].
- МДАБЯ 2012 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. V. Метеорология*. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2012. [M. V. Domosiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologičeskii atlas balkanskikh iazykov. Serii leksičeskaia. Vol. V. Meteorologija* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. V. Meteorology]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2012].
- МДАБЯ 2013 — А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. VI*. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013. [A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologičeskii atlas balkanskikh iazykov. Serii leksičeskaia. Vol. VI. Polevodstvo. Ogorodničestvo* [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. VI. Crop farming. Kitchen garden]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013].
- МДАБЯ 2018 — М. В. Домосилецкая (сост.), А. Н. Соболев (ред.). *Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. VII. Пчеловодство*. СПб.: Наука, 2018 (в печати). [M. V. Domosiletskaia (comp.), A. N. Sobolev (ed.). *Malyi dialektologičeskii atlas balkanskikh iazykov. Serii leksičeskaia. Vol. VII. Pčelovodstvo*. [Minor linguistic atlas of the Balkan languages. Lexical series. Vol. VII. Beekeeping]. Saint Petersburg: Nauka, 2018 (in print)].
- Милин, Радан 2002 — Ж. Милин, М. Н. Радан. *О заједничком пореклу архаичних српских говора са подручја румунског Баната («банатско-црногорски», карашевски и свинички говори) // Romanoslavica XXXVIII, 2002. P. 41–67.* [J. Milin, M. N. Radan. *O zajedničkom poreklu arhaičnih srpskih govora sa područja rumunskog Banata («Banatsko-crnogorski», karaševski i svinički govori) [On the common origin of the archaic Serbian varieties from Romanian Banat (“Banat-Montenegrin”, Crașovani and Svinița varieties)]. Romanoslavica XXXVIII, 2002. P. 41–67].*
- Морозова 2017 — М. С. Морозова. *Албанский говор или говоры Гораны? Генезис и функционирование // Вестник СПбГУ. Язык и литература 14. 2, 2017. С. 222–237.* [M. S. Morozova. *Albanski govori ili govori Gorany? Genezis i funkcionirovanie [Albanian dialect(s) of Gorana: genesis and functioning] // Vestnik of Saint Petersburg University SPbSU. Language and Literature 14. 2, 2017. P. 222–237].*

- Морозова, Русаков, в печати — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // Словѣне. В печати. [M. S. Morozova, A. Yu. Rusakov. Chernogorsko-albanskoje iazykovoje pograničie: v poiskakh «sbalansirovannogo iazykvogo kontakta» [Montenegrin-Albanian linguistic border: In search of “balanced language contact”] // Slovene. Forthcoming].
- Пешикан 1981 — М. Пешикан. Наставак -за у јужнозетским именима XV века // F. Jakopin (ured.). Četvrta jugoslavenska onomastična konferencija. Ljubljana: Slovenska Akad. Znanosti in Umetnosti, 1981. С. 419–425. [M. Pešikan. Nastavak -za u južnozetskim imenima XV veka [Suffix -za in the Southern Zeta names of the XV century] // F. Jakopin (ed.). Četvrta jugoslavenska onomastična konferencija [4th Yugoslavian Conference in Onomastics]. Ljubljana: Slovenska Akad. Znanosti in Umetnosti, 1981. P. 419–425].
- Пјанка 1970 — В. Пјанка Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје: Институт за македонскиот јазик «Крсте Мисирков», 1970. [V. Pjanka. Toponomastikata na Ohridsko-Prespanskiot bazen [Toponymy of Ohrid and Prespa region]. Skopje: Institut za makedonskiot jазик “Krstе Misirkov”, 1970].
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Универсальный грамматический набор как инструмент грамматической типологии // С. Ю. Дмитренко, А. К. Оглоблин, Н. М. Спатарь, В. С. Храковский (ред.). Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы тезисов и докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 142–145. [V. A. Plungian. Universal’nyi grammatičeskii nabor kak instrument grammatičeskoj tipologii [Universal grammar kit as a tool for grammatical typology] // S. Ju. Dmitrenko, A. K. Ogloblin, N. M. Spatar, V. S. Khrakovkij (eds.). Mezhdunarodnaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu Peterburgskoj tipologičeskoj shkoly [International conference on the 50th anniversary of the typological school in Saint Petersburg]. Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2011. P. 142–145].
- Радан 2015 — М. Н. Радан. Фонетика и фонологија карашевских говора данас. Прилог проучавању српских говора у Румунији. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, Институт за српски језик САНУ, Матица српска, 2015. [M. N. Radan. Fonetika i fonologija karaševskih govora danas. Prilog proučavanju srpskih govora u Rumuniji [Phonetics and phonology of the Krashovani today. A contribution to the study of Serbian varieties in Romania] Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu, Institut za srpski jezik SANU, Matica Srpska, 2015].

- Радан, Бошњаковић 2010 — М. Радан, Ж. Бошњаковић. Досадашња истраживања утицаја румунског језика на лексику српских говора у румунском делу Баната // Јужнословенски филолог LXVI, 2010. С. 135–161. [М. Radan, Ž. Bošnjaković. Dosadašnja istraživanja uticaja rumunskog jezika na leksiku srpskih govora u rumunskom delu Banata [Previous research of the Romanian language influence on the lexicon of Serbian speeches in the Romanian part of Banat] // Južnoslovenski filolog LXVI, 2010. P. 135–161].
- Ристески 2006 — Љ. С. Ристески. Речник на народна терминологија од Голо Брдо // А. Светиева (ред.). Живот на граница. Скопје: Институт за етнологија, 2006. С. 134–156. [Lj. S. Risteski. Rečnik na narodna terminologija od Golo Brdo [Dictionary of folk terminology in Golo Brdo] // A. Svetieva (ed.). Život na granica [Life on the Border]. Skopje: Institute of ethnology, 2006. P. 134–156].
- Ровинский 1897 — П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 2. Ч. 1. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1897. [P. A. Rovinskii. Chernogorija v ee proshlom i nastojashchem [Montenegro in its past and present]. Vol. 2. Part 1. Saint Petersburg: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk, 1897].
- Русаков 2007 — А. Ю. Русаков. Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Пробел-2000, 2007. С. 77–89. [A. Yu. Rusakov. Slavjanskiye jazyki na Balkanakh: aspekty kontaktnogo vzaimodejstviia [Slavic languages in the Balkans: aspects of contact interaction] // V. V. Ivanov (ed.). Areal'noe i geneticheskoe v strukture slavjanskih jazykov [Areal and genetic in the structure of the Slavic languages] Round table materials. Moscow: Probel-2000, 2007. P. 77–89].
- Соболев 1990 — А. Н. Соболев. Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон // Јужнословенски филолог XLVI, 1991. С. 13–28. [A. N. Sobolev. Zametki o padezhnykh sistemakh serbohorvatskikh govorov kontaktnykh zon [Notes on case systems of the Serbo-Croatian dialects in the zones of language contact] // Južnoslovenski filolog XLVI, 1990. P. 13–28].
- Соболев 2002 — А. Н. Соболев. Михай Радан. «Карашевские говоры сегодня: фонетика и фонология» // Јужнословенски филолог LVIII, 2002. С. 89–109. [A. N. Sobolev. Mihai Radan. «Karashevskie govory segodnia: fonetika i fonologija» [“Krashovani varieties today: phonetics and phonology”] // Južnoslovenski filolog LVIII, 2002. P. 89–109].
- Соболев 2011 — А. Н. Соболев. Антибалканизмы // Јужнословенски филолог LXVII, 2011. С. 185–195. [A. N. Sobolev. Antibalkanizmy [Antibalkanisms] // Južnoslovenski filolog LXVII, 2011. P. 185–195].

- Соболев 2013 — А. Н. Соболев. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Т. I: Homo balkanicus и его пространство. СПб.: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013. [A. N. Sobolev. Osnovy lingvokul'turnoi antropogeografii Balkanskogo poluostrova. Vol. I: Homo balkanicus i ego prostranstvo [Foundations of linguocultural anthropogeography of the Balkan peninsula]. Saint Petersburg: Nauka; München: Verlag Otto Sagner, 2013].
- Соболев 2015 — А. Н. Соболев. Мрковичи (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований // В. Demiraj (hrsg.). Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. Pp. 533–556. [A. N. Sobolev. Mrkovichi (i Gorana): iazyki i dialekty chernogorskogo Primor'ia v kontekste noveishikh balkanisticheskikh issledovaniy [Mrkovići (and Gorana): languages and dialects of Montenegrin Littoral in the context of the recent balkanological studies] // V. Demiraj (hrsg.). Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. P. 533–556].
- Соболев, Новик 2013 — А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). Голо Бордо (Gollobordë), Албания. СПб.: Наука; München: Otto Sagner Verlag, 2013. [A. N. Sobolev, A. A. Novik (eds.). Golo Bordo (Gollobordë), Albaniia [Gollobordë, Albania]. Saint Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner Verlag, 2013].
- Соболев, Русаков 2005 — А. Н. Соболев, А. Ю. Русаков (ред.). Языки и диалекты малых этнических групп на Балканах. СПб.: Наука, 2005. [A. N. Sobolev, A. Yu. Rusakov (eds.). Iazyki i dialekty malykh etnicheskikh grupp na Balkanakh [Languages and dialects of the minor ethnic groups in the Balkans]. Saint Petersburg: Nauka, 2005].
- Томић 1974 — М. Томић. Антропонимија Карашеваца // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XVII. 1, 1974. С. 207–240. [M. Tomić. Antroponimiја Karaševaca [The Krashovani anthroponymy] Zbornik Matice sprske za filologiju i lingvistiku XVII. 1, 1974. P. 207–240].
- Трубачев 1975 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 2 (*bez — *bratъrъ). М.: Наука, 1975. [O. N. Trubachev. Etimologicheskii slovar' slavian-skikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond. Vol. 2 (*bez — *bratъrъ) [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 2 (*bez — *bratъrъ)]. Moscow: Nauka, 1975].

- Трубачев 1984 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 11 (*копьсь — *котьна(ја)). М.: Наука, 1984. [O. N. Trubachev. Etimologičeskii slovar' slavyanskikh iazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond. Vol. 11. (*копьсь — *котьна(ја)). [Etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexicon. Vol. 11 (*копьсь — *котьна(ја))]. Moscow: Nauka, 1984].
- Филиповић 1940 — М. С. Филиповић. Голо Брдо. Скопље: Јужна Србија, 1940. [M. S. Filipović. Golo Brdo [Golo Brdo]. Skoplje: Južna Srbija, 1940].
- Юллы, Соболев 2003 — Дж. Юллы, А. Н. Соболев. Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибьр). München: Verlag Otto Sagner, 2003. [Xh. Ylli, A. N. Sobolev. Albanskii gegskii govor sela Muhurr (kraina Dibër) [Albanian gheg dialect of Muhurr (Dibër region)] München: Verlag Otto Sagner, 2003].
- Adamou 2016 — E. Adamou. A corpus driven approach to language contact: Endangered languages in a comparative perspective. Berlin: de Gruyter Mouton, 2016.
- Aikhenvald 2007 — A. Y. Aikhenvald. Grammars in Contact. A cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007. P. 1–66.
- Asenova 2001 [2016] — P. Asenova. Les interférences dans le dialecte de Golo bërdo — Albanie // П. Асенова. Избрани статии по балканско езикознание. Софија: Faber, 2016. С. 282–309. [P. Asenova. Izbrani statii po balkansko ezikoznanie [Selected papers in Balkan linguistics] Sofia: Faber, 2016. P. 282–309]
- Barth 1969 — F. Barth. Introduction // F. Barth (ed.). Ethnic groups and boundaries: The social organization of cultural difference. Bergen: Universitetsforlaget, 1969. P. 9–38.
- Beci 2007 — B. Beci. Të folmet qendrore të shqipës së veriut. Gegërishtja qendrore dhe grupimi i të folmeve të saj [The Central dialects of the North Albanian. The Central Gheg and its dialectal classification]. Tiranë: EDFA, 2007.
- Bisang 2006 — W. Bisang. Contact-induced convergence: Typology and areality // K. Brown (ed.). Encyclopedia of language and linguistics. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. P. 88–101.
- Bolonić 1966 — M. Bolonić. Seoski kaptoli u Krčkoj biskupiji [Rural chapters in the diocese of Krk] // Bogoslovska smotra 36. 1, 1966. P. 122–145.
- Buzărnescu, Pribac 2002 — Ş. Buzărnescu, S. Pribac. Sursele istorico-antropologice ale interculturalităţii interactive din Banat [Historical and anthropological sources of the interactive interculturality in Banat] // R. Poledna, F. Ruegg, C. Rus (coord.). Interculturalitate: cercetări şi

- perspective românești [Interculturality: research and perspective in Romania]. Cluj: Presa Universitară Clujeană, 2002. P. 164–177.
- Capidan 1936 — T. Capidan. Romanitatea Balcanică. Discurs rostit la 26 mai 1936 în ședința solemnă de Theodor Capidan cu răspunsul D-lui Sextil Pușcariu [The Balkan Romance. speech delivered on May 26, 1936, in the solemn hearing of Theodor Capidan, with the answer of Mr. Sextil Pușcariu]. București: Imprimeria Națională, 1936.
- Charanis 1972 — P. Charanis. The Chronicle of Manemvasia and the question of Slavonic settlements in Greece (Ch. X) // P. Charanis (ed.). Studies on the demography of Byzantine Empire. Collected studies. London: Variorum reprints, 1972. P. 141–166.
- van Coetsem 1988 — F. van Coetsem. Loan phonology and the two transfer types in language contact. Dordrecht: Foris Publications, 1988.
- Crețan, Kun, Vesalon 2014 — R. Crețan, P. Kun, L. Vesalon, From Carasovan to Croat: The “ethnic enigma” of a (re)invented identity in Romania // Journal of Balkan and Near Eastern Studies 16. 4, 2014. P. 437–458.
- Curtis 2012 — M. Curtis. Slavic-Albanian language contact, convergence, and coexistence. Dissertation presented in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the Graduate school of The Ohio State university. Ohio, 2012. Manuscript.
- Deffner 1881 — M. Deffner. Zakonische Grammatik. Bd. 1. Lautlehre. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- ERHSJ 1971–1973 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Etymological dictionary of Croatian or Serbian]. Vol. 1–3. Zagreb: JAZU, 1971–1973.
- Fedchenko 2013 — V. Fedchenko. Subdialectal diversity in the Tsakonian speaking area of Arkadia // M. Janse, B. D. Joseph, A. Ralli, M. Bagriacik (eds.). Proceedings of the 5th international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT 5). Ghent, Belgium. 20–22 September 2012. Patras: University of Patras, 2013. P. 76–88.
- Fučić 1971 — B. Fučić. Najstariji hrvatski glagoljski natpisi [The oldest Croatian Glagolitic inscriptions] // Slovo 21, 1971. P. 227–254.
- Fučić 1982 — B. Fučić. Glagoljski natpisi [Glagolitic inscriptions]. Zagreb: JAZU, 1982.
- Fučić 1988 — B. Fučić. Glagoljski natpisi. Dopune 1, 2, 3, 4, 5, 6 [Glagolitic inscriptions. Additions 1, 2, 3, 4, 5, 6] // Slovo 38, 1988. P. 63–73.
- Galović 2013 — F. Galović. Romanski elementi u nazivlju odjevnih predmeta, obuće i modnih dodataka u milnarskome idiomu [Roman loanwords in the terminology of garments, footwear, and accessories in Milna’s idiom] // Čakavska rič XLI. 1–2, 2013. P. 159–188.
- Gjinari, et al. 2007–2008 — J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe [Dialectological atlas of Albanian].

- Vol. I–II. Napoli-Tiranë: Università degli studi di Napoli l'Orientale-Akademia e shkencave e Shqipërisë, 2007–2008.
- Hallig, Wartburg 1963 — R. Hallig, W. von Wartburg. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1963.
- Hinrichs 2004 — U. Hinrichs. Südosteuropa-Linguistik und Kreolisierung // Zeitschrift für Balkanologie. 40. 1, 2004. S. 17–32.
- Hurezan, Colta 2002 — P. Hurezan, E. R. Colta (red.). Interetnicitate în Europa Centrală și de Est [Interethnicity in Central and Eastern Europe]. Lucrările Simpozionului Internațional Interdisciplinar [Works presented at the International Interdisciplinary Symposium]. Arad: Complexul Muzeal Arad, 2002.
- Hurren 1969 — H. A. Hurren. Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian // La linguistique 5(2), 1969. P. 59–90.
- Kahl 2005 — Th. Kahl. Ethnische Gruppen in der Republik Makedonien und ihre demographischen Eigenschaften // G. Schubert (hrsg.). Forschungen zu Südosteuropa: Makedonien. Prägungen und Perspektiven. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 57–81.
- Lafe, et al. 2008 — E. Lafe, Y. Popa, A. Bërxfholi, J. Bullo, L. Omari, K. Prifti, E. Sulstarova (red.). Fjalor enciklopedik shqiptar [Encyclopedic dictionary of Albanian]. Vol. I. A–Gj. Tiranë: Akademia e Shkencave, 2008.
- Makarova 2017 — A. L. Makarova. On the Macedonian perfect(s) in the Balkan context // Zeitschrift für Slawistik. 62(3), 2017. S. 387–403.
- Makartsev, Wahlström (eds.) 2016 — M. Makartsev, M. Wahlström (eds.). In search of the center and periphery: Linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans. Helsinki: University of Helsinki, 2016.
- Margetić 2012 — L. Margetić (ured.). Srednjovjekovni zakoni i opći akti na kvarneru [Medieval codes of laws and official acts in the Kvarner region]. Zagreb-Rijeka: Nakladni zavod Globus-Naklada Kvarner, Pravni fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2012.
- Margetić, Strčić 1988 — L. Margetić, P. Strčić (ured.). Krčki (Vrbanski) statut iz 1388 [The Krk (Vrbnik) Statute from 1388] // Krčki zbornik 10. 12, 1988.
- Melissaropoulou, in progress — D. Melissaropoulou. Morphological innovations in Propontis Tsakonian // A. Ralli (ed.). Morphology in Asia Minor dialects. Brill. In progress.
- Memushaj 2011 — R. Memushaj. Fonetika e shqipes standarde [Phonetics of Standard Albanian]. Tiranë: TOENA, 2011.
- Metanović 2012 — M. Metanović. Istorija Mrkojevića [History of the Mrkojevići] // Nevladina organizacija Mrkojevići [Non-state organization Mrkojevići]. 2012. [Online resource]. URL: <http://mrkojevici.me/istorija.html> (Access date 20.04.2018).
- Michaelis, Haspelmath 2014 — S. M. Michaelis, M. Haspelmath. Introductory remarks. Grammatical hybridization and social conditions. Workshop.

- Leipzig 16–18 October 2014. [Online resource]. URL: <http://www.eva.mpg.de/linguistics> (Access date 08.03.2015).
- Mihaljević 2011 — M. Mihaljević. Položaj crkvenoslavenskoga jezika u hrvatskoj srednjovjekovnoj kulturi [The position of the Church Slavonic language in Croatian medieval culture] // И. Велев, А. Гиревски, Л. Макаријоска, И. Пиперкоски, К. Мокрова (ред.). Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Свети Наум Охридски и словенската духовна, културна и писмена традиција» (организиран по повод на 1100-годишнината от смртта на св. Наум Охридски). Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2011. С. 229–238. [I. Velev, A. Girevski, L. Makarijoska, I. Piperkoski, K. Mokrova (red.). Zbornik na trudovi od Međunarodniot nauchen sobir «Sveti Naum Okhridski i slovenskata dukhovna, kulturna i pismena traditsija» (organiziran po povod na 1100-godishninata ot smrtta na sv. Naum Okhridski) [Proceedings of the International scientific gathering «St. Naum of Ohrid and the Slavic spiritual, cultural and written tradition» (organized on the occasion of the 1100th anniversary of the death of St. Nahum of Ohrid)]. Skopje: Univerzitet «Sv. Kiril i Metodij», 2011. P. 229–238].
- Morozova, forthcoming — M. Morozova. Language contact in social context: Kinship terms and kinship relations of the Mrkovići in southern Montenegro // Journal of language contact. Forthcoming.
- Muljačić 1967 — Ž. Muljačić. Die slavisch-romanische Symbiose in Dalmatien in struktureller Sicht // Zeitschrift für Balkanologie V. 1, 1967. S. 51–70.
- Muysken 2013 — P. Muysken. Language contact as the result of bilingual optimization strategies // Bilingualism: Language and Cognition 16, 2013. P. 709–730.
- Nexhipi 2013 — R. Nexhipi. Prespa dhe Manastiri nëpër shekuj [Prespa and Monastir (Bitola) through centuries]. Kërçove: Feniks, 2013.
- Novik, Sobolev 2016 — A. Novik, A. Sobolev. Traditional wedding costume of the Mrkovići in Montenegro: between real heritage and folk construction (materials of the Russian expeditions in 2012–2014) // Folklore 66, 2016. P. 15–36.
- Oblak 1896 — V. Oblak. Mazedonische Studien. Wien: Gerold, 1896.
- Osmani 1996 — Z. Osmani. E folmja shqipe e Prespës [The Albanian dialect of Prespa]. Shkup: Flaka e vëllazërimit, 1996.
- Papahagi 1974 — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic [General and etimologic of Aromanian]. II-e éd. augmentée. București: Editura Academiei, 1974.
- Pulaha 1968 — S. Pulaha. Kopja e defterit të sanxhakut të Dibrës [A copy of the register of the Sanjak of Dibra] // S. Pulaha. Lufta shqiptaro-turke

- në shekullin XV. Burime osmane [Albanian-Turkish wars in the XVth century. The Ottoman sources.]. Tiranë, 1968. P. 326–374.
- Pulaha 1974 — S. Pulaha. Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485 [Register of the Sanjak of Scutari of the year 1485]. Tiranë: Akademia e shkencave e RP të Shqipërisë, 1974.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Europe and North Asia (Ch. 3) // C. Moseley (ed.). Encyclopedia of the world's endangered languages. London; New York: Routledge, 2007. P. 211–280.
- Sankoff, et al. 1990 — D. Sankoff, Sh. Poplack, S. Vanniarajan. The case of the nonce loan in Tamil // Language Variation and Change 2. 1, 1990. P. 71–101.
- Schmitt 2009 — O. J. Schmitt. Skanderbeg. Der neue Alexander auf dem Balkan. Regensburg: Pustet, 2009.
- Simić, Ostojić 1996 — R. Simić, B. Ostojić. Osnovi fonologije srpskog književnog jezika [Basics of phonology of the Serbian literary language]. Beograd: Univerzitet u Beogradu, 1996.
- Skok 1950 — P. Skok. Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima: Toponomastička ispitivanja [Slavic and Romance elements in the Adriatic islands: Studies in toponymy]. Vol. 1. Zagreb: JAZU, 1950.
- Sobolev 2008 — A. N. Sobolev. On some Aromanian grammatical patterns in the Balkan Slavonic dialects // B. Sikimić, T. Ašić (eds.). The Romance Balkans. Belgrade: Balkanološki institut SANU, 2008. P. 113–121.
- Sobolev 2018 — A. N. Sobolev. Hybrid grammar in a Macedonian dialect in Albania // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXII, 2018. С. 1248–1255. [Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija XXII, 2018. P. 1248–1255].
- Spicijarić Paškvan 2014 — N. Spicijarić Paškvan. Dalmatski (veljotski) i mletački utjecaji u govorima otoka Krka [Dalmat (Veljot) and Venetian influences in the dialects of the Krk island] // Krčki zbornik 70, 2014. P. 71–88.
- Strčić 1988 — P. Strčić. Prilog za sintezu povijesti otoka Krka (s izborom literature) [A contribution to the historical synthesis of the island of Krk (with selected bibliography)] // Arhivski vjesnik 31/32, 1988. P. 31–52.
- Tadmor 2009 — U. Tadmor. Loanwords in the world's languages: Findings and results // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). Loanwords in the world's languages: a comparative handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. P. 55–75.
- Tekavčić 1976 — P. Tekavčić. O kriterijima stratifikacije i regionalne diferencijacije jugoslavenskog romanstva u svjetlu toponomastike [On the criteria of stratification and regional differentiation of Yugoslavian romance in the light of toponomastics] // Onomastica Jugoslavica 6, 1976. P. 35–56.

- Thomason, Kaufman 1988 — S. G. Thomason, T. Kaufman. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Tzitzilis 2013 — C. Tzitzilis. Archaisms in Modern dialects // G. K. Giannakis, V. Bubenik, E. Crespo, C. Golston, A. Lianeri, S. Luraghi, S. Matthaios (eds.). Encyclopedia of Ancient Greek language and linguistics. 2013. [Online resource]. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2214-448X_eagll_COM_00000034 (Access date: 13.07.2016).
- Ylli, Steinke 2008 — Xh. Ylli, K. Steinke. Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil Golloborda — Herbel — Kërçishtit i Epërm. München: Verlag Otto Sagner, 2008.
- Αντωνάκατου, Μαύρος 1980 — N. Αντωνάκατου, T. Μαύρος. Ἐνα ἀσκητήριο τῆς Ἀρκαδίας. Ἡ Παναγία στὴ Ζαγγόλη τῆς Τσακόνικης Σίταινας // Χρονικά των Τσακόνων Έ, 1980. Σ. 45–47. [N. Antonakatu, T. Mauros. Ena asketerio tes Arkadias. E Panagia te Zangole tes Tsakonikes Sitainas [A hermitage in Arcadia. Virgin of Zangoli in Tsakonian Sitena] // Tsakonian Chronicles 5, 1980. P. 45–47].
- Βαγενᾶς 1974 — Θ. Κ. Βαγενᾶς. Ἡ συλλογὴ Τσακόνικων τοπωνυμίων // Χρονικά των Τσακόνων Δ', 1974. Σ. 155–156. [Th. K. Vagenas. E sylloge Tsakonikon toponymion [Collection of Tsakonian toponyms] // Tsakonian Chronicles 4, 1974. P. 155–156.
- Κισιλιέρ, Μερτύρης 2018 — Μ. Κισιλιέρ, Δ. Μερτύρης. Περί τῆς γενικῆς στα Τσακόνικα // Χρονικά των Τσακόνων ΚΓ'.2, 2018. Σ. 219–242. [M. Kisilier, D. Mertyris. Peri tes genikes sta Tsakonika [M. Kisilier, D. Mertyris. About genitive in Tsakonian] // Tsakonian Chronicles, 22.2. 2018. P. 219–242].
- Κοντοσόπουλος 2001 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Διάλεκτοι και ιδιώματα τῆς νέας ἐλληνικῆς. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη, 2001. [N. G. Kontosopoulos. Dialektoi kai idiomata tis neas ellenikes [Dialects and idioms of Modern Greek]. Athens: Grigoris books, 2001].
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. Κατωϊταλικὴ και Τσακόνικη // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιμ.). Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσας. Αθήνα: Μορφωτικὸ Ἰδρυμα Ἐθνικῆς Τράπεζας, 2010. Σ. 190–192. [N. G. Kontosopoulos. Katoitalike kai Tsakinike [Griko and Tsakonian] // Μ. Ζ. Kopidakis (ed.). Istoría tes Ellenikes glossas [History of Modern Greek]. Athens: National Bank of Greece Cultural Foundation, 2010. P. 190–192].
- Κωστάκης 1986α — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικὸ τῆς Τσακόνικης διαλέκτου. Τ. Ι (Α–Ι). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. I (A–I). Athens: Academy of Athens, 1986].

- Κωστάκης 1986b — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό της Τσακόνικης διαλέκτου. Τ. ΙΙ (Κ–Ο). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1986. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. ΙΙ (Κ–Ο). Athens: Academy of Athens, 1986].
- Κωστάκης 1987 — Θ. Π. Κωστάκης. Λεξικό της Τσακόνικης διαλέκτου. Τ. ΙΙΙ (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, 1987. [Th. P. Costakis. Lexiko tes Tsakonikes dialektou [Dictionary of Tsakonian]. Vol. ΙΙΙ (Π–Ο). Athens: Academy of Athens, 1987].
- Λιώσης 2007 — Ν. Λιώσης. Γλωσσικές επαφές στη Νοτιοανατολική Πελοπόννησο. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτελείο Πανεπιστήμιο, Θεσσαλονίκη, 2007. [N. Liosis. Glossikes eraphes sti Notioanatolike Peloponneso [Language contacts in South Eastern Peloponnese]. PhD thesis, Aristotle university of Thessaloniki, Thessaloniki, 2007].
- Λυσίκατος 1980 — Σ. Λυσίκατος. Μελανιώτικα τοπωνύμια // Χρονικά των Τσακόνων Έ, 1980. Σ. 177–184. [S. Lysiktos. Melaniotika toponymia [Toponyms of Melana] // Tsakonian Chronicles 5, 1980. P. 177–184]
- Σαρρής 1956 — Θ. Σαρρής. Περί Τσακόνων και Τσακωνιάς // Χρονικά των Τσακόνων Α΄, 1956. Σ. 25–28. [Th. Sarres. Peri Tsakonon kai Tsakonias [About Tsakonians and Tsakonia] // Tsakonian Chronicles 1, 1956. P. 25–28]
- Χαραλαμπίδης 1980 — Ά. Λ. Χαραλαμπίδης. Φωνολογική ανάλυση τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1980. [A. L. Charalampopoulos. Phonologike analyse tes Tsakonikes dialektou [Phonological analysis of Tsakonian dialect]. PhD thesis, Aristotle university of Thessaloniki, Thessaloniki, 1980].

М. А. Овсянникова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

РЕЦЕНЗИЯ

Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.

В книге Н. Р. Добрушиной «Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики» представлено детальное описание контекстов, содержащих частицу *б(ы)* (полный и сокращенный варианты частицы в основном не противопоставляются). В этом исследовании широкий круг употреблений частицы *бы* впервые рассматривается на корпусном материале (НКРЯ) с систематической опорой на их частотные характеристики.

Обобщая исследования автора, посвященные формальным и семантическим свойствам различных конструкций с частицей *б(ы)*, см. [Добрушина 2015, 2016; Dobrushina 2012] и др., книга дополняет их еще одним важным компонентом: значительное внимание уделяется соотношению свойств этих конструкций, синхронным и диахроническим связям, существующим между ними. Благодаря этому создается целостная картина употреблений частицы *бы*, которая в заключительных разделах отдельных глав и книги в целом подвергается осмыслению с точки зрения функционально-типологических представлений о моделях полисемии и диахроническом развитии ирреальных конструкций.

К сослагательному наклонению в исследовании отнесены не только употребления частицы *бы* с формой прошедшего времени (формой на *-л*), но и сочетания с инфинитивами, предикативами и существительными. Для выделения круга конструкций, которые попадают в рамки рассмотрения, автор использует два формальных критерия: дистрибуцию форм в данном контексте с частицей *бы* и возможность повторения частицы (с. 7, 164–170). Согласно

первому из этих критериев, сослагательным наклонением не считаются употребления частицы *бы* в составе таких единиц, при которых регулярно возможны не только форма прошедшего времени, инфинитив и предикатив. Второй критерий заключается в том, что, когда частица *бы* служит показателем сослагательного наклонения, она может повторяться при сочиненных предикатах, находящихся в его сфере действия. В результате применения этих критериев за рамками рассмотрения остаются лишь употребления частицы *бы* в составе лексикализованных сочетаний типа *вроде бы*, *будто бы*, ср. примеры с разными с точки зрения этих критериев сочетаниями *хоть бы* и *хотя бы* (1)–(2) (в тексте книги — (4) и (6), с. 7, здесь и далее сохранено выделение автора).

- (1) **Хотя бы надень свитер и возьми бы с собой куртку.*
- (2) *Хоть бы он взял с собой куртку и надел бы свитер.*

В рамках сослагательного наклонения в этом расширенном понимании центральное место занимают употребления с формой прошедшего времени. Центральным значением русского сослагательного наклонения считается контрфактивное — согласно данным исследования, самое частотное для независимых предикаций с формой прошедшего времени (с. 14), см. (3) (в тексте — (42), с. 36).

- (3) *В прошлом году классику бразильской литературы исполнилось бы 90 лет, но за год до этого он скончался...*
[«Известия», 2003.02.06]

Сочетания же с инфинитивом и особенно с предикативами рассматриваются как периферийные (их статус подробно обсуждается на с. 139–143). С точки зрения дистрибуции по контекстам их периферийность заключается в ограниченном использовании в подчиненных клаузах, особенно — в случае сочетаний с предикативами. С семантической точки зрения сочетания с инфинитивом и с предикативами также отличаются от сочетаний с формой прошедшего времени: независимые клаузы с формой прошедшего времени и частицей *бы* преимущественно описывают контрфактивные ситуации и гораздо реже имеют желательное значение, см. (4)=(129), с. 58, которое с точки зрения частотности является основным для независимых клауз с частицей *бы* при инфинитиве

(5)=(225), с. 82, и единственным — для сочетаний частицы *бы* с предикативами.

(4) *Если бы мы перед этой трудностью стояли вдвоём!*
[И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний (1995)]

(5) *Тебе, я вижу, лишь бы переезжать на новые квартиры.*
[Василий Аксенов. Таинственная страсть (2009)]

Кроме того, употребление частицы *бы* при предикативах значительно ограничено лексически: в подавляющем большинстве контекстов в таких сочетаниях выступают предикативы, содержащие компонент положительной оценки и обозначающие желание или необходимость, такие как *хорошо, нужно, пора* (с. 112–114). Несмотря на эти отличия сочетаний частицы *бы* с инфинитивом и с предикативами от центральных употреблений сослагательного наклонения, они включаются в сослагательное наклонение, и автор объясняет такое решение их частотностью (с. 139). И инфинитивы, и предикативы используются с частицей *бы* гораздо реже, чем форма прошедшего времени: в целом в клаузах с сослагательным наклонением формы прошедшего времени составляют около 90%, инфинитивы — около 5%, предикативы — 2–3% (согласно данным, приведенным на с. 31, 77, 112). Тем не менее еще реже частица *бы* встречается при некоторых других формах: причастиях (кратко обсуждаются на с. 254–258), деепричастиях (с. 6), формах императива (которые иногда употребляются с частицей *бы* в протазисе условных конструкций, см. [Hacking 1998: 40]).

Как видно уже из этого обсуждения статуса сочетаний частицы *бы* с разными классами форм, важной составляющей исследования являются данные о частотных распределениях конструкций с частицей *бы* с точки зрения различных параметров. Эти данные приводятся не просто в дескриптивных целях или для подтверждения обобщений, сделанных на независимых основаниях, — из этих частотных распределений и вырастает представление о грамматической семантике сослагательного наклонения, на создание которого нацелено исследование. На более частном уровне, описание отдельной конструкции заключается в выявлении типичных, наиболее частотных условий ее использования, обнаружении таких грамматических свойств, которые с ней связаны абсолютно или статистически, а также ограничений на лексическую

сочетаемость, в некоторых случаях — условий вариативности компонентов конструкции. При этом обсуждение свойств той или иной конструкции или различий между конкурирующими вариантами в чисто семантическом ключе в книге играет второстепенную роль: семантические свойства выводятся из употребления. Показательна следующая цитата, предвещающая обсуждение выбора между сослагательным наклонением и индикативом в протазисе условно-уступительных конструкций, как в (6)=(731):

Поскольку сослагательное наклонение может быть заменено на индикатив без изменения смысла, приписать особое значение сослагательному наклонению в таком контексте невозможно, но можно описать условия, при которых его употребление более или менее предпочтительно, и объяснить, почему сослагательное наклонение оказывается в числе средств оформления таких придаточных (с. 222).

- (6) *Куда бы отец ни уезжал, она его находила везде. = Куда отец ни уезжал, она его находила везде.*

Тот подход к описанию семантики, который продемонстрирован в книге, не предполагает и создания излишне дробных семантических классификаций. Так, выделяется только два семантических типа независимых конструкций с инфинитивом: контрфактивные (7) и желательные (5).

- (7) *Хорошо, что я сумел немного задержать его падение — иначе не **миновать бы** ему морского купания.*

[Олег Глушкин. Вавилон (1990–1999)]

Употребления второго из этих типов в некоторых случаях имеют желательное значение, в других — скорее значение необходимости, см. существенно более дробные семантические классификации инфинитивных конструкций этого типа в [Israeli 2014; Дымарский 2015]. Тем не менее, в книге Н. Р. Добрушиной независимо от частного модального значения все такие конструкции рассматриваются как единый тип, «поскольку эти оттенки различаются очень слабо и вне контекста практически каждый случай может быть интерпретирован несколькими способами» (с. 83). Таким образом, семантические типы выделяются лишь в тех случаях, когда они могут быть четко разграничены.

Наиболее существенная из семантических классификаций, используемых в исследовании, противопоставляет контрфактивные, гипотетические (включая желательные) и реальные ситуации (подробное обсуждение этих значений представлено на с. 14). В целом же большинство рассматриваемых признаков имеют отчетливое формальное проявление; это, в частности, грамматические категории (лицо субъекта, наклонение и время глагола), порядок слов, положение частицы *б(ы)* и ее наличие, наличие глагола-связки (для конструкций с предикативами) и т. п.

Очень важным для того взгляда на сослагательное наклонение, который избран в книге, является противопоставление употреблений частицы *б(ы)* в независимых клаузах и в придаточных. Из трех частей книги первая является вводной, а вторая и третья посвящены соответственно употреблением в независимых клаузах и в придаточных.

Для описания независимых клауз с частицей *б(ы)* Н. Р. Добрушина вводит противопоставление повествовательных, диалогических реальных и диалогических желательных употреблений. Повествовательные употребления не привязаны к ситуации речи и могут использоваться при любом дискурсивном режиме — и в диалоге, и в нарративе. Сослагательное наклонение в них используется для того, чтобы маркировать ирреальность ситуации, см. (3) выше. Диалогические употребления обоих типов возможны в диалогическом режиме, предполагающем наличие канонической коммуникативной ситуации, в которой присутствуют говорящий и слушающий [Падучева 1996: 286], или при имитации такого режима. В диалогических реальных употреблениях частица *б(ы)* при форме прошедшего времени служит не для маркирования ирреальности ситуации, а для смягчения категоричности (8), и в них замена сослагательного наклонения на индикатив не приводит к изменению смысла предложения.

(8) ***Я бы рекомендовал** начать лечение избыточного веса или ожирения с консультации у врача-диетолога.*

[М. М. Гурвич. Модные и новомодные диеты // «Наука и жизнь», 2007]

В употреблениях этого типа в основном выступают глаголы, обозначающие различные коммуникативные действия (например,

посоветовать, попросить, прокомментировать), во многих случаях они используются перформативно.

К диалогическим относятся и упоминавшиеся выше желательные употребления: с формой прошедшего времени (4), с инфинитивом (5), с предикативами и с существительными (9).

- (9) *Петьку бы на моё место! — сердито подумал я.*
[Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Большое внимание в этой части уделяется употреблению частицы *бы* при модальных словах. В двух разделах главы о диалогических реальных употреблениях рассматриваются глагол *мочь* и особенно часто встречающиеся в примерах этого типа глаголы *хотеть* и *хотеться* (10)=(84), с. 47.

- (10) *Хотел бы обратить особое внимание читателей на шахматные методы защиты Петера.*
[«64 — Шахматное обозрение», 2004.11.15]

Не относящиеся к диалогическим реальным употреблениям частицы *бы* при глаголах *хотеть* и *хотеться* автор рассматривает как повествовательные ирреальные (с. 50–51), в частности пример (11)=(101), с. 51.

- (11) *Они бы и хотели разобраться, что к чему, за что они платят, да не так-то это оказалось просто.*
[«Домовой», 2002.08.04]

Тем не менее, представляется, что, хотя диалогический режим в данном случае действительно не предполагается, ситуация ‘хотеть’, вопреки анализу автора, здесь не является ирреальной — речь идет о желании или намерении, существовавшем в прошлом, но не реализованном, ирреальный статус имеет лишь ситуация ‘разобраться’. Реальный статус ситуации ‘хотеть’ можно показать, прибегнув к замене сочетания с частицей *бы* на форму прошедшего времени индикатива, ср. (11’).

- (11’) *Они хотели разобраться, что к чему, за что они платят, да не так-то это оказалось просто.*

Как кажется, такие примеры с глаголом *хотеть* скорее уместно было бы рассматривать наряду с другим типом контекстов с модальными словами и частицей *бы*, которым полностью

посвящена глава 6 (глаголы *хотеть* и *хотеться* в этой главе не упоминаются). В этих контекстах синонимичными оказываются форма сослагательного наклонения и индикатива, притом что диалогического режима очевидно не наблюдается, ср. (12)=(455), с. 145.

- (12) **Мог бы** [ОК: *мог*], *конечно, разбудить всех и занять свое место, но решил не связываться.*

[Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]

Как и модальные слова, перечисленные в главе 6, с. 144, глагол *хотеть* демонстрирует синонимию сослагательного наклонения и индикатива в независимых клаузах вне условных конструкций, см. (11)–(11'), и в аподозисе условных конструкций (13), хотя такие примеры, по-видимому, и являются маргинальными, ср. пример (14)=(473), с. 148, с глаголом *мочь*, который приведен в книге.

- (13) *Фадеев <...> заметил, что Зоценко, конечно, **хотел** придумать другой конец, **если бы** не боялся НКВД.*

[Григорий Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003]

- (14) **Если бы** в мои планы входило украсть что-нибудь, я **мог** вынести даже прилавок.

[Андрей Геласимов. Год обмана (2003)]

Таким образом, возможно, особым поведением с частицей *бы* отличаются не только модальные предикаты с семантикой возможности и необходимости, обсуждаемые автором, но и по крайней мере некоторые модальные слова со значением желания.

Противопоставление диалогических и повествовательных употреблений частицы *бы*, существенное для организации первой части книги, позволяет представить употребления сослагательного наклонения в независимых клаузах в виде ясной системы. Кроме того, это противопоставление выявляет один из аспектов соотношения независимых клауз и придаточных с частицей *бы*. Одно из эмпирических обобщений исследования заключается в том, что сочетания частицы *бы* с инфинитивами и особенно с предикативами и существительными гораздо более ограниченно употребляются в придаточных, чем сочетания с формой прошедшего времени. Это различие связывается с тем, что инфинитивы,

предикативы и существительные с частицей *бы* в основном используются в диалогических желательных употреблениях, т. е. обладают иллюкутивной силой, реализующейся в диалогическом режиме. В то же время, известно, что в придаточных иллюкутивные значения часто не могут выражаться, см. [Lehmann 1988: 193; Verstraete 2005: 613]. Таким образом, эмпирические факты, основанные на частотных распределениях и грамматических свойствах, получают интерпретацию в терминах связей между независимыми и придаточными клаузами с частицей *бы*.

В целом выстраиваемая Н. Р. Добрушиной система употреблений сослагательного наклонения опирается на идею о том, что семантика сослагательного наклонения в наиболее чистом виде представлена именно в независимых употреблениях, поскольку в придаточных на нее могут накладываться семантические эффекты, связанные с определенным типом полипредикативной конструкции или значением матричного глагола (с. 11). Описав употребления в независимых клаузах, можно затем проследить, насколько свойства разных типов независимых клауз с сослагательным наклонением параллельны употреблением в сложных предложениях. На основании такого сопоставления можно выделить «семантические» и «синтаксические» употребления сослагательного наклонения в придаточных. Семантические употребления — такие, в которых использование частицы *б(ы)* обусловлено свойствами той ситуации, которую описывает содержащая ее клауза, и соответствует одному из типов употреблений в независимых клаузах. Синтаксическими называются такие употребления частицы *бы*, которые связаны со свойствами сложноподчиненной конструкции и не обладают явной семантической общностью с каким-либо из типов употреблений в независимых клаузах (с. 11, 353–362).

Так, некоторые употребления сослагательного наклонения в относительных придаточных, рассматриваемых в главе 9 третьей части, являются семантическими, — как и в независимых клаузах, они могут быть контрфактивными (15)=(781), с. 238, диалогическими реальными или диалогическими желательными (16)=(789), с. 239.

(15) *Из этих овощей мы получаем витамин К, без которого кровь **перестала бы** сворачиваться.*

[«100 % здоровья», 2003.01.15]

- (16) *Так вот пойдй угадай: был какой-то диссидентствующий долговязый студент, **которого заслать бы** подальше, куда-нибудь в Якутию, да и с концами.*

[А. И. Солженицын. На изломах (1996)]

Однако более чем в половине относительных придаточных с сослагательным наклонением его употребление можно считать синтаксическим (с. 240). Обязательным свойством таких конструкций является нереферентность вершины относительной клаузы — контекст не предполагает, что данный объект существует, ср. (17)=(801), с. 244, и (18)=(822), с. 248. Главная клауза в конструкциях такого типа часто содержит отрицание, в том числе имплицитное (17), глаголы, которые склонны употребляться с нереферентными объектами (*искать, ждать, мечтать* и т. п.), модальные слова (18) и т. п. Таким образом, использование сослагательного наклонения в этом типе относительных придаточных связано прежде всего со свойствами главной клаузы, а не с семантикой ситуации, которую описывает само придаточное, поэтому такой тип употреблений следует относить к синтаксическим.

- (17) *У одних **дефицит** специалистов-экономистов, у других — пиарщиков, которые **бы «донесли»** сложные выкладки до избирателя...* [«Известия», 2003.06.24]

- (18) *И **надо взять** такую жену, которая хорошо **держала бы** тебя в руках.* [Аркадий Львов. Двор (1981)]

В некоторых типах придаточных сослагательное наклонение употребляется только синтаксически. К такому типу относятся, в частности, придаточные, вводимые союзом *чтобы* (глава 10). Они в свою очередь делятся в книге на придаточные целевого типа и придаточные эпистемического типа (с. 323). К первому типу, помимо собственно целевых конструкций, относятся также дополнительные придаточные целевого типа, заместительные придаточные и т. н. дополнительные придаточные ирреального следствия (19)–(21) (примеры (909), (435) и (1068), с. 279, 137, 308, соответственно).

- (19) *Всю жизнь мама **мечтала, чтобы** ее сын стал пожарником.* [Юрий Никулин. Как я стал клоуном (1979)]

- (20) *Однако при этом оказалось, что листочки отклонились ещё больше, **вместо того чтобы приблизиться** друг к другу.*
[Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7–9 кл. (2003)]
- (21) *Сначала звёзды надо было обстукать веником, да **так осторожно, чтобы** случайно не сбить с неба.*
[Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]

Все придаточные целевого типа описывают такие ситуации, осуществление которых зависит от воли или свойств участника главной клаузы: этот участник заинтересован в ее реализации (в целевых конструкциях, при предикатах желая), каузирует эту ситуацию (при предикатах достижения и манипуляции) или влияет на ее осуществление (придаточные ирреального следствия). Временная референция таких придаточных зависит от временной референции главной клаузы.

К придаточным с союзом *чтобы* эпистемического типа относятся две группы придаточных: дополнительные придаточные эпистемического типа (22)=(990), с. 292, и редкие причинные клаузы с союзами *не потому чтобы, не оттого чтобы* (23)=(1051), с. 305.

- (22) *Я совершенно **не помнил, чтобы** когда-нибудь кого-нибудь просил о чем-то подобном.*
[Виктор Пелевин. Омон Ра (1992)]
- (23) *Это **не оттого, чтобы** я скучал, напротив, я весьма, весьма доволен своим времяпровождением.*
[П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк (1883)]

Контексты с придаточными этого типа не предполагают вовлеченности участника главной клаузы в ситуацию, описываемую придаточным, — их общим свойством является оценка истинности ситуации, описываемой придаточным. Обычно эта ситуация оценивается как маловероятная. Примеры такого типа часто содержат отрицание или наречия, указывающие на редкость или маловероятность ситуации. Такие придаточные имеют независимую временную референцию.

Подобным образом в третьей части книги последовательно обсуждаются различные типы придаточных, в которых встречается частица *бы*, а также аподозис условных конструкций,

который является главной клаузой, однако, как показано в книге, обладает особыми свойствами.

Как видно из обсуждения двух из рассматриваемых автором типов придаточных, синтаксическое употребление сослагательного наклонения может быть обусловлено разными условиями, связанными со свойствами главной клаузы или полипредикативной конструкции в целом. Важно, что в каждом случае они создаются не в рамках той ситуации, которая описывается придаточным с сослагательным наклонением, а за ее пределами.

В главе 12 подводятся итоги обсуждения придаточных разных типов в свете противопоставления семантических и синтаксических употреблений. Помимо индивидуальных свойств придаточных разных типов, в этой главе подробно рассматриваются два параметра, с точки зрения которых могут быть сопоставлены все или почти все типы придаточных с сослагательным наклонением: набор допустимых форм (форма прошедшего времени, инфинитив, предикатив) и позиция частицы *бы* по отношению к союзу (или союзному слову). Согласно приведенному в книге обобщению, форма прошедшего времени возможна во всех, инфинитив — почти во всех типах придаточных (но при этом его использование определяется синтаксическими причинами — ко-референтностью субъектов главной и зависимой клауз, а не желательной семантикой зависимого), предикативы — почти только при семантическом употреблении сослагательного наклонения (с. 371–372), как в примере (24)=(1337), с. 370.

(24) — *А что, ты тоже думаешь, что ему лучше бы умереть красивым, двадцатидвухлетним?*

[Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]

Между позицией частицы *бы* по отношению к союзу и классификацией типов придаточных в целом наблюдается следующая связь (с. 383): при синтаксическом употреблении сослагательного наклонения частица *бы* обычно располагается сразу после союза (25)=(1383), с. 380; в придаточных, где сослагательное наклонение употреблено семантически, дистантное расположение частицы *бы* по отношению к союзу является предпочтительным или единственно возможным, как в (24).

(25) *Он только и мечтает, как бы ему помогли.*

С точки зрения этих двух параметров особыми свойствами обладают два типа придаточных, в которых в целом употребление частицы *бы* рассматривается как синтаксическое: протазис условных конструкций, где допустимо употребление предикативов (26)=(1309), с. 366, а также возможно дистантное расположение частицы *бы* и союза, и дополнительные придаточные эпистемического типа, где частица *бы* также может располагаться дистантно (27)=(1022), с. 297. Таким образом, эти два типа придаточных оказываются несколько ближе к случаям семантического употребления сослагательного наклонения, чем другие синтаксические употребления.

(26) *Если бы можно, я бы вас попросила убрать в двух или трех случаях.*

[Аркадий Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001]

(27) *Не думаю, что бизнес стал бы вкладывать деньги в разоренную организацию.*

В главе 12 обсуждавшиеся в третьей части употребления сослагательного наклонения в придаточных выстраиваются вокруг противопоставления семантических и синтаксических употреблений и получают интерпретацию в свете типологических сведений об эволюции ирреальных конструкций от семантических употреблений к синтаксическим. В большой степени это итоговое обсуждение и объединяет описания аспектов употребления отдельных типов придаточных, задает определенную перспективу предшествующему изложению. В самих же главах, посвященных отдельным типам придаточных, интерпретации с точки зрения этой основной идеи исследования часто не хватает. Противопоставление семантических и синтаксических употреблений сослагательного наклонения вводится в первой части, на с. 11, но подробного пояснения того, как определяется каждый из этих типов, не дается. В дальнейшем оно опять же упоминается скорее мимоходом (с. 122, 127, 138), со ссылкой на обобщающую главу 12. Единственный тип придаточных, для которых непосредственно в описании последовательно проводится противопоставление семантических и синтаксических употреблений сослагательного наклонения, — это относительные придаточные (см. изложение основных обобщений

главы 9 выше). Развернутое определение семантического и синтаксического употреблений сослагательного наклонения читатель впервые встречает, как кажется, лишь в заключительной главе, на с. 354. Если бы эта перспектива более отчетливо поддерживалась по ходу изложения результатов, эмпирические факты и обобщения, представленные в книге, сложились бы в более стройную картину, было бы яснее, какие из них автор считает укладываемыми в противопоставление семантических и синтаксических употреблений, какие — просто побочными результатами последовательного описания того или иного типа конструкций. Так, описанные выше целевой и эпистемический типы придаточных с союзом *чтобы* в разделе 10.8 рассматриваются в свете представлений о степени зависимости придаточной клаузы: частица *бы* в первом типе придаточных является связанной, в то время как во втором демонстрирует большую свободу (с. 325). Далее то же эмпирическое обобщение интерпретируется как свидетельство того, что употребления в дополнительных придаточных эпистемического типа несколько ближе к семантическим, чем в придаточных целевого типа. Однако каким образом соотносятся степень зависимости придаточного, которая часто обсуждается применительно к зависимым клаузам разного типа, и семантический/синтаксический статус употреблений сослагательного наклонения, остается неясным. Обсуждение подобных вопросов позволило бы вписать картину употреблений сослагательного наклонения в более широкий лингвистический контекст и сделало бы ее более объемной.

Сознательно или невольно Н. Р. Добрушина избегает и обсуждения тех методов и принципов описания грамматической семантики, оригинальным и удачным опытом применения которых является исследование. С одной стороны, можно сказать, что книга говорит сама за себя. С другой стороны, такой метакомментарий мог бы обосновать выбранный в книге взгляд на грамматическую семантику и подчеркнуть его преимущества.

Итак, в книге представлено многогранное описание всех основных типов употребления частицы *б(ы)*. Благодаря расширенному определению сослагательного наклонения и корпусному подходу автору удастся описать контексты употребления частицы *бы* как целостную систему и установить связи между отдельными типами

употреблений и в то же время осветить множество частных закономерностей распределения различных конструкций. Книга Н. Р. Добрушиной может служить и источником чисто описательных сведений, и образцом основанного на употреблении (usage-based) анализа семантической и синтаксической стороны функционирования ирреального наклонения.

Литература

- Добрушина 2015 — Н. Р. Добрушина. Прагматические употребления сослагательного наклонения // Русский язык в научном освещении, № 29 (1), 2015. С. 67–86.
- Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Конструкции с русским сослагательным наклонением для обозначения хабитуальных ситуаций // Вопросы языкознания 4, 2016. С. 18–34.
- Дымарский 2015 — М. Я. Дымарский. Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания 5, 2015. С. 26–48.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. Subjunctive complement clauses in Russian // Russian Linguistics 36(2), 2012. P. 121–156.
- Hacking 1998 — J. F. Hacking. Coding the hypothetical: A comparative typology of Russian and Macedonian conditionals. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1998.
- Israeli 2014 — A. Israeli. Dative-Infinitive БИ Constructions in Russian. Taxonomy and Semantics // J. Witkos, S. Jaworski (eds.). New Insights into Slavic Linguistics. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Oxford — Wien: Peter Lang, 2014. P. 141–159.
- Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 181–225.
- Verstraete 2005 — J.-C. Verstraete. Two types of coordination in clause-combining // Lingua 115, 2005. P. 611–626.

Сведения об авторах

Ариза-Гарсиа Андреа — магистр лингвистики Орхусского университета, Орхус, Дания. Электронная почта: andreariza.g@gmail.com.

Аркадьев Петр Михайлович — к. филол. н., ст. науч. сотрудник Института славяноведения РАН, доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: alpgurev@gmail.com.

Бикина Дарья Александровна — магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: daria.bikina@gmail.com.

Борзенко Екатерина Олеговна — аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: ekborzenko@yandex.ru.

Бочкова Анна Дмитриевна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: vashabochka@gmail.com.

Виняр Алексей Игоревич — магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: alexvinyar@yandex.ru.

Волков Олег Сергеевич — старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: kot_guitarist@mail.ru.

Гарейшина Анастасия Ринатовна — независимый исследователь, Москва. Электронная почта: a.g.gare@ya.ru.

Герасименко Екатерина Андреевна — выпускница бакалавриата Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: katgerasimenko@gmail.com.

Голосов Федор Валентинович — стажер-исследователь Лаборатории по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: glabgtodor@mail.ru.

Давидюк Татьяна Игоревна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: rachekit@yandex.ru.

Деликанова Елена Викторовна — студентка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: elena_delikanova@yahoo.com.

Жорник Дарья Олеговна — магистрант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, старший лаборант Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: rain-walker@mail.ru.

Зибер Инна Арнольдовна — преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: innasieber@gmail.com.

Игнатенко Дарья Игоревна — студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: ignadash@gmail.com.

Кашкин Егор Владимирович — к. филол. н., науч. сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, старший науч. сотрудник Томского государственного университета, Москва — Томск. Электронная почта: egorkashkin@rambler.ru.

Кисилиер Максим Львович — к. филол. н., с. н. с. Института лингвистических исследований РАН, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: m.kisilier@spbu.ru.

Клименко Сергей Борисович — к. филол. н., мл. н. с. Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sergeybklimenko@gmail.com.

Козак Вячеслав Викторович — сотрудник Института лингвистических исследований РАН, сотрудник Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург. Электронная почта: viacheslav.kozak@gmail.com.

Козлов Алексей Андреевич — м. н. с. Лаборатории по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», м. н. с. отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: scripturas@mail.ru.

Конёр Дарья Владимировна — аспирант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dsuetina@yandex.ru.

Макарова Анастасия Леонидовна — к. филол. н., сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, научный сотрудник Института славистики Цюрихского университета, Цюрих. Электронная почта: abeatina@rambler.ru, anastasia.makarova@uzh.ch.

Маттиола Симоне — постдокторант Alma Mater Studiorum — Болонского университета, Болонья. Электронная почта: simone.mattiola@unibo.it.

Морозова Мария Сергеевна — к. филол. н., н. с. Института лингвистических исследований РАН, ст. преп. кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: morozovamaria86@gmail.com.

Нагорная Мария Александровна — магистрантка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: mnagornaya@list.ru.

Никифорова Софья Олеговна — аспирант Утрехтского университета, Утрехт. Электронная почта: son.nik@mail.ru.

Овсянникова Мария Александровна — м. н. с. Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: masha.ovsjannikova@gmail.com.

Репнина Татьяна Владимировна — аспирант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: lumenna@yandex.ru.

Русаков Александр Юрьевич — д. филол. н., гл. н. с. Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: ayurusakov@gmail.com.

Рыжкова Елизавета Андреевна — преподаватель Красноярской университетской гимназии № 1 «Универс», Красноярск. Электронная почта: lizi-ruz@mail.ru, bet.lo.jj@gmail.com.

Саркисов Иван Владимирович — аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: vanya.sarkisov@gmail.com.

Сердобольская Наталья Вадимовна — к. филол. н., с. н. с. Института языкознания РАН, зав. лабораторией Лингвистической типологии Московского педагогического государственного университета, Москва. Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com.

Сидорова Мария Александровна — магистрант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, лаборант-исследователь Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: b.originative@gmail.com.

Соболев Андрей Николаевич — д. филол. н., гл. н. с. Института лингвистических исследований РАН, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, внеплановый профессор Марбургского университета, Санкт-Петербург — Марбург. Электронная почта: sobolev@staff.uni-marburg.de.

Станюкович Мария Владимировна — к. и. н., зав. отделом этнографии Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: mstan@kunstkamera.ru.

Сударикова Евгения Алексеевна — магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: janesudarikova@gmail.com.

Тискин Даниил Борисович — к. филос. н., ст. преп. кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: daniel.tiskin@gmail.com.

Христофорова Евгения Андреевна — студент Российского государственного гуманитарного университета, лаборант Центра научного проектирования УПН Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: evkristoforova@gmail.com.

Contributors

Ariza-García, Andrea — Master of Arts in Linguistics at Aarhus University, Aarhus, Denmark. Email: andreariza.g@gmail.com.

Arkadiev, Peter M. — Cand. Sc. in philology, senior research fellow, Institute for Slavic Studies, RAS, associate professor, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow. Email: alpgurev@gmail.com.

Bikina, Daria A. — master student, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: daria.bikina@gmail.com.

Bochkova, Anna D. — student, Moscow State University, Moscow. Email: vashabochka@gmail.com.

Borzenko, Ekaterina O. — PhD student, Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow. Email: ekborzenko@yandex.ru.

Davidjuk, Tatiana I. — student, Moscow State University, Moscow. Email: rachekit@yandex.ru.

Delikanova, Elena V. — student, Moscow State University, Moscow. Email: elena_delikanova@yahoo.com.

Garejshina, Anastasia R. — independent researcher, Moscow. Email: a.r.gare@ya.ru.

Gerasimenko, Ekaterina A. — bachelor graduate, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: katgerasimenko@gmail.com.

Golosov, Fedor V. — student, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: glabgtodor@mail.ru.

Ignatenko, Daria I. — student, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: ignadash@gmail.com.

Kashkin, Egor V. — Cand. Sc. in philology, research fellow, Russian Language Institute, senior research fellow, Tomsk State University, Moscow — Tomsk. Email: egorashkin@rambler.ru.

Khristoforova, Evgenija A. — student, assistant, Russian State University for the Humanities, Moscow. Email: evkristoforova@gmail.com.

Kisilier, Maxim L. — Cand. Sc. in philology, senior research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, associate professor, Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Email: m.kisilier@spbu.ru.

Klimenko, Sergei B. — Cand. Sc. in philology, junior research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg. Email: sergeybklimenko@gmail.com.

Koner, Daria V. — PhD student, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg. Email: dsuetina@yandex.ru.

Kozak, Vyacheslav V. — employee, Institute for Linguistic Studies, RAS, employee, Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. Email: viacheslav.kozak@gmail.com.

Kozlov, Aleksej A. — junior research fellow, National Research University Higher School of Economics, junior research fellow, Institute of linguistics, RAS, Moscow. Email: scripturas@mail.ru.

Makarova, Anastasia L. — Cand. Sc. in philology, employee, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, research fellow, Slavisches Seminar, Universität Zürich, Zürich. Email: abeatina@rambler.ru, anastasia.makarova@uzh.ch.

Mattiola, Simone — Postdoctoral research fellow, Alma Mater Studiorum — University of Bologna, Bologna. Email: simone.mattiola@unibo.it.

Morozova, Maria S. — Cand. Sc. in philology, research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Email: morozovamaria86@gmail.com.

Contributors

Nagornaja, Maria A. — master student, Moscow State University, Moscow. Email: mnagornaya@list.ru.

Nikiforova, Sofia O. — PhD student, Utrecht University, Utrecht. Email: son.nik@mail.ru.

Ovsjannikova, Maria A. — junior research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg. Email: masha.ovsjannikova@gmail.com.

Repnina, Tatiana V. — PhD student, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg. Email: lumenna@yandex.ru.

Rusakov, Aleksander Yu. — Dr. Sc. in philology, chief research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, professor, Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Email: ayurusakov@gmail.com.

Ryzhkova, Elizaveta A. — teacher, Krasnoyarsk University Gymnasium №1 «Univers», Krasnoyarsk. Email: lizi-ruz@mail.ru, bet.lo.jj@gmail.com.

Sarkisov, Ivan V. — PhD student, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: vanya.sarkisov@gmail.com.

Serdobolskaya, Natalia V. — Cand. Sc. in philology, assistant professor, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, the head of the department, Moscow State Pedagogical University, Moscow. Email: serdobolskaya@gmail.com.

Sidorova, Maria A. — master student, Moscow State University, assistant, Institute of Linguistics, RAS, Moscow. Email: b.originative@gmail.com.

Sieber, Inna A. — lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: innasieber@gmail.com.

Sobolev, Andrej N. — Dr. Sc. in philology, chief research fellow, Institute for Linguistic Studies, RAS, professor, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, extra-numeral professor, Marburg University, St. Petersburg — Marburg. Email: sobolev@staff.uni-marburg.de.

Stanyukovich, Maria V. — Cand. Sc. in history, head of the department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera, RAS, St. Petersburg. Email: mstan@kunstkamera.ru.

Sudarikova, Evgenija A. — master student National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: janesudarikova@gmail.com.

Tiskin, Daniel B. — Cand. Sc. in philosophy, senior lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg. Email: daniel.tiskin@gmail.com.

Vinyar, Aleksei I. — master student, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: alexvinyar@yandex.ru.

Volkov, Oleg S. — senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow. Email: kot_gitarist@mail.ru.

Zhornik, Daria O. — master student, student, Moscow State University, assistant, Institute of Linguistics, RAS, Moscow. Email: rain-walker@mail.ru.

Материалы Тринадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2016 г.)

П. М. Аркадьев. Взаимодействие акциональности, аспекта и времени в условных конструкциях кубанского диалекта кабардино-черкесского языка

В статье изучается употребление видовременных форм в контрфактивных условных конструкциях кубанского диалекта кабардино-черкесского языка, с основным вниманием к выражению перфективного и имперфективного видовых ракурсов в сочетании с разными акциональными классами предикатов. Показано, что если аспектуальные и акциональные противопоставления играют важную роль в морфологическом выражении кубанских условных конструкций, определяя выбор показателей плюсквамперфекта и имперфекта, то темпоральная референция оказывается в значительной степени нерелевантной.

Ключевые слова: адыгские языки, условные конструкции, контрфактивность, время, аспект, плюсквамперфект, имперфектив.

Д. А. Бикина. Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке

В системе неопределенных местоимений горномарийского языка, наряду с сериями, образованными при помощи одного маркера неопределенности, есть серии местоимений, образованные при помощи двух разных маркеров неопределенности. Так, наряду с местоимениями с показателем *ta-* и серией с показателем *gän'ät* существуют местоимения, имеющие следующую структуру: *ta-OCHOBA-gän'ät*. Настоящая статья посвящена семантике таких «дважды маркированных» форм неопределенных местоимений в горномарийском языке. Мы вкратце описываем систему неопределенных местоимений горномарийского языка и предлагаем семантический анализ дважды маркированных форм, рассматривая комбинации следующих трех маркеров неопределенности: *ta-*, *gän'ät* и *än'ät*. Мы предполагаем, что

значение таких форм складывается композиционально, и в рассматриваемых случаях оно связано с семантикой партитивности в нереферентных контекстах.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, референтность, партитивность, неопределенность, семантические карты, горномарийский язык.

А. Д. Бочкова. Числовое маркирование существительных в горномарийском языке

В данной статье рассматриваются факторы, определяющие числовое маркирование существительных в горномарийском языке. В статье подробно описано влияние таких факторов, как референциальный статус, позиция существительного в иерархии одушевленности и семантический класс объекта, на выбор формы множественного или единственного числа при множественном референте. Данные горномарийского языка сопоставляются с результатами других работ на материале уральских языков, а также с типологическими обобщениями об устройстве категории числа.

Ключевые слова: горномарийский язык, число, факультативное числовое маркирование, референциальный статус, семантический класс, иерархия одушевленности.

А. И. Виняр, Е. А. Герасименко. Несинтаксические ограничения на инкорпорацию в чукотском

В этой статье описаны аспекты семантики и морфосинтаксиса конструкций инкорпорации глагольной основы как модификатора именной вершины, инкорпорации именной основы с пространственным значением в глагол перемещения и инкорпорации глагольной основы в глагол перемещения. Мы покажем, что именно семантические свойства во многом определяют ограничения на образование этих конструкций.

Ключевые слова: чукотский язык, инкорпорация, основосложение, глаголы перемещения.

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко. Глагольные деривации чукотского языка сквозь призму глагольной множественности

Глагольные деривации в чукотском языке покрывают множество различных семантических зон; при этом во многих из них присутствует компонент значения из зоны глагольной множественности. В статье будут рассмотрены три такие деривации: метеорологический инхоатив *-rʔu*, антипассив/итератив *-tku* и дуратив *-lʔet* (в терминах [Dunn 1999]), а также предложена возможная схема развития и интерпретация их полисемии. В статье будет показано, что глагольная множественность в чукотском языке не является однородной категорией; значения множественности скорее сопутствуют значениям показателей, относящихся к другим категориям, их семантика размывается и становится все более абстрактной, смещаясь в сторону интенсификаторов.

Ключевые слова: аспект, чукотский язык, глагольная множественность, инхоатив, антипассив, дуратив, инверсив.

А. Р. Гарейшина. Коррелятивы в горномарийском языке — относительные предложения или топик?

В данном исследовании рассматриваются коррелятивные конструкции в горномарийском языке. Были установлены их инвентарь, их свойства как относительных предложений и как конструкций с топиком. Проведенный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что коррелятивы — синтаксические структуры, подобные топикальным конструкциям. Типологическая значимость исследования заключается во внесении вклада в синтаксическую типологию уральских языков и в демонстрации сходств и различий горномарийских коррелятивов и коррелятивов смежного индоевропейского ареала.

Ключевые слова: горномарийский язык, уральские языки, коррелятивы, относительные предложения, топик.

Ф. В. Голосов, А. А. Козлов. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка

Наша статья посвящена семантике двух синтетических прошедших времен горномарийского языка, которые мы называем Аористом и Перфектом. В традиционной черемистике разницу между Аористом и Перфектом объясняют различием в эвиденциальности или во временной дистанции относительно момента речи. В своей

статье мы последовательно опровергаем эти две гипотезы и предлагаем собственную, заключающуюся во влиянии позиции Наблюдателя: Аорист используется в контекстах, смежных с позицией Наблюдателя, а Перфект — в контекстах, когда между описываемой позицией и Наблюдателем имеется временная дистанция.

Ключевые слова: прошедшие времена, дискурс, позиция Наблюдателя, горномарийский язык, эвиденциальность.

Т. И. Давидюк. Латив в горномарийском языке

В горномарийском языке выделяют три локативных падежа — инессив, иллатив и латив. Первые два падежа маркируют соответственно местонахождение участников ситуации и конечную точку какого-либо движения, тогда как последний может обозначать и ту, и другую ситуацию, но с некоторыми ограничениями, которые рассматриваются в данной статье. Кроме того, в отличие от инессива и иллатива, латив покрывает довольно большое количество значений в непространственной сфере, которые, как нам кажется, могут быть связаны с его пространственными значениями. Таким образом, в работе рассматривается семантика этого падежа в его пространственных употреблениях, а также делается попытка построения схемы развития его непространственных значений из пространственных.

Ключевые слова: горномарийский язык, латив, пространственные падежи, непространственные значения пространственных падежей.

Е. В. Деликанова. О двух частицах в бурятском языке

В работе рассматриваются сходства и различия в поведении двух частиц баргузинского диалекта бурятского языка — *xa(xaf)* и *bʃu:*, их линейная позиция в глагольной словоформе, дистрибутивные и семантические свойства. Исследование показало, что частица *xa(xaf)* используется для выражения двух типов эвиденциальных значений — инферентивности и пересказывательности, частица *bʃu:* является показателем эпистемической возможности, а экспериенциально-инферентивные контексты представляют собой зону естественного пересечения их дистрибуций.

Ключевые слова: бурятский язык, эпистемическая модальность, эвиденциальность, частицы.

И. А. Зибер. Вариативность и звуковые изменения: о случаях ассимилятивной лабиализации гласных

В статье рассматриваются случаи дистактного уподобления гласных соседних слогов как устойчивый результат звуковых изменений либо следствие синхронной фонетической вариативности. В центре исследования — экспериментальные данные русского языка, в котором ассимилируются по признаку лабиализации не только краткие редуцированные [ъ] и [ь], но и гласные первого предупредительного слога, которым свойственно сохранять качество. Схожие результаты получены в ходе полевой работы на материале бесермянского удмуртского. Типологические параллели этого явления обнаруживаются в разных языках.

Ключевые слова: лабиализация, ассимиляция, сингармонизм, умлаут, русский язык, бесермянский диалект удмуртского языка, фонетическая вариативность, фонетические изменения.

Е. В. Кашкин, Д. О. Жорник, М. А. Сидорова. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями ‘открыть’ и ‘закрыть’)

Статья посвящена лексической типологии глаголов закрывания и открывания. Ситуация закрывания понимается как создание преграды для доступа, а открывания — как ее устранение. Поле закрывания представляет особый интерес для исследователя, поскольку обладает богатой аргументной структурой: **кто** закрывает, **что**, **чем**, **от чего** / **от кого**. Кроме типа создаваемой преграды (визуальная vs. для передвижения) и собственно набора аргументов (например, наличие или отсутствие инструмента), оказываются релевантными их характеристики, а также взаимное расположение (контактное vs. дистантное закрывание). При сравнении ситуаций закрывания и открывания оказывается, что во многом они несимметричны. Исследование было проведено на материале русского, польского, шведского, горномарийского, коми и хантыйского языков. В ходе изучения глаголов закрывания и открывания были выявлены значимые противопоставления внутри этих полей.

Ключевые слова: лексическая типология, семантика, аргументная структура, фреймовый подход.

М. А. Нагорная. Составной рефлексив в бурятском языке

Статья посвящена исследованию свойств бурятского составного рефлексива, который образуется от двух основ простых рефлексивных местоимений, присоединяющих падежные показатели и показатели рефлексива или третьего лица. Структура составного рефлексива сравнивается со структурой реципрока, который образуется от тех же основ, но имеет более жёсткие структурные ограничения.

Формы составного рефлексива предлагается анализировать как сочетание собственно рефлексива и интенсификатора, которые изначально находятся на разных синтаксических позициях, так как интенсифицирующий компонент на определённом этапе деривации образует одну составляющую с антецедентом рефлексива.

Ключевые слова: алтайские языки, монгольские языки, бурятский язык, анафора, составной рефлексив.

С. О. Никифорова. Адвербиальные глаголы в иврите

В работе исследуется семантика конструкций с адвербиальными глаголами в современном иврите — конструкций, в которых глагол с адвербиальным семантическим компонентом, в буквальном значении не матричный, получает валентность на сентенциальный актанта (инфинитив) и описывает некий параметр ситуации, которую обозначает этот инфинитив (например, *lehaarix* ‘удлинять’ → ‘долго’). Приводится классификация глаголов, образующих подобные конструкции. На основе значений конструкций и их поведения в контексте отрицания делается предположение о двух разных типах семантической структуры адвербиальных конструкций.

Ключевые слова: иврит, адвербиальные значения, адвербиальные глаголы, сентенциальные актанта, семантика.

Е. А. Рыжкова. Уточнение статуса некоторых пространственных адлогов в ингерманландском финском

В статье рассматривается вопрос о том, в какой степени грамматикализованы пространственные адлоги *väli-* ‘между’, *keske-* ‘посередине’, *(i)e-* ‘перед’, *ümpär-* ‘вокруг’, *viere-* ‘рядом’, *piä-* ‘на’, *luo* ‘около’ в ингерманландских диалектах финского языка. Для определения положения этих единиц на шкале «Существительное — адлог»

использовались синтаксические критерии. Отобранные для исследования единицы грамматикализованы в разной степени и не могут быть в полной мере отнесены ни к адлогам, ни к существительным.

Ключевые слова: ингерманландский финский, адлоги, грамматикализация.

И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках

В настоящей работе рассматривается проблема эргативности в новоарамейских языках. Исследование проводилось на материале уже существующих грамматических описаний и данных, собранных в ходе полевой работы. В результате был сделан вывод, что за явлением, традиционно называемым в арамеистике эргативностью, в действительности скрываются либо номинативно-аккузативный строй с обратным значением показателей, либо активная модель, в то время как собственно эргативность в новоарамейских языках не засвидетельствована.

Ключевые слова: новоарамейские языки, эргативность, активный строй, семитские языки.

М. А. Сидорова. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях

Данная работа посвящена числовому маркированию существительных в конструкциях с количественными числительными и другими кванторными словами в горномарийском языке. В результате элицитации были выявлены факторы, регулирующие выбор числа в таких конструкциях (повышающие допустимость множественного числа: наличие зависимых, синтаксическая позиция, дистрибутивность), которые были сопоставлены с типологическими данными о том, какие факторы чаще всего оказываются релевантными в языках мира. В результате можно сделать вывод о том, что числовое маркирование в горномарийских количественных конструкциях регулируется достаточно нетипичным набором правил, которые, к тому же, мало изучены в других языках мира.

Ключевые слова: горномарийский язык, числовое маркирование, количественные конструкции, числительные, кванторы, вариативность.

Е. А. Сударикова. Посессивность и относительность в чукотском языке на примере показателей *-in(e)/-en(a)* и *-kin(e)/-ken(a)*

Данная статья посвящена исследованию свойств некоторых посессивных и относительных показателей в амгуэмском говоре чукотского языка. Среди таких свойств: образование множественного посессора, инкорпорация, посессивные предикаты. Посессивные и относительные аффиксы влияют на положение в иерархии одушевленности основ, к которым они способны присоединяться. Иерархия одушевленности для чукотского языка сопоставлена с универсальной иерархией, описанной в работе [Croft 2003] а также иерархией для корякского языка, разработанной в статье [Kurebito 2004].

Ключевые слова: чукотско-камчатские языки, посессивность, относительность, иерархия одушевленности.

Д. Б. Тискин. Внешняя и внутренняя адвербиальная модификация предложных групп типа PRED+ADJ+N в русском языке

В статье на материале русского языка рассматриваются случаи конкуренции двух вариантов порядка слов при адвербиальной модификации предложных групп, содержащих атрибутивный модификатор (типа *в очень хорошем состоянии — очень в хорошем состоянии*). Демонстрируется, что на выбор порядка слов влияют характеристики ИГ и наречия-модификатора, а также свойства предлога, в т. ч. его длина. Предлагается анализ модификации наречием извне ПГ, при котором ЕМ возникает как результат постсинтаксического спуска предлога-клитики.

Ключевые слова: градуальные прилагательные, именная группа, клитики, порядок слов, постсинтаксическое передвижение, предложная группа, русский язык.

Е. А. Христофорова. Агентивность семантических классификаторов в русском жестовом языке

Семантические классификаторы в жестовых языках — особый тип классификаторных морфем, которые относят своих референтов к определенному семантическому классу (классу людей, животных и т. п.). Из выявленных в русском жестовом языке одиннадцати семантических классификаторов [Христофорова 2016] три используются для одушевленных референтов. В корпусе обнаружены случаи употреб-

ления разных семантических классификаторов для одного одушевленного референта. Мы предположили, что выбор между классификаторами может быть обусловлен семантической ролью референта. Данная статья посвящена анализу семантических ролей референтов классификаторов с целью проверить данное предположение. Исследование показало, что все три классификатора могут использоваться для отсылки к Агенсу, однако только один из них обязательно требует одушевленности референта.

Ключевые слова: жестовые языки, русский жестовый язык, классификаторы, семантические роли, Агенс, Тема, классификаторные предикаты.

А. Ариза-Гарсиа. Типы фонации и тоны в сапотекских языках: синхронное сравнение

Языки мира демонстрируют разные типы взаимодействия тона и фонации. В этой работе рассматривается типологическое разнообразие фонации гласных и ее взаимодействие с тоном в сапотекских языках. Для проведения исследования было выбрано десять сапотекских языков, которые репрезентативно представляют традиционную и географическую внутреннюю классификацию этой подгруппы. Было проведено синхронное и диахроническое сопоставление этих языков с точки зрения их инвентаря типов фонации. Кроме того, было проведено сравнение одновременной реализации тона и фонации в этих языках. Данные исследования показали, что в большинстве рассматриваемых языков взаимодействие этих двух просодических явлений соответствует т. н. *смешанной системе* [Kuang 2013]. *Смешанная система* представляет собой сочетаемость разных типов контраста и корреляцию определенных типов тонов и определенных типов фонации.

Ключевые слова: сапотекские языки, типы фонации, тоны, частота основного тона, просодические черты, типология, ларингальная сложность, смешанные системы.

С. Маттиола. Семантическая зона глагольной множественности: анализ трех явлений и их типологическая значимость

Данная статья посвящена употреблению конструкций глагольной множественности в трех отдельных языках с применением анализа, предложенного в [Mattiola 2017a]. Типологически такие

конструкции имеют множество функций и могут быть проанализированы с помощью семантических карт. Исследование на примере выбранных трех языков также позволяет выявить определенные особенности грамматического статуса глагольной множественности: с типологической точки зрения грамматические категории не универсальны, однако лучше всего они могут описаны с помощью сравнительных понятий [Haspelmath 2010].

Ключевые слова: глагольная множественность, типология, семантические карты.

Varia

Е. О. Борзенко. Вчера становится вчера: нестандартные отадвербиальные компаративы в современном русском языке

В данной статье рассматриваются необычные формы компаративов, образованных от наречий, в современном русском языке (*иногда, гораздо, сегодня* и др.). Путем анализа интернет-текстов выявлены наиболее частотные компаративы такого рода, проанализирована их семантика, которая по большей части может быть соотнесена с семантикой сравнительных форм имени прилагательного. В статье отмечаются морфонологические особенности образования нестандартных отадвербиальных компаративов и выявляются их синтаксические функции.

Ключевые слова: наречие, компаратив, нестандартные формы сравнительной степени, семантика прилагательного, градуальность.

С. Б. Клименко, М. В. Станюкович. Худхуд народов йаттука и тували ифугао: интерференция между йаттука, келей-и и тували ифугао

Худхуд — эпическое сказание, исполняемое в провинции Ифугао на севере Лусона по меньшей мере на трех языках: двух центрально-кордильерских языках — тували ифугао и амганад ифугао — и одном южно-кордильерском языке — йаттука. В литературе неоднократно отмечалось, что в текстах худхудов на тували встречаются элементы из одного или более южно-кордильерских языков. Данная статья представляет собой попытку ответить на следующие вопросы: (i) из какого южно-кордильерского языка происходят такие элементы — из йаттука, келей-и или из обоих? (ii) возможно ли обнаружить какие-либо линг-

вистические свидетельства южно-кордильерского происхождения худхуда? (iii) содержат ли тексты худхудов на йаттука элементы, заимствованные из тували? Ответы на эти вопросы предлагается искать путем анализа потенциальных грамматических и лексических заимствований в нескольких текстах худхудов на тували и йаттука. Такая линия исследования показывает, что тексты худхудов и на йаттука, и на тували содержат ограниченное количество грамматических заимствований. Существенное количество лексических заимствований обнаруживается в текстах на тували, однако в текстах на йаттука они также имеются, но в меньшем количестве.

Ключевые слова: ифугао; йаттука; Филиппины; эпос; интерференция; худхуд.

Т. В. Репнина. Итеративные условные конструкции в каталанском языке

Статья посвящена итеративным условным конструкциям каталанского языка. Анализируются средства выражения итеративности: времена и наклонения глаголов, обстоятельства. Автор выделяет пять моделей итеративных условных конструкций: 1) имперфект индикатива в протазисе и аподозисе; 2) презенс индикатива в протазисе и аподозисе; 3) презенс индикатива в протазисе и футурум индикатива в аподозисе; 4) имперфект индикатива или конъюнктива в протазисе и презенс кондиционала в аподозисе; 5) плюсквамперфект конъюнктива в протазисе и перфект кондиционала в аподозисе. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что с возрастанием значения ирреальности утрачивается итеративность.

Ключевые слова: условные конструкции, бипредикативные конструкции, итеративные конструкции, каталанский язык.

Н. В. Сердобольская. Семантические особенности бессоюзной конструкции при глаголе *думать* в русском языке

Глагол *думать* в русском языке может присоединять зависимые актантные предложения без союза, например *А мы-то думали, они нормальные арендаторы*. В работе показано, что бессоюзные клаузы такого типа («бессоюзные сочетания с изъяснительным значением»), в отличие от конструкций прямого цитирования (прямой речи), требуют препозиции клаузы с глаголом *думать*, не допускают

императива и отрицания глагола *думать*. Кроме того, рассматриваемая конструкция по своим морфосинтаксическим свойствам отличается от вводных конструкций (*Он, я думаю, не придет*) тем, что может включать различного вида обстоятельства, частицы, аппозитивы, деепричастные обороты и зависимые клаузы. В таких конструкциях глагол *думать* принадлежит к классу состояний и выступает в значении мнения (но не в значении размышления, ср. [Апресян 2015]). Диагностикой данной конструкции может служить запрос о мнении собеседника. Семантически рассматриваемая конструкция близка вводным клаузам, однако она также допускает «несочувственное» употребление (контекст ложного мнения).

Ключевые слова: сентенциальные актанты, актантные предложения, ментальные глаголы, прямое цитирование, прямая речь, косвенное цитирование, косвенная речь.

А. Н. Соболев, М. Л. Кислиер, В. В. Козак, Д. В. Конёр, А. Л. Макарова, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков. Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан

В статье представлены новые диахронические и синхронические языковые данные из районов интенсивного славянско-неславянского контакта в Юго-Восточной Европе, рассматриваемые в рамках основных теоретических проблем балканского и общего контактного языкознания. Контактнообусловленное языковое изменение и варьирование во времени и пространстве на о-ве Крк, в Цаконии, в р-не Преспа, в Голо Бордо, в р-не Мрковичи и в Карашево раскрывают общие пути языковой конвергенции и ограничения, возникающие при конвергенции. Исторически изменчивые социальные обстоятельства контакта, такие как симбиоз с доминантным и недоминантным двуязычием, рассматриваются наряду с ролью языков высокой культуры *versus* роль языков традиционной культуры.

Ключевые слова: балканские языки, балканский языковой союз, языковой контакт, симбиотические сообщества, Крк, Цакония, Преспа, Голо Бордо, Мрковичи и Карашево.

Summaries and Keywords

Proceedings of the Thirteen Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (2016)

Peter M. Arkadiev. Interaction of actionality, aspect and tense in conditional constructions in the Kuban dialect of Kabardian

I investigate the use of tense-aspect markers in counterfactual conditionals in the Kuban dialect of Kabardian, focusing on the expression of perfective vs. imperfective aspectual viewpoints in combination with different eventuality types. I show that while aspectual and actional information plays an important role in determining the morphological encoding in Kuban Kabardian conditionals, mostly having to do with the choice of the Imperfect vs. Pluperfect tenses, temporal reference remains largely underspecified.

Keywords: Circassian languages, conditionals, counterfactuality, tense, aspect, pluperfect, imperfectivity.

Daria A. Bikina. Double-marking of indefiniteness in Hill Mari

In Hill Mari, several indefinite pronoun series are derived by attaching two different indefiniteness markers — e.g., there is a series with a marker *ta-*, a series with a marker *gän'ät*, and a special series which has the following structure: *ta-STEM-gän'at*. This research deals with the semantics of such double-marked indefinites in Hill Mari. We briefly overview the system of indefiniteness markers in Hill Mari and propose an analysis for two double-marked indefinite pronoun series (*ta-gän'ät* series and *ta-än'ät* series). We suppose that their semantics is compositional; in this particular case, double-marked forms are associated with the semantics of partitivity in non-referential contexts.

Keywords: indefinite pronouns, specificity, partitivity, indefiniteness, semantic maps, Hill Mari.

Anna D. Bochkova. Number marking of nouns in Hill Mari

This article addresses the problem which factors determine noun number marking in Hill Mari. I show how such factors, as referential status, animacy, semantic class of a noun, and specificity of a NP may govern the

choice of singular or plural with non-singular referents. The results are compared to data from other Uralic languages and typological evidence about the category of noun number.

Keywords: Hill Mari, number, differential number marking, referential status, semantic class, animacy hierarchy.

Aleksej I. Vinyar, Ekaterina A. Gerasimenko. Non-syntactic restrictions on incorporation in Chukchi

We examine three incorporation constructions in Chukchi: incorporation of a verbal stem as a modifier of a nominal stem; incorporation of a nominal stem denoting Path inside the verb denoting a translational Motion event and incorporation of a non-Motion verb by a Motion verb. As our study shows, semantic (rather than purely morphosyntactic) properties of these constructions can influence the constraints on the construction formation.

Keywords: Chukchi, Incorporation, Compounding, Motion verbs.

Oleg S. Volkov, Daria I. Ignatenko. Verbal derivations in Chukchi towards the domain of pluractionality

Verbal derivations in Chukchi language cover many different semantic domains. In the same time, many of those derivations establish polysemy towards the domain of pluractionality. The paper considers three such derivations: meteorological inchoative *-rʔu*, antipassive / iterative *-tku* and durative *-lʔet* (in terms of [Dunn 1999]). It will be shown that pluractionality in Chukchi is not a homogeneous category. It is rather that the semantics of pluractionality coexists with other meanings in markers, which undergoes desemantization and becomes more and more abstract, indicating a shift towards intensifiers.

Keywords: aspect, Chukchi language, verbal plurality, inchoative, antipassive, durative, inersive.

Anastasia R. Garejshina. Correlatives in Hill Mari — relative clauses or topic?

The present paper deals with correlative constructions in the Hill (Western) Mari language and aims at describing the exact repertoire of correlatives and their properties originating from relative clauses and topics. Focusing primarily on syntactic tests, I conclude that Hill Mari

correlatives are topic-like structures. Overall, the research is a contribution to the syntactic typology of Uralic languages and proves that Hill Mari correlatives possess properties distinct from ones typical for Indo-European correlatives, e.g. in Russian.

Keywords: Hill Mari, Western Mari, Uralic, correlatives, relative clauses, topic.

Fedor V. Golosov, Aleksej A. Kozlov. Perspective point in past tenses' system in Hill Mari

Our article is devoted to the difference between two synthetic past tenses in Hill Mary, which we denote as Aorist and Perfect. The difference between Aorist and Perfect is usually explained in terms of evidentiality or time distance (from the moment of speech). We will consistently disprove these explanations and offer our own hypothesis, which is based on the concept of perspective point: Aorist is used in contexts adjacent to the perspective point, while Perfect used in contexts, when there is a time distance between the perspective point and the described event.

Keywords: past tenses, discourse, perspective point, Hill Mari, evidentiality.

Tatiana I. Davidjuk. Lative in Hill Mari

There are three locative cases in Hill Mari — inessive, illative, and lative. Inessive and illative encode respectively location and direction, while lative can mark both these situations, but with some restrictions to be considered in this paper. In addition, unlike inessive and illative, lative has many non-spatial meanings that may be related, in my view, to its spatial meanings. Thus, in this paper I consider the spatial and non-spatial uses of lative, as well as relations between these uses.

Keywords: Hill Mari, lative, spatial cases, non-spatial meanings of spatial cases.

Elena V. Delikanova. On two Buryat particles

The paper focuses on comparison of two Buryat particles — *xa(xaʃ)* and *bʃu:*, their linear position within the verbal form, distributive and semantic properties. It was shown that the particle *xa(xaʃ)* expresses two types of evidentiality — inferential evidence and reported evidence, the

particle *bfu*: marks epistemical possibility, and the distribution of the two particles turns out to overlap in inferential evidence contexts.

Keywords: Buryat language, epistemic modality, evidentiality, particles.

Inna A. Sieber. Variation and sound change: on cases of assimilative vowel labialization

The article deals with several cases of distant assimilative labialization of vowels that can be interpreted either as sound change or as synchronic phonetic variation. The article focuses on experimental data of Russian, in which not only reduced vowels undergo assimilative labialization, but also non-reduced pretonic ones. Fieldwork data of Beserman Udmurt demonstrates significant variation of this type as well. Cases of distant vowel assimilation in Russian and Beserman Udmurt are comparable with those in languages with vowel harmony and umlaut.

Keywords: labialization, assimilation, vowel harmony, umlaut, Russian, Beserman Udmurt, phonetic variation, sound change.

Egor V. Kashkin, Daria O. Zhornik, Maria A. Sidorova. Typological discoveries in the domain of closing (a study of the semantics of verbs with the meanings ‘to open’ and ‘to close’)

This article presents a study in lexical typology. We focus on the semantic domain of closing (creating a barrier) and opening (removing a barrier) cross-linguistically. The field of closing is of great interest, as it demonstrates a fine-grained argument structure: **who** closes **what with_what from_what**. The lexicalization of these situations depends not only on the type of barrier (visual vs. physical) and the number of arguments involved (for example, the presence or absence of an instrument), but also on their characteristics and mutual disposition (contact vs. distance). Having compared the situations of opening and closing, we discovered that they are rather asymmetrical. The languages included in the scope of research are Russian, Polish, Swedish, Hill Mari, Komi and Khanty. The research presented led to revealing relevant oppositions in the semantic field of closing and opening.

Keywords: lexical typology, semantics, argument structure, frame-based approach.

Maria A. Nagornaja. Complex reflexive in Buryat

The article investigates the Buryat complex reflexive pronouns that are composed of two simple reflexive stems attaching specific case-markers and reflexive or 3rd person markers. The complex reflexive structure is compared with the structure of the Buryat reciprocal that is composed of the same stems, but has stronger restrictions.

It is proposed to analyze the complex reflexive forms as a combination of a reflexive itself and an intensifier which at the first stage of derivation occupy different syntactic positions as the intensifying component and the antecedent of the reflexive at a certain stage should form a single constituent.

Keywords: Altaic languages, Mongolic languages, Buryat, anaphora, complex reflexive.

Sofia O. Nikiforova. Adverbial verbs in Modern Hebrew

This work focuses on semantics of the constructions with adverbial verbs in Modern Hebrew. These constructions contain a verb with partly adverbial meaning, which is not a matrix verb in general but can acquire a sentential argument (an infinitive) and in this case serves to describe some parameter of the situation denoted by this infinitive (e. g. *lehaarix* ‘prolong’ → ‘for a long time’). We provide a classification of verbs that form such constructions. Based on meanings of the constructions and their behavior in the context of negation, two different types of their semantic structure are proposed.

Keywords: Modern Hebrew, adverbial meanings, adverbial verbs, sentential arguments, semantics.

Elizaveta A. Ryzhkova. Clarification of the status of some spatial adpositions in Ingrian Finnish

The issue this article is dedicated to is about the extent to which Ingrian adpositions *väli-* ‘between’, *keske-* ‘in the middle of’, *(i)e-* ‘in front of’, *ümpär-* ‘around’, *viere-* ‘beside’, *piä-* ‘on’, *luo* ‘next to’ are grammaticalized. In order to place these items on the Noun — Adposition scale syntactic tests were carried out. On the whole, the items are of different grammaticalization stages and can be classified neither as adpositions nor as nouns.

Keywords: Ingrian Finnish, adpositions, grammaticalization.

Ivan V. Sarkisov. On ergativity in Neo-Aramaic languages

This research examines the ergativity in Neo-Aramaic languages. It is based on the materials of the previous works and field studies. The results show that the system of Neo-Aramaic preterit constructions, that is usually being called «ergative», in sober fact is not ergative. In reality in Neo-Aramaic languages two different systems of the marking of verbal arguments can be found: a nominative alignment with the reversed meaning of agreement suffixes and an active alignment, while the real ergativity never appears.

Keywords: Neo-Aramaic languages, ergativity, active alignment, Semitic languages.

Maria A. Sidorova. Number marking of nouns in quantified expressions in Hill Mari

This article deals with number marking in different types of quantified expressions in Hill Mari. The aim of the study was to find out, which factors have an influence on number marking within such expressions and examine the way they interact. As a result, a peculiar set of rules was discovered (the plural marking is favored by such factors as dependents, syntactic position and distributive interpretation). In addition, these factors seem to be underdescribed in typology of numeral constructions.

Keywords: Hill Mari, number marking, numeral constructions, numerals, quantifiers, variability.

Evgenija A. Sudarikova. Possession and relativity in Chukchi, the example of the markers *-in(e)/-en(a)* and *-kin(e)/-ken(a)*

This article includes the study of the properties of possessive and relative markers in the Chukchi language, such as plurality of possessor, incorporation, possessed predicates. Possessive and relational markers influence on the position of nouns on the animacy hierarchy. The animacy hierarchy in Chukchi language is compared to the universal hierarchy [Croft 2003] and hierarchy in Koryak language [Kurebito 2004].

Keywords: Chukchi, possessive forms, relational forms, animacy hierarchy.

Daniel B. Tiskin. External in internal adverbial modification in Russian prepositional phrases of the type Pred+Adj+N

The paper discusses the competition between word order strategies in Russian, where an adverb modifying an adjective within a prepositional phrase may be itself either within the PP or to the left of it. Several factors are shown to condition the choice of word order, including the properties of the NP complement of the preposition, the choice of the adverb and, importantly, the length of the preposition. An analysis of leftward displaced modification in terms of the PF lowering of the preposition is sketched.

Keywords: clitics, gradable adjectives, noun phrase, post-syntactic lowering, prepositional phrase, Russian, word order.

Evgenija A. Khristoforova. Agentivity of semantic classifiers in Russian Sign Language

Semantic classifiers in sign languages is one of the types of classifiers. These elements indicate their referents, by referring them to a certain class of entities (class of humans, animals, etc.). Among eleven semantic classifiers observed for Russian Sign Language [Khristoforova 2016] three can refer to animated entities. According to corpus data, it is possible to use several different semantic classifiers to encode the same animated referent. We hypothesized that the choice between these three classifiers might be motivated by a particular semantic role of the referent. The paper presents the analysis of semantic roles of the animated referents in the corpus aimed to examine this hypothesis. We came to the conclusion that all three classifiers can refer to Agent, but only one of them is always restricted to an animate referent.

Keywords: sign languages, Russian Sign Language, classifiers, semantic classifiers, Agent, Theme, classifier predicates.

Andrea Ariza-García. Phonation types and tones in Zapotec languages: a synchronic comparison

The languages of the world display different types of interactions between tone and voice quality. This study investigates the typological diversity of vowel phonation and its interaction with tone in Zapotec languages. For the study, ten Zapotec languages were selected, representing the traditional and geographical internal classification of this subgroup. These languages are synchronically and diachronically compared regarding their phonation inventories to establish a preliminary typology. Furthermore,

the simultaneity of tone and voice is compared across the ten languages establishing that the interaction of these two prosodic features, in the majority of these languages, corresponds to what has been called a *mixed system* [Kuang 2013]. A *mixed system*, with regards to the relationship between tone and voice, is the co-occurrence of contrast and correlation between certain tones and certain phonation types.

Keywords: Zapotec languages, phonation types, tones, voice quality, pitch, prosodic features, typology, laryngeal complexity, mixed systems.

Simone Mattiola. Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance

This paper investigates how pluractional constructions work in three specific languages adopting the analysis proposed in Mattiola [2017a]. Cross-linguistically, these constructions are multifunctional and can be explained through semantic maps. These case studies also raise certain issues on the grammatical status of pluractionality: cross-linguistically grammatical categories are not universal, but they seem to be best conceived as comparative concepts [Haspelmath 2010].

Keywords: pluractionality, typology, semantic maps.

Varia

Ekaterina O. Borzenko. *Vchera stanovitsja vcheree*: non-standard adverbial comparatives in Modern Russian

This article is devoted to the unusual forms of comparative formed from adverbs in the modern Russian language. Through analysis of the texts of the Internet are revealed the most frequent comparatives of this kind: *gorazdee* (770 occurrences), *davnee* (200) and *vperedee* (from *vperedi*) (152). Altogether there were discovered non-standard comparatives from 86 adverbs. The total number of such comparatives is 2163. Such forms are formed by addition of the suffix of the comparative *-ee/-ej* to the base adverb, the last vowel of this adverb (*sleva* — *sleevee*) and sometimes also the former ending of the noun-base of the adverb (*rjadom* — *rjadee*) are truncated. Non-standard comparatives formed from adverbs are in many respects similar in the semantics of graduality to comparatives from qualitative adjectives. All semantic groups of adverbial comparatives correspond to semantic groups of the adverbial comparative forms, and every adverb in the formation of comparative acquires the grading scale:

either external (e.g., temporal scale, spatial scale or scale of the necessity) or internal. In the latter case the feature indicated by the adverb, in the form of comparative indicates the greater closeness to the prototype of this feature. If a sign indicated by the adverb originally can be calibrated, the native speaker only overcomes formal restrictions on the formation of comparative (*inogdee* from *inogda*). These forms have various syntactical functions in the sentence: for example, quite often they perform the function of the predicate and the adverbial modifier and less often the function of the definition. The number of such comparatives is growing from year to year, which may be a reason to assume that they will soon become standard in the language.

Keywords: adverb, comparative, non-standard comparatives, adjectival semantics, graduality.

Sergei B. Klimenko, Maria V. Stanyukovich. Yattuka and Tuwali Ifugao hudhud: Yattuka, Keley-I, and Tuwali Ifugao interference

The hudhud — epic genre in the Ifugao province of Northern Luzon — is sung in at least three languages: two Central Cordilleran languages — Tuwali Ifugao and Amganad Ifugao — and one Southern Cordilleran language — Yattuka. There have been numerous claims that Tuwali hudhud texts employ elements from one or more Southern Cordilleran languages. The paper attempts to address the following questions: (i) which Southern Cordilleran language do these elements come from — Keley-i, Yattuka, or both; (ii) is there any linguistic evidence of Southern Cordilleran origin of hudhud genre; (iii) are there elements borrowed from Tuwali in Yattuka hudhud? These issues are approached through examination of possible grammatical and lexical borrowings in several hudhud texts in Tuwali and Yattuka. The major findings include a limited amount of grammatical interference both in Yattuka and Tuwali texts and a more conspicuous number of lexical borrowings in Tuwali texts, although a minor number of Tuwali borrowings is also present in Yattuka texts.

Keywords: Ifugao; Yattuka; Philippines; epic; interference; hudhud.

Tatiana V. Repnina. Iterative conditional constructions (based on the Catalan language)

The article focuses on iterative conditional constructions in Catalan language. The author analyses Iterativity expression forms are analysed: verb tenses and modes, adverbial modifiers. The author distinguishes five

models of the iterative conditional constructions: 1) imperfect indicative both in protasis and in apodosis; 2) present indicative both in protasis and apodosis; 3) present indicative in protasis and future indicative in apodosis; 4) imperfect indicative or conjunctive in protasis and present indicative in apodosis; 5) pluperfect conjunctive in protasis and perfect conditional in apodosis. In addition, the author concludes that the increase of the irrealis meaning correlates with the loss of iterativity.

Keywords: conditional constructions, constructions with two predicates, iterative constructions, iterativity, Catalan language.

Natalia V. Serdobolskaya. Asyndetic complements with the verb *dumat'* in Russian

The verb *dumat'* in Russian can take asyndetic complement clauses, e.g. *A my-to dumali, oni normal'nye arendatory*. I show that the complements of this class, unlike direct speech constructions, require preposing of the clause with the verb *dumat'*, do not allow imperative and negation with *dumat'*. Besides, the discussed construction differs from parentheticals with the same verb (*On, yadumayu, ne priedet*): it can host various kinds of adverbials, focus particles, appositions, converb clauses and other types of dependent clauses. The verb *dumat'* in the constructions in question is a state and denotes opinion (and not pondering, see Apresyan 2015). The discussed construction can be diagnosed as an answer to a question concerning the opinion of the addressee. Semantically, it is close to parentheticals; however, it allows the false opinion reading, as well (unlike parentheticals).

Keywords: complementation, sentential complements, mental verbs, direct speech, indirect speech.

Andrey N. Sobolev, Maksim L. Kisilier, Vyacheslav V. Kozak, Daria V. Koner, Anastasia L. Makarova, Aleksander Yu. Rusakov. South-Slavic dialects in the symbiotic societies of the Balkan

The paper presents new diachronic and synchronic data from the zones of intensive Slavic-non-Slavic contact in South-Eastern Europe within the framework of major theoretical issues of the Balkan and general contact linguistics. The contact induced change and variation through time and space (on the Island of Krk, in Tsakonia, in Prespa, in Golo Bordo, in Mrkovići and in Caraşova) reveal the general paths of language convergence and the restrictions that apply to that convergence. Historically changing social circumstances of contact, such as symbiosis

Summaries and Keywords

with dominant and non-dominant bilingualism are taken into consideration together with the roles of a high culture language vs. a language of traditional culture.

Keywords: Balkan languages, Balkan Sprachbund, language contact, symbiotic societies, Krk, Tsakonia, Prespa, Golloborda, Mrkovici and Karashevo.

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ. ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Международный журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал

для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее 2-х лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если

оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он/она должны незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах)

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок. В ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;

— корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «ACTA

LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

Язык публикаций

Журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

The International Journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the Journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

Authorship Issues

When submitting a paper to publish in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and to any other publication is

prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

Copyright and Open Access

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

When sending materials for consideration by the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is

passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

Accuracy of Information

The Authors of the papers submitted to the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

Review Process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he is to inform the Editor of this and recuse himself. Contacts between the Reviewer and the Author

maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

Duties of the Editorial Team Members

Managing/Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

Editorial Board

The international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

Our Languages

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы Тринадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2016 г.)

П. М. Аркадьев (Москва)

Взаимодействие акциональности, аспекта и времени в условных
конструкциях кубанского диалекта кабардино-черкесского языка9

Д. А. Бикина (Москва)

Двойное маркирование неопределенности в горномарийском языке.....37

А. Д. Бочкова (Москва)

Числовое маркирование существительных в горномарийском языке61

А. И. Виняр, Е. А. Герасименко (Москва)

Несинтаксические ограничения на инкорпорацию в чукотском.....78

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко (Москва)

Глагольные деривации чукотского языка
сквозь призму глагольной множественности.....111

А. Р. Гарейшина (Москва)

Коррелятивы в горномарийском языке —
относительные предложения или топик?132

Ф. В. Голосов, А. А. Козлов (Москва)

Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка..154

Т. И. Давидюк (Москва)

Латив в горномарийском языке195

Е. В. Деликанова (Москва)

О двух частицах в бурятском языке.....216

И. А. Зибер (Москва)

Вариативность и звуковые изменения:
о случаях ассимилятивной лабиализации гласных.....243

Contents

<i>Е. В. Кашкин (Москва — Томск), Д. О. Жорник (Москва), М. А. Сидорова (Москва)</i> Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями 'открыть' и 'закреть').....	271
<i>М. А. Нагорная (Москва)</i> Составной рефлексив в бурятском языке	305
<i>С. О. Никифорова (Утрехт)</i> Адвербиальные глаголы в иврите	334
<i>Е. А. Рыжкова (Красноярск)</i> Уточнение статуса некоторых пространственных адлогов в ингерманландском финском	357
<i>И. В. Саркисов (Москва)</i> К вопросу об эргативности в новоарамейских языках	380
<i>М. А. Сидорова (Москва)</i> Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях	400
<i>Е. А. Сударикова (Москва)</i> Посессивность и относительность в чукотском языке на примере показателей <i>-in(e)/-en(a)</i> и <i>-kin(e)/-ken(a)</i>	428
<i>Д. Б. Тискин (Санкт-Петербург)</i> Внешняя и внутренняя адвербиальная модификация предложных групп типа PRED+ADJ+N в русском языке	444
<i>Е. А. Христофорова (Москва)</i> Агентивность семантических классификаторов в русском жестовом языке	468
<i>A. Ariza-García (Aarhus)</i> Phonation types and tones in Zapotec languages: a synchronic comparison	485
<i>S. Mattioli (Bologna)</i> Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance	517

II. Varia

<i>Е. О. Борзенко (Москва)</i> <i>Вчера становится вчерее: нестандартные</i> <i>отадвербиальные компаративы в современном русском языке</i>	555
<i>S. B. Klimenko, M. V. Stanyukovich (St. Petersburg)</i> <i>Yattuka and Tuwali Ifugao hudhud:</i> <i>Yattuka, Keley-I, and Tuwali Ifugao interference</i>	585
<i>T. B. Репнина (Санкт-Петербург)</i> <i>Итеративные условные конструкции в каталанском языке</i>	637
<i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> <i>Семантические особенности</i> <i>бессоюзной конструкции при глаголе думать в русском языке</i>	656
<i>А. Н. Соболев (Санкт-Петербург — Марбург), М. Л. Кисилиер</i> <i>(Санкт-Петербург), В. В. Козак (Санкт-Петербург), Д. В. Конёр</i> <i>(Санкт-Петербург), А. Л. Макарова (Санкт-Петербург — Цюрих),</i> <i>М. С. Морозова (Санкт-Петербург), А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург)</i> <i>Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан</i> ...	685
<i>М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)</i> <i>Рецензия на:</i> <i>Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке:</i> <i>опыт исследования грамматической семантики.</i> <i>Прага: Animedia Company, 2016</i>	747
<i>Сведения об авторах</i>	761
<i>Аннотации и ключевые слова</i>	770
<i>Этические требования</i>	793

CONTENTS

I. Proceedings of the Thirteen Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (2016)

<i>Petr M. Arkadiiev (Moscow)</i> Interaction of actionality, aspect and tense in conditional constructions in the Kuban dialect of Kabardian	9
<i>Daria A. Bikina (Moscow)</i> Double marking of indefiniteness in Hill Mari	37
<i>Anna D. Bochkova (Moscow)</i> Number marking of nouns in Hill Mari	61
<i>Aleksej I. Vinyar, Ekaterina A. Gerasimenko (Moscow)</i> Non-syntactic restrictions on incorporation in Chukchi	78
<i>Oleg S. Volkov, Daria I. Ignatenko (Moscow)</i> Verbal derivations in Chukchi towards the domain of pluractionality	111
<i>Anastasia R. Garejshina (Moscow)</i> Correlatives in Hill Mari — relative clauses or topic?.....	132
<i>Fedor V. Golosov, Aleksej A. Kozlov (Moscow)</i> Perspective point in past tenses' system in Hill Mari	154
<i>Tatiana I. Davidjuk (Moscow)</i> Lative in Hill Mari	195
<i>Elena V. Delikanova (Moscow)</i> On two Buryat particles	216
<i>Inna A. Sieber (Moscow)</i> Variation and sound change: on cases of assimilative vowel labialization..	243
<i>Egor V. Kashkin (Moscow — Tomsk), Daria O. Zhornik (Moscow), Maria A. Sidorova (Moscow)</i> Typological discoveries in the domain of closing (a study of the semantics of verbs with the meanings 'to open' and 'to close').....	271

<i>Maria A. Nagornaja (Moscow)</i> Complex reflexive in Buryat.....	305
<i>Sofia O. Nikiforova (Utrecht)</i> Adverbial verbs in Modern Hebrew	334
<i>Elizaveta A. Ryzhkova (Krasnoyarsk)</i> Clarification of the status of some spatial adpositions in Ingrian Finnish ...	357
<i>Ivan V. Sarkisov (Moscow)</i> On ergativity in Neo-Aramaic languages.....	380
<i>Maria A. Sidorova (Moscow)</i> Number marking of nouns in quantified expressions in Hill Mari.....	400
<i>Evgenija A. Sudarikova (Moscow)</i> Possession and relativity in Chukchi, the example of the markers <i>-in(e)/-en(a)</i> and <i>-kin(e)/-ken(a)</i>	428
<i>Daniel B. Tiskin (St. Petersburg)</i> External in internal adverbial modification in Russian prepositional phrases of the type Pred+Adj+N	444
<i>Evgenija A. Khristorova (Moscow)</i> Agentivity of semantic classifiers in Russian Sign Language	468
<i>Andrea Ariza-García (Aarhus)</i> Phonation types and tones in Zapotec languages: a synchronic comparison	485
<i>Simone Mattioli (Bologna)</i> Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance	517

II. Varia

<i>Ekaterina O. Borzenko (Moscow)</i> <i>Vchera stanovitsja vcheree:</i> non-standard adverbial comparatives in Modern Russian	555
<i>Sergei B. Klimenko, Maria V. Stanyukovich (St. Petersburg)</i> Yattuka and Tawali Ifugao hudhud: Yattuka, Keley-I, and Tawali Ifugao interference	585

Contents

<i>Tatiana V. Repnina (St. Petersburg)</i> Iterative conditional constructions (based on the Catalan language)	637
<i>Natalia V. Serdobolskaya (Moscow)</i> Asyndetic complements with the verb <i>dumat'</i> in Russian	656
<i>Andrey N. Sobolev (St. Petersburg — Marburg), Maxim L. Kisilier (St. Petersburg), Vyacheslav V. Kozak (St. Petersburg), Daria V. Koner (St. Petersburg), Anastasia L. Makarova (St. Petersburg — Zürich), Aleksander Yu. Rusakov (St. Petersburg)</i> South-Slavic dialects in the symbiotic societies of the Balkan	685
<i>Maria A. Ovsjannikova (St. Petersburg)</i> Review: N. R. Dobrushina. Soslagatel'noe naklonenie v russkom iazyke: opyt issledovaniia grammaticheskoi semantiki [Subjunctive mood in Russian: a study of grammatical semantics]. Prague: Animedia Company, 2016	747
Contributors	766
Summaries and Keywords	782
Publication ethics and publication malpractice statement.....	799

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головки.

Т. XIV. Ч. 2. I. Материалы Тринадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2016 г.) / Ред. С. А. Оскольская, А. П. Выдрин, Н. М. Заика, Д. Ф. Мищенко; II. Varia.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 811 с.

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовила С. А. Оскольская

Материалы издания доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Подписано в печать ДД.ММ.ГГГГ
Формат 60×88 1/16. Печать цифровая
Усл. печ. л. 50,75. Тираж 500 экз. Заказ № ???

Издательство РХГА
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>